

САРА ЛАРК

*Цветы
из огненного рая*

КВН
СЕМЕНОГО
ЛОГУНА

-
-
-
-
-
-
-
-

Цветы из огненного рая

Сара Ларк

Немецкие колонизаторы перебираются в Новую Зеландию. Среди них — дочь богатого ремесленника Ида и влюбленный в нее Карл. Парень из бедной семьи, поэтому у их отношений нет будущего. Отец девушки выдает ее за состоятельного Оттфрида Брандманна. Однако Ида несчастна в этом браке: супруг пьет и издевается над ней. Единственный, кто может ее спасти, — Карл. Все, что нужно сделать красавице, — позволить себе быть счастливой. Но ведь не так-то просто нарушить устои и открыть сердце для настоящей любви...

Сара Ларк Цветы из огненного рая

Роман

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2016

© Bastei Lübbe AG, Köln, 2013

© DepositPhotos.com / Victoria Andrea, Good Olga, обложка, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016

ISBN 978-617-12-0628-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть

скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Німецькі колонізатори переїзять до Нової Зеландії. Серед них — дочка багатого ремісника Іда і закоханий у неї Карл. Юнак із бідної сім'ї, тому їхні стосунки приречені. Батько дівчини видає її за заможного Оттфрида Брандманна. Однак Іда нещасна в цьому шлюбі: чоловік пиячить та знущається з неї. Єдиний, хто може її врятувати, — Карл. Усе, що потрібно зробити красуні, — дозволити собі бути щасливою. Але ж не так просто порушити традиції та відкрити серце для справжнього кохання...

Ларк С.

Л25 Цветы из огненного рая : роман / Сара Ларк ; пер. с нем. Е. Бучиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 720 с.

ISBN 978-617-12-0425-6 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3493-7 (Россия)

ISBN 978-3-7857-6071-0 (нем.)

Немецкие колонизаторы перебираются в Новую Зеландию. Среди них — дочь богатого ремесленника Ида и влюбленный в нее Карл. Парень из бедной семьи, поэтому у их отношений нет будущего. Отец девушки выдает ее за состоятельного Оттфрида Брандманна. Однако Ида несчастна в этом браке: супруг пьет и издевается над ней. Единственный, кто может ее спасти, — Карл. Все, что нужно сделать красавице, — позволить себе быть счастливой. Но ведь не так-то просто нарушить устои и открыть сердце для настоящей любви...

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гер)

Переведено по изданию:

Lark S. Die Zeit der Feuerblüten : Roman / Sarah Lark. — Köln : Bastei Lübbe, 2013. — 912 S.

Перевод с немецкого *Екатерины Бучиной*

Дизайнер обложки *Наталья Переверзева*

Благодарности

На этот раз собирать факты для книги мне тоже помогали друзья и те, кому я отдавала текст на вычитку. Я благодарю Клару за переводы с французского и информацию о военной технике, а Фатиму — за то, что поделилась своим знанием португальского языка. Литературный редактор

Мелани Банг-Шредер дала мне ряд ценных советов, технический редактор Магрит фон Коссарт работала не только тщательно, но еще и с головокружительной скоростью. Решающую поддержку оказали Джоан Пузкас и Анна Коц, и, конечно же, моим героем остается Бастиан Шлюк, лучший агент всех времен!

Разумеется, я благодарна всем остальным сотрудникам издательства «Люббе» и агентства Шлюка, успешно продвигавшим эту книгу на рынке. Особо хотелось бы упомянуть Кристиана Штеве из отдела лицензирования, который сделал Сару Ларк известной во всем мире! Я очень рада тому, что смогла познакомиться со своими испанскими читателями — благодаря многочисленным акциям, организованным издательством, выпускавшим мои книги в этой стране.

Хочу поблагодарить также работников книжных магазинов, расставляющих мои книги с большим вкусом и на самых видных местах, так что я сразу нахожу их, к своему огромному удовольствию! Отдельная благодарность тем читателям, которые делятся своими впечатлениями, после того как им удастся побывать в описанных мною уголках Новой Зеландии. Я очень счастлива оттого, что помогаю вам открыть для себя эту замечательную страну!

Сара Ларк

Mehemea ka patai koe ki ahau he aha te mea nui o tenei ao, maaku e kii atu: he tangata, he tangata, he tangata.

Если бы ты спросил меня, что важнее всего на земле, я ответил бы: люди, люди, люди.

Маорийская мудрость

Взросление

Рабен-Штейнфельд — Мекленбург Залив Пераки — Новая Зеландия (Южный остров)

1837 год

Глава 1

— Доброе утро, господин учитель!

Тридцать пять учеников в возрасте от шести до четырнадцати лет дружно поднялись с деревянных скамеек, хором приветствуя вошедшего в класс учителя Бракеля.

Бракель окинул взглядом их лица. На протяжении последних недель занятий не было, но тем не менее многие дети все равно не выглядели отдохнувшими, а, напротив, казались очень усталыми и изможденными. Неудивительно: наверняка дети поденщиков и крестьян на осенних каникулах занимались сбором урожая. Бракель знал, что они от рассвета до заката ползали по распаханым полям, выкапывая топинамбур. Детям малоземельных крестьян приходилось чуть легче, так же как и детям ремесленников. Семьи последних тоже владели участками, но меньших размеров, и урожай с них собирали намного быстрее, нежели с крестьянских угодий.

— Доброе утро, дети! — поздоровался в свою очередь Бракель и жестом велел ученикам занять свои места.

Он удивился, когда Карл Йенш — высокий, но тщедушный тринадцатилетний паренек — не выполнил его указание.

— В чем дело, Карл? — строго спросил учитель. — Хочешь учиться стоя?

Мальчик с несчастным видом покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Я пришел, только чтобы сказать... с завтрашнего дня меня не будет, господин учитель. Некогда мне, работать надо в поле, да и у помещика тоже. А мой отец болен, нам нужны деньги. Поэтому я не могу... поэтому я больше не могу ходить в школу... — Голос Карла звучал так, словно готов был вот-вот оборваться.

Скорее всего, отец запретил ему посещать занятия в более грубых выражениях, и в последний день учебы у мальчика было тяжело на сердце.

Учитель тоже испытывал сожаление. И пусть он предвидел это — дети поденщиков обычно посещали школу всего несколько лет, — но Карла ему было особенно жаль. Мальчик отличался умом и легко усваивал знания, и Бракель даже подумывал о том, чтобы поговорить о нем с пастором. Возможно, Карлу следовало бы продолжить обучение в духовной семинарии. Впрочем, он был еще слишком юн, да и отец его вряд ли согласится на это. Карл прав, его семье нужны деньги, которые он сможет заработать. А помещик...

Рабен-Штейнфельд входил в состав великого герцогства. Бракель мог бы попросить герцога и помещика оказать поддержку смышленому сыну поденщика. Если бы только Йенш не был таким упрямым! Если бы только он — как и многие другие жители Рабен-Штейнфельда — не затевал ссор с великим герцогом!

Поместный дворянин был приверженцем реформатской церкви[1], так же как и король, и почти вся знать. Однако в Рабен-Штейнфельде

подавляющее большинство населения придерживалось учения старолютеран[2], и община не упускала ни малейшей возможности напомнить об этом своему помещику. К счастью, он не наказывал и не преследовал за это своих подданных, как поступал до недавних пор король Пруссии. Однако разногласия с народом и священниками вызывали у него раздражение, и вряд ли он станет оплачивать обучение сына одного из этих упрямецев, чтобы в его владениях появился очередной строптивый пастор.

Бракель вздохнул.

— Очень жаль, Карл, — приветливо произнес он. — Впрочем, ты очень любезен, раз предупредил о своем уходе. — Обычно дети поденщиков просто переставали появляться на занятиях, как только им исполнялось тринадцать. — Что ж, ступай с богом, дитя мое.

Пока Карл собирал с парты карандаши, грифель и грифельную доску, учитель Бракель обернулся к своей единственной теперь любимой ученице. Ида Ланге представляла собой необъяснимую загадку природы. Бракель все время задавался вопросом, почему Господь покарал сына Ланге слабым рассудком, в то время как Ида, его старшая сестра, впитывала знания, словно губка. При этом природа не обделила ее и красотой. У двенадцатилетней девочки были блестящие темно-каштановые волосы и голубые глаза фарфоровой куклы. Ее миловидное лицо в форме сердечка выражало кротость и смирение: наверняка это было следствием строгого отеческого воспитания. Якоб Ланге, кузнец, владел совсем небольшим участком земли и мог бы позволить Иде учиться и дальше, но раз она девочка, то об этом и речи не шло. Учитель не сомневался в том, что примерно через год Ида тоже уйдет из класса.

Однако сейчас она все еще прилежно училась, в то же время украшая скучные будни Бракеля. Бракель был учителем по призванию. Такие школьники, как Карл и Ида, радовали его, хотя занятия с бестолковыми крестьянскими детьми, не интересовавшимися чтением и письмом, скорее его утомляли. Иногда ему казалось, что его главный успех заключается в том, что он не позволяет им уснуть во время занятий.

— Ты принесла нам новую книгу, Ида... э-э-э... Антон?

На парте старшего сына Ланге лежала тоненькая книжка — «Путешествие капитана Кука». Не похоже было на то, что мальчик увлечен ею. Однако учитель помнил, как Ида еще вчера, когда они встретились в церкви, с восторгом рассказывала о том, что ее отец привез из Шверина новую книгу. Иногда такое случалось. Якоб Ланге испытывал интерес к экзотическим странам и пытался привить его также и своим детям. Его любопытство не было типичным для ремесленника, к тому же

правоверного старолютеранина, но Бракель полагал, что Ланге подумывает об эмиграции. Кузнец и признанный знаток лошадей, он наверняка был недоволен тем, что не может обзавестись землей здесь, в деревне, а только брать ее в наследственную аренду. Из-за этого Ланге постоянно ссорился с помещиком, рискуя тем, что тот, чего доброго, вышвырнет его из своих владений, как бы высоко ни ценил его труд. За последние годы многие старолютеране уехали в Америку. Возможно, Ланге задумал нечто подобное.

Антон, его сын, кивнул со скучающим видом и пододвинул книгу Иде. Однако девочка не схватила ее с радостью, чтобы представить всему классу, как предполагал учитель, а поглядела на Карла, который никак не мог отойти от своей парты. Книга вызвала его интерес, а он сам, судя по всему, — сочувствие Иды.

— Ида! — одернул ее Бракель.

Девочка взяла себя в руки и подняла голову.

— Это очень странная книга, — произнесла она тонким и нежным голоском, способным завладеть вниманием отъявленных лентяев, стоило Иде начать читать. — В ней говорится о капитане, который путешествует по морям и открывает новые земли! И, представляете, господин учитель, она была написана на другом языке! Для того чтобы мы могли прочесть эту книгу, ее пришлось сначала пере... перевести!

Ида ткнула пальцем в имя автора, которого звали Джон Хоксворт.

— С греческого? — послышался голос Карла.

Мальчик не смог удержаться. Ему давно пора было уйти, однако новая книга напомнила ему о другой истории мореплавателя, которую когда-то рассказывал своим ученикам Бракель. В ней речь шла о человеке по имени Одиссей, которому довелось пережить такие приключения в Древней Греции, что прямо-таки дух захватывало.

Бракель покачал головой:

— Нет, Карл. Джон Хоксворт написал историю капитана Кука на английском языке. Кроме того, это не поэма, как «Одиссея», а история, основанная на фактах. Но теперь тебе нужно решиться, Карл. Если хочешь остаться — садись. В противном случае...

Карл направился к двери. С сожалением и завистью он бросил последний взгляд на класс, а когда он посмотрел на Иду, учителю показалось, что в его глазах промелькнуло нечто похожее на нежность.

Девочка Карлу нравилась. Иногда, когда он работал в полях и ничто не мешало ему размышлять, он позволял себе помечтать. В такие моменты он видел себя взрослым молодым человеком и в своем воображении сватался

к Иде Ланге, заводил с ней семью и каждый божий вечер возвращался к ней, а она ждала его. Каждый день он слышал ее нежный голос, каждое утро в школе он первым делом смотрел на ее гладкие и мягкие волосы, ее красивое и доброе лицо. Иногда у него появлялись и греховные мысли, но их Карл себе строго-настрого запрещал. В принципе, он должен был запретить себе и безобидные грезы о совместном будущем с этой девочкой, поскольку им не суждено исполниться. Даже если бы Ида однажды ответила на его чувство — а повода думать, что когда-нибудь такое случится, она ему не давала, — ее отец ни за что не одобрит союз с сыном поденщика. Это было вполне понятно, и Карл не сердился на Якоба Ланге за это. Он и сам не хотел бы, чтобы Ида жила так, как живет его мать.

Семья Йенш едва держалась на плаву. Отец Карла, его мать и вот теперь и он сам день-деньской трудились на полях помещика или брались за другую работу. Платили им пфенниг в час, но только мужчинам, а зачастую они не получали даже этих денег, поскольку с ними рассчитывались натурой. Вот и сегодня Карл вряд ли увидит звонкую монету, после того как выкопает последний картофель, проведя на этом поле десять часов. Скорее всего, нанявший Карла хозяин отправит его домой с мешком топинамбура...

Принимаясь за работу на чужой земле, Карл предавался невеселым мыслям. Наверное, Петеру Брандманну, плотнику, недосуг самому убирать урожай, а его сыновья Оттфрид и Эрих, судя по всему, не успели сделать это во время осенних каникул. Впрочем, удивительно, что они не справились: Брандманн, подобно другим малоземельным крестьянам, имел всего один морген[3] земли. Половину его занимало картофельное поле, а другую половину — огород, который энергичная жена Брандманна обрабатывала самостоятельно. Карл выкопает весь картофель всего за пару дней. Но Эрих еще маленький, а Оттфрид и в школе не блистал. Наверное, они не слишком старались.

Подобные мысли заставляли Карла еще быстрее махать мотыгой, чтобы дать хоть какой-то выход клокотавшей в душе ярости. Он чувствовал гнев постоянно с тех самых пор, как отец приказал ему уйти из школы. А ведь Карл никогда не отказывался от отцовских поручений. Мальчик прекрасно знал, что семья нуждается в деньгах. Он проводил в школе всего несколько утренних часов, и это не мешало ему зарабатывать. Он мог бы наверстывать упущенное во второй половине дня, да и вечером тоже что-то наверняка нашлось бы! Даже грядущей зимой! Парень с размаху швырял выкопанный картофель в корзину.

Только через полчаса Карл немного успокоился, вытер пот со лба и

закусил губу. Нет, он не имеет права злиться на отца. В холодное время года достаточно сложно найти работу в дневные часы. После захода солнца всякий труд в крестьянских дворах и ремесленных мастерских прекращался. Да и не требовались обычно поденщики в этих мастерских. В них вполне справлялись сами владельцы, малоземельные крестьяне, или их подмастерья, а после школы им помогали собственные дети, изучавшие также и ремесло. Он же никогда не сможет ничему научиться...

Преисполнившись разочарованием, Карл снова вонзил мотыгу в черную землю. Единственной надеждой для него оставалась духовная семинария, о которой как-то говорил учитель Бракель. Однако теперь с этим тоже покончено. Карл держался изо всех сил, но в конце концов на глаза навернулись слезы. Он решительно вытер их рукавом. Мальчики не плачут. А добрый христианин принимает свою судьбу со смирением...

Солнце поднялось уже высоко. Дети возвращались из школы, пробегая мимо поля Брандманна, — в основном это были дети крестьян, дворы которых располагались между деревней и помещичьим замком. Дома, мастерские и небольшие наделы ремесленников теснились вокруг центра деревни, где стояли церковь и школа. Однако кузница Якоба Ланге находилась на самом дальнем краю поселения. Карл поймал себя на том, что высматривает среди школьников Иду. Если она не пойдет другой дорогой, например, чтобы заглянуть в какую-нибудь лавку, возвращаться домой она будет именно здесь.

Вскоре Карл увидел ее брата и сестру: Элсбет бежала вприпрыжку, а Антон с недовольным видом следовал за ней. После обеда он тоже будет работать в поле или, если повезет, в кузнице. Ланге не поощрял безделья, его дети трудились не меньше, чем поденщики. Но они по крайней мере могли надеяться на лучшее...

Расстроившись из-за того, что Иды с ними нет, Карл отвернулся от дороги и снова принялся махать мотыгой. Он вздрогнул, когда кто-то позвал его по имени — звонким и нежным голосом.

— Ида! — Карл обернулся и с трудом сумел сдержать улыбку. Затем он взял себя в руки и постарался придать своему лицу равнодушное и мрачное выражение, свойственное всем поденщикам за работой. — Что... что тебе нужно?

Мальчик надеялся, что это прозвучало не слишком грубо. Вообще-то он с удовольствием поболтал бы с Идой, но если она взглянет на него слишком пристально, то заметит слезы на его глазах...

Ида что-то протягивала ему.

— Вот, — сказала она. — Ты забыл тетрадь.

Карл не стал подходить к ней ближе, чтобы забрать школьную тетрадку. На самом деле он не забыл ее, это была тетрадь с домашним заданием — Бракель собрал их перед началом осенних каникул. Она лежала на кафедре вместе с другими, но Карл не осмелился спросить у учителя о ней. Хотя раньше он хранил ее как зеницу ока. У него не было собственной тетради, пока учитель не подарил ему эту в прошлом году.

— Ты получил единицу, — продолжала Ида. — Это была самая лучшая работа...

Теперь уже Карл не смог удержаться. Еще хоть раз увидеть слово «отлично», написанное твердым угловатым почерком учителя Бракеля, красными чернилами... Он подошел ближе, снял шапку и машинально провел рукой по светлым взлохмаченным волосам. Перед школой он побрызгал на кудри водой, но теперь их растрепал ветер. Не в самом лучшем виде он предстал перед девочкой, к которой мысленно сватался: Карл стыдился и своей поношенной рубахи, и широких рабочих штанов.

Ида отдала ему тетрадь. В темном платье и белом переднике она выглядела замечательно. Ее одежда тоже отличалась простотой, но была чистой и не такой ветхой. Иде не приходилось донашивать вещи за старшими сестрами, и временами ей доставались совсем новые платья.

— Я сказала учителю, что отдам ее тебе, — сказала девочка, когда Карл открыл тетрадь. — Я...

Иде хотелось добавить кое-что еще, но не могла же она признаться Карлу, что после школы не спешила домой, дожидаясь, пока уйдут другие ученики. А потом попросила у учителя тетрадь Карла.

— Она мне больше не нужна, — сдавленным голосом произнес мальчик. — Могла и не приносить.

Ида теребила свою косу, доходившую ей почти до самых бедер.

— Будь я на твоём месте, мне бы хотелось забрать ее, — с несчастным выражением лица ответила она.

И тут Карл осознал, что Ида прекрасно понимает его. Ей тоже нравилось ходить в школу, и она тоже не могла надеяться на то, что будет учиться дальше, после того как ей исполнится тринадцать лет.

Несмотря на напускную мрачность, Карл все же улыбнулся ей.

— Я не это имел в виду, — пробормотал он. — Я... Спасибо, я... Мне тоже хотелось оставить ее себе.

Ида потупилась.

— Мне жаль, — произнесла она.

Карл пожал плечами:

— Ничего не поделаешь. Но... историю про капитана Кука я бы все же

послушал.

Ида просияла, ее светлые глаза засверкали.

— О, это просто потрясающая история! — начала она, мгновенно завожожив Карла звучанием своего певучего голоса. — Представляешь, в Англии было общество ученых, которое снарядило корабль, чтобы на нем можно было отправиться в южные моря и наблюдать там за звездами! За звездами, ты слышишь? И ради этого они потратили столько денег!

— Но ведь звезды можно увидеть и здесь, — удивился Карл. — Зачем ради этого плыть в южные моря?

— Наверное, там они сверкают ярче, — ответила Ида. — И там, на другой стороне земного шара, наверняка видны и другие созвездия... Но это еще не все! У капитана было еще одно задание, тайное! Предполагалось, что на другом конце мира лежит новая земля, совсем-совсем новая, и он должен был исследовать ее. Вместе с ним отправились ученые, занимавшиеся растительным и животным миром... О, они открыли совершенно невероятных, потрясающих животных! А каким опасным было путешествие...

Пока Ида рассказывала, ее тонкие пальцы, покрытые мозолями из-за работы в саду, рисовали в воздухе все те чудеса, о которых она говорила. Карл с восторгом наблюдал за ней, смеялся и удивлялся, а девочка описывала огромных зайцев, которых туземцы называли кенгуру, пестрых рыб, населявших прекрасные и опасные рифы...

За разговором оба позабыли и о времени, и о безыскусном быте родной деревни, которая под осенним солнцем выглядела буднично и скучно, и о скудной земле, на которой они стояли. Рассказ Иды рисовал перед их взорами белоснежные пляжи, раскачивающиеся на ветру пальмы...

Внезапно рядом затарахтела повозка, запряженная крупным тяжеловозом, и Карл с Идой вернулись в реальный мир. Они отпрянули друг от друга, услышав низкий голос Якоба Ланге — голос человека, привыкшего отдавать приказы:

— Ида! Ради всего святого, что ты здесь делаешь? Я только что отругал Антона за то, что он питает на твой счет столь мерзкие подозрения. Моя дочь, говорил я ему, не бродит после школы где попало и тем более не общается с парнем, который...

— Она всего лишь принесла мне тетрадь! — осмелился возразить Карл, стремясь защитить девочку.

Сама Ида явно не собиралась оправдываться. Пристыженная, она потупилась, кусая нижнюю губу.

— Ей учитель... учитель велел, — добавил Карл.

Эту отговорку могла бы придумать и сама Ида, но при виде отца девочка, всегда такая веселая, словно оцепенела от ужаса.

— Учитель велел отдать тебе тетрадь? — усмехнулся Ланге. — Велел это сделать моей дочери? Да ты же сам в это не веришь, Йенш! Кроме того, сын сказал мне, что ты не ходишь в школу с сегодняшнего дня. Так зачем тебе тетрадь-то?

Ланге остановил повозку рядом с детьми, бросил сердитый взгляд на раскрытую тетрадь, лежащую на горке картофеля в большой корзине. Карл отложил ее, чтобы поболтать с Идой. Должно быть, Якоб Ланге сумел разобрать почерк учителя Бракеля, даже сидя на козлах. Он поморщился.

— Лжет, еще и нос задирает! — фыркнул он. — Выставляет свои оценки на всеобщее обозрение, как будто это может изменить то место, которое указано тебе Господом! Постыдился бы, Йенш!

Карл знал, что следует смиренно потупиться, подобно Иде. В конце концов, Якоб Ланге тоже иногда давал поденщикам работу. Лучше было не злить его. Но мальчик не сумел заставить себя смириться. Более того, он сердито сверкнул глазами на кузнеца.

— Откуда вам знать, что указано мне Господом? — упрямо поинтересовался он.

Услышав его слова, Ида, казалось, вздрогнула. Карл заметил, что она пугается даже тогда, когда ее отцу возражает кто-то другой. Несмотря на то что он занимал более низкое положение в обществе, Карл посочувствовал девочке.

Якоб Ланге не удостоил сына поденщика ответом. Вместо этого он снова обратился к дочери.

— Тебе тоже придется подумать о своих грехах, Ида, когда будешь сегодня вечером работать в огороде! — строго произнес он. — Стоишь здесь, крадешь время у Господа Бога, а у Брандманна — рабочую силу в лице этого мальчика, который из-за тебя ворон считает, вместо того чтобы выкапывать картофель. Конечно же, я сообщу об этом Петеру Брандманну. Так что заплатят тебе, парень, чуток поменьше. А теперь идем, Ида!

Ида больше не смотрела на Карла. Опустив голову, она взобралась на повозку, села и свесила с нее ноги. Карлу эта поза показалась странной, но потом он понял, зачем она уселась именно так. Когда Якоб Ланге отъехал, из складок ее юбки выпала тоненькая книжка: «Путешествие капитана Кука». Карлу оставалось лишь поднять ее. Мальчик помедлил, не зная, следует ли догнать повозку и вернуть книгу. Может быть, она действительно ее потеряла? Но тут девочка подняла голову и подмигнула

ему.

Глава 2

— Эту — нет!

Присцилла решительно махнула рукой, прежде чем клиент успел сделать шаг к хрупкой девочке с волосами цвета меда, помогавшей вытирать столы в пабе. Полдень давно миновал, и китобои еще рыбачили на новом судне, на постройку которого их же и нанимал Джордж Хемплмен, когда они не охотились на кита. Лишь позже, воняя потом и ворванью, требуя пива, виски и женщин, они ввалятся в паб Баркера, но девочку эту они уже не увидят. Малышка и сейчас спряталась бы, повинувшись быстрому жесту Присциллы, но этот клиент появился так неожиданно... Высокий, худощавый, в потрепанном черном костюме и в рубашке со странным воротником, он выглядел пристойнее и выражался изысканнее, нежели обычная публика паба. Тем не менее он был весьма настойчив в своем выборе.

— Почему нет? — произнес он на этот раз более резким тоном. — Мистер Баркер сказал, что я могу взять любую!

Все проститутки действительно собрались по зову Баркера в его убогом заведении. Однако клиенту не на ком было остановить свой взгляд. В зале присутствовали лишь подвижная и тощая Присцилла, толстушка Нони и светловолосая стройная Сюзанна. Сюзанна тоже когда-то была красива, но теперь ее апатия так же отталкивала мужчин, как и исходивший от нее запах виски и немытого тела. Молодая женщина носила заскорузлое от грязи платье персикового цвета с блестками. Она никогда его не стирала, никогда не мылась, только если Присцилла и Нони заставляли ее сделать это. Сюзанна смотрела в никуда, и взгляд ее был пустым. Казалось, она даже не замечала клиента и, конечно же, не пыталась защитить от него свою дочь.

— Она еще слишком мала! — решительно заявила Присцилла, указывая на девочку. — Боже мой, вы же видите, преподобный Мортон...

Она скорчила насмешливую гримасу, назвав клиента этим титулом, и сверкнула взглядом на Баркера. В конце концов, владелец паба мог бы и сам отослать девочку! Малышка подняла глаза.

Она знала, что титул «преподобный» имеет какое-то отношение к Церкви, вроде бы миссис Хемплмен упоминала о чем-то подобном, но та, конечно же, называла священников пасторами. Миссис Хемплмен обычно изъяснялась на немецком и предпочитала, чтобы ее называли фрау Хемпельманн. О церковниках она всегда отзывалась с благоговением, и, похоже, ей очень не хватало общения с ними. Однажды мистер Хемплмен

пообещал ей привезти священника, если таковой покажется в их краях. Но вряд ли этот человек был ответом на молитвы Линды Хемплмен. Взгляды у него были такие же похотливые, как и у всех остальных, да и вид его не внушал уважения. Как бы там ни было, его сан и должность объясняли те странные речи, с которыми он тут появился. Как заявил он мистеру Баркеру елеинным голосом, ему необходимо было расслабиться перед отъездом: он собирался нести дикарям слово Божье.

Девочка после этого пришла к выводу, что он — миссионер. Это слово Линда Хемплмен тоже часто произносила, тоскуя по утешениям священника. Ее муж надеялся на то, что вскоре здесь появится миссионер, который обратит в христианскую веру племена маори, живущие на берегах залива Пераки.

— Не такая уж она и юная, — проворчал мистер Баркер, не глядя на Присциллу.

Невысокий и полный хозяин паба был единственным человеком, не считая Сюзанны, знавшим истинный возраст девочки. Он привез Сюзанну с дочерью из Сиднея в Новую Зеландию, рассчитывая обосноваться здесь и начать все заново после того, как его изгнали из портового квартала в Ботаническом заливе[4] в результате ссоры, закончившейся потасовкой. Девочка смутно помнила кулачный бой и летающие над головой ножи, а также то, как Баркер бросил свой паб в Австралии и поспешно сбежал вместе с Сюзанной куда глаза глядят. В какой-то момент к ним присоединились Нони и Присцилла. Девочка помнила, как Присцилла поддерживала ей голову, когда ее тошнило во время путешествия на корабле.

— Ей скоро исполнится тринадцать, и тогда она начнет работать, преподобный! Но до тех пор... — произнес Баркер, который явно испытывал неловкость.

Он, скорее всего, не пощадил бы ребенка, но, судя по всему, побаивался Присциллы. Если она сбежит от него и найдет себе другого сутенера, атмосфера в его публичном доме станет еще более унылой.

Преподобный внимательнее присмотрелся к девочке, заставив ее повернуть к нему лицо с почти совершенными чертами. Орехового цвета глаза казались просто огромными... Вздохнув, миссионер почесал свой пах. Девочка понравилась ему, но, убедившись в том, что она еще совсем ребенок, он осознал, что не сможет найти приемлемой отговорки перед Богом, если возляжет с ней. И он заставил себя изобразить отеческую улыбку.

— Какая же ты хорошенькая, малышка! — ласково произнес он. — Не

скажешь ли, какое имя тебе дали при крещении?

Девочка пожала плечами. Вряд ли кто-то удосужился провести над ней этот обряд, да она толком и не знала, что он имеет в виду. А имя... Даже если к моменту ее рождения Сюзанна была еще настолько вменяемой, чтобы выбрать его самостоятельно, никто не потрудился записать то, что она придумала. Все называли ее Киттен — котенок. Проститутки в борделе Баркера еще в Сиднее нарекли так запущенное, постоянно путавшееся под ногами дитя, потому что оно напоминало им вечно голодного и мяукающего уличного котенка.

— Она некрещеная, — ответил вместо девочки Баркер. — И, кажется, немного отсталая. Мать ее совсем сумасшедшая. Но покладистая, и выглядит неплохо... — Он указал на Сюзанну, тем самым давая клиенту понять, что пора делать выбор.

Тот наконец оставил Киттен в покое и выбрал Нони: не столь привлекательна, но и не столь безумна, как Сюзанна, и не такая энергичная и насмешливая, как Присцилла.

Пышная рыжеволосая женщина послушно поднялась и повела мужчину в одну из хижин, сооруженных из китовых костей и брезента за пабом: в них и жили проститутки Баркера. Кости заменяли древесину всем жителям китобойной станции в заливе Пераки: китобои сколачивали из них невысокие домики, из этого же материала были сделаны столы и стулья в пабе.

Паб представлял собой совсем примитивное строение. Четыре подпорки из не обработанной толком древесины южного бука — тот рос к северу от залива — с небрежно ободранной корой были оббиты щепой, оставшейся после постройки дома Хемплмена. Брезентовые стены плохо защищали от ветра, и тот, задувая внутрь, приносил с пляжа запах разлагающихся китовых туш. Посетители и вечно недовольные проститутки были вынуждены терпеть эту вонь, но зато крыша не протекала.

Киттен с облегчением вздохнула, когда преподобный удалился вместе с Нони, и тут же убежала прочь. К счастью, Баркер не стал возмущаться и не назначил ей время «начала работы». Но девочка заметила, как он разозлился. Всю свою ярость хозяин заведения обрушил на Присциллу.

— Это было в последний раз! — рявкнул он на потрепанную проститутку, которая стоически выдержала его гнев. — Последний раз ты помешала мне распорядиться дочерью Сюзанны! Хватит нам кормить этого котенка. Если бы я знал, во что мне это обойдется, я сразу утопил бы ее, как только эта баба принесла в подоле. Ну да ладно, она хорошенькая и рано

или поздно окупит свое содержание. Если как следует посчитать, то получится, что ей уже исполнилось тринадцать. Судя по тому, что я слышал, у нее каждый месяц течка. Так что не очень-то она и мала.

Киттен, которая задержалась на пороге паба, надеясь подслушать разговор, закусила губу. Присцилла советовала ей как можно дольше скрывать от мистера Баркера тот факт, что с недавних пор у нее начались ежемесячные кровотечения. И она пыталась тайком стирать тряпки, которые давала ей Нони, чтобы удержать кровь. Киттен была отнюдь не отсталой, а очень даже смышленной девочкой, и уже давно привыкла избегать мистера Баркера. Но месяц назад ее выдала Сюзанна. Она нашла тряпку и принялась громко причитать. Кричала что-то о «проклятии Евы» и «злой женской доле». Киттен особенно не прислушивалась к ее словам, однако Баркер, судя по всему, обратил на них внимание. Поэтому он готов был осуществить свои угрозы и сделать Киттен одной из своих публичных женщин.

— После следующего крупного улова и начнет, Прис! — продолжал рассуждать Баркер. — Если в сети Хемплмена попадет что-то стоящее и у парней зазвенят деньги в карманах. Конечно, для начала придется мне ее объездить...

Киттен замерла. О чем это он? Он хочет ее... Жирный Баркер станет первым мужчиной, с которым она...

— Ты? — протянула Присцилла, и в тоне ее появилось нечто новое: ревность!

Киттен вздохнула. Она знала, что Присцилла питает некие чувства к Баркеру, хотя при всем желании не могла понять, что ее вечная заступница нашла в толстом и громогласном владельце публичного дома. Наверное, Присцилла надеется: однажды он захочет, чтобы она принадлежала только ему, и перестанет продавать ее китобоям. Присцилла как-то призналась Киттен, что ненавидит запах ворвани и крови, которым те пропитались. Тогда ей и правда было лучше с Баркером, от которого несло лишь пивом и прогорклым жиром.

— Из ума выжил, что ли? — Тон Присциллы снова изменился. Киттен хорошо ее знала: так она говорила тогда, когда хотела, чтобы люди плясали под ее дудку. — Ты же деньги потеряешь!

Баркер мерзко расхохотался.

— Сладкая моя, она от этого не сломается, — заявил он. — Я на ней еще много заработаю! Вот укрошу ее...

Присцилла фыркнула:

— Ах, она и так послушна! Девочка прекрасно знает, что ничего

другого ей не остается. И, возможно, ей этого даже хочется...

Возмущенная Киттен снова закусил губу. Не думает же Присцилла на самом деле, что ей «этого хочется»! Наоборот, Киттен не желала становиться шлюхой! Она достаточно часто повторяла Присцилле, что намерена жить иначе, чем ее мать! Присцилла и Нони тоже не казались ей образцами для подражания. Да, они сами себя обеспечивали, им хватало на хлеб и выпивку, причем пили они в меру, лишь после работы позволяли себе пропустить не больше одного или двух стаканчиков виски. В любом случае они имели постоянный доход, порой неплохо проводили время и, кажется, даже веселились. У Нони был приятель, который пообещал, что женится на ней, когда заработает немного денег китобойным промыслом. А у Присциллы был Баркер...

— Так зачем трудиться? — поинтересовалась стареющая проститутка. — Или ты ее хочешь? — Этот вопрос она задала с подвохом.

Баркер хрипло рассмеялся, голос его стал слащавым.

— Вот уж нет! Разве тощий цыпленок может меня возбудить? Ты же знаешь, я люблю высоких и сильных женщин...

Киттен попыталась пропустить мимо ушей звуки, недвусмысленно свидетельствовавшие о том, что Присцилла и Баркер принялись ласкать друг друга.

— Тогда руки прочь от малышки! — пригрозила в конце концов Присцилла. — И помни о зарплате! Кое-кому из ребят наверняка захочется быть первым у Киттен.

Девочка услышала хриплый смех Баркера.

— А ведь ты права... — согласился он. — Как думаешь, Прис, сколько я смогу за нее взять? Двойную цену? Тройную от обычной? — Теперь в его голосе звенела жадность. — Или нет, я придумал! Мы устроим аукцион! Кто предложит больше, тот ее и получит. Вот это будет номер, говорю я тебе, как в больших клубах в Англии! Мы все как следует организуем, выставим ее напоказ, причем парни весь вечер будут только смотреть, пока разохотятся, а потом... Ей понадобится красивое платье.

Киттен отвернулась. Дальше слушать она не желала. Уже сейчас ей становилось дурно, и не только от вони, исходившей от лежавшей на пляже туши кита.

Аукцион! И Присцилла не возражала, наоборот, она и натолкнула Баркера на эту идею... Киттен почувствовала, что ее предали. А потом вспомнила, что Присцилла никогда не сомневалась в том, что предназначено Киттен. Пока она была ребенком, Присцилла пыталась защитить ее, да и теперь она наверняка дала бы ей еще пару месяцев или

даже лет. Но все же Присцилла была уверена: одинокая женщина в этой новой, почти необитаемой стране не сможет честно заработать себе на жизнь. Иной судьбы, кроме как стать проституткой, у Киттен не было.

— Ты должна выжать из этого максимум! — подбадривала ее Присцилла, когда Киттен вновь и вновь говорила ей о том, что не хочет идти путем матери. — Да это и не навечно. Ты ведь красавица, и наверняка вскоре найдется парень, который захочет жениться на тебе. Только держись подальше от выпивки и постарайся не влюбиться в первого, кто покажется тебе милым. Выбери кого-нибудь посерьезнее, человека, который будет копить деньги, чтобы однажды завести свое дело... На равнинах за Порт-Викторией осваивают земли. Если тебе немного повезет, станешь фермершей.

Похоже, фермерство казалось Присцилле весьма достойным занятием, но Киттен не имела о нем ни малейшего представления. Она никогда не видела крестьянского двора: ее мир ограничивался окрестностями китобойной станции, и она не знала бы другого дома, кроме паба, если бы не Линда Хемплмен.

Подумав о ней, Киттен сразу почувствовала себя лучше. Возможно, все же есть выход из ее ужасного положения. Джордж Хемплмен был основателем и владельцем китобойной станции. Он наверняка поможет ей, если его попросит об этом жена. Киттен достаточно будет рассказать этой даме о том, что ей угрожает. Девочка вздохнула. Конечно, ей не хотелось огорчать Линду Хемплмен подобными историями, но ничего другого она не могла придумать. Лучше всего сделать это немедленно, поскольку ей все равно пора убираться из паба. Скоро появятся первые мужчины...

Оставив пляж позади, Киттен нырнула в полутьму негустого леса. Здесь, рядом с берегом, росли ропалостилисы и искореженные ветром южные буки, растения, похожие на олеандр, и другие деревья и кустарники, названий которых Киттен не знала. Лес ей нравился. Здесь воздух был более свежим, земля — еще влажной после дождя, и аромат леса не позволял запаху разлагающейся туши проникнуть сюда с побережья. Киттен немного успокоилась, ей даже подумалось, что деревья могут стать ее друзьями...

Но она тут же отчитала себя за нелепые мысли и двинулась по тропе к дому Хемплменов. Тропа довольно круто поднималась в гору. Джордж Хемплмен построил свой дом над лесом, который опоясывал бухту и пляж узкой лентой, а затем взбирался на туссок[5] — поросшую травой возвышенность. Посреди равнины стоял дом, из которого открывался чудесный вид на лес и побережье, и при этом до его обитателей не

доносился неизбежный шум китового промысла и столь же неизбежная вонь разложения. Хемплмен следил за тем, чтобы пойманных китов потрошили там, где их не могли увидеть из дома. Паб и примыкающие к нему хижины также не портили пейзаж для Линды Хемплмен, когда той хватало сил выйти на террасу.

Однако, к сожалению, в последнее время это случалось все реже. Миссис Хемплмен постоянно болела — у нее было слабое сердце. Она страдала от частых приступов, которые надолго приковывали ее к постели. Мистер Хемплмен постоянно говорил о том, что его супругу нельзя волновать — ни при каких обстоятельствах не следовало беспокоить ее проблемами, связанными с китобойной станцией. Поначалу ему не нравились и частые визиты Киттен, но миссис Хемплмен не уставала заверять его в том, что девочка ее только радует.

Джордж и Линда Хемплмен поселились на полуострове Бэнкс в заливе Пераки два года назад, незадолго до того, как сюда приехал Баркер со своими проститутками. Тогда миссис Хемплмен чувствовала себя намного лучше. Конечно, она слышала о женщинах на берегу, приходила посмотреть на них — возможно, надеялась на их общество. Но Присцилла, Нони и тем более Сюзанна не могли составить компанию Линде Хемплмен. Невозможно было даже представить, что проститутки в своих заштопанных и зачастую грязных платьях рассядутся на ее аккуратных диванах и креслах... Как могло их грубое просторечье нарушить тишину, царящую в ее доме, заглушить те нежные приветливые слова, с которыми она обычно обращалась к Киттен?..

Вспомнив, как впервые услышала приятный тихий голос Линды Хемплмен, говорившей на тогда еще незнакомом для нее языке, Киттен улыбнулась. Они с одинокой женщиной из особняка сразу понравились друг другу и вскоре отлично поладили. А началось все с того, что Киттен недоверчиво взглянула на лакомство, которое миссис Хемплмен подарила ей, впервые встретив на пляже. Прежде никто не давал ей сладостей. Слово *Plätzchen*, «печенье», было первым, которое она выучила по-немецки.

— А когда его берут, то говорят *danke*[6]! — сказала миссис Хемплмен после того, как Киттен засунула лакомство в рот обеими руками.

Киттен внимательно посмотрела на нее и повторила незнакомое слово. В доме Линды Хемплмен все разговаривали друг с другом вежливо. Киттен многому пришлось научиться, однако она впитывала знания, хорошие манеры и, главное, новый язык очень быстро. Вскоре милая женщина стала пускать ее к себе днем и вечером, когда открывался паб и шлюхи принимали гуляк, и девочка выучила немецкий язык очень быстро. А

поскольку Сюзанна обычно засыпала пьяной в объятиях последнего клиента и для Киттен не находилось места в хижине, девочка чаще всего ночевала на конюшне при доме.

Джордж Хемплмен об этом и не подозревал: Киттен прокрадывалась из дома в конюшни, когда слышала, что он возвращается домой, и утром поднималась, чтобы уйти в паб, задолго до того, как он покидал жену. Линда Хемплмен, напротив, знала обо всем. Она каждое утро оставляла возле конюшни молоко, хлеб и мед для девочки — в те дни, когда чувствовала себя лучше. Но это было много недель тому назад... Теперь уже Киттен подавала завтрак в постель своей подруге, годившейся ей в матери.

А сегодня в ее сердце закралось дурное предчувствие, когда она открыла входную дверь и увидела, что комнаты и кухня пустуют. Бросалось в глаза, что хозяйки в доме нет, несмотря на то что мистер Хемплмен всячески старался поддерживать в доме чистоту и не беспокоить жену. Все казалось запущенным. Посуду после завтрака не помыли, подушки на диване были сложены кое-как, и, конечно же, никто не занимался уборкой.

Киттен позвала фрау Хемпельманн по имени, чтобы сообщить о своем визите, и направилась к спальне, которую Джордж Хемплмен не так давно обустроил для своей жены на первом этаже. Вообще-то комнаты супругов располагались на втором этаже, куда вела лестница, но сейчас Линда Хемплмен была слишком слаба, чтобы подниматься по ступенькам. Киттен бродила по дому, поправляя предметы и переставляя мебель, и тут ей в голову пришла одна мысль. Если теперь она официально считается взрослой, то миссис Хемплмен может взять ее в служанки! Она будет жить здесь, ухаживать за своей госпожой и заботиться об уюте семейства Хемплмен. Или нет, лучше все-таки жить не здесь...

Киттен часто мечтала о том, чтобы спать в настоящей постели, в настоящей комнате, но тем не менее она оставалась настороже. Миссис Хемплмен была больна, а ведь ее муж — тоже мужчина! Киттен часто слышала, как Баркер ворчал, мол, для шефа его шлюхи недостаточно хороши. Китобои утверждали, что он посещает бордель в Порт-Виктории.

— Котенок? — Миссис Хемплмен открыла глаза, когда Киттен вошла в ее комнату.

Та была небольшой и ранее предназначалась для занятий рукоделием. Киттен порой заставляла хозяйку здесь: Линда вышивала, сидя у большого окна, откуда открывался вид на бухту.

— Очень рада тебя видеть! Ах, какие красивые цветы! Огненные...

Киттен улыбнулась худой и бледной женщине, лежащей в постели.

Она знала, что та обрадуется букету ярко-красных цветов *рата*[7], которых она нарвала для нее перед домом. Эти цветы в изобилии произрастали в округе, и сами по себе, отдельными кустами, и как паразиты в кронах *риму*[8] или других деревьев. Однако миссис Хемплмен любила эти цветы и придумала для них свое название.

— Нужно только поставить их в вазу, — деловито произнесла Киттен и стала менять увядшие желтые цветы *ковайи*[9], которые принесла вчера, на роскошные красные.

Девочка изо всех сил притворялась, что все в порядке, хотя то, как выглядела миссис Хемплмен, привело ее в ужас. Казалось, она слабела и старела день ото дня! Линде Хемплмен было не более тридцати лет, но даже потрепанная жизнью пропойца Сюзанна выглядела моложе. Некогда блестящие светло-русые волосы потускнели и заметно поседели. Лицо стало бледным и костлявым, глаза глубоко запали, под ними лежали темные тени.

— Вы чувствуете себя хорошо, фрау Хемпельманн? — спросила Киттен, всячески стараясь, чтобы ее вопрос прозвучал искренне, хотя то, что ее взрослая подруга чувствует себя скверно, прямо-таки бросалось в глаза. — Сделать вам чаю? Принести что-нибудь?

Линда Хемплмен попыталась приподняться. Киттен поставила вазу на ночной столик и помогла ей. Казалось, это придало ей немного сил, женщина провела руками по волосам, которые не подбирала на ночь.

— Не расчешешь ли ты меня, дитя? — спросила она слабым, но очень мелодичным голосом. — А чай... чай — о, это было бы прекрасно, но чай подождет. Сначала просто посиди со мной, котенок, а потом принеси чай и хлеб с медом для нас обеих, хорошо?

Линда Хемплмен не испытывала голода, но точно знала, что сегодня Киттен еще толком ничего не ела. Присцилла и Нони готовили только для себя и своих друзей, и девочке редко что-нибудь перепало. Сюзанна не готовила совсем, а заработанные деньги тут же спускала на выпивку, так что Киттен не могла себе ничего купить. Киттен подозревала, что клиенты недоплачивают ее матери, а из того небольшого, что оставалось, Баркер еще и вычитал свою долю. Свои жалкие гроши Сюзанна тратила на виски.

Однако Киттен была терпелива. Она с детства привыкла голодать. Нет, она не станет попрошайничать у миссис Хемплмен. Вместо этого она взяла в руки щетку для волос, лежавшую на ночном столике, и принялась расчесывать редующие волосы, а потом заколола их красивым черепаховым гребнем, который миссис Хемплмен привезла из Сиднея.

— Может быть, вы хотите умыться? — спросила Киттен и сразу же

отправилась за водой, тряпкой и полотенцем, разумеется, не забыв о кусочке ароматного мыла.

— С удовольствием, но тебе придется мне помочь, — с грустью в голосе произнесла Линда.

Несомненно, ей не хотелось зависеть от кого бы то ни было. Однако Киттен нравилось заботиться о ней. Она даже помогла женщине снять сорочку и надеть чистую после мытья. Девочка подумала, что, наверное, сейчас самый удачный момент, чтобы поговорить о деле.

— Мне кажется, вам нужен постоянный помощник, — осторожно начала она. — По дому и... Особенно теперь, когда вы больны...

Линда Хемплмен с грустью кивнула:

— Конечно нужен, дитя мое. Но ведь это должна быть женщина, а служанку не так-то просто найти. Джордж собирался уже расспросить маори... Но я не хочу, чтобы рядом со мной была дикарка, которая и слова человеческого не скажет...

Она презрительно наморщила лоб, да и Киттен не представляла себе в этом доме женщину маори. Обе они побаивались полуголых полных туземок, которые временами, любопытствуя, приходили на китобойную станцию и продавали рыбакам сладкий картофель или зерно. Судя по всему, маори обрабатывали поля и растили сады, и они всегда вели себя очень приветливо, однако очень плохо говорили по-английски. И вряд ли им понравилось бы наводить порядок в доме или помогать леди одеваться. Кроме того, по мнению Киттен, они выглядели устрашающе — у женщин вокруг рта змеились странные линии, они же украшали лица мужчин. Все маори делали себе татуировки, миссис Хемплмен может напугать их вид.

— Давайте я буду помогать вам! — храбро предложила Киттен. — Я же знаю, где все лежит, что вы любите и...

— Ты ведь еще ребенок! — улыбнулась миссис Хемплмен. И добавила снисходительным тоном: — Очень мило с твоей стороны, что ты хочешь быть полезной, но ты и без того мне очень помогаешь. Однако ты слишком мала, чтобы работать по-настоящему!

— Это только вы так думаете! — вырвалось у Киттен. — Мистер Баркер считает совсем иначе. Но у него, правда, совсем иные представления о настоящей работе!

Спohватившись, девочка умолкла. Вообще-то она не собиралась выражаться столь недвусмысленно. Она с ужасом поняла, что Линда Хемплмен встревожилась. Ее бледное лицо залила нездоровая краска... Ох, Киттен наверняка взволновала ее, и, чего доброго, у нее сейчас случится приступ. Киттен бросилась искать нюхательную соль. Иногда приступ

удавалось слегка ослабить.

Однако миссис Хемплмен сумела взять себя в руки. Она отмахнулась, когда Киттен поднесла к ее лицу флакончик.

— Неужели это означает, дитя, что этот тип хочет... Он хочет, чтобы ты... продавала себя?

Киттен кивнула с несчастным видом.

— Другой работы здесь нет, — вздохнула она. — По крайней мере, для девушки. Мужчина может охотиться на китов или тюленей, еще что-нибудь делать, не знаю. Но девушка может заниматься только тем, чем занимается моя мать, и выбора у меня нет. — Киттен хотела быть мужественной, но не сумела сдержать рыданий. — Если вы меня не наймете... — Она подняла голову и с надеждой поглядела на больную. — Я буду очень стараться. Я буду много работать, по-настоящему помогать вам, я...

Линда Хемплмен слабо махнула рукой.

— Но мне недолго осталось, дитя мое, — мягко произнесла она.

Киттен нахмурилась.

— Вы уезжаете? — растерялась она. — Мистер Хемплмен бросает станцию?

Киттен не поверила своим ушам. Дело Джорджа Хемплмена процветало. Каждые несколько месяцев его компаньон капитан Клейтон отплывал со станции на корабле с переполненным трюмом, а в Англии хорошо платили за ворвань и другие продукты китобойного промысла. Кроме того, если бы станцию пообещали закрыть, мужчины в пабе обязательно обсуждали бы это.

Но миссис Хемплмен покачала головой.

— Нет, — прошептала она. — Мой супруг, наверное, останется здесь. И с Божьей помощью найдет себе другую жену...

— Другую?.. Но зачем же? — ужаснулась Киттен. — Вы ведь не собираетесь оставить его, правда?..

— Собираюсь, — строго ответила Линда Хемплмен. — Хотя так нельзя говорить. Георг, — как обычно, она произнесла его имя на немецкий манер; она никак не могла привыкнуть к тому, что он переделал его на английский лад, — был мне хорошим мужем, а я была для него любящей женой. Но я... Боже мой, деточка, неужели я действительно должна сказать это? Я умираю. Я отправляюсь к Богу. Я уже слышу Его зов, котенок.

Киттен внезапно испытала жгучую ненависть к этому Богу, о котором никогда не слышала до знакомства с миссис Хемплмен, но который, судя по всему, играл важную роль в жизни верующей немки. И вот теперь Он намеревался отнять у Киттен единственную защиту, на которую она могла

надеяться в этой жизни!

— Но ведь этого не может быть, фрау Хемпельманн! — возразила она. — Вы же еще совсем не старая. Конечно, сейчас вы болеете, но все будет хорошо. Ведь раньше вы всегда поправлялись после приступа. И если вы позволите мне заботиться о вас... все вмиг снова наладится, и...

Линда Хемплмен снова покачала головой:

— Не наладится, детка, поверь мне. Последний приступ был слишком тяжелым — а я устала, котенок. Я с радостью пойду на зов Господа. Вот только тебя мне жаль и, конечно же, Георга. — Она протянула руку и осторожно погладила Киттен по щеке.

— Но... но когда?..

Киттен готова была снова заплакать, голос ее стал хриплым. Хотя она прекрасно понимала, что на такой вопрос нельзя дать ответ. Миссис Хемплмен не могла знать, когда именно призовет ее к себе Господь. Может быть, это случится не так уж скоро. Может быть, через несколько месяцев... через год... Киттен станет копить заработанные у Хемплменов деньги, а потом, когда Линда умрет, отправится в другое место, сбежит с китобойной станции...

— Несколько дней, пожалуй, деточка, — тут же лишила ее последней надежды больная женщина. Голос ее звучал так, словно она уже сейчас собиралась преставиться. — Самое большее — несколько недель. И ты должна понять... Ты поймешь... Я не могу взять тебя к себе. Как это будет выглядеть? В каком положении окажется мой муж, если приведет в дом столь юную девушку за несколько дней до того, как его супруга... Мне действительно жаль, малышка...

Киттен закусила губу. Ей было совершенно наплевать на репутацию Джорджа Хемплмена. Но даже если бы миссис Хемплмен передумала, не имело смысла покидать паб всего на несколько дней или недель. Баркер снова наложит на нее свои лапы, как только умрет Линда.

— Ты приготовишь нам чай, милая? — прошептала миссис Хемплмен. — Может быть... может быть, я поговорю с Георгом о тебе. Вдруг существует какая-то возможность... Вдруг он знает семью в Порт-Виктории или еще где-нибудь, которой нужна служанка...

Больная изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал бодро, но Киттен не питала никаких иллюзий. Порт-Виктория была похожа на залив Пераки, ее тоже населяли китобои и искатели приключений. Правда, она слышала, что с недавних пор на равнине Кентербери появились переселенцы и среди них были женщины и дети. Но нужна ли им служанка, если у них еще и дома-то нет? И возьмет ли одна из этих

женщин в дом такую девушку, как Киттен? Внебрачную дочь шлюхи, у которой даже имени нет, пусть ее и считают красивой? В голосе Присциллы звучала ревность, когда она говорила с Баркером о Киттен, а миссис Хемплмен до смерти боялась, что девочка может соблазнить ее супруга.

Заваривая чай и нарезая хлеб, Киттен поняла, что надежды нет, и это отбило у нее весь аппетит. Она не сможет вести честный образ жизни. Если не удастся ничего придумать, придется подчиниться желанию Баркера.

Глава 3

Прошла целая неделя, прежде чем в заливе Пераки показался кит, — для Киттен это стало последней отсрочкой. Во время постройки судна мужчины зарабатывали недостаточно, чтобы позволить себе много тратить на шлюх, даже Присцилле, Нони и Сюзанне работы не хватало. Однако на этой неделе Нони уже была полностью загружена. Миссионер пока не собирался ехать к «дикарям». Вместо этого он каждый день несколько часов проводил у Линды Хемплмен по просьбе ее мужа, молился вместе с ней и пытался поднять ей настроение. Но каждый вечер он появлялся в пабе и выбирал себе женщину, предпочитая обычно Нони. Было совершенно очевидно, что он все еще мечтает о Киттен. Даже встречая ее в доме Хемплменов, он пожирал ее взглядом. Киттен хотелось уйти, но она не могла оставить наедине с преподобным больную подругу. Та уже совсем не могла двигаться без посторонней помощи, и, конечно же, нельзя было ожидать от преподобного, что он станет поддерживать ее, чтобы она могла сесть, или подавать ей кружку с водой. Кроме того, будучи англичанином, он совсем не знал немецкого языка, а миссис Хемплмен плохо говорила по-английски. И женщина очень радовалась, когда Киттен присутствовала во время их беседы и переводила его слова, — а уж преподобный отец приходил в полный восторг. Он всякий раз требовал, чтобы девушка садилась на постель рядом с больной. Он все время искал повода, чтобы дотронуться до нее, временами даже обнимал Киттен, словно охваченный отеческим умилением и гордостью, если ей удавалось быстро отыскать цитату из английской Библии в немецкой и прочесть ее вслух. Впрочем, читала она не особенно хорошо, миссис Хемплмен только начала учить девочку, когда болезнь ее одолела.

— Он тоже захочет сделать ставку, — с грустью произнесла Киттен, обращаясь к Нони, которая по поручению Баркера перешивала для нее платье матери.

Владелец паба даже купил блески, чтобы украсить его. Утром приехал Том Карпентер, бродячий торговец, который поставлял товары и

белым на отдаленных фермах, и племенам маори. Туземцы любили яркие одежды, в то время как поселенцы предпочитали пополнять запасы необходимых продуктов, например муки и бобовых. И, конечно же, Карпентер продавал и виски — дешевле, чем Баркер, который обычно закупал его сам. Капитан Клейтон привозил ему целые бочонки виски из Ирландии.

Нони вздохнула:

— И, возможно, ему даже денег хватит — родная община собрала средства для его миссии. Если бы они знали, где он их тратит!

— Но я не хочу его! — возмутилась Киттен.

Нони подтолкнула ее к старому зеркалу, которым пользовались все проститутки, но Киттен демонстративно отвернулась. Она не хотела видеть себя в новом наряде. Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: ее хрупкое тело в облегающем красном платье сведет мужчин с ума. Если же Баркер заставит ее распустить волосы, которые она обычно заплетала в косу, и золотистые локоны рассыплются по плечам...

— Лучше сразу смирись, — равнодушно заявила Нони, собирая ткань декольте. Теперь даже казалось, что у Киттен есть грудь. — Мы не можем выбирать мужчин. А от попа хотя бы не воняет ворвань, к тому же он не берет силой и всегда быстро кончает. С этой точки зрения бывает и хуже. Плохо, если первым становится юнец, молодой и горячий, — еще, чего доброго, вскружит тебе голову! Тогда у тебя сложится неправильное впечатление о том, что тебя ждет.

Киттен не ответила. Она не хотела молодого и горячего мужчину, она вообще не хотела мужчину! По крайней мере, такого, который заплатит деньги за право воспользоваться ее телом! Девочка отчаянно пыталась найти выход: с тех пор как Баркер объявил, что после следующей ловли состоится аукцион, почти все мужчины на станции провожали ее сладострастными взглядами. Она едва осмеливалась выходить на улицу.

Однажды солнечным утром, которое Киттен встретила в особняке, после того как провела полную ужаса ночь рядом с задыхающейся Линдой Хемплмен, раздался возглас, которого она так боялась:

— Кит в бухте! Все по лодкам!

Из дома Киттен не видела приготовлений, но слышала голоса мужчин и чувствовала повисшее в воздухе напряжение. Китобои спускали на воду лодки, в каждой из которых помещалось по двенадцать гребцов и одному гарпунщику. Лодки были довольно большими, однако по сравнению с огромными существами, с которыми мужчины сражались в море, они казались крохотными. Кит мог одним-единственным ударом хвостового

плавника перевернуть лодку, однако не делал этого. Эти животные вели себя миролюбиво, даже когда мужчины обстреливали их: они предпочитали бежать, а не обороняться. Снова и снова они подпускали к себе лодки на расстояние выстрела, хотя легко могли бы уплыть прочь или уйти под воду при виде людей.

И только когда крючья тяжелых гарпунов крепко застревали в их телах, киты принимались отчаянно бороться с мужчинами, которые тянули за канаты, свисающие с крючьев, чтобы вытащить их на землю, но почти всегда проигрывали эту борьбу. Боль и потеря крови лишали морских великанов сил, и в какой-то момент они сдавались — зачастую спустя много часов. В конце концов мужчины тоже чувствовали себя измотанными до предела. Но только теперь и начиналась настоящая работа, когда кит лежал на берегу. Они отрезали от его туши куски мяса — чаще всего не дожидаясь, пока животное умрет, — затем вываривали его, чтобы получить ворвань... Киттен встряхнулась. Вонь, исходящая от котлов, еще много дней будет витать над бухтой.

Сегодня вечером мужчины, наверное, будут чувствовать себя слишком усталыми, чтобы торговаться за девушку. Возможно, Баркер отложит аукцион еще на сутки. Киттен все еще не придумала, как ей спастись, разве сослаться на то, что она должна ухаживать за миссис Хемплмен. Не станет же Баркер оттаскивать ее от постели больной женщины...

— Котенок! — послышался слабый голос миссис Хемплмен.

Она проснулась — Киттен решила, что это добрый знак. Девочка заставила себя улыбнуться, оборачиваясь к ней.

— Скоро... придет преподобный. Ты не могла бы... привести меня в порядок?

Это тоже звучало многообещающе. Киттен не рассчитывала, что Линда проявит такую волю к жизни после столь тяжелой ночи. Пока она возилась с водой для мытья и щеткой, пришел мистер Хемплмен.

— Линда, дорогая! Как ты себя чувствуешь?

Он коснулся губами бледной щеки своей супруги, но тут же снова отстранился, несмотря на то что от миссис Хемплмен приятно пахло розовым мылом, которым ее только что умывала Киттен.

Однако Линда все равно улыбнулась мужу.

— Хорошо... — прошептала она. Для того чтобы повысить голос, ей давно уже не хватало сил и дыхания. — Я... Пожалуйста... Пожалуйста, посиди со мной немного... — Она протянула руку к мужу и тут же закашлялась даже после столь ничтожного усилия. — Я должна кое-что сказать тебе...

Но Джордж Хемплмен отмахнулся от нее:

— Милая, не сейчас, кит в поле зрения. Мне нужно спуститься вниз, загнать ребят в лодки, проследить, чтобы они не позволили этой твари прикончить их... — Джордж Хемплмен обычно наблюдал за лодками китобоев, сидя в своей собственной, более крупной. Он координировал их работу, выкрикивая приказы в рупор. — Смотри, вот и преподобный идет...

В коридоре возле комнаты как раз показался священник: Джордж Хемплмен не закрыл за собой дверь.

— Увидимся вечером... — Хемплмен явно хотел поскорее уйти.

— Значит, так Богу угодно... — прошептала его жена.

Она была очень бледна, и Киттен снова показалось, что за ночь она усохла еще больше. К этому моменту девушка тоже понимала, что жить Линде осталось совсем недолго.

— Преподобный, не знаю, как и благодарить вас за то, что вы делаете для моей жены, — произнес Хемплмен и уважительно похлопал священника по плечу.

Джордж Хемплмен поспешил уйти, прежде чем преподобный заведет разговор о пожертвованиях. Он все время добивался от Линды, чтобы та завещала крупную сумму его миссии, но тщетно. Киттен предполагала, что у нее просто не было денег, которые она могла бы оставить в наследство, ведь зарабатывал только ее муж. Но даже если он был щедр, на что Линда Хемплмен могла бы тратить здесь деньги?

Киттен убрала умывальные принадлежности и неохотно последовала за преподобным, который пригласил ее сесть рядом и помолиться вместе с ним и миссис Хемплмен, затем почитать Библию и послушать умирающую, которая все требовала исповеди. Киттен пришлось узнать обо всех ее мелких прегрешениях. Миссис Хемплмен казалась ей почти святой, но, похоже, Бог мог всерьез разозлиться на человека только за высокомерные мысли. Если не считать подобных мелочей, миссис Хемплмен не в чем было раскаиваться, и преподобный каждый день снова и снова спокойно отпускал ей грехи.

Около полудня Линда опять уснула, и Киттен выскользнула из душного дома и, чтобы оказаться как можно дальше от преподобного отца, углубилась в тенистый лес, раскинувшийся чуть выше пляжа. Мужчины на воде продолжали сражаться с китом, но уже подошли к берегу достаточно близко. Скорее всего, через час или два животное окажется на пляже. Киттен надеялась, что мистер Хемплмен найдет время, чтобы побыть с супругой, прежде чем отправится наблюдать за потрошением. Сегодня состояние Линды тревожило ее: с одной стороны, больная казалась менее

вялой, чем в предыдущие дни, с другой стороны, ее физическая слабость просто пугала. Преподобный, который постоянно проверял ее пульс, тоже с тревогой качал головой. Если Линда хотела что-то сказать своему мужу, лучше ей поторопиться.

Киттен снова нарвала большой букет ярко-красных цветов *рата*, чтобы украсить ими комнату больной. Она как раз закончила и вернулась, когда Линда проснулась.

Она устало взглянула на Киттен.

— Моего мужа... — прошептала она, — и... и священника... Я... Пришло время, малышка, я... я уже слышу ангелов... А ты... ты тоже их слышишь?

Киттен услышала лишь победный клич китобоев, донесшийся издали. Скорее всего, мужчинам все же удалось вытащить кита на сушу.

— А ты, котенок... Я... думала о тебе и решила, что дам...

Она с трудом перевела дух и хотела продолжить, но прежде, чем ей удалось собраться с силами, в комнату снова вошел преподобный. Должно быть, он выходил перекусить или берег себя от дуновений смерти, которые, как он рассказывал Нони, пронизывали комнату больной. Или же пытался развеяться в объятиях проститутки. Он любил заниматься этим и днем. Киттен содрогалась при мысли о том, что его длинные тонкие пальцы, которые держали ладонь умирающей, только что мяли грудь Нони. Не говоря уже обо всем прочем, что он делал с проститутками.

Священник бросил быстрый взгляд на лежащую на постели женщину, затем испуганно посмотрел на Киттен:

— Дитя, вот и все! Скорее беги вниз и отыщи ее мужа, он, наверное, уже на берегу. А я пока помолюсь с ней. Так хочет Господь, я могу лишь проводить ее в последний путь...

— Но... котенок...

Линда пыталась крикнуть что-то вдогонку Киттен. Судя по всему, она собиралась сказать ей что-то еще. Но Киттен не осмелилась возражать священнику. Выйдя из дома, она бросилась на берег. Между пабом и морем на песке распростерлось дрожащее тело кита, которое окружили взбудораженные мужчины, держащие ножи и крючья. Песок уже начал пропитываться кровью, загорелись первые костры... Киттен старалась не смотреть на животное. Однажды она взглянула в глаза умирающему киту и теперь никогда не сможет забыть этот миг. К счастью, Джордж Хемплмен был здесь. И Киттен не понадобилось ничего объяснять ему. Он сразу же направился к ней, едва увидев ее.

— Девочка... — Джордж Хемплмен никогда не называл Киттен по

имени, и иногда та задавалась вопросом, знает ли он вообще, как ее зовут. — Что-то с...

Киттен кивнула.

— Она просила позвать вас, — ответила она и, едва поспевая, бросилась бежать вслед за Джорджем Хемплменом по дорожке к дому.

Добравшись до комнаты больной, они оба с трудом перевели дух. Они могли слышать высокий голос преподобного, читавшего молитву. Судя по всему, миссис Хемплмен была еще жива.

Однако Киттен увидела ее только мельком. Теперь, когда дело явно близилось к концу, Джордж Хемплмен хотел побыть с супругой наедине.

— Подождите снаружи, преподобный! — решительно произнес он, опускаясь на ее постель. — А ты, девочка... Большое спасибо тебе... В последнее время ты очень помогала моей жене, и мы еще поговорим о небольшом вознаграждении...

— Котенок... — прошептала Линда, но супруг не стал ее слушать и, главное, не собирался больше подпускать к ней Киттен.

— А теперь иди, пожалуйста. Для тебя наверняка найдется дело на берегу... или еще где-нибудь... Кажется, Баркер уже спрашивал о тебе. Так что, пожалуйста... — Он махнул рукой, словно прогоняя девочку.

— Я приду позже, фрау Хемпельманн! — крикнула Киттен больной.

Ей не казалось, что Линда вот-вот умрет. Может быть, преподобный отец преувеличивает и вечером она еще позовет Киттен? Так подбадривала себя девочка, выходя из дома. Но в ушах у нее отдавался последний слабый зов старшей подруги: «Котенок...»

Идти на берег Киттен не хотелось. Она решила спрятаться в лесу и не спускать глаз с дома. Может быть, Линда почувствует ее присутствие... Киттен тоже испытывала некую уверенность, находясь рядом с ней. В какой-то момент девочка подумала, что, возможно, умирающая женщина была бы рада, если бы она помолилась за нее. Киттен очень старалась, читая молитву, но ощущения, что ее кто-то слышит, не возникло. Даже деревья, в которых ей часто чудилось неземное присутствие, — и те молчали. Даже ветер не шумел в ветвях.

В доме и вокруг него не было никакого движения на протяжении нескольких часов, и только позже, когда уже сгустились сумерки и южные буки начали отбрасывать призрачные тени, Киттен услышала хрипкое дыхание и раздраженный голос, звавший ее. Женский голос! Поначалу, вопреки рассудку, девочка решила, что это миссис Хемплмен, но затем узнала голос Нони. Тяжело дыша, толстая проститутка поднималась вверх по дорожке.

— Киттен! — рывкнула она, засопев. — Вот ты где! Пойдем, не то Баркер нам обеим уши надерет. Он час назад послал за тобой Сюзанну. Конечно, та сразу же забыла, куда ее отправили, если вообще что-нибудь поняла. Она сегодня весь день не в себе. Я должна одеть тебя понаряднее и отвести в паб. А тебя все нет... а Баркер...

— Мне нужно переодеться? — переспросила Киттен. — В новое платье? Но ведь... он ведь не собирается сегодня...

Нони покачала головой:

— Да нет, сегодня парни слишком устали после охоты на кита. Он просто хочет их раззадорить. Завтра эту скотину полностью разделают, они получают зарплату и захотят это отметить. И если они увидят тебя еще сегодня при полном параде, то будут думать только о тебе. Так что пойдем, Киттен, пора. Ты же не хочешь, чтобы Баркер сам пришел сюда и потащил тебя вниз за волосы?

Жирный сводник вполне был на это способен. А если он явится сюда, его могут услышать в доме. Киттен вздохнула, бросила последний, исполненный любви и тревоги взгляд на дом Хемплменов, а затем стала спускаться к пляжу вслед за Нони. Нужно как-то пережить этот вечер, а после поскорее вернуться сюда, поближе к Линде.

— Да ты хотя бы посмотри на себя! — с упреком в голосе воскликнула Нони.

Она помогла Киттен надеть красное платье, распустила ей волосы, причесала их, нанесла легкий макияж. Действительно легкий, в отличие от того, какой предпочитали проститутки. Но Киттен и не должна была выглядеть вульгарно, ее ведь собирались продать как девственницу.

Поэтому Нони лишь положила немного помады ей на губы и подчеркнула подводкой ее большие глаза орехового цвета. Сегодня они сверкали неестественно ярко, отражая замешательство Киттен, которая не могла ни смириться, ни бороться с судьбой.

— Ты такая красивая! Парни спустят на тебя все свои деньги! Ты только подумай, это же целое состояние! — Нони все пыталась приободрить ее. — Мы оставляем себе десять процентов от заработка...

— А надо наоборот! — со злостью в голосе возразила Киттен. — Вы должны получать львиную долю, ведь вы делаете всю работу, а он...

— Мы, сокровище мое! — улыбнулась Нони. — Ты теперь тоже одна из нас. Лично я не собираюсь просить у Баркера больше денег. Мы все уже пытались, ну, кроме Сюзанны, конечно, она живет в собственном мире... Но я прекрасно помню, как болел потом мой зад...

Киттен задумалась о том, бил ли Баркер и Присциллу тоже. Наверное,

нет. Высокая сильная женщина наверняка сумела постоять за себя и теперь оставляла в своем кармане бóльшую часть заработка. Если, конечно, не позволила Баркеру вскружить себе голову любовными клятвами...

— А теперь пойдём, малышка!

Нони потащила Киттен за собой, прочь из убогой хижины, которую отделяли от бара лишь занавески. Женщины называли ее «примерочной». В пабе царило оживление, и при этом тут стояла удушающая вонь, а стены здания, сделанные из брезента, были откинута. Однако запах ворвани и крови витал не только над пляжем, он въелся в одежду пировавших здесь мужчин, окутал их волосы, возможно, даже впитался в их кожу. Почти перед каждым из них стояла большая пивная кружка. После тяжелой работы они, несомненно, умирали от жажды.

Киттен испугалась, что от этой адской смеси запахов ворвани и пива ее стошнит, однако в животе у нее все равно было пусто. Под громкие возгласы наверняка уже подготовленной публики Баркер вытащил ее на расчищенное в центре паба пространство, где стояли стол и стул.

— Сначала на стул, потом на стол, малышка! — приказал он, и голос его прозвучал настолько угрожающе, что Киттен не стала сопротивляться.

Она послушно взобралась на «сцену», глядя на носки своих туфель.

— Вот она, перед вами, ребята! Котенок Сюзанны: она моложе, красивее матери и к тому же не такая чокнутая. И обойдется вам дороже, чем стакан виски. Как бы там ни было, она еще ребенок... — Баркер усмехнулся. — Но с завтрашнего дня она будет работать здесь, как и все остальные бабы, после того как один из вас ее к этому подготовит. Ребята... Не знаю, сталкивались ли вы когда-нибудь с подобным, но здесь у нас настоящая девственница! Лишь один из вас сможет первым наложить на нее лапы — да и не только лапы!

Киттен слышала хохот. Она старалась не смотреть вниз, но ее робость возбуждала мужчин не меньше, чем злобные взгляды, которыми она обычно их награждала, когда они пытались распускать руки. Киттен могла делать все что угодно, она только распалила бы этим публику.

— Конечно, она обойдется вам недешево, — продолжал Баркер, облизнув губы. — Ох и поломал я голову, пытаясь установить цену! В конце концов я нашел соломоново решение: тот, кто хочет ее больше всех, заплатит больше всех! Завтра, незадолго до закрытия паба, на аукционе будет разыгрываться право провести первую ночь с малышкой. Да, целую ночь, парни! Это я вам гарантирую — первая брачная ночь! Тот, кто завтра купит ее, будет владеть ею один до самого рассвета!

Баркер дал мужчинам возможность обсудить его речь и заказать у

Присциллы и Нони еще по бокалу пива. Тем временем он велел Киттен покружиться на столе, приподняв подол платья. Девушка постаралась вложить в это движение как можно меньше кокетства, удивляясь тому, что это так сильно возбуждает публику. Она давно уже выросла из своего старого платья, и, когда она бегала в нем каждый день по поселку, мужчины могли увидеть намного больше, чем сейчас, на этой импровизированной сцене.

— Итак, ребята! — снова заговорил Баркер. — Завтра! Завтра после работы я жду вас всех в баре.

— Нет!

Киттен испуганно обернулась на голос человека, привыкшего отдавать приказы, который только что так энергично возразил Баркеру, стоя у входа в бар. Неужели явился ее спаситель? Такое случалось только в глупых историях про принцев и принцесс. И действительно — это оказался всего лишь мистер Хемплмен. Он шагнул вперед и остановился перед притихшими мужчинами.

— Завтра, ребята, бар будет закрыт. Линда, моя возлюбленная супруга, да упокой Господь ее душу, отправилась на Небеса час тому назад. Завтра после работы мне придется исполнить печальную обязанность и похоронить ее. Я полагаю, что вы все будете присутствовать на похоронах!

С этими словами мистер Хемплмен обвел угрожающим взглядом всю собравшуюся в пабе публику и в конце концов заметил Киттен, которая пыталась съжаться и стать незаметной на импровизированной сцене. Оставалось лишь надеяться, что он не узнает ее в макияже и платье, в котором она выглядела совсем взрослой. Надеяться...

И, конечно же, надеяться напрасно.

— И ты тоже, ты... бесстыжая маленькая шлюха! — презрительно бросил Хемплмен, мельком взглянув на ее наряд. — Моя жена всегда заботилась о тебе, а теперь, в час ее смерти, ты стоишь здесь и расставляешь ноги перед своими клиентами. Омерзительно! Ты... ты не заслуживаешь... — Он осекся, быстро смахнув слезы тыльной стороной ладони. — Так вот, ребята! — Хемплмен отвернулся, собираясь уйти. — Сегодня здесь тоже все закрывается. Я не хочу, чтобы мне мешал ваш пьяный шум, когда я буду дежурить у гроба.

Киттен чувствовала себя ужасно, но, с другой стороны, ее радовало то, что благодаря похоронам у нее появился еще день отсрочки. Дрожа, она слезла со стола. Баркер оставил ее в покое и взялся за Хемплмена. Трактирщик выражал ему свои фальшивые соболезнования, утверждая, что ничуть не расстроился из-за закрытия паба.

Киттен воспользовалась этой возможностью и выскользнула на улицу. Несмотря на начавшийся дождь, она отправилась в лес и свернулась калачиком под молодым ропалостилисом. Под ним дождь ее не беспокоил, но девочка и без того не слишком обращала на него внимание. Щеки ее были влажными от слез.

Глава 4

На протяжении всего следующего дня мужчины продолжали разделять кита. Из туши животного вырезали жир, а также срезали усы — знаменитый китовый ус, из которого после обработки изготавливали корсеты и кринолины для женщин. Они вынимали спермацет из черепной коробки, искали в кишечнике амбру — вещество, используемое в парфюмерии и ценившееся на вес золота. Настроение у мужчин при этом было подавленное, им казалось, что их незаконно лишили вечернего праздника. В то же время они беспокоились насчет того, когда же Хемплмен им заплатит: сразу или через несколько дней.

Киттен, продрогшая и промокшая, вернулась в бар, проведя ночь в лесу. Она проголодалась и очень устала после бессонной ночи, поэтому стоически выдержала ругань Нони из-за испачканного «подвенечного платья». Его необходимо было постирать — Нони долго рассказывала о том, какое испытывает облегчение от того, что оно не понадобится хотя бы в ближайшее время.

Вечером жители поселка собрались на похороны. Гроб сколотили быстро. Киттен хотелось украсить его цветами *рата*, но она не осмелилась приблизиться к Джорджу Хемплмену, который не отходил от своей мертвой супруги. Чтобы не выслушивать его упреки, во время поминок она держалась позади мужчин, проститутки тоже старались ступать. Сюзанна бормотала что-то невразумительное, пока преподобный отец произносил надгробную речь, и Присцилла всячески пыталась успокоить ее. Наконец священник запел гимн, и мужчины, знавшие текст, подхватили его нестройными голосами. Но большинство лишь повторяли вслух отдельные слова. Затем ирландцы затянули балладу «Мальчик Дэнни», и эта песня больше понравилась Киттен. А потом все закончилось. Гроб опустили в яму, и мужчины, которым не доверили закапывать ее, двинулись прочь.

Киттен уселась вместе с Присциллой и Нони возле хижины последней. Дождь, к счастью, прекратился, погода снова стала по-весеннему теплой. Поскольку бар был закрыт, мужчины собрались вокруг зажженных на берегу костров и принялись передавать друг другу по кругу бутылки с выпивкой. Баркер не продавал спиртное на вынос, но недавно снова

приходил Том Карпентер, после того как посетил местные племена маори. Вокруг залива Пераки располагалось несколько небольших поселений, а китобойная станция служила Карпентеру опорным пунктом в торговле с туземцами. Он присутствовал на похоронах и воспользовался шансом продать получившим зарплату китобоям несколько бутылок виски, прежде чем двинуться дальше на следующее утро, как и было запланировано. Он радовался тому, что нашел возможность быстро добраться на север острова. Капитан Клейтон собирался отплыть к дельте реки Вайрау на шхуне под названием «Пчела». Там, в заливе Клауди, в самом устье реки, находилась еще одна китобойная станция. Капитан собирался забрать оттуда груз, прежде чем отправиться в длительное путешествие в Европу. И Клейтон с готовностью откликнулся на просьбу Карпентера доставить его повозку и коня к устью Вайрау. Торговец планировал посетить в заливе Тасман крупные племена маори, более известные и цивилизованные, чем здешние.

— Я никогда не остаюсь ночевать у местных маори, и на то есть причины, — поведал он миссионеру, преподобному Мортону. — Хоне Тухавайки, их вождь, продал Хемплмену землю, но это не мешает ему снова и снова нападать на поселенцев. А если его воины выйдут из повиновения, может пролиться кровь. Поговаривают даже о каннибализме...

Киттен, которой невольно пришлось все это слушать, поскольку Мортон, конечно же, старался держаться поближе к женщинам во время разговора с Карпентером, в свете пламени костра заметила, что миссионер вздрогнул. До сих пор он не торопился отправляться к жившим вокруг станции «дикарям», а теперь, похоже, это желание у него совсем пропало.

— А... на севере они более мирные? — с тревогой поинтересовался он у торговца.

— Ну, не обязательно, — спокойно ответил Карпентер. — Но там давно уже появились белые поселенцы, они с ними чаще общаются и... в некотором роде научились вести себя как подобает. Перестали убивать их, начали торговать — по крайней мере, в большинстве случаев. Лично я предпочитаю те края. Там можно больше заработать, маори очень любят то, что упрощает жизнь белых: одеяла, кастрюли, сковородки... И у них есть деньги, ведь они постоянно продают земли новым поселенцам.

Преподобный Мортон глубоко вздохнул.

— Может быть, — задумался он, — они лучше воспримут слово Божье? — И он с надеждой посмотрел на торговца.

Тот лишь пожал плечами:

— Не знаю, преподобный. На Библию спроса пока не было. Но вы можете все изменить. Если хотите, я возьму вас с собой.

— Правда? — Преподобный отец заметно оживился. — Семена моих трудов могли бы упасть на более благодатную почву, верно?

Карпентер возвел глаза к небу.

— Я скажу так: если Кровавый Джек пообедает миссионером, мне это будет невыгодно, — с безмятежным видом ответил он. Кровавым Джеком называли вождя Тухавайки. — Я стараюсь лишний раз не пробуждать аппетит у этих ребят. Конечно же, я предполагаю, что вы возместите мне дорожные расходы...

Капитан Клейтон, само собой, подвозил торговца не бесплатно.

Преподобный Мортон замялся:

— У меня очень мало средств, я...

— Ну, на шлюх-то хватало, как я слышал, — усмехнулся Карпентер. — Не пытайтесь меня разжалобить, преподобный, не думаю, что моей душе станет легче от того, что я привезу дикарям попа. Или платите, или проповедуйте у Тухавайки.

На лице преподобного Мортонна читалось, что ему легче заплатить, чем согласиться на второй вариант.

— Вы действительно собираетесь уезжать завтра же? — с несчастным видом поинтересовался он. — Я думаю, это было бы... не очень вежливо, если вспомнить, что миссис Хемплмен только что скончалась. Я намеревался поддерживать вдовца денек-другой... С капитаном наверняка можно договориться...

Карпентер, невысокий плотный человек с хитрыми глазками, от которого не так-то просто было что-либо скрыть, звонко расхохотался:

— Поддержать вдовца? Ах, преподобный, да перестаньте вы! Вам ведь просто хочется принять участие в торгах за маленькую блондинку. Вы же сохнете по ней с того дня, как тут появились! Кстати, это идет не на пользу репутации вашей Церкви... Вам следовало бы держать себя в руках. Но, как я уже говорил, мне все равно, чем вы тут занимаетесь. И боюсь, что капитану Клейтону тоже наплевать. В том числе и на горе старины Хемплмена. Судно загружено, оно скоро отчаливает. Время — деньги.

Услышав вздох преподобного, Киттен невольно улыбнулась. Все-таки он откажется от права стать ее первым мужчиной, если не хочет, чтобы его потом съели туземцы. Но в остальном подслушанный разговор не улучшил настроения Киттен. В последнее время она подумывала о том, чтобы сбежать к маори. Может быть, они примут ее. Девочка собиралась стащить пару мешков с семенами и одеждой с повозки Карпентера, чтобы, так

сказать, внести свой вклад в благополучие племени. Но... если это настолько опасно...

А потом ей в голову пришла новая идея. А как насчет того, чтобы бежать на «Пчеле»? Прежде Киттен считала, что судно отплывает прямо в Европу, как это обычно случалось. Конечно же, она часто мечтала о том, чтобы спрятаться на шхуне и удрать от Баркера по морю. Но ее пугало долгое путешествие в совершенно чужую страну, да и нельзя прятаться среди бочонков с ворванью в течение трех месяцев. Она просто умрет от голода и жажды. Но залив Клауди вряд ли находится далеко, иначе капитан Клейтон не захотел бы делать такой крюк. Можно спрятаться в повозке Карпендера. Он обычно накрывает свои товары брезентом, чтобы защитить их от дождя и солнца: идеальное убежище для Киттен! И, конечно же, среди припасов Карпендера найдется и какая-нибудь еда, пусть даже просто мука или сухари. Условия просто идеальные.

Вот только цель путешествия не слишком ей нравилась. В заливе Клауди находилась точно такая же китобойная станция. Чего доброго, она попадет из огня да в полымя. Но разве Карпендер не упоминал белых поселенцев, с которыми торговали тамошние маори? Может быть, станция расположена неподалеку от крупного поселения или даже города! Если юная девушка и сможет найти честную работу, то только в подобном поселении: в каком-нибудь доме или в магазине. Сердце Киттен громко стучало. Конечно же, существовал риск и там попасть в очередной бордель...

Но в конце концов девочка взяла себя в руки. Да, дело могло обернуться скверно, но ведь бегство — это все-таки шанс! Здесь же шансов у нее нет. Если она останется тут до завтра, судьба ее будет предрешена. Думать тут было не о чем. Киттен покосилась на Нони, которая задумчиво глядела в огонь. Возможно, она вспоминала своего жениха. Присцилла давно уже отправилась к Баркеру, чтобы утешить его, страдающего из-за упущенной прибыли, а Сюзанна сидела у другого костра, как обычно, уставившись в пустоту и время от времени делая большой глоток виски из бутылки, которую протягивал ей кто-нибудь из мужчин. Этой ночью она наверняка не останется одна и уж точно не бросится искать свою дочь.

Киттен незаметно поднялась. Нони ничего не сказала, только преподобный с тоской поглядел ей вслед, когда она украдкой отступила в тень, чтобы отправиться на поиски повозки Карпендера.

Киттен нашла телегу торговца, стоящую чуть поодаль от китобойной станции. Карпендер наверняка не хотел, чтобы запах ворвани пропитал его товары, ведь он торговал в числе прочего и одеялами, и одеждой. Луна этой

ночью, в отличие от прошлой, ненастной, озаряла все вокруг своим сиянием, как и мириады сверкающих звезд, но других источников света тут не было, царил тишина. Киттен ловко вскарабкалась на платформу и скользнула под брезент. Здесь было даже уютно, только пахло довольно странно. Киттен нащупала небольшой бочонок с кислой капустой. Вот откуда исходит этот запах! Нашинкованная, утрамбованная и забродившая белокочанная капуста высоко ценилась среди моряков, поскольку ее регулярное употребление во время длительных путешествий спасало от цинги, а еще ее очень любила Линда Хемплмен. Наверное, это национальное немецкое блюдо, Карпентер всегда привозил квашеную капусту для хозяйки дома, а теперь решил не предлагать ее мистери Хемплмену.

Джордж Хемплмен всячески старался забыть о своих немецких корнях, наверное, он даже не умел квасить капусту. Сама Киттен с удовольствием пробовала это блюдо, которым ее угощала миссис Хемплмен, да и от сырой капусты не отказывалась. Девочка постоянно испытывала голод и поэтому ела все подряд. Кроме китового мяса. После охоты мужчины варили в котлах его жирные куски, и это считалось у них деликатесом, но Киттен даже смотреть на него не могла. Однако с квашеной капустой ей повезло. Во время путешествия на север капуста не только утолит голод Киттен, но и спасет ее от жажды, хотя вряд ли она стала бы пить разбавленную уксусом воду, в которой плавали овощи, если бы у нее был выбор.

Довольная, Киттен устроилась среди одеял, которых на повозке было много. Если Карпентеру не придет в голову заключить еще несколько сделок с китобоями, прежде чем повозку погрузят на судно, все наверняка сложится удачно.

К удивлению Киттен, она даже сумела уснуть в своем убежище. В кои-то веки насытившись, утомленная бессонной ночью в лесу, она вскоре задремала и проснулась только тогда, когда повозка тронулась с места. Значит, Карпентер не поднимал брезент, и, бросив быстрый взгляд наружу, девочка поняла, что вряд ли он станет делать это. Солнце только взошло, а в это время на берегу царил тишина. Впрочем, торговец сделал еще одну остановку и поприветствовал преподобного отца. Обычно тот не вставал так рано, но, очевидно, страх оказаться на столе у вождя племени маори вовремя вырвал его из объятий Нони. Мортон устроился на козлах, и Карпентер направил повозку к судну.

Все прошло без сучка и без задоринки. Доски для погрузки уложили еще вчера. Киттен затаила дыхание, когда повозка двинулась по скрипящим

мосткам, и потом снова, когда Карпентер и преподобный отец спустились с козел, а капитан Клейтон приветствовал мужчин на палубе судна. Торговец увел лошадей, судя по всему, в трюм, и она осталась одна. Киттен боялась, что Карпентеру понадобятся одеяла или другие вещи. Например, чтобы продать их Мортону, который не имел при себе необходимого для ночевки на борту судна. Однако тревога ее оказалась напрасной. Вскоре послышались голоса капитана и матросов. Капитан отдавал приказы, матросы ставили паруса и убрали сходни.

Киттен расслабилась, ощутив, что корабль закачался на волнах. «Пчела» снялась с якоря и вышла в море. Ей удалось сбежать от Баркера! Даже если ее теперь обнаружат, вряд ли капитан Клейтон повернет обратно, чтобы вернуть владельцу бара его «товар». Киттен хотела прочитать благодарственную молитву, которой ее научила миссис Хемплмен, но потом решила этого не делать: лучше не привлекать к себе внимания Бога преподобного Мортонна!

Путешествие до залива Клауди продолжалось два дня и прошло спокойно, как для команды, так и для Киттен. Девочка слышала лишь голоса матросов и шум ветра в парусах. Никто не приближался к повозке, и Киттен в конце концов даже осмелилась выбраться из-под навеса, чтобы справить нужду. Это было ночью, и ее никто не заметил. Повозка стояла в носовой части судна, принайтованная к борту между ящиками с китовым усом и другими товарами, в то время как матросы большую часть времени проводили в помещениях под палубой, где они и спали. При слабом ветре и спокойном море требовалось всего несколько человек, чтобы выполнять работу на судне.

Киттен не верила своему везению. Однако, увы, оно закончилось, как только они оказались в заливе Клауди. Для начала девочка распростилась с надеждой на то, что рядом с китобойной станцией окажется город. На берегу Киттен выглянула из-под брезента, но не увидела ничего, кроме китовых костей, лодок и обычных хижин китобоев. Станция была даже меньше той, что принадлежала Джорджу Хемплмену, хотя и появилась раньше. Киттен не питала иллюзий — здесь тоже наверняка есть такой же паб с проститутками. Трактирщик и сутенер так же обрадуются свежей крови, как и Баркер. Поэтому Киттен решила не показываться, пока это возможно.

Впрочем, вид от станции открывался прекрасный. У самого пляжа берег был не таким крутым, как в заливе Пераки, но на горизонте возвышались покрытые снегом горы, а за пляжем раскинулись зеленые холмы. Уже можно было рассмотреть и устье реки. Река Вайрау, близ

которой стояла станция, судя по всему, убежала далеко в холмы. Течет ли она через то поселение, о котором упоминал Карпендер? Можно ли попасть в город, если следовать по течению? Киттен подумала, что стоило бы это проверить, но она до смерти боялась путешествовать в одиночестве в такой глуши. Кроме того, не факт, что она сможет незаметно выбраться из укрытия после того, как судно причалит. Несмотря на протесты преподобного, который, судя по всему, был не прочь задержаться на станции и, возможно, еще разок-другой «расслабиться», Карпендер сразу же повел своих лошадей прочь от пляжа, по дороге, идущей вдоль реки.

— Были у меня здесь как-то раз неприятности, — коротко пояснил он, когда Мортон поинтересовался причиной подобной спешки. — Управляющий этой станции — настоящий пройдоха. Я доставил ему целый воз провианта, но он решил, что я прошу за него слишком много. И что мне было делать? Когда он понял, что я буду упорно стоять на своем, возле него тут же появилось два десятка дикарей, каждый из которых был на голову выше меня. То, что он мне заплатил в конечном итоге, даже не покрыло закупочной стоимости, и мне оставалось только радоваться, что я ушел живым. Так что мне лучше убраться отсюда побыстрее, пока капитан Клейтон еще здесь. Иначе эти парни снова обчистят мою повозку. Вы, преподобный, разумеется, можете остаться, если хотите. Но предупреждаю вас: когда местным ребятам надоест рыба, а она им наверняка уже надоела, то они с удовольствием зажарят миссионера...

Торговец расхохотался, и Киттен легко могла представила себе выражение лица преподобного, с которым он слушал эти слова.

Теперь она не могла вылезти из повозки. Оставалось лишь надеяться, что Карпендер направится в поселение белых. Однако эта надежда быстро развеялась, когда преподобный Мортон спросил у торговца, куда тот держит путь.

— А мы сегодня попадем в город? — любопытно спросил он. — Я хочу сказать... Вы упоминали о белых поселенцах...

Карпендер фыркнул:

— Я говорил об окрестностях залива Тасман, преподобный. Если бы вы посмотрели на карту местности, где вам теперь предстоит заниматься своей деятельностью, вы бы поняли, что на другой стороне пролива Кука живет лишь горстка белых. Город расположен ближе к западному побережью, в то время как мы очутились на восточном. То есть нам пришлось бы снова пересечь остров, чтобы попасть туда. За один день это сделать невозможно. Да и зачем? Мои клиенты — и ваша будущая паства — обитают в центре страны. Те Раупараха[10], знаменитый вождь, живет

со своим племенем у реки Вайрау. Туда мы сейчас и едем. Понятия не имею, доберемся ли мы туда сегодня, но завтра уж наверняка. Можете составить пока парочку проповедей или выучить несколько слов на маори. *Kia ora* — «здравствуйте». А «добро пожаловать» — *хаэре маи*. Ах да, и я полагаю, что «я умираю» переводится как *ка мате*. Есть знаменитый *хака* — это ритуальный танец туземцев. Будете подпевать им, пока закипает вода...

Миссионеру уже надоели намеки на его страх перед дикарями, и он принялся возмущаться, но Киттен его совсем не слушала. Она сама умирала от ужаса. Карпентер ехал напрямик в племя маори! И он найдет ее сразу же, как только начнет предлагать свои товары! Девочка решила незаметно выскользнуть из повозки сейчас, пока они находились еще не слишком далеко от китобойной станции, а потом каким-то образом добраться до поселений на другом конце пролива. Повозка тряслась на ухабах, и Киттен надеялась, что мужчины не заметят, как она спрыгнет. Найти дорогу тоже будет несложно: выглянув из-под брезента, она обнаружила, что они по-прежнему движутся вдоль реки. Берега густо поросли лесом, растительность тут была пышнее, чем в заливе Пераки. Огромные древовидные папоротники качали листьями над рекой, железные деревья[11], поросшие цветами *рата*, устремлялись высоко в небо, а один раз Киттен показалось, что она заметила дерево *каури*[12] — как она слышала, источник самой ценной древесины в Новой Зеландии. Вся мебель Хемплмена была сделана из него.

Река текла рядом, широкая и неторопливая, к тому же наверняка и судоходная, что объясняло плохое состояние дороги. Скорее всего, здесь чаще путешествовали на лодках, если было нужно добраться от побережья до поселений маори. Киттен уже собиралась спрыгнуть, но в этот самый миг дорога вдруг стала ровнее, и Карпентер воспользовался этим, чтобы пустить лошадей галопом. Похоже, он спешил добраться до деревни маори, не желая останавливаться на ночлег в открытой местности.

Киттен поняла, что спрыгнуть с повозки теперь не получится. На такой скорости она запросто могла бы пораниться. Впрочем, ей совсем не хотелось возвращаться на китобойную станцию. Девочка вздохнула и решила смириться с тем, что окажется в лагере маори, где ее и обнаружат. Это еще не самое худшее, что может случиться. Конечно, Карпентер будет возмущаться, но она наверняка сумеет уговорить его снова взять ее с собой, когда он закончит свои дела здесь. По идее, затем он отправится в ближайшее крупное поселение, чтобы пополнить запасы товаров. И вполне вероятно, что он потребует оплатить проезд, — что ж, если ничего другого

не останется, будь что будет. А в поселении она снова сумеет сбежать...

Киттен примирилась с судьбой и выглянула из-под брезента, любуясь сверкающей под солнцем рекой. Русло ее было каменистым, берега — пологими, с песчаными отмелями, и часто казалось, что Вайрау не может решиться, в какую сторону ей течь, поэтому и петляет то и дело.

— Рыбы тут полно, — заметил Карпентер, обращаясь к своему пассажиру, который становился все более молчаливым по мере того, как они продвигались вглубь страны. — Маори ловят рыбу вентерями[13] — если под рукой нет миссионера, которого можно зажарить... — В его голосе звучала насмешка. — Еще они отваривают корни и другие части папоротников, выращивают сладкий картофель, а с тех пор, как здесь появились белые, и зерновые тоже, хотя раньше этого не делали. Семена идут нарасхват. Я уже упоминал о том, что вождя Те Раупараху называли в честь съедобного растения? Один из его предшественников, который стал вождем, сразив в поединке и съев отца Те Раупарахи, пригрозил съесть и его сына — с корнями раупарахи в качестве гарнира. На вкус они напоминают рыбу...

Судя по всему, Карпентер веселился от души, и Киттен надеялась, что его настроение не слишком испортится, когда он найдет ее чуть позже. Папоротниковый лес расступился, и вскоре Киттен увидела нечто похожее на плантации — поля, на которых росли какие-то злаки. Наверное, лагерь уже совсем рядом. Киттен пришлось опустить брезент. Пусть она ничего не увидит, зато ее не обнаружат раньше времени.

И действительно, дорога вновь стала ровнее, вскоре она услышала приветственные крики, которые все приближались. Женщины и мужчины обращались к Карпентеру доброжелательно, в их голосах звенела радость. Судя по всему, торговца здесь хорошо знали.

Наконец повозка остановилась, и маори поздоровались со своими гостями. Карпентер что-то сказал на ломаном языке маори, но Киттен разобрала только *киа ора*, уже известное ей слово. По меньшей мере один из туземцев ответил на его приветствие по-английски.

— Здравствовать, Ка-пин-та! — произнес низкий и приятный мужской голос. — Мы тебя ждатель много лун. Мы радовать!

Карпентер рассмеялся.

— Я тоже радуюсь, Те Пуаха! — ответил он. — Особенно хорошей еде: несколько дней не ел свежей пищи.

Киттен могла себе представить, как он многозначительно покосился при этом на преподобного отца. Она тоже ощутила сильный голод. Девочка ничего не видела, сидя под брезентом, но где-то поблизости явно готовили

ужин: вкусно пахло жареной рыбой.

— А ты кого-то привезти? Кто таков? — справился о миссионере Те Пуаха.

Священник Мортон, похоже, вполне владел собой.

— Меня зовут преподобный Мортон, — услышала Киттен его высокий голос, — и я принес вам Божье слово и Его благословение!

Но тут же раздались испуганные возгласы, что-то загрохотало. Киттен осторожно выглянула из-под брезента и с ужасом увидела, что миссионера, который поднял руки, чтобы благословить собравшихся, окружило множество воинов. Они нацелили на него свои копья, воткнув их древком в землю.

— Опустит руки, идиот! — рявкнул Карпентер. — Не волнуйся, Те Пуаха, он просто хотел поздороваться. Это знак, вроде *киа ора*, понятно?

Преподобный Мортон, дрожа от страха, опустил руки, и Те Пуаха снова улыбнулся. Это был коренастый молодой человек; как большинство мужчин маори, он казался тяжелым и неуклюжим. Темная кожа туземцев была покрыта татуировками, среди которых особенно выделялись синие линии и похожие на листья узоры на лице. Миссионер стал белым как полотно, после того как маори едва не набросились на него.

— Мы думать, булава войны, — примирительным тоном пояснил Те Пуаха. — Или огненная штука — мус-ке-та, ты так говорил, нет? Ты привозить несколько, Ка-пин-та? Ты обещать!

Киттен снова опустила брезент, поэтому не видела, кивнул ли Карпентер.

— Мы поговорим о товарах позже, — заявил он молодому маори. — Но сначала скажите *хаэре маи* преподобному Мортону, а то он боится. Он ведь ничего плохого вам не желает. Он не из тех, кто проповедует огнем и мечом, для этого он слишком труслив.

Миссионер что-то сказал, однако его слова утонули в громких возгласах маори.

— Друг Ка-пин-та — друг *нгати тоа*! — приветствовал миссионера Те Пуаха. — А теперь мы устроим праздник. Девушки станцуют *хака*, женщины приготовят еду, ты приносить виски, да?

Киттен упала духом. Ну вот и все. Бутылки лежали возле бочонка с квашеной капустой. Чтобы добраться до них, Карпентеру придется поднять брезент. Однако Те Пуаха сделал это вместо него. Пока снаружи смеялись и пели, приземистый маори, предвкушая выпивку, поднял брезент и тут же обнаружил под ним девочку, тщетно пытавшуюся спрятаться среди одеял и припасов.

— Эй, Ка-пин-та! Что это ты привозить? Ты продать нам девочку?

Больше всего Киттен хотелось зажмуриться и надеяться на то, что ее не заметят, но эта детская уловка, разумеется, ни к чему бы не привела. Вместо этого она широко раскрыла свои глаза орехового цвета и посмотрела на молодого маори — а затем и на Карпентера, который сразу же подошел к повозке.

— Глазам своим не верю! — в недоумении произнес он, увидев ее. — Как ты сюда попала? Ты... ты же из залива Пераки, верно? Девочка, которую собирались продать на аукционе!

— Продать девочка? — удивился Те Пуаха.

Вокруг него собрались другие маори, среди них были женщины и дети. Судя по всему, они хотели, чтобы им перевели весь разговор. Те Пуаха что-то сказал темнокожей стройной женщине с длинными черными волосами и мягкими чертами лица, которая не выглядела угрожающе, несмотря на татуировки.

— Не сердитесь, — умоляюще произнесла Киттен, обращаясь к торговцу. — Я хотела уехать из Пераки и спряталась в вашей повозке, прежде чем вы отвезли ее на судно. Я съела немного квашеной капусты... Мне... мне очень жаль... Но если вы отвезете меня в город, то я... я найду честную работу и все возьму, и...

— Для начала вылезай оттуда! — приказал Карпентер. — Ты мне всех клиентов распугаешь.

Дрожа, Киттен выбралась из повозки. Теперь она наконец-то смогла хорошенько рассмотреть все вокруг и поразилась тому, что они оказались в настоящей деревне. Близ площади, на которой остановился Карпентер, стояли красивые деревянные дома с яркими фронтонами и похожими на веранды пристройками с причудливой резьбой. Все они были разного размера и, судя по всему, служили для разных целей. Перед одним из этих домов готовили еду — наверное, тут размещалась кухня. Перед другим стояли фигуры высотой в человеческий рост, тоже вырезанные из дерева и ярко раскрашенные. Киттен совсем не так представляла себе лагерь дикарей.

Она разглядывала их — темнокожих мускулистых людей с круглыми глазами. И мужчины, и женщины носили широкие разукрашенные пояса и юбки из развевающихся лент, которые при движении издавали звук, похожий на птичий щебет. На мужчинах не было рубашек, только плащи из чего-то похожего на перья, женщины одевались в тканые кофты. Их распущенные волосы поддерживали широкие обручи, а мужчины собирали длинные пряди в узел на затылке. Несмотря на то что маори выглядели очень непривычно, она не ощущала исходящей от них угрозы. Когда Киттен наконец посмотрела на Мортонна, тот ответил ей сладострастным взглядом, и он показался ей даже более диким, чем туземцы. Без сомнения, он представлял для нее бóльшую опасность, нежели любой из членов племени.

— Ты! — Преподобный направился к ней и возвел глаза к небу, желая то ли помолиться, то ли поблагодарить своего Бога. — Пути Господни неисповедимы. Ты... и я...

Киттен обернулась к Карпентеру.

— Я не хотела, чтобы меня продали, — сказала она. — Я не хочу становиться шлюхой. Пожалуйста... пожалуйста, возьмите меня в город у пролива Кука. Я буду работать... Наймусь в служанки или...

Карпентер рассмеялся, и в смехе его прозвучало нечто похожее на жалость.

— Малышка, я не знаю, что ты себе вообразила, но тот медвежий угол и городом-то не назовешь. Живут там два-три фермера, которые привезли с собой жен и ораву детей. Им не нужны слуги. Еще там обитают всякие миссионеры и землемеры — для них есть магазин, где продают самые разные товары, и несколько пабов. В них ты точно найдешь работу — только не честную...

Киттен в отчаянии понурилась. Значит, опять ничего, снова разрушенная надежда... и этот визгливый голос преподобного:

— Каждый должен принять свою судьбу и занять место, предназначенное ему Господом!

Киттен вновь взглянула на него. Когда миссионер перекрестился, мужчины схватились за боевые дубинки. Судя по всему, этот знак показался им подозрительным. Женщина с мягкими чертами лица — Киттен обратила внимание на ее гордую осанку и то, что на плечах у нее лежала такая же накидка из перьев, как у мужчин, — снова потребовала от Те Пуахи, чтобы тот перевел слова Мортонна. Однако фраза преподобного отца, по всей видимости, показалась маори слишком сложной.

— Это вы загнули, преподобный! — вмешался Карпентер. — Не может Господь хотеть, чтобы малышку продали, словно скотину какую-то! Разве вы обычно не высказываетесь о том, что женщины легкого поведения прокляты навек? И их клиенты вместе с ними? — Он снова усмехнулся.

— В том-то и дело! — воскликнул взволнованный миссионер. — Я и пытаюсь объяснить это девушке. Она не проклята. Господь в своей бесконечной милости сохранил ее девственность и прислал сюда. Ко мне! Я последую Его зову и возьму ее в жены! Мы будем жить в добром христианском браке...

В глазах у Киттен вдруг потемнело, аромат пищи, витавший над площадью, стал вызывать у нее тошноту. Все в ней противилось мысли о том, что ей придется выйти замуж за преподобного Мортонна, даже если это будет единственной возможностью стать честной женщиной. Маори, ставшие зрителями непонятной драмы в своей собственной деревне, забеспокоились. Те Пуаха переводил слова белых для высокой стройной женщины.

— Христианский брак? — возмутился Карпентер. Будучи ниже

ростом, чем преподобный отец, сейчас он казался выше его благодаря своему гневу. — Вы втрое старше девушки, негодяй! Только посмотрите на это дитя! Вам нужно стыдиться уже того, что вы думаете о возможности затащить малышку в свою постель!

Миссионер пожал плечами.

— Лучше юная невеста, нежели юная грешница, — заметил он и направился к Киттен. — Ну, скажи же что-нибудь на это, моя красавица. Станешь ли ты с Божьей помощью моей верной женой?

Киттен попятилась.

— Нет! — прошептала она. — Нет, я...

Она искала возможность убежать, а преподобный Мортон не сводил с нее взгляда, словно кошка с мыши. Если она попятится еще на шаг, то прижмется к стене одного из домов... В конце концов она рванулась вперед и едва не налетела на женщину маори в плаще. Киттен извинилась и хотела было бежать дальше, но тут на плечи ей легли тяжелые теплые руки. Женщина велела ей остановиться, затем махнула рукой, и между Киттен и преподобным вмиг выросли трое могучих воинов маори.

Те Пуаха обернулся к Карпентеру и вопросительно посмотрел на него.

— Друг Ка-пин-та? — поинтересовался он.

Карпентер вздохнул.

— Не совсем, — ответил он. — Но не нужно причинять ему вреда...

— Дочь вождя говорит, он должен уйти! — заявил воин маори. — А девочка пусть остается. Если ты хочешь, мы дадим тебе деньги за то, что ты ее отпустить.

Киттен не поверила своим ушам и с благодарностью взглянула на свою спасительницу, а Карпентер начал переговоры. Он наверняка был не прочь избавиться от миссионера, но нельзя ведь просто так прогнать в глушь белого человека. Он, конечно, отдал бы Киттен дочери вождя бесплатно — или за очень скромную сумму, — но Мортон нужно было где-то разместить до утра.

Киттен перестала обращать внимание на мужчин, когда женщина вдруг обратилась к ней.

— Ты *ингоа*? — спросила она.

Киттен испуганно уставилась на нее. Это слово не входило в число тех, которым Карпентер учил по дороге преподобного отца.

— Я Те Ронга. — Женщина терпеливо показала на себя, затем на Киттен. — Ты?

— Как тебя зовут? — помог девочке Те Пуаха.

Киттен глубоко вздохнула. Она поняла жест женщины, но ей так

надоело ее прозвище! Если теперь она взрослая — как бы там ни было, детство ее уж точно закончилось, — то ей понадобится взрослое имя. К сожалению, ничего подходящего на ум не приходило.

— Кэт, — наконец сказала она. Киттен вполне могло превратиться в Кэт.

Те Пуаха рассмеялся.

— Потти! — перевел он и указал на толстую трехцветную кошку, которая вылизывалась на пороге одного из домов. — Это ведь кошка, верно? Мы называем их *потти*.

Девочка кивнула.

— Потти, — повторила она, улыбнулась и указала на себя.

Маори захихикали и захлопали в ладоши.

— *Хаэре маи*, Потти! — Те Ронга нарочито поклонилась, показывая, что это формула приветствия. — *Хаэре маи* в племя *нгати тоа*.

Кэт недоуменно оглядывалась. Неужели ее действительно приглашают остаться? На правах члена семьи? Она колебалась, но ее убедили улыбающиеся лица Те Ронги и всех остальных женщин племени. Девочка вдруг вспомнила о Линде Хемплмен. Может быть, эти женщины и выглядят непривычно, их одежда и язык совсем не такие, как у изысканных немцев, но они не менее дружелюбны — и, вне всякого сомнения, совершенно честны.

Кэт сделала глубокий вдох.

— *Киа ора*, Те Ронга! — произнесла она.

«Санкт-Паули»

Рабен-Штейнфельд, Гамбург Байя — Бразилия Нельсон — Новая Зеландия (Южный остров)

1842—1843

Глава 1

Так рано, как в этом году, зима давно не приходила. Снег и лед уже осложняли жизнь обитателей Рабен-Штейнфельда, а ведь ноябрь только начался. Тонкая поношенная куртка Карла не спасала его от холода и влаги, его штаны и ботинки насквозь пропитались ледяной водой. Карл тяжело дышал и проклинал погоду, в том числе и потому, что снова начался снегопад — как раз после того, как он расчистил подъезд к дому вдовы Крузе. Женщина, конечно же, ужасно рассердилась из-за этого: а вдруг она, чего доброго, завтра снова поскользнется? Выпавший снег она сочла

достаточным поводом для того, чтобы вполтину урезать зарплату Карла, словно это молодой поденщик был виноват в том, что стихия так разбушевалась. А фермер Фрисманн, которому он помогал восстанавливать обрушившийся под наметенными сугробами сарай, рассчитался с ним продуктами, причем не салом или колбасой — он решил отделаться от Карла мешком муки и парой картофелин.

— Благодарю Господа за то, что тебе дали, из этого твоя мать сварит суп для всей семьи, — заявил Фрисманн, когда Карл осторожно поинтересовался, нельзя ли получить гонорар в геллерах и пфеннигах.

После этого молодой человек ушел. Если Фрисманн забыл даже о том, что у него больше нет семьи, — его мать умерла в конце лета, а отец и младший брат еще раньше, — то бесполезно просить его увеличить плату за помощь. Более того, если напомнить ему об этом, он может даже ее сократить, поскольку одинокому холостяку много не нужно.

Карл вздохнул. Он смертельно устал и продрог после долгого рабочего дня, и ему очень не хотелось самому готовить себе суп, а перед тем еще рубить дрова и разжигать огонь в печи. Однако молодой человек взял себя в руки. Не стоило проявлять неблагодарность, ведь так или иначе он сегодня немного заработал, что зимой удавалось не всегда. Тот пфенниг, который дала ему вдова за два часа работы, и подачка фермера помогут ему протянуть несколько дней, почти не голодая. Однако подобное существование истощало его силы, и именно оно в конечном итоге привело его родителей и брата к преждевременной смерти.

Разумеется, он еще был молод и силен — временами он все еще кашлял, но давно перестал харкать кровью и мог выполнять самую тяжелую работу, не задыхаясь. Но в долгосрочной перспективе... Карл не обманывался. У поденщика в Мекленбурге жизнь была несладкой. Поэтому он перестал даже думать о том, чтобы жениться и завести семью, несмотря на то что ему, как наследнику, удалось арендовать дом своих родителей по довольно низкой цене. На него легла бы слишком большая ответственность. Карл мог голодать и мерзнуть, но не представлял себе, как обречь любимую женщину на те же страдания. И уж тем более Иду...

Снег повалил сильнее, так что Карл едва мог разглядеть деревенскую дорогу. Он смутно различал лишь силуэт женщины, которая, закутавшись в шерстяной плащ, пыталась выйти из ворот ближайшего крестьянского двора. Ветер норовил сбить ее с ног, кроме того, она, похоже, несла довольно тяжелый мешок.

Карл задумался, не прийти ли ей на помощь, хотя ему очень хотелось уйти в сухую и теплую комнату. А затем он узнал Иду и содрогнулся.

Только что он подумал о ней — и вот она здесь. Странное совпадение, с другой стороны, не удивительное. В конце концов, он думал об Иде постоянно. Карл гнал от себя эти мысли, но чем бы он ни занимался, как бы ни пытался отвлечься, ее красивое лицо в форме сердечка постоянно появлялось перед его внутренним взором.

— Привет, Ида! — крикнул он ей, чтобы привлечь ее внимание. Ведь в такую метель она втягивала голову в плечи и не смотрела по сторонам, и, появившись перед ней внезапно, он мог ее напугать.

Ида взглянула на него. Густые снежные хлопья обсыпали ее брови и темные корни волос, как пух с крыльев ангелов. Узнав молодого человека, она улыбнулась.

— Привет, Карл! — ответила она и перебрала мешок с левого плеча на правое. — Ужасная погода, правда же?

Карл кивнул.

— Что ты делаешь здесь, на улице? — спросил он и потянулся к мешку. — Давай я понесу, нам ведь по пути.

Ида охотно рассталась со своей ношей, и у Карла потекли слюнки, когда он учуял ароматы, пробивавшиеся сквозь мешковину. Ветчина... свежий хлеб...

— Фермер Фит забил скотину. А мой отец решил созвать собрание — сегодня вечером, как стемнеет. И велел мне принести пару колбас, чтобы угостить мужчин. Вообще-то я давно уже должна была вернуться, но госпожа Фит... Она все болтала, болтала и болтала, совсем не хотела меня отпускать. И вот теперь уже почти стемнело, и снег пошел. Но зато она подарила мне еще одну буханку хлеба, потому что испечь я уже ничего не успею...

Карл вздохнул. Дочь малоземельного крестьянина вознаградили за болтовню с фермершей щедрее, чем поденщик получал за три часа тяжелой работы. Его матери фермеры могли сунуть разве что черствый ломоть, больше ничего ей даром не доставалось.

Он решил подумать о чем-нибудь другом. Как бы там ни было, сегодня у него счастливый день. Не только потому, что он немного заработал, — небо наградило его возможностью прогуляться вместе с Идой и поговорить с ней по-настоящему. С тех пор как он тогда ушел из школы — а Ида примерно через год после него, — они ни разу толком не пообщались. Они и встречались-то редко, особенно после того, как мать Иды умерла, рожая ее младшую сестренку. На тринадцатилетнюю Иду внезапно легло все домашнее хозяйство семейства Ланге и уход за болезненной малышкой. Девушка заботилась о младшей сестренке с большим рвением, однако она

все же последовала на Небеса вслед за матерью всего полгода спустя.

«Бог дал, Бог взял», — стоически повторял тогда Якоб Ланге, но Ида была безутешна.

— Твой отец созывает молитвенное собрание? — поинтересовался Карл, подходя ближе к мерзнущей Иде, чтобы своим телом хоть немного защитить ее от промозглого ветра. Он готов был все отдать за теплую куртку, которую он мог бы снять и набросить ей на плечи. Плащ, похоже, плохо ее согревал. — В такую погоду? Да еще во вторник? Неужели кто-то заболел?

То, что его не пригласили даже на такое мероприятие, Карла не удивило. А ведь его отец был столпом старолютеранской общины. Пастор высоко ценил красивый голос глубоко верующего Фридриха Йенша, который снова и снова оживлял композиции Мартина Лютера во время богослужения. Что ж, не слишком-то это помогло Йеншу: многие зажиточные члены общины просто забыли о нем, когда он умирал дома. Карл до сих пор злился из-за этого, и он то и дело, не сдержавшись, резко высказывался о пасторе, фермерах и малоземельных крестьянах. С тех пор его стали считать склочным и упрямым человеком. Его терпели в общине, но ни к чему не привлекали.

Молодой человек заметил, что Ида покачала головой.

— Нет, не молитвенное собрание, — ответила она, стряхивая плотный слой снега со своего головного платка. — Речь идет о другом... Отец ведь был недавно в Шверине.

Это случалось нередко, поскольку Якоб Ланге был умелым кузнецом и считался знатоком лошадей. Даже помещик признавал его талант и брал его с собой, когда собирался купить новую лошадь. На этот раз речь шла об упряжке для саней. Карл издали видел этих роскошных животных.

— И там ему на глаза попался плакат, а потом он встретился с одним человеком, важным господином со странным именем. Ну, фамилия у него простая — Бейт, а вот имя... Что-то вроде Джон Николас.

Карл задумался.

— Никогда не слышал, — признался он. — И кто же он?

— Он состоит в... Я точно не знаю, что это такое, торговый дом, кажется. В любом случае это называется Новозеландская компания, но пишется очень забавно, некоторые буквы совсем другие. И «Новая Зеландия» тоже как-то странно пишется[14]. Гамбургская судоходная компания имеет ко всему этому какое-то отношение... — Ида рассказывала с запинками, но подробно — чем-то эта тема ее волновала.

— А мы же читали про Новую Зеландию! — вспомнил Карл, радуясь,

что может внести в разговор свою лепту. — Книга про капитана Кука, помнишь?

И он заговорщически улыбнулся девушке, но та ответила ему затравленным взглядом. Скорее всего, отец отругал ее за то, что книга тогда пропала. Наверное, она имела какое-то отношение к планам ее отца.

— Он хочет уехать! — вырвалось у девушки. — Ну, мой отец. Этот Бейт вербует поселенцев в Новую Зеландию. Говорит, там очень много земли и любой может купить ее. Не так, как здесь...

Несмотря на то что в Мекленбурге крепостное право отменили уже лет двадцать назад, фермеры и ремесленники могли брать землю только в наследственную аренду. Хотя это считалось делом надежным, именно членам старолютеранской общины не нравилось такое положение вещей. Герцог Мекленбургский никогда не преследовал их за веру, но вот предыдущий правитель, король Фридрих Вильгельм III Прусский, — еще как. Его сын отменил запрет на богослужения по старолютеранскому обряду, однако Якоб Ланге, как и многие другие, не верил в долгий мир со властью имущими. Поместные дворяне могли в любой момент воспользоваться их желанием придерживаться чистой веры Мартина Лютера как поводом к тому, чтобы прогнать их с земельных участков.

— И теперь отец хочет, чтобы другие малоземельные крестьяне тоже уехали с ним, — продолжала рассказывать Ида. — Мы можем отправиться туда всей общиной, сказал господин Бейт, и это не так дорого обойдется. Триста английских фунтов за восемьдесят моргенов земли, включая стоимость проезда. Не знаю, сколько это в талерах, но отец сказал, что мы это можем себе позволить.

Карл снова вздохнул. Пожалуй, малоземельные крестьяне действительно могли позволить себе это путешествие, как и фермеры, но он и мечтать о подобном не мог, даже если бы речь шла всего о тридцати пфеннигах. Однако сердце молодого человека забилося чаще, когда он услышал о новой земле. Бросить все это, начать новую жизнь...

Вот только Ида, казалось, не разделяла его восторга. Она выглядела скорее подавленной.

— Но ты не хочешь ехать? — посочувствовал ей Карл.

Ида лишь пожала плечами.

— Я поеду туда, куда велит отец, — просто сказала она, — или мой муж...

Этими простыми словами она уязвила Карла в самое сердце. Разумеется, он знал, что Ида Ланге помолвлена с Оттфридом Брандманном, потому что не так давно пастор объявил об этом с кафедры. Они могли в

скором времени сыграть свадьбу. Иде вот-вот исполнится семнадцать, почти все девушки ее возраста уже вышли замуж. Но Ида все еще должна была заменять мать младшим братьям и сестре, и, судя по всему, Якоб Ланге хотел еще немного подержать ее дома, пока младшие дети не подрастут и не станут самостоятельными. Кроме того, Оттфрид, похоже, не слишком усердствовал в изучении плотницкого мастерства. Несмотря на то что он трудился под началом собственного отца, пробную работу на звание подмастерья он все еще не сдал. Однако все могло решиться в течение нескольких месяцев.

— Этот Оттфрид! — вырвалось у Карла. Он не знал, что заставило его так раскрыться, возможно, странная атмосфера этой прогулки, когда в сумерках снег призрачной вуалью скрывал Карла и Иду от действительности. — Ты и правда выйдешь за него замуж? Ты любишь его?

Ида остановилась и удивленно посмотрела на него.

— Он хороший человек, — ответила она. — И старший сын, наследник. Если мы не уедем... Мой отец...

— Да забудь ты на минутку о своем отце, Ида! — взмолился Карл. — Подумай, что ты испытываешь при мысли о свадьбе. Ты... желаешь быть с Оттфридом?

И без того белое как снег лицо Иды побледнело еще больше, когда она поняла, что он сказал. И тут же девушка залилась густой краской.

— Какие слова ты употребляешь, Карл Йенш! — с упреком произнесла она, и Карл сразу же пожалел о своей вспышке.

Чего доброго, она сейчас замолчит и никогда больше не заговорит с ним. Но он ошибался. Иде понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями: она пыталась подыскать слова для ответа.

— Каждая девушка должна выйти замуж... — негромким голосом произнесла она. — Это... богоугодное дело. А что касается любви... она приходит со временем. Оттфрид — хорошая пара для меня. Он ремесленник, он верующий... Мой отец сказал: так и должно быть. Все остальное приложится. — Ида посмотрела на Карла в поисках поддержки.

Однако тот совершенно не собирался ей поддакивать.

— Но что у тебя на душе, Ида? — не отставал он. — Ты же должна испытывать что-то по отношению к своему будущему супругу! Тебя вообще спрашивали, хочешь ли ты за него замуж? Он спрашивал тебя?

Карл не мог удержаться, не мог не задавать этих вопросов, которые мучили его с тех самых пор, как стало известно о помолвке. Впрочем, он вел себя как безумец. Ида могла догадаться, какие чувства он испытывает к ней, и тогда ситуация станет совсем неловкой.

— Оттфрид очень добрый, — стояла на своем Ида. — На прошлое Рождество он сделал мне подарок. И мы часто держались за руки после богослужения. Он мне вполне подходит... Он... он из хорошей старолютеранской семьи...

Карл сдался. Казалось, Ида не понимала, к чему он клонит, или не хотела задумываться об этом. В любом случае, судя по всему, она не ставила под сомнение решение своего отца выдать ее за Оттфрида Брандманна, да и Оттфрид, кажется, с готовностью принял свою судьбу, о которой условились Якоб Ланге и Петер Брандманн, серьезно поговорив о своих детях. Ну разумеется, он не пойдет против воли отца, если это сулит ему брак с самой красивой девушкой в деревне!

— И теперь ты хочешь уехать вместе с Оттфридом? — Понурившись, Карл решил сменить тему. — В Новую Зеландию? Это же еще дальше, чем Америка...

Ида попыталась одновременно кивнуть и пожать плечами.

— Это еще дальше, чем Америка, — подтвердила она. — Кажется, туда три месяца добираются морем. Но я не знаю, поедут ли Брандманны. Сегодня они собираются обсудить это, я имею в виду, мужчины... Большое спасибо, Карл, за твою помощь.

За снежной круговертью показался дом Ланге, и Ида решила забрать у Карла мешок с едой. Похоже, она не хотела, чтобы ее видели вместе с ним. Однако вряд ли это могло произойти: с неба по-прежнему сыпались снежные хлопья, кроме того, дом семьи Ланге окружала занесенная снегом изгородь из кустов ежевики.

Карл вернул Иде мешок, но он еще не был готов отпустить ее.

— А если Брандманны не поедут? Тогда... тогда ты не выйдешь замуж за Оттфрида? — спросил он.

Молодой человек не знал, чего ему хочется. Чтобы Ида оказалась в далекой стране, но осталась свободной? Или жила здесь, выйдя замуж за человека, которого он ни во что не ставил и к которому она, судя по всему, не испытывала ни малейших чувств, за исключением некоторого уважения?

— Я в любом случае выйду замуж за Оттфрида, — пояснила Ида. — Если Брандманны не уедут, я буду жить с ним в деревне. Но тогда нам нужно пожениться как можно скорее. Насколько я помню, судно отплывает в декабре. — Она повернулась, чтобы зайти в дом.

— А чего хочешь ты? — крикнул вслед Иде Карл в последней попытке пробиться сквозь стену ее послушания и преданности. — Что предпочла бы ты?

Ида снова обернулась и посмотрела Карлу прямо в глаза. Взгляд ее,

исполненный обреченности и тоски, поразил его до глубины души.

— Я вообще ничего не хочу, — решительно ответила она. — Желания — это для мечтателей и фантазеров, которые крадут у Господа время.

— А о чем ты молишься? — в отчаянии спросил Карл.

Может быть, она ответит, если он сформулирует вопрос иначе? Должно же у Иды быть собственное мнение насчет своего будущего!

— О смирении, — прошептала Ида. — Я молюсь о смирении.

Почти все малоземельные крестьяне Рабен-Штейнфельда уже собрались за большим столом в жилой комнате, когда Ида вошла в дом. Она узнала шорника Бекманна, пекаря Шибана и сапожника Буше. Кроме того, здесь, конечно же, присутствовали Брандманны: Петер Брандманн привел своего сына Оттфрида.

Ида извинилась за опоздание и поздоровалась с мужчинами. Оттфрид надолго задержал ее руку в своих, сжимая крепко, как собственник. Девушка попыталась улыбнуться ему в ответ, но так, чтобы ее не обвинили в том, будто она беззастенчиво кокетничает со своим женихом. Она поймала себя на том, что хладнокровно разглядывает молодого человека, женой которого скоро станет.

Оттфрид был статным парнем, более крупным, чем Карл. Возможно, с возрастом он располнеет, как его отец. В остальном он тоже очень походил на Петера Брандманна. Черты его круглового лица были по-своему привлекательны, разве что слишком близко посаженные глаза немного портили его, но в целом он был довольно хорош собой. Удивительно, но Ида впервые заметила, что глаза у него карие, прежде она никогда не смотрела на своего жениха так внимательно. Ее смущал его большой рот с мясистыми губами. Ида покраснела при мысли о том, что вскоре ей придется целоваться с ним. Нос у него был прямой, не слишком крупный и не слишком маленький, волосы — каштановые, не густые. У старшего Брандманна они уже начали редеть, поэтому Оттфрида, скорее всего, ждет то же самое.

Ида пришла к выводу, что Оттфрид ее не отталкивает — но и не заставляет ее сердце биться чаще. Когда она встретила Карла, то почувствовала, как оно громко застучало, но, скорее всего, дело было в том, что он появился столь неожиданно; кроме того, она помнила запрет отца общаться с поденщиком. С другой стороны, она всегда знала, что глаза у Карла насыщенного зеленого цвета, какими бывают летние поля.

— И как мы можем быть уверены в том, что этот Бейт — не обманщик?

Мужчины возобновили разговор с того места, на котором

остановились, когда Ида ушла на кухню. Она слышала их громкие голоса, нарезаая хлеб и раскладывая на тарелке колбасу и ветчину. При этом она с некоторым раскаянием в душе думала о Карле, который помог ей донести все это, хотя у самого дома хоть шаром покати. Наверное, нужно было с ним поделиться — в благодарность за помощь. Но он наверняка отказался бы. Карл очень гордый, ему не нужна милостыня.

— За ним стоит Новозеландская компания, — ответил на вопрос Петера Брандманна Якоб Ланге, когда Ида внесла блюда. — И торговый дом Гамбурга «Де Шаперуж и Компания». Они предоставят судно. У Бейта есть свидетельства и письменные подтверждения от всех возможных инстанций. Он уж точно не мошенник...

— Он истинной веры? — поинтересовался сапожник.

Ланге пожал плечами:

— Я его не спрашивал. Но он — отец семейства, его жена и дети отправятся в путешествие вместе с нами. Кроме того, на судне будут два миссионера. Поэтому мы не останемся без духовной опеки.

— Истинной опеки? — строго переспросил Буше.

— Господин Бейт заверил меня, что в окрестностях Нельсона, где расположена предназначенная нам земля, уже есть миссия — там живут духовные лица, бежавшие от преследований прусского короля. То есть наверняка не реформаторы. Кроме того, Бейт заверил меня в том, что мы сможем основать собственную общину. Так что если мы уедем вместе, то будем продолжать жить в общине, как и привыкли. — Ланге взял кусок хлеба с тарелки, которую Ида только что поставила на стол, и густо намазал его печеночной колбасой. — Мы все устроим в точности так, как здесь, сохраним свой язык, свои обычаи...

— В Новой Зеландии сейчас лето. — Едва эти слова сорвались с ее уст, Ида в испуге прикусила губу.

Но она должна была сказать об этом. В Новой Зеландии не будет «точно так же, как здесь». Это другая страна, там другие растения, другие животные... другие звезды! Девушка вспомнила о книге капитана Кука.

Мужчины добродушно рассмеялись.

— Что ж, это настоящий аргумент! — заявил Хорст Фрисманн, фермер, у которого вчера под сугробами обвалилась крыша сарая.

— Аргументов много! — фыркнул Ланге и бросил на дочь укоризненный взгляд. — Особенно для вас, крестьян. Фрисманн, ты только подумай! Сколько у тебя здесь земли? Семь гектаров! Этого едва хватает на жизнь, если летом ты не работаешь на помещика, словно какой-то грязный поденщик! А там ты получишь двадцать гектаров сразу, а потом купишь

еще — столько, сколько захочешь. На многие мили вокруг — свободная дикая земля, которая только и ждет, когда мы ее распашем!

— Кстати, о «диких». Я тут вспомнил про туземцев, — заметил шорник Бекманн. — Как там насчет... индейцев?

Другие мужчины закивали. Им уже довелось услышать множество ужасных историй о зверствах коренного населения Америки.

— Бейт говорит, индейцев там нет, — объяснил Ланге. — В этой стране изначально людей вообще не было. Потом туда приплыли англичане и еще какие-то темнокожие с ближайших островов. Но говорят, что они безобидны. А если окажется, что они живут прямо на той земле, которую мы хотим получить, мы просто выкупим ее у них за парочку жемчужин.

Ида вновь закусила губу. В книге про капитана Кука аборигены описывались совсем не так. Если верить мореплавателю, жители Полинезии очень даже умели постоять за себя, упоминал он и о канныбализме.

— Весьма похоже на рай! — усмехнулся Брандманн. — Рай за триста английских фунтов. Но угодно ли это Богу, Ланге? Благословит ли Он нас?

Якоб Ланге сложил руки на груди.

— Дар божественной милости... — процитировал он Мартина Лютера. — Спасется тот, кто примет его с верой. Не малодушные, Петер. Не колеблющиеся! Положимся же на Иисуса Христа, положимся на то, что нас ведет Господь, что именно Он привел меня в Шверин как раз тогда, когда Джон Николас Бейт делал свой доклад. Мы всегда были верны истинному учению — а значит, справедливо, что Господь решил вознаградить нас за это. Не обязательно прямо сейчас принимать решение, но времени осталось немного. — Он махнул рукой, указывая на брошюры, которые привез из Шверина и которые теперь лежали на столе. — Возьмите это с собой, почитайте, у меня еще есть плакаты — их я повешу на улице, как только закончится снегопад. А теперь давайте все помолимся, чтобы Господь просветил нас и вывел на верный путь. Даже если он будет долгим...

«Более долгим, чем путь в Америку», — подумала Ида.

А на следующий день она неожиданно для себя совершила странный поступок. Взяв со стола стопку брошюр, она просунула их под дверь дома, в котором жил Карл Йенш. Конечно же, она постаралась, чтобы никто не застал ее за этим, особенно сам Карл. Лишь бы он не подумал, что она хочет над ним посмеяться, — в конце концов, ему никогда не собрать такую сумму. Но он ведь должен знать... он просто обязан знать, куда поедет Ида.

Глава 2

Разговор с Идой взволновал Карла.

Все оказалось именно так, как он и думал. Хотя она ничего толком не сказала, не признавалась в своих чувствах, желаниях и мыслях даже самой себе, в принципе, она была так же недовольна своим жребием, как и Карл. Она хотела большего, чего-то иного, кроме хлопот по хозяйству и материнства в захолустье на краю мира, ей хотелось читать книги и писать сочинения вместо того, чтобы в тринадцатилетнем возрасте заботиться о малыше, который еще и умер у нее на руках. Ида была послушной девушкой, но на самом деле она не желала выходить замуж за мужчину, которого выбрал ей отец. Хотя, конечно, ее будущее не особенно изменилось бы, если бы Якоб Ланге позволил ей подольше ходить в школу. Дочери помещика посещали лицей, но потом их обеих все равно выдали замуж.

Карл не знал, чего он хочет для Иды, ведь не могло быть и речи о том, чтобы он к ней посватался. Возможно, она совершенно права, когда молится о смирении. И ему самому тоже, пожалуй, следовало бы поступать так же, вместо того чтобы постоянно злиться и бунтовать против судьбы. Возможно, Господь действительно не просто так отвел каждому его место...

Карл решил прочитать молитву, однако не почувствовал умиротворения, когда в конце концов укрылся своим тонким одеялом и попытался уснуть в едва натопленной избе. На следующее утро снова придется разгрести подъезд к дому вдовы Крузе — оставалось лишь надеяться, что она ему в конце концов заплатит...

Конечно же, вдова не заплатила. Впрочем, она вознаградила Карла тем, что было лучше обычного пфеннига: она вынесла ему кружку теплого пива, пока он трудился, а потом вложила ему в руки буханку хлеба и кусок колбасы! Вместе со вчерашним супом получится просто роскошный обед! Это утешило Карла, поскольку на остаток дня он себе работы не нашел. В такой холод, как сейчас, крестьяне предпочитали не выходить из дома — если, конечно, не ломался сарай. Они занимались только самой необходимой работой, с которой вполне справлялись сами члены семьи.

Карл толкнул дверь в свою хижину и с удивлением уставился на лист бумаги, лежащий на полу. «Новозеландская компания» — прочел Карл напечатанные крупным шрифтом слова в шапке письма и сразу же забыл обо всем, даже о хлебе и колбасе. Он быстро пробежал глазами строки текста. А затем, поглощая еду, он прочел его во второй, а потом и в третий раз. Все оказалось действительно так, как говорила Ида! В местечке под названием Нельсон, на Южном острове Новой Зеландии, можно было

получить землю, и сейчас компания вербовала поселенцев. Увидел он и напечатанное имя Джона Николаса Бейта, и его адрес в Гамбурге.

Прочтя текст в четвертый раз, Карл понял, что в голове у него созрел план, смелость которого испугала его самого. Смирение... Если он воплотит свою идею в жизнь, если он хотя бы попытается, этим он проявит скорее обратное. И это будет стоить ему с таким трудом заработанного пфеннига! Если в течение следующих нескольких дней он не найдет себе занятие, придется голодать. А потом ему снова вспомнился грустный взгляд Иды, который рассказал ему обо всем: о недовольстве предначертанной ей жизнью в Рабен-Штейнфельде и одновременно о страхе перед отъездом в новую страну. Если это вообще возможно, он не оставит ее одну!

Карлу не пришлось долго искать свою старую тетрадь, спрятанную в самом дальнем углу сундука с одеждой. Карандаш тоже еще лежал там, тщательно заточенный, как и книга про капитана Кука, которую он прочел, наверное, раз двести. Ее молодой человек положил на стол рядом с тетрадью в надежде на то, что она принесет ему счастье.

Карл облизнул кончик карандаша. За минувшие пять лет ему не приходилось ничего писать. Но слово «отлично», выведенное угловатым почерком учителя Бракеля, вселило в него мужество. Когда-то у него получалось неплохо, и разучиться этому делу наверняка не так-то просто!

В последнем свете этого сумрачного зимнего дня Карл Йенш написал первое в своей жизни письмо.

Спустя несколько дней оно легло на стол Джона Николаса Бейта, который, однако, в своей конторе отсутствовал. Его дочь Джейн без особого желания распечатала адресованное ему письмо — эту задачу он с удовольствием поручал ей, пока сам разъезжал по городу и окрестностям, занимаясь приготовлениями к доставке немецких переселенцев в Нельсон. Момент отъезда приближался, и настроение Джейн ухудшалось с каждым днем. В это утро оно было особенно скверным. Примеряя праздничное платье для вечернего бала, она обнаружила, что ткань обтягивает ей грудь и бедра, хотя предыдущая примерка состоялась всего две недели назад. Джейн впала в притворную ярость и обвинила портниху в том, что та испортила наряд. Однако в глазах матери и сестер она прочла, что те не поверили ни единому ее слову. Нельзя было отрицать, что Джейн так же склонна к полноте, как ее мать, и портнихи осторожно ей на это намекали. Сестры же обычно называли ее жирной коровой. Однако Джейн просто не могла удержаться: в плохом настроении или от скуки ей все время хотелось есть. И, поскольку ее настроение только портилось с тех самых пор, как

отец окончательно решил переехать в Новую Зеландию, она стала завсегдатаем в кондитерских Гамбурга.

Джейн не хотела жить в Новой Зеландии! Она ненавидела Новую Зеландию! Хотя дело было отнюдь не в пейзажах и уж точно не в погоде — погода в Гамбурге была почти такой же мрачной, как и перспектива переезда в Нельсон. В Новой Зеландии воздух был намного чище и, по крайней мере на побережье, почти не случалось затяжных дождей или снегопадов. Даже зимой время от времени показывалось солнце, а сейчас там и вовсе было лето. Да и местность считалась красивой. Тот, кому нравились гористые пустынные пейзажи, бесконечные, поросшие травой и лесами равнины и холмы, только и ждущие, чтобы на них построили бревенчатый дом или распахали поля, — такой человек мог быть там даже счастлив. Джейн думала о страстных поклонницах иллюстрированных брошюрок, в которых рассказывалось о приключениях мужественных пионеров в прериях Америки. Многие представительницы гамбургского общества буквально мечтали о жизни в глуши.

Джейн же была человеком совершенно иного склада. Наоборот, она наслаждалась удобствами гамбургского особняка, который снял для отца и всей семьи господин де Шаперуж. Вода здесь шла из крана — сеть труб доставляла воду из Эльбы прямо в дома, комнаты освещали современные масляные лампы, камины и изразцовые печи дарили тепло... Кроме того, у Джейн не было ни малейшего желания заниматься земледелием и скотоводством. Она была умной девушкой, учителей всегда приводила в восторг ее тяга к знаниям. Особенно ей нравилось считать. Больше всего на свете Джейн хотелось вести бухгалтерию в каком-нибудь крупном торговом доме.

Эту страсть она обнаружила совершенно случайно. Сара Бейт наняла одного из бухгалтеров господина Шаперужа в качестве репетитора для своих дочерей. Девочки должны были научиться правильно вести книги домашних расходов. Но Джейн уже после первого занятия переросла эту задачу, ей хотелось большего, и добродушный молодой человек охотно обучил ее тонкостям купеческой бухгалтерии. Это не считалось неприличным для девушки, многие жены купцов вели книги для своих мужей. Джейн Бейт тоже мечтала заниматься чем-то подобным. И в принципе ничто не мешало выдать ее замуж еще в Гамбурге — до отъезда родителей и сестер в Новую Зеландию, куда должен был сопровождать переселенцев ее отец по поручению Новозеландской компании. Де Шаперуж даже предложил ее отцу поговорить об этом с некоторыми приличными купеческими семьями — как раз после того, как он увидел,

как прекрасно справляется Джейн в конторе своего отца.

Однако Бейт отказался. Он заявил, что Джейн еще слишком юна, чтобы выдавать ее замуж, но это была полная чушь. Джейн скоро исполнится двадцать лет, ей давно уже пора вступить в брак! Истинная причина заключалась в другом, и Джейн опасалась, что сама виновата в своем положении. Не нужно было становиться настолько незаменимой в отцовской конторе! Не стоило взваливать на себя всю работу по организации переезда крестьян из Мекленбурга, что выходило далеко за рамки вербовки. Однако в обществе сестер и их подруг Джейн скучала, ей не нравились обычные развлечения девушек ее круга. Она не любила наряжаться, не любила танцевать. Кататься в карете по дождливому Гамбургу у нее не было ни малейшего желания, а поездки верхом вызывали ужас!

Намного больше Джейн нравилось разбирать отцовскую корреспонденцию, заниматься арендой домов, в которых будут жить поселенцы перед посадкой на корабль, и рассылать документы, необходимые для путешествия. Конечно же, она проверяла и некоторые счета, если возникали сомнения, напоминала об оплате, координировала сотрудничество с де Шаперужем — тот договаривался об аренде подходящего корабля. Джейн даже составила рекламный проспект, в то время как ее отец занимался только тем, что умел лучше всего: он убеждал и вел переговоры, завязывал знакомства и делал доклады, чтобы завербовать переселенцев. Неудивительно, что он не хотел отказываться от такой свободы, поскольку потребовался бы не один день и некоторое количество денег, чтобы найти на место Джейн писаря или бухгалтера и ввести его в курс дела.

Девушка вздохнула и задумчиво потянулась к пралине, открывая первое письмо. Желания заниматься корреспонденцией не было, хотя она убеждала себя, что должна наслаждаться работой в конторе, пока это возможно. Насчет того, что ждет ее в Новой Зеландии, Джейн иллюзий не питала. В тот самый миг, когда барк «Санкт-Паули», который зафрахтовал для них де Шаперуж, покинет гавань, она станет не нужна Бейту. На судне для нее не найдется работы, а распределение земли в Нельсоне и сопутствующие хлопоты возьмут на себя сотрудники Новозеландской компании или подчиненные губернатора. И придется Джейн скучать вместе с сестрами, пока отец не подыщет ей кого-нибудь в мужья. Вероятнее всего, он будет из тех, кому не терпится построить рубленый дом...

Однако письмо тут же приковало к себе ее внимание: тщательно сложенный лист из школьной тетради, на котором кто-то почти детским

почерком написал адрес конторы Бейта. Почтовый штамп был неразборчив, но, когда Джейн прочла письмо, она поняла, что отправитель, судя по всему, передал его писарю некоего мелкопоместного дворянина, чтобы тот отправил его в Гамбург, и наверняка вместе с таким вознаграждением, которое едва ли мог себе позволить...

Милостивый государь Джон Николас Бейт!

Нижайше хочу обратиться к Вам насчет переезда в Новую Зеландию. У меня в руках брошюра, в которой предлагается купить землю в местечке под названием Нельсон, и многие высокочтимые члены нашей церковной общины подумывают о переселении. Я всей душой мечтаю жить в новой стране. Я хороший и усердный работник, мог бы пригодиться везде, куда бы ни отправила меня Ваша компания, например, строить дома или распахивать поля. Однако у меня нет денег, я работаю поденщиком в Рабен-Штейнфельде. Работаю тяжело, однако денег едва хватает на жизнь, и я не могу поверить, что это действительно то место, где меня хочет видеть Господь. Поэтому я после долгой молитвы обращаюсь к Вам в надежде, что Вы простите мою дерзость и то, что я осмелился побеспокоить столь многоуважаемую персону. Есть ли работа в Новой Зеландии для тех, у кого нет средств? Может ли Новозеландская компания одолжить мне деньги на билет на судно, чтобы потом пользоваться моим трудом в течение первых месяцев или лет жизни в новой стране? Я — честный человек. Вы можете быть уверены в том, что я сделаю все возможное, чтобы как можно скорее выплатить свой долг вплоть до последнего геллера.

Надеюсь на Вашу и Божью помощь, понимание и прощение.

Карл Йениш

Под письмом был указан адрес помещичьей усадьбы в Мекленбурге. Скорее всего, писарь помещика передаст отправителю ответ, если, конечно, он будет.

Джейн подергала себя за мочку уха и взяла еще одно пралине, размышляя, как ответить на это письмо. Вообще-то отец дал недвусмысленные указания: запросы от поденщиков и прочих неимущих пока что следовало отклонять. Позже, перед самым отплытием, все могло измениться. Если не найдется достаточного количества платежеспособных поселенцев, оставшиеся места на судне отдадут колонистам без средств. Новозеландская компания была открыта для таких предложений. Когда в Англии не сразу нашлись желающие ехать в Нельсон, ее сотрудники даже стали специально вербовать поденщиков. Однако Бейт пока старался подобного избегать, постоянно повторяя лицемерную фразу, популярную

также у священников и дворян: «Принимайте со смирением то, что дал вам Господь, и не впадайте в грех высокомерия, стремясь к большему».

В действительности же за этим стояли весьма четкие финансовые соображения, Джейн мгновенно раскусила их и немедленно заявила об этом отцу. Она прекрасно понимала его расчет, ей только не нравилось то, что он считал ее глупой. Но его резон был понятен: за каждого поселенца, который живым и здоровым сойдет в Нельсоне с корабля, Бейт получит восемнадцать английских фунтов. Если клиент платежеспособен, эти деньги станут чистой прибылью. Те триста фунтов, которые вносили семьи переселенцев, полностью покрывали стоимость проезда на судне, даже если семья была большой, а те гроши, за которые племена маори продавали землю в окрестностях Нельсона, не стоили упоминания. То есть, кроме всего прочего, это был верный доход и для Новозеландской компании, которую, конечно же, хотел удовлетворить Бейт, и для де Шаперужа, который предоставлял судно. Если же взять на корабль поденщиков, деньги за их билеты вычтут из заработка Бейта; кроме того, возникнет риск того, что в новых общинах Нельсона появятся лентяи и неумехи. Если для них вообще останутся места, Бейт проведет тщательное расследование по каждому неимущему, готовому ехать в Новую Зеландию, подавая запросы пасторам и вероятным работодателям.

Джейн не сомневалась в том, что у Карла Йенша нет никаких шансов. Уже то, как было составлено письмо, свидетельствовало о том, что он хоть и умный, но очень своенравный человек. Похоже, его достаточно часто обвиняли в недостатке смирения и послушания. Однако Карл Йенш был твердо намерен утереть нос Богу! Он не хотел оставаться на своем жалком месте в этом мире — и теперь, по иронии судьбы, его жизнь оказалась в руках Джейн Бейт.

Джейн задумчиво надкусила третье пралине. Она колебалась, не попросить ли помощи у Господа, прежде чем принять решение. Но молиться ей не хотелось. Да и зачем? Здесь чудо сотворит не Бог, а в лучшем случае толстая девушка, у которой так и чешутся руки отплатить отцу за несправедливость. Джейн улыбнулась, взяла бумагу, перо и чернила. Как же приятно обладать властью!

Спустя неделю Карл Йенш дрожащими руками открыл толстый конверт, который только что вручил ему писарь помещика. Тот, конечно же, содрал с него еще один пфенниг, хотя отправитель, судя по всему, заплатил за доставку письма. Карл изо всех сил старался не порвать тяжелый коричневый конверт: возможно, его еще можно будет когда-нибудь использовать. Но он слишком волновался для этого. Бумага трещала под

пальцами, и из конверта выпал... билет на судно! Карл не поверил своим глазам, но на билете была четко отпечатана дата: 26 декабря 1842 года он мог взойти на борт судна «Санкт-Паули». Билет гарантировал ему питание во время переезда на средней палубе. В письме содержались сведения и рекомендации по поводу багажа, указывались цены за перевозку личных вещей. Кроме того, в конверте лежал сертификат, который следовало предъявить в Гамбурге, чтобы получить крышу над головой перед посадкой на судно, а также напоминание о том, что перед отъездом необходимо пройти медицинское обследование в гавани Гамбурга, и еще — бумага, дававшая ему право на путешествие в экипаже, предоставленном торговым домом де Шаперужа для перевозки крестьян и их багажа из Мекленбурга в Гамбург. Следующий текст разъяснял, где можно получить необходимый для проезда паспорт и какие для этого нужны документы. Карлу необходимо было обратиться в контору в княжестве Мекленбург и принести свою трудовую книжку, а также выдержку из церковной книги.

Молодой человек лихорадочно искал сопроводительное письмо, которое подтвердило бы то, что его дерзкое требование было рассмотрено положительно. И наконец он нашел ответ на свое послание, написанный на тончайшей бумаге ручной выделки.

Многоуважаемый господин Йенш!

От имени Новозеландской компании я от всего сердца благодарю Вас за готовность переселиться в Нельсон, что в Новой Зеландии. Для обустройства общины понадобится много сил и рабочих рук. Поэтому молодые здоровые поселенцы очень нужны нам, хотя мы и не сможем сразу же предоставить им во владение земельный участок. Необходимы лишь мужество, трудолюбие и порядочность: качества, которыми Вы, судя по Вашему письму, обладаете в достаточной степени. Поэтому мы очень рады возможности сообщить Вам необходимые сведения. Прошу Вас прочесть их внимательно и прибыть со всеми документами в указанный срок и в указанное место.

С уважением,

Дж. Бейт

Дж. Бейт! Представитель Новозеландской компании лично рассмотрел его дело! Карл не знал, смеяться ему или плакать. Он не верил тому, что держит в руках все эти бумаги, но затем сумел собраться с силами, опустился на колени в своей пыльной избе и возблагодарил Господа за возможность начать новую жизнь.

Глава 3

Получив письмо, Карл хотел сразу рассказать Иде о том, что компания

приняла его заявку на переезд. Он точно не знал, она ли подсунула ему под дверь рекламный проспект, но полагал, что так оно и было. А если нет, то он очень надеялся, что девушка хотя бы обрадуется тому, что он последует за ней на новую родину. Конечно, это не изменит ее намерения выйти замуж за Оттфрида Брандманна — Карл не сомневался в том, что она сразу же заверит его в этом.

К этому моменту было уже ясно, что Брандманны тоже решили переселяться. Из Рабен-Штейнфельда пожелало уехать одиннадцать семей, в первую очередь малоземельные крестьяне, но были среди решившихся и состоятельные фермеры, прельстившиеся красотами Новой Зеландии. Все они занимали высокое положение в общине. Деревня уже не будет прежней, когда они уедут, однако помещик сожалел в первую очередь о потере Якоба Ланге, кузнеца и знатока лошадей.

Семьи в то время были большими, и, несмотря на то что почти все сыновья ремесленника обучались его профессии, лишь первый наследовал мастерскую и землю при доме. Остальные отправлялись в путь в поисках места, которое могли бы занять, или становились бродячими ремесленниками. Поэтому Якоб Ланге, Петер Брандманн и прочие легко нашли покупателей для своих мастерских. Помещик ссудил тех необходимыми суммами. Тем самым он привязал к себе ремесленников и крестьян на многие годы — и у живущего в замке повелителя появились новые крепостные.

Карл снова и снова просматривал свои бумаги, мысленно репетируя разговор с Идой, представляя себе, как она отреагирует на его триумф. Непросто будет устроить «случайную» встречу. Деревня все еще была засыпана снегом, и переселенцы, особенно женщины, сидели дома, занимаясь сортировкой и упаковкой вещей. Может быть, просто подойти к дому Ланге, позвать Иду и все рассказать ей? Искушение было велико, поскольку уже не имело значения, вызовет ли она тем самым недовольство отца. В новой стране Карлу не придется работать на жителей Рабен-Штейнфельда, наверняка там достаточно и других переселенцев.

Но что-то заставило Карла передумать. Быть может, обычное суеверие или же некий инстинкт, предупредивший его. Карл оставался единственным неимущим из Рабен-Штейнфельда, которому Бейт позволил отправиться в Новую Зеландию, — и наверняка деревенским не понравится то, что они оплатили свой переезд сами, в то время как расходы Карла взяла на себя компания. Кто знает, что придет в голову столпам местной общины, вдруг они захотят еще больше испортить ему жизнь? Чего доброго, придумают что-нибудь и силой привяжут его к деревне, настроят против

него помещика или помешают пастору выдать ему выписку из церковной книги, чтобы он не смог получить паспорт.

Взвесив все за и против, Карл решил проявить осторожность и никому ничего не говорить. Пусть остальные узнают обо всем только на судне — все переселенцы, в том числе и Ида. Она может запросто выдать его, если ему не повезет и кто-то застанет их вместе. Стоит отцу надавить на нее и начать расспрашивать о содержании разговора, она тут же скажет правду. Девушка могла умолчать о чем-то, но лгать она была не в состоянии.

Сердце Карла обливалось кровью, но он никому не рассказал о своем везении, солгал и священнику насчет того, зачем ему понадобился паспорт.

— Зимой здесь не выжить, господин пастор, — пояснил он, сложив руки в умоляющем жесте. — А побираться я не хочу. Хочу отправиться на несколько недель в Бранденбург или Гольштейн... Может быть, что-то и подвернется.

Чтобы путешествовать через княжества и герцогства, требовался паспорт, и священник без дальнейших расспросов выдал все необходимые для этого выписки.

Карл решил не садиться в предоставленный де Шаперужем экипаж. Весь багаж его состоял из одного узелка, поэтому он решил, что сумеет и сам добраться до расположенного примерно в пятидесяти милях от деревни города Гамбурга. В крайнем случае он пойдет пешком.

К тому моменту, когда Карл наконец стал гордым обладателем паспорта, все уже было улажено, однако молодой человек продолжал терзаться множеством вопросов. Он даже хотел написать еще одно письмо Джону Николасу Бейту, но затем решил, что не стоит беспокоить столь важного человека своими сомнениями и жадной знаний. Только в самый последний момент он вспомнил о человеке, который мог помочь ему и в то же время не выдать его, даже узнав о его отъезде. Карл и сам не знал, почему он так слепо доверял учителю Бракелю. С тех пор как ему пришлось уйти из школы, они едва ли обменялись парой слов. Тем не менее Карл верил в то, что учитель — его друг. Может быть, потому, что учитель не делал различий между детьми крестьян и поденщиков. Бракель считал важным, старателен ли ребенок, умен ли он, и тут Карл его никогда не разочаровывал.

За день до предполагаемого ухода — он решил оставить деревню примерно за неделю до того, как отправятся в путь прочие переселенцы, — молодой человек постучал в дверь школьного учителя. Тот сразу же открыл. Снова шел снег, и в такую погоду все обычно сидели дома.

Карл нервно вертел в руках шапку, которую снял в знак уважения.

Оставалось лишь надеяться, что Бракель не сочтет его визит наглостью. Справившись с удивлением, учитель улыбнулся, и молодой человек перевел дух.

— Карл Йенш! Как я рад, что ты навестил меня! Я действительно не ожидал... Но входи же, ты наверняка промок и замерз. Снимай куртку, у меня тепло. Положим ее у огня, пусть сохнет...

Карл робко последовал за школьным учителем в его уютный и теплый дом. В камине, потрескивая, пылали дрова — родители учеников всегда обеспечивали учителя топливом, а когда в семьях крестьян забивали скотину или варили пиво, Бракелю тоже что-нибудь перепадало. Похоже, до его прихода учитель сидел у огня и читал книгу. Рядом с уютным креслом — вся мебель в доме была простой, но добротной — стоял бокал с теплым пивом.

— Присаживайся же!

Бракель пододвинул стул к камину, пока Карл переминался с ноги на ногу. Он не знал, как вести себя в гостях, Йеншей обычно никуда не приглашали, да и сами они никогда не принимали гостей.

— Хочешь глоток пива? Ах, конечно же хочешь, тебе ведь нужно согреться...

Учитель принялся хлопотать, налил из кувшина пива в висевший над огнем котелок. По комнате тут же разлился приятный аромат. Бракель достал из стенного шкафа еще один бокал. Все эти действия были отточенными, он уже много лет вел хозяйство сам. Его жена умерла вскоре после того, как он приехал в Рабен-Штейнфельд.

— Что же привело тебя ко мне, Карл? — с довольным видом поинтересовался учитель Бракель, когда Карл присел на краешек стула и неловко пригубил пиво. — Говори!

— Вот это, — ответил Карл и вынул письмо Бейта из поясной сумки.

Сумку он сшил из старых рабочих штанов, чтобы носить самое ценное поближе к телу, и положил туда бумаги, чтобы они не промокли.

Когда Бракель прочитал письмо, его полноватое приветливое лицо просияло.

— Ах, как же я рад за тебя, Карл! — сердечно произнес он. — Мне всегда было ужасно жаль, что ты прозябаешь в нищете. Ты умный парень и заслуживаешь большего, чем вкалывать здесь до самой смерти за несколько пфеннигов в день!

— Правда, господин учитель? — удивился Карл и сразу же почувствовал себя лучше. — Вы не осуждаете меня? Вы не думаете, что я проявил высокомерие, вместо того чтобы оставаться на месте, указанном

мне Господом?

Бракель отмахнулся:

— Ах, кому дано знать Божью волю, мальчик мой? И пути Его? Разве не стала бы проявлением высокомерия, к примеру, мысль о том, что Он не может изменить своих планов на твой счет? Нет, нет, Карл, не тревожься. Ничто не происходит без воли Всевышнего. Если Он оказал милость и проложил тебе путь к счастью, то держись за него покрепче!

Карл улыбнулся.

— Спасибо, господин учитель! — с благодарностью произнес он.

Учитель только руками замахал.

— Не за что, не за что! Но неужели именно это привело тебя ко мне? Такие вопросы я скорее задал бы пастору.

«А тот наверняка ответил бы на них иначе», — без всякого уважения подумал Карл, а затем покачал головой:

— Нет, господин учитель. Меня волнуют другие вещи... У меня есть вопросы... об этой новой стране.

— О Новой Зеландии? — улыбнулся Бракель. — Что ж, в этом ты не одинок. Мои ученики только о переселении и говорят. Хотя я, конечно же, тоже там не бывал. Поэтому я не уверен в том, что дам тебе верные ответы. Но начнем с начала. Ты хочешь знать, где она расположена, верно?

Карл снова покачал головой, и на этот раз даже с некоторой обидой.

— Это я давно знаю! — заявил он. — Я читал...

— Знаменитую книгу о капитане Куке? Знаешь, это единственная вещь, которую наша добрая Ида потеряла за всю свою жизнь. — Учитель широко улыбнулся. — Я сразу об этом подумал, когда книга исчезла вскоре после того, как она отнесла тебе твою школьную тетрадь. Ты ее стащил или Ида сама тебе ее отдала?

Карл нахмурился. Теперь он казался по-настоящему обиженным.

— Я не вору, господин учитель! — гордо заявил он.

— Конечно, конечно! — Бракель поднял руки в извиняющемся жесте, а затем снял с огня котелок, чтобы снова наполнить бокал Карла. — Я только спросил. Тебе было тогда всего тринадцать лет, и ты так жаждал прочесть эту историю... Так вот: если ты читал эту книгу, то, возможно, знаешь больше о своей новой родине, чем я. В любом случае больше, чем твои попутчики. Например, Анна Бенземанн считает, что Новая Зеландия расположена сразу за Бранденбургом.

Когда Карл снова рассмеялся, учитель заметно расслабился.

— В книгах о многом не пишут, — заметил Карл. — По крайней мере, в этой книге. Например, там сказано... Сказано, что в Новой Зеландии

говорят на другом языке...

Учитель кивнул:

— Да. Новая Зеландия — это британская колония, и большинство поселенцев там родом из Англии, Ирландии или Шотландии. Скорее всего, они говорят по-английски.

— Антон Ланге говорит, что нам не придется учить английский. — Карл подслушал разговор сыновей переселенцев, оставшись незамеченным. — Мы же будем держаться вместе...

Бракель нахмурился.

— Я скорее решил бы, что Антону просто не хочется учить иностранный язык, — с улыбкой ответил он, немного подумав. — Он никогда не отличался прилежанием.

— А Хайнц Бенземанн говорит, что язык этот очень простой, что он сам по себе выучится. Маленькие дети ведь тоже сами учатся говорить. Он простой, господин учитель? Я ничего не могу с собой поделывать, но чужой язык... Это пугает меня.

Бракель задумался. Сам он никогда не слышал ни слова по-английски, лишь немного изучал греческий и латынь в институте. Он до сих пор помнил бесконечные часы, на протяжении которых зубрил лексику и грамматику.

— Нет, Карл, — наконец ответил он. — Сам собой язык не выучится. Взрослые так не умеют. И простым он тебе вряд ли покажется. Я вполне могу представить, что с ним возникнут сложности, особенно у старших переселенцев. Но ты, Карл, молод и смышлен. Наверняка вскоре ты будешь так же бегло говорить по-английски, как и по-немецки. Поскольку по-немецки ты тоже говоришь очень хорошо...

Многие ученики даже не пытались изъясняться на литературном немецком языке, как того требовал учитель. За стенами школы они общались только на диалекте.

— Лучше всего купи себе в Гамбурге словарь и уже на корабле начни его штудировать, путешествие-то долгое...

Карл кивнул и снова почувствовал себя немного лучше. Хорошая это идея — купить словарь! На него он был готов потратить свои с трудом накопленные пфенниги.

— А что еще тревожит тебя? — поинтересовался учитель.

Карл закусил губу.

— Вообще-то меня это не касается, — пробормотал он. — Потому что... я же не смогу купить землю...

— И все равно, спрашивай! — подбодрил его учитель.

— Я... я просто немного волнуюсь...

На самом деле он волновался за Иду, но об этом, разумеется, учителю говорить не стоило. Карл переложил бокал из одной руки в другую.

— Ну, говори же наконец, что тебя мучает! — улыбнулся Бракель. — Может быть, ты все же заработаешь денег и купишь землю, хотя в этом я не разбираюсь, у меня-то земли нет.

Дом при школе учителю предоставляла община. Он ему не принадлежал.

Карл собрался с духом.

— Господин учитель, земля, которую в Новой Зеландии будут распахивать... Ее много, двадцать гектаров на каждого... И придут же и новые поселенцы. Неужели она действительно никому не принадлежит? Разве такое бывает? Сотни гектаров земли, у которой нет владельца? Я хочу сказать... Конечно, это может быть девственный лес, но здесь, в Мекленбурге, еще остались густые леса. Почему их нельзя выкорчевать и заселить? Да потому что они принадлежат князьям или еще кому-нибудь. То есть... Америка...

Карл все же не высказал своих сомнений, в конце концов, учитель мог строго отчитать его за них. Если то, что он слышал об Америке, он истолковывал правильно, то там случалось нечто подобное: переселенцам продавали якобы ничейную землю. А потом приходили индейцы и снимали с людей скальпы... То было недоразумение, если не прямой обман.

Учитель Бракель вздохнул.

— Н-да, Карл, этого я не знаю, — ответил он. — Конечно, я наводил справки, но точных сведений мне никто не дал, и меньше всех — Якоб Ланге. Судя по всему, в Новой Зеландии есть туземцы. Сколько именно — неизвестно. Может быть, их слишком мало, чтобы населить целую страну. Сведения очень противоречивы. Сначала говорили, что земля, где строится Нельсон, совершенно девственна и свободна и до того, как пришли англичане, никто ее не занимал. С другой стороны, этот господин Бейт из Новозеландской компании упоминал, что ее выкупили у туземцев.

— У дикарей? — удивился Карл.

Кук рассказывал о каннибалах, живущих в Полинезии. Американские индейцы жестоко расправлялись со своими жертвами. Карл считал каких бы то ни было туземцев не лучшими партнерами для сотрудничества.

— Не знаю, насколько они дикие, — сказал Бракель. — Может быть, они вполне разумны. И, возможно, им заплатили хорошую цену за земли, которые им самим не нужны.

— А если нет? — вставил Карл.

— Или же у поселенцев оружие оказалось получше, — поджав губы, произнес учитель. — И эти переговоры велись под дулами мушкетов. Я слышал, что англичане обращаются с дикарями не слишком щепетильно. Подумай хотя бы о неграх-рабах из Африки... Не знаю, Карл. Тебе придется выяснить это самому. В любом случае я советую тебе быть осторожным. Потому что, как бы я ни был уверен в том, что ты поступаешь правильно, искренне желая тебе счастья... ты отправляешься не в рай, мальчик мой! В этом мире нет места простодушию и нет легких путей. Не забывай об этом, Карл! Поезжай в новую страну с открытым сердцем, но и глаза не зажмуривай!

Карл Йенш ушел из Рабен-Штейнфельда на рассвете, утром следующего дня, ни с кем не попрощавшись. Едва он вышел за пределы деревни, как вскоре снег уже замел его следы.

Глава 4

Ида Ланге не знала, за что хвататься: столько дел нужно было уладить, столько всего упаковать! Перевозка багажа обходилась недешево, поэтому Якоб Ланге решил избавиться от принадлежащего семье имущества. Он продал дом вместе со всей мебелью, однако насчет предметов обихода Ида должна была принимать решения самостоятельно. Оставить ли вышитые скатерти, взять ли с собой постельное белье из приданого матери? Теперь оно перешло к ней по наследству, и Ида не представляла, как можно вступать в брак совсем без приданого. Якоб Ланге захотел взять с собой на новую родину кузнечные инструменты. Но понадобятся ли им горшки и сковородки, тарелки и кружки? У семьи Ланге не было изящного фарфора, только глиняная посуда, которая в герцогстве продавалась повсюду и недорого. Но вдруг в Новой Зеландии ничего подобного нет?

У Иды скопились сотни вопросов, которые некому было задать. В конце концов она ограничилась самым необходимым. Взяла по два платья и передника для себя и сестер, сменное нижнее белье, для отца и братьев — лишь один комплект одежды в дополнение к тому, что они носили. Этого, конечно, мало, но Ида предпочла оставить место для приданого. Одежда в Нельсоне наверняка продается — не ходят же там голышом. А вот в том, есть ли там постельное белье и скатерти и будет ли отец готов приобрести приданое для нее и Элсбет после того, как они оставят все эти чудесные вещи в Мекленбурге, она сомневалась. Кроме того, они не смогут взять с собой на судно сундуки в качестве ручной клади, об этом упоминалось в памятке Бейта. Значит, придется сложить сменную одежду в узелки.

Ида также спрашивала себя, как быть с провиантом. Бейт обещал, что их будут кормить во время путешествия, но, наверное, лучше все же

запастись хлебом и колбасой? Три месяца в море... Ида содрогалась при мысли об этом.

Теперь ей некогда было думать о Карле, но, когда они наконец устроились в повозке, которая должна была доставить их — без всякого комфорта — из Шверина в Гамбург, она почувствовала сожаление. Нужно было хотя бы попрощаться с ним. Впрочем, он тоже мог бы зайти, чтобы попрощаться! Осознание того, что она больше никогда не увидит его, породило в ее душе смутную тоску и боль, но девушка решила забыть об этом. Каждый должен оставаться на том месте, которое назначил ему Господь Бог... По крайней мере, каждый мужчина, в то время как жена должна следовать за своим мужем. Кто она такая, чтобы печалиться из-за того, что их с Карлом судьбы разошлись?

По дороге в Гамбург им пришлось целые сутки трястись в неудобной повозке. Элсбет, сестра Иды, все время хныкала и жаловалась, как и Франц, самый младший ее брат, который быстро уставал. Зато Антон пребывал в наилучшем расположении духа. Они оказались в одной повозке с Оттфридом и другими молодыми людьми, которые строили радужные планы насчет жизни на новой земле. Там они смогут ходить на охоту, мяса у них будет в избытке... Ведь там нет помещиков, которые считают, что вся дичь принадлежит им!

Над словами Иды о том, что в Новой Зеландии нет также и косуль, и оленей, а есть только насекомые и птицы, они просто посмеялись. Судя по всему, она была единственной, кто прочел книгу о Новой Зеландии и Австралии, которую купил отец во время своей последней поездки в Шверин. Как бы там ни было, Ида испытала огромное облегчение, узнав, что в Новой Зеландии не водятся ядовитые змеи и другие опасные животные — в отличие от той же Австралии.

«Климат там совсем другой!» — воскликнул Антон, когда снова пошел снег... И об этом Ида могла кое-что ему рассказать. В некоторых регионах Южного острова выпадало очень много дождей, но она понятия не имела, где находится город Нельсон. Молодые люди собирались построить себе роскошные дома на деньги, которые заработают ремеслом. Антон считал, что будет грести их лопатой. «Ведь в Нельсоне еще нет кузнецов», — говорил он. О том, что и лошадей в городе, возможно, тоже нет, он даже не задумывался, равно как и Оттфрид о том, из какой древесины он будет строгать мебель. Что ж, леса в новой стране точно есть, но Ида читала и об огромных, поросших травой равнинах... От скуки она задалась вопросом, сдал ли Оттфрид наконец свою работу на звание подмастерья, но, вероятнее всего, в Новой Зеландии его об этом никто и спрашивать не

станет.

В какой-то момент она перестала слушать болтовню молодых людей и провалилась в тревожную полудрему, однако не почувствовала себя отдохнувшей к тому моменту, когда они наконец приехали в Гамбург. Город выглядел внушительно и пугающе. К счастью, кучер знал, где расположен дом, в котором они должны были ждать отплытия, и отвез их прямо туда. Оттфрид и Антон сразу же отправились исследовать город, но Иде отец, разумеется, ничего подобного не разрешил бы, да ей и не хотелось. В одной из безыскусных, но чистых и опрятных спален она уложила спать хнычущих детей, быстро постирала нижнее белье — кто знает, когда в другой раз она найдет для этого воду! Тем более что на следующее утро предстояло пройти медицинское обследование, во время которого нельзя было показаться неряхой. Затем она тоже легла спать. Поскольку девушка очень устала, она тут же уснула и проснулась лишь на миг, когда вернулись молодые люди и отец с господином Брандманном принялись ругать Антона и Оттфрида. От обоих несло алкоголем — должно быть, парни решили отпраздновать отъезд.

— Но ведь сейчас Рождество! — заплетающимся языком оправдывался Антон.

Ида в ужасе осознала, что за всеми этими тревогами и приготовлениями она совершенно забыла о том, что на дворе 24 декабря. «Санкт-Паули» должен был отчалить 26-го.

— Тем хуже! Вы позорите Господа, напиваясь в ночь рождения Его Сына! — возмущался Ланге.

Мужчины заставили сыновей встать на колени и попросить у Господа прощения, однако это разбудило других поселенцев. Они принялись протестовать, и Брандманн вместе с Ланге решили отложить покаяние до утренней мессы. Хозяйка этого дома указала им церковь, где мессу справляли по старолютеранскому обряду.

Ида, ее младшие братья и сестра явились к мессе одетыми чисто и опрятно. Ида надела длинную темно-синюю юбку и строгую светлую блузку, поверх нее — светло-голубой передник. Волосы она спрятала под чистым белым чепцом. Элсбет она нарядила подобным же образом, но под передником у той было платье. Ида на всякий случай отпустила его, и теперь оно было почти таким же длинным, как приличная одежда взрослых. В конце концов, во время путешествия девочка может заметно подрасти — не будет же она ходить в платье, едва прикрывающем колени! Младшего брата Ида одела в аккуратные льняные брюки и белую рубашку. Еще она перешила для него курточку Антона. И все же та была ему велика

— Францу исполнилось семь, а Антону шестнадцать лет. Впрочем, все дети переселенцев одевались на вырост, тут Иде нечего было стыдиться. И сейчас только Антон выглядел слегка помятым после недолгого сна, от его одежды несло портовым кабаком, в котором они с Оттфридом, судя по всему, провели полночи. Ида надеялась, что перед медицинским осмотром сумеет заставить его переодеться, но ничего из этого не вышло.

После мессы переселенцев ожидал уже проявлявший заметное нетерпение Джон Николас Бейт. Рядом с ним стояла полненькая девушка; она ставила галочки рядом с их именами в списке. Ида с любопытством разглядывала мужчину, которому они были обязаны переменами в жизни. Он произвел на нее хорошее впечатление. Бейт был высоким и полным, его широкое и грубоватое лицо почти полностью скрывала борода. Он внушал уважение — так Ида представляла себе библейского патриарха. Однако по отношению к переселенцам, которые тут же обступили его и начали задавать вопросы, он повел себя грубо, постоянно выказывая раздражение. Проверив паспорта, он немедленно показал им дорогу к гавани, где их ждал для обследования врач.

— Вы опоздали, а ведь я просил передать вам, что вы должны быть на медицинском осмотре в восемь часов! — отчитывал он будущих пассажиров «Санкт-Паули».

Якоб Ланге пожал плечами.

— В Рождество первый долг христианина — вознести хвалу Господу и порадоваться рождению Его Сына! — с достоинством заявил он.

Бейт возвел глаза к небу.

— Пусть вам придется ждать три часа, зато у вас будет время помолиться! — насмешливо отозвался он. — Туда уже явились те, кто едет в Америку, и образовалась очередь, хотя я договорился с врачом, чтобы вас пропустили вперед. Теперь ничего не выйдет, люди станут возмущаться. Так что идите и стойте в очереди!

И действительно, перед складским помещением на пирсе, где проводил обследования медик, уже собралось около сотни более или менее терпеливых людей. Ида впервые в жизни увидела море — или то, что приняла за море. Позже она узнала, что эта огромная водная гладь была лишь устьем Эльбы. Она с тревогой смотрела на серую воду, по которой плавали глыбы льда, и на массивные парусные суда, дожидавшиеся переселенцев. Вскоре отчалит корабль, отправляющийся в Америку. Его пассажиры стояли в очереди перед Идой и ее семьей.

Прошел не один час, прежде чем Ланге смогли попасть на осмотр. Когда Ида и ее родственники наконец вошли в помещение, они уже

промерзли до костей, хотя снега не было. Теперь они могли наблюдать за работой врача. Никто даже не подумал предоставить ему закрытое или хотя бы отгороженное занавесками помещение. Иду это смутило: ведь во время осмотра женщинам придется раздеваться! Но страхи ее оказались напрасными. Медик не уделял своим пациентам много внимания, лишь требовал показать язык, проверял пульс и приказывал детям опустить головы, дабы удостовериться в том, что у них нет вшей.

Ида провалилась бы сквозь землю от стыда, если бы он стал искать паразитов у ее братьев и сестры, но, судя по всему, врач по внешнему виду определял, в каких семьях дети запущенные, а в каких ухоженные. Осматривая Якоба Ланге и его спутников, он ограничился лишь парой вопросов: не страдает ли кто-то из них кашлем или заразной болезнью. Кроме того, он закатал рукав платья Элсбет, чтобы взглянуть, нет ли под ним покраснений или пустул, которые позволили бы заподозрить у нее корь или другую детскую хворь.

Через несколько минут осмотр был окончен; все переселенцы из Рабен-Штейнфельда, по мнению доктора, имели превосходное здоровье.

— Значит, завтра утром проходим паспортный контроль! — отдал приказание Джон Николас Бейт, который собирал их удостоверения в доме, где размещались переселенцы. — Таможня прямо рядом с пирсом, не промахнетесь. Но не вздумайте опять бежать первым делом в церковь! Мы организовали для вас встречу в семь часов утра, вас обслужат как привилегированных клиентов, смотрите не опаздывайте! В три часа судно отплывает!

Жители Рабен-Штейнфельда, несколько обескураженные пренебрежительной манерой общения Бейта, решили после этого отправиться еще и на вечернюю службу, чтобы попросить Господа хранить их во время путешествия. Ида предпочла бы остаться в доме, где их поселили. Она очень замерзла, поскольку в спальне не топили, зато тут давали теплый суп. Девушке хотелось забраться в постель, но она не могла отказаться от посещения церкви. Поэтому она усердно возносила хвалу Господу и надеялась, что это ее согреет.

Карл Йенш чувствовал себя намного лучше. Он пропустил утреннюю мессу, исполненный твердой решимости поступать именно так, как сказано в памятке. Поэтому уже в половине восьмого он стоял перед складским помещением, где врач проводил осмотр, а в начале девятого был уже свободен. После этого он сразу же отдал Бейту свидетельство о медицинском осмотре, испытав некоторое разочарование от того, что агент Новозеландской компании не пожелал слушать, как он рассыпается в

подобострастных благодарностях. Казалось, он совершенно не помнил о своем письме, но у таких важных людей всегда бывает много дел. Поэтому Карл лишь почтительно поздоровался с полненькой девушкой, которая со списком в руках подошла к Бейту, когда тот закончил разговор с молодым человеком, а затем направился в город. До сих пор у Карла не было возможности исследовать его, несмотря на то что он находился тут уже три дня.

Путешествие его обошлось без неприятных инцидентов, Впрочем, ему действительно пришлось довольно долго идти пешком. Лишь изредка удавалось сесть на попутный транспорт. Кучер, который управлял подвозившим его экипажем на последнем отрезке пути, дал молодому человеку очень хороший совет: в гамбургском порту всегда требовались разнорабочие и грузчики. Здесь постоянно царило оживление, и Карл, которому все равно негде было остановиться, — бумага, позволявшая переночевать в арендованном компанией доме, была действительно только в течение двух дней, — проработал двое суток подряд, прежде чем явиться по месту проживания. Так у него появилась значительная сумма, на которую он совершенно не рассчитывал. Кроме того, в доме бесплатно кормили три раза в день, так что он не тратил деньги на еду. Карл не помнил, когда на Рождество ложился спать таким сытым и довольным. Койка его стояла в дальнем углу спальни. Огорчало его лишь то, что он до сих пор не встретил Иду. Молодой человек мечтал взглянуть на нее хотя бы издали, но хозяйка объяснила ему, что семейные переселенцы обосновались в другом доме. Сама она сдавала комнаты лишь одиноким молодым людям перед отъездом в другие страны, а еще портовым рабочим на долгий срок.

И пока Ида стояла в очереди, дожидаясь возможности пройти медицинский осмотр, Карл бродил по улицам Гамбурга и восхищался огромными портовыми складами, роскошными строениями, в которых, наверное, жили семьи купцов, а также торговыми улицами. Тут он обнаружил книжную лавку, и в ней даже нашелся немецко-английский словарь! Вообще-то на прилавке лежало целых три словаря, и Карл с неуверенным видом обратился к продавцу, который посоветовал ему приобрести небольшую зеленую книжку.

— Посмотрите, здесь не просто напечатаны слова с переводом, с немецкого на английский и наоборот, в конце приводятся также некоторые выражения... — Продавец открыл книжицу и показал ему список важных фраз: — Доброе утро — *good morning*, — прочел он.

Карл решил, что это не так уж и сложно, очень похоже на

нижненемецкий диалект.

— Хорошо, я это возьму! — с воодушевлением воскликнул он.

Пока упаковывали словарь, Карл решился на то, чтобы потратить еще несколько пфеннигов, и спросил, есть ли в продаже книги о Новой Зеландии. В этом случае выбор оказался не настолько велик, но тем не менее продавец сумел предложить ему тоненькую книжку, посвященную и Новой Зеландии, и Австралии. Карл понял, что должен купить ее, когда, открыв книгу, сразу же наткнулся на рисунок, изображавший новозеландских туземцев. Судя по всему, они называли себя маори. Возможно, книга расскажет о них немного больше.

В приподнятом настроении он вернулся обратно в гостиницу, с удовольствием плотно поужинал, после чего отправился спать, хотя было еще рано. Газовые лампы горели, пока хозяйка не погасила их в десять часов, и Карл за это время успел пролистать словарь. Засыпая, он бормотал первые выученные им английские выражения:

— *Good eve-ning, Ida! Glaad to seeh jo-u!*[15]

На следующее утро все сто пятьдесят три пассажира «Санкт-Паули» ровно в семь часов явились на таможеню. На этот раз Карлу удалось краем глаза увидеть Иду и ее семью. Все жители Рабен-Штейнфельда стояли вплотную друг к другу, а Брандманн шумно возмущался невежливостью таможенников по отношению к нему. Судя по всему, они копались в его багаже, подозревая его в контрабанде и лжи.

— Я же вам сказал, вы должны прийти вовремя и ждать моего прихода! — урезонивал Бейт возмущенных переселенцев. — Сейчас вы явились слишком рано, а это так же вредит делу, как и вчерашнее опоздание. Отдайте мне свои паспорта и ждите здесь. Я буду вызывать вас внутрь, одного за другим, и мы все быстро уладим.

При посредничестве Джона Николаса Бейта дело действительно пошло быстрее. Агент заходил в здание таможенни с каждым отцом семейства по очереди, а сразу после этого сотрудник торгового дома де Шаперужа занялся багажом переселенцев. Затем его отнесли прямо на судно. Брандманн протестовал, крича, что должен присмотреть за своим добром, но никто его не слушал. Наконец молодой сотрудник помог переселенцам найти дорогу к судну. Карлу она уже была известна. Он еще в первый день пребывания в Гамбурге осмотрел «Санкт-Паули» и знал, что это бывший военный корабль, который перестроили для перевозки людей, трехмачтовик, который при хорошем ветре мог идти под шестнадцатью парусами.

— Очень с-стабильное судно! — заявил один моряк на потешном

гамбургском диалекте. — Можешь наниматься без колебаний.

Карл увидел, что Ида и ее семья уже шагают к пирсу, в то время как ему еще нужно было посетить таможеню вместе с Бейтом. Он без напоминаний развязал свой узелок, а таможенники в него почти и не заглянули.

— По твоему виду не скажешь, что ты вывозишь из страны сокровища! — усмехнулся один из них. — Удачи в новой жизни!

Глава 5

Несмотря на то что судно было уже готово принять пассажиров, переселенцы еще стояли на пирсе, когда к ним присоединился Карл. К палубе вели сходни с поручнями, чтобы каждый мог без опасности для жизни подняться на борт. Двое матросов готовились помогать пассажирам. Однако они еще не пропускали никого, и Карл увидел, что переселенцы молятся, опустив головы. Высокий лысый незнакомец с воротничком священника звучным голосом читал молитву, затем его обязанности взял на себя мужчина ростом пониже, который тоже, по всей видимости, был духовным лицом. Оба они от имени всех переселенцев просили Господа даровать им безопасное путешествие и помочь справиться с задачами, которые ждут их на новой земле.

— Миссионеры, — сказал кто-то.

Карл вспомнил, что слышал об этом в деревне: духовные лица будут поддерживать переселенцев не только в новой стране, но и на море. Он тоже опустил голову и принялся горячо молиться. Стоявшая в нескольких шагах впереди него Ида велела братьям и сестрам сделать то же самое. При этом и Франца, и Антона удержать на месте было тяжело. Мальчикам не терпелось взойти на борт, в то время как Элсбет цеплялась за юбку сестры и плакала навзрыд. Похоже, она до смерти боялась подниматься на судно, не говоря уже о предстоящем путешествии.

Тем временем Джон Николас Бейт присоединился к своей семье, ожидавшей чуть в стороне. Его жена, плотная коренастая женщина, стояла в окружении своих детей, среди которых оказалась уже знакомая Карлу девушка; она снова держала в руках список. Кроме того, с ними ехали лакей и горничная. Оба охраняли ручную кладь Бейтов: целую гору чемоданов и ящичков, так не похожую на жалкие узелки переселенцев. Несмотря на то что Бейт, как и все остальные, стоял, опустив голову, во всем его облике читалось нетерпение. Судя по всему, ему хотелось как можно скорее загнать своих овец на борт.

Но прежде на сходнях появился стройный мужчина среднего роста в униформе капитана, который держался настолько прямо, что казался даже

выше неуклюжего Бейта.

— Дамы и господа! — произнес он громким голосом человека, привыкшего отдавать приказы. — Приветствую вас на борту судна «Санкт-Паули». Меня зовут Петер Шахт, и я — ваш капитан. Это означает, что я отвечаю за ваше благополучие и безопасность на море — конечно же, с Божьей помощью... — Он кивнул миссионерам, и лысый кивнул ему в ответ. — Не стесняйтесь обращаться ко мне с просьбами, для меня важно, чтобы вы чувствовали себя комфортно. Во время путешествия вам наверняка придется столкнуться с некоторыми ограничениями и неудобствами, которые возникают из-за тесноты на судне. К сожалению, это неизбежно, но я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы удовлетворить вас всех. Очень скоро пережитые во время путешествия неприятности забудутся, как только вы увидите свою новую родину во всей красе. Поэтому, прошу вас, поднимайтесь без спешки, старайтесь держаться семьями. На средней палубе вы найдете членов экипажа, которые покажут вам ваши места. Но сначала я хотел бы пригласить на верхнюю палубу пассажиров кают. Господин Бейт с семьей и преподобные Волерс и Хайне...

Всего на его зов откликнулось шестнадцать человек. Старшая дочь Бейта некоторое время спорила с родителями. Судя по всему, она хотела остаться у сходней, чтобы дополнить свой список, но мать категорически запретила ей это. В конце концов Бейт сам встал с бумагами у входа на судно и принялся отмечать галочками имена поднимающихся на борт. Карл снова стоял почти в самом хвосте очереди — Ида и ее сестры давно уже были на борту, когда он поднялся по сходням, а затем ступил на палубу судна. Ему хотелось осмотреться, но матрос жестом велел переселенцам пройти через небольшой люк внутрь корабля. Карла же он и вовсе задержал, услышав его фамилию.

— Одинокие мужчины пойдут последними, — пояснил он. — Вас разместили позади, так что пропустите сначала всех прочих. А пока можете познакомиться с другими пассажирами.

Он жестом указал на юношей, стоявших позади, — на двух незнакомых светловолосых худощавых парней и, к огромному удивлению Карла, на Оттфрида Брандманна!

— А ты что здесь делаешь? — с таким же удивлением воззрился на Карла Оттфрид. — Откуда у тебя деньги на билет?

— И тебе здравствуй, Оттфрид! — ехидно отозвался Карл. Теперь, когда он был на борту, в безопасности, ему очень хотелось наконец раскрыть свою тайну.

— Нам тоже деньги не понадобились! — отозвался один из худощавых парней и с тревогой спросил: — Ведь так, Ханнес, верно?

Его спутник спокойно кивнул.

— Милостью Божией Новозеландская компания заплатила за наши билеты, — елейным голосом произнес он. — За твой тоже? — Он обернулся к Оттфриду.

Тот фыркнул.

— Еще чего! — процедил он сквозь зубы. — Наша семья покупает землю в Нельсоне, а проезд входит в ее стоимость. Впрочем, меня попросили разделить каюту с другими холостяками, поскольку в помещениях для семейных недостаточно места. Однако о подонках и неимущих речи не было. Матрос! — окликнул Оттфрид одного из членов экипажа, который как раз отправил последних пассажиров, двух одиноких женщин, в их каюты. — Разве здесь нет различий между платежеспособными и нищими пассажирами? Моему отцу не понравится, если меня разместят хуже, чем остальных членов семьи!

Матрос пожал плечами.

— Капитан получит одни и те же деньги за каждого, кого привезет в Нельсон, — спокойно ответил он. — Так что, наверное, за этих ребят кто-то заплатил. И там, внизу, все каюты одинаковые. Может быть, ваша немного меньше, но вам ведь и не придется менять там пеленки. Если хочешь знать мое мнение, радуйся, что тебя определили к холостякам. Орущие дети, страдающие от морской болезни, — это сущий ад!

Несмотря на его слова, Оттфрид был недоволен. Тем временем слышались и другие возмущенные возгласы.

— Это неприемлемо! — кричал Якоб Ланге. — Я хочу немедленно поговорить с господином Бейтом!

Матрос возвел глаза к небу.

— Кажется, кому-то еще не нравится, как его поселили, — вздохнул он. — Расходитесь лучше по своим местам, располагайтесь в своей каюте. Как только спуститесь вниз, сразу налево. — И он жестом указал на лестницу.

Двое светловолосых парней сразу же воспользовались его приглашением. Карл последовал за ними. Увиденное на средней палубе ничуть его не удивило. За последние дни он успел разгрузить несколько идущих в Америку судов, а потом еще и помогал корабельному плотнику натянуть промежуточную палубу на разгруженной шхуне. Парусники возили в колонии поселенцев, а обратно — различные товары. В трюме корабля размещали сундуки с вещами переселенцев и провиант, между ним

и верхней палубой возводили еще одну, которую называли средней. На грубых деревянных досках ставили загородки с простыми койками для сна. Конечно же, места тут было очень мало, особенно в каюте для холостяков, две двухэтажные койки занимали почти все свободное пространство крохотной каморки. Карл охотно расположился на одной из верхних коек — ему ведь нечего было хранить, кроме своего узелка и двух книг. Оттфрид наверняка будет настаивать на том, чтобы улечься внизу, где было удобнее. Но тот пока отсутствовал — он снова искал, кому предъявить свои жалобы.

Иде было неприятно, что, оказавшись на судне, ее отец тут же повысил голос, но она вполне понимала его возмущение. Спустившись на среднюю палубу и увидев каюту, она тоже очень расстроилась. Семейству Ланге придется ютиться в каморке на четверых с узкими койками, еще и расположенными одна над другой.

— Эта подойдет, — легкомысленно кивнул распределявший их матрос. — Трое взрослых... — он указал на Якоба, Антона и Иду, — и двое детей будут спать вместе. Так предусмотрено, больше места нет ни у кого.

— Ни у кого, говоришь? — проревел Ланге. — А как насчет Бейтов? И миссионеров? По-моему, нашлось место даже для их слуг!

Матрос пожал плечами.

— Тогда вам следует тоже оплатить проезд первым классом, господин, — вежливо ответил он. — Но это дорого! Билет стоит дороже, чем каюта на средней палубе для всей семьи! Если можете себе это позволить, поговорите с капитаном. — С этими словами он отправился разбираться с остальными, не столь возмущенными пассажирами.

— Я не буду спать с Францем в одной постели! — решительно заявила Элсбет.

Она наконец перестала рыдать из-за того, что оказалась в этой каморке, теперь она собиралась сражаться с судьбой.

Ида вздохнула. Судя по всему, именно ей придется во время путешествия делить постель с младшим братом. По крайней мере, если она хочет иметь хоть немного покоя. Элсбет исполнилось двенадцать, это у всех детей трудный возраст, а девочка к тому же была очень упряма и умела настоять на своем. Кроме того, она была любимицей отца, и часто он лишь с улыбкой взирал на кричащую и беснующуюся дочь, в то время как Иду в том же возрасте за подобное поведение непременно выпорол бы розгами.

— Не годится, чтобы девочка и мальчик спали в одной постели! — настаивала Элсбет.

С этим аргументом она обращалась к отцу, пытаясь повлиять на него. Она хотела, чтобы тот отправил Франца к Антону, что принесло бы им

новые неприятности.

— Но ведь мне нужна постель! — Франц едва не плакал. Казалось, он теперь боялся, что его попросту не возьмут с собой.

— Ты будешь спать со мной, — успокоила его Ида. — Мы прижмемся друг к другу, и нам будет тепло, а остальным придется мерзнуть.

Франц сразу же утешился.

— Элсбет будет мерзнуть, Элсбет будет мерзнуть! — пел он, пока Ида расстилала постели. Им раздали мешки с соломой вместо матрасов, нашлись тут и простые одеяла.

В это время в коридоре перед каютами отчаянно спорили Якоб Ланге, Петер Брандманн и Джон Николас Бейт, чуть позже к ним присоединился и Оттфрид. Жених Иды жаловался на то, как его разместили, что ее совершенно не удивило. Но затем девушка насторожилась: прозвучало имя Карла Йенша.

— Мне придется жить с этим Йеншем! — зашел с козыря Оттфрид, обращаясь к Якобу Ланге и своему отцу. — С поденщиком и пройдохой, который не заплатил за проезд ни единого пфеннига. И у него при этом есть койка, как и у тех, кто оплатил путешествие...

— Вы раздаете спальные места неимущим, Бейт? — возмутился Брандманн. — А семью из шести человек пытаетесь запихнуть в темную комнатку с четырьмя кроватями?

Судя по всему, Брандманнам досталась такая же каморка, как и семейству Ланге. Им придется устроить четырех младших детей — некоторым из них уже исполнилось тринадцать лет — на двух койках.

— Сбавьте тон! — Голос Джона Николаса Бейта прозвучал столь резко и решительно, что все вокруг умолкли. — Вы знали, что приобретаете места на средней палубе. Чего вы хотели? Кроватей под балдахинами? Конечно же, тут есть эмигранты, проезд которых финансирует Новозеландская компания. И каждому из них мы предоставили по одному спальному месту, ведь это взрослые молодые люди. Или мне положить их в постели к вашим дочерям? — Якоб Ланге и Петер Брандманн опешили после таких слов. — А теперь занимайте свои койки, и хватит скандалов. Капитан собирается отчаливать...

— Я хочу поговорить с капитаном! — потребовал Брандманн.

— Петер, успокойся... — попыталась урезонить его госпожа Брандманн. — Капитан знает, как нас разместили. Так наверняка бывает всегда...

— Не годится, чтобы поденщик устроился лучше, чем мои дети! — настаивал Ланге. — Отдайте его койку моему сыну, а этот тип пусть спит

на полу!

Иде стало жаль Карла. Как хорошо, что он этого не слышит! Ей хотелось, чтобы Бейт вступился за него.

— Спать на полу запрещено! — фыркнул Бейт. — На этот счет есть определенные правила. Сами увидите, почему это невозможно, когда море начнет волноваться и внутрь потечет вода.

— Сюда затекает вода? Нам нужно готовиться к этому?

Брандманн тут же забыл о поденщике и стал возмущаться тем, как плохо обработаны балки и доски на средней палубе.

Ида его больше не слушала. К этому моменту она сумела справиться со стыдом, который испытывала от того, что ее семья оказалась в центре скандала. Она теперь знала, что Карл Йенш на борту, и ей вдруг стало все равно, что подумают о семействах Ланге и Брандманнов остальные пассажиры, молча смилившиеся со своей судьбой. Сердце Иды забилося чаще. Какое счастье для Карла — получить возможность начать все сначала в Нельсоне! Она не знала, каково им придется в Новой Зеландии, но про Америку говорили, что там всякий может сколотить состояние, даже поденщик и неимущий.

Что же до нее самой... Она справится, другие люди как-то же пережили путешествие на средней палубе. Внезапно Ида почувствовала нечто похожее на радость. Однако она тут же строго запретила себе лелеять мысль о том, что больше не одна, как бы ее это ни утешало.

Пассажирам средней палубы не разрешили подняться наверх во время отправления «Санкт-Паули», чтобы бросить последний взгляд на родину. Капитан Шахт аргументировал это тем, что матросам потребуется свободное пространство, чтобы работать с парусами, и толпа плачущих людей им только помешает. В ответ никто даже не заворчал. Почти все переселенцы были родом из провинциального Мекленбурга, у них не возникло желания прощаться с Гамбургом. Кроме того, их не провожали родственники, стоящие на пирсе. Поэтому, когда «Санкт-Паули» тронулся в путь, слез было пролито совсем мало.

Якоб Ланге собрал членов своей общины в коридоре перед каморками, чтобы произнести краткую молитву, к которой, к его огромной радости, присоединились и другие переселенцы. Все они были старолютеранами, что сразу же помогло им найти точки соприкосновения, кроме того, они тоже путешествовали группами. И только две семьи из окрестностей Гюстрова решились на переезд отдельно от своих общин. Ланге теперь не сомневался в том, что к моменту прибытия в новую страну все они станут одной сплоченной общиной. Лишь мужчины и женщины, которые

путешествовали в одиночестве, были исключением, и все смотрели на них недоверчиво. Ханнес и Йост, соседи Карла, оказались единственными пассажирами на судне, родившимися не в Мекленбурге, а в Гамбурге. Карл не сразу понял, реформаторы они или старолютеране, но вели они себя как истинные верующие и истово молились. Ханнес рассказал, что Бейт нанял их матросами на судно, встретив их в богадельне, где они оказались по причинам, о которых молодой человек не захотел рассказывать. Судя по всему, инициатива исходила от Бейта. Из многословной речи Ханнеса можно было понять, что он появился в приюте, «словно ангел во плоти», и предложил им билеты на «Санкт-Паули». Поведав об этом, Ханнес перекрестился.

Карл же был весьма удивлен. Неужели он оказался единственным неимущим поденщиком во всем Мекленбурге, догадавшись спросить у Бейта, можно ли оплатить проезд позднее? Неужели ни в одной деревне не нашлось молодых фермеров или сыновей малоземельных крестьян, которые — возможно, с благословения общины — могли бы отправиться в путь на таких же условиях? Карл считал, что это намного проще, нежели вербовать переселенцев в приютах для бездомных.

Первая ночь на судне прошла очень спокойно, но корабль еще плыл по устью Эльбы. Только на следующий день «Санкт-Паули» вышел в открытое море. Бейт воспользовался хорошей погодой, чтобы познакомить пассажиров с ежедневным расписанием на борту, причем очень скоро стало ясно, что он планирует ввести весьма суровый распорядок. Он собрал всех мужчин на палубе и распределил между ними должности. Ланге и Брандманн теперь должны были отмерять продовольствие, другие — раздавать еду, третьи — следить за тем, чтобы не нарушались правила.

— Вы должны заботиться о том, чтобы на судне поддерживался строгий порядок! — объявил Бейт.

Своим звучным голосом он зачитал список денежных штрафов, которыми каралось его нарушение. Среди прочего значилось, что пассажирам средней палубы запрещается находиться на верхней палубе. Всего на один час в день и для богослужения в воскресенье они могли выйти подышать свежим воздухом.

— Как в тюрьме! — возмутился Оттфрид, но вскоре утешился, получив очень важный пост охранника на раздаче еды.

Как и на все другие должности, на эту претендовало несколько переселенцев. Все те, кто получил какой-нибудь пост, отнеслись к делу на удивление серьезно и настаивали на том, что теперь обладают особым авторитетом. Когда вечером Карл нес ужин в свою каморку, по пути его

трижды остановили для контроля. На следующее утро Ханнеса даже отругали за неподобающий вид — он собрался в уборную, не надев рубашку, с голым торсом, но его остановили и отправили обратно в каюту.

Сам Карл не претендовал ни на какую должность — жители Рабен-Штейнфельда не разговаривали с ним. По их мнению, он раздобыл билет «нечестным путем», и, похоже, все злились на него за это. Бейт тоже вел себя скорее неприветливо. Быть может, он уже сожалел о том, что согласился выполнить просьбу поденщика — из-за этого у него сразу же возникли трения с Брандманном. Карл слышал о ссоре в коридоре. Поэтому он решил пока не высовываться и проводил почти все время за книжками на койке. Он быстро прочел книгу о Новой Зеландии, а затем углубился в английский словарь. Только в тот час, который можно было провести на верхней палубе, он выходил из своей каморки для холостяков. Он надеялся встретить Иду и, быть может, даже перекинуться с ней парой слов.

Однако в первые дни это оказалось невозможно. Девушка все время стояла у поручней в окружении земляков и восхищалась раскинувшимся перед ними огромным серым морем. Поскольку ветра почти не было, не было и волн, кроме того, в соленой воде не плавали льдины. Море казалось едва колышущейся поверхностью стального цвета, сливающейся вдалеке с таким же серым небом. На Карла оно не произвело особенного впечатления, он представлял его себе совсем иначе после прочтения брошюры о капитане Куке, и он нашел его монотонным и унылым.

Однако на третий день путешествия, когда они уже оказались в Атлантическом океане, поднялся сильный ветер. Внезапно на волнах показались пенные барашки, которые разбивались о корпус судна и окатывали солеными брызгами переселенцев, если те подходили слишком близко к поручням. Впервые пошел дождь. Ледяные струи хлестали пассажиров по щекам, и в конце концов матросы раньше времени разогнали всех по каютам.

Карл не стал возмущаться и пугаться, как многие другие, а лишь вежливо спросил у матроса, почему их столь поспешно отправляют вниз.

— Приближается буря, — шепнул ему тот. — Мы будем задраивать переборки.

Встревожившись, Карл обратил внимание на то, что люки на промежуточную палубу действительно закрывают. Из-за этого внутри воцарилась невыносимая духота, на которую люди тут же принялись жаловаться, к тому же и стемнело очень рано. Усилившаяся качка внушала страх, некоторых пассажиров сразу же затошнило, и они бросились к немногим имевшимся на судне уборным. Однако это было только начало.

Вскоре буря принялась швырять судно из стороны в сторону, и средняя палуба превратилась в сущий ад: кричали люди, летали взад-вперед предметы, народ молился и рыдал, страдая от тошноты.

Карл поначалу улегся в постели и слушал, как дежурные отдают приказы, как плачут женщины. Однако он бы предпочел внимать звукам, доносившимся с верхней палубы: переключке моряков, шуму ветра в парусах — или паруса при такой погоде убирают? Может быть, возникла серьезная угроза для судна? Успокоило его то, что Ханнес и Йост, которые прежде уже ходили в море, не выглядели слишком уж испуганными. Они спокойно дремали в своих койках. Карлу же в какой-то момент надоело безделье. Шагая по скрипучим доскам палубы, он двинулся на поиски каморки Иды. Скорее всего, он не увидит ее, но молодой человек испытывал сильнейшую потребность находиться рядом с ней, надеясь сказать ей хотя бы несколько утешительных слов.

А затем он все же встретил ее в коридоре. Бледная, усталая и испуганная, она брела по направлению к уборным, держа в руке ведро со рвотными массами.

— Ида! У тебя все в порядке? — Карл машинально попытался забрать у нее ведро, но девушка не отдала его. Судя по всему, ей было неловко.

— В порядке? — слабым голосом переспросила она. Молодой человек понял, что задал глупый вопрос. — Корабль тонет, а ты спрашиваешь, все ли у меня в порядке?

Карл только рукой махнул:

— Судно не тонет. В Атлантическом океане штормы случаются постоянно, об этом даже капитан Кук писал. А еще мне говорили, что «Санкт-Паули» — очень крепкое судно. Несколько часов качки — и вскоре все снова наладится.

Перед уборными толпились пассажиры. Дежурные пытались сдерживать их, но люди отчаянно стремились прорваться к сортирам, и обязательно кто-нибудь не успевал, извергая рвоту прямо в коридоре.

— Уборных слишком мало. — Карл вздохнул, пытаясь расчистить проход для Иды. — Всего три на сто тридцать с лишним человек...

Ида заправила свои длинные локоны под чепец. Она выглядела растрепанной, как и остальные, обычно столь аккуратные, крестьянки. В такую бурю у них наверняка нашлось занятие поважнее, нежели поправлять чепцы или разглаживать складки на переднике.

— Бейт заверял моего отца, что достаточно одной на пятьдесят пассажиров...

Карл усмехнулся.

— Что ж, тогда нам еще повезло, — с сарказмом заметил он. — У тебя нет морской болезни?

Ида покачала головой:

— Нет. Но все остальные страдают. Элсбет кажется, что она умирает... Неужели так будет на протяжении всего путешествия, Карл?

Она пошатнулась, когда корабль снова сотряс порыв ветра. Карл подхватил ее — и на один краткий миг она оказалась в его объятиях.

— Извини. — Ида тут же высвободилась и залилась краской, словно Господь упрекнул ее за это. — Мне нужно возвращаться... Там, наверное, опять кого-нибудь стошнило.

Девушка наконец сумела опорожнить ведро и стала пробираться по темным коридорам обратно в свою каморку. Карл пошел за ней, готовый снова поддержать ее, если она упадет.

— Я рядом, если вдруг понадобится тебе, — негромко произнес он, когда она уже собиралась скрыться за дверью. — Если я... если я чем-то смогу помочь...

Поначалу Ида храбро отказалась, но вскоре ей пришлось сдаться. Она уже не справлялась с тем, что происходило в ее каморке: дети плакали, их тошнило каждые несколько минут. Антон ничем не помогал ей, он лежал на своей койке и хныкал — то ли от страха, то ли от боли, понять было невозможно. Даже отец ее больше не мог встать, чтобы опорожнить желудок в уборной. Если его не рвало, он слабым голосом шептал молитвы. Когда Ида, пошатываясь, в очередной раз вышла в коридор с ведром, она наконец позволила Карлу забрать его.

В конце концов ночь превратилась в кошмар для обоих. Карл молча брал у нее ведро со рвотными массами, а порой и с экскрементами — маленький Франц от страха наложил в штаны, — уносил его и возвращал, набрав воды, чтобы Ида могла вымыть пол. А затем, как и предсказывал Бейт, на палубу прорвалось море. Должно быть, волны были очень высокими, раз они заливали верхнюю палубу и вода проникла вниз сквозь неплотно закрытые люки. Карл пытался остановить ее в коридоре перед каморкой Иды — для этой цели матросы выдали пассажирам средней палубы тряпки и ведра. Но вскоре смешанная с грязью и рвотой вода уже колыхалась в каюте на уровне лодыжек.

У Элсбет тут же началась истерика, и Карл слышал, как Ида пытается успокоить ее.

— Вы разве не помните, что отец недавно разговаривал с господином Бейтом и тот сказал, что в этом нет ничего необычного...

Карлу этого никто не говорил, да и другие пассажиры, не

присутствовавшие при ссоре Бейта и Ланге, ничего не знали. Поэтому на потоп они отреагировали паникой и снова принялись громко кричать и молиться. У люков толпились рыдающие пассажиры, которые непременно хотели выйти на палубу. Обнаружив, что люки задраены, они испугались еще больше. Казалось, этот ужас никогда не закончится.

А потом буря внезапно улеглась, ветер унялся. Судно снова двигалось ровно. Когда Ида вышла из своей каморки, Карл увидел, что она совсем обессилела.

— Как думаешь... Думаешь, это все? — спросила она, протирая глаза.

Карл пожал плечами. Те ужасно болели, как и спина, да и вообще все тело. Он несколько часов провел на ногах, пытаясь не расплескать содержимое ведер.

— Похоже на то, — ответил он, только чтобы утешить Иду. — Попробую найти кого-нибудь, кто сможет ответить на этот вопрос. Но на это уйдет много времени, все матросы заняты. Можно я потом... приду снова?

Ида с сожалением покачала головой.

— Раз все закончилось, моему отцу станет полегче, и, если он увидит тебя здесь, у меня будут неприятности.

Карл рассмеялся, но смех его прозвучал горько.

— Вообще-то ему следовало бы поблагодарить меня... Он наверняка считает, что меня здесь быть не должно, верно? Не только рядом с тобой... — он махнул рукой в сторону коридора, вдоль которого разместились семьи его земляков, — а вообще на судне.

Ида кивнула, убирая с лица прядь влажных волос. Вся средняя палуба пропиталась водой, и Карл только теперь почувствовал, что его одежда промокла.

— Все так думают, — негромко ответила Ида, словно испытывая за это вину. — Они говорят... что ты покинул место, предназначенное тебе Господом. Что ты нарушил порядок...

Карл пристально взглянул в ее покрасневшие от усталости глаза, заметил пятна румянца на ее щеках. Волосы у девушки вновь растрепались, взмокли от пота и выбились из-под чепца, грязное платье висело мешком. Но она казалась ему невообразимо прекрасной. И теперь он хотел знать, что думает она сама.

— Но я просил Господа дать мне шанс, — сказал он. — Быть может, Он услышал мою молитву. — Карл подошел к ней и положил руки ей на плечи, словно для того, чтобы помешать ей сбежать, не ответив, если он решится задать вопрос. — Или мне нужно было молиться о смирении?

Ида ничего не сказала, но на лице ее отражались сменяющие друг друга эмоции: тревога и страх, покорность судьбе и протест.

— Я должен был остаться и молить о смирении, Ида? — снова спросил Карл, и тон его стал суровым.

Ида хотела было высвободиться, но затем сдалась и энергично покачала головой.

— Я рада, что ты здесь, — торопливо прошептала она. — И, быть может... быть может, я тоже молилась за тебя.

Глава 6

В течение следующих дней погода оставалась более-менее спокойной, по крайней мере, столь сильный шторм им больше не грозил. Однако вода по-прежнему прорывалась вниз каждый день, даже если волны не заливали палубу. Для этого достаточно было сильного дождя, а они в это время года случались почти каждый день.

— Ну а почему вы собрались переезжать посреди зимы? — заявил один из матросов, которому Ланге пожаловался на неудобства. — Атлантический океан славится своими штормами даже в разгар лета, а сейчас... Можно считать, что нам еще повезло с погодой!

Однако Ида считала ситуацию весьма скверной. После бури средняя палуба так и не высохла, так же как и одежда, менять которую было не на что, поскольку и узелки с вещами переселенцев тоже промокли. Повсюду на средней палубе стоял запах сырости и плесени, но особенно огорчали пассажиров переполненные уборные. Проветрить палубу они не могли, поскольку во время дождя — а тот шел постоянно — люки открывать запрещалось. Конечно же, люди ворчали, и Бейт еще и усугубил ситуацию, объявив дежурных ответственными за состояние средней палубы. Громко ругаясь, он заменил их всех. Когда и новые дежурные не смогли изменить ситуацию, он сократил рационы — чтобы наказать поселенцев за то, что они якобы не следят за порядком и чистотой в своих каютах. Ланге стал протестовать от имени всех жителей Рабен-Штейнфельда и тут же потерял свое место на кухне.

К неудовольствию переселенцев, Бейт стал вести себя как тиран. Он командовал дежурными, сам устанавливал размер и состав рационов, посылал женщин в каюты своей семьи на верхней палубе, чтобы те убрали в них и помогали прислуге. Вернувшиеся женщины, задыхаясь от восторга, рассказывали о комфортабельных каютах пассажиров первого класса, после чего переселенцы начинали роптать еще громче. Они страдали от недоедания, холода и сырости, царивших на средней палубе. Когда дети начали кашлять, а один малыш умер от воспаления легких, они пришли в ярость.

Карл утешал себя тем, что ситуация на борту была временной. Вскоре

— так заверили его матросы — судно войдет в Бискайский залив и погода успокоится. Станет теплее.

— Даже слишком тепло! — рассмеялся один из моряков. — Подожди, через несколько недель вы будете жаловаться теперь уже на жару!

Карл с трудом мог представить себе подобное, но готов был поверить людям, проходившим этот маршрут не первый раз. Он по-прежнему старался держаться подальше от попутчиков, проводя время за изучением английского языка. Карл давно уже выучил все выражения из словаря на память, теперь же он начал запоминать слова, казавшиеся ему важными. Молодому человеку не терпелось проверить свои знания на людях, и во время свободного часа на верхней палубе он искал того, с кем можно поговорить. Однако это оказалось не так-то просто. Пассажиры первого класса — Карл полагал, что по крайней мере семья Джона Николаса Бейта знает английский язык — не желали общаться с простонародьем, предпочитая сидеть в каютах, когда на верхнюю палубу поднимались пассажиры средней. На глаза попадались только миссионеры, которые по воскресеньям собирали паству для молитвы. Карл наконец осмелился обратиться к одному из них, преподобному Волерсу, но выяснилось, что тот тоже не говорит по-английски.

— Это уладится само собой, молодой человек, как только мы прибудем на место, — уверенно произнес он.

Карлу стало интересно, как духовник представляет себе свою миссию. Вряд ли коренное население знает немецкий язык. Если уж он решил проповедовать маори на языке белых людей, то это может быть только английский. Но, может быть, пастор планировал выучить язык маори? Судя по книге, которую прочел Карл, тот был не похож ни на какой другой.

В итоге Карлу пришлось придумать новый способ, чтобы практиковаться в английском языке, — пусть и нарушая правила.

В одно прекрасное спокойное утро, когда сквозь люки на среднюю палубу даже проникли лучики солнца, он взобрался по лестнице на верхнюю палубу и отправился на поиски собеседника.

Подставив солнцу лицо, Джейн Бейт наслаждалась теплом, которое, впрочем, нисколько не улучшало ее настроения. Она приобрела привычку каждое утро прогуливаться по палубе, обычно во время завтрака. Мать постоянно ругала ее за то, что она берет слишком большие порции, пытаясь в буквальном смысле заесть свою скуку и печаль. Джейн, конечно же, знала, что вредит собственному здоровью, поэтому решила каждый день прогуливаться вместо завтрака. Впрочем, замерзнув под дождем, она обычно снова впадала в тоску, и Петер Хансен, дворецкий, готовил ей

чашку горячего шоколада, чтобы поднять настроение.

Что ж, теперь хоть погода наладилась. Быть может, скоро Джейн сможет проводить больше времени на палубе и ей не придется слушать ссоры сестер и глубокомысленные дискуссии, с помощью которых коротали время миссионеры. Отец постоянно бранил никчемных грязных поселенцев — одного ребенка они уже потеряли, и, если ситуация не изменится, вспыхнут эпидемии, люди начнут умирать один за другим. Врач подтвердил это и посоветовал еще больше ужесточить меры, направленные на то, чтобы заставить людей соблюдать порядок и поддерживать свои каморки в чистоте. Затем миссионеры попросили Господа помочь людям, живущим внизу, и простить их.

К молитве присоединялись пассажиры верхней палубы, но Джейн прекрасно знала, что ее отец заботится исключительно о прибыли. Что касается ее самой, ее ожидания полностью оправдались. Когда судно отчалило, ей стало нечего делать, абсолютно нечего. Она была обречена на бесконечную скуку. Временами она ловила себя на том, что с интересом высматривает в океане китов, которые, если верить капитану, часто показывались в этой части земного шара. Собственно говоря, киты ей были совершенно безразличны, а порой она даже испытывала к ним ненависть, поскольку корсет, который мать заставляла ее носить даже здесь, на судне, болезненно впивался в ее тело.

Не поздоровавшись, Джейн прошла мимо матроса, драившего палубу, и наконец нашла того, на ком можно выместить свое недовольство. Наверх поднялся один из пассажиров средней палубы! И он даже не пытался спрятаться, когда она подошла к нему, а открыто и приветливо улыбнулся ей. Более того, он осмелился обратиться к ней!

— *Goot mornink, ladi!*[16]— произнес он на ломаном английском.

Джейн в недоумении уставилась на него.

— *Issnt it a nize dei?*[17]

Джейн наморщила лоб. Молодой человек, похоже, растерялся.

— Вам нельзя здесь находиться! — набросилась она на него. — Какое бесстыдство: пробрались сюда и пристаёте к людям! Немедленно уходите к себе в каюту, в противном случае я пожалуюсь отцу!

Светловолосый юноша вообще-то не выглядел таким уж ненормальным, как можно было подумать, услышав его речи; он удивленно и даже с некоторой обидой посмотрел на нее. У Джейн на секунду возникло желание сказать ему что-нибудь утешительное, но она тут же передумала. Что ей до этого безумца? Она развернулась на каблуках и направилась к каютам, надеясь, что выглядит величественно. Ни в коем

случае нельзя становиться такой же толстой, как ее мать.

Карл с несчастным видом посмотрел ей вслед и подошел к матросу, который, качая головой, наблюдал за этой сценой.

— Я сказал что-то не то? — спросил он у матроса.

Тот пожал плечами.

— Не наю, не слушал я-а, — пробормотал он на своем гамбургском диалекте, но затем спохватился и попытался изъясняться на более-менее приличном немецком. — Скорее всего, ничего плохого ты не сделал, так-то. Эта девушка всегда так себя ведет, не обращай внимания. Ворчит на всякого, кто под руку подвернется...

Карл потер рукой лоб.

— Просто... я говорил с ней на английском. И, может быть... я сказал что-то обидное...

Матрос, мужчина невысокого роста с острым подбородком и хитрыми бегающими глазками, бросил на высокого переселенца быстрый взгляд, а затем снова принялся драить палубу.

— И что ты сказал-то? — поинтересовался он, снова переходя на нижненемецкий диалект.

Карл повторил слова, с которыми только что обратился к девушке.

Матрос замер со шваброй в руках и усмехнулся ему в лицо.

— Ну, вряд ли ты мог ее этим обидеть, — заявил он. — Но это и не английский.

— Разве? — Теперь Карл совершенно растерялся. — Но здесь так написано! В моем словаре. Я специально купил эту книгу. Оказывается, все, что тут написано, — неправда?

Расходы на книгу... и множество потраченных на зубрежку часов... Неужели все это было напрасно?

Матрос рассмеялся.

— Да нет, в книге, наверное, все написано правильно, — спокойно сказал он. — Дело в том, что это произносится иначе, чем пишется. По крайней мере, мне так думается, на английском я много не читал...

— Но говорил? — жадно ухватился за соломинку Карл. — Вы говорите... ты... ты говоришь по-английски?

Мужчина присвистнул сквозь оставшиеся у него зубы.

— Ну, не так, как изысканные господа, — уточнил он. — Только то, что можно в гавани узнать — типа, как заказать пива и койку, шлюху подцепить, сторговаться... купить пожрать...

Судя по всему, еда в списке потребностей матроса находилась на последнем месте, в то время как Карл старательно заучивал названия

основных продуктов питания. Сразу же после того, как выучил слова «работа» и «деньги».

— Скажи что-нибудь! — попросил матроса Карл.

Тот снова усмехнулся.

— Ну, то, что ты пытался сказать той девушке, правильно произносится так: *Good morning, Lady*. Но англичанин сказал бы скорее «мисс». Капитан называет эту леди «мисс Джейн» или «мисс Бейт».

— *Miss* означает, что она не замужем, мы в таких случаях говорим «фройляйн», — усердно закивал Карл.

Это слово он тоже успел выучить, и, к счастью, оказалось, что оно произносится так же, как пишется. А другие слова...

— *Isn't it a nice day?* — повторил матрос, когда Карл протянул ему свой словарь с выражениями.

Это звучало очень непривычно, и у Карла голова пошла кругом. Однако, как бы там ни было, теперь у него появился эксперт.

— Ты сможешь научить меня? — спросил он матроса. — Я и заплатить готов...

Сердце юноши обливалось кровью, он мысленно пересчитывал имеющиеся у него деньги, надеясь, что тот много не запросит.

Однако матрос только головой покачал.

— Да я мало что знаю, — сказал он, — и то, может, не все правильно произношу. Так что оставь деньги себе...

— Но ты знаешь больше, чем остальные! — взмолился Карл. — Пожалуйста! Может быть... может быть, я могу что-нибудь для тебя сделать? Например, помочь тебе... — Он кивнул головой на палубу. — А ты меня за это научишь английским словам. Как тебя зовут-то хоть?

Матрос сказал, что его зовут Хайн, Карл тоже назвался и принялся оглядываться в поисках второй щетки и ведер.

— Да тебе ведь нельзя находиться на этой палубе, — напомнил ему Хайн. — Как ты собираешься мне помогать, а?

Карл задумался. Он был исполнен твердой решимости начать обучение. Молодой человек подумал, не обратиться ли к Бейту за особым разрешением, но потом пришел к выводу, что это не такая уж хорошая идея... Карл в растерянности посмотрел на мостик — и увидел капитана Шахта, беседовавшего со штурманом.

Карл собрал всю свою волю в кулак. Капитан вежливо приветствовал всех на своем судне и всякий раз пытался уладить разногласия между переселенцами и Бейтом. Во время венчания двух пар и поминальной службы по маленькому Рудольфу Шахт показался ему очень человечным. И

юноша решил. Худшее, что может случиться, — капитан скажет ему «нет», и, даже если он рассердится на то, что ему помешали, не станет же он швырять Карла в море.

Молодой человек поднялся на мостик и тут же почувствовал проблеск надежды, когда Шахт улыбнулся ему.

— Чем я могу помочь тебе, сынок?

Через несколько минут Карл получил работу помощника матроса на верхней палубе и узнал, что по-английски это называется *job*[18]. Он будет на подхвате у Хайна и других моряков, а на каком языке он при этом станет с ними общаться, капитану было совершенно безразлично. Прощаясь с ним, Шахт заговорил по-английски, и Карл решил, что его слова прозвучали довольно благожелательно, хотя смысл он не уловил:

— *So good luck, boy. After you have finished your studies, you will be welcome in every harbour. I hope they won't forget to teach you the word «French disease»...*[19]

В последующие недели погода улучшилась, ярко сияло солнце, и, в отличие от бледных как смерть пассажиров средней палубы, Карл сумел загореть, работая на свежем воздухе. Матросы заставляли его драить палубу и поддерживать в порядке спасательные шлюпки, иногда даже помогать поднимать паруса. Одновременно они учили его английским словам, значения которых он иногда не знал даже по-немецки. Он догадывался, что речь шла о словах, которые доброму христианину знать не обязательно. Учился он, однако, и нужным вещам. Кроме того, в какой-то момент он понял, что произношение слов из его словаря подчиняется определенным правилам. Например, двойное «о» произносится как «у», «а» почти всегда звучит как «э», а «е» — как «и». В свободное время он продолжал штудировать словарь, а потом проверял свои знания на практике с матросами. К сожалению, они не всегда могли ему помочь — чтобы подцепить девушку в порту, им не нужно было знать слов «плуг», «борона», «зерно» или «лопата». Кроме того, Карл с трудом мог составить из выученных слов целые предложения. Матросы помнили лишь пару фраз, и их грамматику он не понимал.

Но затем дело сдвинулось с мертвой точки, когда к ним присоединился дворецкий Бейтов. Петер Ханзен, невысокий приветливый мужчина, говорил по-английски почти бегло, поскольку ему довелось вместе с хозяевами пожить и в Австралии, и в Новой Зеландии. Кроме того, его жена была родом из Шотландии. Ханзен был готов помочь Карлу, поскольку тот не высмеивал его «женскую работу», в отличие от матросов. Если дворецкий зарабатывал деньги тем, что чистил костюмы, гладил

блузки, вытирал пыль и подавал шоколад, для Карла это скорее являлось поводом позавидовать ему, чем начать презирать. Где еще найдешь такую легкую работу!

Впрочем, Бейт был непростым работодателем. Он почти не оставлял дворецкому свободного времени и ругал за малейшую оплошность — например, за то, что Ханзен не умел угадывать его желания по глазам. Карл часто спрашивал себя, как дворецкий выносит такое отношение. Сам он давно взбунтовался бы и отказался от должности. Но, когда он сказал об этом дворецкому, Ханзен только равнодушно пожал плечами:

— Это часть работы, парень. Ему нужен половик, чтобы ноги вытирать, — и вот он я. Вам, поселенцам, тоже пошло бы на пользу, если бы вы вели себя чуть потише. Постоянные жалобы только бесят Бейта... Здесь, на судне, вы от него все равно никуда не денетесь.

Ланге и Брандманн, как и все остальные малоземельные крестьяне, всегда отличавшиеся уверенностью в себе, возмущались уже почти каждый день, хотя после того, как прекратились дожди, ситуация на средней палубе улучшилась. Основным предметом спора оставался рацион, кроме того, всех раздражал запрет появляться на верхней палубе — теснота в каморках и плохой воздух самым катастрофическим образом сказывались на здоровье. Когда от лихорадки умерли еще двое маленьких детей, переселенцы потребовали улучшить жилищные условия. Бейт же напоминал им о постоянных нарушениях правил, взимал денежные штрафы и снова сокращал рационы — якобы из-за нехватки провианта. Он говорил, что переселенцам придется потерпеть до промежуточной остановки в Байе. На это повар возразил, что еды достаточно, вот только качество припасов оставляло желать лучшего, да и разнообразием они не отличались: пассажиров средней палубы кормили только морскими галетами, бобовыми, картофелем и солониной. Все согласились с поваром. Еда была скверной и плохо усваивалась. Многие дети постоянно жаловались на боли в животе.

— В Байе мы пойдем в консульство! — заявили мужчины из других общин.

Они составили петицию, в которой жаловались на Бейта. Ланге и Брандманн постоянно совещались, пытаясь решить, можно ли рискнуть и присоединиться к ним. Во время ежедневных выходов на палубу мужчины стояли рядом и спорили.

Таким образом, Карлу снова представилась возможность подойти поближе к Иде. Как и все женщины, она проводила свободные часы, стирая одежду детей и заботясь об их здоровье. Наконец-то стало сухо, сбилось и

пророчество матросов насчет жары. Ида и другие женщины поднимались на верхнюю палубу, чтобы просушить выстиранную одежду и набрать пресной воды из спасательных шлюпок, если все же шел дождь, чтобы прополоскать вещи. Они раздевали младших детей и отправляли их играть голышом под солнцем, несмотря на то что миссионеры не одобряли этого. Кроме того, на судне родился ребенок. Гордая мать назвала своего сына Петер Пауль, в честь капитана Шахта и его корабля. В целом, несмотря на все напряжение, жизнь на судне наладилась, капитан обвенчал еще три пары.

Карл встретил Иду на палубе, когда она расстилала поверх спасательной шлюпки платье своей сестры. На нем все еще виднелись пятна: у переселенцев не было мыльного раствора. Но Карл думал лишь о том, что наконец-то застал ее одну. Он незаметно приблизился к ней, улыбнулся девушке и произнес приветственную фразу, которую так долго учил:

— *Good morning, Ida! I am glad to see you! How are you and how is your family?*[20]

Ида удивленно уставилась на него, а затем тоже улыбнулась.

— Карл! — взволнованно воскликнула она. — Что ты говоришь? Это английский? Где ты выучился?

— *Yes, Ida,* — ответил Карл. — *I am learning English*[21].

Молодой человек просиял, когда девушка разгадала значение слов.

— *Yes* означает «да»? — с восторгом произнесла Ида. — *A learning* — это «учу»? Не так-то и трудно. Но почему ты называешь меня «Айда»?

От волнения девушка совсем забыла, что разговаривать с Карлом нужно тайком. Когда он обратился к ней, она отступила на шаг, за надстройку на судне. В обычной ситуации она не стала бы этого делать, но ради того, чтобы впервые в жизни услышать язык новой родины, можно было и нарушить какое-нибудь незначительное правило. Мысль о том, что она сама тоже сможет выучить английский, окрылила ее.

— Это твое имя, Ида! — с улыбкой кивнул Карл. — В английском буквы произносятся по-другому. Поначалу это кажется ужасно трудным, но на самом деле тут нет ничего сложного. Смотри...

Карл присел на корточки и пальцем прочертил несколько слов в слое пыли, собравшемся на досках палубы несмотря на ежедневные уборки. По всей видимости, это был мелкий песок — они действительно приближались к берегу.

Ида сосредоточенно разглядывала английские слова — и внезапно вздрогнула. Ее звала госпожа Брандманн:

— Ида! Что ты там делаешь?

Карл вежливо поздоровался с матерью Оттфрида, но та ему не ответила. Ида заметно испугалась, и молодой человек понял, что у нее будут неприятности.

— Идем, нам нужно развесить мешки с соломой, чтобы они наконец-то высохли, — строго произнесла госпожа Брандманн.

— Я с удовольствием помогу, — предложил Карл, но мать Оттфрида лишь бросила на него уничтожающий взгляд.

— Ида!

Ида осмелилась лишь робко кивнуть ему, а затем, понурившись, последовала за своей будущей свекровью.

И, конечно же, вечером отец устроил ей взбучку. Это случилось, когда она укладывала спать Франца. Ида решила провести это спокойное время, обучая брата и сестру первым словам на английском языке. Элсбет отнеслась к этому без особого восторга, но Франц с удовольствием повторял за ней выражения.

— *Good morning, Ida! Good afternoon, Elsbeth! Good night, Franz!*[22] — бормотал он, смеясь над тем, что желает спокойной ночи самому себе.

Якоб Ланге слушал, нахмутив лоб.

— Что это такое? Ида? Франц?

Франц тут же втянул голову в плечи.

— Это английский язык, отец, — пояснила Ида. — Мы должны выучить его, чтобы объясняться с людьми в Новой Зеландии. Меня научил Карл Йенш...

Она решила, что будет лучше, если она произнесет имя Карла сама, прежде чем отец начнет упрекать ее в том, что она виделась с ним.

— Мне уже сообщили, что ты разговаривала с этим парнем! — строго произнес Ланге. — Хотя я не раз запрещал тебе это еще дома... Он глупец и нищий, да и вообще, не годится порядочной девушке общаться с мужчиной наедине, кем бы он ни был. Ты помолвлена, Ида! Неужели мне придется выдать тебя замуж прямо здесь, на судне, чтобы сохранить твою честь?

Ида испугалась: почему-то мысль о скором заключении брака с Оттфридом внушила ей страх. Ведь она должна была радоваться — или хотя бы испытывать равнодушие и смирение. Однако даже ее смирение имело границы. Ида ни в коем случае не хотела выходить замуж на этом судне и проводить первую брачную ночь на заскорюзлом мешке с соломой, в одной коморке с отцом или даже с семьей Оттфрида! Другие молодые пары не особенно беспокоились из-за этого. Какие причины заставили этих

девушек так скоропалительно выйти замуж, Ида и представить себе не могла.

Она понурилась.

— Нет, отец. Прости меня, я... я не подумала. Разговор был совершенно невинный. Если еще раз представится подобная возможность, я просто приглашу Оттфрида. Ему тоже было бы полезно выучить несколько слов по-английски, до приезда...

— Чуть! — фыркнул Якоб Ланге. — Оттфрид выучится, когда мы окажемся на земле. Если это вообще понадобится... В конце концов, мы собирались основать свою собственную деревню. Мы все едины в своем мнении, она будет называться Санкт-Паулидорф. Потому что мы уже стали единой общиной. И, конечно же, мы будем говорить на языке Мартина Лютера, на языке Библии...

Ида прикусила губу. Разве Мартин Лютер не перевел Библию с другого языка?

— Но власть... — напомнила она. — В конторах будут говорить по-английски. А торговцы? Нам ведь придется что-то покупать...

Ланге отмахнулся.

— Конечно, придется выучить пару слов, это не смертельно, — подытожил он. — Но нашим женщинам не нужно будет утруждать себя подобными вещами. Разве ты ходила в Мекленбурге к помещику, если что-то требовалось? Покупала лошадей? Заказывала коз? — Он снисходительно усмехнулся.

Ида потерла лоб.

— Я не уверена в том, что мы сможем так просто взять и перенести Рабен-Штейнфельд на другой край мира, — с необычным для нее мужеством произнесла девушка. — Мы уже не в Мекленбурге.

Но Ланге лишь покачал головой.

— Пусть это будет моя забота, — осадил он дочь. — И забота твоего супруга. Как только нам выделят землю, вы с Оттфридом сможете пожениться. В будущем месяце Элсбет исполнится тринадцать, она уже достаточно взрослая, чтобы вести хозяйство. А тебе пора замуж, супруг выбьет из тебя всю эту дурь. Знать английский, да еще, чего доброго, и лучше мужчин. Этого только не хватало! Ложись спать и молись о смирении!

Вытянувшись во весь рост на своем наконец-то сухом, хотя все еще немного отдающем затхлостью мешке, Ида вздохнула. Так вот в чем дело: она ни в коем случае не должна знать новый язык лучше Оттфрида! А ведь он всегда учился хуже. Внезапно ей снова вспомнилась школа и то, как ей

нравилось читать и писать. И как приятно было, когда учитель хвалил ее.

Ее и Карла.

На следующий день во время свободного часа на верхней палубе Якоб Ланге и Брандманны не спускали глаз с Иды. Тем не менее она нашла возможность снова подойти к спасательной шлюпке, где вчера развесила для просушки платье Элсбет. Она наклонилась за ним и при этом украдкой покосилась в сторону, где, как она предполагала, должен был стоять Карл. Да, он стоял там и смотрел на нее. Ида быстро засунула книжку о Новой Зеландии под лежавшее в лодке весло. Карл найдет ее здесь, ему наверняка не терпится прочесть ее. И вдруг, к своему изумлению, на том же месте она нащупала другую книгу. Не раздумывая она схватила ее и спрятала в карман юбки. Карл подмигнул ей, когда колокол снова позвал переселенцев под палубу и Ида прошла мимо его каморки.

Позже, лежа на своей койке, она достала книгу, открыла ее — и в страхе уставилась на изображение толстого, покрытого пугающими татуировками мужчины. Это был воин маори. Она держала в руках новую книгу об их новой стране! А затем из нее выпал листок бумаги. «*From Karl, for Ida*, — было написано на нем. — *The first things to learn...*»[23]

С гулко бьющимся сердцем Ида снова и снова повторяла обучающие фразы, которые написал для нее Карл: «*My name is Ida. I live in Nelson, New Zealand. Your name is Karl. You live in Nelson, New Zealand. Ida has a brother. His name is Franz. He lives in Nelson, New Zealand. Ida has a sister. Her name is Elsbeth. She lives in Nelson, New Zealand. Karl and Ida and her family live in Nelson, New Zealand*»[24].

И только выучив все на память, она подумала, что в последнем предложении должно быть сказано: «Оттфрид и Ида». Но это были не те слова, которые она хотела произносить на новом языке. Она вспомнила то, что выучила вчера: «*Good night, Karl*». Ида хотела еще добавить «*I am glad to see you*», но передумала, поскольку не видела этой фразы перед собой. Однако Карл ей действительно приснился.

Глава 7

Третьего марта, спустя несколько недель плавания, судно «Санкт-Паули» прибыло в Байю, регион в Бразилии. Городок, в гавани которого оно причалило, назывался Сальвадор, что означало «спаситель», как сообщили переселенцам во время воскресного богослужения миссионеры. Город был назван в честь Иисуса Христа, и пасторы несколько раз подчеркнули это. Впрочем, они напомнили переселенцам, что жители страны — закоренелые паписты, поэтому сходить тут на мессу или даже просто зайти в дом Божий нельзя.

Многие женщины стали жаловаться на это, поскольку снова понадобилось прочесть несколько погребальных месс. Незадолго до прибытия в Байю на судне вспыхнула болезнь, похожая на оспу, но врач не был уверен в том, что это именно она. Пришедшая вместе с ней лихорадка унесла еще трех маленьких детей — Ида благодарила Небо за то, что у Франца она протекала в достаточно мягкой форме. И теперь ей не хотелось ничего, кроме как снова ощутить под ногами твердую землю и хоть немного отдохнуть от удушающей тесноты средней палубы.

В действительности же вылазка на берег стала не просто приятной передышкой. Нет, впервые бросив взгляд на Сальвадор, Ида испытала нечто вроде откровения! Это место полностью соответствовало ее представлениям о рае, насколько это вообще было возможно. И девушка зачарованно смотрела на широкие светлые песчаные пляжи, обрамленные зелеными лесами, яркие причудливые дома, залитые столь ослепительным и жарким солнечным светом, какого раньше Ида не могла себе и вообразить. Прямо в порту продавали свежие фрукты, названий которых Ида не знала, но, увидев их, немедленно захотела попробовать. После долгого однообразного питания она полагала, что почувствует себя на седьмом небе от счастья, когда во рту у нее будет таять сладкая сочная мякоть.

Поначалу Бейт не разрешил переселенцам покидать судно. Обращаясь к ним, он утверждал, что в Сальвадоре небезопасно, что они наверняка столкнутся с грабителями и убийцами, если станут бродить сами по себе. Но Ланге, Брандманн и другие стали протестовать. Они благодарны за предупреждение; разумеется, они ни в коем случае не хотят подвергать опасности женщин и детей. Но что мешает мужчинам сходить на прогулку?

В конце концов одиннадцать молодых переселенцев — все без исключения сорвиголовы — самовольно покинули судно и таки добрались до немецкого консульства, чтобы подать петицию с жалобой на Бейта. Впрочем, это не принесло им особого успеха. Служащие посольства выслушали их, приняли бумагу и заверили, что передадут ее в Новозеландскую компанию, но конкретных мер принять не обещали. Впрочем, один из сотрудников посольства сопровождал мужчин обратно на судно и переговорил там с Бейтом и капитаном. В результате Бейт пришел в ярость и отомстил пассажирам, едва сотрудник посольства сошел на берег. Он вызвал на палубу зачинщиков, заставил их несколько часов ждать под палящим солнцем, пока он вынесет «приговор», затем требовал с каждого штраф в полкроны за то, что они покинули судно без разрешения. После этого большинство переселенцев пали духом — все очень надеялись на то,

что консул вступится за них. Поедая морские галеты и солонину, они терпеливо дождались, пока их расселят на суше, как это было обещано.

Карл Йенш покинул корабль тайком вместе с матросами, которые получили увольнительную. Он с восхищением осматривал новый город, наблюдал за людьми: большинство из них были невысокими, темнокожими и черноволосыми, одевались в яркие одежды. Они много смеялись, громко разговаривали на еще одном незнакомом Карлу языке, но те, кого он встречал в районе порта, вполне понимали немногие английские слова, которые он успел выучить. Карл робко поинтересовался, как пройти в баню, и очень воодушевился, получив ответ. Впрочем, это оказалось заведение весьма сомнительного толка. Его действительно можно было назвать тем словом, которому его научили матросы, но в купальных чанах занимались в основном такими вещами, которые заставляли Карла краснеть до корней волос. С едой ему повезло больше. В трактире за один из накопленных пфеннигов ему подали густой острый суп с бобами и мясом, а еще рис и фрукты. Последние он взял с собой на судно и положил их под сиденье спасательной шлюпки — для Иды.

«*To eat*, — написал он на листке, вырванном из старой школьной тетради. Скоро ему понадобится новая. — *Mango, banana, orange*»[25].

По-немецки Карл добавил: «Их нужно чистить». Когда он попытался надкусить банан, хозяин трактира рассмеялся и показал ему, как снять кожуру. Он мог бы посмотреть в словаре, как это сказать по-английски, но вряд ли Ида сумела бы его понять. Хотя английский язык давался ей легко — по крайней мере письменный. Карл каждый день оставлял ей записку с новыми словами и фразами, а Ида писала ему ответы, переставляя фразы местами и пытаясь строить новые.

«*I am glad arrive in Bahia. I see forest and sand*»[26]. А в последнее время она даже стала составлять небольшие послания на новом языке, и вскоре Карл с Идой уже вели оживленную переписку. «*Beit say, we live in house in Bahia. Ida see Karl, when live in house*»[27].

Когда поселенцев расселят на суше, встречаться станет проще. Карл на это очень надеялся и обрадовался, когда на следующий день после его самовольной вылазки на берег капитан сообщил пассажирам, что их сейчас расселят за пределами Сальвадора.

Вздыхая с облегчением, люди покинули среднюю палубу и разместились в расположенных на пляже хижинах, которые Брандманн пренебрежительно назвал бараками. Он тут же снова начал возмущаться, когда его жена обнаружила в кухне черных тараканов.

Ида же была очарована обстановкой. Разумеется, покрытые

пальмовыми листьями деревянные домики были убогими, но пляж, на котором их построили, казался ей невообразимо прекрасным, а простиравшийся за ним тропический лес представлял собой настоящее чудо. Каждый день солнце ярко сияло в безоблачном небе, песок сверкал золотом, а море переливалось лазурью. В воздухе витал запах экзотических цветов, а вечером из города доносилась музыка. Барабаны, флейты и мандолины — их звуки сплетались в диком ритме. Ида никогда не слышала таких быстрых рулад, таких головокружительных мелодий. Сердце ее билось чаще под звуки этой музыки, ей хотелось, чтобы ей позволили танцевать под нее.

Население Байи оказалось приветливым и открытым. Очень быстро в импровизированном поселении немцев появились первые любопытствующие, среди них были женщины и девушки в ярких одеждах, которые продавали фрукты и овощи. Ида поражалась тому, что мочки ушей у них проколоты и в отверстия вдеты золотые или разноцветные кольца. Их яркие цепочки и браслеты издавали веселый перезвон, когда они вступали в беседу, оживленно жестикулируя. Уличные торговцы предлагали фрукты и пирожки с крабовым мясом, а матросы учили переселенцев ловить рыбу и жарить ее здесь же, на пляже, на открытом огне. На вкус она была бесподобной, особенно приправленная лимонным соком — совсем не такая, как карпы из деревенского пруда в Мекленбурге или корюшка, которую Антон иногда тайком выуживал из озера помещика.

Переселенцы стали постепенно дополнять скудные рационы, выделенные им Бейтом, фруктами и другими продуктами. Женщины с недоверием рассматривали тропические плоды, и Ида едва не выдала себя, когда они вдруг принялись есть манго и бананы прямо с кожурой. Карл подмигнул ей издали, пока она деловито чистила фрукты, притворяясь, что сама до этого додумалась.

Местные жители все время ходили босиком, что ужасно возмущало женщин из числа переселенцев, и они готовы были обсуждать это часами. Ида злилась на них за такую предвзятость. Сама она однажды украдкой сняла чулки и туфли, чтобы пройтись босиком по пляжу. Песок под ногами оказался теплым, он щекотал ее между пальцами... Она вошла в море и позволила волнам омыwać ноги — это ощущение было совершенно непередаваемым. Ида еще никогда не чувствовала себя настолько счастливой, как на этом пляже к западу от Сальвадора.

Однако прочие переселенцы не разделяли ее восторга, придерживаясь правил и обычаев, заведенных в мекленбургской деревне, насколько это было возможно. Многие из них тоже чувствовали себя неуверенно. Бейт

запугивал их местными разбойниками и убийцами, настроив против всех бразильцев, кроме того, местная еда с непривычными ингредиентами и способом приготовления плохо сказывалась на их желудках. Якоб Ланге строго запретил своим детям брать еду у местных жителей. Похоже, он опасался, что уличные торговцы хотят отравить их. Госпожа Брандманн даже прогоняла прочь местных детишек, которые с любопытством приближались к их кострам, хотя темнокожие малыши с кудрявыми волосами выглядели очень мило.

— Чернокожие! — с восхищением в голосе сказала Ида, увидев, как эти дети играют в волнах.

— Чернокожие? — пришла в ужас госпожа Брандманн. — Как такое может быть, чтобы грязь вообще не смывалась?

Чаще всего люди жаловались на невозможность посетить церковь. Миссионеры служили мессы и устраивали молитвенные часы на пляже. Они благодарили Господа за то, что путешествие до сих пор было относительно безопасным, и переселенцы вместе пели песни своей родины. Некоторые женщины плакали, судя по всему, они уже начали тосковать по дому. Они часами рассказывали друг другу о своих деревнях и семьях, сидя кружком, как когда-то в Мекленбурге, и заштопывали дырки на чулках своих близких. Все это еще крепче сплотило будущую общину деревни Санкт-Паулидорф.

Только Карла по-прежнему в нее не принимали, поэтому лишь спустя неделю после прибытия в Байю ему удалось поговорить с Идой. Женщины брали питьевую воду в ручье, бежавшем среди леса чуть выше пляжа. В тот день ближе к вечеру Ида решила снова сходить за водой, но на этот раз в виде исключения ее никто не сопровождал. Карл встретил ее у ручья и взял у нее ведро.

— *Good afternoon, Ida!* — сказал он. — *Can I help you?*[28]

Оба просияли, когда она дала правильный ответ, сказав «*thank you*»[29].

— О, Карл, я никогда не думала, что жизнь может быть так прекрасна! — вырвалось у Иды.

Никто не разделял ее восторга от Байи. Прочие переселенцы только и делали, что ругали песок, покрывавший все в хижинах ровным слоем, жару, из-за которой они обливались потом, — и, конечно же, местных жителей, настолько ленивых, что в обед они бросали работу, уходили в тень и бездельничали там несколько часов. Это замедляло погрузку провианта и технический осмотр «Санкт-Паули». Прежде чем отправляться дальше, капитан решил капитально отремонтировать корабль и вымыть все внутри.

— В Новой Зеландии будет так, как здесь?

Карл пожал плечами.

— Не знаю, — с сожалением произнес он. — Но думаю, что нет. Судя по тому, что говорил твоему отцу Бейт, она больше похожа на Мекленбург. Матросы говорят, что там, как в Англии, часто идут дожди. Тебе здесь нравится?

Ида энергично закивала головой.

— Нравится? — со счастливой улыбкой переспросила она. — Это слабо сказано. Здесь просто чудесно, это настоящий рай! Жаль, что я не могу здесь остаться!

Карл поставил ведра на землю. Он не знал, разумно ли поступает, но он увидел свой шанс.

— Так давай сделаем это! — решительно произнес он. — Давай просто убежим! Я могу найти здесь работу, например, в порту. В Гамбурге я разгружал суда, за это неплохо платят. Правда, вместо английского придется выучить португальский... Я уже знаю одну фразу, Ида: «*Voce é linda*». Это значит: «Ты красивая!»

Он улыбнулся девушке. Ида смотрела на него с недоумением, но Карл не сдавался.

— Здесь даже есть немецкое консульство, Ида! — продолжал он. — Мы можем обратиться к ним, вдруг они помогут нам? — Он протянул к ней руки. — Ты хочешь остаться здесь, со мной, Ида Ланге? Ты выйдешь за меня замуж?

Ида испугалась, а потом нервно рассмеялась.

— Ты... ты шутишь... Мы не можем взять и убежать, мы...

— И кто же нам помешает? — поинтересовался Карл и взял ее за руки. Она не отняла их сразу, и он еще больше осмелел. — Твой отец? Бейт? Если мы убежим ночью, прежде чем все вернутся на борт, нас не станут долго искать. Может быть, день, два — дольше капитан ждать не станет. До тех пор будем прятаться. Например, в лесу, или же я сниму комнату в порту... — Карл вспомнил приветливого хозяина трактира. Наверняка он не откажется помочь.

Ида покачала головой.

— Я не могу выйти за тебя замуж, — напомнила она. — Я выйду замуж за Оттфрида, ты же знаешь. Все решено... и моя семья... Мне нужно плыть в Новую Зеландию... — Она осторожно высвободила руки.

Карл передернул плечами.

— Кем решено? — поинтересовался он. — Господом? Лично я не слышал гласа небесного, который возвестил бы миру о том, что Ида Ланге

может выйти замуж только за Оттфрида Брандманна и больше ни за кого на свете.

Ида перекрестилась.

— Не богохульствуй, Карл! — с упреком в голосе произнесла она, и в глазах ее мелькнул страх. — Я помолвлена с Оттфридом. Об этом возвестили с кафедры...

— С кафедры в самом дальнем уголке Мекленбурга, в пяти тысячах миль отсюда! — воскликнул Карл. — Ты не связана этим, Ида! Это же другая страна, другая часть света! Мы свободны!

Но девушка вновь покачала головой.

— От судьбы не уйдешь, Карл, — серьезно заявила она. — Да, я знаю, ты пытаешься, и это правильно. И мне даже кажется, что Господь тебе это предназначтал. Но не мне. Я должна поступать так, как говорит отец. Нужно чтить отца и мать, так сказано в Писании. Что подумают обо мне жители деревни, если я уйду с тобой? Не обвенчанной перед Богом и людьми! Это грех, Карл!

Карл понял, что пора уходить. Все равно ее не переубедить, по крайней мере сейчас — может быть, он слишком поторопился, но он не мог иначе. В отчаянии он схватил Иду за плечи, заставил посмотреть на него.

— Но ведь я люблю тебя, Ида! Разве это ничего не значит?

— Нет, — спокойно ответила та, глядя ему прямо в глаза. — Это вообще ничего не значит. Я хотела сказать... это прекрасно, что ты любишь меня, мы все должны любить друг друга, так велит Иисус Христос. Но не как... не как мужчина и женщина. Только мы с Оттфридом можем любить друг друга как мужчина и женщина.

Карлу очень хотелось грубо встряхнуть Иду, и в то же время он страстно желал обнять ее. Как она может быть такой ограниченной? Она ведь тоже чувствует это... он видел в ее глазах... Отчаявшись, он все же обнял ее. Не успела девушка опомниться и осознать, что происходит, как он привлек ее к себе и поцеловал, его язык проник ей в рот. Ида билась в его объятиях, пытаясь вырваться, но затем сдалась. Ее губы приоткрылись, и на какой-то миг молодому человеку показалось, что она хочет ответить на его поцелуй. Она не сделала этого, но и не убежала, когда он отпустил ее, только удивленно взглянула на него снизу вверх.

— Прости, — прошептал Карл. — Но... но никогда не говори больше, что это ничего не значит!

С этими словами он развернулся и пошел прочь. Может быть, он только что все испортил, но, как бы там ни было, он поцеловал ее!

А Ида осталась стоять, словно громом пораженная. На секунду она

закрыла глаза, позволив себе снова ощутить вкус поцелуя. Она должна была стыдиться, сердиться, должна была чувствовать себя оскверненной, быть может, даже сообщить о нападении — но испытывала лишь счастье. И это было хуже всего. Ей нельзя приближаться к Карлу, лучше вообще прекратить эту тайную переписку и встречи. Ее отец прав, ей незачем учить английский. В конце концов, никто из местных эмигрантов не знал португальского языка, и при этом они отлично себя чувствовали.

Ида снова открыла глаза. Девушка решила в будущем держаться подальше от Карла и не думать о трех португальских словах, которые он ей сказал. *Voce é linda...* «Ты красивая...» Это слова мечтаний, а мечтать ей нельзя! Может быть, в этом и заключается опасность? В чужих языках слишком много слов для мечтаний...

Ида попыталась забыть о Карле. Может быть, все же стоит выйти замуж за Оттфрида еще на судне? И доказать тем самым Карлу — и Господу, — что она настроена совершенно серьезно. Придется смириться с этой мыслью. Однако, несмотря на все раскаяние, она уже сейчас понимала, что не сможет заставить себя сделать это. Ида Ланге примет свою судьбу смиренно — но форсировать события не станет.

После двадцати четырех дней пребывания в Байе «Санкт-Паули» вновь отправился в путь, и все переселенцы из Рабен-Штейнфельда заняли свои места на борту. Однако в Сальвадоре исчезли два других пассажира: Ханнес и Йост, завербованные в Гамбурге моряки, словно испарились.

— Неблагодарные! — бушевал Бейт.

Но, конечно же, нельзя было даже думать о том, чтобы искать парней и возвращать их на борт. Возможно, они уже нанялись на какое-нибудь судно, чтобы предпринять другое морское путешествие, не столь религиозное. Карла это не удивило. Набожность обоих долговязых гамбуржцев с самого начала показалась ему наигранной, они согласились путешествовать на «Санкт-Паули», скорее всего, только ради того, чтобы несколько месяцев бездельничать на полном пансионе. Как бы там ни было, за все время путешествия они ни разу и пальцем не пошевелили, чтобы кому-нибудь помочь. И теперь яркая и шумная Бразилия показалась им более привлекательной, чем община набожных крестьян на краю света. Карл не мог их за это винить, но присоединиться к ним ему бы и в голову не пришло. «Я не стану бежать от собственной судьбы», — с горькой усмешкой думал он.

Ведь он по-прежнему был уверен в одном: его судьба связана с судьбой Иды!

Глава 8

Путешествие в Новую Зеландию длилось еще два с половиной месяца, и, когда на горизонте снова показалась земля, уже наступил июнь. Проходило оно спокойно, несмотря на изменчивую погоду. После невыносимой жары и штиля снова стало заметно прохладнее.

— В Австралии и Новой Зеландии сейчас зима, — объяснял Хайн Карлу, уже привыкшему к его диалекту. Молодой человек весь дрожал, работая на палубе под порывами холодного ветра, и матрос дал ему шерстяной свитер. — Мы скоро будем на месте. Вот-вот покажется земля Ван-Димена.

— Это остров каторжников? — спросил Карл, вспомнив прочитанные им книги об Австралии и Новой Зеландии.

У него по-прежнему была книга, купленная отцом Иды, а у Иды осталась та, что он купил в Гамбурге. Карлу оставалось лишь надеяться, что Якоб Ланге этого не заметит. Но обменяться снова не получится: с момента их отплытия из Байи Ида не проверяла их тайник в спасательной шлюпке. Она не забирала тетрадные листки с новыми английскими словами, не пыталась встретиться с Карлом взглядом, когда выходила на палубу в свободный час. Большую часть времени она проводила в своей каморке. Карлу хотелось наказать себя за поведение в Байе. На судне их отношения развивались чудесно, а его поспешное предложение и поцелуй все испортили.

— Да, это остров каторжников, но ты не волнуйся, мы не будем тут останавливаться. Мы пройдем между землей Ван-Димена и Австралией, — рассказывал Хайн. — Еще какая-то тысяча миль — и мы у цели. Потом доберемся до Нельсона. Ты подумай, точно ли ты хочешь там остаться. Ты хорошо справляешься на судне. Готов спорить, что капитан возьмет тебя с распростертыми объятиями, если ты пожелаешь наняться матросом!

Карл рассмеялся. Его позабавила эта похвала, но, конечно же, он отказался. Он при всем желании не мог представить себе, каково это — провести всю жизнь на судне. Карл уже предвкушал, как будет работать на земле, пусть снова на чужой.

Всем переселенцам не терпелось наконец взглянуть на новую родину, но, когда «Санкт-Паули» причалил в Нельсоне, стояла глубокая ночь. Так что пассажиры проспали этот момент, а рано утром с удивлением принялись разглядывать простые деревянные дома, обступившие порт. Тут не было столь причудливой архитектуры, как в Байе, лишь удобные и симпатичные дома с фронтонами, обращенными на улицу, по большей части двухэтажные, с верандами или магазинами на первом этаже. Все они были довольно новыми, сверкали свежей краской пастельных тонов, синего

или желтого цвета. Вдоль гавани шел пирс, от которого расходились маленькие улочки, аккуратно проложенные, уютные и чистые. Люди как раз приступали к работе, и их внешний вид успокоил даже госпожу Брандманн, которая после остановки в Байе очень боялась встречи с «туземцами». Жители Нельсона были белыми и одевались точно так же, как переселенцы. Мужчины носили костюмы или более свободную одежду из тиковой ткани, женщины — изящные платья, передники и чепцы. Они спасались от зимнего холода, кутаясь в шали, однако зима здесь была далеко не такой суровой, как в Мекленбурге. И только на вершинах гор, видневшихся вдалеке, лежал снег.

— Когда мы сможем сойти на землю? — нетерпеливо поинтересовался Ланге у капитана Шахта, который стоял на палубе и вел переговоры с начальником порта. — Я хотел бы как можно скорее осмотреть нашу землю, мы желаем...

Капитан примирительно махнул рукой и улыбнулся:

— Спокойствие, господин Ланге! Господин Бейт действительно сошел на берег сегодня ни свет ни заря, отправился на встречу с Артуром Уэйкфилдом. Это основатель Нельсона и уполномоченный Новозеландской компании. Полагаю, что в течение ближайших нескольких дней он распределит ваши наделы. До тех пор вам предоставят жилище в Нельсоне. Но точно ничего вам сказать не могу. Просто потерпите еще совсем немного, поблагодарите Господа за спокойное и более-менее удачное путешествие.

Путешествие длилось полгода вместо обещанных трех месяцев, и за это время умерло шестеро детей. Печально, но это считалось еще довольно умеренной платой морю. Обычно во время подобных плаваний человеческие потери были намного выше.

Поскольку миссионеры сошли на землю вместе с Бейтом, Ланге и Брандманн собрали переселенцев на импровизированное богослужение, но сейчас никто не интересовался молитвами. Мужчины с нетерпением дожидались возвращения Бейта и очень встревожились, когда еще издали увидели, что он буквально кипит от ярости.

— Что насчет нашей земли? — спросил его Ланге, едва он ступил на сходни. — Мы можем сразу...

Бейт покачал головой.

— Нет земли! — процедил он сквозь стиснутые зубы. На лбу у него билась жилка, выдавая его крайнее возмущение. — Мне очень жаль, я так же разочарован и рассержен, как и вы. Но недавно прибыли новые поселенцы из Англии, и Уэйкфилд отдал им предназначенную для нас

землю. Теперь нужно...

Его слова утонули в протестующих криках переселенцев:

— Нет земли?

— Нас обманули!

— Как насчет наших денег?

Женщины и дети расплакались. Бейт поднял руку, призывая к спокойствию, а потом вдруг заорал:

— Угмонитесь! Я не могу объяснить вам, как быть дальше, если вы не дадите мне слова сказать! В конечном итоге вас не обманули: только посмотрите, сколько здесь земли, наверняка для вас что-то найдется! Просто не так быстро. Конечно, если вы не предпочтете занять некоторые оставшиеся наделы. Уэйкфилд отдал не все. Впрочем, эти участки не граничат друг с другом, поэтому вашими соседями будут англичане...

— Нам обещали, что мы сможем основать свою общину! — напомнил Ланге. — Мы согласились ехать только с этим условием...

Бейт снова повелительным жестом велел ему замолчать:

— Я знаю, и, если вы будете настаивать на этом, все устроится. Скоро в нашем распоряжении окажется много земли — на равнине Вайрау, на реке, примерно в тридцати милях к востоку отсюда или даже больше. Отличная плодородная земля, сейчас ее как раз должны отмерять.

— Должны отмерять? — недоверчиво переспросил Брандманн. — Так будут ее отмерять или нет?

— Ну... э... есть некоторые разногласия... недоразумения с туземцами маори, — нерешительно ответил Бейт.

— С дикарями? А какое они имеют отношение к этому? — фыркнул Ланге.

— Ну... они... В некотором роде они считают здешнюю землю своей.

Снова поднялась буря. Некоторые переселенцы возмущались наглостью дикарей, другие — Джоном Николасом Бейтом и Артуром Уэйкфилдом, которые распорядились землей, предназначенной для других людей. Однако на этот раз успокоил всех переселенцев Петер Брандманн. Он с угрожающим видом подошел к агенту.

— Чего нам ждать, Бейт? Нападения индейцев? Разве отношения с ними не были урегулированы до того, как сюда привезли переселенцев?

Бейт почесал подбородок.

— Были, — ответил он. — Капитан Уэйкфилд выкупил у маори все земли вокруг Нельсона, обещанные вам изначально фермерские угодья и равнину Вайрау. Однако их вождь вдруг перестал признавать существующие сделки. Строго говоря, он хочет больше денег. И теперь он

поднял мятеж: сжег домики землемеров и вышвырнул их на улицу. Это произошло накануне. Капитан Уэйкфилд еще не успел с ними разобраться, однако это вопрос нескольких дней. Август Томпсон, главный офицер полиции, уже готовит экспедицию. Он собирает людей, которые отправятся в лагерь маори и арестуют зачинщика. После этого он предстанет перед судом Нельсона как поджигатель, что повергнет в страх советников вождя. Говорят, здесь мутит воду только Те Раупараха, а вообще-то местные дикари очень мирные. Поймите: все устроится. Только не сегодня, как бы мне ни хотелось того же...

Бейт действительно выглядел подавленным. Это успокоило переселенцев. Таким дружелюбным они его еще не видели.

— А что до тех пор? — Брандманн продолжал нападать на него. — Нам опять придется жить в хижинах на берегу?

Бейт покачал головой:

— Конечно нет. Вам предоставят жилье на три месяца. Многие уважаемые жители Нельсона выразили согласие предоставить в ваше распоряжение свои гостевые комнаты, а содержание оплатит компания. Мне действительно все это очень неприятно, и то же самое просил передать вам капитан Уэйкфилд. Просто он не ожидал, что мы так быстро прибудем, а тут еще неприятности в Вайрау... Однако, несмотря на все разочарования и неудобства, я должен от всего сердца поприветствовать вас на новой родине. Уже готовят ваши новые паспорта, по прибытии на остров вы получите британское гражданство. Прошу вас забрать свои документы в магистрате, это можно будет сделать с завтрашнего дня. А теперь готовьтесь сходить на берег. Моя дочь уже составляет список жителей, готовых вас принять, и вас расселят по их домам. Конечно же, семьи останутся вместе, не переживайте. Быть может, вам стоит отнестись к этому промедлению как к шансу. У вас появилась возможность сразу же познакомиться со своими новыми земляками, осмотреться в Нельсоне... Еще раз, *Ladies and Gentlemen*[30]: добро пожаловать в Новую Зеландию!

Ида быстро собрала пожитки своей семьи, и семейство Ланге вместе со своими узелками вскоре очутилось на пирсе, где было очень ветрено. Девушке вдруг вспомнилось прибытие в Гамбург, где погода была почти такой же. Их багаж отправят на склад, так объяснил им Бейт, ибо нет смысла тащить сундуки в те дома, где их примут, — там они будут лишь зря занимать место. Ведь поселенцам придется обитать в довольно стесненных условиях.

Ида вздохнула, подумав о том, что, возможно, ей снова предстоит несколько месяцев жить в одной комнате со всей своей семьей, носить ту

же одежду, что и на борту «Санкт-Паули», не снимая ее день и ночь. От своего намерения переодеться в ночную сорочку она отказалась еще в первые дни, проведенные в крохотной каюте. А теперь они будут зависеть от милости чужих людей! Однако ее свадьба снова откладывалась на неопределенное время, и это было единственным, что ее радовало. Девушка тут же отругала себя за подобные мысли. Ну почему она не в восторге от возможности хозяйничать в собственном доме?

В подавленном настроении она последовала за отцом, которому Джейн Бейт молча вложила в руку бумажку. На ней было написано: «Мортимер Партридж, Трафальгар-стрит». Ланге попытался спросить дорогу, но, конечно же, он не знал, как произносятся эти слова. Тем не менее местные жители оказались очень приветливы и всячески старались помочь переселенцам. Один мужчина взял в руки бумажку с адресом и попытался объяснить Ланге дорогу, сначала очень многословно, затем с помощью жестов. Наконец он нарисовал план в пыли еще не вымощенной улицы.

— *Thank you*, — робко произнесла Ида, когда он попрощался.

Якоб Ланге бросил на нее недовольный взгляд.

— Сердечно благодарю вас за труд, господин! — громко произнес он, словно перед ним был не англичанин, а человек с плохим слухом.

Мужчина улыбнулся и с довольным видом подмигнул Иде:

— *You're welcome. Have a nice day!*[31]

Сердце Иды забило от радости, потому что она поняла его слова.

Этот день, столь неудачно начавшийся для семьи Ланге, в итоге оказался не таким уж скверным. Партриджи — невысокий энергичный мужчина с рыжими волосами и пухлая женщина средних лет, которые сразу же фамильярно представились как Морт и Элис, — владели домом на оживленной улице, и у них был всего один ребенок, ровесник Франца. Дом был рассчитан на большую семью, и в нем пустовали две просторные спальни. Одну из них миссис Партридж отвела Якобу и Антону, а вторую Ида должна была делить с младшим братом и сестрой. В ней стояли только две кровати, но миссис Партридж жестами показала Иде, что к ним можно добавить и третью. Как оказалось, у Партриджей был свой магазин, где продавались самые разные товары, в том числе матрасы и постельное белье.

— Может быть, купим кровать для Франца? — предложила отцу Ида.

Ей было неловко от того, что семейство Партриджей столь охотно обеспечивает гостей всем необходимым.

Однако Ланге только головой покачал.

— Мы не можем швыряться деньгами, Ида, — строго произнес он. —

Кровати я сделаю сам, или же нам поможет Оттфрид. Тогда заработок по крайней мере останется в семье.

Как и во время беседы с мужчиной на улице, он громко выразил свою благодарность Партриджам, которые приветливо улыбнулись ему. Супруги были очень милыми и, судя по всему, крайне общительными людьми, но вот только по-немецки они не понимали ни слова. Однако же это совершенно не мешало миссис Партридж постоянно обращаться к ним, а чаще всего к Францу, которого посадили обедать рядом с их сыном Полом. Пока Якоб Ланге с недовольным видом ковырялся в странном пироге, пропитанном соусом для жаркого, который подали миссис Партридж к мясу, назвав йоркширским пудингом, мальчик, хихикая, учил английские слова.

— *Pea!* — говорил Пол, бросая в него горох.

— *Roastbeef*, — назвал мистер Партридж мясо в их тарелках, показавшееся Иде недожаренным.

Когда Пол спросил, как зовут Франца, миссис Партридж представила его как Фрэнсиса, и малыш расхохотался, услышав свое новое имя.

Преодолевая робость, опасаясь реакции отца, Ида указала на себя и произнесла:

— Айда.

Партриджи радостно зааплодировали.

— А можно мне тоже получить новое имя? — потребовала Элсбет, и ее тут же назвали Элизабет.

— *Or would you prefer Elsie or Betty?* — рассмеялась миссис Партридж, шутливо дернув девочку за светлую косу. — *You are such a pretty little girl, but you need a bath!*[32]

Впрочем, принять ванну следовало всем членам семейства Ланге, и Ида с Антоном полдня таскали ведра с водой, наполняя имевшиеся у Партриджей чаны. Приветливая хозяйка принесла свежую одежду и белье для Элсбет и Иды из магазина, расположенного на первом этаже дома. Элсбет настояла на том, чтобы отец купил все это.

— Пройдет слишком много времени, прежде чем мы сами сможем себе что-то сшить! — заявила она, кружась по комнате в новом синем платье с красной оторочкой, которое выбрала для нее миссис Партридж. — А в старых ходить уже нельзя, они все в пятнах, слишком грязные! Ты посмотри, какие красивые платья, отец! У меня никогда не было такого, с кружевами!

Якобу Ланге украшения на платье младшей дочери скорее не понравились — это не соответствовало статусу дочери малоземельного

крестьянина и мировоззрению старолютеранина. Женщины этой общины одевались просто и практично.

Теперь у Элсбет не было даже чепца, как пристало бы порядочной девушке, и миссис Партридж не стала заплетать в косы ее чисто вымытые волосы. Вместо этого она расчесала их и, отделив по одной пряди справа и слева от лица, скрепила на затылке синей лентой... Выглядело это очень красиво, но Якоб Ланге снова был недоволен.

Чтобы избежать его гнева, Ида выбрала простое коричневое платье с желтыми лентами вдоль выреза и на рукавах. Однако Иде никогда не приходилось носить платья из такой хорошей ткани, и при этом стоило оно недорого — по крайней мере, так показалось Иде. Ведь здесь рассчитывались не пфеннигами и талерами, а английскими фунтами.

На ужин подали хлеб и нарезанную ветчину, и, после того как мистер Партридж произнес краткую молитву, Якоб Ланге долго, подобострастно и столь громогласно, словно Партриджи поголовно страдали глухотой, поблагодарил Господа за Его дары и, в очередной раз, за благополучное путешествие, а хозяев дома — за гостеприимство. Партриджи терпеливо слушали, только Пол бросал жадные взгляды на еду поверх сложенных рук.

— *Thank you, Jakob!* — прогудел Мортимер Партридж, когда Ланге наконец произнес «аминь», а Партриджи, вздохнув с явным облегчением, сказали то же самое по-английски. — *But you have to learn English. God might understand you. But the rest of us...*[33]

Ида спала прекрасно, наконец-то одна, в чистой, застеленной свежими простынями постели. Утром она поприветствовала семью хозяев по-английски. Элсбет повторила ее слова, и миссис Партридж снова ужасно обрадовалась. Она тут же объявила, что Ида наверняка выучит язык очень быстро, и Бетти тоже. Женщина с энтузиазмом предложила девочкам свою помощь и сразу же начала учить их готовить английский завтрак. Ида сварила овсянку, а Элсбет — *coffee*[34].

Сразу же после завтрака Якоб Ланге отправился в магистрат — получить паспорта, узнать новости и, самое главное, поговорить с другими мекленбуржцами. Когда он вернулся, его сопровождали Петер и Оттфрид Брандманны. Они обнаружили, что все дети Ланге уже нашли себе занятия. Мистер Партридж предложил Антону место приказчика в магазине, называя его при этом Тони, и велел ему разложить содержимое пакетов по полкам. Франц и Пол во дворе бросали друг другу кожаный мяч в форме яйца, который Пол называл *football*[35], а из кухни миссис Партридж доносились веселые голоса девочек, распевавших английскую песенку и имитировавших голоса животных.

— *And on his farm he had a cow... muh... muh!*[36]

Элсбет радостно приветствовала мужчин:

— Ты слышишь, отец? Корова называется *cow*, а свинья — *pig*! А я теперь — Бетти!

Якоб Ланге бросил на дочерей недовольный, а на Брандманнов — многозначительный взгляд.

— Вот видите, что я имел в виду, — услышала его слова Ида, после того как он представил Брандманнов миссис Партридж, которая, впрочем, не поняла его, и все трое мужчин вышли на улицу. — Нужно как можно скорее выбираться отсюда, не то мы потеряем детей.

Глава 9

Джейн Бейт снова скучала. Ей потребовалось всего несколько часов, чтобы исследовать изысканный особняк, предоставленный их семье Новозеландской компанией. Она с недовольным видом удалилась в свою большую, шикарно обставленную спальню. Может быть, другим женщинам захотелось бы украсить ее, разложить на массивной английской мебели салфетки, скатерти и расставить серебряные подсвечники, но Джейн была к таким вещам равнодушна. Не интересно было ей и наблюдать за тем, как Маргарет Ханзен вынимает вещи из дорожных чемоданов и раскладывает их по шкафам и комодам. Опытная горничная прекрасно с этим справлялась.

Поэтому Джейн спустилась на нижний этаж и какое-то время страдала, не решаясь зайти на кухню и попросить чего-нибудь вкусного. Кухарка уже должна была приступить к работе... Но затем она обнаружила в кабинете отца, и он, казалось, был очень рад ее видеть.

— А, Джейн, тебе нечем заняться? — спросил он. — Нужно сделать подсчеты...

Заинтересовавшись, Джейн подошла ближе и увидела документы переселенцев. Конечно же, ее отец должен был составить отчет об успешном прибытии пассажиров «Санкт-Паули» и предоставить его Новозеландской компании. Только после этого он мог потребовать свое вознаграждение. И, разумеется, ему не хотелось заниматься этими бумагами, он никогда не любил сидеть в конторе.

— Я с удовольствием сделаю это за тебя! — предложила свои услуги Джейн. — Нужны какие-то определенные бланки? Или я должна просто составить отчет на бумаге с твоим гербом? Кстати, ее уже распаковали?

Бейт встал, испытывая облегчение от того, что может передать дочери нелюбимую работу.

— Наверное, где-то здесь, — небрежно ответил он. — Недавно, когда

Ханзен разбирал сундуки, которые принесли из Новозеландской компании, я как раз держал ее в руках... Ты и правда справишься с этим ужасным делом? Мне нужно зайти в магистрат, Уэйкфилд готовит экспедицию к маори из-за равнины Вайрау... Хочу узнать, нельзя ли послать туда нескольких ребят с «Санкт-Паули». Хоть при деле будут.

Джейн кивнула. Она тоже слышала о том, что планируется экспедиция: строптивых туземцев следовало наказать.

— Конечно же, я справлюсь, — уверенно ответила она и, довольная, уселась в тяжелое кожаное кресло. — Я все найду, не переживай.

Она решительно взялась за бумаги переселенцев и ободряюще кивнула отцу. Бейт поспешно попрощался и ушел. Джейн искренне обрадовалась возможности провести несколько спокойных часов за нескучным делом. Разумеется, кропотливые подсчеты — не самое интересное занятие, но крайне увлекательное по сравнению с уборкой в шкафах.

Быстро разобравшись со списками капитана Шахта, Джейн принялась искать бумагу для писем, принадлежавшую отцу. Она могла бы сразу же переписать отчет начисто, поскольку прекрасно помнила все имена и даты.

Впрочем, бумага для писем, новехонькая — Джейн сама заказывала ее в Гамбурге, — отыскалась не сразу. Девушка методично рылась в документах, но знакомый вензель типографии все не попадался ей на глаза. Может быть, к упаковке прикреплен счет, и поэтому ее так трудно найти? Она просмотрела адреса всех писем, лежавших на столе Бейта. Здесь пока царил относительный порядок: отец провел в конторе совсем немного времени.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС НА ПОКУПКУ ЗЕМЛИ И РАЗМЕЩЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАЛИВЕ ТАСМАН — НЕЛЬСОН

Увидев название документа, лежавшего под другими бумагами, Джейн удивилась. Интересно, о чем здесь идет речь? Девушка принялась изучать его. Составителем был Уильям Спейн, советник по земельным наделам, то есть официальное доверенное лицо губернатора Окленда, отвечавшее за распределение земли.

Джейн знала, что ее отец, скорее всего, не одобрит этого, но продолжила чтение. В конце концов, речь наверняка идет о переселенцах из Мекленбурга. Если он застанет ее за этим занятием, она что-нибудь придумает.

Советник Спейн начал свое письмо с нескольких вежливых общих фраз, но очень быстро перешел к делу. Судя по всему, поступила жалоба на действия Новозеландской компании в процессе приобретения земли, на которой стоял Нельсон и окрестные поселения, уже существующие или

только запланированные. Жалоба от — у Джейн захватило дух — вождя маори Те Раупарахи, *арики* племени *нгати тоа*. Те Раупараха утверждал, что, когда его племя продавало землю капитану Уэйкфилду, его обманули при расчете. Сумма, которую назвал в своем письме Спейн, показалась смешной даже Джейн, с учетом того, о какой обширной территории шла речь. Конечно, сейчас было принято выкупать землю у маори за гроши, а потом продавать ее переселенцам уже дороже. Но прибыль, которую намеревалась получить Новозеландская компания, была «абсолютно несоизмерима», как осторожно выразился Спейн.

Не повезло Артуру Уэйкфилду в том, что Те Раупараха не только очень быстро заметил это сам, но и знал обычаи своих белых соседей в достаточной степени, чтобы не атаковать их с отрядом плохо вооруженных воинов. Вождь совершенно цивилизованным образом подал жалобу губернатору и заметил, что земля была передана переселенцам, чего соглашение между племенем и Уэйкфилдом не предусматривало. Спейн обращал внимание на то, что вождь приложил к своей жалобе карты, и это натолкнуло Джейн на мысль, что маори юридически прав.

Разобрав осторожные формулировки других документов, прикрепленных к первому, Джейн пришла в ужас. Само собой разумеется, вождь говорил правду. Капитан Уэйкфилд открыто игнорировал собственные договоры с Те Раупарахой.

В своем письме Уильям Спейн грозил обнародовать его махинации — Джейн прекрасно представляла себе, что это означает. Если советник по земельным делам потребует строгого соблюдения договоров с туземцами, некоторые переселенцы снова потеряют свою землю. А другие, как эти немцы с «Санкт-Паули», в ближайшее время вообще не смогут ее получить. Конечно же, они потребуют деньги обратно... Джейн закусила губу. Она держала в руках то, что, возможно, станет концом Новозеландской компании!

Спейн допускал, что наверняка есть способы урегулировать конфликт. Но... Джейн бросило в холодный пот, когда она сообразила, что, судя по всему, намерен сделать Артур Уэйкфилд! Возможно, ее отец еще вообще ничего не знает, но это письмо наверняка и стало поводом для экспедиции офицера Томпсона и капитана Уэйкфилда к маори. Вместо того чтобы вести переговоры, как желал того Спейн, эти вояки намеревались разрешить конфликт насильственным путем. Испугается ли их самоуверенный вождь? Нет, должен быть какой-то другой выход!

Джейн с усердием взялась за решение этой проблемы. Она нашла в отцовском шкафу документы Новозеландской компании и быстро

пробежала глазами статьи доходов и расходов. Суммы в пассивах были внушительными, и это успокоило девушку. Даже если придется доплатить маори, это не станет крахом фирмы. По крайней мере, если эти суммы не окажутся *слишком* высокими... Джейн стала разрабатывать стратегический план, как достичь компромисса с маори, по возможности не привлекая к этому Уильяма Спейна, который, к счастью, пока еще находился на Северном острове.

Джейн составила письмо, которое должно было успокоить советника по земельным наделам. Она заверила его в том, что компания намерена как можно скорее уладить текущие недоразумения. Джейн подумала, что, возможно, стоит привлечь к переговорам с маори и мистера Бейта. Пусть отец и не знал языка туземцев, но, приложив некоторые усилия, он мог говорить весьма убедительно. В этом Джейн была похожа на отца — не являясь прирожденными дипломатами, они умели очень ловко выстраивать аргументацию, если того требовали их цели. Как бы там ни было, Бейт убедил множество мекленбургских крестьян отправиться под его руководством в неизвестность. Наверняка он сумеет уговорить и Те Раупараху отказаться от уже отданной переселенцам земли за умеренную плату.

А вот вмешательство Томпсона и Уэйкфилда в жизнь маори на реке Вайрау наверняка будет ошибкой. В документах компании содержались некоторые сведения о Те Раупарахе — и, изучая их, Джейн укрепилась в своей уверенности, что нет никакого резона поддерживать агрессивные намерения Уэйкфилда. Этого уважаемого своим народом человека ни в коем случае нельзя заставлять что-либо делать против его воли, а тем более нельзя арестовывать его! В худшем случае это приведет к войне, которая может обойтись компании в еще более крупную сумму, чем компенсационные выплаты маори.

Разработанный Джейн подробный план указывал и на то, на чем следует сэкономить, чтобы собрать необходимую сумму. Конечно, прибыль компании, а вместе с ней и доходы Уэйкфилда и Бейта окажутся намного меньше, чем планировалось. Возможно, они не смогут содержать свои дома с той же роскошью, да и инвестиции в строительство дорог и общественных зданий придется немного сократить. Но жители наверняка поймут ситуацию — по крайней мере, если подать им ее под нужным соусом. Или им придется слегка затянуть пояса, или воевать с туземцами — выбор совершенно очевиден! Джейн даже позволила себе набросать заметки для соответствующей речи. Ее отцу или лучше Уэйкфилду достаточно будет прочесть ее перед переселенцами.

Спустя несколько часов кропотливой работы, во время которых Джейн чувствовала себя по-настоящему счастливой и не съела ни одного пралине, перед ней на отцовском столе лежал многостраничный список неотложных мер, а также черновики писем и речей. Гордясь собой, она дожидалась его прибытия. Он должен признать ее достижение и сразу же сделать первые шаги: вербовку «наемников» для вооруженного вторжения к маори нужно немедленно остановить! А Джон Николас Бейт пусть срочно поговорит с Уэйкфилдом.

Едва отец вошел в комнату, Джейн протянула ему свои записи. Казалось, он был в приподнятом настроении — судя по всему, Уэйкфилд угощал его виски. Но Бейт не был пьян. Поэтому Джейн решила, что это даже хорошо для нее — под воздействием алкоголя отец становился более человечным и открытым.

— Что ты тут до сих пор делаешь? — удивился он. — Еще не закончила отчет?

Джейн закусила губу. Об отчете по «Санкт-Паули» она совершенно забыла.

— Я еще даже не начинала, — призналась она. — Но вот, посмотри, отец... Вот что я нашла. Ты должен это прочесть... — Волнуясь, она протянула ему письмо советника по земельным наделам. — Это от мистера Спейна из Окленда. Оно подвернулось мне под руку, когда...

— Ты читаешь мои письма?

В голосе Бейта зазвучала угроза, но, прежде чем он успел наброситься на Джейн, его вниманием завладело письмо советника. Джейн была права: Бейт до сих пор ничего не знал о жалобе Те Раупарахи. Теперь же он быстро пробежал письмо глазами, а затем бросил его на стол.

— Неприятно... Но Уэйкфилд разберется с этой проблемой. Странно только, что он мне ничего не сказал... А ты какое к этому имеешь отношение, Джейн? Просто неслыханно: читаешь мою почту, когда я доверил тебе свой кабинет! Я...

Джейн попыталась унять вспышку ярости Бейта, махнув рукой в примиряющем жесте.

— Отец, это произошло случайно, — защищалась она. — И письмо лежало здесь, открытое, я не вскрывала его. Но сейчас это уже не важно. Вопрос заключается скорее в том, как на это отреагировать. На жалобы вождя, на письмо губернатора Фицроя — это ведь от его имени говорит Спейн. Мы должны что-то сделать. Но не хвататься за оружие! Неужели ты думаешь, что экспедиция Уэйкфилда закончится чем-то хорошим?

Бейт хотел что-то сказать, но Джейн не позволила ему перебить себя.

Она с воодушевлением рассказывала ему о своих планах — и действительно ожидала чего-то вроде похвалы, поскольку Бейт спокойно дал ей высказаться. Но тот лишь звонко расхохотался, и все мечты девушки рухнули.

— Невероятно! Моя маленькая Джейн хочет спасти компанию! После того как лично увидела ее грядущую кончину! Джейн, девочка моя, ты шутишь? Что натолкнуло тебя на подобные глупые мысли?

Джейн в недоумении смотрела на отца.

— Но ведь всякий, кто прочтет это письмо, примерно представляя состояние дел компании, должен встревожиться! Губернатор может раздавить фирму, если захочет, ему достаточно просто выполнить требования маори. Переселенцы потребуют возмещения ущерба в колоссальных масштабах! А возможно, и туземцы тоже, они имеют право получить свою землю обратно в том же состоянии, в каком она была. Если им придет в голову, что уже построенные дома нужно снести... Отец, это касается и Нельсона! Этого города! С маори нужно срочно начать переговоры!

— Замолчи! — резко перебил ее Бейт, и Джейн показалось, что на его веселом лице промелькнули недоверие и тревога. — И не смей даже думать о том, чтобы показать кому-нибудь свой дурацкий «список мер» или высказать свои опасения по поводу будущего компании! Еще выставишь нас на посмешище...

— Или, может быть, сумею убедить других людей, которые будут действовать решительнее, чем я? — дерзко поинтересовалась Джейн. Она знала, что заходит слишком далеко, но не могла сдержаться. — Что скажет на это мистер Таккетт, главный землемер? У вас ведь уже возникали с ним проблемы, верно? Отец, если вы не утихомирите всех, и маори, и правительство, если вы не позволите таким людям, как Таккетт, принимать участие в решениях, касающихся переселенцев, Новозеландская компания просуществует недолго!

Когда отец ударил ее по щеке, Джейн ужасно испугалась. Прежде он никогда не бил своих детей, пощечина стала для нее неожиданностью — и предупреждением. Девушка оказалась права: ее отец прекрасно понял, какую опасность представляет письмо советника. Однако он не был готов сделать из этого надлежащие выводы.

— Ты должен что-то предпринять, отец! — продолжала умолять его она. — Наказывать меня бесполезно. Я ведь просто... Да, я принесла тебе плохие новости. Но я могу и помочь тебе решить эту проблему. Прочти мои предложения, отец, прошу! И предотврати эту экспедицию к Те Раупарахе!

Бейт только фыркнул в ответ.

— Вот именно, я кое-что намерен предотвратить, Джейн, — сердитым голосом произнес он. — А именно, твои попытки лезть в дела, которые тебя не касаются и в которых ты ничего не смыслишь. Церковники правы: не богоугодное это дело, чтобы женщина вмешивалась в мужские занятия. И я в скором времени решу это проблему. Пора тебе вернуться к женским делам, Джейн. Твоя мать давно мне об этом твердит, но я отпустил поводья. И теперь я вижу, Джейн, что это была ошибка. Позаботься о своем приданом, девочка. Как только найдется более-менее подходящий мужчина, я выдам тебя замуж!

Глава 10

— Ты присоединишься к ним! — безапелляционным тоном объявил своему сыну Петер Брандманн. — Я хочу, чтобы ты наблюдал за тем, что там происходит!

— Но я же ни слова не пойму, — напомнил отцу Оттфрид.

Взвешивая возможность своего участия в экспедиции в лагерь мятежных дикарей, для которой офицер Томпсон вербовал добровольцев, он испытывал смешанные чувства. С одной стороны, ему не терпелось очутиться подальше от своей семьи: с самого прибытия в Нельсон Петер Брандманн держал свое семейство под строжайшим контролем. Оттфриду еще ни разу не удалось заглянуть в какой-нибудь местный кабаk, из тех, которые в Бразилии назывались барами, а здесь — пабами. При этом ему очень хотелось выпить с Антоном Ланге и другими молодыми переселенцами за благополучное прибытие. Кроме того, он ничего не имел против общения с местным населением. В Сальвадоре он узнал, что португальски пиво называется *cerveja*, а прозрачная водка — *cachaça*, и если ее смешать с сахаром и лимонным соком, то получится очень вкусный напиток.

Петер Брандманн считал эти вылазки весьма предосудительными и опасными, а здесь, в Нельсоне, холостяков не стали селить в отдельном помещении, как на судне и в Байе. Брандманны жили у супружеской пары, прибывшей сюда из Шотландии, в довольно тесном доме — и мать Оттфрида снова была ужасно недовольна. Она не спускала глаз с детей и решительно игнорировала попытки дружелюбной миссис Макдафф обменяться хотя бы парой слов или объясниться с помощью жестов. Оттфрид с удовольствием удрал бы подальше от своих родителей, но опасался принимать участие в военной экспедиции и сражаться с туземцами, которые могли оказаться такими же дикими, как американские индейцы. Оттфрид с тревогой провел рукой по своим и без того не слишком

густым волосам. Он не для того столько месяцев плыл по морям и океанам, чтобы потерять здесь свой драгоценный скальп.

Но его отец и Якоб Ланге отговорок не признавали:

— Да что там понимать? У тебя же есть глаза, и ты сможешь нам рассказать, что видел. Например, как прошел арест, оказывалось ли сопротивление...

— Очень важно заявить о себе, — добавил Ланге. — Мы не можем посылать англичан, чтобы они таскали вместо нас картофель из огня. Они обязательно должны увидеть, что мы принимаем участие, что мы готовы сражаться за свою землю...

— Сражаться? У меня даже мушкета нет! — воскликнул Оттфрид.

Строго говоря, если бы даже и был, он не знал бы, что с ним делать. В Мекленбурге он стрелял только из пращи по птицам.

— Бог мой, мальчик, вас вооружат! — возмутился Ланге, а Брандманн лишь плечами пожал.

— Тогда мы купим тебе мушкет, — произнес он. — Полезно иметь оружие в доме, и, кто знает, возможно, нам придется защищать себя — в такой-то глуши.

Ланге кивнул.

— Тут ты прав! — похвалил он друга. — Наверное, мне тоже стоит...

— И Антон туда поедет? — спросил Оттфрид.

Перспектива получить собственный мушкет или охотничье ружье обрадовала юношу, но он все еще не был окончательно уверен. Ему стало бы легче, если бы с ним поехал кто-нибудь из друзей.

— Антону всего шестнадцать, — напомнил ему Ланге. — Они ведь не набирают детей! Насколько я знаю, от наших вызвался пока только этот Йенш — а он последний человек, которому я доверил бы защиту нашей земли!

Карл Йенш согласился сразу, как только офицер полиции стал спрашивать, есть ли желающие присоединиться к экспедиции. Он узнал об этом, когда забирал свой паспорт, и сразу же ухватился за шанс заработать немного денег. Кроме того, таким образом он получит возможность познакомиться с новой страной, одним глазком поглядеть на туземцев — бесплатно питаясь несколько дней. Для Карла принимающей семьи не нашлось, об этом Оттфриду рассказывали. Поскольку ему не полагался земельный надел, Бейт больше не считал себя ответственным за него. Первые ночи Карл провел в каморке рядом с пабом в порту, за это хозяин поручил ему выполнить кое-какую работу. Но он, конечно же, совсем иначе представлял себе свое будущее и не хотел долго работать судомойкой в

портовом кабаке.

— И у Йенша наверняка нет оружия, — подкрепил свой аргумент Ланге. — Может быть, они откажутся от его помощи, если наберется достаточное количество вооруженных мужчин. Ступай и запишись, Оттфрид, а потом посмотрим, нет ли здесь магазина, где продается оружие.

Владелец небольшого магазинчика близ порта, который с натяжкой можно было назвать оружейным, довольно хорошо говорил по-немецки и обрадовался новым клиентам и возможности подружиться с ними. Он рассказал Брандманнам и Якобу Ланге, что после прибытия в Новую Зеландию он несколько лет работал на китобойной станции, которую возглавлял немец Георг Хемпельманн. Заработав там денег, он открыл свой магазин. Впрочем, охотничьего оружия у него не было, он продавал в основном рыболовные принадлежности.

— Здесь ведь не во что стрелять, — пожал плечами, пояснил он. — Все животные не представляют опасности, и есть их нельзя, если только вы, как в историях из Библии, не любите жареную саранчу. — Хозяин магазина рассмеялся. — Есть два-три вида птиц, некоторые даже летать не умеют. Зато они настолько глупы, что часами могут копаться под деревьями. Это днем, ночью они бегают по округе. Маори просто подходят и берут их голыми руками, вот вам и барбекю.

Думать о роющихся в земле птицах Оттфриду Брандманну не нравилось, а слово «барбекю» ни о чем ему не говорило. Тот факт, что у туземцев, судя по всему, не было огнестрельного оружия, успокоил его.

А Ланге тут же заинтересовался:

— А сами дикари? Эти маори? Насколько они опасны? Сейчас власти организуют экспедицию, не приведет ли это...

Торговец рассмеялся:

— Ах, что вы, маори эти совсем мирные! С ними всегда можно договориться. Кстати, у Георга Хемпельманна поначалу были из-за них трудности, маори несколько раз нападали на станцию, но потом он подарил им лодку, и с тех пор все наладилось. А этот Те Раупараха... он разозлился не без причины. В прошлом году один переселенец убил женщину из его племени. Уэйкфилд не смог поймать убийцу. Намеренно или случайно, я вам сказать не могу, но вождь счел, что его не принимают всерьез. Поэтому теперь он поднял шум из-за продажи земли. И вместо того, чтобы начать переговоры да попросить прощения, честь по чести, шеф полиции потрясает оружием. В принципе, это просто борьба за власть... — Мужчина усмехнулся. — Двое невысоких мужчин выясняют отношения: в нашем Уэйкфилде не больше полутора метров роста, и вождь тоже

вылитый гном... Его называют вторым Наполеоном. В общем, оба любят строить из себя важных шишек. Дело выеденного яйца не стоит, но, конечно, что-то может пойти не так.

— Что именно? — поинтересовался Ланге. — И как, по вашему мнению, обстоят дела?

Хозяин магазина почесал подбородок.

— Что ж, как я это вижу... Томпсон собирается на равнину Вайрау с отрядом ребят, которые в жизни не видели ни одного маори. Возможно, им хочется подраться. Воины маори тоже не ангелы. Встретившись друг с другом, они могут стать неуправляемыми. Тогда произойдет стычка, и все кончится плохо. Но если ситуация будет развиваться нормально, то Уэйкфилд и Те Раупараха немного поспорят из-за неотомщенного убийства и мнимого поджога, потом наши вернутся в город, потом пришлют новых переговорщиков, ну, и через два-три месяца некоторая сумма переключит из рук в руки, а землемеры смогут вернуться к своей работе.

— Через два-три месяца? — ужаснулся Петер Брандманн. — И это только начнутся замеры? Значит, пройдет год, а то и больше, прежде чем мы сможем начать строительство!

Хозяин магазина пожал плечами.

— Может быть, — спокойно произнес он. — Ну, так что? Продать вам что-нибудь для рыбной ловли? Ловить рыбу здесь можно где угодно, кроме того, это скрасит ожидание...

Якоб Ланге раздраженно засопел.

— У вас вообще нет оружия? — снова спросил Оттфрид.

Ему по-прежнему было неуютно при мысли о том, что придется отправляться в лагерь коренного населения без оружия.

— Что ж, если вы так настаиваете... — Мужчина поднялся, порылся на полках, нашел там какой-то ящик и поставил его на прилавок. — У меня есть мушкет. Один искатель приключений обменял его на удочку, наверное, сбежал из какой-нибудь армии. Красивая штука, но валяется у меня уже очень давно. Никто прежде ничем подобным не интересовался.

Петер Брандманн вынул мушкет из ящика, где лежал и капсюль. Он совершенно не разбирался в огнестрельном оружии, но изо всех сил старался этого не показывать.

— Тогда мы можем договориться о цене, — начал он торг.

Вскоре бывший китобой закрыл свой магазин и отправился вместе с переселенцами во двор, чтобы научить Оттфрида стрелять. К счастью, молодой человек быстро понял, как заряжать мушкет и стрелять из него — причем даже в ту сторону, в которую целился. Или почти в ту же.

Переселенцы остались довольны, расплатились и отправились обратно на квартиры.

— Не понимаю я этого Уэйкфилда, — произнес Якоб Ланге, когда они покинули припортовый район, причем Оттфрид гордо нес на плече мушкет. — Он ведь может легко справиться с ордой безоружных дикарей, у которых нет даже луков и стрел, они ведь просто выкапывают свою добычу из земли! Почему бы ему не сжечь их лагерь, как те поступили с домами землемеров, и не стереть туземцев в порошок?

— Это было бы не по-христиански, — заметил Петер Брандманн.

Ланге презрительно свистнул сквозь зубы.

— Чушь! Все равно они все язычники... То, что они занимают нашу землю, наверняка не нравится Господу.

Семнадцатого июня 1843 года Оттфрид Брандманн, Карл Йенш и еще сорок девять мужчин поднялись на борт правительственного брига «Виктория». Не считая участвовавших в экспедиции землемеров, все мужчины были вооружены. Томсон выдал мушкет и Карлу, судя по всему, полагая, что молодой человек сумеет с ним разобраться. Однако стрелять новобранцев никто не учил.

Судно двинулось вверх по течению реки Вайрау туда, где предположительно находился лагерь маори. Мужчины надеялись добраться до него через несколько часов.

— И тогда-то, я надеюсь, наконец решится вопрос с землей! — сказал своим детям Якоб Ланге, забыв о сомнениях владельца магазина.

Дело в том, что еще вчера Бейт сообщил переселенцам, что капитан Уэйкфилд планирует сразу же высадить землемеров на равнине Вайрау — после того как возьмет в плен вождя. После этого работы по распределению участков пойдут быстрее.

— Так что давайте помолимся, чтобы Господь благословил наши устремления, — продолжал Ланге, складывая ладони в молитвенном жесте. — Храни, Господи, особо моего будущего зятя Оттфрида, жениха моей дочери Иды. Пусть он выполнит волю Твою за всех нас и вернется домой целым и невредимым, с победой!

Ида послушно присоединилась к молитве, но украдкой произнесла еще одну, за Карла Йенша. Она волновалась за обоих мужчин и задавалась вопросом, действительно ли Господь благословит то, что они начинают жизнь на новой родине с карательной экспедиции против исконных ее жителей...

Светловолосая маори

Равнина Вайрау, Нельсон

1843 год

Глава 1

— Ты ведь будешь переводить, правда? — снова спросил Те Пуаха.

До того как шесть лет назад Кэт присоединилась к маори, молодой человек всегда выполнял эту задачу и ничего не имел против этого. Совсем недавно, когда Те Раупараха прогнал землемеров Уэйкфилда с земли *нгати тоа*, именно Те Пуаха вежливо, но недвусмысленно дал им понять, что им здесь не рады. Но так легко и правильно, как выражалась на языке *пакеха* Кэт, Те Пуаха никогда говорить не сможет. А на этот раз не придется посылать к белым отряд воинов: люди капитана Уэйкфилда сами придут к маори в деревню. Поэтому девушка могла без всякого риска принять участие в переговорах.

— Конечно! — Кэт отодвинула в сторону корзину, плетением которой только что занималась, и кивнула. — Ведь при этом, судя по всему, будут присутствовать все. По крайней мере, Те Ронга высказывалась за настоящее *повири*.

Те Пуаха скривился.

— Без этого можно и обойтись, — заметил он. — *Пакеха* все равно не оценят, если мы будем приветствовать их пением и танцем. Это скорее разозлит их. Они нетерпеливы...

Кэт снова кивнула.

— Но это *тиканга*, — повторила она слова своей приемной матери. — Боги будут более благосклонно настроены к нам, если мы станем соблюдать обычаи. — Девушка улыбнулась. — Мы сократим обряд. Я уже обсудила это с Те Ронгой. Таким образом, мы почтим традиции *пакеха* и быстро перейдем к делу.

Могучий молодой маори — племянник вождя, как уже успела узнать Кэт, — подмигнул ей.

— Ты все сделаешь правильно. Думаю, я поприветствую их еще на борту судна. Затем мы доставим их на сушу, на площадь переговоров, и ты сможешь присоединиться к нам после церемоний.

Кэт убрала со лба свои волосы, поддерживаемые широким плетеным обручем цветов племени. *Пакеха* наверняка удивятся такому переводчику. Прежде Кэт занималась только бродячими торговцами и приходившими в деревню миссионерами. Те Ронга не желала, чтобы она участвовала в дипломатических или тем более военных миссиях. Она волновалась за

свою приемную дочь и прекрасно знала, что для белых женщины значат крайне мало.

— Надеюсь, они не разозлятся из-за того, что на переговорах буду присутствовать я и старейшие женщины племени, — сказала Кэт.

Те Пуаха только рукой махнул.

— Те Ронга будет сопровождать Те Раупараху, а ей всегда удавалось заставить всех обратить внимание на ее *мана*. — Слово *мана* можно было перевести как «харизма», оно означало также умение настоять на своем. — Что же до тебя, ты — *тохунга*, они должны принять это.

Кэт гордо улыбнулась. Как же она гордилась своим почетным титулом! Племя наградило ее им за то, что она знала не только английский язык, на котором говорили обычные *пакеха*, но недавно сумела провести переговоры с немецким миссионером на его странном языке. *Тохунга* маори называли людей, обладающих необычайно широкими познаниями в какой-либо области. Это могло касаться религии или целительства, строительства домов или резьбы по дереву, а в данном случае — знания различных языков. И Кэт с большим трудом добилась своего положения, поскольку в тот момент, когда ее приняли маори, она ни слова не знала на языке, на котором они говорили. Ей пришлось учиться всему, что было для этих людей само собой разумеющимся, начиная с установки вентерей для рыбной ловли и заканчивая посадкой и сбором сладкого картофеля.

— Как ты жила-то раньше? — почти каждый день дразнил девочку Те Раупараха.

Кэт краснела от стыда, поскольку даже самые маленькие дети могли научить ее тому, какое растение является съедобным и какими листьями можно натереться, чтобы защититься от насекомых. Но она очень быстро впитывала знания. Особенно легко давались девушке языки, и скоро она уже свободно общалась с членами племени. А потом Кэт научилась всему остальному при поддержке Те Ронги, опекавшей ее, как родная мать.

«Теперь она — моя дочь!» — сказала Те Ронга, когда ее отец, вождь Те Раупараха, выдал торговцу Карпентеру небольшое вознаграждение за то, что тот привез девушку к *нгати тоа*. Те Ронга привела напуганную Кэт в спальный дом племени и выделила ей постель рядом со своей. К огромному удивлению и смущению Кэт, все члены племени спали в одной большой комнате. Только вожди имели собственные дома, куда время от времени наведывались их жены. Как вскоре выяснила Кэт, Те Ронга часто спала со своим мужем Те Рангихаэатой, у супругов были очень близкие и нежные отношения. Но первые ночи, пока Кэт все еще дрожала от страха, опасаясь, что все это шутка и в конце концов маори снова отдадут ее

преподобному Мортону и Карпентеру, женщина-маори провела со своей приемной дочерью. Она пыталась объяснить Кэт, что здесь нечего бояться, показывала ей, как есть незнакомые блюда, как складывать утром мат, на котором спали ночью. Кэт все это удивляло, но другие члены племени поддерживали усилия Те Ронги, направленные на то, чтобы помочь белой девушке почувствовать себя как дома. Когда Кэт выучила первые слова, она с удивлением обнаружила, что все остальные женщины возраста Те Ронги тоже называют ее дочерью и относятся к ней очень хорошо. Старшие называли ее *мокопуна* — внучка.

Кэт робко попросила Те Пуаху объяснить это, и он сказал, что все дети принадлежат племени, кроме того, у Те Ронги могучая *мана* и никто не может ей отказать. Теперь у Кэт много матерей. В первые недели Те Пуаха был для Кэт самым важным человеком в племени. Те Ронга постоянно просила его переводить свои слова, и Кэт была благодарна ему за терпение и простодушную приветливость. Кое-что показалось ей даже странным: Те Пуаха ни разу не взглянул на нее со страстью!

Очень скоро Кэт так привыкла к своей новой жизни, что почти не вспоминала Сюзанну, Присциллу, Нони и китобойную станцию. Баркер был далеко, его паб казался Кэт дурным сном. А вместо жалких хижин китобоев и воняющих туш и ворвани ее окружали красивые разноцветные дома маори, ароматы кухни, а также лекарственных растений и фруктов, которые Те Ронга собирала и варила или же настаивала. Кэт научилась прясть и работать в поле, а когда урожая не хватало, в дождливые или, наоборот, засушливые годы, весной она вместе с племенем отправлялась на поиски новых охотничьих угодий.

Временами *нгати тоа* уходили кочевать и летом — обычно в тех случаях, когда духи призывали Те Ронгу или других старейшин. Тогда они садились в каноэ и плыли вверх по реке. Подобные путешествия в конце концов приводили к святыням, где они чтили богов пением и молитвами. Такими святынями могли быть скалы странной формы, вулканы или кристально чистые озера, иногда — просто места, где когда-то в давние времена пролилась кровь. Племя воздавало почести умершим, пока ветер дул над бескрайними лугами, чтило и храбрость победителей. Во время этих путешествий Кэт изучила всю северную часть Южного острова Новой Зеландии — страны, которую маори называли Аотеароа, «земля большого белого облака».

Те Ронга рассказывала ей о целебных растениях, о том, как нужно собирать их, юноши брали ее с собой на охоту и рыбалку. Иногда во время путешествий они встречались с другими племенами маори — братьями

нгати тоа, которых следовало навестить в *мараэ*, или с представителями враждебных *нгаи таху*. В этом случае традиционный ритуал приветствия, *повири*, выглядел угрожающе, поскольку в такие моменты *хака* и потешные бои, в которых мужчины показывали свою силу, уже не были игрой. Другое племя действительно нужно было убедить в том, что им лучше не нападать на *нгати тоаарики* Те Раупарахи. До сих пор это всегда удавалось, весь Южный остров считал вождя могучим воином, и никому не хотелось с ним связываться. В конце концов Те Ронга и *тохунга* другого племени связывались с богами и затем устраивали общий праздник.

Кэт совсем не боялась того, что в лагерь должны явиться *пакеха* под предводительством капитана Уэйкфилда. Вряд ли они станут нападать, а от похоти белых мужчин, таких как преподобный Мортон, ее защитят Те Ронга и целая армия мускулистых воинов маори.

Кэт улыбнулась, вспомнив о миссионере, — как же улепетывал от маори старый сластолюбец! Когда Карпентер снова наведлся к ним, она узнала, что на протяжении тех двух дней, которые торговец провел в деревне, преподобный голодал и прятался в лесу, дрожа от страха. Он не нашел даже ручья, чтобы напиться, — священник оказался еще менее подготовленным к жизни на природе, чем Кэт. А воины маори привели его в такой ужас, что он без всяких угрызений совести оставил в покое этот народ и его языческую веру. По крайней мере, с тех пор он ни разу не пытался посетить племена с религиозной миссией. Карпентер высадил его у поселения, которое позже назвали Нельсоном.

Теперь Кэт уже знала, что маори вообще не слишком-то привечали проповедников. Несмотря на то что они любили слушать истории из Библии, у них имелся собственный пантеон, включавший и женские божества. Каждый вечер у огня *тохунга* упражнялись в *вайкореро* — искусстве красноречия, — рассказывая о своих поступках и приключениях. Так Кэт узнала о Купе, первом поселенце на Аотеароа. Он прибыл с острова Гавайки, что означает «страна мечты», куда после смерти возвращались души маори. Также она узнала о Папе и Ранги, земле и небе, которых разделили их общие дети, чтобы создать мир во всей его красе. Ее восхищали подвиги полубога Мауи, сильного и дерзкого юноши, который бросил вызов самой смерти.

И хотя Кэт испытывала легкие угрызения совести, эти рассказы казались ей более увлекательными, нежели истории из Библии, с которыми ее знакомила миссис Хемплмен и которые она потом читала вслух хозяйке дома. Кроме того, маори не имели привычки постоянно рассуждать о грехе, не просили прощения у Бога, который все равно никогда не отвечал.

Вместо этого они посылали свои просьбы и пожелания в небо с пестрыми воздушными змеями и чтили богов танцем и многоголосым пением. Кэт сразу же увлеклась этими обрядами и вскоре уже участвовала в них наравне со всеми; сверстницы обучили ее танцам и игре на местных музыкальных инструментах.

Однако Кэт не прониклась религией маори по-настоящему. В душе она верила, что цветы *ронгоа*[37] останутся целебными, даже если Те Ронга не попросит у духов разрешения сорвать их. Она подозревала, что, если кто-то съест растение, считающееся лично для него *тапу*, с ним не случится ничего плохого. Жизнь на китобойной станции и не в последнюю очередь общение с преподобным Мортонем наделили Киттен здравомыслием, и теперь Кэт вела себя с Те Ронгой так же, как раньше с миссис Хемплмен: уважала их веру, повторяла за ними молитвы и песни и ничего не ставила под сомнение. Она обращала особое внимание на полезные вещи, которым можно было научиться у Те Ронги. Дочь вождя разбиралась в медицине, и Кэт с удовольствием составляла ей компанию, когда та отправлялась собирать цветы и корни, из которых потом готовила напитки и мази. Женщины племени рассказывали Те Ронге о своих недугах, и, к удивлению Кэт, ее приемной матери зачастую стоило лишь произнести заклинание, как пациентке сразу же становилось лучше.

Вскоре Кэт поняла, насколько ей повезло, что ее удочерила именно эта женщина. Те Ронга принадлежала, если так можно выразиться, к аристократии маори; будучи дочерью вождя, она занимала высокое положение. Ее мужу Те Рангихаэате уже прочили сан вождя. А это означало, что он будет наследовать Те Раупарахе. Однако место в совете старейшин Те Ронга заняла благодаря своему званию *тохунга* и глубокой мудрости. Совет принимал решения, касающиеся жизни племени, отправлял правосудие и давал вождям рекомендации по вопросам продажи земли и общения с *накеха*. И Те Ронга обладала в нем очень большим влиянием.

Кэт только поначалу удивлялась тому, что всем остальным казалось совершенно нормальным. Позже она поняла, что женщин в племенах маори очень уважают, а количество *мана* никак не соотносится с полом. В этом отношении обычаи маори кардинально отличались от обычаев *накеха*. Так, например, никому не пришло бы в голову платить женщине за любовь, как происходило в заливе Пераки, и никто не смотрел свысока на девушку, если она, хихикая, уходила в лес с молодым человеком, с которым, быть может, только что познакомилась. Все женщины в племени считались честными — рожденные в браке и вне его, замужние или нет, а о сохранении

девственности и речи не шло.

Кэт подозревала, что остается единственной девственницей среди своих сверстниц. Те часто дразнили ее из-за этого и даже иногда говорили, что она, наверное, ждет белого принца. Это казалось особенно неприятным, когда девушки начинали с непристойными подробностями описывать ей очередного торговца или миссионера, появившегося в деревне. К счастью, мужчины редко понимали их слова — но для того, чтобы прийти в смятение, Кэт достаточно было их похотливых взглядов. Едва ли не каждый белый мужчина раздевал ее глазами, поэтому она старалась затеряться в заднем ряду девушек, исполняющих приветственный ритуал в честь гостей.

Дочери племени обычно исполняли *повири* в легких *пиу-пиу*, юбочках из жестких листьев льна, и коротких плетеных кофточках. Подобные наряды считались среди белых неприличными. Когда Кэт приглашали переводить, она закутывалась в одеяло, делая вид, что замерзла, не следовало она и обычаю маори расхаживать летом по деревне, совершенно не прикрывая грудь.

Мужчины племени не трогали ее в первую очередь потому, что принимали отсутствие интереса с ее стороны, — но, скорее всего, дело было еще и в том, что по меркам маори Кэт отличалась слишком хрупким телосложением. Возможно, мужчинам казалось, что кожа у нее слишком светлая, лицо слишком узкое... Кэт не знала точно, да ее это и не интересовало. Она не заводила знакомств с молодыми воинами, не мечтала о свадьбе. В детстве Киттен провела слишком много бессонных ночей из-за мужчин, терзавших тело ее пьяной матери. Девушка, в которую она теперь превратилась, не могла мечтать о любовнике.

— Когда ожидается прибытие судна *пакеха*? — спросила Кэт у Те Пуахи, откладывая в сторону рукоделие. Наверняка еще многим нужно заняться перед прибытием гостей. Рукоделие может подождать. — И сколько их будет?

— Разведчики докладывают, что около пятидесяти, — сообщил Те Пуаха. — Тот землемер, Коттерелл, снова с ними, и капитан Уэйкфилд тоже. Их видели на реке, когда солнце было в зените. Поэтому, скорее всего, они появятся здесь еще до заката.

Глава 2

— Мы приблизимся к ним незаметно! — объявил своим людям Томпсон. «Виктория» шла по реке уже несколько часов. — Самое главное — это момент неожиданности! Оружие нужно держать на виду! Важнее всего — запугать их...

Карл внимательно слушал, радуясь, что понимает почти все. Слова Томпсона снова напомнили ему о мушкете. Нужно обязательно выяснить, как его заряжают, вместо того чтобы зачарованно наблюдать за проплывающим мимо пейзажем.

На берегах реки Вайрау, обрамленных сочной зеленью, росли роскошные экзотические цветы, ветви деревьев склонялись к воде. Затем лес расступился, открывая широкие бурые равнины туссока. Наверняка под зимней травой скрывается плодородная пахотная земля, кроме того, Карл отлично представлял себе, какое славное тут получится пастбище для коров или овец. Однако сейчас надо было разобраться с мушкетом...

Пока Томпсон рассуждал о тактике, Карл решил для начала попытаться вынуть оружие из чехла. Когда даже это у него не получилось, Карл оглянулся по сторонам в поисках помощи и заметил, что сидевший рядом с ним парень криво усмехнулся. А Томпсон все описывал преимущества неожиданной атаки.

Карл призадумался, а потом улыбнулся соседу.

— Маори давно увидят нас? — спросил он на ломаном английском.

Тот кивнул, впрочем, не выказывая тревоги.

— Можешь быть в этом уверен. Они же знают здесь каждое дерево и каждый куст. А их тут полно, есть где спрятаться.

И он махнул рукой в сторону заросших лесами берегов. Среди папоротников и ропалостилисов могла укрыться целая армия туземцев, а с судна их ни за что бы не заметили. А вот «Виктория» и ее экипаж для них были бы как на ладони.

— Но они... как это называется, когда... — Карл сделал атакующий жест рукой. Его собеседник, парень его возраста с пышной каштановой шевелюрой и светло-карими глазами, рассмеялся и подсказал ему слово *attack*[38].

— Да они вообще очень мирные, — поделился он своими наблюдениями. — Не станут нападать из засады. Просто их разведчики сообщат в деревню о том, что мы идем, и они подготовят для нас пышный приветственный ритуал. А на меня возложена сложнейшая задача: сдерживать наших замечательных командиров, Томпсона и Уэйкфилда, пока последний из маори не станцует и не споет. Потом нужно будет каким-то образом уговорить офицеров сказать пару слов в благодарность.

— У тебя задача? Извини, я еще не все понимаю, только приехать, учить английский, но медленно. — Карл смущенно улыбнулся.

Парень — Карл только теперь заметил, что его длинные волосы собраны в хвост и повязаны кожаной лентой — повернулся к нему с еще большим интересом:

— Ах, так ты с «Санкт-Паули»? Один из немецких переселенцев, для которых вдруг не оказалось земли? — Он протянул Карлу руку. — Кристофер Фенрой, Крис. Я здесь переводчик. К сожалению, немецким не владею, говорю только на английском и маори.

— Карл Йенш. — Карл крепко пожал протянутую руку, радуясь приветливости собеседника. — Да, я с «Санкт-Паули», но земли не получать. Я *free immigrant*[39], понимаешь, я нет денег...

Фенрой кивнул. Судя по всему, он ничего не имел против безденежных иммигрантов.

— Тебе же лучше, — сказал он. — Здесь полно работы. Дороги строить, рельсы прокладывать... Если ты трудолюбив, то быстро разбогатеешь. А английский у тебя уже неплох.

— Ты тоже поселенец? — поинтересовался Карл. — Ты из Англия?

Фенрой покачал головой и весело, совсем по-юношески улыбнулся.

— Нет. Ты видишь перед собой одного из немногих, кто родился на этом краю земли. Впрочем, не в Новой Зеландии, а в Австралии. Мои родители сначала переехали в Сидней, а потом сюда, когда мне было десять.

— И там ферма? — спросил Карл. — Или здесь ферма?

— Нет. — Отвечая на вопросы Карла, Фенрой внимательно смотрел на берег. — Мой отец то одно занятие найдет, то другое, так и перебивается. На самом деле мы просто бедняки, но имя у нас громкое. Фенрой — английский дворянский род, мои родственники живут в замке в Йоркшире. А наша семейная ветвь обеднела еще в Англии. Как бы там ни было, жаловаться мне не на что. Переводчики нужны позарез, и оплата неплохая.

— Где ты выучил язык маори? — поинтересовался Карл. — Это просто? Я тоже смогу выучить?

Фенрой с сожалением покачал головой.

— Он чертовски сложный, — разочаровал он молодого человека. — Ничего общего с английским языком. Я учил его в детстве, мой отец ездил от одного племени к другому и продавал... Считалось, что он торгует семенами и предметами домашнего обихода, но, по правде говоря, это было одно только виски. А я тем временем играл с мальчишками маори, позже — и с девочками, к своему удовольствию, если ты понимаешь, что я имею в виду... — Он сделал неприличный жест, но так хитро улыбнулся при этом, что Карл даже не обиделся.

— И они не причиняли вам вреда? — удивился немец.

Его тщетные попытки справиться с мушкетом не давали ему покоя. Разговаривать с Фенроем было интересно, он, судя по всему, знал об этой стране больше, чем любой из тех, с кем он когда-либо говорил. Но если, чего доброго, начнется бой, а он не умеет стрелять...

Фенрой покачал головой.

— Они не причинят вреда даже таким слепым идиотам, как Томпсон и Уэйкфилд, — без всякого уважения к командирам заявил он. — Иногда я искренне удивляюсь их терпению по отношению к нам, белым... Вообще-то это очень гордый народ. Те Раупараха, которого наши офицеры всерьез намерены взять в плен, словно невесть откуда взявшегося мошенника, — великий вождь, который часто воевал с другими племенами и ни разу не проиграл. Его зять, Те Рангихаэата, такой же. С ними нужно поддерживать мир и хорошие добрососедские отношения. Поэтому я надеюсь, что наш префект только потрясет своей саблей и не наделает глупостей. Но, честно говоря, если бы Таккетт меня не попросил... я бы не поехал. Кстати, он надеется на мою помощь в переговорах, да и Коттерелл — человек хороший...

— Кто есть Таккетт и Коттерелл? — спросил Карл, наконец вытащив свой мушкет из чехла. — И... Может быть, ты знаешь, как это работает?

Фенрой рассмеялся.

— Фредерик Таккетт — главный землемер Новой Зеландии, — сказал

он, — а Коттерелл работает на него. Он должен был проводить измерения здесь, на равнине Вайрау, но маори выгнали его вместе с подчиненными. Он не сопротивлялся. Как я уже говорил, он разумный человек. А я прежде много ездил с Таккеттом, больше по Северному острову, так что не знаю, смогу ли разобрать местный диалект... Да, вот поэтому я и поехал. В том числе потому, что у него здесь есть интересные контакты.

— Контакты?

Карл достал капсуль и пули, пытаясь понять, как зарядить ими мушкет. Фенрой некоторое время наблюдал за ним, затем забрал у него все это и умело вставил пулю в дуло.

— Эта штука заряжается с дула, — коротко пояснил он, а потом вернулся к вышеупомянутым контактам. — Мистер Таккетт знает кое-кого и считает, что этот человек может быть мне полезен. Мне бы так хотелось иметь ферму... — Во взгляде Фенроя мелькнула тоска.

Карл рассмеялся.

— Мне тоже! — заявил он и снова принялся заряжать мушкет, чтобы набить руку. — Только денег нет...

Фенрой заговорщически подмигнул ему:

— Вот именно. А деньги можно заработать, можно унаследовать, а можно получить в приданое. И сдается мне, кто-то хочет подарить своей дочери громкую английскую фамилию. Возможно, ты даже знаешь этого человека. Кажется, Бейты тоже приехали на «Санкт-Паули»?

Карл наморщил лоб.

— Ты хочешь жениться на дочери Джона Николаса Бейта? — недоверчиво переспросил он.

Фенрой театрално развел руками, словно прося у Неба помощи.

— Так хотят Господь и ее папочка... Что ж, девушку тоже, наверное, придется спросить. Надеюсь, она хорошенькая. Но, строго между нами: если в приданое войдет пара гектаров земли, я готов закрыть глаза на что угодно. Кстати, это другая причина, по которой я тут оказался. Мой будущий тесть очень хочет, чтобы эта миссия увенчалась успехом. — Молодой человек рассмеялся.

Перед глазами у Карла тут же возник образ Джейн Бейт, и он испытал что-то вроде жалости. Или Фенрой собирается жениться на одной из ее младших сестер? Как бы то ни было, Карл решил, что ему незачем развеивать иллюзии своего нового друга.

— А ты не видел эту девушку, а? — спросил его Фенрой. — На судне или по прибытии? Вроде как ее зовут Жанет или Джейн, или...

Он сделал паузу, чтобы Карл мог придумать дипломатичный ответ, и

подошел к поручням, осматривая местность. Вскоре он со взволнованным видом указал на какой-то причал у самой воды.

— Мы на месте! Смотри, там деревня!

Карл тут же забыл о Джейн Бейт и стал высматривать палатки, но сначала увидел только каноэ на галечном пляже, и часть из них как раз спускали на воду. В первую уже запрыгивали люди, направляясь к «Виктории».

На судне поднялся переполох. Судя по всему, Карл был не единственным здесь, кто никогда не видел воинов маори, которые выглядели поистине устрашающе. Они были темнокожими, крупными, мускулистыми и невысокими. Несмотря на зимний холод — здесь было далеко не так холодно, как в Германии, но куртку Карл снимать не стал, — они ходили босиком и полуобнаженными. Лишь немногие носили накидки, а большинству хватало похужей на юбку набедренной повязки, под которой виднелись мускулистые бедра.

Но больше всего пугали их лица! У каждого вдоль носа и лба вились голубоватые линии, из-за которых они казались опасными чудовищами. Карл видел изображение маори в своей книге, но, узрев их во плоти, тут же подумал о чертях из ада или злых духах, и не только он один. Его спутники тоже схватились за мушкеты.

— Сохраняйте спокойствие! Опустить оружие! — крикнул кто-то звонким голосом.

Это был безоружный высокий мужчина с каштановыми волосами, густыми бровями и тщательно подстриженными бакенбардами. Изящная одежда облегла его стройную фигуру.

— Таккетт, — с удовольствием сообщил Карлу Фенрой.

— Что... что с их лицо? — пролепетал Карл, показывая на мужчин маори. Землемер его особенно не интересовал.

— Племенные татуировки, на маори называется *моко*, — поделился своими знаниями Фенрой, опуская руку на мушкет Карла. — Убери-ка это поскорее, пока кто-нибудь из них не решил, что мы им угрожаем.

— Таг...

— Татуировки, — повторил Фенрой. — Они надрезают кожу и втирают в нее краску. Выглядит ужасно, я знаю, но о вкусах не спорят... В любом случае все маори это делают, с самого детства, и тот, кто разбирается в татуировках, может по ним прочесть, к какому *иви*, то есть племени, относится человек.

— Они... оружие... они... — Карл не знал, как сказать по-английски «копье», но сразу заметил, что оно есть у каждого воина.

Фенрой спокойно кивнул:

— Конечно. Они — гордые воины. И они пришли, чтобы поприветствовать нас. Это что-то вроде почетного караула.

Карл всячески пытался подавить свою тревогу, но у него ничего не получалось, пока первое каноэ не пристало к «Виктории» и высокий улыбающийся мужчина не начал взбираться на бриг. Могучий маори был одет в широкий коричневый плащ, сплетенный из какого-то очень легкого материала, и в нечто вроде юбки из жестких полос новозеландского льна. И он говорил по-английски! Точнее, употреблял некоторые английские слова.

— *Kia ora, пакеха* англичане! — крикнул им маори. — Добро пожаловать в *иви нгати тоа*.

Ловко и более грациозно, чем можно было ожидать от такого мускулистого мужчины, он перемахнул через поручни, а оказавшись на палубе, быстро огляделся. Вид он имел внушительный — те мужчины, которые еще недавно готовились защищаться, в испуге отпрянули прочь, хотя свое копье он оставил в каноэ. Впрочем, на поясе у него висела дубинка. Карл заметил, что Оттфрид Брандманн, глядя на этого воина, смертельно побледнел. Наконец маори направился к капитану Уэйкфилду, офицеру Томпсону и землемеру, смотревшим на него без страха.

Фенрой ободряюще похлопал Карла по плечу, а затем повернулся, чтобы уйти.

— Мне пора работать, — попрощался он и присоединился к командованию.

Воин маори как раз протянул Уэйкфилду руку для рукопожатия.

— Я Те Пуаха, племянник вождя. Я приветствовать от имени Те Раупарахи...

— А может быть, мы не хотим, чтобы он нас приветствовал, — огрызнулся Томпсон.

Молодой маори несколько растерялся и даже немного обиделся.

— Я приветствовать! — повторил он и протянул руку Уэйкфилду.

Тем временем он окинул оценивающим взглядом вооруженных людей, столпившихся позади офицеров. От него не укрылось, сколько у них мушкетов, кроме того, некоторые белые мужчины бормотали проклятия.

Те Пуаха опустил руку.

— Я приглашать сесть в мое каноэ. Это каноэ вождя. Честь для Уэйкфилд... и Томпсон.

— Откуда эта обезьяна знает мое имя? — громким шепотом поинтересовался у Томпсона капитан.

— Прежде я уже иметь честь говорить от имя вождя, — пояснил Те

Пуаха. Слово «обезьяна» он комментировать не стал, кроме того, он, казалось, даже не обиделся. Судя по всему, он просто не знал, что оно означает, и, скорее всего, привык к тому, что для белых все маори на одно лицо. — Во время продажи земли. А теперь, пожалуйста, Уэйкфилд, идемте приветствовать племя, приветствовать *арики*! Те Раупараха — великий вождь. Нетерпеливый! — Это прозвучало как предостережение.

— Капитан Уэйкфилд, попрошу обращаться ко мне именно так! — резко осадил его Уэйкфилд.

Однако теперь за дело взялся Кристофер Фенрой. Он махнул рукой, призывая капитана к спокойствию и молчанию, и обратился к маори с несколькими вежливыми фразами. Судя по всему, он представил себя и Таккетта. Прозвучало также имя Коттерелла.

— Мы уже знакомы! — вставил Коттерелл, очень высокий и худой мужчина со светлыми волосами. — *Kuia ora*, Те Пуаха.

И он протянул маори руку в знак того, что не сердится на то, что *нгати тоа* несколько недель назад помешали его работе, уничтожив хижины землемеров и прогнав Коттерелла с подручными.

Те Пуаха широко улыбнулся:

— Простить, последний раз обстоятельства не очень приятный. Но нельзя ходить и мерить чужая земля. Лучше делать, как теперь. Приходить в *мараэ нгати тоа*, приветствовать, кушать, говорить...

Он еще раз приглашающим жестом указал на каноэ — большую лодку, украшенную резьбой. Таккетт бросил взгляд на Коттерелла, и оба землемера двинулись в сторону каноэ. Капитану Уэйкфилду и офицеру Томпсону не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ними.

— Каноэ для всех мужчин, — объявил Те Пуаха, показывая на Карла и остальных, а также на лодки, качающиеся на воде вокруг «Виктории». — Всем рады на *повири*. *Хаэре маи*.

Крис Фенрой обернулся к новобранцам, прежде чем последовать за командованием и занять место в каноэ вождя.

— Эти люди приглашают нас на приветственную церемонию, — пояснил он приглашение Те Пуахи. — Поэтому вы можете без опаски садиться в каноэ. Маори отвезут вас на берег. Однако прошу вас сохранять при этом спокойствие и вести себя прилично. Мы здесь в гостях...

— В гостях! — фыркнул Оттфрид. Он придвинулся к Карлу, похоже, испытывая страстное желание поговорить на родном языке, хотя прекрасно понял слово *guests*. — Как будто это визит вежливости...

Карл ничего не ответил ему. Он беспокоился лишь о том, чтобы как можно скорее и незаметнее для маори спрятать мушкет обратно в чехол. Он

был рад тому, что оружие им не понадобится. Карл решил довериться Фенрою и ничего не бояться. Он с улыбкой забрался в первое каноэ.

Глава 3

От берега реки через лес вела довольно широкая тропа, но, пройдя всего несколько шагов, мужчины оказались у ограды, окружавшей деревню маори. Вход представлял собой нечто вроде арки, выкрашенной красной краской и обрамленной широкими стелами с изображениями богов. Божества маори, широко открыв рот, демонстрировали свои внушительные белые зубы, но при этом не выглядели угрожающе. Ворота покрывала декоративная резьба, а пройдя через них, гость оказывался на дороге, ведущей к деревенской площади. По сторонам ее стояли необычного вида постройки.

Карл с изумлением разглядывал яркие, тоже украшенные резьбой и фигурками деревянные дома. Когда в Нельсоне говорили о лагере маори, он представлял себе нечто вроде стоянки американских индейцев. Он когда-то видел ее изображение в дешевом журнальчике. Теперь у молодого человека не укладывалось в голове, что он стоит посреди уютной деревни, здания в которой добротнее и основательнее, чем большинство домов в Рабен-Штейнфельде, не говоря уже о Нельсоне. Конечно, выглядели они очень странно и непривычно, но все равно увиденное не вписывалось в его представления о диких, нецивилизованных народах.

Жители деревни собрались на деревенской площади. Карл насчитал человек восемьдесят-девять. Женщины и дети находились в центре группы, их окружали старики и молодые мужчины, причем последние были вооружены. Чуть поодаль стояло несколько человек, роскошно одетых мужчин и женщин — они носили плащи и широкие пояса с изысканными узорами, похожими на вязь, более яркие, чем у остальных членов племени, а еще украшения из нефрита и перламутра. Все они были преклонного или среднего возраста, кроме одной девушки, которая выделялась не только благодаря своему возрасту.

— Глазам своим не верю, светловолосая маори!

Это сказал Кристофер Фенрой. По знаку Те Пуахи он усадил капитана Уэйкфилда, офицера Томпсона и прочих белых командиров напротив маори, а сопровождающим велел устроиться рядом и позади них. Карл сосредоточил все свое внимание на девушке. Она совсем не походила на туземку. На вид восемнадцати или девятнадцати лет, хрупкого телосложения, она отличалась красотой и стройностью, кроме того, на ней не было татуировок! Широкий обруч поддерживал ее волосы, открывая тонкие, едва ли не аристократические черты лица, покрытого загаром цвета

золотистого меда, но от природы ее кожа была, вне всякого сомнения, светлой. Карл не мог разглядеть, какого цвета ее глаза и тонко очерченные брови, но волосы у нее были светло-русыми, словно колосющаяся в полях пшеница. Однако она тоже носила одежду маори: ее юбка, более длинная, чем у большинства представительниц племени, все же не могла полностью скрыть ее загорелые ноги.

Новый друг Карла, Фенрой, смотрел на светловолосую девушку так, словно увидел призрака.

— Это же *накеха*! — прошептал он Таккетту: словечко, которым маори прозвали белых, понимали все в Новой Зеландии.

— Красавица! — улыбнулся главный землемер. — А теперь закройте рот, Фенрой, неприлично же. Может быть, она дочь одной из маори и белого мужчины. В конце концов, это случается достаточно часто...

— Да, только у этих метисов никогда не бывает светло-русых волос! По крайней мере, в первом поколении. Должно быть, она...

Фенрой волновался, он все говорил и говорил, но затем его речь оборвал громкий крик какой-то женщины. Мужчины, стоявшие возле переводчика, снова нервно схватились за свои мушкеты. Тут уж Фенрою пришлось отвлечься от белой девушки и успокоить своих соплеменников. Кроме того, от группы маори отделился воин и, размахивая руками, принялся что-то рассказывать. При этом он потрясал оружием.

— Это просто *михи*, с этого начинается ритуал приветствия, — пояснил Фенрой. — А потом будет танец. Так что без паники.

— Что он говорить? — спросил Карл.

Испытывая некоторую неловкость, он все же занял место рядом с переводчиком. Судя по всему, он был единственным, кого заинтересовала речь мужчины. Ни командиры, ни поселенцы, в том числе и Оттфрид, тоже устроившийся в первом ряду, не просили ее перевести.

— Он рад приветствовать нас в деревне своего племени, — объяснил Фенрой, — говорит очень пространно, представляет *нгати тоа*, рассказывает об их происхождении, истории, особенно упирая на то, с кем они уже успели повоевать и кого победить... А теперь они молятся! — Фенрой потер виски, когда к голосу мужчины присоединились другие. — Черт возьми, быстро они справились! Вообще *михи* может продолжаться бесконечно. В принципе, мы должны были ответить на это, тоже представиться и вежливо поздороваться. Но с этим мне к господам Уэйкфилду и Томпсону лучше не соваться... и *нгати тоа*, судя по всему, этого и не ожидают.

Вперед выступил еще один мужчина, очень молодой и воинственный

на вид. Выкрикнув что-то, покривлявшись и несколько раз вонзив в землю копье, он начал танцевать. Мужчины сопровождали его выступление пением, затем тоже принялись танцевать, размахивая копьями, щитами и дубинками.

— О боже, кажется, это опасно... — бесцветным голосом произнес Оттфрид.

Карл, однако, нисколько не встревожился.

— Маори опасные? — спросил он у Фенроя.

Тот мрачно усмехнулся:

— Конечно опасные. Ты только посмотри на них! Сто пятьдесят фунтов мышечной массы в каждом, и кричит он как раз о том, что мужества в нем хватит на сотню воинов, что он намерен сожрать своих врагов целиком. До недавних пор они это практиковали, это полинезийская традиция...

Карл судорожно сглотнул.

— Но у них нет мушкетов! — напомнил он, скорее для собственного спокойствия.

Фенрой бросил на него недоверчивый взгляд.

— Это кто тебе такое сказал? Конечно, у них есть огнестрельное оружие! Уэйкфилд заплатил вождю за землю восемьсот фунтов. Как ты думаешь, что он купил на эти деньги? Детскую одежду?

У Карла мелькнула мысль, что восемьсот фунтов за все земли вокруг Нельсона и, возможно, еще и на равнине Вайрау — это действительно смешная сумма. Неудивительно, что вождь возмутился! Глядя на кричащих, потрясающих копьями и топчущих ногами воинов, думать об этом было неприятно... Карл снова коснулся своего оружия.

— Но, конечно же, они не станут нападать на нас во время *повири*, — утешил его переводчик. — Танец, который называется *хака*, служит для устрашения. Воины представляют себя, показывают оружие и предупреждают, что с ними лучше не связываться. Поразительно, но в этом отношении наш друг Томпсон совершенно прав: самое главное у маори — это устрашение. Множества сражений удалось избежать только благодаря тому, что племена признавали свои силы по меньшей мере равными. Так зачем проламывать друг другу головы до того, как это дойдет до зрителей?

— Это ра... разумно, да? — произнес Карл и подумал, не сжалиться ли над Оттфридом и не перевести ли ему то, что рассказал Фенрой.

Оттфрида — как и всех остальных мужчин в свите капитана Уэйкфилда — никто не успокаивал. Поселенцы тревожились и волновались — и только командование, казалось, скупало. Уэйкфилд и Томпсон так явно

проявляли нетерпение, что это выглядело даже невежливо.

— Разумно, — согласился Фенрой. — Говорю же, маори далеко не глупы. Вот, посмотри, теперь они проявят дружелюбие. Мы ведь ничего не противопоставляем им. Слава богу, что Томпсону никто еще не объяснил сути происходящего, иначе он заставил бы своих переселенцев танцевать с мушкетами. Вообще-то воины, явившиеся в гости, тоже должны танцевать... Но вот уже идут девушки. Это самая короткая приветственная церемония из всех, которые я когда-либо видел. Они действительно идут нам навстречу. В следующем танце обычно принимает участие вся деревня и показывает сцены из повседневной жизни. Но они решили продемонстрировать лучшее...

Танец исполняли восемь очень красивых девушек в светлых юбках и ярких кофточках. Они пели радостную песню и размахивали шарами из разноцветных лент.

— Смотри, светленькая! — Фенрой снова пришел в полный восторг. И действительно, светловолосая девушка грациозно двигалась в последнем ряду танцовщиц. — Это не маори! Ни за что не поверю! Наверное, она...

Но, прежде чем он смог договорить, девушки завершили свой танец, и люди капитана Уэйкфилда, наконец-то расслабившись, заплодировали, что маори, судя по всему, очень понравилось. Наверное, предыдущие танцоры тоже ожидали знаков одобрения. Карлу стало жаль, что они разочаровали хозяев. Но, прежде чем маори смогли продолжить свой приветственный ритуал, офицер полиции поднялся со своего места.

— Хватит уже прыгать! — крикнул Томпсон. — Кто из вас Те Раупараха?

Фенрой встревожился, как и светловолосая девушка. Английский переводчик подошел к Томпсону, а девушка встала рядом с невысоким мужчиной в украшенном яркими перьями плаще, который тоже поднялся и, прежде чем Фенрой успел сказать хоть слово, направился к офицеру.

— Это я, — спокойно произнес он. Его низкий звучный голос нарушил воцарившуюся после возгласа Томпсона неловкую тишину. — Чего вы хотите от меня?

Вождь протянул Томпсону руку, и маори испуганно зароптали, когда офицер полиции оттолкнул ее.

— Я здесь не для того, чтобы обмениваться вежливыми фразами и смотреть, как танцуют голые девушки. Столь непристойно, у всех на виду! Цивилизованные люди ходят за этим в паб! Речь пойдет об аресте. Я...

Судя по всему, вождь не понял ни слова, но, прежде чем Фенрой успел перевести — казалось, он замялся, пытаясь сообразить, что именно из этой

речи можно пересказать вождю, чтобы их сразу же не съели, — заговорила светловолосая девушка. Она обратилась к вождю на мелодичном языке маори.

— Она переводить? — шепотом спросил Карл у Фенроя.

— Можно сказать и так... — пробормотал он, а затем шепотом объяснил ему, что сказала вождю девушка: — Наш танец произвел впечатление на *пакеха*, хоть он не вполне соответствует английским обычаям. Однако офицер просит завершить на этом обмен любезностями. Он...

Пока вождь совещался со своими советниками, девушка обратилась к белым. По-английски она говорила бегло.

— Господа, в первую очередь вожди *нгати тоа* хотели бы поприветствовать вас. Особенно вождь племени Те Раупараха. Он знает, что наши традиции утомляют *пакеха*, поэтому хочет поздороваться с вами по вашему обычаю, рукопожатием...

Офицер Томпсон лишился дара речи, но тут к старейшинам маори подошел Таккетт и протянул им руку. Капитан Уэйкфилд тоже одумался. Он обменялся рукопожатием с Те Раупарахой. Второго вождя светловолосая девушка представила как Те Рангихаэату.

— А меня зовут Поти, — поклонившись, сказала переводчица. — На вашем языке — Кэт. Я *тохунга*, и мне позволено переводить для вождей.

Кристофер Фенрой с восхищением смотрел на нее и вдруг протянул ей руку.

— Очень приятно! — галантно произнес он, хотя голос его прозвучал довольно хрипло. — Я... меня зовут Крис Фенрой. Ответственный *тохунга* для *пакеха*.

Девушка бросила на него серьезный взгляд.

— Тогда, надеюсь, мы оба послужим делу мира, — многозначительно произнесла она.

Крис кивнул.

Но тут снова вмешался Томпсон:

— У меня здесь решение суда, которое дает мне полномочия арестовать тебя, Те Раупараха, за поджог и разрушение английской собственности и доставить в Нельсон, в суд, — произнес он и с вызывающим видом приблизился к вождю, размахивая бумагой.

Фенрой бросил на светловолосую девушку полный отчаяния взгляд и начал переводить. Девушка, казалось, едва сдерживала улыбку.

— Что ты сказать? — поинтересовался Карл у Фенроя, когда тот закончил свою речь.

— Что старейшины Нельсона немного рассердились из-за того, что хижины землемеров оказались разрушены, и хотят еще раз поговорить об этом с Те Раупарахой, — подмигнул ему Фенрой.

После этого снова высказался вождь. Девушка на миг задумалась, затем заговорила:

— Приглашение очень льстит Те Раупарахе, однако он хотел бы пояснить, что не сделал ничего противозаконного. Ваши люди стояли лагерем на нашей земле, их хижины были построены из дерева, вырубленного в наших лесах. Поэтому он не видит повода сопровождать вас в Нельсон, чтобы говорить там о делах минувших. Однако он вполне готов вести переговоры относительно дальнейшей продажи земли.

— К чему все это? — Томпсон хотел было схватить вождя за руку, но затем отпрянул. — Разве ты не слышал? Ты арестован. Ты поедешь со мной, и точка!

В ответ вождь произнес что-то резкое.

— Я не ваш слуга! — негромко перевел Карлу Фенрой.

— Попрошу обращаться со мной повежливее! — перевела Кэт.

— А кто из вас Те Рангихазата? — вдруг поинтересовался Томпсон. Похоже, он ее не слушал. — Его мы тоже возьмем с собой. Как соучастника. Если я сейчас...

Фенрой попытался все сгладить несколькими словами, но несчастное выражение лица Кэт говорило само за себя. То, что говорил Томпсон, было понятно всем.

— Давайте сохранять спокойствие! — вмешался Фредерик Таккетт, пытаясь унять разгорающийся спор. — Вождь прав, нам нужно поговорить о земле. *Арики* Те Раупараха, я — главный землемер ее величества королевы Виктории в Аотеароа...

Фенрой перевел, на этот раз наверняка точно.

— ...и я осмотрел землю, которую твое племя продало *пакеха* из Нельсона. Мне очень жаль, вы, несомненно, ничего дурного не хотели, но я вынужден сказать, что часть наделов нашим переселенцам не подходит. Они расположены слишком близко к реке, каждое половодье будет заканчиваться наводнением. Там нельзя строить дома.

Те Раупараха кивнул и произнес несколько слов в ответ.

— Не на всякой земле обязательно строить дома, — перевела Кэт. — Иногда землю лучше оставить духам. Боги знают, что с ней делать. Они знают, почему она такая, какая есть, и наверняка устроили все правильно.

Таккетт закусил губу, затем продолжил:

— Я не сомневаюсь в том, что это мудро, *арики*. Мы тоже смиренно

отдаемса на волю Божью, однако наши переселенцы прибыли сюда издалека, чтобы обрабатывать здесь землю. Мы не можем разочаровать их. Поэтому мы хотим предложить им вместо болотистых областей равнину Вайрау...

Офицер снова хотел что-то сказать, но Уэйкфилд одернул его, чтобы дать возможность Фенрою перевести слова Таккетта, а вождю — ответить.

— Вождь согласен на то, чтобы долину реки Вайрау заселили *пакеха*, но вы должны выкупить эту землю, — перевела его слова Кэт. — Как вы сами сказали, никто никого не обманывал. Капитан Уэйкфилд видел землю до того, как купил ее. Если она не годилась для его целей, он не должен был брать ее. Но теперь она принадлежит ему, и, если он хочет получить равнину Вайрау, нужно снова провести переговоры.

Уэйкфилд недовольно заворчал себе под нос, а Таккетт вздохнул. Вероятнее всего, он уже говорил об этом капитану. Тот всего лишь заключил неудачную сделку, ведь он солдат, а не крестьянин.

Вождь добавил что-то еще.

— Того требует ваш собственный закон, — перевела Кэт.

— Наш закон? — Теперь Томпсона было не удержать. Он вынул из кармана бумаги и сунул их прямо под нос вождю. — Вот закон, вот *the Queen's law*[40]...

Те Рангихазата заслонил тестя своим телом; было видно, что он очень зол.

— Это наша земля! — крикнул он в лицо офицеру. — Земля *нгати тоа*, законы *нгати тоа*!

Он крикнул что-то еще, но его перебил Те Раупараха... Кэт не попевала за ними, учитывая то, что ей нужно было излагать их речи спокойно и рассудительно.

— Те Рангихазата объясняет Томпсону, что он должен оставить вождя в покое. А Те Раупараха оставит в покое королеву. Или кто-нибудь видел в Англии маори, который вмешивался бы в дела королевы?

— Ситуация накаляется, мистер Таккетт! — предупредил Фенрой. — Нужно как можно скорее все уладить. К счастью, вождь еще настроен миролюбиво, он поставил Те Рангихазату на место...

Теперь вмешался и Те Пуаха, пытаясь утихомирить соплеменников. Пока он взывал к рассудительности, Томпсон схватил вождя за руку. Началась потасовка, и собравшиеся вокруг Томпсона мужчины с ужасом увидели, что тот взялся за оружие.

— Сохраняйте спокойствие! — в отчаянии перевела Кэт очень резкие слова Те Раупарахи. Те Пуаха бросил на нее взгляд, в котором читались

сожаление и укор.

— Вождь предостерегает вас! — перевел он. — Вы не должны угрожать ему!

Те Раупараха спрятал руку под плащ и что-то крикнул. Судя по всему, это было очередное предупреждение. Карл с ужасом вспомнил о том, что говорил ему Фенрой об оружии маори. Неужели вождь потянулся за мушкетом?

— Парни! Примкнуть штыки! — рявкнул Томпсон, когда первые воины маори ринулись вперед, на помощь своему вождю.

Карл почувствовал себя беспомощным. Он ни в коем случае не хотел стрелять, но все вокруг уже доставали пистолеты и надевали штыки на оружие.

— Вперед, англичане! — закричал Уэйкфилд.

— Подождите!

— Подождите же! Мы не хотим начинать войну!

Фенрой и Таккетт, Кэт и Те Пуаха все еще пытались договориться.

Кажется, *накеха* все же решили не спешить. Ведь это был не полк обученных солдат, а кучка искателей приключений и переселенцев. Они не собирались атаковать орду могучих воинов маори, едва слышав какой-то непонятный приказ.

Но затем прозвучал выстрел.

Глава 4

Время словно на миг застыло, и мир Кэт рухнул. А ведь совсем недавно ей казалось, что, хотя ситуация достаточно серьезная, ее еще можно удержать под контролем. Общение вождя с этим дураком Томпсоном превратилось в своего рода игру между нею и темноволосым переводчиком *накеха*. Крис Фенрой сразу же усвоил правила этой игры, и, если бы Томпсон проявил хоть чуточку понимания, оба *тохунга* наверняка закончили бы переговоры ко всеобщему удовлетворению. Но теперь? Сначала с обеих сторон раздались боевые кличи, а затем прогремел выстрел — и Те Ронга сдавленно вскрикнула, схватилась за грудь и безмолвно рухнула рядом с Кэт и Те Рангихаэатой.

Кэт не сразу поняла, что произошло, или же просто не захотела принять правду. Все вокруг словно бы застыло. Ее приемная мать лежит без движения, на груди ее расплывается алое пятно. Фенрой, растерявшийся так же, как и она, — и *накеха*, один из которых выстрелил, хотя Кэт не могла понять, кто именно.

А затем мир снова пришел в движение. Женщины плакали, мужчины кричали, а Те Рангихаэата упал на землю рядом с женой. Обняв ее, он запел

погребальную песнь:

— *Хеи кони те марама. Хеи кони те ра. Хаэре маи те по.* Да здравствует свет, да здравствует день, добро пожаловать, темнота смерти.

Шум этой суматохи на деревенской площади внезапно перекрыл голос вождя, в котором звенело отчаяние. Женщины и дети бросились в дома, защелкали мушкеты, забегали мужчины, отдавая приказы, — то ли атаковать, то ли бежать. Большинство переселенцев, увидев, что женщина умирает, а воины-маори приготовились мстить за нее, развернулись и помчались в сторону судна.

Офицер Томпсон и капитан Уэйкфилд пытались собрать людей и заставить их обороняться или хотя бы организованно отступить, но это было безнадежно. Среди *пакеха* поднялась паника — а маори обуяла жажда мести.

Карл последовал за Оттфридом, который первым сбросил охватившее всех оцепенение и помчался к реке. Фенрой еще пытался переводить чьи-то слова, но Карлу достаточно было лишь взглянуть на лица маори, чтобы понять: дипломатия здесь уже не поможет. Кроме того, он увидел, как на другой стороне площади вспыхнули огнями оружейные дула. Среди англичан свой мушкет разрядил только один человек, но воины-маори ответили целым градом пуль. Конечно же, у них было оружие, и, возможно, они пользовались им чаще, чем поселенцы. Карл свой мушкет даже из чехла не достал. На это ушло бы слишком много времени. А потом еще нужно было выстроить линию обороны...

По дороге к причалу он видел, как вокруг него падают мужчины, слышал голоса Уэйкфилда и Томпсона, обзывавших своих людей трусами. Некоторые после этого действительно остановились и ответили на огонь — значит, возможно, погибло еще несколько маори. Карл не оглядывался. Но потом он услышал крик, после которого вынужден был обернуться. Попали в Таккетта, землемера, и тот рухнул на колени у него за спиной.

Карл подбежал к нему и потащил его под прикрытие кустов. Мужчина стонал и держался за правое бедро. Судя по всему, рана его была неопасной, но в одиночку он теперь добраться до корабля не сможет. Долго Карл не раздумывал.

— Руку мне на плечо! — приказал он и приподнял землемера, чтобы тот мог опереться на него. — И бежать!

Таккетт повиновался, но вскоре остановился, тяжело дыша.

— Мы сдаемся! — крикнул у него за спиной Уэйкфилд. — Англичане, сложить оружие! Это безумие, это нужно прекратить! Всем сдаться!

Карл увидел, что капитан достал носовой платок, привязал его к ветке

и принялся махать ею в воздухе. Таккетт, казалось, растерялся — ведь они уже почти добрались до берега, кто-то уже спускал на воду каноэ маори, чтобы доплыть на них до «Виктории». Другие пытались спастись вплавь. Среди них был Оттфрид, который бросил испуганный взгляд на капитана, но, похоже, не понял его жеста и уж тем более его слов.

Карл поставил Таккетта на ноги. Если уж Оттфриду неизвестно, что означает белый флаг, то откуда маори знать английские военные обычаи? К тому же Таккетту нужен был врач.

— Мы уходить! — крикнул он на ухо землемеру.

После недолгих колебаний Карл столкнул Таккетта в воду и спрятался за каноэ, в которые маори, конечно же, тоже стреляли. Карл не знал, как добраться до палубы «Виктории», но вскоре ему сбросили канат. Он обмотал им поясницу Таккетта, и команда втащила землемера наверх. Сам Карл нашел веревочную лестницу и, с трудом переводя дух, упал на палубу рядом с Оттфридом.

Воины маори тоже садились в каноэ, намереваясь задержать судно. Другие принялись стрелять в бриг. Те англичане, которые успели спастись, отвечали огнем с палубы «Виктории» и таким образом дали возможность забраться на борт другим своим товарищам, а команда тем временем успела поставить паруса.

Оттфрид тоже хотел помочь им, но для этого ему нужно было перезарядить свой мушкет. На миг Карл задумался, когда он успел выпустить первую пулю. Вряд ли во время бегства, тогда он даже ни разу не обернулся. Но затем молодой человек забыл об Оттфриде и решил, что нужно спрятаться за надстройками. Один из матросов уже оказывал Таккетту первую помощь.

— Ничего страшного, пуля прошла навылет, — спокойно сказал он. — Важные сосуды не задеты... Но все равно нужно перевязать...

— Без вас меня здесь не было бы, — содрогаясь от боли, сказал землемер Карлу. — Большое вам спасибо. Такие раны наверняка лучше лечить в Нельсоне, нежели в деревне маори...

Карл только пристыженно махнул рукой:

— Немного я делать. Маори... убивать люди?

Дул попутный ветер, «Виктория» продвигалась по реке очень быстро, и маори прекратили преследование. Теперь беглецы могли немного расслабиться и проверить свои ряды. Результат оказался неутешительным: не хватало двадцати двух человек, в том числе капитана Уэйкфилда, офицера Томпсона, землемера Коттерелла и Кристофера Фенроя.

— Убьют ли они пленных? — переспросил Таккетт. — Надеюсь, нет.

Возможно, они потребуют за них выкуп. Вероятно, каких-то товаров, каких-то уступок, например выдачи убийцы из Нельсона, которого Уэйкфилд спас от суда...

— Теперь уже и второго убийцы, — напомнил Карл.

Намеренно или случайно, из-за неумения обращаться с оружием или просто потому, что сдали нервы, один из англичан застрелил женщину-маори, стоявшую рядом с вождями. То, что она наверняка была не обычной туземкой, а членом семьи Те Раупарахи, лишь усложняло ситуацию.

Таккетт вздохнул.

— Мы можем только надеяться и молиться, — произнес он. — А еще ребятам повезло, что с ними Фенрой. Он говорит на языке маори, знает обычаи. Если кто-то и сумеет выкрутиться, то это он.

Увидев умирающую Те Ронгу и затянувшего погребальную песнь Те Рангихаэату, Кристофер Фенрой пришел к тому же выводу, что и Карл: тут уже ничего не поделаешь, лучше всего бежать как можно скорее. Но взгляд светловолосой девушки задержал его чуть дольше, чем следовало, — он не мог уйти, не пробормотав хотя бы «прости», пусть никто его и не слушал.

А затем, бросившись к бригу, он обнаружил, что рядом с ним бежит Уэйкфилд. Теперь капитан решил сделать ставку на переговоры.

— Прекратите! Остановитесь! Это был несчастный случай! — Похоже, он обращался к ринувшимся на него маори. Но они, разумеется, не обращали никого внимания на его слова.

Уэйкфилд схватил переводчика за руку:

— Стойте! Вы же не собираетесь бежать, как трус! Переводите!

Кристофер Фенрой попытался преодолеть страх смерти, но войны находились слишком близко.

— Мы сдаемся! — заорал им Уэйкфилд. — Вы понимаете? Мы сдаемся!

Кристофер перевел и вздохнул с облегчением, когда голос Те Раупарахи заглушил всеобщий шум.

— Довольно! — отдал приказ вождь. — Возьмите этих людей в плен...

Вскоре Кристофер Фенрой вместе с восемнадцатью другими выжившими англичанами снова оказался на деревенской площади, на этот раз со связанными руками. Некоторые из них, в том числе Томпсон, были ранены. Три *пакеха* лежали мертвыми, и маори оттащили их тела на край *мараэ*. Женщины маори оплакивали убитых воинов.

— Потери у нас одинаковые, — пробормотал капитан Уэйкфилд. — Это хорошо, облегчает переговоры...

— И еще женщина, — напомнил Фенрой.

Молодой вождь сидел на том же месте, вне себя от скорби, а с ним и светловолосая девушка. Она пыталась заставить Те Рангихаэату отпустить женщину, наверное, для того, чтобы унести ее и положить на носилки. При этом из глаз ее лились слезы. Она держала убитую за руку, словно надеясь вернуть ее к жизни.

— Это был несчастный случай, — настаивал Уэйкфилд.

Фенрой закусил губу.

К Те Рангихаэате подошел Те Раупараха. Он опустился на колени рядом с женщиной, удостоверился в том, что она мертва, и тоже затянул погребальную песнь, обращенную к богам.

— Что это такое? — нахмурившись, поинтересовался у переводчика Уэйкфилд.

— Он скорбит о своей дочери, — вздохнул Фенрой. — То есть эта женщина — его родственница. Не обязательно дочь, быть может, нам повезет и окажется, что она — всего лишь племянница...

— Это обойдется дорого, — простонал Уэйкфилд.

Потерев запястья друг о друга, Кристофер попытался немного ослабить веревки. Это ненадолго отвлекло его от опасений, которые, однако, тут же подтвердились.

Закончив погребальную песнь, Те Раупараха обернулся к пленникам. Он что-то сказал Те Рангихаэате и Кэт, которая стала подниматься на ноги. Наверное, вождь попросил ее перевести его слова. Но тут Те Рангихаэата вскочил и закричал на вождя:

— Нельзя вести с ними переговоры! Ты не можешь пощадить их! Они убили твою дочь!

Крис перевел капитану его слова, которые маори встретили одобрительными возгласами. Воины вонзили копья в землю.

Те Раупараха надул губы. Затем он отдал какие-то распоряжения, позвал к себе некоторых мужчин и женщин и направился к одному из домов. Те, кого он выбрал — старейшие члены племени, — последовали за ним, вскоре к ним присоединился и Те Рангихаэата, который наконец неохотно оставил тело жены. Светловолосая девушка накрыла его одеялом. А затем подошла к пленникам.

— Мне так жаль! — произнес на языке маори Крис.

Капитан Уэйкфилд тут же вмешался:

— Вождь должен поверить нам, никто не хотел этого...

— Вождь никому ничего не должен, — резко возразила девушка. — Сейчас он проведет совещание со старейшинами племени. Они решат, что с вами делать дальше.

— Но он должен привлечь к переговорам меня! — возмутился Уэйкфилд. — Тогда мы могли бы сразу же...

Крису хотелось только одного: ударить этого человека, пусть он его начальник, заслуженный солдат, уполномоченный Новозеландской компании и основатель города. Для него капитан был только глупым и бессердечным идиотом.

— Боже мой, да прекратите же вы наконец! — набросился на него Крис. — Неужели вы не понимаете? Речь идет не о пятидесяти или сотне фунтов выкупа, речь идет о наших головах! Те Рангихаэата хочет, чтобы нас всех убили!

— Кем она была? — негромко спросил он у Кэт, когда испуганный Уэйкфилд наконец замолчал. — Она много значила для тебя, да?

— Моя приемная мать. — Голос девушки дрогнул. — Те Ронга. Дочь Те Раупарахи и жена Те Рангихаэаты. Она была всем нам матерью, всем нам дочерью... она говорила с духами...

Крис застонал.

— Прошу, поверь, мне искренне жаль, и я соболезнаю твоей утрате, — произнес он. — Это не должно было случиться.

Кэт кивнула.

— Ты не виноват, — сказала она. — И думаю, что никто из них не стрелял. — Она махнула рукой в сторону пленных англичан. — У землемера даже оружия не было. Многих из них я вообще не видела, то есть они сидели так далеко позади, что им пришлось бы целиться сквозь ряды своих товарищей, да и стрелять тоже. Но согласятся ли с этим старейшины?..

— Когда они примут решение? — спросил Крис.

Кэт пожала плечами:

— Ночью, не раньше. Сейчас они разговаривают... Тебе остается только ждать...

Крис откинулся назад. Запястья болели, ему неудобно было сидеть на твердой земле, и он с ужасом ждал приговора вождей, но все равно не мог отвести взгляда от девушки. Глаза у нее были насыщенного карего цвета, иногда в них мелькали янтарные искорки.

— Ты хорошо потрудились, — осмелился произнести он. — Я про перевод. Мы... у нас все могло получиться.

Кэт с грустью кивнула:

— Все пошло не так. Те Ронга сказала бы, что мы разозлили богов, сократив *повири*. Но ваши люди... они не дождались даже *каранга*...

Каранга — клич женщины, обладавшей самым высоким рангом в

принимающем племени, — завершал церемонию приветствия и создавал узы между богами и обоими племенами.

— Те Ронга крикнула бы? — спросил Крис.

— Да, она сделала бы это, — ответила Кэт. — Она всегда хотела лишь мира.

С этими словами девушка поднялась и, прежде чем Уэйкфилд успел ей что-то сказать, без всякого снисхождения взглянула на капитана.

— Вам сообщат о решении на рассвете, а до тех пор можете молиться...

В конце концов Кристофер провел адскую ночь в огороженной части площади, связанный и замерзший. Земля была там не настолько твердой, как в центре площади для собраний, ее недавно перекапывали, и его донимала сырость. Возможно, она предназначалась для сада или огорода. Кристоферу было страшно, он все думал о том, не собираются ли маори утром удобрить ее кровью.

Пленников поместили в этот загон, поскольку их там было легче охранять, а кроме того, они не мешали проводить поминальные обряды, к которым готовились на площади. Деревенские женщины всю ночь пели скорбные песни и заклинали духов. Даже пленники, ничего не знавшие о том, в какой опасности находится их жизнь, — Уэйкфилд и Фенрой решили никому не говорить, о чем именно совещаются маори, — не сумели сомкнуть глаз.

Кэт чувствовала себя не лучше. Она должна была помогать обмывать Те Ронгу, но не могла отойти от дома собраний, в котором заседали старейшины. Тоскуя, девушка сидела на земле, закутавшись в одеяло и снова чувствуя себя такой же покинутой и никому не нужной, как после смерти миссис Хемплмен. Однако теперь Кэт испытывала и тревогу: она боялась, что утром придется не только участвовать в погребении, но и, возможно, присутствовать при казни девятнадцати человек. Кэт ничего не сказала Крису, оставив ему надежду, но она хорошо знала Те Рангихаэату: если уж молодой вождь что-то вбил себе в голову, то отговорить его от этого могла лишь Те Ронга. Поэтому, если у *накеха* и был хоть какой-то призрачный шанс на спасение, то дать его им мог только Те Раупараха. Последнее слово при принятии решения всегда оставалось за вождем племени. И он тоже наверняка видел, что пленники невиновны. Или нет? Конечно же, он был занят ссорой с Томпсоном...

Кэт долго ломала голову, но в итоге пришла к неутешительным выводам. Если совет старейшин потребует головы капитана Уэйкфилда и его людей, то Те Раупараха возражать не станет.

Решение было принято, когда девушка как раз провалилась в беспокойный сон. Как только старейшины и вожди вышли из дома собраний, она вскочила и подобралась ближе ко входу, чтобы, если повезет, уловить хотя бы несколько слов.

Те Рангихаэата шел рядом с Те Раупарахой.

— Ты принял правильное решение! — спокойно произнес он. — Те Ронга стоила больше, чем все сокровища в мире. Мы не можем купить ее жизнь.

Арики вздохнул.

— Но наше решение может привести к войне, — напомнил он. — Нам придется положиться на рассудительность совета старейшин... или на рассудительность их губернатора...

Те Рангихаэата фыркнул.

— Аотеароа принадлежит нам! — заявил он. — Мы запросто порубим их на куски! И завтра мы это докажем.

Кэт упала духом. Значит, приговор вынесен. Впервые за долгое время перед ее внутренним взором появился образ залитого кровью пляжа в заливе Пераки. Еще живые киты, которых рубили и резали на части... и рядом с окровавленными животными она видела Криса Фенроя. Его кудрявые каштановые волосы, которые были длиннее, чем у большинства *пакеха*, — их можно было завязать в пучок, как поступали воины маори... Его веселые зелено-карие глаза, в которых, когда он смотрел на Кэт, появлялось выражение, какого она прежде никогда не видела. Не похоть, но и не отсутствие интереса, а скорее некая теплота... Его приветливое, еще совсем юное лицо, загар, который скоро сменится смертельной бледностью... Его спокойные манеры, его ум... Как редко бывает, чтобы *пакеха* говорил на языке маори! Крис Фенрой был *тохунга*. По вере Те Ронги боги наделили его особым даром. Он должен находиться под их защитой. Те Ронга не допустила бы, чтобы его убили...

Кэт даже не заметила, как покинула свой наблюдательный пост. Она поняла, что тихо бредет в тени деревьев к загону, в котором держали пленников. Может быть, он спит... Она не станет будить его... Она... Девушка осторожно обошла часовых, которые, впрочем, больше интересовались скорбным пением на деревенской площади, нежели пленниками. Там все еще читали молитвы и пели, хоть уже сдержаннее, чем прежде. Почти все пленники забылись тяжелым сном. Кэт решила предоставить решение богам — или духу Те Ронги, в которого она верила больше всего: если Фенрой спит, она просто уйдет. Но если нет... Она бесшумно приблизилась к загону.

— Потти?

Негромкий голос прервал ее размышления. Крис Фенрой стоял в самом ближнем углу загона, держась за забор. Судя по всему, он пытался перерезать путы.

— Кристофер Фенрой. — Она произнесла его полное имя очень серьезным тоном, словно судья, читающий приговор.

— Они приняли решение, верно? — спросил Крис. — Они... убьют нас.

Кэт кивнула.

— Они убьют Уэйкфилда и Томпсона, — сказала она. — Но тебя — нет... ты — *тохунга*, ты не должен...

Крис резко выдохнул.

— Серьезно? — Он едва ли не веселился. — Лично я слышал о твоём народе несколько иное — если это твой народ. Когда-нибудь, когда мы снова встретимся на небе или на Гавайки, ты расскажешь мне, как тебя сюда занесло. Насколько я знаю, в прежние времена *тохунга* не только убивали, но еще и съедали, чтобы получить частичку их таланта...

— Нет!

В голосе Кэт прозвучала мука. Она и раньше не желала слушать подобные рассказы, которые никак не соответствовали той всеобъемлющей любви к мирозданию, которую исповедовала Те Ронга. И в этот миг она окончательно приняла решение. Бесшумная и невидимая, словно тень, она подошла ближе к пленнику, вытащила из-за пояса нож и перерезала путы Кристофера.

Молодой человек с удивлением уставился на нее.

— Ты отпускаешь нас? — недоверчиво спросил он. — Дай мне нож, я освобожу остальных...

Когда она не сделала этого, он поднял с земли камень, проверил, острый ли он, и обернулся к спящему Уэйкфилду.

Кэт покачала головой.

— Нет! — решительно произнесла она. — Я отпускаю не вас, а только тебя! Ты один сумеешь скрыться. Если тыпустишь всех, стража поднимет тревогу еще до того, как из загона выйдут первые пленники. Ваш корабль давно ушел. Если вы попытаетесь вернуться домой пешком, вас снова поймают или застрелят при попытке к бегству.

Кристофер закусил губу. Она была права. Даже если они сумеют незаметно освободиться — а это было маловероятно, потому что маори, сторожившие их, хоть и отвлекались, но все же не спали, — у девятнадцати растерянных, совершенно не привыкших к жизни в лесах мужчин,

шатающихся по округе, не будет ни малейшего шанса добраться до Нельсона. А если он уйдет один, то до утра его бегства никто не заметит. Может быть, даже и позже, он ведь не помнил, пересчитывали ли пленников. Кроме того, он знал эту землю, знал, как дойти до Нельсона. Не исключено, что он сможет привести подмогу. Никто ведь не говорил, что казнь состоится сразу на следующее утро...

Крис подавил в себе чувство вины. Он слишком хотел жить! Молодой человек ловко проскользнул под забором и внезапно схватил Кэт за руки:

— Спасибо! Большое спасибо, Потти. И еще раз: мне ужасно жаль...

— Уходи! — сказала Кэт, указывая на границу *мараэ*, за которой сразу же начинался лес. — Иди вдоль забора, за кухней есть еще одни ворота. Дорога ведет к ручью, а тот — к реке...

Девушка развернулась и пошла прочь, когда Крис слился с тенью. Но затем, когда она снова прокралась от загона к площади для собраний, чтобы незаметно смешаться с причитавшими там женщинами, она услышала голос Те Рангихаэаты:

— Откуда ты идешь, дочь моя?

Кэт вздрогнула. Она предполагала, что вождь стоит у носилок своей жены, но, судя по всему, ему хотелось побыть одному. От дома собраний он прекрасно видел всю деревенскую площадь — наверное, и загон с пленниками тоже.

— Я... я просто бродила... — пробормотала она. — Мое сердце исполнено печали...

— Но не жаль ли тебе *пакеха*? — Голос вождя вдруг зазвучал настороженно. — Они умрут, и ты знаешь это, не так ли?

— Да? Так решили? — Кэт притворилась удивленной, но лгать она не умела. — Что ж, они... они заслужили это. Этот Уэйкфилд плохой командир, а уж офицер... Они...

— Стало быть, ты не считаешь себя *пакеха*, Кэт? — спросил вождь.

Кэт вздрогнула. Ее никогда не называли этим именем, которое она взяла себе после прибытия в деревню маори. Те Ронга всегда звала ее только Потти.

— Я чувствую себя как дочь Те Ронги! — твердым голосом заявила она, и это была правда. — Это значит, что я чувствую себя как человек. *Тангата*, понимаешь?

Она произнесла это слово с кратким «а» после первой «т». Так называли всех людей в мире. Слово с долгим «а» относилось только к членам племени.

Вождь внимательно смотрел на нее.

— Что ж, по крайней мере, ты выучила наш язык, — произнес он, а затем махнул рукой в сторону пленников за оградой. — Завтра ты объявишь им приговор. Докажи нам, что ты *tāngata*, часть *ngati toa*.

Кристофер оставил деревню позади, но далеко не ушел и при этом не мог объяснить самому себе причину задержки. Он ведь должен хотеть лишь одного: как можно скорее спасти свою шкуру, быть может, даже привести помощь для остальных. Особенно его беспокоило последнее. Если он сейчас бросится в Нельсон и расскажет о приговоре, брат капитана Уэйкфилда немедленно отправит людей освобождать пленников. Возможно, это снова будет разношерстная компания, которую маори одолеют играючи. Появятся новые жертвы, и эти стычки в конечном итоге окончательно перерастут в войну. И в конце концов вести ее будут настоящие солдаты из оклендского гарнизона. Против них у деревни Те Раупарахи нет никаких шансов. А Кэт... Крис вспомнил рассказы о побоищах и резне, случавшихся в самых разных колониях. Если дело примет скверный оборот, ни поселенцы, ни туземцы не остановятся перед убийством женщин и детей.

Нет, прежде чем эта лавина сойдет с гор, он должен разобраться в ситуации. Если маори отложат казнь, он отправится в Нельсон и все там расскажет. В конце концов, собственный народ ему ближе, чем чужая девушка. Но если англичан убьют прежде, чем он успеет добраться до поселения, то спешить ни к чему. Он посоветуется с Таккеттом, тот попытается утихомирить переселенцев из Нельсона и в итоге начнет новые переговоры с губернатором Окленда.

Крис спрятался неподалеку от деревни — это оказалось несложно, в детстве он много времени провел с детьми маори и научился маскироваться, а также находить съедобные ягоды и корни. Он провел остаток ночи у реки, немного подкрепившись за это время. Чтобы отвлечься, он думал о ферме в Кентербери, на которую так надеялся. И когда он наконец уснул, у дочери Джона Николаса Бейта, которая должна была помочь ему в достижении цели, были черты лица светловолосой маори.

Глава 5

Кэт могла бы сказать Крису, что такой человек, как Те Раупараха, не меняет своих решений и редко откладывает их осуществление. Вождь племени не собирался передавать Те Рангихаэате право привести приговор в исполнение, не собирался он и заставлять юную *тохунга* зачитывать его преступникам. Вместо этого он рано утром явился к пленникам, кутаясь в роскошный плащ вождя, сотканный из перьев киви, со всеми своими

регалиями. Не вдаваясь в подробности, он собрал воинов маори и с таким эскортом отвел протестующего Уэйкфилда и его людей на поляну у реки, расположенную немного в стороне от причала и деревни.

За ним последовали женщины и дети, в том числе и Кэт, которая боялась, что ее вот-вот попросят переводить слова вождей. Что ж, *арики* хотя бы не отправил ее одну к этим мужчинам...

Расставив своих воинов вокруг растерянных англичан, которые не знали, то ли им отчаиваться, то ли надеяться на что-то, Те Раупараха подошел к Уэйкфилду и Томпсону. К этому моменту офицер снова пришел в себя. Он едва держался на ногах с перекошенным от боли лицом, опираясь на одного из своих спутников, его форма на плече пропиталась кровью.

— Ему нужен врач! — заявил капитан Уэйкфилд. — Вы можете доказать свою добрую волю, отпустив его первым.

Но вождь не обратил на него внимания.

— Где человек, который говорит на нашем языке? — спросил он, разглядывая пленников.

Сердце Кэт забилося чаще. Этого она не ожидала. Воины, охранявшие загон, судя по всему, тоже — но один из них вышел вперед и пристыженно склонил голову.

— Один сбежал, *арики*, — признался он. — Должно быть, у него был нож. Мы нашли перерезанную веревку...

— Что он сделал?

Те Раупараха нахмурился, но не потерял присутствия духа. В конце концов, в этом нет ничего неожиданного. Настоящий мужчина всегда будет пытаться спастись. Вождь сам неоднократно убегал от своих врагов.

— Разве вы не обыскали пленников и не отняли у них оружие?

Часовой опять виновато понурился.

— Должно быть, мы не заметили нож, — ответил он, но, судя по его голосу, он в это до конца не верил.

Стальные ножи ценились среди маори, каждому воину хотелось заполучить себе такой. Поэтому, когда Уэйкфилда и его людей взяли в плен, их неоднократно обыскали, оба стража проверили все, прежде чем запереть мужчин в загоне.

— Он не бежал, его освободили! — Те Рангихаэата, стоявший за спиной вождя, вышел вперед. — Я обвиняю Потти, живущую среди нас *пакеха*. Вчера я видел, как она шла от загона, и, когда я заговорил с ней, она испугалась. Кроме того, она вела странные речи... Я уверен, что это сделала она...

Те Раупараха попытался отыскать ее взглядом поверх голов своих воинов, но он был невысокого роста и не видел Кэт в толпе женщин и детей. Казалось, на миг он задумался, не вызвать ли ее сюда, но затем отказался от этой идеи.

— Об этом мы поговорим позже, — только и сказал он.

Затем он подошел к капитану Уэйкфилду и поднял топор из зеленого камня с украшенной резьбой рукоятью — одну из регалий вождя, одно из сокровищ племени. Он коснулся топором предводителя *пакеха* и пронзительно вскрикнул. После этого его воинов уже нельзя было удержать. Пятьдесят воинов маори, вооруженных копьями, дубинками и ножами, с криками набросились на пленников. Эта резня, на которую Крис с ужасом взирал из зарослей папоротника на краю поляны, продолжалась всего несколько минут. Мужчины умерли очень быстро, но воинам этого показалось недостаточно, они вымещали на безжизненных телах всю накопившуюся ярость.

— Рубите их на куски! — подбадривал маори Те Рангихаэата. Он пустился в пляс на окровавленной поляне, опьяненный ненавистью.

Наконец Те Раупараха положил конец происходящему.

— Достаточно! — крикнул он. — Не стоит уродовать их до неузнаваемости, иначе нас обвинят в том, что мы ели их плоть. А они этого поистине недостойны. — Он плюнул на труп Томпсона.

— Хаинга...

На зов вождя вперед вышла одна из старейшин племени. Она молча подняла голову Уэйкфилда, отделенную от тела ударом одного из воинов, и положила под нее кусок хлеба.

Кэт знала значение этого жеста: настоящий вождь не должен соприкоснуться ни с чем тривиальным, повседневным. Укладывая голову Уэйкфилда на кусок хлеба, женщина выражала свое презрение к нему. Этот человек называл себя капитаном, но не справился с ролью командира и облеченного властью человека.

— Теперь мужчины могут очиститься, — Те Раупараха показал на реку. — Ты тоже, Те Рангихаэата. После этого мы соберемся на деревенской площади. Потти... — Девушка опустила голову — для вождя это уже было признанием вины. — Ты будешь отвечать перед племенем.

Те Рангихаэата повторил свои обвинения сразу после того, как Те Раупараха велел Кэт встать в центре деревенской площади.

Вождь прервал его излияния и обратился непосредственно к девушке:

— Ты освободила *тохунга* из *пакеха*?

Кэт решила, что не позволит запугать себя. Она подняла голову и

посмотрела Те Раупарахе прямо в глаза.

— Да, *арики*. Но я поступила так не потому, что я... это не имеет никакого отношения к цвету моей кожи или к тому, что мои предки прибыли на Аотеароа на другом каноэ, нежели *нгати тоа*. Дело в том, что я слышала голос своей матери. Меня вел дух Те Ронги.

Некоторые из собравшихся здесь членов племени удивленно вскрикнули, но остальные только рассмеялись.

— Ты ведь не веришь в наших духов!

Это обвинение прозвучало резко и неожиданно. Кэт перевела изумленный взгляд на ту, кто его произнес. Прежде она считала Хаки подругой.

— Я видела, как она собирала цветы *ронгоа*, не обратившись к духам растения с положенной речью.

— И она ела рядом с Те Вайроропу, хотя это *тану*... — подала голос другая девушка.

— Я... я не знала, что это *тану*, — ответила Кэт. — Я...

— Ты очень многого не знаешь! — с ненавистью в голосе выкрикнула женщина постарше. — Ты называешь себя дочерью *нгати тоа*, но ты не наша.

Кэт, не веря своим глазам, смотрела на жителей деревни. Еще вчера она считала их своей семьей, все женщины были ее матерями, а девушки — сестрами и подругами. Теперь она читала на лицах только презрение и ненависть.

— Те Ронга называла меня дочерью! — в отчаянии выкрикнула Кэт. — Она приняла меня...

— И что она за это получила? — спросила одна из старейшин, словно это Кэт выстрелила в Те Ронгу из ружья. — Те Ронга мертва, а ты приняла сторону ее убийц!

— Но ведь это не так! — Кэт не понимала, что происходит. У нее, и без того ошеломленной последними событиями, окончательно выбили почву из-под ног. — Я просто... просто поступила так, как поступила бы она... Те Ронга не стала бы убивать *накеха тохунга*...

— Те Ронга была одной из нас и поступила бы так, как решил совет!

Снова прозвучал голос старейшины, и Кэт с ужасом увидела, что вокруг нее сжимается кольцо разъяренных жителей деревни. Впрочем, не все они выглядели враждебно, многие не испытывали ничего, кроме безразличия. Но сочувствие она заметила лишь в глазах Те Пуахи, который держал руку на висевшей на поясе дубинке. Может быть, он приготовился защищать ее? Как бы там ни было, его поддержка позволила ей заговорить

снова:

— Совет никогда не принял бы такого решения, если бы Те Ронга участвовала в нем!

— Может быть, это ты повлияла бы на нее? Дочь *пакеха*!

Эти слова выплюнула в лицо Кэт мать Хаки, и девушка внезапно увидела всю ненависть и презрение, которые, судя по всему, с самого начала таились под приветливой маской, которую носили члены племени. Если бы не Кэт, возможно, Хаки стала бы ученицей Те Ронги и последовала бы путем *тохунга*. Может быть, она объясняла бы Омаке и Мапуте, как собирать кору *ковайи* и от каких болезней помогают цветки *коромико*[41].

— Эта *пакеха* заколдовала мою жену! — возмущался Те Рангихаэата. — У Те Ронги не было детей, и я знаю, кто в этом виноват! Пусть отправляется вслед за остальными *пакеха*, мы...

— Довольно!

Те Раупараха угрожающим жестом поднял свою булаву вождя, чтобы заставить всех замолчать. А затем вышел вперед и встал между Кэт и своим зятем.

— Я не позволю, чтобы дух Те Ронги оскорбляли, когда мы не успели даже похоронить ее! Моя дочь была *тохунга*, мудрой женщиной, она говорила с духами. Как девочка *пакеха* могла заколдовать ее? Кто знает, возможно, сейчас она обращается к нам устами своей названной дочери...

Кэт в недоумении смотрела на него. Неужели он действительно поможет ей? Поможет вернуть положение в племени? Однако девушка понимала, что это невозможно. Злые слова женщин, ее «матерей» и «сестер», разрушили все.

— Те Ронга не делала различий между маори и *пакеха*, — все же сказала она. — Разве вы не помните песню, которой она научила нас? *Хе ага те меа нуи о те ао? Хе тангата! Хе тангата!* Люди — самое важное в мире, они...

Вождь кивнул, соглашаясь:

— Да, девочка, мы помним ее. А когда это закончится, племя вспомнит и о том, какой была Те Ронга...

Когда это закончится? Что закончится? Суд над ней? Или ее жизнь среди *нгати тоа*? Неужели вождь все же хочет казнить ее?

Те Раупараха стал обходить ее по кругу, и люди расступались, освобождая пространство. В соответствии с *тану* тень вождя не должна была падать на его подданных.

— Ты не можешь остаться, Кэт! — сказал он, и, услышав свое английское имя, девушка почувствовала, как душа ее цепенеет. — Вчера ты

доказала, кому принадлежишь, то ли по собственной инициативе, то ли по слову духа моей дочери, — это уже не важно. Но ты вернешься к своему народу. Можешь расценивать это как наказание или как поручение. Уходи, изгоняемая ненавистью Те Рангихаэаты или же ведомая любовью духа Те Ронги. Никто не станет преследовать тебя, никто не причинит тебе вреда, но пути назад для тебя больше нет. *Хаэре ра*, Потти!

Вождь коротко кивнул: так он прощался только с *тохунга*. Затем он поднял руку, и круг *нгати тоа* разомкнулся перед Кэт.

Девушке пришлось собрать все свое мужество, но ушла она с гордо поднятой головой. Она шагала по деревенской площади очень медленно — к воротам, ведущим к реке. Она не станет убегать через боковую калитку, словно вор... И только покинув *мараэ*, она потянулась в поисках поддержки к *хей-тики* —подвеске из нефрита *поунаму*, которую подарила ей Те Ронга. Единственная вещь, которую она взяла с собой, и единственная память о Те Ронге. Что ж, это больше, чем у нее осталось на память о Линде Хемплмен. Оказавшись у реки, Кэт опустилась на колени и смыла слезы с лица. Что теперь делать? Придется идти вдоль реки в Нельсон. А что потом?

— Потти?

Кэт испугалась, услышав голос Кристофера.

— Крис? Что ты здесь делаешь? Ты уже должен быть на пути в Нельсон!

Она испытывала страх и тревогу, но в то же время и облегчение. Судя по всему, ей не придется добираться до Нельсона в одиночестве.

Крис вышел из тени папоротника.

— Я не мог... Я обязан был увидеть, что они сделают с Уэйкфилдом. А потом с тобой. Не мог же я допустить, чтобы они тебя...

Кэт горько рассмеялась:

— И как бы ты им помешал? И каким образом наблюдал за нами? *Мараэ* охраняется...

Подумав, что он вновь пробрался на территорию деревни, Кэт содрогнулась от ужаса, но тем не менее ей это было приятно.

— Я залез на дерево, на *кахикатеа*[42] — его ветви склоняются над оградой. Потти, мне так жаль! Они изгнали тебя из племени, да? — Крис смотрел на нее с сочувствием. — Я не слышал, что они говорили, но...

— Они не могут изгнать того, кто никогда не был их частью, — с горечью в голосе ответила девушка. — И они только что продемонстрировали мне, что это так. Я жила, окруженная ложью... целых шесть лет. — Она сорвала головной обруч, и по ее плечам рассыпались

золотые пряди волос. — Но пойдем же, мне даже думать страшно, что будет, если они найдут тебя здесь.

Кэт убрала волосы и направилась к узкой, едва заметной в прибрежном кустарнике тропе, ведущей через лес. Крис последовал за ней.

Некоторое время они шли молча, а затем, когда деревня осталась далеко позади, молодой человек поинтересовался:

— Так ты действительно *пакеха*?

Кэт вела Криса вдоль реки, но на большом расстоянии от нее, по тайным тропам, которые не просматривались ни с воды, ни с берега, да и разведчики *нгати тоа* вряд ли наткнулись бы на них. Девушка хорошо ориентировалась здесь, она много раз бродила по этим тропкам с Те Ронгой. Временами она касалась дерева или куста, словно в поисках утешения.

На вопрос Криса Кэт ответила не сразу. И только через некоторое время он услышал ее усталый голос:

— Я вообще никто...

Крис остановил ее, повернул к себе, положил ей руки на плечи.

— Это неправда. Ты очень красивая — и ты *тохунга*, ты умна. Ты была дочерью Те Ронги. Ты спасла мне жизнь. А теперь скажи мне, как тебя зовут на самом деле!

— У меня нет имени, — срывающимся голосом произнесла она.

— Но ведь ты жила среди *пакеха*! — удивился Крис. — Ты бегло говоришь по-английски. Как-то же должны были тебя назвать. И лучше мне представить тебя в Нельсоне английским именем. Об именах маори сейчас лучше забыть. Так как же мне называть тебя, *пакеха тохунга*?

Он ободряюще улыбнулся девушке и поймал себя на том, что очень хочет подобрать ей имя сам. Это должно быть такое имя, как у цветка, нежного и хрупкого, но хранящего семя жизни. Может быть, Рата — по названию растений с алыми цветами, которые тоже толком не знают, чем они являются, и порой питаются за счет других растений. На скудной земле они росли как кусты, способные сопротивляться любой буре, иногда — даже как сильные, мощные и красивые деревья. Настолько прочные, что их называли железными.

Девушка наконец заставила себя ответить.

— Кэт, — печально произнесла она. — Называй меня просто Кэт.

Глава 6

Павшие духом новобранцы из отряда Уэйкфилда добрались до Нельсона поздней ночью. Пока «Виктория» плыла по реке, они молчали, каждый предавался собственным мыслям, снова переживал ужасы бегства

и благодарил Господа за то, что сумел уйти.

Карл остался рядом с Таккеттом. Он попросил у команды одеяла, и матрос, делавший землемеру перевязку, помог ему устроить для раненого более-менее удобное ложе. Тем не менее Таккетт не мог успокоиться. Его тревожили произошедшие события, он с нетерпением ждал прибытия в Нельсон, чтобы предпринять какие-то шаги для спасения пленников.

— Вы болен! — напоминал ему Карл. — Вам нога стрелять. Не мочь совсем ничего. И кто губернатор? Теперь, когда Уэйкфилд плен?

Таккетт покачал головой:

— Капитан Уэйкфилд — не губернатор, молодой человек. Вы не знали? В Нельсоне он занимал должность представителя Новозеландской компании, и сейчас его обязанности выполняет его брат, полковник. Они оба слишком темпераментные и вспыльчивые... Нет, нет, губернатор живет в Окленде, на Северном острове. И я постараюсь как можно скорее отправиться туда.

Карл нахмурился.

— Вы ранен! — повторил он. — Где Северный остров? Далеко?

Таккетт улыбнулся:

— Вы же еще совсем не ориентируетесь здесь. Только приехали, да? Откуда вы? Но сначала я расскажу вам кое-что. Новая Зеландия состоит из двух главных островов, разделенных проливом Кука — это такой морской канал. Мы находимся на Южном острове, но пока что гуще заселен Северный. Кстати, там тоже есть маори, множество различных племен. А Окленд — это настоящий город, намного больше Нельсона. Пролив Кука в самом узком месте имеет добрых тринадцать миль. Путешествие через него занимает немного времени, но никогда не проходит гладко, поскольку в тех местах очень часто случаются шторма.

Карл кивнул. Он пытался запомнить как можно больше новых сведений. А он даже не знал, что Новая Зеландия состоит из двух островов! Но потом он вспомнил, что о Северном острове говорил и Фенрой.

— Климат на Северном острове более мягкий, — рассказывал землемер, — по крайней мере, там теплее, а на северной оконечности и вовсе субтропики. Вы знаете, что здесь все наоборот? Чем ближе к северу, тем теплее, чем ближе к югу, тем холоднее, совсем не так, как в Европе... Хотя, конечно же, я все еще не знаю, откуда вы родом. Кстати, как вас зовут?

Карл представился, рассказал о «Санкт-Паули» и о своем положении *free immigrant*.

— Сейчас я искать себе *job*, — рассказал он. — И учить английский.

Таккетт улыбнулся ему.

— Для человека, который четыре дня назад стал гражданином Британии, вы говорите по-английски превосходно. Что же до места — не хотите ли работать на меня? Начнете помощником, но, как я погляжу, вы умный человек. Так что, если вас интересует работа землемера...

Карл с удивлением посмотрел на мужчину, не веря своему счастью.

— Земля меня очень интересовать! — ответил он.

Таккетт рассмеялся.

— Идеальные условия, — похвалил он. — Лучше, если вы сразу же отправитесь со мной в Окленд. Будете меня поддерживать в прямом смысле слова. Вы же сами видите, сейчас я нахожусь в несколько затруднительном положении.

Карл помог Таккетту сойти на берег, а затем добраться до здания магистрата, возле которого одна предприимчивая вдова моряка сдавала комнаты. Землемеры обосновались у нее, и, поскольку та комната, которую делили между собой Коттерелл и Фенрой, сейчас пустовала, Таккетт сразу же предложил Карлу крышу над головой. Миссис Робинс, вдова, спала чутко, она появилась, когда Таккетт искал свои ключи, и даже приготовила мужчинам поесть.

На следующее утро она настояла на том, чтобы осмотреть рану постояльца, и энергично запротестовала, когда тот отказался соблюдать постельный режим.

— Если она воспалится, вы можете умереть! — напомнила ему женщина, ловко меняя повязку.

Таккетт пожал плечами и подавил стон.

— Миссис Робинс, если я ничего не стану предпринимать, в Вайрау погибнут люди. И капитан Уэйкфилд, и поселенцы, которые, ни о чем не подозревая, записались в экспедицию к маори. Я должен позаботиться об этом... Так что, Йенш, сходите в порт, посмотрите, нет ли там судна, которое сегодня же отправляется в Веллингтон, а оттуда будем добираться

сушей.

Получив первое поручение от своего нового работодателя, взволнованный Карл тут же бросился на пирс и вскоре вернулся, чтобы сообщить Таккетту: там действительно стоит на якоре готовое к отплытию китобойное судно.

— Они брать нас к губернатор, — с довольным видом доложил он.

Таккетт кивнул:

— Хорошо. Теперь я должен немедленно переговорить с молодым Уэйкфилдом — нужно помешать ему отправить в Вайрау еще один необученный отряд. Мне снова придется опираться на вас, Йенш, а потом купите мне палку. Нет, лучше пару костылей, тогда ваша помощь мне не понадобится. Придумайте, где их достать!

Не без задней мысли Карл сначала отправился в магазин Партриджей, но никого из семейства Ланге не застал. А ему так хотелось рассказать Иде о своей новой работе! Пусть она больше не хочет тайно встречаться с ним — если бы он столкнулся с ней случайно, она наверняка выслушала бы его. Тогда он смог бы попрощаться с ней...

К сожалению, костылей у Партриджей не оказалось.

— Может быть, в аптеке? — предположил мистер Партридж, но Карл только рукой махнул — и вместо костылей купил нож для резьбы.

Час спустя он удивил Таккетта, показав ему костыли, которые вырезал из разветвленных палок, найденных в зарослях на краю поселка. Зажав их под мышками, землемер мог опираться на них и таким образом полностью разгрузить ногу при ходьбе.

— Прочный? — с тревогой спросил Карл. — Взял дерево, немного похоже на дерево как в Германия. Как...

— Наверное, как бук, — помог ему Таккетт, на которого, судя по всему, произвела огромное впечатление смекалка Карла. — Мы называем их южными буками, они здесь часто встречаются. На Северном острове гораздо реже...

Пока они шли в порт, чтобы сесть на китобойное судно, землемер рассказывал Карлу о растениях его новой родины, а во время путешествия рисовал для него деревья и кусты, о которых шла речь. Получив образование инженера-строителя, он рисовал неплохо, а кроме того, был прирожденным учителем. Ему нравилось делиться с молодым переселенцем своими знаниями о Северном и Южном островах Новой Зеландии. Он говорил медленно, неторопливо описывал новые понятия или сразу находил их в уже совсем потрепанном словарице Карла.

Карл надеялся, что сумеет купить в Веллингтоне или Окленде новый

и, возможно, более полный словарь. А пока что он радовался возможности пополнить свой лексикон таким образом. Несмотря на то что во время путешествия очень сильно штормило — почти все пассажиры судна стояли на палубе, перегнувшись через поручни с зелеными лицами, — несмотря на тревогу за своего нового друга Фенроя и других оставшихся во власти маори людей, он прекрасно проводил время.

А вот Кристофер и Кэт совсем не получали удовольствия от своей вынужденной долгой прогулки. Несмотря на то что они оба хорошо ориентировались в лесах Южного острова, продвигались вперед довольно быстро и не страдали от голода и жажды, они не были готовы к многочасовому переходу. Через несколько часов после того, как они тронулись в путь, пошел дождь, и молодые люди сразу же промокли и замерзли, особенно Кэт. На ночлег они устраивались в зарослях, не осмеливаясь разжечь костер. Из-за этого питались они скудно. Даже если бы они умели ловить рыбу без вентерей или убили бы птицу ножиком Кэт, есть сырое мясо они бы не стали. Поэтому им пришлось ограничиться кореньями, которые выкапывала Кэт, и ягодами, которые они собирали по дороге. К счастью, оба привыкли к долгим пешим переходам и умели ориентироваться, днем — по солнцу, а ночью — по звездам. Лишь изредка молодые люди отдыхали, продвигаясь к своей цели быстро и молча. Те Ронга тоже могла часами предаваться размышлениям, и Кэт научилась сосредотачиваться на себе или окружающей их природе. Она стремилась к тому, чтобы слиться с ней.

Крис удивлялся, как естественно, грациозно и почти бесшумно скользит по лесу девушка. Сам он с удовольствием поговорил бы с ней, но ему не хотелось принуждать к этому Кэт — кроме того, лучше было не рисковать. Как и прежде, они могли наткнуться на разведчиков *нгати тоа*, и привлекать к себе излишнее внимание разговорами не стоило.

К исходу третьего дня они добрались до Нельсона. Кэт застыла в испуге, когда в сумерках показались первые дома. Казалось, она не может решить, действительно ли ей стоит идти туда. Наверняка она могла выжить одна и в глуши.

Крис ободряюще улыбнулся девушке.

— Добро пожаловать к *пакеха*, Кэт! — приветливо произнес он. — Ты увидишь, мы не такие уж плохие.

Кэт поморщилась.

— Конечно, люди примут меня с распростертыми объятиями — как только увидят мое платье. — Девушка с расстроенным видом оглядела себя.

Крис потер лоб. И верно, она права. Для него одежда маори выглядела совершенно естественно, он привык к тому, что юбки туземок из полос льна намного короче, чем те, что носят белые женщины, и даже открывают бедра. Сейчас на Кэт был не наряд для танца, а довольно длинная тканая юбка. Но ее кофточка без рукавов и *хей-тики* на шее выглядели весьма непривычно... И самые строгие поселенцы, конечно же, сочтут ее вид неприличным.

— Значит, для начала оденем тебя не так броско, — легко согласился Крис, лихорадочно размышляя, как это устроить.

Затем он вспомнил, что в Нельсоне есть магазин, где продаются самые разные товары: там он покупал провиант перед отправлением «Виктории». Продавалась в нем и одежда, кроме того, он был расположен в неприметном переулке. Если они дождутся темноты, то никто не разглядит наряда Кэт.

— Возьми пока что мою куртку! — предложил он, набросив ее девушке на плечи. — А потом мы купим тебе в городе все необходимое — если люди в магазине предоставят мне кредит. Впрочем, они показались мне довольно симпатичными.

Кэт неуверенно посмотрела на него и в конце концов двинулась следом вдоль реки к поселению. И дело было не только в страхе перед *пакеха*, ее пугал сам вид города. Ведь после бегства из Сиднея в залив Пераки вместе с матерью и Баркером она впервые входила в настоящее поселение белых. Двухэтажные дома словно грозились раздавить ее, улицы между ними казались узкими... А свет повсюду за закрытыми окнами? Девушка полагала, что это горят свечи или стеклянные фонари. У маори ночи освещало только пламя костров...

Кэт чувствовала себя глупо и неловко, одна она ни за что не решилась бы показаться в поселении. Она надеялась лишь на Криса и на то, что он защитит ее, хотя и не признавалась себе в этом. В конце концов, молодой *пакеха* был мужчиной, белым мужчиной, возможно, китобоем или охотником на тюленей. Наверняка он ходит в пабы — и, если бы он был тогда в заливе Пераки, он, наверное, тоже принял бы участие в аукционе за право овладеть невинным котенком Сюзанны. С другой стороны, она плохо представляла себе его в этой роли. Ей хотелось верить, что он не такой.

С наступлением темноты магазин Партриджей, конечно же, закрылся, но хозяева жили прямо над лавкой, и в окнах горел свет. Вряд ли они уже легли спать: после захода солнца прошло совсем немного времени. Когда Кристофер решительно постучал в дверь, Кэт спряталась за его спину.

— Они тебя не слышат, — прошептала она, когда никто не отозвался.

— Они наверху. Нам придется ждать до утра.

Ее голос звучал подавленно. Если им придется ждать открытия магазина, их увидит полгорода, и тут же пойдут сплетни.

— Тогда мы постучим наверху! — твердо заявил Крис. — Сейчас...

Он наклонился, чтобы поднять камешек, который довольно быстро нашел на еще не вымощенной улице, и бросил его в одно из окошек.

— Что ты делаешь, а вдруг разобьешь!

Кэт испуганно попятилась. До сих пор она видела стеклянные окна только у Хемплменов, и они казались ей не слишком прочными.

— Я осторожно! — сказал Крис и бросил еще один камешек. Вот теперь последовала реакция.

— Кто там? — Окно открылось, и в проеме показался мужчина. — Что вы себе позволяете? Что за глупые шутки? Оборванцы!

Крис жестом попытался успокоить его. Он ни слова не понял из того, что кричал ему мужчина. Судя по всему, это был один из немецких переселенцев, которых по какой-то причине разместили здесь.

— Извините, что помешал, но у нас, можно сказать, очень срочное дело. Нам нужно сделать покупки... так что, если вы пригласите кого-нибудь из... — он окинул взглядом фасад и обнаружил на нем имя владельца, — из Партриджей...

— Убирайтесь! Если вы попрошайки, то мы не подаем!

И мужчина уже собрался закрыть окно. Похоже, он тоже не понял, что говорил ему Крис.

— Пожалуйста... нам нужна помощь!

К изумлению Кристофера, заговорила Кэт. Наверное, ей пришлось пересилить себя, чтобы сказать это, но язык для нее, похоже, сложностей не представлял. Девушка хорошо говорила по-немецки.

— Пожалуйста, позовите кого-нибудь из Партриджей.

Якоб Ланге с удивлением уставился на крайне неприлично одетую особу, которая ответила ему на немецком. Он проворчал что-то невразумительное, но вскоре свет загорелся и в комнате девушек. Ида и Элсбет уж как-нибудь объяснятся с хозяевами дома, а он тем временем будет спокойно читать Библию и предаваться размышлениям, занимавшим его с тех пор, как вернулся Оттфрид и рассказал о потерпевшей поражение экспедиции. Судя по всему, в ближайшее время на равнине Вайрау они не поселятся, и при этом община постепенно выходила из-под его контроля, его и Брандманна. Некоторые молодые люди уже покинули свои семьи и отправились попытать счастья на китобойных станциях. Некоторые девушки были согласны связать себя узами брака с молодыми англичанами.

Даже его собственная дочь Элсбет настаивала на том, чтобы ее называли Бетти, и совершенно непринужденно болтала в магазине Партриджей с чужаками! Если дело пойдет так и дальше, то ее придется выдать замуж раньше Иды, выходки которой по крайней мере были предсказуемы.

Ида тоже проявляла нездоровый интерес к неподходящим людям — да еще и осмелилась спросить Оттфрида про Карла Йенша. В ее взгляде сначала была тревога, а затем появилось огромное облегчение, когда девушка услышала, что тот сумел уйти от туземцев. Ее нужно срочно выдать замуж! Но прежде Оттфрид должен получить землю и построить дом. Как бы там ни было, парень старался и знал, чего от него ждут, — он был послушен, хотя это давалось ему нелегко. Сейчас ему можно даже пойти навстречу — он сделал все от него зависящее.

Ланге и Брандманн договорились, что в следующей экспедиции против маори Оттфрид участвовать не будет. Если таковая вообще состоится! Сначала переселенцы в этом не сомневались, когда выжившие рассказали о пленниках и убитых, — судя по всему, строптивые дикари тоже потеряли несколько человек. Но теперь этот миротворец Таккетт отправился в Окленд, чтобы обсудить дальнейшие действия с губернатором. Ланге не сомневался, что землемер сделает все, чтобы обошлось без насилия. Поселенцы слышали, что Таккетт был квакером[43], то есть принадлежал к религиозной общине, которая не приемлет войн, даже справедливой борьбы с язычниками и злыми дикарями.

Ида слышала, как ругается отец, а под окнами кто-то спрашивает Партриджей. В отличие от него, она частично поняла Криса и теперь украдкой спускалась по лестнице за хозяевами дома, которые, поспешно накинув халаты, бросились открывать дверь. Просьба молодых людей заинтриговала их. Сделать покупки? В такое время?

Впрочем, Ида случайно выдала себя, когда миссис Партридж впустила припозднившихся покупателей в магазин. К счастью, хозяйка магазина не рассердилась.

— Ах, Ида, иди к нам! Поможешь подобрать платье для юной леди. Представляешь, мистер Фенрой привел ее из лагеря маори! Дикари похитили ее или что-то в этом духе...

Из всего сказанного Ида поняла только одно: хозяйка дома просит ее подойти к ней. Она заметила, что девушка в неприлично короткой юбке хотела что-то сказать, но темноволосый юноша жестом велел ей молчать.

— ...представляешь, мистер Фенрой сбежал из плена! Сбежал... понимаешь, Ида? — В голосе миссис Партридж звучала такая гордость, словно она лично помогала Крису. — Как вы это сделали, мистер Фенрой?

Вы обязательно должны нам все рассказать, пока мы будем подбирать платье для вашей юной подруги. Вы станете настоящей красавицей, дитя мое, когда снова оденетесь, как все цивилизованные люди! А что с капитаном Уэйкфилдом, мистер Фенрой? И остальными? В плену у дикарей... Но их, конечно же, скоро освободят!

Ида снова поняла только часть из того, что жестами поясняла ей миссис Партридж, но на лице темноволосого незнакомца она прочитала, что радоваться нечему. Так Ида первой из переселенцев с «Санкт-Паули» узнала о резне на равнине Вайрау. Кристофер Фенрой рассказал о том, как казнили пленников, а когда Ида стала с тревогой задавать вопросы, Кэт неохотно передала содержание его речи по-немецки. Она проронила лишь несколько скупых фраз, но этого оказалось достаточно, чтобы напугать Иду. Прежде все говорили о том, как миролюбивы маори, но после такого случая... Разве можно с ними мирно сосуществовать?

Однако по-настоящему ее шокировала реакция отца, когда сразу же после ухода покупателей она постучала в дверь его комнаты и рассказала им с Антоном о случившемся. Якоб Ланге выслушал ее спокойно, не выказав ни ужаса, ни горя. И только после того, как Ида закончила, он снизошел до того, чтобы ответить дочери:

— Конечно же, все это очень страшно, и я соболезную пострадавшим и их семьям, но, может быть, так и должно было случиться. Теперь власти не будут колебаться и пошлют войска. Господь хочет, чтобы этих язычников раз и навсегда прогнали с нашей земли!

Долина бойни

Нельсон, деревня Санкт-Паулидорф

1843—1844

Глава 1

— Мистер Фенрой! Какая неожиданность! Вы вернулись! Неужели дикари отпустили вас? И кого это вы привели?

Крис и не предполагал, что сможет попасть к себе домой, не разбудив чуткую миссис Робинс. Тем не менее молодой человек вздрогнул, услышав ее громкий и низкий голос.

— Какая милая девушка! — продолжала миссис Робинс. — Но вы ведь не собирались тайком пробраться с ней сюда?

В голосе миссис Робинс звучал упрек, но глаза были лукаво прищурены. Судя по всему, она считала Криса Фенроя порядочным

мужчиной.

Хозяйка подошла к Кэт со свечой в руке, внимательно осмотрела ее лицо, платье и волосы — и все это, похоже, ей понравилось. После того как миссис Партридж выразила соболезнования по поводу смерти мистера Коттерелла, она не пожалела усилий, чтобы превратить светловолосую маори в образцовую юную *пакеха*. С учетом обстоятельств, она выбрала для нее простое темно-коричневое платье, которое, впрочем, сидело очень хорошо и даже без корсета подчеркивало тонкую талию Кэт. Конечно же, оно было закрытым, с длинными рукавами и небольшим вырезом. Такие глухие платья Кэт видела только на Линде Хемплмен. Миссис Партридж принесла ей воды, чтобы умыться, и собрала ее волосы в приличный, но не слишком тугий пучок. Выбившиеся пряди обрамляли красивое лицо Кэт. Это выглядело не вызывающе, но подчеркивало ее красоту. В глазах Кристофера она тут же увидела восхищение — да и на добродушном лице мистера Партриджа читался неподдельный интерес. Кэт сразу же почувствовала себя лучше. Кажется, никто из *пакеха* не принял ее за проститутку.

— Как вы могли подумать, миссис Робинс! — возмутился Кристофер, впрочем, несколько наигранно. — Я никогда не скомпрометировал бы мисс Кэт, оставшись с ней в комнате наедине, да еще и тайком. Но шутки в сторону, у нас очень печальные и тревожные новости, и, как бы ни было мне жаль, нам придется потревожить мистера Таккетта, невзирая на поздний час. Я...

Он умолк, когда миссис Робинс с сожалением покачала головой:

— Мистера Таккетта нет. Он еще позавчера отправился в Окленд вместе со своим новым помощником, мистером Йеншем. Они едут к мистеру Фицрою, губернатору. По поводу капитана Уэйкфилда...

И снова Кристофер был вынужден рассказать о казни — прекрасно понимая, что миссис Робинс и миссис Партридж мгновенно разнесут эту новость по всему городу. Придется встать пораньше, чтобы доложить об этом лично хотя бы полковнику Уэйкфилду. Даже подумать страшно, что может случиться, если заместитель представителя компании узнает о смерти своего брата от деревенских сплетниц!

— Прошу вас никому не говорить об этом, пока я не встречу с полковником Уэйкфилдом, — попросил он хозяйку, прекрасно понимая, что делает это напрасно. — Я завтра же с утра пойду к нему. Но как нам поступить с мисс Кэт? — Он беспомощно переводил взгляд с одной женщины на другую. — Я надеялся, что мистер Таккетт поможет юной леди найти подходящее место, ей же нужно чем-то зарабатывать на жизнь.

Кристофер думал, что Кэт может стать переводчицей или помощницей землемера. Конечно же, нанимать на такие должности женщин было не принято. Однако любой человек, владеющий немецким и английским языком, да еще к тому же и маори, будет цениться на вес золота в такой многоязычной колонии, как эта. Даже в самых консервативных слоях общества переселенцев!

— Для начала я покажу мисс Кэтрин комнату, — заявила миссис Робинс. — А насчет места... что ж, семей, где требуется служанка, у нас немного. Жаль, мне как раз пригодилась бы девушка-помощница, но я уже наняла одну из дочерей немецких переселенцев с «Санкт-Паули». Ни слова по-английски не понимает, но зато прилежна и очень услужлива... Может быть, вам стоит спросить у Бейтов, мистер Фенрой! Им всегда нужны люди.

В ее голосе прозвучало недовольство, но Кристофер предпочел не развивать эту тему. Молодой человек поблагодарил хозяйку за предложение. Бейту, агенту Новозеландской компании, пригодятся знания Кэт, и к тому же он не будет испытывать горечь утраты, в отличие, например, от полковника и его семьи.

— Тогда мы завтра же сходим к мистеру Бейту, — ответил он хозяйке и в двух словах объяснил ситуацию Кэт. — Мистер Таккетт наверняка скоро вернется, скорее всего, как только до губернатора Фицроя дойдет сообщение о том, насколько печальный оборот приняли события.

Кэт и представить себе не могла, что когда-нибудь будет лежать в столь мягкой, ароматной и уютной постели, как та, которую предоставила ей миссис Робинс. У Хемплменов она застилала кровати, но никогда в них не спала, и теперь ее околдовало тепло пухового одеяла и запах лаванды, исходящий от простыней и подушек. Это утешило ее, помогло заснуть, несмотря на отсутствие ночных звуков, под которые она обычно погружалась в сон в общинном доме маори, где ночевала в последние годы. В эту первую ночь в Нельсоне она впервые в жизни оказалась одна в закрытой комнате — без стонущих или сопящих клиентов, как в хижине ее матери, без храпящих и хихикающих маори, как в спальном доме *нгати тоа*. Сначала тишина встревожила ее, но вскоре она начала наслаждаться ею. Утром ей показалось, что еще никогда она не спала так хорошо, как в эту ночь, а затем миссис Робинс пришла пожелать ей доброго утра и принесла чашку чая и свежую булочку с маслом.

— Мистер Фенрой встал уже целых два часа назад! — весело рассказывала хозяйка, которая тоже давно была на ногах, о чем сразу же сообщила. — Попробуйте булочки, милая моя, я сегодня специально ходила

за ними в пекарню... Мистер Фенрой просил вам передать, чтобы вы выпались и спокойно позавтракали... Я с удовольствием сделаю вам яичницу с ветчиной: только что купила продукты у фермеров и у мясника, там я уже тоже побывала... А еще молодой человек просил, чтобы вы его подождали. Он зайдет за вами, как только закончит с делами в магистрате. Ах, я надеюсь, что войны не будет... Всегда немного страшно, когда лагерь дикарей так близко... Кстати, что вы там делали, мисс Кэтрин? Вы были пленницей? Вас... — Миссис Робинс окинула тоненькую фигурку Кэт испуганным взглядом, в котором мелькнуло отвращение. — Вас ведь не принудили к близости, мисс Кэтрин? Какой ужас! Эти животные...

Кэт покачала головой:

— Не Кэтрин. Просто Кэт. И никто меня не принуждал, — уточнила она. — Я жила среди маори.

Она не могла знать, какой фурор произведет ее история, когда хозяйка разнесет ее по всему Нельсону.

Кристофер провел в магистрате больше времени, чем предполагал. Он успел передать полковнику известие о смерти капитана Уэйкфилда прежде, чем тот узнал об этом из сплетен. Его едва не опередил один миссионер, который прибыл с Вайрау одновременно с ним. Винсент Тейт был пожилым и глубоко верующим человеком, он не первый год занимался миссионерской деятельностью, у него были хорошие отношения с туземцами, несмотря на то — или как раз потому — что он так и не обратил ни одного маори. Он совершенно случайно наведалься к *нгати тоа* и услышал о смерти Те Ронги и последовавших затем событиях. По приказу вождя Те Пуаха отвел его к мертвым, и вождь позволил миссионеру похоронить тела, но отвезти их в Нельсон не разрешил. Тейт сделал это с помощью Те Пуахи и другого маори, а сразу же после этого отправился в Нельсон на каноэ, на котором путешествовал по рекам от одной деревни к другой. И теперь он дополнил доклад Кристофера полковнику Уильяму Уэйкфилду. Сразу же после этого ему пришлось отчитаться перед представителем правительства.

Хотя губернатор Фицрой еще совещался с Таккеттом, он сразу же по прибытии землемера отправил в Нельсон советника по земельным наделам Уильяма Спейна, чтобы помешать поселенцам предпринять необдуманные действия. Спейн контролировал все сделки по приобретению земли в Новой Зеландии. Этот невысокий приветливый мужчина с вечно улыбающимся лицом, украшенным бородой и бакенбардами, снова и снова ухитрялся установить самую выгодную цену на землю для переселенцев, не сделав при этом племена маори своими врагами. Зато с капитаном

Уэйкфилдом он ладил не очень хорошо. Спейн обнаружил разного рода нарушения в земельных сделках Новозеландской компании, и Уэйкфилд всячески старался воспрепятствовать дальнейшему расследованию и переговорам с маори.

И вот теперь советник спокойным и доброжелательным тоном задавал вопросы всем свидетелям событий, начиная с Кристофера и Тейта. Другие выжившие члены экспедиции тоже должны были встретиться с ним наедине. Тейт подтвердил и существенно дополнил рассказ Криса: Те Раупараха понял, что Томпсон и Уэйкфилд хотели оскорбить его, и, конечно же, это повлияло на его решение, когда Те Рангихазата потребовал мести за Те Ронгу. При этом вождь считал гибель своей дочери несчастным случаем, он не верил, что выстрел был сделан намеренно. Он не собирался извиняться за казнь *пакеха*, но и войны не хотел.

Выслушав его рассказ, Спейн кивнул и, когда Кристофер и миссионер подписали протокол, отпустил их.

— Судя по всему, обе стороны допустили ошибки, — с грустью произнес он. — Искренне жаль семьи погибших. Но в первую очередь эти ошибки роковым образом повлияют на процесс заселения этих земель. Вообще-то я должен был в ближайшее время провести переговоры с вождем. Я уже известил его о своем прибытии, и он был готов обсудить продажу долины реки Вайрау. Но теперь придется забыть об этом на несколько лет...

Крис рассказал Кэт о расследовании Спейна по пути к большому новому дому Бейта, находившемуся неподалеку от магистрата. Он застал девушку за мытьем посуды, оставшейся после завтрака, в кухне миссис Робинс. Кэт сказала, что хозяйка отправилась на рынок.

— Хотя я не понимаю, что еще она собирается там покупать.

Кэт закончила работу и аккуратно повесила полотенце для посуды на отведенный для него крючок.

— Сегодня утром она уже была у булочника, у лавочника и у мясника... что ей еще нужно?

Кристофер хмыкнул.

— Общество, — пояснил он. — Ей не терпится разболтать о том, что я рассказал ей вчера об Уэйкфилде и других жертвах. Что ж, брат уже знает, поэтому она никого этим не обидит, — то есть, я хочу сказать, никого из высокопоставленных лиц. Известили ли уже семьи других погибших, я не знаю.

— О... — грустно улыбнулась Кэт. — Так вот зачем... Но я нашла хоть что-то общее между *пакеха* и маори. Сплетничают везде.

Кристофер смотрел на девушку и радовался тому, что сегодня Кэт не так нервничает, как вчера. Судя по всему, первые контакты с *пакеха* прошли хорошо, и теперь Крис надеялся, что и у Бейтов все получится. Была у него и личная причина навестить агента. В магистрате ему передали сообщение, в котором «лорда Фенроя» вежливо просили нанести визит Бейтам, если у него будет время. Должно быть, речь пойдет о девушке...

Кристофер весь напрягся в предвкушении этой встречи, но испытывал он также и некоторое сожаление. После помолвки он не сможет работать вместе с Кэт — по крайней мере, не вызвав недовольства будущего тестя и невесты. А ведь он уже успел к ней привыкнуть, и ему не терпелось узнать больше о ее жизни среди маори, их обычаях и мышлении. Не говоря уже о том, что сегодня она снова выглядела очень мило. Девушка вымыла волосы, и они отливали золотом, уложенные довольно аккуратно, хотя больше напоминали узелок воина маори, нежели прическу добропорядочных девушек *пакеха*. А теперь, когда напряжение минувших дней немного отступило и черты лица девушки разгладились, она стала казаться еще более юной. Кристофер задумался, сколько ей может быть лет, и едва не залился краской, осознав, что гадает, девственница ли она. Если в этом отношении она следовала обычаям маори, это было исключено. Большинство девушек племени еще в четырнадцать-пятнадцать лет получали первый опыт с мужчинами, пусть еще напоминавший игру, но полный страсти. А в восемнадцать или девятнадцать лет — сколько, по его мнению, исполнилось Кэт — они обычно были уже замужем. Так же, как и женщины *пакеха*...

— А у тебя там... ну, у маори... был муж?

Кристоферу пришлось пересилить себя, чтобы задать этот вопрос. Англичанку он о подобном ни за что не спросил бы, а Кэт только улыбнулась.

— Нет, я никому не нравилась, — ответила она, бросив на него шаловливый взгляд. — И мне тоже никто не нравился, — добавила девушка. — А ты? У тебя есть жена? Ну, среди *пакеха*? С девушками маори ты наверняка общался...

Она не осуждала его, просто таков был обычай. Во всей Полинезии туземки весьма гостеприимно встречали белых мужчин. Впрочем, Крису почудился намек на ревность в ее голосе.

— Из них мне тоже никто особенно не понравился, — с улыбкой ответил он, надеясь, что она не спросит его снова о девушке *пакеха*.

Однако к этому моменту молодые люди уже добрались до дома Бейта, и Кристофер постучал в дверь.

Петер Ханзен встретил их в полной форме дворецкого — в черном костюме, белой рубашке, серой жилетке, черном галстуке и белоснежных перчатках. Кэт с удивлением и недоверием разглядывала наряд невысокого светловолосого мужчины, отвесившего им изысканный поклон.

— Позвольте взять вашу куртку, сэръ? — обратился он к Крису, растягивая слова, но на чистом английском языке. — И вашу шаль, мадам?

Миссис Партридж предложила Кэт светлую шаль в дополнение к коричневому платью, и девушке та очень пригодилась. Кэт восхищалась мягкой шерстью, из которой та была сделана. Она лучше держала тепло, чем ткани маори.

И теперь она робко отдала ее этому изысканно одетому человеку, но с облегчением заметила, что Крис чувствует себя не лучше. Ему тоже показалось странным, что к его старой грязной воценой куртке прикасаются руки в белых перчатках.

— Как о вас доложить мистеру Бейту? — поинтересовался мужчина.

— Фенрой, — представился Крис. — Думаю, мистер Таккетт упоминал обо мне. А это мисс Кэт... Она... У тебя нет фамилии, Кэт? Нужно обязательно ее придумать.

Кэт покраснела, когда Кристофер обратился к ней. И, конечно же, ее смутил пристальный взгляд дворецкого, казавшегося ей невероятно... чистым. Судя по всему, он служил в доме Джона Николаса Бейта, но Кэт не могла представить себе, чем можно заниматься, чтобы рубашка и перчатки оставались такими чистыми.

— Просто Кэт, — упрямо ответила она.

Мужчина кивнул, снова поклонился и собрался уходить.

— Прошу, подождите здесь. Я уверен, мистер Бейт сразу же примет вас.

— А если вам придется долго ждать, мы пришлем раба, который подаст вам напитки... — добавил Крис с недоверчивой улыбкой, когда тот ушел. — Бог мой, дворецкий! Я знаю, что они есть в лондонских домах, но здесь... в старой доброй Аотеароа?

— Что такое «дворецкий»? — удивилась Кэт. — И еще... У мистера Бейта и в самом деле есть рабы?

Кристофер рассмеялся:

— Нет, это была просто шутка. К счастью, рабство давно отменили. Такой вот дворецкий в особняках важных господ управляет целой ордой других слуг. Он у них за старшего, ему подчиняются все остальные — от кухарок до горничных. Иногда он выполняет роль личного слуги хозяина дома, по крайней мере, в небольших домах...

— А зачем нужен личный слуга? — поинтересовалась Кэт.

Крис пожал плечами:

— Понятия не имею, у меня никогда его не было. Тише, он возвращается. Быстро! Кажется, Бейт действительно очень хочет со мной познакомиться.

Кэт бросила на него удивленный взгляд, но к ним уже подошел дворецкий и торжественно объявил, что мистер Бейт готов принять мистера Фенроя. Кэт он не упомянул, но и не остановил ее, когда она последовала за Крисом. В этом доме она чувствовала себя неуютно. Он был обставлен роскошнее, чем дом Хемплменов или пансион миссис Робинс. Повсюду стояла тяжелая полированная мебель со странного вида ножками в форме звериных лап, блистали позолотой лампы, зеркала и рамы картин... Кэт не могла отвести взгляда от этого великолепия, но отнюдь не восхищалась им.

Бейт ждал их в комнате с простой и солидной темной мебелью и кожаными креслами. В воздухе витал сигарный дым. Он шагнул навстречу Крису, широко улыбаясь, и протянул ему руку.

— Милорд Фенрой! — с важным видом поздоровался он. — Я очень рад познакомиться с вами.

Крис ответил на его рукопожатие.

— Взаимно, мистер Бейт, — вежливо произнес он. — Но я не лорд. Этот титул носит лишь один член семьи.

Бейт схватился за голову:

— Конечно, все верно, как я мог так ошибиться? Я должен называть вас виконтом.

Кристоф закусил губу, размышляя, стоит ли снова возразить хозяину дома. Опять-таки существовал только один виконт Фенрой, назначенный наследником лорда. В иерархии его семьи Крис очень далеко отстоял от этого ранга, но, судя по всему, Бейт не имел ни малейшего представления об обычаях британской аристократии. Так что он объяснит ему все это позже.

— Просто Фенрой, прошу вас! — наконец ответил он. — Или сразу Кристофер... Мы ведь не в Англии, мистер Бейт.

— Я понимаю, британская скромность, виконт. Конечно же! — Бейт подмигнул ему. — Мы отлично поладим. Но... кого вы с собой привели? — Выражение его лица стало строгим. — Я... я ведь прав, полагая, что мистер Таккетт сообщил вам о... э... причине нашей встречи? — Теперь он смотрел на Крису и Кэт холодным взглядом. — И вы сочли возможным привести с собой... хм... девушку?

Кристофер смущенно улыбнулся:

— Мистер Таккетт был очень тактичен, прошу понять меня правильно. Я очень рад, что вы... рассматриваете мою кандидатуру в... упомянутом им вопросе, и я совсем не хотел оскорбить вас или вашу дочь. Но необходимо поскорее найти место для мисс Кэт, и...

— Ах, вот как... — Бейт мимоходом кивнул. — Дальняя родственница? Или служанка вашей семьи? Пусть представится дворецкому, наверняка для нее что-то найдется. А теперь...

Кристофер бесстрашно перебил его:

— Мистер Бейт, извините, вы меня все-таки неправильно поняли... Прошу, позвольте объяснить вам все сначала. Вы наверняка уже слышали о новых обстоятельствах, связанных с развитием событий на равнине Вайрау...

Кэт молча слушала, как Крис в очередной раз рассказывает о неудачном завершении экспедиции, выделив ее роль в событиях.

— Видите ли, если бы не мисс Кэт, меня бы не было в живых, — наконец сказал он. — Поэтому я в долгу перед ней и не хочу, чтобы она пожалела о том, что оставила маори и вернулась к своему настоящему народу. Поскольку она готова поделиться с нами своими бесценными знаниями о маори, их обычаях и языке...

— Но ведь вы тоже говорите на маори, — без особого интереса произнес Бейт.

Кристофер кивнул, с трудом сдерживая свое раздражение.

— Это верно, — признал он. — Но Кэт жила среди маори — а это дает совершенно иной взгляд на их культуру, их нравы и ценности... Кроме того, она знает и немецкий язык, — в отчаянии добавил он, когда выражение лица Бейта не изменилось. Было очевидно, что обычаи маори агента не интересуют.

— Ах, вот как? — Лицо Бейта несколько просветлело, и он поглядел на Кэт уже с любопытством. — Как же так получилось? Это может нам пригодиться... Мистер Ханзен!

Бейт повысил голос, и дворецкий вошел в кабинет так быстро, словно все это время ждал в коридоре под дверью.

— Я слушаю вас, мистер Бейт. — Он слегка поклонился.

— Пожалуйста, отведите девушку на кухню к вашей жене, она будет ей помогать. Она якобы говорит по-немецки, поэтому пусть займется детьми, чтобы они не совсем забыли родной язык. — И он пренебрежительно усмехнулся, явно не придавая особого значения знанию немецкого.

Позднее Кэт узнала, что Бейт сам был немцем, а его жена, Сара, имела английские корни. Дети говорили на двух языках, но в Нельсоне, разумеется, общались в основном на английском.

— Спасибо... Кэт, о вашем жаловании мы наверняка договоримся. А теперь насчет вас, виконт... Могу я предложить вам виски? О деликатных вещах говорить намного проще, если...

Кэт только и успела бросить на Крису недоуменный взгляд, прежде чем последовала за дворецким.

Кухня находилась на первом этаже дома, а не в полуподвале, как было принято в английских домах, по словам дворецкого. В большом помещении вдоль стен стояли печи и рабочие столы. Медные горшки и сковородки всех форм и размеров, которые женщинам маори обходились в целое состояние, были аккуратно развешаны на стенах. Кэт заметила также полку для пряностей и корзины с фруктами и овощами, от которых исходил приятный аромат. Две женщины, одна примерно возраста дворецкого, а другая — совсем юная девушка, сидели за большим деревянным столом в центре комнаты и пили кофе. Обе они носили аккуратные голубые платья с белыми передниками и чепцы.

— Новая девушка, Маргарет, — представил ее дворецкий. — Мистер Бейт считает, что ее следует приставить к детям, поскольку она говорит по-немецки.

— Ах, правда? — Женщина, которая была чуть выше своего мужа и заметно шире его в талии, приветливо улыбнулась, но во взгляде ее мелькнуло сочувствие. — Что ж, возможно, нам станет полегче. Ты хоть немного разбираешься в том, что должна делать горничная? Например, как помогать леди, причесывать ее и затягивать корсет, как ухаживать за одеждой?

Кэт в изумлении уставилась на нее.

— Нет, — призналась она.

Маргарет Ханзен, из-под чепца которой выбивались рыжие локоны, вздохнула:

— На самом деле я этого и не ожидала. Ты с «Санкт-Паули», верно, дочь крестьянина? Странно, на судне я тебя ни разу не видела. Кстати, как тебя зовут? Я — миссис Ханзен, экономка. По крайней мере, теперь меня так называют, с тех пор как у нас появились слуги. Раньше я была горничной миссис Бейт. Я тебе с удовольствием покажу, как выполнить эту работу, но... — Она пожала плечами — жест, которого Кэт не поняла. — Что ж, надеюсь, ты быстро учишься... Это Мэри, наша горничная...

— ...которая учится не так быстро, — с сарказмом добавила девушка.

У нее были темные волосы, а круглое лицо действительно казалось немного глуповатым. Однако же за словом она в карман не лезла. — Но так быстро, как хочет Бейт, не научится никто.

— Мэри, прошу тебя! — с упреком произнесла миссис Ханзен. — Сколько тебе можно повторять, что мы не критикуем хозяев? Даже если они не всегда облегчают нам жизнь, такова суть нашей работы... Ах, Кэт, наверное, и половины того, о чем мы говорим, не понимает, не так ли, малышка? А у меня еще и шотландский акцент. Кстати, у тебя такое странное имя... Мне подумалось, что это сокращенное имя Кэтрин. Но немка...

Маргарет Ханзен действительно говорила по-английски с резким акцентом.

— Я не немка, — сказала Кэт. — И Кэт — это не сокращение. Это просто значит...

— Кошка! — воскликнула Мэри. — О нет, миссис Ханзен, мистер Ханзен, это же не та индейская девушка?

Взволнованная, она вскочила, едва не опрокинув кофейную чашку.

— Что? — переспросил дворецкий. — В самом деле, Мэри, даже ты должна знать, что индейцы живут в Северной Америке, а здесь...

— Девушка-маори! — поправила себя Мэри, тыча пальцем в Кэт. — Миссис Ханзен, я как раз хотела вам рассказать, только что слышала на рынке... Говорят, она была у дикарей. И вы никогда не поверите, что рассказала о ней миссис Робинс!

Глава 2

Первая встреча между Кристофером Фенроем и Джейн Бейт прошла крайне неудачно. Все пошло не так с самого начала. Едва Джейн вошла в кабинет, Кристофер обнаружил, что она отнюдь не похожа на грациозную светловолосую фею, как представлялось ему в радужных мечтах. Он такого не ожидал. Джейн не могла быть точной копией Кэт, и Крис был твердо намерен не проявить разочарования. Но при виде пышной фигуры своей невесты, ее полного лица и густых каштановых волос Крис едва заставил себя улыбнуться ей.

Джейн и вовсе не стала утруждать себя любезностью. Она окинула его оценивающим взглядом, а когда Бейт попытался представить их друг другу, произошла катастрофа.

— Моя дочь Джейн... Виконт Кристофер Фенрой.

— Виконт? — Уголки поджатых губ Джейн насмешливо приподнялись. — Значит, вы скоро унаследуете графство в Англии?

Кристофер готов был сквозь землю провалиться. Ну почему он не

объяснил все сразу? Джейн выросла среди англичан, конечно же, она знала, кому какой титул полагается. Молодой человек почувствовал, что вот-вот покраснеет от стыда.

— Просто Фенрой, мисс Бейт, ваш отец неправильно понял...

Джейн улыбнулась плотно сжатыми губами.

— Это бывает, — заявила она. — И что мы будем теперь делать, мистер Фенрой? Вы принесли мне цветы?

Крис залился краской.

— Все произошло так неожиданно... — выдавил он.

Бейт позвал Джейн сразу же, как только Кэт ушла на кухню вслед за дворецким, но мужчины успели обсудить главное.

— Ладно, — сказала она. — Зато мне не придется звать служанку, чтобы она поставила букет в вазу. С другой стороны, подобная суета обычно помогает пережить первые неловкие минуты...

— Джейн! — с упреком в голосе произнес Бейт.

Но Джейн не обращала внимания на отца.

— Так что мы будем делать вместо этого, мистер Фенрой? — Крис не знал, куда деваться. — Поговорим о погоде? Она тут более солнечная, нежели в Кентербери, как вы, разумеется, знаете...

— Мисс Бейт... — Крис не мог найти слов для ответа, но понимал, к чему она клонит.

Джейн намекала на ферму, которую обещал ему Бейт. Бесчисленные гектары земли... Бейт приобрел на почти не заселенных землях у реки Ваймакарири небольшое королевство. Не хватало только четы владельцев.

— Да перестаньте же вы повторять мое имя, — усмехнулась Джейн. — Все равно скоро меня будут звать «миссис Фенрой». Или «леди Фенрой». Конечно, это не совсем верно, но кого это волнует? Скорее всего, у нас будет больше земли, чем у настоящего лорда. И тогда вы хотя бы станете сельским джентльменом.

— Джейн! — снова окликнул ее отец, на этот раз резче.

Кристофер пожалел, что отказался от предложенного Бейтом виски. Он не хотел черпать храбрость в стакане перед разговором с невестой, это показалось ему нечестным по отношению к девушке. Но теперь он полагал, что алкоголь ему не помешал бы. Ему необходимо было что-то сказать, и, судя по всему, эта девушка предпочитала разговор начистоту.

— Да, я надеюсь, что могу считать себя джентльменом, — заявил он. — А вас, без сомнения, воспитывали как леди. Значит, мы оба понимаем, как устраиваются браки между джентльменами и леди, и мы наверняка сделаем все возможное, чтобы у нас вышло не хуже. В следующий раз я

принесу вам цветы.

Джейн только рукой махнула:

— Ах, не трудитесь. Лучше скажите мне, чего ожидать. Что вы предложите мне, если я выйду за вас замуж, мистер сельский джентльмен Кристофер Фенрой?

Крис откашлялся. К чему этот вопрос? Может быть, она хочет узнать о нем побольше? Вряд ли она ждет, что он станет рассказывать о себе...

— Что ж... я молод, неглуп, трудолюбив... честен...

— Честен, виконт? — переспросила Джейн. Ее глаза сверкнули впервые с начала разговора, видимо, она постепенно входила во вкус. — Прошу вас, оставим эти банальности, отец не выбрал бы для меня ни глупца, ни лентяя. Но какой будет моя жизнь, мистер Фенрой? На вашей... нашей... ферме?

Кристофер облизнул губы. Кажется, он снова допустил ошибку. Что ж, по крайней мере, она дает ему возможность рассказать о своей мечте. Чуть расслабившись, он заговорил.

— Это будет довольно крупное предприятие, — начал он. — И не благодаря обширному земельному участку, а потому... Я считаю, что у этой страны огромный потенциал! Заселение еще только началось, в ближайшие годы будут прибывать все новые и новые люди. Не все они захотят заниматься сельским хозяйством. Появятся города, а те геологи и землемеры, с которыми я путешествовал последние несколько лет, уверены, что здесь есть полезные ископаемые. Уже сегодня китобойные станции и поселения, такие как Нельсон, нужно обеспечивать товарами. Так что уже есть рынки сбыта для зерна, картофеля, кукурузы... в общем, всего, что мы сможем посадить...

— Мы? — без энтузиазма повторила Джейн. — Вы ведь не думаете, что я стану ковыряться в земле?

— Конечно же нет... — поспешил заверить ее Крис. — Однако... Наверное, вы захотите разбить сад... сначала фруктовый, возможно... а потом и... — он попытался улыбнуться как можно очаровательнее, — розарий?

— Нет, — заявила Джейн. — Не хочу. Я не люблю ни овощи, ни розы и ничего о них не знаю. А как насчет вас, мистер Фенрой?

Крис растерялся.

— Разбираюсь ли я в... розах? — удивленно переспросил он. — Нет, скорее нет... но сельским хозяйством я занимался, я... — Он умолк.

По правде говоря, его познания в этой сфере не отличались глубиной. Хотя Фенрой-старший подрабатывал на разных фермах — из-за его неудач

семья много путешествовала, — но единственным овощем, с которым Кристофер до сих пор имел дело, был *кумара*, сладкий картофель, весьма ценимый маори. Он выкапывал его вместе со своими приятелями маори, а затем запекал на костре, как и собственноручно пойманную в ручье рыбу. Если семья Фенрой задерживалась на одном месте дольше, чем на пару недель, его мать тоже сажала *кумара*. Его легко было выращивать, рос он практически везде — впрочем, большинство белых поселенцев еще не включили его в свой рацион.

— Опыт в земледелии и скотоводстве — что ж, я полагаю, это наименьшее требование, которое следует предъявлять к человеку, который хочет основать ферму, — с упреком произнесла Джейн. — А как насчет счетоводства, делопроизводства, найма и руководства рабочей силой... если это уж непременно должно быть большое хозяйство?

Кристофер закусил губу. О таких подробностях он пока еще не думал, равно как и об овощах и зерновых, которые будут расти на его земле.

— С этим я справлюсь, — ответил он, но прозвучали его слова не очень убедительно.

Джейн фыркнула.

— К счастью, в этих вещах хорошо разбираюсь я, — спокойно заявила она. — Так что голодать мы не будем.

— Мисс Джейн! — Кристофер решил предпринять еще одну попытку. Ведь может же он завести с этой женщиной светскую беседу о ничего не значащих вещах! — Я ни в коем случае не собираюсь заставлять вас прикладывать усилия к тому, чтобы обеспечить наше существование. Напротив, я от всего сердца хотел бы вскоре предложить вам ту жизнь, которой вы заслуживаете. Может быть, не в ближайшее время, но когда-нибудь у нас будет большой дом, слуги... К югу от устья Ваймакарири уже сейчас растет город, и там мы сможем посещать культурные мероприятия...

— Не обязательно строить для меня оперу, — усмехнулась Джейн. — Ну да ладно, вы выложили карты на стол, я подумала об этом. А теперь прошу меня извинить, меня ждет мать. Мы только что услышали о событиях на реке Вайрау, отец. Этот миссионер... как его там... Тейт... устраивает сегодня вечером поминки. Или сначала молитвенное собрание, ведь поминки пройдут более достойно, если полковник Уэйкфилд сумеет взять себя в руки. В любом случае мы должны в этом участвовать. Мистер Фенрой... приятно было с вами познакомиться... — Она стремительно вышла из комнаты.

Во время поминок Джейн Бейт не удостоила Кристофера даже

взглядом. Однако несколько дней спустя он получил письмецо, в котором она требовала, чтобы он явился к Бейтам на чай. Разумеется, он принес цветы — и вновь едва не провалился сквозь землю от стыда, когда по зову мисс Бейт явилась Кэт, чтобы унести их и поставить в воду. С тех пор как девушка ушла вслед за дворецким, он ее больше не видел, судя по всему, ее приняли в дом Бейтов. Как бы то ни было, теперь на ней было другое платье — наряд служанки, и она только искоса посмотрела на Криса. Казалось, она хотела поздороваться, но затем все же промолчала. Не знала, что сказать? Как к нему обратиться? Или слугам было запрещено разговаривать с гостями хозяев?

Кристофер всячески страдал, пока за чаем шла светская беседа: миссис Бейт расспрашивала о его семье, работе, планах, а Джейн только слушала. Возможно, она предавалась собственным размышлениям... И только когда Крис стал прощаться, она снова обратилась к нему.

— Следующий этап — это, наверное, совместный поход в церковь, — заявила она. — Мы лютеране или сторонники реформатской церкви — как моему отцу удобно, так и бывает. Вы посещаете епископальную церковь[44], я полагаю. Так что пойдем туда. Другой здесь все равно нет. Ах да, в соответствии с правилами ухода за вами вы должны пригласить меня на пикник. И покататься на лодке по озеру, что-то в этом духе. При этом я должна хихикать. Или уже потом. Или до того... ну, я разберусь.

Крис натянуто улыбался, пока Джейн говорила все это с непроницаемым лицом.

— Значит, вы все же сделали выбор в мою пользу, мисс Джейн? — радостно поинтересовался он.

— В пользу вашего имени, мистер Фенрой, — ответила она. — Ведь дело-то было, кажется, в нем...

После этой незабываемой помолвки Крис время от времени выходил с Джейн в свет. Он появился с ней не только на поминальной церемонии в честь жертв резни на равнине Вайрау, но и на общинных праздниках в церкви. Других поводов для встреч было немного, и его это только радовало. Он возблагодарил Небо, когда через несколько недель после случая на реке Вайрау — который правительство называло беспорядками или происшествием — Таккетт вызвал его на Северный остров. На Южном острове переговоры с маори зашли в тупик, как и предполагал Спейн. Однако с тех пор, как в 1840 году бывший губернатор Уильям Хобсон и присланный из Великобритании посредник Джеймс Басби заключили с племенами Северного острова договор Вайтанги, в котором были закреплены права и обязанности маори и *пакеха* под суверенитетом

британской короны, поселения там быстро развивались и землемеры требовались во всех концах острова.

Крис с удовольствием отправился туда и был приятно удивлен, когда узнал, что теперь вместе с Таккеттом работает и Карл Йенш. Разговаривать им стало намного проще. Карл с каждым днем все лучше говорил по-английски, молодой человек проявил исключительный талант к расчетам и легко усваивал методики, которыми пользовались географы. Фредерик Таккетт говорил о нем с величайшим уважением, а для Криса он вскоре стал другом. У лагерного костра или в пабах они рассказывали друг другу о своей жизни, делились мечтами и желаниями. Карл много говорил об Иде, в то время как Крис почти не упоминал о Джейн. Но Карл все равно расспрашивал о ней, поскольку хорошо запомнил девушку.

— А будешь ли ты с ней счастлив? — наконец высказал он те сомнения, которые терзали и Фенроя. — У нее такой тяжелый характер...

— Она умна, — ответил Крис.

В этом он был уверен. Если Джейн снисходила до того, чтобы отпустить какое-то замечание, то обычно оно было очень остроумным. Впрочем, и колким тоже.

— И все равно... ты ее не любишь! — констатировал Карл. — И она тебя тоже не любит... По крайней мере, не похоже на то, может быть, я ошибаюсь.

Крис с горечью рассмеялся.

— Если и да, то у нее очень своеобразная манера это демонстрировать. — Он ушел от ответа. — Но любовь... Нужно просто подождать... Может быть, позже... со временем...

Карл возвел глаза к потолку:

— Если ты сейчас скажешь, что такова воля Божья и судьба, что все предначертано, и вообще, она — твой единственный шанс попасть в рай, то можешь сразу идти под крыло к Ланге и Брандманнам. Seriously, когда ты говоришь о Джейн Бейт, я слышу, как Ида говорит об Оттфриде. Впрочем, ты получишь свою ферму, исполнится твое самое заветное желание. Ида же... она даже не признается себе в своих желаниях...

Ида уже несколько недель жила у Партриджей, и ей некогда было задумываться о собственных желаниях. Дом был уютным, намного более комфортным, нежели их дом в Рабен-Штейнфельде, где всем приходилось рубить дрова для открытых каминов и носить их в дом: вся семья в холодном Мекленбурге спала в одной-единственной отапливаемой комнате. Здесь, в Нельсоне, зимы были намного мягче, и дом Партриджей обогревался изразцовыми печами, которые топили из одного центрального

очага. Мортимер Партридж делал это сам или в крайнем случае с помощью Антона. Девочки временами помогали миссис Партридж по хозяйству и иногда, и с большим удовольствием, в магазине.

Особенно понравилась работа продавщицы Элсбет. Она весело щебетала с посетительницами и тайком флиртвала с молодыми людьми, когда была уверена в том, что отца нет дома. Ида вела себя более сдержанно, но она тоже продолжала учить английский, ей нравилось вести с миссис Партридж беседы о Боге и мироздании. Если бы она могла принимать решения, это продолжалось бы и дальше. Однако мировоззрение и ожидания переселенцев с «Санкт-Паули» находились в постоянном конфликте с мировоззрением обитателей Нельсона и их бытом, что омрачало ее жизнь и заставляло пускаться на хитрости.

Якоб Ланге, Петер Брандманн и главы других мекленбургских семей, как и прежде, даже не пытались приспособиться к жизни в Нельсоне. Они отказывались учить английский язык, хотя со временем стали разрешать это своим сыновьям. Однако дочерям они строго-настрого запрещали общаться с хозяевами больше необходимого.

— Женщины должны сидеть дома и хранить традиции! — с раздражением заявил Ланге своей дочери, в очередной раз застав Элсбет в магазине. — Если вы будете приспосабливаться, традиции размоются, все уже не будет так, как прежде. Еще, чего доброго, забудете молитвы предков и их песни. То, что происходит здесь, — просто неприятная пауза, которая должна была давным-давно закончиться. Как только мы получим свою землю, все изменится. Вы заведете собственное хозяйство, выйдете замуж за добрых христиан, у вас будет полно дел в своих огородах, на полях и в кухнях. И для этого вам не нужны чужие языки!

Он с удовольствием отдал бы Иду и Элсбет под крыло госпожи Брандманн, которая полностью отгородилась от принимающей семьи, распевая со своими детьми немецкие песни и читая немецкие молитвы. Впрочем, Брандманны жили в довольно стесненных обстоятельствах, и семья Макдафф была не в восторге от той шумной деятельности, которую развивала временами госпожа Брандманн. Нельзя было ожидать, что они согласятся часто принимать еще двух гостей.

Поэтому отец Иды очень надеялся на то, что в скором времени им выделят землю, однако дело затягивалось, и возмущение переселенцев все росло. После стычки на реке Вайрау они рассчитывали, что ситуация разрешится очень быстро: маори следовало наказать и прогнать со спорных земель. Однако сидевший в Окленде губернатор, которого представлял здесь советник Спейн, считал совершенно иначе, и Ланге с Брандманном

его не понимали. В конце концов они отправились покупать рыболовные принадлежности в магазине, владелец которого говорил по-немецки, и, воспользовавшись случаем, расспросили его, как он представляет себе ситуацию. Тот с удовольствием поделился своими соображениями:

— Нет, от карательной экспедиции толку не будет, в этом Спейн совершенно прав. Это только разозлит вождей. Я ведь уже говорил вам, в большинстве случаев с этими ребятами можно договориться. В том числе насчет материальной компенсации за убийство. Между собой они улаживают это точно так же, у них есть обычай под названием *уту*...

— Вергельд, — подсказал ему Брандманн старогерманское слово. Хозяин магазина пожал плечами.

— Как бы там ни было, речь идет о том, чтобы потребовать равнину Вайрау в качестве компенсации за смерть Уэйкфилда и его людей. Но почему-то они никак не могут прийти к соглашению. Спейн считает, что первыми должны извиняться *пакеха*, младший Уэйкфилд жаждет крови, а губернатор пока что не торопится, поскольку в данный момент договариваться не с кем. Говорят, вождь Те Раупараха отправился на Северный остров, вероятнее всего — чтобы заручиться сторонниками. И если губернатор сейчас пошлет карательную экспедицию к *нгати тоа*, вспыхнет настоящий пожар. Могут подняться восстания. Этого никто не хочет. Поэтому пока что не надейтесь на землю. Равнину Вайрау вы не получите никогда. Лучше потеряйте Уэйкфилда и Бейта! Они столько земли у маори оттяпали, должно найтись что-то и для вас!

Брандманн и Ланге поворчали, но к совету прислушались и с тех пор посещали магистрат как минимум раз в неделю. Вскоре Уэйкфилд стал передавать им через секретарей, что его нет на месте, поскольку разговор у них обычно выходил тяжелый. Если Бейта не оказывалось в конторе, а такое случалось часто — он тоже словно бы растворялся в воздухе, как только немцы приходили чего-то требовать, — в роли переводчика выступал Оттфрид. Молодой человек учил английский язык, для чего каждый вечер покидал дом. Когда он возвращался, от него, к ужасу отца, пахло пивом, а порой и виски. Похоже, он изучал новый язык в основном в пабах. Оттфрид давно перестал подчиняться отцу и отказывался читать молитвы и каяться после подобных эскапад. После экспедиции в Вайрау он стал вести себя дерзко, и, по мнению Якоба Ланге и Петера Брандманна, с этим тоже нужно было срочно что-то делать!

Никто даже предположить не мог, что именно добродушный Мортимер Партридж в корне изменит судьбу немецких переселенцев.

— Сегодня приходили миссионеры, — рассказывал Партридж за

совместным ужином, после того как Ланге прочел свои молитвы. — Немцы с Маутера. Кто-нибудь может перевести мои слова для мистера Ланге?

Он посмотрел на Иду, которая, как он знал, говорила по-английски лучше всех, но девушка только сжала губы. Она знала, что отец скорее отругает ее, чем похвалит, если она выполнит просьбу хозяина дома. Элсбет шепнула, что такие простые слова мог понять и Антон. Ида кивнула ему, умоляя взять эту задачу на себя.

Якоб Ланге внимательно выслушал то, что сказал его сын. Пасторы Волерс и Хайне, которые тоже приехали в Новую Зеландию на «Санкт-Паули», вместе с пастором Рименшнайдером взяли на себя руководство миссионерской станцией в долине Маутера, расположенной примерно в двадцати милях от Нельсона. Временами они приезжали сюда за провиантом и справлялись о том, как поживают немецкие переселенцы.

— Они были бы рады, если бы вы зашли к ним, — закончил мистер Партридж.

— Старолютеранская миссионерская станция? — взволнованно переспросил Ланге. — О которой рассказывал Бейт еще в Мекленбурге? Я уже начал думать, что это была ложь.

Эти фразы оказались не под силу Антону, но Элсбет с удовольствием перевела их на английский, при этом хитро поглядывая на отца, который на этот раз даже забыл ее отругать.

— Нет, нет, — ответил Партридж. — Миссия существует уже давно, пасторы на ней сменяют друг друга. Это всегда немецкие миссионеры — их то двое, то трое. Хотя я не понимаю, кому они несут свою миссию, маори в долине Маутера не живут. Там слишком часто случаются наводнения. Наверное, преподобным хватает друг друга...

Ида подумала, что, скорее всего, эта миссия была основана в те времена, когда старолютеран еще преследовали на родине. Вполне возможно, что ее основатели бежали сюда из Германии и действительно не собирались заниматься здесь миссионерской деятельностью, а просто хотели спокойно жить в своей вере.

— То есть это духовники без общины? — уточнил Ланге.

Партридж пожал плечами.

— Если они не проповедуют ветам и киви, — пошутил он.

Элсбет не стала переводить его слова, которые могли рассердить отца. Они уже знали, что вета — это огромные насекомые, похожие на саранчу, а киви — слепые ночные птицы, которые днем зарываются в землю.

— И как туда попасть? — спросил Ланге.

На следующее же утро Брандманн, Ланге, двое других старейшин

общины и страдающий от похмелья Оттфрид, взяв в аренду лодку, отправились в долину Маутера, расположенную к западу от Нельсона. По воде туда добраться было легко, и мужчины в тот же вечер вернулись в Нельсон, все в приподнятом настроении.

— Мы переезжаем! — объявил Ланге своей семье и Партриджем за ужином. — Антон, вырази нашим хозяевам искреннюю благодарность за гостеприимство, которое они столь долго оказывали нам. Наконец-то у нас появилась возможность жить общиной! Пастор Волерс, пастор Хайне и пастор Рименшнайдер дадут нам землю за миссионерской станцией. Мы сможем обустроиться там и будем жить среди своих. Снова будем слушать мессу, ходить на молитвенные собрания, как положено...

В Нельсоне это оказалось не так-то просто, поскольку англикане не хотели предоставлять для таких целей свою церковь, к тому же старолютеране все равно отвергли бы подобное предложение. Поэтому община с «Санкт-Паули» время от времени собиралась под открытым небом, причем люди сетовали на то, что в дождливую погоду мало кто приходит.

— Пасторы с удовольствием возглавят общину. Как мы раньше до этого не додумались? А какая там земля! Долина реки... как она там называется? Пейзажи просто райские! Сплошь равнины, наверняка пригодные для сельского хозяйства. Фермер Фрисманн в полном восторге. Тут и там растут негустые рощи, все это окружено покрытыми лесом холмами...

— Но река Маутер часто выходит из берегов, — предупредил Мортимер Партридж, когда Антон передал ему восторги отца в нескольких словах: «*River, good land*»[45]. — Смотрите, не промочите ноги.

Антон не стал переводить его замечание.

— В любом случае завтра мы пойдем к Уэйкфилду! — с воодушевлением сообщил Якоб Ланге. — Вот он удивится: небось, никогда не думал, что мы сами сумеем найти решение! Разумеется, так просто мы их в покое не оставим. Пока мы лишь построим временные дома рядом с миссионерской станцией. Но мы еще заложим деревню на своей собственной земле!

Антон кивнул, а Ида с Элсбет с несчастным видом переглянулись. Им не очень-то и хотелось переезжать из просторной и уютной комнаты Партриджей во временную хижину.

Ланге и Брандманн на следующий же день созвали всех мужчин на собрание и затем явились в магистрат с делегацией из пяти человек, переселенцев с «Санкт-Паули». Полковник Уильям Уэйкфилд принял

немцев, как обычно, с неохотой. Но пока Ланге и Брандманн рассказывали о Маутере, он начал проявлять заинтересованность. Наконец он попросил мужчин подождать, вызвал Бейта, посоветовался с ним, после чего снова пригласил делегацию к себе.

— Что ж, если вам так нравится там, на Маутере... — говорил Уэйкфилд, а Бейт переводил, — то мы можем сделать вам окончательное предложение. Мы выделим вам землю у реки.

Глава 3

— Мы наконец-то получим свою землю? В долине Маутера, рядом с миссионерской станцией?

Брандманн сообщил о предложении Уэйкфилда поселенцам, и теперь все, кто собрался в сарае, предоставленном одним фермером по просьбе Бейта, заговорили наперебой. Два дня не переставая шел дождь.

— Но это ведь далеко, верно?

— Там нет дикарей?

— А земля хорошая?

— Почему до сих пор там никто не поселился?

Брандманну пришлось несколько раз призвать их к спокойствию, прежде чем он смог ответить на вопросы.

— Конечно же, это далеко от Нельсона, — рассказывал он. — Возможно, именно по этой причине никому не приходило в голову предложить нам эту землю, поскольку изначально нам обещали участки в непосредственной близости от города...

— А равнина Вайрау? — прошептала Ида на ухо Оттфриду, вместе с которым пришла на собрание. — Это ведь тоже добрых двадцать миль отсюда...

Оттфрид не удостоил ее ответом. Девушка заметила, что от него пахнет пивом.

— Но туда не так трудно добраться, — продолжал его отец. — По реке от Нельсона прямо-таки рукой подать. Мы съездили туда и обратно за один день.

— Кроме того, нам совершенно незачем селиться так близко к нашим... хм... английским друзьям, — добавил Ланге. — Если вспомнить о том, какой урон был нанесен нашим традициям всего за несколько недель... Чем ближе мы друг к другу, тем быстрее возникает отчуждение. Нет, с этой точки зрения... Как называется эта долина? Для начала мы дадим ей хорошее немецкое название! Она просто идеальна для нашего поселения. Там есть отличные пахотные земли, пастбища и роца у реки, а дальше — лес на холмах, то есть древесины нам хватит.

— Сразу же начнем строить церковь! — обрадовался Брандманн, который увидел свой шанс заработать. Наконец-то пригодится его плотницкое мастерство.

— И никаких поселений дикарей — ни поблизости, ни вдалеке! — воскликнул Оттфрид. Похоже, это было для него важнее всего. Судя по всему, экспедиции в долину Вайрау ему вполне хватило. — Миссионеры заверили нас в этом, туземцы продали землю и ушли.

Но тут его перебил голос, донесшийся от двери:

— Маори не пришлось уходить из долины Маутера, они там никогда и не жили!

Члены общины с удивлением обернулись к говорившему. И Иде показалось, что у нее остановилось сердце. У входа в сарай стоял Карл Йенш, одетый в зюйдвестку[46] и длинный вощенный плащ, но тем не менее мокрый как мышь из-за проливного дождя.

— И неспроста, — добавил он, снимая шляпу и стряхивая с нее воду.

Ида нашла, что он выглядит хорошо: уже не такой худощавый, как в Рабен-Штейнфельде. Его кудрявые волосы отросли, и выглядел он самоуверенно.

— Земля на реке Маутер — это на самом деле болото, — продолжал Карл. Люди, особенно поселенцы из тех мекленбургских общин, где он не работал поденщиком, охотно расступились перед ним, когда он сделал еще шаг. — Это значит, что ее затапливает всякий раз, когда наступает половодье, — а это случается регулярно, и зимой, и летом. Реку питают воды с гор, а там дожди идут достаточно часто. Поэтому я не советовал бы вам строить поселение в долине Маутера. Мистер Спейн считает, что эти земли непригодны для жизни.

— Кто это такой? — спросил один из переселенцев, обращаясь к Ланге и Брандманну, которые смотрели на Карла, злобно сверкая глазами.

— Что ты здесь забыл? — прорычал Брандманн.

Карл пожал плечами:

— Как я уже сказал, я хочу предупредить вас всех. Мистер Таккетт пришел в ярость, узнав, что вам хотят всучить эту землю. Мы услышали об этом только сегодня днем, когда приехали в город, и опасались, что вы уже дали окончательное согласие. Как только я выяснил, что ваше собрание состоится сегодня, то сразу же отправился к вам.

— *Наше* собрание, как ты совершенно правильно заметил, — процедил сквозь зубы Ланге. — Еще раз повторю вопрос: что ты здесь забыл?

— Я ведь уже объяснил... — Карл смотрел на него с недоумением, не

веря, что этот человек его не понял. Но затем он взял себя в руки. — Кстати, я тоже родом из Рабен-Штейнфельда, как и вы. Я, как и вы, приехал сюда на судне «Санкт-Паули», и моя семья всегда была членом общины.

— Безземельный лодырь! — проворчал Ланге.

— Поденщик, — поправил его Карл, пытаясь сохранять спокойствие. — Это не одно и то же. Впрочем, я ведь теперь и не поденщик. Вот уже почти два месяца я работаю на мистера Фредерика Таккетта, главного землемера Новой Зеландии, и получаю жалование у губернатора Окленда, не у Новозеландской компании. Мистер Таккетт не заинтересован в том, чтобы продавать вам негодную землю, — в отличие от полковника Уэйкфилда и мистера Бейта. Поэтому лучше послушайте меня.

— Иными словами, этот молодой человек не получит надел? — спросил человек, который был родом не из Рабен-Штейнфельда.

Карл вздохнул и теперь обратился непосредственно к мужчинам из других общин:

— Нет, я приехал как свободный иммигрант. На «Санкт-Паули», как я уже сказал, возможно, вы меня помните. Я делил каюту вместе с сыном господина Брандманна Оттфридом. Оттфрид! Может быть, ты что-нибудь скажешь? Ты ведь наверняка хочешь построить своей жене надежный дом.

Карл нашел Оттфрида в толпе и переглянулся с Идой. Девушка казалась встревоженной. Она понимала, о чем идет речь. Оттфрид же, напротив, сохранял спокойствие.

— Я согласен с мнением общины, — заявил он. — Как решат старейшины, так и будет. А ты... тебе я верить не обязан. Твоими устами всегда говорит лишь зависть.

Карл схватился за голову. В некотором роде Оттфрид был прав, он ужасно завидовал ему. Но не из-за куска земли на реке Маутер! Карл ни за что не променял бы свою теперешнюю работу на надел самой хорошей земли. Он уверенно шел к тому, чтобы стать уважаемым и хорошо оплачиваемым землемером. А осесть на месте он согласился бы разве что только ради Иды.

— Я имею право говорить здесь! — предпринял еще одну попытку Карл. — Как член церковной общины. Вы не можете запретить мне это, моя семья была бедной, но весьма почтенной. Итак, повторю снова: не принимайте предложение Уэйкфилда! Подождите, пока найдут хорошую землю для поселения! В конце концов, это только вопрос времени.

— Но как же миссионеры? — спросил кто-то. — Они живут там не первый год!

Карл пожал плечами:

— Состав миссии постоянно меняется, как я слышал. Спросите пасторов, как часто их станцию смывало водой или почему она расположена на склоне. Она ведь стоит на склоне, верно? Я там никогда не был.

Последнее замечание было ошибкой. Оно утонуло в хоре возмущенных голосов поселенцев. Как он может давать советы, если никогда не видел земли? Однако Брандманн и Ланге переглянулись.

— Она расположена на склоне? — спросила у Оттфрида Ида.

— Оттуда открывается очень красивый вид на долину, — ответил он.

Ида закусила губу. Ей это говорило о многом. Но поселенцы окончательно настроились против Карла.

— Значит, будем голосовать, — произнес Брандманн. — Пусть мужчины, которые поддерживают основание деревни Санкт-Паулидорф, поднимут руку...

«А кто спросит женщин?» — чуть не вырвалось у Иды, но вряд ли это улучшило бы ситуацию. Конечно, женщин никогда никто не спрашивает. Они должны доверять своим мужчинам и безропотно помогать им справляться с последствиями их решений.

Карл вышел из сарая, когда подсчитывали голоса. Не многие высказались против. Когда Брандманн велел Оттфриду раздать поселенцам бумаги для подписи, Ида поняла, что это ее шанс. Элсбет заметила, что она украдкой проскользнула к двери вслед за молодым человеком. Ида испугалась, что сестра может что-то заподозрить и, чего доброго, наябедничать отцу, но, поймав ее взгляд, успокоилась. Элсбет немедленно доложила бы о ее проступке, но Бетти будет молчать.

На улице по-прежнему шел дождь. Ида увидела, что Карл снова надел шляпу, собираясь сесть верхом на лошадь. Откуда она у него, интересно?

— Карл!

Услышав ее голос, молодой человек сразу же обернулся. Может быть, он ждал, что она выйдет за ним, несмотря на ливень?

— Ида! — Карл просиял и сразу же повел ее под козырек сарая. Лошадь последовала за ними и тут же принялась жевать слежавшееся сено. — Ида, как я рад тебя видеть! Я хотел попрощаться, но все произошло так быстро... Таккетт, работа... действительно хорошая работа, Ида! Меня обучают на землемера. Это непросто, обычно для этого нужно закончить университет. Но здесь землемеров очень мало, и Таккетт утверждает, что у меня талант. Конечно же, нужно было уметь считать. Работы здесь хватит на много лет, если не десятилетий. Она хорошо оплачивается и приносит радость. Посмотри, у меня даже лошадь есть!

Он улыбнулся, погладив рыжевато-каурого мерина.

— Его зовут Бренди, потому что цвет у него, как у старого коньяка, так считает Таккетт. Я не знаю, никогда такого не видел. Но виски мне не понравилось... Ну да не важно, Ида, расскажи о себе! Ты еще не замужем?

Пусть он и спрашивал об этом, но наверняка знал ответ. Разумеется, ему было известно, что они все еще живут у Партриджей. Ида на миг заподозрила, что его речь о долине Маутер имела единственную цель — разрушить ее союз с Оттфридом или по крайней мере отсрочить его, но она тут же отругала себя за недостойные мысли. Карл наверняка действовал из самых лучших побуждений.

— Если мы поселимся на той земле, это случится скоро, — ответила она.

Карл потер лоб.

— Ида... я сейчас говорю очень серьезно... Если ты имеешь хоть какое-то влияние на Оттфрида, попытайся отговорить его от того, чтобы брать землю на Маутере. Поселенцы заплатили такие деньги, Ида! Триста фунтов — их вам никогда не вернут, если земля вдруг окажется болотом! И тогда вы останетесь ни с чем.

— Он не станет слушать меня, — с горечью произнесла Ида.

Карл вздохнул.

— Тогда попытайся хотя бы повлиять на отца и остальных, пусть первым делом строят не церковь, а дренажные колодцы. Наверняка есть возможность сдержать реку, когда она выходит из берегов. Я спрошу у Таккетта.

Девушка безрадостно усмехнулась:

— Они не позволят женщине указывать им, что строить первым делом. Они даже не хотят, чтобы женщины учили английский. Мы должны лишь помочь им воссоздать Рабен-Штейнфельд в том виде, в котором оставили его в Мекленбурге. И блюсти обычаи... Я могу только надеяться, Карл, что твой мистер Таккетт неправ.

Голос ее звучал подавленно, но что-то в словах Иды придало Карлу мужества. Пусть она еще не восстала, но своей горечью она выражала сомнение в том, что община поступает правильно. Карл пытался заставить себя быть на этот раз терпеливее, подождать. Но к черту, долго он ждать не может! Очень мягко, чтобы не напугать ее, он обнял девушку.

— Есть еще одна возможность, Ида, и ты знаешь об этом. Мое предложение выйти замуж за меня, а не за Оттфрида, все еще в силе. И на этот раз речь идет не о безрассудном бегстве. Ты можешь отправиться со мной в Окленд — сюда мы с Таккеттом приехали всего на несколько дней,

на свадьбу друга. После этого мы вернемся на Северный остров. Мы уедем вместе, днем, у всех на глазах, так что ты не будешь скомпрометирована. Сначала ты сможешь пожить у Таккеттов, пока мы не поженимся. А потом я возьму для нас в аренду небольшой дом. Коттедж с садом. Представь себе, Ида: сад, цветы, небольшой огород... а не поле, на котором придется вкалывать до смерти. Со временем твой отец поймет, Ида! Ты не утратишь связь с семьей.

Ида колебалась. Перспектива казалась радужной, и она была счастлива, стоя здесь, под проливным дождем, слушая, как лошадь жует сено, глядя Карлу в глаза. В его спокойном доброжелательном взгляде отражалась та же неуверенность, та же безудержность, что и во взгляде Оттфрида в последнее время.

Она не сопротивлялась, когда он наклонился к ней, чтобы поцеловать.

Но все очарование момента развеялось, когда раздался голос Ланге:

— Ида! Что это значит?! Немедленно иди сюда!

Ланге не стал дожидаться, пока Карл отпустит Иду, бросился к ней и оттащил ее в сторону.

— А ты, Йенш, убирайся! Если я еще хоть раз увижу тебя рядом с дочерью, я за себя не ручаюсь! — Он свирепо сверкнул глазами, и молодой человек на миг испугался, что тот ударит его. Но затем Ланге махнул рукой. — Ну да ладно, такой возможности у тебя все равно не будет. Мы только что приняли решение: деревня Санкт-Паулидорф будет основана на реке Маутер!

У Иды мелькнула мысль, что он впервые произнес название реки.

— И как только мы прибудем туда, как только будет построена первая хижина, Ида, ты выйдешь замуж!

Карл в отчаянии наблюдал за тем, как Ида безропотно вернулась в сарай вслед за отцом. На миг он задумался, не вмешаться ли, не попытаться ли убедить ее в том, что она должна бороться, но тут же понял, что она не станет слушать. А тем временем в сарае собралось до сотни поселенцев, которые были вне себя от предвкушения того, что вот-вот будет основана деревня и они начнут восстанавливать традиции. Противостоять им всем — совершить безумный поступок, может быть, даже самоубийственный.

В конце концов он сдался и повел Бренди обратно под проливной дождь. Нужно было вернуться в пансион и переодеться. Через несколько часов состоится свадьба Кристофера Фенроя...

Глава 4

Одернув свое свадебное платье, Джейн Бейт решила, что в нем она похожа на огромный торт со взбитыми сливками. Белоснежный цвет ткани

был ей не к лицу, а обилие рюшей и лент только наполнило ее. Миссис Ханзен затянула корсет так туго, что Джейн едва могла в нем дышать. Девушка задумалась над тем, как пережить этот вечер в таком наряде. Ну да ладно, все могло быть намного хуже: если бы ее родители назначили церемонию на раннее утро, пришлось бы праздновать целый день.

К счастью, Кристофер появился буквально в последнюю минуту, и, судя по всему, прилетел он не на крыльях любви. Конечно, Джейн ничего подобного даже не предполагала. Напротив, она знала, что ему с ней тяжело. Он вел себя с ней, словно мышка с кошкой, — игра шла в одни ворота, и эти ворота принадлежали ей. Впрочем, она в некоторой степени даже наслаждалась этой игрой. Именно поэтому она предпочла Фенроя другим претендентам. Впрочем, существовала еще одна причина, не менее нелепая.

После того как ее отец принял решение как можно скорее отделаться от дочери, он представил ее трем мужчинам. Это случилось сразу после экспедиции Уэйкфилда, обернувшейся катастрофой. Джейн обижалась на то, что он относится к ней с недоверием, однако не удивлялась этому. Не многие в Нельсоне знали о проблемах Новозеландской компании, и, судя по всему, Бейта не устраивало, что Джейн входит в число этих людей. А ведь некоторые детали ее тщательно разработанного плана даже сейчас можно было воплотить в жизнь, чтобы спасти ситуацию. Но ее отец и не думал об этом, вместо этого из кожи вон лез, чтобы поскорее выдать ее замуж. Кандидатура «лорда Фенроя» рассматривалась только лишь ради забавы, пока Джейн не обнаружила злосчастное письмо.

Бейт отличался честолюбием и был не прочь породниться с представителем одной из благороднейших английских семей, и он мог позволить себе дать за Джейн щедрое приданое. Кроме того, он хотел побыстрее отослать дочь как можно дальше от Нельсона. Если она выйдет за Фенроя, то уедет в Кентербери, который с точки зрения цивилизации находился на краю света, хотя от Нельсона его отделяли всего двести миль.

Второй претендент, военный, которого предложил Уильям Уэйкфилд, увез бы ее в Окленд, а оттуда — в одно из недавно основанных поселений, нуждающихся в охране. Местные племена маори необходимо было усмирить, в случае необходимости — с оружием в руках. Джейн содрогалась при одной мысли о том, чтобы оказаться не просто в глуши, но и под угрозой нападения недружественных племен, в окружении перепуганных поселенцев.

Третий возможный жених, тоже военный, постоянно жил на земле Ван-Димена — в Австралии! Коренное население там уже уничтожили,

зато военные здесь охраняли полчища каторжников. «Джейн могла бы стать хозяйкой большого дома», — жеманно заявил мужчина. Судя по всему, он собирался делать карьеру в политике и ему нужна была жена, которая налаживала бы связи в обществе. Насколько мало подходит для такой цели Джейн, он понял при первой же встрече.

Поэтому девушка могла выбирать только между Кристофером Фенроем и лейтенантом Аркинсоном, и ей казалось, что Кристофер и его ферма — меньшее зло по сравнению с Аркинсоном и войной. Уже хотя бы потому, что лейтенант вряд ли позволил бы ей разрабатывать планы военных действий. А Кристофер...

Молодой человек был прав: у Новой Зеландии есть огромный потенциал, и ферма на равнине Кентербери может принести большой доход. Но только не под его управлением. Если Джейн оценила его правильно, Фенрой понятия не имел, как руководить делом. Он с удовольствием говорил о проекте, но бросалось в глаза, что до сих пор он не задумывался о бухгалтерии, подборе персонала, планах, расчетах и всем том, о чем необходимо думать при основании предприятия. И в этом случае Джейн могла взять все в свои руки. Нужно только натолкнуть Кристофера на мысль привлечь ее к управлению фермой. Девушка была вполне уверена в том, что сумеет должным образом запугать его. Он уже сейчас не мог ей ни в чем отказать. Другим женщинам приходилось с этой целью ублажать своих супругов, и обычно не без успеха, поскольку мужчины с охотой им подчинялись...

Джейн еще раз критически осмотрела себя в зеркале. Нет, такая стратегия не для нее. Тут она вспомнила вторую причину, по которой выбрала Кристофера: неизбежная и неприятная физиологическая сторона брака. Ни Фенрой, ни Аркинсон не пробудили ее страсть, но так или иначе ей придется позволить супругу лечь на нее сверху, а затем обменяться с ним телесными жидкостями — по крайней мере, именно так она понимала супружеский долг. И в этом случае она предпочитала молодого стройного Фенроя, нежели обрюзгшего Аркинсона, от которого исходил легкий запах пота даже тогда, когда он практически не двигался.

Значит, Кристофер... Она вздохнула. Что ж, по крайней мере, он ее боится...

Под вечер Кристофер явился в дом Бейтов на прием по случаю торжественной церемонии бракосочетания. Агент отказался от мысли обвенчать свою дочь в епископальной церкви, скорее всего, чтобы не настраивать против себя немецких переселенцев. Поэтому по случаю свадьбы украсили особняк. Торжественная церемония должна была

проходить в салоне, где дворецкий уже рассаживал по местам первых гостей. Горничные приветствовали вновь прибывших, желавших поскорее снять с себя промокшие плащи и куда-нибудь их положить, где они не будут никому мешать, а может быть, даже немного подсохнут. Дверь Кристоферу открыла Кэт — и впервые после их совместного бегства он оказался лицом к лицу с девушкой, которая не только по-прежнему преследовала его в снах, но и стала источником угрызений совести. Он не ожидал, что Кэт получит столь низкую должность.

— Оставь это, — сказал он, неприятно удивленный тем, что она присела перед ним в реверансе. Его вновь очаровала ее грация, как и узкое лицо под чепцом, едва прикрывавшим ее золотистые волосы. — Кэт, это я, Кристофер. Не надо падать передо мной на колени.

Кэт ответила на шутку горькой улыбкой.

— Нас этому обучили, — ответила она. — А поскольку Мэри... — она кивнула головой в сторону другой горничной, — и без того постоянно подозревает, что я вот-вот достану откуда-нибудь булаву и начну драться, я стараюсь вести себя цивилизованно.

— О, Кэт! — Кристофер совсем расстроился. — Тебе не нравится это место, я так и знал, но я действительно пытался...

Молодой человек осекся. Неужели он и правда сделал все возможное, чтобы найти для нее другое место? Конечно, он говорил о ней с Таккеттом, и тот даже проявил интерес. Но, будучи главным землемером, он был слишком занят, кроме того, они все время разъезжали по Северному острову... Меньше всего Таккетт думал о приемной дочери маори, с которой никто в Нельсоне не знал, что делать.

— С тобой хорошо обращаются?

Кэт пожала плечами.

— Конечно, — сказала она. С тех пор как Кэт оказалась в Нельсоне, она постоянно напоминала себе о том, что в прошлом ей жилось намного хуже.

В отличие от Кристофера, Кэт не считала работу у Бейтов унижительной. Когда еще была жива миссис Хемплмен, место горничной казалось ей недостижимой мечтой и высокой ступенькой в общественной иерархии. А у маори все женщины занимались домашней работой, вне зависимости от положения в обществе. Те Ронга вместе со всеми принимала участие в приготовлении пищи, ткала, работала в полях... Маори не считали какой-либо труд постыдным. Если человек умел делать что-то хорошо, что бы это ни было, он мог добиться уважения и завоевать титул *тохунга*.

В доме Бейтов, однако же, получить признание хозяев было практически невозможно. Миссис Бейт критиковала все, что делали Кэт и Мэри, при этом она употребляла очень резкие слова, ругала девушек и отчитывала их так откровенно, что Мэри после этого порой разражалась слезами. Кэт старалась подражать мистеру и миссис Ханзен, которые стоически переносили капризы миссис Бейт. Однако радости работа в таких условиях не приносила, тем более что дочери Бейта перенимали у матери манеру обращения со служанками. Особенно донимала персонал Джейн, которая вечно пребывала в дурном настроении. Кэт не любила ее и вплоть до этого дня не верила, что Крис Фенрой действительно хочет на ней жениться.

Однако ей было неприятно слышать о его брачных намерениях. Она не могла понять, почему он так поступает, и старалась не думать о нем плохо. В конце концов, между ними ничего не было, и она не искала себе мужчину. Несмотря на это, ей не хотелось представлять себе Криса и Джейн вместе... А может быть, ей просто было его жаль.

Эта мысль прибавила Кэт мужества, и она смогла улыбнуться ему ободряюще:

— У меня действительно все в порядке, Крис. С Бейтами не всегда просто, но мистер и миссис Ханзен очень милы. Они... они не требуют, чтобы я...

Кэт умолкла. В Нельсоне ей было неуютно не только из-за придирчивых хозяев. Еще больше хлопот доставляла ей слава «туземки», «любовницы маори» или «дикарки», с которой она была вынуждена постоянно бороться. Она сделала ужасную ошибку, в первый же день рассказав свою историю миссис Робинс. Но Кэт не могла знать, как люди воспримут сплетни, которые вдова разнесет по всему поселению. Кэт не сообщила миссис Робинс ничего такого, что могло ее скомпрометировать. В конце концов, что постыдного в том, чтобы быть приемной дочерью знатной женщины маори, да еще и целительницы?

Однако жительницы Нельсона превратили ее историю в нечто невероятное. В то же утро Мэри услышала на рынке, что Кэт принимала участие в военных походах, рубила на куски врагов племени и чуть ли не пожирала их сырую плоть. Конечно же, она делила постель практически со всеми мужчинами племени — наверное, так истолковала миссис Робинс тот факт, что все маори спали в одном общинном доме. Хорошенько подумав, Кэт поняла, откуда взялись другие слухи, — миссис Робинс жадно расспрашивала ее об обычаях маори, и ничего не подозревающая Кэт ей отвечала. Как она могла подумать, что, к примеру, ее рассказы о

каннибализме в Полинезии воспримут настолько буквально?

Но кто бы ни сочинил все эти слухи о Кэт — то ли миссис Робинс, то ли другие женщины, — шанса оправдаться и все исправить у девушки не было. Стоило Кэт выйти за дверь дома Бейтов, как для нее начиналась настоящая пытка. В лучшем случае она слышала брань со всех сторон. Молодые люди отпускали ей вслед сальные шутки, а после того, как стали известны подробности резни в Вайрау, ее несколько раз забрасывали гнилыми фруктами или даже камнями, порой угрожали. В какой-то момент пошел слух, что она сама принимала участие в жестокой расправе над Уэйкфилдом и его людьми, а о том, как все случилось на самом деле, жители Нельсона забыли.

К счастью, никто из Бейтов не обращал внимания на уличные сплетни. Миссис Бейт и ее дети жили в такой изоляции от местного общества, что, наверное, даже ничего не знали. А мистер и миссис Ханзен проявили понимание. Они быстро оценили порядочность и уживчивость Кэт и поверили ей, когда она попыталась объяснить всю историю хотя бы тем людям, с которыми она проводила все свое время. Впрочем, с Мэри и Джейми, конюшим, ей это не совсем удалось. Оба по-прежнему относились к ней с недоверием.

Кэт очень тяжело все это переносила, особенно ее тяготила необходимость все время оставаться в четырех стенах. Те Ронга научила ее жить на природе и с природой, и теперь ей не хватало песни ветра в цветах, журчания ручьев, алого великолепия цветов *рата* и величественных гор вдалеке. В свободные часы она не знала, чем заняться, пока Мэри не оставила в их общей комнате дешевую книжонку. Кэт быстро наловчилась разбирать первые фразы. Линда Хемплмен учила ее читать, но на протяжении последних лет Кэт не имела возможности практиковаться в чтении. Кроме того, тогда она больше знала немецкий, в то время как «Разбойничьи пистолеты», которые залпом глотала Мэри, были написаны на английском. Но Кэт поняла, что ее навыки возвращаются, и вскоре смогла разобраться, чем отличается письмо и произношение в немецком и английском языках. Вскоре она каждую свободную минуту стала тратить на чтение, иногда даже таскала книги из хозяйской библиотеки. Она с восхищением читала художественную прозу и научную литературу, любовные романы и рассказы о путешествиях. Теперь это занятие стало единственной отдушиной для Кэт — но оно никак не помогало понять, что ей делать дальше.

Судя по всему, Крис понял ее тревогу.

— Я что-нибудь придумаю, Кэт! Обязательно! — натянутым тоном

произнес он. — Может быть... может быть, ты захочешь поехать с нами, то есть... со мной и Джейн. Мы... мы переезжаем в Кентербери.

Кэт едва не расхохоталась.

— Нет. Нет, спасибо, правда. Извини, если сейчас я выскажусь... нецивилизованно. Но твоя Джейн... Чем уехать вместе с ней на уединенную ферму, я лучше вернусь к Те Рангихаэате, и пусть он сожрет меня! Почему ты хочешь жениться на ней?

Крис нахмурился, неприятно уязвленный прямой вопрос.

— Земля, — честно ответил он. — Отец дает ей в приданое ферму. Самое важное — это земля.

Кэт покачала головой:

— Нет. Самое важное — это люди, — снова повторила она девиз приемной матери.

Глава 5

— Я на тебя не ябедничала.

Элсбет осторожно придвинулась к Иде, словно пытаясь согреть, и прошептала на ухо эти слова. Сестры не могли поговорить откровенно со вчерашнего дня, когда отец застал Иду с Карлом. Вечером Якоб Ланге запретил им закрывать дверь в свою комнату, чтобы слышать все их разговоры. Впрочем, Ида и так поняла, что не Элсбет выдала ее: сестра сама находилась под подозрением.

— Это был Антон, — продолжала Элсбет. — Я сказала ему, что тебе захотелось в туалет, и они не сразу пошли искать тебя. Но тебя долго не было, и он побежал к отцу...

— Ничего, — вздохнула Ида, плотнее кутаясь в шаль.

В лодке, плившей по реке Маутер, было холодно: ночью ударили заморозки, и речной пейзаж застыл вместе с заиндевевшими листьями пальм и папоротников. Мистер Партридж не советовал переселенцам сразу же переезжать на миссионерскую станцию. «Такая погода, — говорил он, — в этой местности долго не держится, поэтому лучше просто подождать, пока все снова растает». Но немцы и слушать его не стали. Они так долго ждали возможности получить землю и основать поселение... И теперь, когда все наконец-то устроилось, они не хотели терять ни дня. Переселенцы взяли в аренду лодки для перевозки людей и строительных материалов. Первыми в них сели полные семьи, которых было немного. Большинство мужчин предпочло оставить женщин и детей в Нельсоне и отправиться в долину Маутера в одиночестве, чтобы соорудить там примитивные хижины.

Но Якоб Ланге не желал, чтобы его дочери подвергались «пагубному

влиянию» города еще хотя бы один день, а госпожа Брандманн ни в коем случае не хотела оставаться в Нельсоне без мужчин. Ида не могла понять, чего она так боится, ведь семья, приютившая ее, была совершенно безобидной и такой же милой и предупредительной, как и Партриджи. Поэтому Ланге и Брандманн сели в большую лодку с еще тремя семьями и уже во время путешествия промерзли до костей. Ида не взяла с собой из Мекленбурга зимнюю одежду — у нее был только шерстяной плащ, а плотного пальто не было. В этой ситуации ее выручила миссис Партридж, подарив ей свою шаль, кроме того, вместе с женщинами на новую родину отправился тюк шерсти. Ланге не считал нужным покупать готовую одежду. Он говорил, что в деревне Санкт-Паулидорф они сами будут кроить, ткать и прясть.

— Мы и овец разведем, — заявил Петер Брандманн.

Иде стало интересно, где он их возьмет. Насколько ей было известно, на всем Южном острове имелась одна-единственная овца и всего несколько коров. Девушка заботливо укутала шалью Элсбет, которая тоже ужасно мерзла. Однако ей хотелось поболтать; прижавшись друг к другу, закутавшись в несколько слоев шерсти, сестры могли быть уверены, что их никто не услышит.

— Я считаю, что Карл красивее, чем Оттфрид, — прошептала Элсбет на ухо Иде, которая тут же покраснела. О чем говорит ее сестра? — Может быть, тебе хочется выйти замуж за него? Он такой видный, так теперь одевается... его плащ стоит недешево...

Значит, от Элсбет не укрылось, какую дорогую и добротную одежду носит нынче Карл. Конечно, девушка неглупа, кроме того, она каждую свободную минуту проводила в магазине Партриджей. Элсбет знала, сколько может стоить его плащ.

— Он наверняка купил бы такой и тебе, — продолжала Элсбет.

Ида невольно улыбнулась. Мысль о теплой одежде сейчас действительно настраивала на более романтический лад, нежели грезы об объятиях Карла, — поскольку это желание не было запретным. Наверное, все в лодке сейчас мечтали о непромокаемом плаще или, еще лучше, о месте у камина. Дождя или снега не было, но над рекой поднимался холодный и сырой туман. Ида почти не чувствовала ни рук, ни ног.

— Лично я выйду замуж только за богача. И еще он должен мне по-настоящему нравиться, — продолжала болтать Элсбет.

Ида потеряла лоб.

— Элсбет, хватит этих глупостей, — сказала она. Она пыталась быть строгой, но понимала, что в голосе ее слышится скорее усталость. — Ты

практически помолвлена с Фридрихом Хаузером, я слышала, как отец говорил с Тобиасом Хаузером.

Фридрих Хаузер был сыном кровельщика и учился своему ремеслу. Ему едва исполнилось шестнадцать, и, прежде чем можно будет думать о свадьбе, пройдет, конечно же, еще не один год. Но предварительную договоренность уже заключили. И союз с Фридрихом обещал надежное будущее. Прежде чем у каждого дома в Санкт-Паулидорфе появится крыша, у Фридриха и его братьев наверняка уже будут собственные дети.

— Но не со мной! — заупрямилась Элсбет. — Фриц глупый и толстый. Знаешь, кто мне нравится, Ида?

Тон ее стал заговорщическим, и Ида вдруг ощутила, как сердце ее пронзает любовь к сестре. Элсбет всегда так важничала, когда доверяла ей свои маленькие детские тайны! Тогда они были безобидными, теперь же ей было больно слышать об этих мечтах, которые никогда не осуществятся.

— Томми Макдафф из Нельсона!

Сын пекаря... Ида снова улыбнулась. Вот почему Элсбет всегда так охотно ходила за хлебом. И с удовольствием сопровождала отца к поселившимся у пекаря Брандманнам! При этом со скучной Гудрун Брандманн, которую она якобы желала навестить, у нее не было ничего общего, кроме возраста. Однако Ида не могла слушать эти глупости с улыбкой. Они уже не в Нельсоне, где миссис Партридж лишь покачала бы головой, узнав о детских мечтаниях Бетти. Ида собралась было прочесть нотацию о послушании, которое Элсбет должна проявлять к отцу, но передумала. Какая разница, станет она сейчас ругать Элсбет или нет, — все равно скоро той придется спуститься с небес на землю. Вполне возможно, что она никогда больше не увидит Томми Макдаффа — ни одна женщина не смела надеяться на то, что в ближайшие годы сможет покинуть Санкт-Паулидорф. Мужчины точно так же не будут брать их с собой в Нельсон, как прежде в Шверин. А Элсбет... судя по всему, она даже не представляла себе, что ее ждет, когда Ида выйдет замуж.

Якоб Ланге ясно дал понять, что Элсбет возьмет на себя все обязанности по дому. Она так же внезапно станет взрослой и будет вынуждена заботиться о семье, как Ида после смерти матери. Девушка мысленно отругала себя за то, что не подготовила сестру лучше. Однако, с другой стороны, отец всегда баловал младшую дочь и освобождал ее от некоторых домашних обязанностей. Теперь все изменится. Если от этого будет зависеть его комфорт, его и Антона, Элсбет он щадить не станет.

— Как бы там ни было, я бы на твоём месте вышла замуж за Карла Йенша, — снова вернулась к изначальной теме разговора Элсбет. — Тогда ты жила бы в Веллингтоне или в одном из других крупных городов, тебе не пришлось бы гнить в глуши.

— Тише!

Ида едва успела заставить сестру замолчать, когда увидела, что рядом с ней из тумана вынырнул Оттфрид Брандманн. Молодой человек кое-как пробрался по раскачивающейся лодке к своей невесте и рухнул рядом с ней на скамью.

— Вот мы и на месте! — торжествующе произнес он, указывая на берег Маутера.

Заколдованные льдом папоротниковые леса сменились открытой

местностью. Они плыли через белый от инея туссок. Пространства были обширными, земля казалась ровной, но ее обрамляли поросшие лесом холмы. На самой же равнине деревьев почти не было, а те немногие, которые все же росли там, были низкорослыми и чахлыми. Возможно, они так выглядели из-за заморозков. К склону одного из холмов над долиной прилепились домики миссионерской станции.

— Добро пожаловать в долину Шахтсталь! Тебе нравится? — с жадным интересом спросил Оттфрид.

— Шахтсталь? — недовольно переспросила Элсбет. — Я думала, это долина реки Маутер.

Оттфрид махнул рукой.

— Да это же невозможно выговорить! — заявил он.

Судя по всему, вчера вечером некоторые мужчины остались в сарае и по случаю столь знаменательного события открыли последнюю привезенную с родины бутылку шнапса. Или виски... Как бы там ни было, от Оттфрида все еще пахло алкоголем.

— Мы ее переименовали. В долину Шахтсталь, в честь капитана Шахта. Он всегда был добр по отношению к нам.

Ида нахмурилась.

— Обычно долины называют по протекающим через них рекам, — заметила она. — Или реку вы тоже решили заодно переименовать?

Оттфрид поглядел на нее с недоумением. Наверное, он ни о чем подобном не задумывался. Однако это не помешало ему увлечь Иду за собой, когда лодка причалила к берегу. Миссионерской станции принадлежал не вызывающий особого доверия причал, выглядевший так же неказисто, как и растительность в долине.

— Да ладно... Пойдем, нужно взглянуть на наш надел. У моего отца есть план с участками... — Оттфриду, похоже, не терпелось увидеть свою землю.

— У самой реки? — встревожилась Ида. Она очень замерзла, передвигаться в раскачивающейся лодке было тяжело. — А что, если Карл прав? Что, если река выходит из берегов?

Оттфрид отмахнулся:

— Глупости. Кроме того, не обязательно строить дом у самой воды.

Ида окинула взглядом местность слева и справа от Маутера. Земля казалась совсем ровной. Если случится наводнение, то не будет разницы, где стоит дом, на сотню локтей ближе или дальше от реки.

— погоди, Оттфрид! — Якоб Ланге улыбнулся будущему зятю, но осудил его нетерпение. — Сначала участки нужно измерить. В ближайшее

время Уэйкфилд придет к нам землемера. Не стоит раньше времени планировать застройку, это лишь приведет к ссорам, если окажется, что половина дома стоит на чужом участке... Дел и без того по горло! Сейчас мы поднимемся на миссионерскую станцию и возблагодарим Господа за удачное путешествие и плодородную землю, женщины тоже наверняка будут рады возможности немного согреться. После этого мы поставим палатки на ночь — а до тех пор должны вернуться лодки с древесиной. Их мы разгрузим сегодня же. И завтра начнем строить хижины, всеми силами, которые даст нам Господь! Остальные семьи ждут в Нельсоне. И ты знаешь: свадьбу отпразднуем только тогда, когда все окажутся здесь и с крышей над головой.

Чтобы ни в коем случае не терять времени, мужчины решили закупить доски, вместо того чтобы добывать древесину для временных хижин самостоятельно. Из этого материала в течение нескольких дней они построят самые простые дома. Но даже Ида во время разгрузки заметила, как плохо обработаны эти сучковатые доски. Вряд ли они стоили больше, чем древесные отходы. Построенные из этого материала хижины смогут защитить разве что от дождя и ветра, а вот отапливать их вряд ли получится.

Что ж, с этой проблемой они будут справляться тогда, когда она возникнет, а теперь всем хотелось укрыться в тепле.

Однако дело шло не так быстро, как они надеялись. Пасторы уже вышли навстречу поселенцам, они торжественно несли крест, затем громко затянули хорал. Поэтому первую благодарственную молитву прочли прямо на причале, и только потом все стали подниматься к станции, где на территории будущего лагеря должно было состояться небольшое богослужение. Дул ледяной ветер, но с площадки открывался чудесный вид на долину, и, несмотря на холод, Ида не могла не наслаждаться им. Долина Шахтсталь была действительно прекрасна — моргены и моргены ровной, наверняка плодородной земли, сейчас белой от инея, разделенной серебристой лентой, которая вилась, словно змея, — рекой Маутер. Скоро все зазеленеет, и в следующем году, когда придет время собирать первый урожай зерна, она станет золотисто-желтой. А как красиво будет тут, когда поднимутся крестьянские дома, окруженные аккуратными дорожками, когда в садах распустятся цветы, когда вырастут овощи, когда на зеленых лугах будет пастись крупный рогатый скот, в навозных кучах будут копаться пестрые куры, а в прибрежной грязи ковыряться свиньи...

Внезапно Иду охватило предвкушение новой жизни. Конечно, в Нельсоне ей было удобнее, и там она чувствовала себя свободнее, чем в

Рабен-Штейнфельде. Но и в Мекленбурге жизнь была чудесной! А здесь летом теплее, да и зимой далеко не так холодно, как в Германии. Поля и сады будут приносить богатый урожай — быть может, для этого придется меньше трудиться, чем дома. Ида постаралась забыть о каторге на картофельных полях. Сегодня ей хотелось вспоминать только приятные моменты деревенской жизни, а когда девушка посмотрела на других поселенцев, то поняла, что они чувствуют себя точно так же. Госпожа Брандманн буквально светилась изнутри, госпожа Краузе радостно качала на руках новорожденного ребенка — первого родившегося в Новой Зеландии, — и все возносили хвалу Господу. Казалось, лишь на Элсбет это не производило никакого впечатления.

— Если я немедленно не окажусь в тепле, я закричу! — заявила она Иде.

Франц тоже хныкал. Он выглядел ужасно бледным и замерзшим, Ида переживала за него. Его следовало срочно отправить под крышу.

Вскоре женщины и дети сгрудились у очага в доме миссионеров — который, конечно же, оказался слишком мал для такой толпы.

— Мы построим собственный дом для собраний! — заявила госпожа Брандманн. — И настоящую церковь. — На миссионерской станции имелась только небольшая временная часовня.

— Но мужчины все решили еще вчера. Первым зданием в Санкт-Паулидорфе будет церковь!

«Тогда попытайся хотя бы повлиять на отца и остальных, пусть первым делом строят не церковь, а дренажные колодцы...» — в ушах девушки вдруг снова зазвучали слова Карла, и радостное предвкушение тут же рассеялось, снова уступив место тревоге. Карл точно знал, как поступят переселенцы. Но окажется ли он прав и насчет реки?

Переселенцы трудились не покладая рук и с потрясающей скоростью. Временные домики для семей были готовы уже через неделю — неделю, которую мужчины провели в эйфории труда, а женщины быстро протрезвели благодаря постоянной борьбе с холодом и сыростью. Мороз продержался недолго, хотя достаточно для того, чтобы они чуть не замерзли насмерть в первую же ночь. На следующий день Франц уже кашлял, а Ида была в отчаянии, но, конечно же, никто не подумал о том, чтобы привезти с собой лекарства, пусть только мед и шалфей. К счастью, в домашней аптечке миссионеров нашелся какой-то сироп — они клялись, что очень полезный, хотя и приготовлен туземцами.

Госпожа Брандманн настойчиво предостерегала Иду от того, чтобы давать это лекарство мальчику.

— Они хотят убить нас всех! Возможно, это медленный яд.

Конечно же, это оказалось чушью. Сироп неплохо справлялся с кашлем, но хватило его не надолго, поскольку вскоре простудились другие дети и взрослые. Когда растаял снег, площадка с палатками превратилась в болото. В таком холоде и в такой сырости женщины не могли развести костры и приготовить еду. Но мужчины, увидев, что воды в реке особенно не прибавилось, ликовали.

— Вот видите, все это глупости. Даже после таяния снега река не разливается! — торжествуя заявил Брандманн во время утренней молитвы.

Остальные поддержали его. Они шумно благодарили Господа за проявленное милосердие. А Ида украдкой поглядывала на миссионеров, которые почему-то помалкивали.

— Давайте... В любом случае давайте попросим Господа, чтобы все так и оставалось, — наконец произнес пастор Волерс, а пастор Рименшнайдер немного охладил пыл переселенцев.

— Что ж, река бывает и бурной... — пробормотал он, но, конечно же, никто не обратил внимания на его слова.

Мужчины с еще большим энтузиазмом взялись за инструменты и отправились на стройку, и тут из палатки Краузе донесся пронзительный вопль:

— Крысы! Мой малыш, боже, мой малыш!

Через несколько минут почти все переселенцы собрались вокруг ее палатки, но, к счастью, маленький Рихард не пострадал. Однако крысы, которые сновали вокруг его корзины, когда в палатку вошла госпожа Краузе, накануне славно попиروвали их припасами. Другие женщины тоже обнаружили, что их продукты изъедены и загажены.

— Откуда они вдруг взялись? — разволновалась Ида, до смерти боявшаяся крыс. — И что мы будем с ними делать, у нас...

— У нас есть собака, — поежившись, ответил пастор Волерс, указывая на бело-коричневого длинношерстного пса, которого госпожа Брандманн и госпожа Краузе уже не раз прогоняли от своих палаток. — Его зовут Охотник. Правда, охотится он не очень хорошо, по большей части спит. А ведь мы его не кормим, чтобы он убивал этих тварей...

Собака действительно казалась весьма апатичной и тощей — если ее совсем не кормили, это было и не удивительно. Ида вспомнила, как мать напоминала ей о том, что нужно покормить кошек. Ловить крыс могут только здоровые, бодрые коты...

Она украдкой порылась в оставшихся продуктах, пытаясь найти что-

нибудь для собаки.

Фермер Фрисманн в раздражении возвел глаза к небу.

— Да не будет он на них охотиться, господин пастор, — заявил он. — Это овчарка, которая в лучшем случае может загнать крыс в угол и следить, чтобы они не сбежали.

Но тут отец Иды задал ключевой вопрос:

— Откуда взялись эти твари? Я думал, в Новой Зеландии нет вредителей. Нам сказали, что в этом отношении Господь благословил нашу новую родину.

Пастор Хайне пожал плечами:

— Как-то появились... Приплыли на судне из Европы. А здесь, на станции... Откуда я знаю, то ли забрались в лодку с провиантом, то ли в ту лодку, которая доставила ваши вещи или древесину...

— Не могли они так расплодиться за два дня, — желчно заявила госпожа Краузе. — Нам срочно нужен крысиный яд! А до тех пор мне придется не спускать с ребенка глаз.

В последующие дни оказалось, что крысы представляют серьезную проблему. Поселенцы не могли совладать с этой напастью, несмотря на то что женщины всячески пытались спасти от них припасы. Крысы прогрызали вощеную ткань, мешки и даже наспех сколоченные деревянные сундуки, пожирали зерно и бобовые. Только Иде жилось полегче, хотя ее братья и сестра постоянно жаловались, что в палатке воняет мокрой псиной. Но Ида никого не слушала. Перед лицом крысиной чумы и панического страха перед вредителями она восстала даже против отца. Охотник, пес миссионеров, досыта накормленный манной кашей, а порой и куском колбасы, спал между нею и Элсбет. Он не поймал ни одной крысы, но, похоже, они его боялись. Припасы Иды почти не пострадали от грызунов.

В конце августа мужчины наконец приветствовали свои семьи богослужением на причале. Погода была благосклонна к ним, почти весь день было солнечно и сухо. Но некоторые женщины все равно плакали. Не о таких домах они мечтали! Кроме того, не хватало практически всех предметов домашнего обихода. Сундуки переселенцев еще не доставили со склада.

— Не понимаю, на что они жалуются, все лучше, чем в палатках, — неодобрительно отзывалась о них Ида.

Вместе с Элсбет она расстелила на полу дома Ланге новые мешки с соломой. Старые пришлось выбросить, поскольку они кишели блохами, и все благодаря псу миссионеров, запущенному и постоянно чесавшемуся. К

счастью, к этому моменту Элсбет уже горой стояла за пса. Решив пожертвовать кусочком ароматного мыла из магазина миссис Партридж, который ей подарила на прощание хозяйка, она потащила сопротивляющегося Охотника к реке. Вскоре от пушистой шерсти собаки запахло розами. С тех пор как пса начали регулярно кормить, он стал намного подвижнее.

— Вопрос только в том, кому он достанется, когда ты выйдешь замуж, — заявила Элсбет, помахав в воздухе шкуркой от колбасы, чтобы приманить Охотника. Впрочем, это было бесполезно, животное по пятам следовало за Идой. — Будет нечестно, если ты заберешь его с собой. Особенно теперь, когда я его выкупала.

— Нужно завести еще собак, — задумчиво ответила Ида. Охотник был последним, о чем она беспокоилась, думая о предстоящей свадьбе. — И кошек... В Нельсоне ведь есть кошки.

— Если бы мы только могли снова попасть туда...

И Элсбет тоскливо вздохнула. Она не скрывала, что в Санкт-Паулидорфе ей не нравится. Куда интереснее было работать в магазине Партриджей, нежели хлопотать по хозяйству. Глядя на равнину под собой, она не видела цветущих полей, она думала лишь о том, как много времени уйдет на то, чтобы возвести здесь настоящую деревню, как тяжело будет работать в садах и на полях.

— Когда доставят вещи, нам сразу станет легче, — утешила сестру Ида, хотя прекрасно знала, что это не так.

Она хорошо помнила, как складывала сундуки в Рабен-Штейнфельде. Тогда от нее требовали взять как можно меньше вещей, чтобы не тратиться на оплату багажа. Но теперь... Якоб Ланге сорвался на крик, когда наконец-то привезли семейные сундуки.

— Где вся наша посуда? Где кастрюли, сковородки? Вместо этого — вышитое постельное белье... Элсбет! У меня в голове не укладывается! Как я мог поручить вам, глупым бабам, такие задачи!

Все недовольство действительно обрушилось на голову одной только Элсбет. После того как прибыли дорожные сундуки, Ида целый день провела, обставляя собственный домик. Она сразу забрала часть приданного — и очень обрадовалась тем немногим вещам, которые взял с собой Оттфрид. Брандманны привезли в Новую Зеландию четыре сундука. Страх госпожи Брандманн перед дикой новой землей победил скупость господина Брандманна. Но кое-что им все равно придется купить.

Ида с несчастным видом оглядела дом, который с завтрашнего дня ей придется делить с Оттфридом. Задержка багажа снова отсрочила

нежеланное событие, но Якоб Ланге и Петер Брандманн вместе с миссионерами уже назначили день свадьбы: она должна состояться пятого сентября, как и крещение младенца Краузе. Однако кульминацией станет закладка краеугольного камня новой церкви! Наделы у реки уже почти распределили, но каждый поселенец с радостью уступил немного земли для Божьего дома. Церковь станет центром Санкт-Паулидорфа, и мужчины уже начали рубить для нее лес. Петера Брандманна и Оттфрида это особенно воодушевляло — вновь потребуются их услуги, и община обязательно вознаградит их за труды.

— А по вечерам я буду заниматься нашим собственным домом! — с важным видом заявил Оттфрид. — Вот увидишь, он будет первым в деревне.

Место для постройки Ида уже осмотрела. Она нашла его довольно уютным, тут даже росло несколько неказистых деревьев, которых в долине было совсем немного. К этому моменту стало немного теплее, деревья на холмах снова выглядели здоровыми. Однако листья ропалостилисов, стоявших перед будущим домом Иды, все равно казались потрепанными, словно после бури.

Что ж, вот и свадьба... Ида ничего не могла с собой поделывать, она чувствовала себя подавленной и не испытывала при мысли о предстоящем празднике никакой радости, а в это время вся деревня уже занималась приготовлениями. Женщины пытались стряпать праздничные блюда из тех немногих припасов, которые они привезли с собой из Нельсона. К этому моменту они соорудили временную пекарню, и над поселением витал аромат свежего хлеба. Что же до мяса, пришлось довольствоваться несколькими курами, которые прибыли вместе с сундуками из Нельсона, свежей рыбы зато было вдоволь. На холмах и по всей долине Шахтсталь протекали ручьи, небольшие и крупные, и в каждом было столько рыбы, что даже такие малыши, как Франц, научились ловить форель руками. Ну, или рыбу, похожую на форель. Возможно, она относилась к другой разновидности, однако все равно была очень вкусной. Женщины даже оборудовали коптильню, а на завтрак варили уху. Конечно же, они постоянно жаловались на то, что им не хватает важных ингредиентов из домашних рецептов, но они импровизировали с тем, что нашли здесь, надеясь, что скоро в огородах у них вырастет свекла, картофель, капуста и укроп.

Видя, как радуются жители деревни, Ида отругала себя за уныние. Она старалась должным образом реагировать на шутки и приветливые слова женщин, когда возвращалась в дом Ланге, чтобы еще раз примерить

свадебное платье. Отнюдь не белое — это было не принято и в Рабен-Штейнфельде. Старолютеране не любили роскоши, но невесты надевали традиционную одежду — вышитые юбки и красивые передники, набрасывали яркие платки на плечи. В некоторых семьях эти наряды передавались из поколения в поколение, и они привезли их с собой на новую родину. Но у большинства переселенцев ничего подобного не было, поскольку их семьи вплоть до последних нескольких десятилетий были крепостными у помещика и одежду они имели только ту, которую носили изо дня в день. Позже к повседневной одежде прибавилась и праздничная, в которой по воскресеньям ходили в церковь. Годилась она и для семейных торжеств.

Женщины помогли Иде сшить из темно-синей шерсти, купленной в Нельсоне, простое закрытое платье, а также белый передник к нему и чепец, который с трудом сумели накрахмалить при такой влажности. А вот новой ночной сорочки у девушки не было... Впрочем, о первой брачной ночи она все равно и думать не хотела. Она даже примерно не представляла себе, что происходит между мужчиной и женщиной, только слышала звуки во время плавания на «Санкт-Паули». Когда муж ложился с женой, этого нельзя было скрыть от соседей. Иду всегда пугали эти стоны и кряхтение. Однако девушка была твердо намерена поступать так же, как ее мать и все поколения женщин до этого. Она смиренно вынесет все, что ей предстоит.

Поэтому она сумела храбро улыбнуться, когда на следующий день Оттфрид повел ее к импровизированному алтарю церкви, которая пока что представляла собой лишь торжественно установленный краеугольный камень. Шел небольшой дождь, и тент, который поспешно натянули над алтарем, чтобы защитит от него хотя бы пастора, брачующихся и ожидающего крещения младенца, немного пропускал влагу. Поэтому вскоре красивый чепец Иды уже обмяк на ее волосах, словно мертвая птица... По крайней мере, она предполагала, что это так выглядит, глядя на Стину Краузе.

Молодая мать, принарядившись, одела своего ребенка в белое крестильное платьице. Малыш беспрестанно плакал, скорее всего, ему было холодно. И Франц снова кашлял, похоже, у него поднялась температура. Ида тревожилась за брата, но сказала себе, что это теперь проблема Элсбет. Она не сможет вести два хозяйства — или, по крайней мере, не сможет, когда начнут строить настоящие дома. Уже сейчас некоторые женщины закладывали будущие сады. Иде тоже скоро придется копать и сеять. Семена они привезли с собой из Нельсона.

Оттфрид надел свой воскресный костюм и выглядел неплохо, шляпа у

него еще не размокла. Однако, когда он снял ее во время венчания, его редущие волосы быстро пропитались влагой. Тонкие пряди падали ему на лицо, и оно казалось еще более полным... Ида ничего не могла с собой поделаться, в ее памяти всплыли слова Элсбет: «Карл выглядит лучше, чем Оттфрид».

Кроме того, ощущать руки Карла на своих плечах было намного приятнее, чем неловкие объятия Оттфрида, который наконец поцеловал ее, после того как они произнесли слово «да»: Оттфрид — твердо и гордо, Ида — тихо и подавленно. Ей хотелось бы вложить в это слово больше радости, но ничего не получилось.

Не сумела она и полностью избавиться от мыслей о Карле, даже тогда, когда Оттфрид повел ее сквозь толпу и все смеялись и поздравляли их. Петер Брандманн и Якоб Ланге поднимали бокалы — по случаю свадьбы они позволили себе пропустить по стаканчику из самой последней бутылки самогона, привезенной с родины, которая нашлась в одном из сундуков госпожи Брандманн.

Но праздновать на улице, как было запланировано изначально, оказалось невозможно. Прячась от дождя, люди сбились в небольшие группы и расселись по разным хижинам. При этом снова собрались старые друзья и соседи по поселкам. Что поделаешь — община Санкт-Паулидорф еще не сплотилась.

Ида вместе с Оттфридом оказалась в хижине семейства Брандманнов, где было ужасно тесно. При этом Оттфрид ею практически не занимался. Новоиспеченный супруг сначала должен был выпить с мужчинами из Рабен-Штейнфельда, прежде чем вернуться к жене. Ида отведала немного рыбы, курицы и риса, но большая часть кушаний из ее тарелки перекочевывала под стол, в пасть Охотника. Пес тесно прижимался к ее юбке; в такую погоду ему тоже не хотелось торчать на улице. Наконец госпожа Брандманн вытащила из своих сундуков еще одно сокровище, на этот раз для женщин: смородиновую настойку.

Ида сначала не хотела ее даже попробовать, ей и от вида еды было дурно, но женщины заставили ее выпить большой стакан кисло-сладкого пряного напитка.

— Настойка тебе поможет! — сказала одна из женщин помоложе, не вдаваясь в подробности.

Остальные понимающе кивнули.

— Это больно, неприятно, но быстро заканчивается! — утешила ее Стина Краузе, не произнося даже слов «первая брачная ночь». — А когда потом у тебя появится ребеночек... — И она с улыбкой склонилась над

своим маленьким Рихардом.

Как бы там ни было, Иде, непривычной к алкоголю, стало немного теплее, и это девушке понравилось. Она почувствовала легкое опьянение и тут же устыдилась. Хоть бы Оттфрид ничего не заметил...

Впрочем, тот явно выпил намного больше. День уже клонился к вечеру, стемнело, и все стали расходиться по собственным хижинам. Искусственного освещения в Санкт-Паулидорфе еще не было, даже газовых или масляных ламп, которые могли бы давать хоть какой-то свет. У каждой семьи имелся только один фонарь, и теперь Оттфрид зажег свой дрожащими руками.

— Хватит. Пойдем... пойдем домой. Пора.

Глава 6

Джейн Фенрой удалось отложить брачную ночь с Кристофером. Веских причин для этого не было, не считая смутной неловкости, которую она испытывала при мысли о том, что ей придется заниматься этим неприятным делом в одном доме с родителями и сестрами. Джейн и Крис должны были провести первую брачную ночь в доме Бейтов, прежде чем Крис отправится в Кентербери, чтобы построить первое временное жилище на будущей ферме. Но важнее казалась проба своих сил. Джейн была просто обязана проверить, как далеко она сможет зайти с Кристофером, и в действительности это оказалось до смешного просто. Молодые супруги через несколько часов после начала праздника удалились в анфиладу комнат, которую предоставили им родители Джейн. Одна из горничных — неопытная, но зато говорившая по-немецки малышка, по непонятным причинам желавшая называться Кэт и только Кэт, — уже ждала там Джейн, чтобы помочь ей выбраться из помпезного платья. Возможно, она порвет его при этом, ну да какая разница...

Джейн бросила на Кристофера быстрый взгляд, прежде чем войти в спальню.

— Мы сделаем это сейчас или подождем другого случая, когда ты будешь трезв? — холодно поинтересовалась она.

Вопрос был нечестным — Крис вовсе не был пьян. Конечно, он выпил бокал шампанского, а потом еще пару стаканчиков со своими друзьями, но его не шатало, язык не заплетался, и сомневаться в том, что он сможет выполнить свои обязанности в эту ночь, не приходилось. И едкий намек Джейн стал для него ударом. Он буквально отскочил назад, покраснел и опустил голову.

— Как... как скажешь, Джейн...

Джейн сардонически улыбнулась и кивнула горничной, стоявшей

рядом и не знавшей, куда деваться от стыда.

— Тогда оставим это. Пойдем, Кэт, помоги мне снять платье, не то я задохнусь в корсете... А тебе, Крис, я желаю доброй ночи.

Где в итоге будет спать ее супруг, Джейн не знала, и ей было все равно. Устроится на каком-нибудь диване или кресле в салоне небольшой анфилады. На следующее утро, прежде чем Джейн спустилась к завтраку, Крис уже уехал.

— Он так торопится свить гнездышко! — проворковала мать. — Оно и понятно, ему хочется иметь собственный дом, где он сможет поступать так, как ему вздумается. Сегодня ночью он был очень сдержан. Ничего не было слышно...

Положив себе свежую булочку, Джейн пришла к выводу, что ее решение было правильным. Зачем ей это нужно, чтобы в доме родителей все были в курсе подробностей ее семейной жизни?

Однако Кристофер вернулся спустя несколько недель, раньше, чем ожидалось, и он был в совершеннейшем восторге от своей земли и их нового дома. Неловкую ситуацию первой брачной ночи он, казалось, забыл или по крайней мере загнал в дальний уголок памяти.

— Все произошло гораздо быстрее, чем я надеялся, Джейн! — сияя, рассказывал он. — В той местности живет племя маори — *нгаи таху*. Они куда стоворчивее, нежели *нгати тоа*. Мужчины сразу согласились мне помочь. Сперва при постройке дома, а потом и при засеве поля. Мы уже построили дом, похожий на их дома для собраний.

— Что-то вроде типи[47]? — ужаснулась Джейн.

Крис вернулся в Нельсон неожиданно, и у нее не было даже времени привести себя в порядок. В просторном выходном платье она выглядела еще более бесформенной, чем обычно, — и, хотя она убеждала себя, что ей все равно, нравится она супругу или нет, собственный наряд казался ей недостойным.

Крис нахмурился:

— Почему типи? Ты никогда не видела поселения маори, Джейн? У них нет ничего, абсолютно ничего общего с североамериканскими индейцами! Маори живут не в палатках, ну, если только не кочуют. Да ты увидишь все сама, теперь они будут нашими соседями. И мы сразу же начнем сеять, этой же весной я уже буду обрабатывать поля. Когда ты сможешь выехать, Джейн? Судно в Порт-Викторию отправляется завтра же.

Джейн совсем не хотелось жить в захолустье, и уж тем более рядом с дикарями. Но в родительском доме она тоже чувствовала себя неуютно. Она наслаждалась странным промежуточным статусом замужней

женщины, живущей под крылом матери и под наблюдением хихикающих жеманных сестер. Девочки постоянно дразнили ее, намекая на приобретенный во время первой брачной ночи опыт и пытаясь выспросить пикантные подробности. В любом случае причин откладывать отъезд не было. Сундуки с приданым Джейн были собраны и упакованы еще много недель назад. Оставалось только пережить ночь перед отъездом...

Однако Джейн повезло, Кристофер даже не пытался приблизиться к ней. В городе случайно оказался Фредерик Таккетт — речь снова шла о расследовании резни на реке Вайрау и грозящем Новозеландской компании банкротстве. Джон Николас Бейт скрывал подробности от своей любопытной дочери, но, сопоставив данные, Джейн поняла, что ничего хорошего ждать не приходится. Спасти компанию могло только заселение равнины Вайрау. Несмотря на то что отправка немцев в долину Маутера казалась Бейту и Уэйкфилду блестящим ходом, однако в долгосрочной перспективе это ни в коей мере не решало проблем компании и только настроило Таккетта и Спейна против магистрата Нельсона.

В этот вечер Кристофер встретился с Таккеттом, чтобы пропустить по паре бокалов пива, и даже не попытался проникнуть в спальню Джейн. Возможно, на этот раз он был действительно слегка навеселе. По крайней мере, за завтраком он выглядел несколько помятым.

Судно в Порт-Викторию отправлялось около полудня, багаж Джейн погрузили на него еще утром. Крис галантно сопровождал жену на борт, с безукоризненной вежливостью попрощался с ее родителями, впрочем, не забыв еще раз поблагодарить ее отца за надел в Кентерберри.

— Он ведь записан на Джейн? — спросил Крис, и Бейт поморщился.

— Нет, разумеется, я переписал его на тебя, — заявил он. — Что бы с нами случилось, если бы всем заправляли бабы?

Джейн промолчала, но Крис прочел в ее глазах, что внутри у нее бушует вулкан. И хотя он вздохнул с облегчением, поскольку она не стала вмешиваться в его дела, молодой человек посчитал, что должен утешить жену.

— Женщины маори могут владеть землей, — поведал он ей, когда Бейт уже не мог их слышать. — Если у них вообще есть то, что можно назвать земельным правом. Представления на этот счет у них совершенно иные, нежели у нас. Но, если женщина возделывает землю, считается, что она принадлежит ей. В целом же у женщин маори примерно такие же права, как и у мужчин. Например, есть женщины, управляющие племенем.

— Женщины-вожди? — переспросила Джейн с неподдельным интересом. Она впервые обратилась к Кристоферу без насмешки,

совершенно искренне. — Когда заключали договор Вайтанги, об этом и речи не было.

Крис покачал головой:

— Дело в том, что в Вайтанги не приехали женщины. Точнее, Хобсон и Басби отослали их прочь, и их племена были вынуждены выбрать вождей из мужчин. Ведь всегда так бывает, что некоторые люди только и ждут момента, чтобы захватить власть, если вождь проявит слабость. Поэтому на Северном острове почти не осталось женщин-вождей, но по-прежнему есть женщины-старейшины и *тохунга*. Будучи переводчиком, я часто с ними общался, и они ведут дела ничуть не хуже мужчин.

Кристофер подумал о Кэт, и на сердце у него снова стало тяжело. Вчера вечером он не видел ее, поскольку она старалась держаться от него подальше после того неловкого случая у дверей спальни Джейн. Кэт помогла Джейн раздеться и сразу же исчезла, но затем вернулась с охапкой постельного белья, чтобы помочь Крису устроиться в гостиной. После этого она хотела молча уйти, но в последний момент передумала.

— У твоей жены много *мана*, — заметила она, и с тех пор Кристофер размышлял о том, не прозвучала ли тогда в ее голосе насмешка.

Из Порт-Виктории на Кентерберийскую равнину можно было попасть через перевал, а можно было сесть в лодку и подняться из бухты на север по еще безымянной реке.

— Безымянной эта река остается только для нас, — пояснил Кристофер. — Маори называют ее Ваймакарири. Конечно же, большинство *пакеха* об этом не знают. А ведь было бы намного проще закрепить уже имеющиеся названия — не пришлось бы постоянно запутывать друг друга.

— Немцы назвали долину, в которой они сейчас живут, в честь капитана своего судна, — заметила Джейн.

Как оказалось, если речь шла о каких-то общих вещах, с Кристофером было очень даже приятно общаться. Она уже хорошо воспитала его. Когда ее муж не ожидал подвоха, он тут же начинал вилять хвостом, словно собака, которую погладили по голове.

— А свое поселение — Санкт-Паулидорф, — добавил он и тоже улыбнулся. — Причем поступают они точно так же, как маори. Туземцы очень тщательно сохраняют в памяти племени названия каноэ, на которых их предки когда-то приплыли в Аотеароа. Ты же знаешь, они тоже жили здесь не всегда, первоначально они обитали в Полинезии.

Джейн рассмеялась.

— Кто-то обязательно должен рассказать об этом немцам. После этого они будут креститься битый час. Их деревня Санкт-Паулидорф названа в

традициях маори!

Вдруг Кристофер посерьезнел.

— Скорее всего, они просто не поверят этому. Отмахнулись ведь они от предупреждений относительно Маутера, поселились там, где часто бывают наводнения. Это станет источником неприятностей для твоего отца и компании. Хорошо, что мы уехали до того, как разразилась буря.

Пейзаж в Кентерберии отличался от лесистой местности вокруг Нельсона, и климат здесь тоже был другой. Перед глазами расстилалась бесконечная равнина туссок, обильно орошаемая из-за частых дождей. Лето тут было прохладнее, а зимы — мягче, чем в Нельсоне, и пальмы почти не росли. Среди лугов встречались рощицы южных буков. Цвели здесь, конечно, и *рата*, в этой местности больше похожие на кусты, чем на деревья, — и это было первое, что бросилось в глаза Джейн, когда Кристофер показывал ей будущее имение Фенроев.

— Да здесь же все в сорняках, — проворчала она.

Путешествие по реке показалось ей слишком длинным, а потом еще пришлось идти пешком до фермы, и приподнятое настроение улетучилось, сменившись привычной раздражительностью. Эта ферма была расположена в точности так, как она предполагала, — вдали от какой бы то ни было цивилизации. И, несмотря на то что она прекрасно об этом знала, девушка снова стала сетовать на судьбу. Пока тут появится хоть что-нибудь стоящее, с чем можно будет иметь дело, пройдут годы...

— Да, придется кое-что выкорчевать, — с сожалением произнес Кристофер.

В принципе, ему даже нравилось, что его землю покрывали кусты *рата*. Сейчас, весной, их нежные цветы как раз распускались, и Крис снова вспомнил о Кэт. О том, как он шутя пытался придумать ей имя... и то, как она назвала эти растения: огненные цветы.

— Но разве они не роскошно выглядят? Я уже подумывал о том, чтобы назвать ферму «станция Рата»...

— Не очень-то благозвучно, — усмехнулась Джейн. — Ну а где же дом?

Кристофер показал на холмик на равнине.

— Я тут подумал... ну, если тебе подойдет, конечно... Настоящий дом будет здесь, на холме. Двухэтажный, фермерского типа. На первое время мы построили там, сзади, простой сруб. Потом будем пользоваться им как сараем.

Молодой человек зашпешил, ведя Джейн вокруг холма, и та действительно была поражена, когда увидела дом — одноэтажный и

прочный, с двускатной крышей и украшенным резьбой треугольным фронтоном над входом. Джейн никогда не думала, что коренное население живет в таких домах.

— Входи, входи, или я должен перенести тебя через порог? Это отпугнет злых духов, — неуверенно пошутил Кристофер, поскольку Джейн не торопилась высказать свое мнение по поводу их будущего жилища.

Девушка презрительно покосилась на него:

— Ты ведь на самом деле не веришь в духов, правда?

Казалось, Джейн всегда была готова усомниться в его здравомыслии.

Крис натянуто улыбнулся. Конечно же, в духов он не верил, а если бы даже верил, то ни один дух не осмелился бы напасть на Джейн Фенрой-Бейт!

— Маори верят, — ответил он.

— Тогда пусть перенесут меня через порог, — заносчиво отрезала Джейн и вошла в дом, не дожидаясь, пока Крис придержит для нее двери.

С первого взгляда она не нашла, в чем его упрекнуть. Дом был просто великолепен, особенно для постройки, возведенной в столь короткий срок. Кристофер разделил похожее на зал помещение простыми деревянными перегородками, так что тут образовалось несколько комнат. В том числе что-то вроде приемной, как у ее родителей, но оттуда нельзя было сразу попасть в жилое помещение, как в домах на Диком Западе, которые преследовали Джейн в кошмарах, когда она думала о своей будущей ферме. За приемной располагался главный зал, из которого двери вели в спальню и маленькую кухню. В кухне был еще один выход. А за спальней — еще одна комната.

— Она пригодится, если... если наш брак будет благословен детьми, прежде чем построят новый дом, — произнес Кристофер, нервно потирая лоб.

Джейн ничего не ответила — только что она обнаружила, что ее молчания вполне достаточно для того, чтобы сбить мужа с толку. Ее это развлекало.

— Ты... ты не против, если мы занесем сундуки и твою мебель завтра? — спросил Кристофер.

Уже смеркалось, а день выдался долгим. У Криса не было ни малейшего желания запрягать лошадь, которая приветственно заржала им из загона, затем в одиночку грузить вещи в повозку... Джейн на миг задумалась, как он планирует организовать это на следующий день. Оставалось лишь надеяться, что он не ожидает от нее помощи!

— Самая необходимая мебель есть.

И это была правда. Стол и два стула, шкаф с простой глиняной посудой, сковородой и кастрюлями, а также широкая прочная кровать.

Джейн решила не портить вечер себе и ему. Она устала и проголодалась, а если она сейчас отправит Криса на улицу, пройдет еще очень много времени, прежде чем они смогут поесть.

— Занеси только корзинку с едой, — согласилась она. — А я пока накрою на стол.

Наверное, бессмысленно сейчас начинать его пилить насчет слуг. В конечном итоге ей, конечно же, понадобится горничная, но в этой хижине совсем не было места для прислуги.

Вскоре они устроили небольшой пир для двоих. Кухарка Бейтов положила в корзину вдоволь провианта: копченое мясо, жареные куриные ножки и свежий хлеб. С завтрашнего дня — и Джейн это понимала — им придется забыть о подобной роскоши. Она видела, какие припасы закупил Крис на ближайшие месяцы: в основном это были крупы и бобовые. Судя по всему, он предполагал, что она будет готовить сама, а также печь хлеб. Джейн никогда прежде подобным не занималась, но все же постаралась разузнать кое-что об этом. Помогут ли ей эти знания на практике, девушка не знала. На первый взгляд печь показалась ей похожей на злобное чудовище.

В корзине обнаружилась также и бутылка вина, Джейн заметила, что Кристофер к ней не притронулся, хотя она поставила ее на стол. Она поняла, что он хотел этим сказать. В эту ночь ей от него не отвертеться. Если только она не придумает что-нибудь еще...

Поразмыслив над этим, она решила не откладывать неизбежное.

А в это время примерно в трехстах милях к северу Ида шагала по поселку близ миссионерской станции вслед за своим новоиспеченным супругом сквозь налитые дождем сумерки. Было темно, сквозь тучи не пробивался свет звезд, и, не будь у Оттфрида фонаря, они ни за что не нашли бы свою хижину. Коптилка едва освещала дом, но Ида сразу же почувствовала себя немного лучше, когда разглядела в ее слабом свете постельное белье и скатерть, которыми вчера украсила скудную мебель в домике. Впрочем, Оттфрид обошелся с ними не очень-то аккуратно. Прошлой ночью он уже спал здесь и, судя по всему, не потрудился заправить постель. На скатерти виднелись пятна воска и пищи. Посуду, из которой Оттфрид вчера ел суп, принесенный из дома матери, он за собой не помыл.

— Так, раздевайся, — сказал ей Оттфрид. — Я отвернусь.

И, украдкой усмехнувшись, он повернулся к девушке спиной, а Ида

поспешно сняла платье через голову. В доме была только одна комната, и ей некуда было спрятаться.

— Ку-ку!

Она видела, что Оттфрид, закрыв лицо руками, смотрит на нее сквозь пальцы, пока она поспешно натягивала ночную сорочку. Девушка дрожала не только от стыда, но и от холода. В хижине был очаг, но Оттфрид не стал утруждать себя разведением огня, не подготовил даже дров, прежде чем отправиться на свадьбу, и рассмеялся, когда его жена робко заметила, что ей холодно.

— Я уж тебя согрею! — сказал он. — Готова?

Ида кивнула, хотя он этого не мог видеть, но долго ждать он все равно не стал. Оттфрид повернулся и посмотрел на девушку — испуганную, дрожащую, кутающуюся в одеяло — жадным похотливым взглядом. Ее темно-каштановые волосы обрамляли лицо, словно вуаль, глаза сверкали, а затем расширились от ужаса, когда Оттфрид снял штаны, обнажив свой покачивающийся член.

— Что... что... это такое? Ты уже... ты уже это... делал раньше? — с трудом выдавила Ида.

Оттфрид расхохотался. В принципе, у нее было право задать этот вопрос: в Рабен-Штейнфельде он никогда не получил бы возможности засунуть свой член в женщину до брака. Но время в Байе он провел с пользой, да и в Нельсоне был паб, где трактирщик держал двух проституток.

— Не бойся, милая! — великодушно заявил он. — Твой супруг тебя всему научит...

С этими словами он погасил свет, и Ида почувствовала, как ее окружила темнота, которая была чернее всякой ночи. Девушка знала, что этого не может быть, что эта ночь не темнее других и в этом доме не темнее, чем в том, в котором она жила со своей семьей. Но тут она услышала тихое повизгивание... Охотник, проскользнувший в дом вслед за ней, чтобы с несчастным видом свернуться у холодного очага, похоже, понимал, что она переживает.

Иде хотелось, чтобы животное было рядом, хотя от его мокрой шерсти вряд ли будет пахнуть розами. Но даже эта вонь не так отвратительна, как запах алкоголя и нечистого дыхания, который она чувствовала сейчас. Прежде Оттфрид никогда не приближался к ней так близко, сейчас же он дышал ей в лицо, его рот искал ее губы, его язык проталкивался между ее зубами. Она узнала запах копченой рыбы, которую он ел, и водки, которую он вливал в себя стаканами. Иде показалось, что ее сейчас стошнит, но

страх перед тем, что еще только должно было случиться, парализовал ее. Она терпела, пока Оттфрид мял ее грудь, прежде чем наброситься на нее. Всем весом он прижал ее к твердой кровати — а затем девушка ощутила что-то пульсирующее и твердое внизу живота. Оно вошло в нее, словно нож. Ида собиралась молча перенести все испытания, но не удержалась и вскрикнула. Нож вышел из нее, когда Оттфрид пнул пса, прыгнувшего на постель, чтобы спасти Иду.

— Проклятая шавка!

Ида услышала рычание, затем Охотник взвизгнул и, поскуливая, убрался прочь. Впрочем, Оттфрид его не убил. Ида вздохнула с облегчением и храбро подавила стон. Она боялась того, что могло случиться, если собака снова попытается защитить ее.

На этот раз боль оказалась не такой резкой, как в первый раз, когда внутри у нее словно что-то порвалось. Зато теперь все длилось дольше. Оттфрид двигался на ней, так что она едва могла дышать, снова и снова входил в нее и при этом издавал пугающие звуки. Он стонал, тяжело дышал... а где-то в углу негромко поскуливала собака.

«...быстро закончится». Ида вдруг вспомнила, что говорили ей женщины... Судя по всему, это какая-то жестокая шутка! Ей казалось, что прошло много часов, прежде чем Оттфрид, с трудом переводя дух, наконец рухнул на нее сверху.

— Это было очень даже неплохо, сладкая моя, — пробормотал он. — Но смотри, я скоро смогу еще! Я могу и четыре раза за ночь, Стивеноса шлюха из порта так удивилась... Дай отдышусь только.

Ида не осмеливалась пошевелиться, пока он снова набирался сил, лежа на ней. Отвратительная штука между его ногами обмякла и теперь, мокрая и неподвижная, лежала у нее на бедре. Ида почувствовала, что у нее идет кровь, и встревожилась. Месячные были только неделю назад... Но тут Оттфрид снова задвигался! Муки и страх повторились, только на этот раз, отпустив ее, он уснул. Ида стала осторожно выбираться из постели, чтобы как-то помыться. Не важно, насколько холодной окажется вода, нужно было смыть хотя бы кровь. Но Оттфрид схватил ее, когда она попыталась встать.

— Не уходи, ты должна греть меня, — пробормотал он и крепко стиснул ее в объятиях.

Освободиться Ида так и не сумела. Она лежала без сна, дрожа от боли, унижения и беспросветного отчаяния. Сколько же она сможет так выдержать?

Джейн сняла свое платье и корсет, в то время как Кристофер завел

лошадь в конюшню, и девушка спросила себя, кто же кормил животное вчера. Затем она спокойно переоделась в шелковую ночную рубашку. К счастью, в доме было не холодно: Крис затопил печь на кухне, и тепло от нее согрело и спальню, и зал.

Джейн распустила волосы, и они упали на плечи густыми прядями темно-каштанового цвета. Немного подумав, она погасила масляную лампу, но прежде зажгла три толстые свечи. Они освещали комнату ровно настолько, чтобы можно было разглядеть очертания предметов. Джейн не желала любоваться наготой Кристофера, но предпочитала знать, что происходит вокруг нее. Она ни в коем случае не собиралась оставаться с ним в крошечной темноте.

Судя по всему, Кристоферу понравилось такое романтическое освещение, когда он наконец пришел в спальню. Он уже снял рубашку, видимо, чтобы помыться, и теперь от него приятно пахло мылом. Обнаженный торс его выглядел весьма неплохо, а когда он снял штаны, Джейн увидела, что ноги у него тоже мускулистые. Казалось, его нервировало то, что она так бесстыдно рассматривает его.

— Ты уже занимался этим? — поинтересовалась она, когда он подошел, чтобы лечь рядом с ней в постель. Подштанники он, судя по всему, собирался снять уже под одеялом.

— Ну... да... — Она не могла разглядеть его лицо, однако по голосу было ясно, что он покраснел. — Но с любимой девушкой ни разу...

Джейн шумно вздохнула.

— Что ж, тогда для тебя сегодня ночью не будет ничего нового, — заметила она. — Что мне делать? Я полагаю, женщина должна лечь на спину, верно? Осторожнее с ночной рубашкой, это брюссельские кружева.

Все намеки матери, и успокаивающие, и пугающие, на то, что ожидает ее в постели с мужем — «Это больно, но быстро заканчивается!» — не оправдались в первую брачную ночь Джейн. В действительности прошло довольно много времени, прежде чем Крис Фенрой решился войти в нее. Он долго поглаживал и целовал ей грудь, лицо и шею, прежде чем наконец лег сверху, а затем что-то твердое, находившееся у него между ног, вошло в самую интимную часть ее тела. Когда он вторгся туда, ей действительно было немного больно, что-то разорвалось, и девушка почувствовала, что у нее пошла кровь. Но это было далеко не так ужасно, как она предполагала, глядя на полные слез глаза и нервно комкающие платок руки матери. После того как твердая штука оказалась у нее внутри и Кристофер начал осторожно двигаться, Джейн ощутила легкие толчки и даже в некотором роде приятное покалывание. Наконец — это было не больно, но довольно

противно — из члена Кристофера в Джейн потекла жидкость. Сразу же после этого штука внутри нее съежилась и снова стала мягкой. Кристофер издал весьма сдержанный стон. Она представляла себе эти звуки более громкими и резкими, ведь ее мать искренне предполагала услышать их даже через закрытые двери. Тем лучше. Джейн облегченно вздохнула, когда он скатился с нее.

— Уже все? — удивленно спросила она. — И почему все так волнуются по этому поводу? После того, что говорила мне мать, я ожидала урагана. Но ничего страшного не произошло... Где здесь можно помыться?

Она неохотно вылезла из постели, ощущая его жидкость и свою кровь на бедрах, и почувствовала себя грязной.

— С тебя что-то... капало. Может быть, в будущем ты смог бы этого избежать?

Когда она вернулась, Кристофер сделал вид, что спит. Мужчина был обижен и унижен. Он не знал, сколько сможет выносить это.

Глава 7

— Может быть, мы должны рассматривать это как Божью кару, а скорее как Его послание, — объявил Оттфрид.

После сильных ливней в первые дни января они наконец-то смогли спуститься к своему участку у реки и теперь стояли над своим разрушенным домом, точнее, над его утопающим в грязи фундаментом.

— Ну, я хочу сказать... Мы ведь немного успели сделать... и доски не сломались, они просто намокли. Мы построим дом в другом месте. Подальше от реки.

Оттфрид верил в свои слова. Всего несколько дней назад он начал работать над их с Идой общим домом. До того он был занят строительством церкви и домов зажиточных поселенцев, которые хотели закончить их как можно быстрее и хорошо платили столярам. А вот Ида работала в своем саду и на полях уже четыре месяца — она начала сразу после свадьбы, и теперь, новозеландским летом, должна была уже вскоре собрать первый урожай бобов и тыкв. Она едва не плакала, думая о чудесных вещах, унесенных водой или погребенных под толщей грязи, о долгих часах тяжелой работы, плоды которой были уничтожены так быстро.

Ливень начался два дня назад, а именно в воскресенье, в день Господень, во время общинной молитвы. Верующие мгновенно промокли до костей, но все выдержали положенное время, надеясь на то, что после проливного дождя снова засияет солнце. С начала лета так случалось всегда, и весной тоже не было сильных дождей. Затяжных,

продолжительных ливней до этого январского воскресенья переселенцы еще не видели. Дождь все не прекращался, над горами клубились темные тучи, которых становилось все больше. Милые ручейки, весело журчавшие и полные рыбы, которые текли по будущим полям, мгновенно разбухли и превратились в сметающие все на своем пути потоки, вливавшиеся в Маутер. Раздался оглушительный грохот, который заставил людей разомкнуть образовавшийся вокруг временного алтаря круг несмотря на то, что слово «аминь» еще не было произнесено.

Наверху, рядом с миссионерской станцией, шум реки никогда не был слышен, обычно Маутер нес свои воды неспешно и довольно лениво. Шелест его вод можно было различить лишь у самого берега. Но теперь он бушевал, его чистая и прозрачная вода пожелтела от грязи, и переселенцы беспомощно наблюдали за тем, как тонут фундаменты их новых домов, когда река, бурля и пенясь, вышла из берегов. Расположенные у самого Маутера участки залило очень быстро. Несколько часов вода бурлила, перекачиваясь через них, а затем остановилась, превратившись в ровное, как зеркало, озеро, сначала желтоватое, затем серебристо-серое. Когда наконец прекратился дождь, река вернулась в свое русло, а грязь осталась.

— Ил удобрил почву, — продолжал Оттфрид. — Господь...

— Господь мог отправить свое послание и до того, как я выкорчевала все лишнее на этом лугу, перекопала его и засеяла семена на десять фунтов! — со злостью ответила Ида. — Очень мило с Его стороны наградить меня теперь плодородной землей, но тем самым Он уничтожил весь мой труд. И твой тоже, мы...

— Ты богохульствуешь! — Голос Якоба Ланге прозвучал, словно раскат грома, словно глас карающего ангела, когда он резко оборвал дочь. — Как ты смеешь? А ведь вполне может быть, что именно жеманничанье и постоянные жалобы наших женщин стали причиной Его гнева... И непослушание наших сыновей.

Старшие поселенцы были недовольны тем, что некоторые из младших сыновей в последнее время отказывались обрабатывать поля и заниматься строительством домов, подрываясь мостить дороги. При поддержке правительства Новозеландская компания начала прокладывать улицы в Нельсоне, за что платила довольно хорошо. Молодым людям это показалось более интересным и выгодным занятием, чем строить в Санкт-Паулидорфе дворы и мастерские, которые потом унаследуют старшие братья. В Нельсоне они познали свободу и уже не хотели подчиняться традициям, а значит, своим отцам и пасторам. Впервые в жизни у них был выбор, и самые смелые сделали его в пользу приключений.

— Никто тут не жеманничает!

Ида резко возразила отцу, но вспышка ярости, которая только что сжигала ее изнутри, уже погасла. Теперь она не чувствовала ничего, кроме усталости, как и каждый день после свадьбы. Кроме того, бунтовать было бессмысленно. Якоб Ланге не слушал аргументов женщин. Если они просили купить ткань на платья, вещи для домашнего обихода или необходимый инвентарь для работы в саду, мужчины считали это мотовством. В Рабен-Штейнфельде, говорили они, в этом не было надобности. Ида и другие женщины могли сколько угодно повторять, что без шерсти они не смогут прясть, что мужчины сами настаивали на том, чтобы оставить почти всю посуду в Мекленбурге. Инструменты для работы в саду переселенцы с некоторой неохотой все же закупили, но они не справлялись с твердой почвой туссока, связанной крепкими корнями травы. Грабли и лопаты легко ломались. А те немногие платья, которые женщины привезли со старой родины, за это время так истрепались, что едва не распадались на части. Но мужчины не хотели смотреть правде в глаза. В Рабен-Штейнфельде семьи обеспечивали себя сами, здесь же все нужно было сначала купить, а затем доставить по реке на лодке.

— Но нам же нужно что-то есть!

Несмотря на усталость и упреки отца, Ида заставила себя говорить. С первого дня потопа она снова и снова вспоминала слова Карла: «Земля на реке Маутер — это на самом деле болото. Это значит, что ее затапливает всякий раз, когда наступает половодье, — а это случается регулярно, и зимой, и летом». Если сейчас ничего не произойдет, если мужчины срочно не передумают, эта беда, возможно, повторится снова.

— А теперь первый урожай смыло...

— Тем лучше, с Божьей помощью вырастим второй! — заявил Ланге. — До тех пор Новозеландская компания должна нас поддерживать. В сельском хозяйстве случаются неудачи.

Ида вздохнула. Верно, Новозеландская компания продолжала присылать продукты переселенцам. Это было прописано в договоре, им должны были помогать до тех пор, пока земля не принесет плоды. Однако с каждой поставкой рацион сокращался. Свежих овощей и фруктов почти не было, приправы, масло, не говоря уже о мясе, стали роскошью. Обычно им привозили сушеное мясо, которое приходилось варить несколько часов, прежде чем оно становилось съедобным, хотя и совершенно безвкусным. К тому же возникала проблема с хранением продуктов. В лагере всем по-прежнему не давали покоя крысы, многие продукты пропадали. Женщины уже пришли к тому, что стали собирать дикорастущие травы или, надеясь

на удачу, варить коренья местных растений. Иногда им удавалось найти что-то вкусное, что приносило некоторое разнообразие в меню, но чаще вся семья страдала от боли в животе или от поноса.

На подобные эксперименты Ида еще не решалась, для этого ей просто не хватало сил. При этом она была не против тяжелой работы, еще в Рабен-Штейнфельде она не покладая рук трудилась на полях и в саду. Однако тогда по ночам ее не домогался Оттфрид. Ида не представляла себе, как это выдерживают другие женщины, может быть, их мужья были не настолько активны или сами они были не так чувствительны. Ида же по-прежнему с трудом выносила, когда Оттфрид бросался на нее, входил внутрь и повторял это действие столько раз, сколько у него получалось. Ей было противно ощущать его дыхание на своей шее, когда он наконец засыпал, придавив ее своей тушей. Его храп не давал ей спать, объятия причиняли ей боль. Отдохнуть женщина могла только тогда, когда он уезжал в Нельсон, — к счастью, он ездил туда довольно часто.

Считалось, что Оттфрид знает английский язык лучше всех и обладает твердым характером. Участие в экспедиции Уэйкфилда в Вайрау принесло ему уважение всех поселенцев, поэтому старейшины поселка снова и снова поручали ему делать закупки в Нельсоне. Обычно в такие дни он брал лодку утром и появлялся только на следующий день вечером, а иногда приходилось ждать заказанные товары даже два дня. Ида наслаждалась свободой, но расплачивалась за нее, когда Оттфрид наконец возвращался. От него каждый раз пахло алкоголем — и в последующие дни тоже. Иде это казалось странным, пока она не обнаружила среди его инструментов бутылку виски. Судя по всему, совершая сделки для односельчан, он брал из выделенных денег некоторую сумму, чтобы посетить паб и купить что-то лично для себя. Некоторое время Ида размышляла, не заявить ли об этом, но тут он пришел домой за забытыми инструментами и застал ее со своей бутылкой виски... С тех пор у нее появилась новая причина бояться его. Впрочем, только это и было настоящей причиной — в конце концов, то, что случалось ночью, приходилось терпеть всем женщинам. «Это часть совместной жизни», — снова напомнила ей Стина Краузе, когда она наконец не выдержала и доверилась самой юной из замужних женщин. Мужчины ничего не могут с этим поделать, они ведь не нарочно причиняют женщинам боль.

— Наоборот, тем самым они доказывают свою любовь к нам! — твердо стояла на своем Стина. — В конце концов, таким образом они дарят нам детей.

Но, когда Ида заявила Оттфриду о своих подозрениях, он причинил ей

боль совершенно намеренно. Она не сомневалась, что он снова нарочно сделает ей больно, если она выдаст его тайну.

— Я заключаю отличные сделки для общины! — оправдывался потом Оттфрид, когда немного успокоился. Оставив на время угрозы, он теперь попытался объяснить свой взгляд на ситуацию испуганной Иде. — Поэтому вполне справедливо отчислять себе за это небольшое вознаграждение.

Вспомнив слова Карла, Ида задумчиво потерла щеку, а затем решительно подавила вспыхнувший страх. Кто-то должен объяснить ее отцу, Оттфриду и остальным, что Господь, если Он вообще имеет отношение к этому наводнению, хотел сказать им только одно: поселитесь в другом месте!

— Нам придется заново заложить фундаменты домов, помолиться об этом и... Собственно, поэтому я и пришел, Оттфрид... Поблагодарить Господа за чудо! — Якоб Ланге радостно воздел руки к небу, а затем показал на холмик на равнине, на котором уже виднелось красивое здание церкви. — Смотри, мальчик! И ты тоже, Ида! Господь продемонстрировал недовольство некоторыми нашими поступками, но свой дом Он пощадил! Поэтому мы будем продолжать работу! Завтра земля просохнет, и мы сможем начать все сначала!

— А если что-то подобное произойдет опять? — запальчиво возразила Ида. — Что, если река снова выйдет из берегов? Неужели вы совсем не думаете о том, что Карл... — Она не успела договорить.

— Не смей произносить это имя! — рявкнул Ланге, а Оттфрид схватил жену за руку:

— Я не потерплю, чтобы ты повторяла тут глупости, которые выдумал этот лодырь! Эта земля дана нам Господом — и она прекрасна.

— И мы докажем, что достойны ее! — добавил Ланге. — Впрочем, возможно, нам действительно стоит прорыть дренажные рвы.

Целую неделю переселенцы окружали свои наделы рвами, но вскоре им это надоело. Погода установилась прекрасная, заниматься строительством и земледелием им было интереснее. Оттфрид перенес свой дом на сотню шагов дальше от реки, и теперь, когда световой день увеличился, он смог уделять ему больше времени, да еще и привлек к этому делу своих братьев. Отец тоже помогал ему по мере сил. Сруб быстро рос, и было ясно, что вскоре они смогут переехать. Ида опять начала заниматься огородом. Она рыхлила почву и закладывала новые грядки.

В середине февраля Маутер вновь вышел из берегов. Теперь это случилось в рабочий день, и поселенцы сразу заметили происходящее.

Несмотря на то что многие бросили работу в огородах и на стройках, как только начался дождь, на берегу еще оставались люди. Они увидели, что уровень воды повышается, и тут же позвали на помощь. Мужчины и женщины бросились к своим участкам, пытаясь остановить наводнение. Оттфрид и его товарищи складывали стеной мешки, которые дети и женщины наполняли землей и камнями. Ида несколько часов размахивала мотыгой, углубляя неукрепленные рвы, которые Оттфрид заложил после первого наводнения. Ее одежда сразу же промокла насквозь, струи дождя хлестали в лицо, из-за чего каждое движение давалось ей с трудом. Ида уже едва переводила дух и в конце концов заплакала от усталости, после того как споткнулась, упала и долго не могла встать, поскольку ей мешали тяжелые юбки. Но она не сдавалась, и другие жители поселка тоже сражались за свои наделы и участки для школы и церкви. Когда дождь наконец закончился, все едва держались на ногах, но ущерб был не сопоставим с первым наводнением.

— Давайте возблагодарим Господа! — воскликнул пастор Волерс.

Иде было интересно, откуда у него взялись на это силы. Самой ей хотелось лишь снять с себя мокрые вещи и лечь спать. Но миссионерскую станцию наводнение и в этот раз пощадило. Она стояла слишком высоко. Конечно же, пасторы помогали поселянам, но трудились не так усердно, как те, кто сражался за плоды собственного труда.

— Господь Бог не оставил нас в битве со стихией! — объявил Якоб Ланге после богослужения.

— Да дождь-то и шел всего три часа, — пробормотала Стина Краузе, прижимая к себе ребенка.

Молодая женщина едва не умерла от страха, когда вышедшая из берегов река чуть не унесла корзинку с ее малышом, оставленную в борозде на краю поля, на котором она работала.

На следующий день Йохан Краузе, смущаясь, объявил старейшинам деревни, что община может пользоваться его наделом, а сам он намерен вернуться с женой и ребенком в Нельсон.

— Но ведь у нас все под контролем! — удивился Брандманн. — Разрушений практически нет... и если мы еще немного укрепим рвы...

— Мы не хотим полагаться на это, — не уступал Йохан Краузе. — С моей жены довольно — она в поте лица трудилась на нашем участке, а теперь все снова затоплено, ей пришлось бы начинать все заново в третий раз — перекапывать, пересаживать. А ведь она опять в положении. Здесь слишком тяжелые условия, это ее не устраивает. Кроме того, в этих местах хватает другой работы. Я сниму дом в городе и наймусь к тем, кто

прокладывает улицы. Я это твердо решил. Отправляюсь со следующей лодкой, а Стину и малыша заберу, когда устроюсь.

Ида ужасно завидовала Стине Краузе, когда Йохан через несколько дней вернулся из Нельсона и привез хорошие новости. Он сразу же нашел себе место — и даже по своей профессии колесника. А Стина могла помогать в магазине Партриджей. К огромной радости ее семейства, миссис Партридж тоже ждала ребенка, и ей требовалась помощь.

Стина со слезами на глазах, но с облегчением в душе попрощалась с Идой и другими женщинами, пока ее муж собирал пожитки семьи и грузил их во взятую напрокат лодку. Элсбет Ланге тоже плакала — скорее от злости, нежели от печали.

— Как же это несправедливо! — всхлипывала младшая сестра Иды. — Это была моя работа! Миссис Партридж с удовольствием переложила бы свои обязанности на меня, я тоже могла бы жить у нее и помогать по хозяйству. А вместо этого сижу здесь...

Когда Краузе уехали, Элсбет, обняв Иду, выплакала все свое отчаяние, вызванное тяготами, с которыми она столкнулась с тех пор, как ее сестра вышла замуж. Малышка просто не справлялась с отцовским хозяйством, которое Ида и Якоб Ланге без труда вели в Рабен-Штейнфельде. И упреки отца были несправедливы. Невозможно было приготовить такие же вкусные ужины из поставок Новозеландской компании, какие Ида стряпала дома из крестьянского смальца и масла, собственных овощей и фруктов и свежего картофеля с поля. Ветхая одежда мужчин уже не поддавалась штопке, Элсбет пришлось шить новую, но ей не хватало ткани, умений и времени. Не хватало ей и сил принести из реки столько воды, чтобы мужчины могли вечером помыться. Элсбет не справлялась практически со всеми возложенными на нее задачами.

— Кроме того, Франц постоянно болеет и ноет! — жаловалась она.

Ида погладила сестру по голове. Все дети в колонии болели, поскольку очень плохо питались. Овощи из первого урожая смыла река, и мужчины были так заняты строительством деревни, что у них не было времени даже на рыбалку.

— Я пыталась ловить рыбу сама, но у меня просто не получается, — причитала Элсбет. — И мне не нравится убивать животных, а еще я боюсь крыс... Присылай ко мне Охотника хоть иногда, Ида.

Пятнистая длинношерстная собака, как и прежде, жила в домике Иды, являя пример послушания и смирения, молиться о которых ее хозяйка давным-давно устала. Ради Охотника она каждую ночь выдерживала ласки Оттфрида, не издавая ни звука, хоть при этом и прокусывала себе губы до

крови. Она боялась, что пес снова залает и муж вышвырнет его из дома или сделает что-нибудь похуже. Благодаря Охотнику в доме Иды, единственном в поселении, крысы почти не появлялись. Грызунов молодая женщина боялась больше всего на свете.

— Нам нужно завести еще собак, — уклончиво ответила Ида. — Я попрошу Оттфрида, чтобы во время следующей поездки в Нельсон он выяснил, есть ли такая возможность.

Она прекрасно знала, что он не станет делать этого, уже хотя бы потому, что владелец щенков наверняка попросит за них несколько пенсов. Однако надежда на то, что у нее появится собственная собака, немного утешила Элсбет. Особенно обрадовался этому Франц, который все еще тосковал по дворовому псу, которого они оставили в Рабен-Штейнфельде.

Несмотря на то что второе наводнение почти не причинило вреда, настроение у поселенцев было намного хуже, чем после первого. Вскоре после того, как уехали Краузе, свои земли бросили еще три семьи, вопреки всем стараниям Брандманна и Ланге уговорить их остаться. Никто не повторял вслух предупреждения Карла, которые он произнес на собрании в Нельсоне, но, конечно же, все об этом помнили. В первую очередь соответствующие выводы сделали семьи из других областей, которые знали его не как нищего поденщика, а как зажиточного молодого землемера. Если так пойдет и дальше, в Санкт-Паулидорфе останутся только бывшие обитатели Рабен-Штейнфельда.

Однако в один прекрасный день из Нельсона вернулся пастор Волерс и принес хорошие новости.

— В поселение прибыл крупный рогатый скот! — объявил он общине после богослужения. — Поскольку у нас тут много детей, а с продуктами туго, я поговорил с Уэйкфилдом. За небольшое вознаграждение компания передаст нам трех коров! — Он с торжествующим видом оглядел собравшихся.

Петер Брандманн, как и ожидалось, возликовал.

— Слава Господу! — воскликнул он, обращаясь ко все еще подавленным поселенцам.

В той лодке, которая привезла Волерса, уехали в Нельсон еще две отчаявшиеся семьи. Глаза у многих женщин на собрании были красными — они плакали после расставания, и многие мужчины уже начали колебаться, не стоит ли им уехать тоже.

— Разве это не повод для радости? Наконец-то домашний скот, молоко для детей! Дела идут в гору, дорогие друзья! Ну что, кто хочет взять корову? Кто умеет доить?

— Спросил бы лучше, у кого пастбище выше всех, — проворчал один из переселенцев, стоявший рядом с Оттфридом и Идой. — Чтоб наш скот не утонул во время следующего наводнения.

— А я-то думал, раз нам дадут скот, этого хватит, чтобы поднять настроение, — с несчастным видом сказал Волерс.

Брандманны пригласили миссионеров и Иду с Оттфридом на воскресный обед. Еда была просто роскошной: младший брат Оттфрида Эрих вчера вечером по чистой случайности вспугнул одну из странных птиц, которые водились в здешних лесах и не пели днем, как порядочные птицы, а бродили по ночам, издавая пронзительный свист. Птица легко дала себя поймать и теперь жарилась на слабом огне в доме госпожи Брандманн, а у всей семьи и гостей уже текли слюнки.

— Люди устали, ожесточились после неудач. А тут и осень на носу.

— Это все бабы! — возмутился Петер Брандманн. — Им не хватает твердости, духом они слабы и в вере тоже. Они настраивают мужчин на отъезд.

Ида резко обернулась. После того как поселение начали покидать семьи, она все время была на взводе, потому что Стина Краузе оставалась единственным человеком, которого она могла назвать другом. В ушах у нее все еще звучали жалобы Элсбет. Может быть, позже она пожалеет об этом — в последнее время Оттфрид ругал ее все чаще, если она говорила что-то не то или проявляла излишнюю несговорчивость, как он выражался. С недавних пор он не стеснялся и наказывать ее. Все давление, которое он испытывал, весь свой страх за судьбу поселения он вымещал на Иде. Но сейчас она просто не могла удержаться.

— Нам не хватает не твердости и силы духа, нам не хватает одежды, домашней утвари и продуктов! — решительно заявила она, оборачиваясь к миссионеру. Может быть, хотя бы пасторы проявят большее понимание, нежели совет старейшин. — Мы живем в этих временных хижинах уже добрых полгода, готовим на открытом огне, иногда на три семьи приходится одна кастрюля. Мы боремся с крысами в продуваемых всеми ветрами домах, дети постоянно болеют, а мы почти весь день вкалываем на полях и в огородах. Неудивительно, что нам не нравится, если приходится сталкиваться... с другими неудачами!

Последние слова она произнесла с насмешкой — за это Оттфрид ей наверняка оплатит. Но пастор Волерс, высокий лысый мужчина с водянистыми голубыми глазами и густыми светлыми бровями, слушал внимательно. Ему были небезразличны и деревня Санкт-Паулидорф, и ее жители. Ида очень удивилась, когда госпожа Брандманн тоже кивнула.

— Да. Ида права, — согласилась она с невесткой, но не удержалась от косвенного упрека: — Женщины были недальновидны и почти ничего не привезли с собой из родной деревни. А теперь зачастую не хватает самых необходимых вещей... Их жалобы раздражают мужчин. Им постоянно что-нибудь нужно, и мужчинам приходится отвлекаться от работы. Коровы — это хорошо. Но нужно купить еще овец, коз и свиней...

— Их негде взять, — с сожалением произнес пастор.

— Может быть, найдутся хотя бы коты и собаки, которые одолеют крыс! — снова заговорила Ида. — И домашней утвари наверняка в Нельсоне хватает, в магазине Партриджей ее точно полно.

Пастор кивнул и поднял руки, словно благословляя собравшихся:

— Женщины не должны отравлять жизнь мужчинам, постоянно нося и жалуясь, но нельзя также отказывать женщинам в вещах, которые необходимы им для того, чтобы выполнять свои обязанности. Госпожа Ида, может, вы будете сопровождать своего мужа во время следующей поездки в Нельсон? Община выделит вам некоторую сумму, женщины выскажут свои пожелания — конечно, в разумных пределах, — а вы попытаетесь выполнить их, насколько позволят средства. Это ведь немного поднимет дух дочерей Евы, верно?

Ида практически не осознавала, что происходит вокруг нее, поскольку никогда не рассчитывала на то, что сможет покинуть Санкт-Паулидорф в обозримом будущем. А теперь, всего через неделю после того разговора, в ясный осенний мартовский денек она оказалась на борту лодки. Рядом с ней сидел Оттфрид, гордый и надутый, словно индюк, поскольку община вновь поручила ему важные задачи. Он должен был не только забрать трех коров с миссионерской станции, но и приобрести для Санкт-Паулидорфа упряжку тягловых лошадей и повозку. В руках у Иды был длинный список, составленный женщинами после долгих и бурных обсуждений, когда они пытались решить, что им действительно необходимо, что они могут себе позволить и что хоть чуть-чуть разнообразит их унылые будни.

Глава 8

Когда Джейн Фенрой проснулась утром после первой брачной ночи, мужа рядом уже не было. Исчез он совершенно бесшумно, и ей понравилось, что он не стал мешать ей. Ночью он тоже несколько ей не докучал, не храпел, не искал тесного контакта. Джейн оценила это и даже прониклась к Крису дружескими чувствами, когда вышла из комнаты и обнаружила, что ее дорожные сундуки уже стоят в доме. Супруг поставил их в зале. Поглядев в окно, Джейн увидела, что он работает не один. Двое мускулистых темнокожих мужчин помогали ему сгружать с повозки ящик с

инструментами и строительными материалами, который он привез из Порт-Виктории. Он говорил ей вчера, что собирается немедленно заняться обустройством конюшни, а затем уже приступит к строительству дома.

Джейн с интересом разглядывала мужчин, помогавших Крису. Это были первые маори, которых она увидела воочию, прежде они встречались ей только на картинках. Кристофер был прав, эти люди не имели ничего общего с американскими индейцами и аборигенами Австралии. Кроме того, они выглядели далеко не так угрожающе, как их соплеменники, изображенные в книгах и брошюрах. Скорее всего, потому, что на них были не традиционные наряды воинов, а почти такая же одежда, как и у Криса. Сегодня он надел рабочую рубашку в клеточку и потрепанные хлопчатобумажные брюки. И только когда маори повернулись к Джейн лицом, молодая женщина испугалась: вид их оказался чересчур экзотическим. Лица помощников Кристофера были покрыты татуировками от лба до подбородка. К такому Джейн еще только предстояло привыкнуть...

Но пока что у нее не было желания знакомиться с новыми соседями поближе. Нужно было одеться без помощи горничной, потом решить что-то с завтраком. Мысль о том, что ей придется готовить самой, ее не обрадовала, зато она с удовольствием надела платье, для которого не требовался корсет. Она велела портнихе в Нельсоне сшить для нее несколько подобных домашних платьев, к ужасу ее матери. Но взять с собой горничную она не могла, а обучать прислугу здесь первое время ей будет некогда. Кухарка пригодилась бы больше...

Пытаясь нагреть сковороду на массивной плите и поджарить яйца, Джейн порядком измучилась. Сначала жара было недостаточно, а потом продукты едва не сгорели. Зато Кристофер уже сварил кофе. Она с трудом подняла еще теплый железный чайник, стоящий на плите, но жидкость в нем оказалась крепкой и помогла ей немного прийти в себя. Хлеб остался еще со вчерашнего дня, хотя Кристофер уже отрезал себе немало. Джейн скоро придется печь новый, а она понятия не имела, как засунуть его в духовку, если у нее вообще получится замесить для него тесто.

На миг женщина задумалась, не позвать ли Кристофера к завтраку. Яичница была уже готова и даже выглядела неплохо. Но как быть с его помощниками? Может быть, он потребует готовить и на них? Потерев лоб, Джейн решила позавтракать в одиночестве. Как же раздобыть прислугу?

Подкрепившись, Джейн почувствовала себя сытой и полной сил. Теперь ее снедала жажда деятельности. Некоторое время она колебалась, начать ли распаковывать сундуки или прежде обойти ферму. Вчера вечером

она почти ничего не заметила от усталости и волнения, ведь предстояло пережить первую брачную ночь. Когда она снова посмотрела в окно, Кристофер заметил ее и помахал рукой. Джейн вышла на улицу, чтобы поздороваться с мужем и рабочими. День был солнечным, и даже она, которая не слишком восхищалась красотами природы, вынуждена была признать, что кусты *рата* представляют собой живописный контраст с зеленью равнины, раскинувшейся вокруг станции Фенрой. С холма, на котором Кристофер собирался строить дом, наверное, будет видна и река. Прекрасная земля... если бы только она не находилась так далеко от цивилизации!

Приближаясь к Крису, Джейн улыбалась, что, похоже, приободрило его. Он ответил ей радостной улыбкой и сразу же представил жену своим помощникам: Куту и Харе из племени *нгаи таху*. Джейн слышала, что у маори есть странные ритуалы приветствия, но испытала настоящее облегчение, когда мужчины просто поздоровались с ней и слегка поклонились, так же, как это сделали бы белые рабочие. Куту даже произнес по-английски:

— Добро пожаловать, мадам!

Харе, однако же, решил приветствовать ее на своем родном языке.

— *Хаэре маи*, мадам! — широко улыбаясь, произнес он.

— Это тоже означает «добро пожаловать», — с удовольствием перевел Крис. — Ты наверняка захочешь выучить несколько слов на языке маори, Джейн, поскольку теперь они наши соседи.

Джейн хотела было съязвить — с чего он взял, что она снизойдет до языка дикарей? — но тут какое-то движение в кустах *рата* привлекло ее внимание.

— Там что-то есть, Крис! — испуганно воскликнула она, с трудом подавив желание спрятаться за спиной мужа или сразу же убежать в дом. Ни Кристофер, ни его помощники ни в коем случае не должны видеть ее страха. — Там кто-то прячется!

Сначала Джейн решила, что в кустах притаилось дикое животное, но затем она вспомнила, что в Новой Зеландии нет зверей и птиц крупнее курицы.

Крис проследил за ее взглядом, но сразу расслабился, когда один из маори со смехом что-то произнес.

— Кажется, у тебя гости, Джейн, — с неуверенной улыбкой сказал Крис. — Куту говорит, что с ними пришли женщины и дети, которые хотят познакомиться с белой миссис. Они ждут в кустах и боятся выйти... Не знают, можно ли им это сделать.

Из-за кустов с хихиканьем выбрались девочки маори: судя по всему, им стало любопытно и они решили подобраться поближе, а потом поняли, что их обнаружили. Теперь они робко и неловко приближались к Джейн, протягивая ей на ладони свои подарки — сладкие картофелины.

— *Kia ora, хаэре мау!* — хором пропищали обе, и Джейн не удержалась от улыбки.

Девочки были очень симпатичными, с длинными черными кудрями и круглыми детскими личиками. Джейн стала лихорадочно вспоминать, куда упаковала сласти, привезенные из Нельсона. Вообще-то она взяла их для себя, но уже начала понимать, что близких контактов с коренным населением все равно не избежать. Вероятно, благодаря этому можно будет решить некоторые проблемы.

Когда к дому подошли матери, сестры и тетки девочек, Джейн с неохотой отбросила свои скверные манеры и стала вести себя очень вежливо. Оказалось, что в кустах с другой стороны дома пряталось двенадцать женщин и молодых девушек, а с ними не меньше десятка взволнованных детей. Все они принесли небольшие подарки, а одна пожилая женщина, державшаяся с большим достоинством, приветливо обратилась к Джейн и вручила ей несколько зеленых камней и что-то вроде раковины.

— Это нефрит *поунаму*, — пояснил Кристофер. Он слегка встревожился, поскольку не знал, как его супруга встретит эту делегацию. — Очень ценный для маори камень, особенно в этой местности, где он встречается довольно редко. Нефрит должен принести тебе счастье. Обычно из него вырезают фигурки божеств. — Он показал на шею одной из женщин, где такая фигурка висела на кожаном ремешке. — Но Омака говорит, что они решили не дарить тебе *хей-тики*, поскольку не знали, понравится ли тебе такой подарок. Наверное, какие-то миссионеры отучили их приносить подобные дары.

Это Джейн отлично могла себе представить. Пастор Волерс или такие люди, как Ланге и Брандманн, грубо отвергли бы языческий амулет. А вот ей было все равно.

— Как мне сказать им «спасибо», Крис? — спросила она и резко отпрянула, когда женщина, которую Крис назвал Омакой, подошла ближе, чтобы обнять ее.

— Что такое? — испуганно спросила Джейн. — Чего она хочет?

— Она хочет обменяться с тобой традиционным приветствием *хонги*, — растерянно пояснил Крис. — Для этого нужно соприкоснуться носами и лбами и почувствовать... дыхание другого человека... Мне... мне очень

жаль, Джейн, я... Наверное, я должен был тебя к этому подготовить, — извинился он, увидев негодование на лице Джейн.

Но воля у нее была железная. Она не приглашала сюда этих женщин, кроме того, всегда испытывала отвращение к чужим прикосновениям. Однако, если это послужит ее целям, она дотронется до женщины маори. С натянутой улыбкой она сделала шаг ей навстречу. Омака положила правую руку ей на плечо, привлекла к себе и осторожно коснулась носом ее носа. К изумлению Джейн, от маори приятно пахло свежими травами и цветами.

Обменявшись *хонги* со старейшиной племени, Джейн услышала радостный смех и аплодисменты других женщин, к ним присоединились и Харе с Куту. Джейн не могла возражать, когда другие женщины тоже захотели с ней поздороваться таким образом, наверняка для того, чтобы рассмотреть белую женщину поближе, выяснить, какова ее кожа на ощупь и чем от нее пахнет.

Покончив наконец с приветствиями, Джейн жестом пригласила женщин в дом.

— Скажи им, что их визит — честь для меня и что я хочу предложить им освежиться, — велела она потрясенному Крису.

В доме она принялась поспешно открывать сундуки в поисках сервиза из мейсенского фарфора — мать настояла, чтобы она непременно взяла его с собой. «Нет никакой необходимости забывать о хороших манерах и воспитании даже в такой глуши! — говорила она. — Всегда найдется леди, которую ты захочешь пригласить на чай, и не станешь же ты угощать ее из глиняной посуды!» Вспомнив слова матери, Джейн едва не рассмеялась. Вряд ли она думала при этом о посиделках с темнокожими леди, покрытыми синими татуировками! Но чашек и тарелок, имевшихся у Криси, не хватило бы на всех.

Увидев фарфор, женщины-маори принялись восхищенно охать и ахать. Взяв одну чашечку на двоих, они принялись степенно попивать черный кофе. Джейн понятия не имела, где Кристофер хранит чай и в каком чайнике лучше всего вскипятить для него воду. Кроме того, она нашла сладости и щедро оделила ими женщин и детей, хотя сердце ее при этом обливалось кровью.

В конце концов ее старания увенчались успехом. Девушки помоложе обнаружили сундуки, и Джейн воспользовалась возможностью привлечь их к разбору вещей. Пока они пили кофе, она внимательно наблюдала за ними, и тем из них, кто с наибольшей осторожностью и восторгом отнесся к фарфору, она поручила вынимать и протирать хрустальные бокалы, для которых пока не было серванта, но нашлось место в кухонном шкафу. Еще

две девушки, не переставая удивляться, вытаскивали из сундуков платья и корсеты. Джейн проявляла чудеса терпения, когда они с хихиканьем прикладывали вещи к себе. Почти все они были одеты в традиционную одежду маори — юбки и кофточки из растительных волокон. Две из них, в том числе и достопочтенная Омака, с гордостью носили выцветшую европейскую одежду. Наверное, купили ее где-то по дешевке, скорее всего, у бродячего торговца из тех, что развозили здешним жителям вещи, от которых давным-давно отказались поселенцы. Джейн подумала, что нужно будет при случае взять несколько платьев и подарить их избранным женщинам — при этом совсем нетрудно будет найти ту, которой они подойдут. Судя по всему, среди маори такая фигура, как у Джейн, считалась идеальной, и почти все женщины были невысокими.

Некоторые девушки очень быстро научились вешать платья на плечики и раскладывать вещи по ящикам. Одна юная девушка по имени Река уже через полчаса справлялась с этим лучше, чем Мэри спустя полгода работы в доме ее отца. Джейн запомнила эту малышку по форме ее *хей-тики*. В остальном же отличать маори друг от друга у нее пока получалось плохо. С непривычки ей казалось, что все они выглядят одинаково: темные волосы, темные глаза, небольшой рост...

Ну да не важно, нравятся ли ей татуировки и цвет кожи юных помощниц или нет, — сундуки они распаковали очень быстро, и все остались довольны. Джейн решила сразу же перейти к следующему проекту и повела женщин на улицу.

— А здесь я хочу разбить огород, — с достоинством заявила она.

Джейн твердо решила даже не пытаться лопотать на их детском языке: ее персонал должен был сразу привыкнуть к хорошему английскому. Джейн размашистым жестом показала на землю, вид на которую открывался от задней двери. Конечно же, сначала женщины ничего не поняли, но, когда она затем указала на лопату и мотыгу, прислоненные к двери, женщины сообразили, о чем идет речь, и тут же принялись оживленно обсуждать эту тему.

Наконец Омака объяснила Джейн, что это место не годится для огорода. Очень многословно, на языке маори и при помощи жестов, она пыталась донести до Джейн, что для этой цели лучше выбрать участок земли с подветренной стороны дома. Джейн почти ничего не поняла, в конце концов, ей было все равно, где будут расти овощи. Намного более важным показалось ей то, что одна из девушек сразу же схватила за лопату, чтобы начать перекапывать землю. Женщины с удовольствием решали, где лучше заложить грядки, какие растения посадить. Кристофер,

который затем пришел к ним в сопровождении своих помощников, с облегчением увидел, что Джейн отлично справляется. Он хотел помочь ей с переводом, но Джейн только отмахнулась:

— О мелочах я позабочусь позже. Для начала нужно прояснить самое главное. Я хочу, чтобы некоторые из этих женщин... — она указала на девушек, которые бродили вокруг дома, а также на крепко сбитых огородниц, — работали на меня. Пожалуйста, спроси у них, готовы ли они на это и сколько им нужно платить.

Крис закусил губу.

— Не знаю, получится ли, Джейн, — произнес он. — Они ведь не наниматься пришли, то есть девушки пришли не потому, что ищут работу. Это скорее... хм... визит вежливости. И прежде, чем мы кого-нибудь рассердим... Я еще толком не знаю обычаев *нгаи таху*, а главное, не знаю, каков ранг этих женщин. Они все могут оказаться принцессами.

Джейн возвела глаза к небу и фыркнула:

— Глупости, Крис! Разве может быть столько принцесс? К тому же принцесс никто не отпустит гулять без присмотра. Даже если отцы этих девушек — короли или виконты, — она усмехнулась, — им, похоже, нравится махать мотыгой, особенно если за это им пообещать хорошие платья и украшения. — Джейн заметила, что Река разглядывала довольно скромные украшения Джейн с истинным благоговением. — И даже если они принцессы, они поймут: ничто в этом мире не дается просто так.

— Они и так это знают, — потея от волнения, произнес Кристофер, спросив себя мимоходом, не намекает ли его жена на то, как получил землю он сам. — Ведь Куту и Харе работают на меня. И маори хотят иметь не только такую же одежду, как у нас, им нужны одеяла, зерно, посуда...

Джейн радостно кивнула:

— Ну, так пожалуйста! Последнего у меня все равно слишком много, я понятия не имею, что мне делать со всеми этими кастрюлями и сковородками, которые дала мне мама.

Она жестом подозвала женщин, приглашая их вернуться в кухню, а затем многозначительно указала на извлеченные из сундуков сокровища.

— Вы получите половину этого, — объявила она гостям. — Но сначала вы должны мне показать, как это готовить! — Джейн показала на сладкий картофель, который ей принесли в подарок. — Я такого никогда не ела.

В принципе, это была неправда, но, когда Кристофер перевел ее слова женщинам, трое тут же ринулись на кухню.

Джейн удовлетворенно кивнула им, а затем снова обернулась к мужу:

— Да, а семена мы закажем в Нельсоне или Порт-Виктории, если это возможно. Они нужны и мне для огорода. Ну так что, ты скажешь девушкам, когда я жду их завтра на работу?

Кристофер неохотно подчинился ее приказу, в ответ маори весело залопотали. Однако Омака была настроена серьезнее, и обращалась она непосредственно к Джейн.

— Она говорит, что об этом ты должна побеседовать с вождем, — пояснил Кристофер своей супруге, которая ровным счетом ничего не поняла. — Тебе следует знать, что твой вопрос я перевел не дословно. Не желая никого оскорбить, я сказал, что ты собираешься заказать семена для своего сада и с удовольствием поделитесь ими с племенем. А еще я добавил, что ты очень обрадовалась бы, если бы женщины согласились помочь тебе по дому, что тебе было бы приятно их общество. На это Омака ответила, что она тоже очень рада тому, что женщины смогут поучиться у тебя кое-чему, а они поделятся с тобой своими знаниями. Огород ты чуть было не заложила в неправильном месте — утром его не освещает солнце, кроме того, там вроде бы обитают какие-то духи, я толком не понял. По возможности духов не следует обижать, а, например, тот куст... — он указал на растение, которое Омака назвала *коромико*, — ни в коем случае нельзя выкорчевывать. Он обеспечит тебе хороший урожай сладкого картофеля.

Джейн возвела глаза к потолку, стараясь, впрочем, чтобы этого не заметили маори.

— Конечно же, я отнесусь к этому с уважением, — ответила она, улыбаясь Омаке.

Если ей не придется махать мотыгой, Джейн было совершенно безразлично, останется неприметный куст на участке или нет. Она даже готова была лично взывать к духам.

— Именно так она и предполагает, — серьезно ответил Кристоф. — Однако она желает, чтобы сотрудничество благословили старейшины деревни. Раз уж ты хочешь, чтобы Река стала твоей горничной, я предпочел перевести это слово как «дочь дома» или «приемная дочь». Кстати, Река — сестра *арики*. Так что тут могла возникнуть неувязка. На Северном острове родственница вождя ни за что...

Джейн снова с тоской подняла глаза к небу, когда супруг пустился в пространные объяснения.

— Если девушка будет приходить сюда регулярно, мне все равно, как это будут называть, — сказала она. — Я готова обсудить с вождем и другие условия. Когда мы сделаем это? Сразу же?

Кристофер потер виски:

— Это не так-то просто...

Через два дня племя *нгаи таху* пригласило Фенроев на торжественное *повири*, и Джейн пришлось пережить двухчасовую церемонию с танцами и молитвами. Она страдала, но держалась стойко — так же, как и во время классических концертов и оперных постановок, которые мать заставляла ее посещать в Европе. Искусство и религия были ей безразличны. Джейн обладала практической хваткой, однако знала, когда нужно проявить терпение. Впрочем, несмотря на всю свою закалку, она с облегчением перевела дух, когда последнее *хонги* со старейшинами осталось позади и *нгаи таху* перешли ближе к сути дела.

— Теперь вы — члены нашего племени! — торжественно объявил Куту, уже довольно хорошо говоривший по-английски. — *Повири* объединяет *мануири* и *тангате венуа* — гостей и хозяев. После него все становятся одним народом. А теперь — праздник! — Он открыл одну из бутылок виски, которые Кристофер принес с собой в качестве гостинца.

Весело щебеча, женщины племени подали к столу очень простые, но вкусные блюда из жареной рыбы и неизменного сладкого картофеля. Именно Река принесла тарелку для Джейн, что Кристофер расценил как очень хороший знак. Джейн, успевшая проголодаться во время церемонии, жадно набросилась на еду. Вскоре она обнаружила, что вождь, сидевший во время *повири* чуть в стороне от своих людей, внимательно наблюдает за ней.

— Те Хайтара, — представил его Кристофер, заметив ее интерес. — Великий вождь и справедливый человек. Он даже признает наше право на землю. Хотя твой отец с большой... хм... выгодой для себя обстряпал сделку с *нгаи таху*.

— Что он сделал? — вскинулась Джейн. — Ты хочешь сказать, что и здесь приобретение земли сопровождалось нарушениями?

Девушка тут же закусила губу. Зря она произнесла эти слова — «и здесь». Крису не следует знать, как обстоят дела у Новозеландской компании в Нельсоне.

Но муж лишь махнул рукой:

— Не волнуйся ты так! Но да, в этом контракте допущены такие же неточности, как и при покупке земли в Нельсоне... Кстати, откуда ты об этом знаешь? Я думал, компания хранит это в тайне. Мне-то Таккетт рассказал. В любом случае и тут мог возникнуть серьезный конфликт, если бы твой отец продал землю наивным и самоуверенным переселенцам. Что ж, нам повезло... Надеюсь, мои познания в языке маори и желание

установить хорошие отношения, наладить взаимовыгодный обмен помогут нам еще больше. Кстати, *нгаи таху* в этом очень заинтересованы — гораздо больше, чем живущие севернее *нгати тоа*. Те Хайтара очень открытый человек.

Крис кивнул вождю. Те Хайтара, весь в татуировках, с собранными в пучок воина волосами, с традиционным оружием в руке, выглядел весьма внушительно. Но, присмотревшись повнимательнее, можно было разглядеть правильные черты его лица с полными чувственными губами, а также хитрецу, искрившуюся в мудрых карих глазах.

— Те Хайтара очень хочет выучить наш язык, — добавил Кристофер. — Хотя он еще плохо говорит по-английски, но понимает, что контакты с поселенцами могут принести пользу обеим сторонам.

Молодой вождь, похоже, догадался, что Крис и Джейн говорят о нем. Он поднялся и направился к ним. Коротко поклонившись Джейн, он внимательно посмотрел на нее, а затем обменялся парой слов с Кристофером. Судя по всему, он подшучивал над ним, поскольку Крис покраснел, но затем они оба рассмеялись и Крис поблагодарил вождя — это Джейн уже могла понять.

— Что он сказал? — с нетерпением поинтересовалась Джейн.

Несмотря на то что поначалу она отвергала эту мысль, сейчас она была твердо намерена выучить язык коренного населения. Ей не хотелось обращаться за помощью к Крису во время каждого разговора, кроме того, она не желала брать у него уроки. Нужно будет заказать книги. Хотя бы Библию должны были уже перевести? Джейн задумалась, где могут найтись фразы, с которыми удобно обращаться к слугам, — в Ветхом или Новом завете?

Крис закусил губу.

— Он сказал то, что я предпочел бы не переводить. Иногда наши друзья маори бывают... хм... вульгарны. Но главное заключается в том...

Куту, который все еще сидел рядом с ними, решил вмешаться.

— *Арики* говорить, — усмехнулся он, — что у *пакеха* Криса Фенроя очень красивая жена.

Глава 9

Кэт ощутила тревогу, когда миссис Бейт передала через Маргарет Ханзен требование явиться к ней немедленно после того, как она заправит постели и закончит другие утренние дела. Обычно хозяйка дома сама звала девушек, если ей что-то было нужно, — громко звеня колокольчиком и злобно сверкая глазами. То, что сегодня она воспользовалась для этого посредником, не предвещало ничего хорошего. Поэтому Кэт быстро

сбегала в комнатку под крышей, которую делила вместе с Мэри, чтобы надеть чистый передник и поправить чепец. Нельзя дать миссис Бейт повод отругать ее за неопрятность. Когда она наконец приблизилась к дверям салона, оттуда как раз вышла Мэри. Девушка тут же разразилась слезами.

— И что же мне теперь делать? — всхлипнула Мэри, но, прежде чем Кэт успела спросить у нее, что случилось, миссис Бейт уже открыла дверь.

— Кэт? Ты опоздала... Ну да ладно, входи, мне нужно с тобой поговорить.

Сара Бейт, одетая в закрытое шелковое платье, выглядела как обычно, но Кэт все же решила, что та расстроена. Кэт словно бы заметила что-то в ее осанке, и ей даже показалось, что у хозяйки покраснели глаза. Вот только вряд ли миссис Бейт и Мэри могли горевать о чем-то вместе.

— Кэт, не хочу ходить вокруг да около, — произнесла миссис Бейт. Однако, несмотря на скупые слова, голос ее звучал не так твердо и строго, как прежде. — Теперь, когда мисс Джейн вышла замуж, мы собираемся сократить расходы на хозяйство. Понимаешь, сейчас у нас слишком много персонала, вы скоро будете сталкиваться лбами на кухне.

Кэт нахмурилась. Прежде она ничего подобного не замечала. На самом деле после отъезда Джейн мало что изменилось. Да, теперь не нужно было постоянно подавать ей пралине и горячий шоколад, застилать ее постель... Но по сравнению со своими сестрами она была довольно нетребовательной. По крайней мере, не переодевалась три раза в день и оставляла комнату в относительном порядке. Столько работы, чтобы для этого понадобилась отдельная горничная, она уж точно не задавала. Основные обязанности прислуги Бейтов заключались в поддержании порядка в доме. Особняк был огромен и переполнен вещами, которые, по мнению Кэт, лишь собирали пыль. Девушки часами полировали серебряные тарелки и подсвечники, вытирали пыль, чистили ковры и гладили салфетки для украшения столов и комодов. В кухне тоже было много работы, все семейство предпочитало меню из множества блюд, весьма сложных в приготовлении. Не бывало такого, чтобы на стол подавали только хлеб с сыром или мясом. Кроме того, с тех пор, как уехала Джейн, прошло полгода. Почему же миссис Бейт только сейчас заметила, что ее персоналу нечего делать?

— Как бы там ни было, мы с супругом пришли к выводу, что нам вполне достаточно будет мистера и миссис Ханзен, а также кухарки, — продолжала миссис Бейт. — А вы с Мэри уже не нужны. Поэтому я вынуждена сегодня же уволить вас, хотя мне очень жаль.

И она всхлипнула — значит, действительно приняла ситуацию близко

к сердцу. Кэт не верила своим глазам.

— Что же до вашей зарплаты... Что ж, сегодня двенадцатое марта, поэтому будет справедливо, если я выплачу вам треть месячного заработка.

— Но тогда вы заплатите только по десятое марта, — вырвалось у Кэт. В последнее время она научилась неплохо считать.

Миссис Бейт сверкнула на нее глазами. Ее сочувствие длилось недолго.

— Будешь наглеть, девушка, уйдешь отсюда вообще без денег! Я ничем тебе не обязана, тем более что ты...

Кэт ответила на ее взгляд настолько спокойно, насколько могла. Девушка была удивлена. Прежде ее хозяйева никогда не опускались до обсуждения слухов, которые ходили о ней в городе. Но, если уж миссис Бейт начала об этом разговор, ей придется оправдываться. То, что она жила среди маори, не давало хозяйке права лишать ее зарплаты.

— Как будто я не знаю, что ты постоянно берешь книги из библиотеки моего мужа! — продолжала миссис Бейт, и у Кэт камень с души упал. Значит, речь не идет о ее прошлом. Но... возможно, о чем-то худшем.

— По крайней мере, так говорит мистер Ханзен, — пояснила миссис Бейт. — Он проявил по отношению к тебе поистине ангельское терпение. Однако неизвестно, все ли ты вернула обратно! И сколько их осталось в ломбарде!

В Нельсоне не было ломбарда. Прежде чем Кэт успела напомнить об этом, миссис Бейт еще увереннее пошла в атаку:

— Как ты думаешь, не найду ли я в твоей комнате две-три ценные книги, если поищу прямо сейчас? Что скажет на это офицер полиции? Уж точно он не скажет, что я должна тебе заплатить!

Кэт подавленно опустила голову. В ее комнате действительно лежала хозяйская книга — и девушка сомневалась, что мистер Ханзен встанет на ее сторону, если миссис Бейт обвинит ее в воровстве.

— Значит, договорились, — ледяным тоном заявила миссис Бейт. — Можешь уходить прямо сейчас. Я позволила Мэри остаться до завтра, но в твоём случае... Я тебя больше видеть не желаю, Кэт. Верни книгу и убирайся.

О трети ежемесячного заработка уже речи не шло. Кэт прокляла свой болтливый язык. А ведь она вполне могла бы промолчать, у Бейтов она научилась сносить несправедливые упреки. Но увольнение произошло неожиданно и влекло за собой настоящую катастрофу, особенно для Кэт. Мэри тоже не знала, где искать новое место, но она могла хотя бы вернуться к родителям, пока что-нибудь не подвернется. А Кэт окажется на

улице — с таким прошлым никто в Нельсоне не возьмет ее на работу.

Девушка лихорадочно размышляла об этом, идя через холл дома Бейтов. Кристофер не мог помочь ей — он уже полгода жил со своей Джейн в Кентербери, и можно было только надеяться на то, что ему там хорошо. Может быть, Уэйкфилд... В любом случае она попытается счастья в магистрате. И вдруг на столике возле лестницы она увидела экземпляр «Нельсон экземинар».

НОВОЗЕЛАНДСКАЯ КОМПАНИЯ НА ГРАНИ БАНКРОТСТВА!

Заголовок сразу же бросился девушке в глаза — и, конечно же, это объясняло все, даже слезы на глазах миссис Бейт. Судя по всему, хозяйка распускала персонал не по собственному желанию. Скорее всего, Бейтам теперь приходилось экономить — и с княжеской роскошью, очевидно, скоро будет покончено. Вот только спасет ли их пара пенсов, на которые они только что обсчитали Кэт и Мэри?

Быстро пробежав статью глазами, встревоженная Кэт поднялась по лестнице. Судя по тому, что там было написано, Уэйкфилда скоро уволят, так что переводчик с маори ему вряд ли потребуется. Рассчитывать на него Кэт не могла. Оставался только Фредерик Таккетт, по словам Кристофера, очень разумный человек, который сейчас был представителем правительства в Нельсоне. Если бы он находился здесь, вероятно, Кэт смогла бы с ним договориться. Однако в данный момент он был на Северном острове.

На миг Кэт задумалась о том, не вернуться ли к маори. Не к *нгати тоа*, это было невозможно после того, как вождь изгнал ее. Но, может быть, отправиться к *нгаи таху*? Их считали более миролюбивыми, они вели переговоры с *пакеха* насчет продажи земли на равнинах и дальше на юге. Что, если Кэт предложит им свои услуги в качестве переводчика? Вздохнув, девушка собрала свои жалкие пожитки в узелок. Одежду, которую выдавали служанкам, она была вынуждена оставить, поэтому взяла с собой только те вещи, которые они вместе с Кристофером купили у миссис Партридж. Надев платье и набросив на плечи платок, она почувствовала себя чуть лучше. Девушка прекрасно помнила, как смотрел на нее Крис, когда она впервые предстала перед ним в облике женщины *пакеха*. Она понравилась ему, он делал ей комплименты. Они разговаривали и даже смеялись, пока бежали по ночному Нельсону. Разговаривает ли он с Джейн? Смеется ли вместе с ней?

Эту мысль Кэт поспешно отбросила прочь. С узелком, в котором лежал ее маорийский наряд, она спустилась по лестнице. Сбережений у нее не было. Свой небольшой заработок она тратила в основном на свечи,

чтобы иметь возможность читать до глубокой ночи. Также она купила англо-немецкий словарь и несколько тетрадей и карандашей, чтобы учиться писать. Она слышала, что собираются перевести на язык маори первую книгу — Библию. Может быть, в будущем она сможет этим воспользоваться. Однако сейчас в кошельке у нее осталось всего несколько пенсов. Этого не хватит даже на то, чтобы переночевать в пансионе, не говоря уже о путешествии в Каикоуру, где, как она предполагала, находилось ближайшее поселение *нгаи таху*.

— Кэт, подожди, ты же не собираешься уйти, не попрощавшись?

После разговора с миссис Бейт Кэт погрузилась в оцепенение и даже не подумала об оставшихся в доме слугах. Теперь, когда она стояла почти у самой двери, ее окликнула Маргарет Ханзен.

Кэт обернулась:

— Нет... Нет, конечно же нет, извините... Просто я так расстроена...

Экономка улыбнулась и повела ее за собой на кухню.

— Ты бы видела бедняжку Мэри! Она все еще не может поверить в случившееся. Сейчас она наверху, снова убирает комнаты. Она вообразила, будто сделала что-то не так и стоит ей постараться, как миссис Бейт передумает. — Миссис Ханзен возвела глаза к потолку.

— Не передумает, я читала газету, — сказала Кэт и с благодарностью приняла чашку горячего шоколада, которую налила ей сердобольная кухарка. — У Бейтов просто заканчиваются деньги.

Миссис Ханзен укоризненно поморщилась.

— Не будем так отзываться о хозяевах, но, конечно же, ты всегда была умной девочкой, — вздохнула она. — Возможно, мистер Бейт с семьей скоро уедут в Австралию. По крайней мере, они вчера говорили об этом... Но что ты теперь будешь делать, Кэт? Для Мэри что-нибудь найдется, а ты?..

Кэт сделала еще один глоток и рассказала о своих планах насчет *нгаи таху*. Конечно же, кухарка и миссис Ханзен удивились ее намерению вернуться к «дикарям».

— Что ж, возможно, так будет лучше, — протянула миссис Ханзен. — Здешние жители... Они пришли в ярость, когда губернатор извинился перед маори.

Официальное мнение губернатора Роберта Фицроя было обнародовано в конце февраля и очень разозлило переселенцев. Фицрой объявил, что причиной случившегося стали абсолютно незаконные действия Уэйкфилда и Томпсона и их некомпетентность. Маори же виновны только отчасти. Когда же он выразил вождям соболезнования в связи со смертью Те Ронги,

раздражение жителей Нельсона дошло до предела. Переселенцы роптали и обвиняли губернатора в предательстве и трусости.

— Как бы там ни было, на рынке и на улицах постоянно бранят дикарей и кричат, что хотят отмщения за все случившееся, — добавила кухарка. — Миссис Ханзен права. Кэт, будь осторожна в городе.

Кэт потеряла лоб ладонью. Еще этого не хватало. Придется покинуть Нельсон как можно скорее.

— Как мне побыстрее выбраться отсюда? — с несчастным видом поинтересовалась она. — Конечно, я могу пойти пешком, но, если бы кто-то подвез меня на юг, было бы гораздо проще.

Миссис Ханзен кивнула.

— Наверное, нужно спросить у миссис Робинс, — задумчиво сказала она. — Да, я знаю, что она старая сплетница и именно она распускает все эти слухи о тебе. Но, если в город приезжают жители других поселений, они обязательно останавливаются у нее. Кроме того, она у тебя, можно сказать, в долгу. Она, должно быть, жалеет о том, что наговаривала на тебя.

Хотя в последнем Кэт сомневалась, совет показался ей хорошим. В любом случае лучше поступить так, чем расспрашивать в порту, нет ли попутного судна. Капитан, разумеется, не возьмет ее на борт бесплатно, как минимум от нее потребуют оказать некоторые услуги, чего она совсем не хотела. А вот семья поселенцев или миссионер, едущий на юг... Хотя при воспоминании о Мортоне девушка вздрогнула, но сегодня подобному поведению она уже могла кое-что противопоставить. На поясе у Кэт висел нож, и она не постеснялась бы пустить его в ход. Конечно, он не защитит ее от банды похотливых матросов, но хилого и непривычного к дракам священника вроде Мортона она к себе не подпустит.

— Может быть, кто-то даже обрадуется твоему обществу, — продолжала миссис Ханзен. — Переселенцы теперь порываются ехать через земли маори. Думаю, они почувствуют себя увереннее, если их будет сопровождать тот, кто владеет языком коренных жителей.

— И обязательно возьми с собой провиант! — добродушно добавила кухарка и тут же принялась упаковывать сумку.

Всхлипнув, она обняла Кэт, прежде чем отпустить девушку на улицу.

— Иди с богом, малышка! И крепко подумай насчет дикарей. Может быть, найдется другое место, другой город... другие люди.

Кэт приветливо кивнула. Она знала, что на Южном острове нет другого города, но зачем лишать добрую женщину надежды?

— Люди везде одинаковые, — сказала она, прежде чем уйти навсегда.

Кэт бежала по улицам, опустив голову, надеясь, что горожане не

обратят на нее внимания. Сейчас она ругала себя за то, что не прихватила с собой чепец горничной. Многие женщины и девушки в Нельсоне носили на улице похожие головные уборы, в нем она не так бросалась бы в глаза, как сейчас, когда все могли видеть ее светлые волосы, заплетенные в косу, спускавшуюся почти до самых бедер.

Нельсон гордо назывался городом, но на самом деле это была большая деревня, где все друг друга знали. И новое или не совсем знакомое лицо привлекало внимание — особенно если это была девушка, которая шла по улицам одна. Повсюду в Новой Зеландии мужчин было намного больше, чем женщин. Кэт сразу заметила, что ее провожают взглядами. Скорее всего, мужчины, глазевшие на нее, моряки, китобои или охотники на тюленей, были здесь проездом. Они ничего не знали о ней и считали ее обычной горожанкой. Нападать они не стали бы. Но женщины, смотревшие ей вслед, наверняка сделают свои выводы и сразу же начнут судачить. Они могут собраться толпой... могут стать опасными... После опыта, полученного Кэт в деревне маори, и после предупреждения кухарки девушка готовилась к худшему.

К счастью, в окрестностях магистрата, где миссис Робинс держала свой пансион, не было ни магазинов, ни рынка. Сейчас, когда день близился к полудню, в спокойном квартале почти ничего не происходило. Кэт уже начала надеяться, что сможет беспрепятственно войти в дом вдовы и задать все необходимые вопросы, но тут навстречу ей вышли трое мужчин. Вообще-то они были очень юными и выглядели как подвыпившие хулиганы. Разумеется, они не могли позволить девушке пройти мимо, и вдруг Кэт узнала одного из них: Джейми, конюшего Бейтов. Он слегка пошатывался и был заметно пьян. Кэт понимала почему: сегодня утром Джейми тоже уволили, и он решил утопить свое горе в пиве. Судя по всему, он узнал ее, и взгляд его не предвещал ничего хорошего. Кэт огляделась в поисках пути к отступлению, но троица уже преградила ей дорогу.

— А кто это у нас тут? — ухмыльнулся Джейми. — Посмотрите, ребята, и разрешите ее представить. Людоедка! Я ведь... я ведь вам уже рассказывал, какая у нас в доме тварь живет, которая шлялась с дикарями.

Тот, что был покрупнее, не такой пьяный, как Джейми, окинул Кэт похотливым взглядом.

— Я бы ее тоже покусал! — рассмеялся он. — Что, малышка, как насчет того, чтобы попробовать, каково это, когда в тебя вонзают зубы? Р-р-р!

Он скорчил рожу, которая, наверное, имитировала гримасы маори, и обнажил зубы.

— Жалко ее есть! — усмехнулся другой, невысокий и худощавый. Лицо у него было хитрым. — Но я слышал, что они не жеманные, эти маленькие кошки-маори...

— Да, да, так она себя и называет! — воскликнул Джейми с таким волнением в голосе, словно его друг только что раскрыл великую тайну. — Кэт... ну... посмотрим... может быть, у нее течка.

Мужчины подошли ближе. Кэт задумалась, успеет ли обнажить нож, но, пока они смотрели прямо на нее, лучше было не пытаться. Единственное, что она могла сделать, — это бежать, может быть, где-нибудь спрятаться.

Кэт подхватила юбку, чтобы та ей не мешала, и бесстрашно бросилась прямо на них. Она проскользнула между пошатывающимся Джейми и его более-менее трезвым, но совершенно не ожидавшим такого поворота другом. Мужчины еще не успели ничего понять, а она уже получила небольшую фору — может быть, они даже не станут преследовать ее? Однако эта надежда оказалась тщетной: девушка услышала за спиной шаги. Как бы там ни было, мужчины в тяжелых сапогах не могли бежать быстро. На Кэт же были удобные легкие туфли. Прожив у маори столь долго, она не смогла привыкнуть к модным сапожкам на шнуровке, какие носили миссис Ханзен и Мэри.

Вот он, угол дома — возможно, она сумеет скрыться в узком переулке? Или лучше двинуться в сторону более оживленных кварталов? Кэт миновала еще один дом, свернула на следующую улицу и вдруг увидела повозку, запряженную лошадьми и перекрывающую почти весь проход...

Глава 10

Иде надоело ждать. Оттфрид собирался купить кое-что еще, прежде чем они смогут отправиться в долгий обратный путь по еще толком не проложенным дорогам. Вообще-то они должны были уехать еще утром, загрузили повозку, подготовили провиант... но потом Оттфрид велел жене ждать его неподалеку от пансиона миссис Робинс. Ида вполне представляла себе, что именно он пошел покупать. Где-то рядом наверняка находился паб, и Оттфрид, конечно же, собирался вложить оставшиеся деньги в

личные «запасы зерна». Так он обычно называл виски, который пил уже прямо при Иде.

— Нельзя запрещать это мужчине, если он так вкалывает! — заявлял он. — Кстати, виски делают из зерна, так же, как и хлеб. Из ржи и ячменя... Сможем гнать его сами, когда наконец-то хоть что-нибудь вырастет.

Ида даже думать не хотела о том, что скажут старейшины общины, особенно ее отец, если Оттфрид построит в Санкт-Паулидорфе винокурню, но предпочла промолчать. Хотя пьяный Оттфрид «доказывал свою любовь» к ней весьма грубо, но вместе с тем алкоголь существенно сокращал процесс, и это Ида заметила уже давно. После выпивки он быстрее проваливался в сон и спал крепче. Иде удавалось высвободиться из его цепких, как тиски, объятий, и дышать становилось легче. Если же он был очень пьян, она даже осмеливалась стелить собственное ложе на полу. А когда они переедут в новый дом, будет еще лучше. При доме, который был уже почти готов, возвели коровник, где хранили солому. Ида представляла себе, как будет устраиваться там, когда Оттфрид крепко уснет, а утром притворяться, что ходила доить корову. Поэтому Ида сейчас даже рассчитывала на то, что он «скопил» достаточно денег, чтоб сделать хорошие запасы «зерна». Однако супруг задерживался, и это тревожило ее. Вряд ли паб находился так далеко, скорее всего, он встретил там знакомых и заболтался с ними, кроме того, они наверняка пропустили по паре стаканчиков. Если ей не повезет, Оттфрид вернется к ней в стельку пьяным, а этого она совсем не желала. Дорога ухабистая, кто знает, надежны ли эти лошади, они ведь их только что купили... И коров еще нужно забрать. Ида надеялась, что они привыкли шагать за повозкой, а если нет, то придется что-нибудь придумать. В худшем случае один из них будет идти пешком и подгонять животных.

Постепенно Ида тревожилась все больше. А ведь до сих пор все шло так хорошо! Стина Краузе приняла их и дала очень толковые советы. Она еще прекрасно помнила, чего не хватает в Шахтстале. Ида была рада возможности поболтать с ней. Кроме того, Партриджи сделали переселенцам большую скидку, и теперь под брезентом в повозке лежали самые настоящие сокровища: ткань и домашняя утварь. Еще там стояли две большие корзины, из которых доносились писк и мяуканье, — в них Ида посадила небольшой выводок котят и четырех щенков. Вот будет радость для детей переселенцев! Если бы только Оттфрид вернулся поскорее...

Заслышав шаги в переулке, Ида вздохнула с облегчением. Наверное, это он. Однако тут же она поняла, что этот человек бежит со всех ног. Вряд

ли ее муж стал бы так торопиться...

У Кэт была лишь секунда, чтобы принять решение. Повернуть обратно она не могла и протиснуться мимо повозки тоже — мужчины уже догоняли ее. Нет, кажется, на козлах кто-то сидит! Наверное, можно попросить помощи. Кэт ожидала, что лошадыми будет управлять мужчина, но, приглядевшись внимательнее, поняла, что это очень строгая на вид женщина. Одета она была просто, в темно-синее платье; каштановые волосы, убранные под аккуратный чепец, открывали лицо в форме сердечка. Ноги ее были плотно сдвинуты — она сидела на узкой скамье, и вся ее поза выражала беспокойство и неуверенность. Видимо, это жена одного из переселенцев, которая нечасто бывает в городе. Похоже, крестьянка. Станет ли она помогать Кэт — вот в чем вопрос. Но выбора у Кэт не было. Промчавшись мимо лошадей, она одним прыжком вскочила на козлы.

— Поезжайте! — крикнула она женщине. — Пожалуйста! Меня преследуют! Я вам сейчас все объясню.

— Что? — Ида видела, как к ней бежит девушка в платье и переднике, с развевающейся косой, но не поняла быстро произнесенную по-английски фразу. Слишком давно она не говорила на этом языке. — Как?

— Поезжайте! — в отчаянии повторила Кэт по-немецки.

Теперь Ида тоже увидела мужчин, показавшихся из-за угла.

— Вот она! — Мужчины заметили сидевшую на козлах Кэт.

Ида сразу догадалась, что у этой девушки неприятности, и сперва заколебалась. Не рассердится ли Оттфрид, если она сейчас уедет? Может быть, у этих людей есть причина преследовать светловолосую девушку? Может быть, она что-то украла или...

— Ну же, поспешите! — крикнула Кэт.

Ида подчинилась инстинкту. Эти ребята не были похожи на полицейских или обманутых торговцев. Похотливые и злые, они выглядели угрожающе. Ида хлестнула лошадей поводьями. Прежде ей редко доводилось управлять лошадыми, разве что отцовским тяжеловозом еще в Мекленбурге. А эти лошади были легче и реагировали быстрее. Получив внезапный приказ тронуться с места, пробудивший их от дремы, животные в испуге помчались вперед быстрой рысью. При этом мужчины, преследовавшие Кэт, едва не угодили под копыта лошадей. Им пришлось отскочить в сторону, а затем прижаться к стене дома, чтобы не попасть под колеса повозки на узкой улочке. Ида проехала совсем рядом с ними, увидела их потные разъяренные лица, злые глаза. Нет, она поступила совершенно правильно, решив помочь девушке.

Пока сидевшая рядом с ней Кэт судорожно цеплялась за козлы, Ида пыталась разобраться с поводьями. Она опасалась, что лошади разовьют слишком большую скорость, но те оказались послушными. Вскоре они бежали уже медленнее, а затем и вовсе перешли на шаг, когда мужчины остались далеко позади. Скорее всего, они просто решили прекратить преследование.

— Чуть не попала, — сказала Кэт. — Вы спасли меня. Большое спасибо! Не знаю, удалось бы и мне скрыться от них без вашей помощи...

— Чего... чего они хотели от тебя? — растерянно спросила Ида.

Ее удивило, что девушка говорит по-немецки. Ведь сначала та обратилась к ней на английском языке. Судя по всему, она уверенно владела обоими языками.

— Известно чего, — пожала плечами Кэт. — Чего хотят пьяные мужчины, пребывающие в дурном настроении, если им на пустынной улочке попадает женщина? Да еще такая, которую, как им кажется, легко заполучить?

Ида закусила губу, теряясь в догадках. Откуда ей знать? Конечно, у нее были предположения, она ведь видела этих мужчин, а в глазах девушки читался страх, который был ей прекрасно знаком. Но этого не может быть! Не могли же мужчины посреди улицы сотворить со светловолосой девушкой то, что проделывал с Идой Оттфрид в полной темноте!

— Я... я не знаю... — пробормотала она. — Подозреваю, конечно... но так ведь нельзя... Здесь, прямо на улице...

Кэт пожала плечами:

— Они нашли бы конюшню или сарай, где их не сразу бы заметили. А если бы даже и заметили... С учетом того, что обо мне болтают, их бы еще и похвалили.

— А что о тебе болтают? — невинно поинтересовалась Ида. — Я... я нездешняя... и по-английски не говорю. Ну, совсем чуть-чуть... Я из деревни Санкт-Паулидорф, знаешь такую?

Кэт кивнула. В доме Бейтов часто говорили о переселенцах из Германии.

— Откуда ты? — продолжала расспрашивать Ида.

Они ехали вдоль реки, причем Ида правила весьма неуверенно. Вообще-то ей нужно было вернуться на улицу за пансионом, ведь Оттфрид придет именно туда. Но для начала она хотела убедиться, что хулиганы ушли оттуда.

— Из Вайрау, — ответила Кэт.

Она не могла решить, что можно рассказать о своем прошлом. Скорее

всего, эта молодая женщина никогда не слышала о ней. А вдруг это ее возможность уехать на юг? Впрочем, долина Маутера располагалась в глубине территории, прежде принадлежавшей *нгати тоа*, далеко от мест, где обитали *нгаи таху*.

— Это там, где была резня? — с интересом повернулась к ней Ида. — Но ведь там совсем нет переселенцев. Только... только дикари.

— Маори, — поправила спутницу Кэт. — Такие же люди, как ты и я.

Теперь она тоже решила обращаться к женщине на «ты», поскольку та явно была намного моложе, чем показалось Кэт на первый взгляд. Из-за строгого платья и тревоги на лице она казалась старше, теперь же, когда ее лицо озарилось любопытством, Кэт поняла, что это совсем молодая женщина.

Ида покраснела.

— Я ничего о них не знаю, — призналась она. — Я вообще мало знаю... Все их боятся, говорят, будто они убивают людей...

Кэт решила приоткрыть свою тайну.

— Я жила с ними, — рассказала она. — Те Ронга, женщина, которую убили белые, растила меня как дочь. А она была самым милым, добрым и великодушным человеком в мире! Конечно, Те Раупараха был неправ, когда приказал убить *пакеха*. Но Те Ронга приходилась ему дочерью! А Те Рангихазата потребовал мести за свою жену. Что сказал бы твой отец, если бы убили тебя? Он захотел бы, чтобы убийцу повесили, и всех его приспешников в придачу!

Ида направила повозку обратно в Нельсон, а Кэт тем временем рассказывала ей свою историю.

— Кстати, как тебя зовут? — наконец спросила Ида. — Меня — Ида Брандманн.

— Кэт, — представилась девушка.

Ида улыбнулась.

— Кошка! — перевела она. Это слово напомнило ей детскую песенку, которой научила ее и Элсбет миссис Партридж.

— На языке маори — Потти, — с тоской в голосе произнесла Кэт. — А что ты делаешь здесь, в Нельсоне, одна?

— Я не одна. Я ждала мужа. И теперь мне пора возвращаться. Если Оттфрид обнаружит, что я уехала, он будет ругать меня.

Кэт заметила, что, говоря о своем муже, Ида напряглась, а в голосе ее зазвучали нотки страха. Она прекрасно поняла чувства молодой женщины, когда они вернулись на улицу за пансионом миссис Робинс и увидели там мужчину, который ее дожидался. Лицо Оттфрида Брандманна покраснело

от злости, а возможно, и от выпитого виски. Он был еще молод, примерно одного возраста с Идой, но его волосы уже начали редеть. Он был высокого роста, но казался слегка обрюзгшим. Возможно, с возрастом он станет тяжелым и неуклюжим. В руках у него был коричневый пакет, в котором, судя по всему, лежали бутылки.

Ида остановила повозку рядом с ним.

— Где ты была? — рявкнул на нее муж. — Ты должна была ждать здесь! Что это тебе в голову взбрело, решила покататься или еще что-нибудь? Может быть, немного поболтать со своей подружкой Стиной? Или с другими бабами, которые увели своих мужей из общины? Столько глупой болтовни из-за небольшого наводнения! — Он смотрел на жену маленькими злыми глазами, и Ида словно съежилась под его взглядом.

Однако тут он заметил Кэт... и, наверное, не сразу поверил своим глазам. Он был пьян и решил, что она ему мерещится. Оттфрид окинул недоверчивым взглядом ее светло-русые волосы — пока она убегала от пьяниц, ее коса растрепалась, — затем взглянул в ее нежное лицо, которое стало бледным за время работы в доме Бейтов, в ее карие глаза... Его взгляд опустился ниже, на ее простое платье, небольшую грудь, стройную талию...

— Я... я тебя знаю... — неуверенно пробормотал он. — Ты... Я тебя уже видел, ты...

— Мой муж был в Вайрау, — произнесла Ида и вдруг устыдилась этого. — С экспедицией капитана Уэйкфилда. Но он не стрелял. Он вообще не умеет стрелять, он...

— Что ты такое говоришь, Ида? Конечно же, я умею стрелять! — возмутился Оттфрид и покраснел. — Но да, я не стрелял, — торопливо добавил он, когда Ида и Кэт поглядели на него с упреком и недовольством. А потом он наконец вспомнил. — Ты тоже была в Вайрау! — обратился он к Кэт, и в голосе его послышалась странная настороженность. — С маори. На стороне дикарей! И ты постоянно что-то говорила.

— Я переводила, — с достоинством пояснила Кэт. — Однако тебя я не видела. Наверное, у тебя был не... не слишком важный статус.

Это насмешливое замечание Оттфрид воспринял на удивление спокойно, он вдруг усмехнулся, его голос снова стал уверенным:

— Смотрите-ка! Так это ты — та маленькая людоедка, о которой все болтают! И даже знаешь немецкий, как порядочная христианка.

— Оттфрид, англичане — тоже христиане! — Было видно, что Иде тяжело все это слушать, но она пыталась защитить Кэт. — Не надо все время говорить так, словно... словно все прочие народы и не люди вовсе.

Кэт улыбнулась ей.

— *Хе тангата*, — сказала она, хотя никто ее не понял. Однако слова Те Ронги придали ей мужества.

— Ну, что касается дикарей, которые рубят на куски себе подобных, а потом едят их... Наверное, они скорее звери, Ида, сокровище мое... — Оттфрид подошел ближе к козлам, и Кэт почувствовала, как напряглась Ида. — А твоя маленькая подружка не отставала от них...

Кэт схватилась за голову.

— Это неправда! — твердо сказала она. — Но, наверное, нет смысла пытаться что-то объяснить. Я пойду себе, Ида, и еще раз большое спасибо за помощь. Мне нужно выбираться из города, пока на меня опять не напали.

Она хотела спрыгнуть, но заметила, что Оттфрид стоит слишком близко. Кэт оставалось только надеяться, что он позволит ей уйти без лишних сложностей.

— Кэт ищет работу, — сказала Ида. — Она была горничной у Бейтов, но они уволили слуг. Судя по всему, у Новозеландской компании неприятности...

Оттфрид фыркнул:

— Да! Я как раз слышал об этом. Придется старику Бейту спуститься с пьедестала. Как хорошо, что у нас есть земля! Если бы мы ждали, возможно, остались бы совсем без ничего.

Он снова посмотрел на Кэт, сидевшую напротив него. Казалось, он не хотел пропускать ее, но особой опасности все же не представлял.

— И куда наша маленькая маори хочет устроиться? Может быть, в паб? Говорят, дикарки разбираются в кое-каких вещах... — Он поднял руку, чтобы прикоснуться к Кэт, но девушка так сверкнула на него глазами, что он не осмелился дотронуться до нее.

— Может быть, — с вызовом в голосе ответила Кэт. — Только... помните о том, что я могу и съесть клиента. В борделях это нежелательно, сокращает количество постоянных посетителей.

Ида вздрогнула. Ее шокировал не столько черный юмор Кэт, сколько ее дерзость. Оттфрид жестоко наказал бы ее за подобное поведение. А таких шуток он никогда не понимал, однако сейчас усмехнулся.

— Точно, дикая кошка. А в Санкт-Паулидорфе как раз нужны хорошие крысоловы... Как думаешь, Ида, ее можно приручить? — Он облизнулся.

Кэт хотелось поскорее убраться отсюда, но, оглянувшись, она с ужасом заметила своих преследователей, вышедших из боковой улочки за повозкой Брандманнов. Судя по всему, они искали утешения в ближайшем

пабе. И теперь она снова попалась им в руки.

Ида еще не заметила их, она с надеждой смотрела то на Кэт, то на своего мужа. Кэт с удивлением поняла, что слова мужа воодушевили ее. Неужели она не догадывается о том, что здесь происходит? Каким бесстыдным образом ее муж хочет воспользоваться Кэт? Но тут Ида сказала то, что потрясло Кэт до глубины души:

— Я тоже пришла к выводу, что Кэт нужно взять с собой в Шахтсталь. Это... это ведь... по-христиански. Здесь она в опасности. А если она вернется к маори... к язычникам... возможно, ее будет уже не спасти.

Ида осеклась. Она решила пригласить Кэт в деревню еще намного раньше и с тех пор лихорадочно размышляла, как это обосновать, чтобы старейшины согласились принять беглянку. При этом она, конечно же, думала о бессмертной душе Кэт — но в первую очередь о том, как тяжело жить в деревне без подруги-одногодки. Да еще такой, которая говорила бы по-английски. Разумеется, ее муж и отец вряд ли поддержат такое начинание, но Кэт могла бы учить Иду и Элсбет тайком. Особенно Элсбет... Кэт чем-то напоминала Иде сестру. Дело было не только в светлых волосах, нет, скорее в ее гордости и своенравии. Она чувствовала, что Кэт поддержит не только ее саму, но и Элсбет.

Оттфрид рассмеялся.

— Ну, если можно спасти ее, если так предначертано Господом и ангелами... Кто знает, крещеная ли она вообще. Ну да мне все равно... — Он махнул рукой в сторону повозки. — Наверное, нам не помешала бы прислуга.

У Кэт не было времени на размышления. Девушке казалось, что земля горит у нее под ногами. До сих пор массивная фигура Оттфрида заслоняла ее от мужчин, но те могли заметить ее в любой момент. Что тогда сделает муж Иды? Отдаст ее им? И пусть он смотрел на нее не менее похотливо, чем они, сражаться за нее он вряд ли станет.

Ида, просяив, улыбнулась так, что при взгляде на нее на сердце у любого мужчины стало бы теплее. Но в глазах Оттфрида не было ответного тепла. Судя по всему, жену свою он не слишком любил.

— Помощница по хозяйству — это было бы чудесно! — Ида очень обрадовалась. — Хотя... Отец наверняка скажет, что это расточительство. Неподобающая роскошь... У нас ведь и скота еще нет. И даже поля не все обработаны. — Она неуверенно переводила взгляд с Оттфрида на Кэт. — И платить мы сможем немного...

В принципе, это была неправда. Будучи столяром, Оттфрид зарабатывал неплохо, равно как и его отец. Они вполне могли потратить те

несколько пфеннигов, которые в Рабен-Штейнфельде было принято платить служанкам. Впрочем, в Мекленбурге ни у одного малоземельного крестьянина не было слуг. Один морген земли, который предоставлялся ремесленникам по договору с помещиком, семья могла обрабатывать самостоятельно. И только во время сбора урожая иногда требовались поденщики.

— У нас есть корова, — сказал Оттфрид, — и у меня нет времени возделывать землю.

В данном случае лучше было бы нанять помощника мужского пола, но Ида ни в коем случае не хотела с ним спорить, поскольку впервые со дня свадьбы муж собирался выполнить ее желание.

— А тебе, наверное, скоро будет не до этого... — продолжал Оттфрид.

Ида покраснела. Она знала, что в деревне судачат о том, что она до сих пор не забеременела. А ведь Оттфрид действительно старался. И однажды Ида уже начала надеяться, но через несколько дней у нее снова пошла кровь. Может быть, все дело было в том, что она слишком много работала, а к тому же и упала один раз — во время последнего наводнения.

— Вот она! Парни, вон туземная шлюха! Я же говорил, что нужно еще раз заглянуть сюда! А та баба на повозке не увезет ее опять?

Кэт услышала ликующий возглас самого крупного из мужчин. Они немного потолкались на месте, громко хохоча, а затем бросились к ним... Теперь Кэт от них не уйти. Она в отчаянии протянула руку Оттфриду Брандманну.

— Я буду хорошей служанкой! — сказала она.

Оттфрид хлопнул по ее ладони и обернулся к мужчинам, которые уже стояли возле повозки. Он с раздражением взглянул на них, а тем временем Кэт прижалась к Иде. Та обняла ее за плечи.

— Что тебе нужно от девушки? — запальчиво произнес Джейми заплетающимся языком. — Мы первые ее нашли. Она... она принадлежит нам!

Оттфрид нахмурился. Судя по всему, он едва мог разобрать невнятное пьяное бормотание на английском языке, но решительно заслонил своим телом повозку, на которую эта троица пыталась забраться.

— Убирайтесь! — закричал он. — Не смейте прикасаться к моей жене! И к моей служанке!

Ида испуганно вскрикнула, когда он ловко вытащил из-под козел мушкет. Она не знала, что у него есть оружие. Кэт резко втянула носом воздух. Мушкет напомнил ей о Вайрау. Все люди Уэйкфилда были вооружены точно так же. Ида вдруг впервые осознала, что Оттфрид тоже

стоял перед маори с оружием в руках. И кто-то ведь застрелил дочь вождя...

Пьяницы тут же отступили, когда Оттфрид направил мушкет на них. Подраться они были не прочь, но с вооруженным человеком связываться не захотели.

— Ладно, ладно... оставь ее себе... — Джейми примирительно махнул рукой. — Но ты поосторожнее с ней! Она ведьма! Как она смогла от нас убежать? Что-то тут нечисто!

Кэт едва не расхохоталась. Судя по всему, она задела гордость этих типов. Значит, теперь ее обвинят еще и в колдовстве. Наверняка в черной магии... Как же хорошо, что она может уехать из Нельсона! Даже если этот Оттфрид ей совершенно не по душе...

Пути Господни...

Деревня Санкт-Паулидорф, Нельсон

1844 год

Глава 1

— Неисповедимы пути Господни, — произнес пастор Волерс и окинул Кэт взглядом, который при всем желании нельзя было назвать отеческим. — Так давайте же возблагодарим Его за то, что Он привел к нам это заблудшее дитя, которому удалось вырваться из лап язычников.

Кэт пристыженно потупилась. Вернее было бы сказать, что она вырвалась не из лап язычников, а из потных рук нельсонских пропойц. И, стоя здесь, среди членов общины Санкт-Паулидорфа, решавших ее судьбу, она невольно вспомнила все свои беды. Жители деревни смотрели на нее не намного приветливее, нежели члены племени *нгати тоа* после смерти Те Ронги.

И это собрание! Кэт думала, что оказалась в относительной безопасности, когда Ида и Оттфрид взяли ее с собой, но, судя по всему, ей придется пройти еще одно испытание. При этом община старолютеран больше напоминала ей племя маори, чем жителей Нельсона, — и было в этом что-то жуткое. Да и вообще, Кэт чувствовала себя неуютно в долине Маутера, которую эти люди недолго думая окрестили Шахтсталем.

Они прибыли в поселок после нелегкого двухдневного путешествия — повозка несколько раз увязала в грязи, потом дорогу преградили поваленные деревья, которые они втроем с трудом оттащили в сторону. Один раз им пришлось даже распрягать повозку и убирать препятствия с

дороги при помощи лошадей, обвязав веревками стволы. Однако в конце концов они добрались до своей цели, въехав в долину по склону одного из окружающих ее холмов, и их взорам открылся чарующий речной пейзаж. На берегах реки возвышалось несколько деревянных домов. Уже были засеяны огороды и поля, построена церковь — по всей видимости, на протяжении последних нескольких месяцев здешние жители работали очень тяжело. Но почему они не обратили внимания на тот факт, что эту землю часто затапливает? Кэт вспомнила, как Те Ронга упрекала отца в том, что тот продал эти участки *пакеха*.

— Ты не имеешь права отдавать ее... она принадлежит духам реки...

Те Раупараха только рассмеялся в ответ.

— Духи реки возьмут то, что принадлежит им по праву.

И сомневаться в этом не приходилось. Ида рассказывала, что за последние несколько недель произошло два наводнения, а Оттфрид всячески пытался преуменьшить понесенный ущерб. Теперь же, когда Кэт увидела долину своими глазами, она вполне могла представить себе, как та выглядела после дождя. Девушка никогда бы не подумала, что немцы поселятся так близко к реке! Если бы они взяли в пример миссионеров и построили дома на холме... Однако, судя по всему, они были упрямы и самоуверенны — одного взгляда на поселенцев было достаточно, чтобы ощутить исходящую от них угрозу. Все женщины одевались в такие же темные закрытые платья, как у Иды, а мужчины выглядели так, как представляла себе Кэт библейских патриархов: бородатые, серьезные и ужасно строгие.

— Не так быстро, господин пастор, — тут же вмешался один из них.

— Мы еще не решили, может ли эта девушка остаться!

Говорил высокий крепкий мужчина с суровыми карими глазами, немного похожий на Иду. Наверняка ее отец. Молодая женщина рассказывала о нем с гордостью и затаенным страхом, упомянула она и о том, что он пользуется в деревне огромным влиянием.

— Столь юная девушка, незамужняя, наверняка станет источником соблазна. Кроме того, мой зять намекал, что в Нельсоне она имела не лучшую репутацию. Что и не удивительно — она выросла среди дикарей... Откуда у нее возьмется понятие о чести?

Кэт залилась краской, но вместе со стыдом в душе ее вскипел гнев.

— Если мы согласимся, то ее нужно как можно скорее выдать замуж, — поддержал отца Иды один из столпов общины.

Его только что назвали Брандманном, и его сходство с Оттфридом бросалось в глаза. Через несколько лет Оттфрид станет таким же лысым и

тучным... И что могло заставить красавицу Иду выйти замуж за этого мужчину?

— Однако подходящего холостяка сейчас не найти. Кроме того, добродетельному молодому человеку лучше жениться на достойной девушке его веры.

Брандманн поморщился и стал похож на лягушку, готовую самодовольно квакать целый день напролет. Судя по лицам молодых людей, присутствовавших на собрании, они вполне готовы были пренебречь ради нее достойными девицами своей общины! Некоторые смотрели на нее с откровенной похотью. Мысль о том, что скоро ее выставят на местный рынок невест, явно вызвала у них определенные фантазии.

— А крещеная ли ты, девушка? — снова вмешался в разговор Ланге. — И какой ты веры? Твое имя звучит очень странно. Разве человека можно называть Кэт?

— Ее зовут Катарина!

Кэт с удивлением перевела взгляд на женщин, которые стояли отдельно от своих мужей и братьев. Некоторые держали над головой куски брезента, пытаясь защититься от дождя, который начался вместе с собранием. Вероятно, они хотели вернуться в свои дома, вместо того чтобы стоять здесь, в грязи, на раскисшей площади. Наверняка и поэтому тоже они смотрели на Кэт без особой приязни. Она не только заставила их задержаться, но еще и притягивала взгляды мужчин.

Однако вскоре произошло нечто такое, что вызвало интерес всех членов общины. Мужчины и женщины с недоумением смотрели на вышедшую вперед Иду. Она стояла всего в двух шагах от Кэт, с лицом, залитым краской смущения, с опущенным взглядом. В рядах членов общины зазвучал недовольный шепот. Очевидно, здесь было не принято, чтобы женщина брала слово на подобном собрании.

Иде приходилось буквально заставлять себя произносить каждое слово, но она заявила:

— Эта девушка... конечно же, она крещеная. Ее... ее первая приемная мать была лютеранской веры...

Кэт нахмурилась. Все это не очень-то соответствовало истине. Она только вскользь упомянула о Линде Хемплмен, но о вере ее не говорила. Удивленная Кэт попыталась встретиться с Идой взглядом, не зная, злиться ей или быть благодарной. Насчет своего прошлого она не лгала, но Ида наверняка хотела как лучше.

— Что на тебя нашло, Ида, почему ты вмешиваешься не в свое дело? — гневно сверкнул глазами Ланге и громко упрекнул дочь: — Женщина в

общине должна молчать!

Ида растерянно теребила завязки чепца, но тут ей неожиданно пришли на помощь.

— Нет, брат Ланге! Дай ей сказать. Ведь сама девушка и слова вымолвить не может, так мы ее запугали, — мягким тоном произнес пастор Волерс. — Говорите же, госпожа Ида, если Катарина доверилась вам.

Ида глубоко вздохнула и бросила на Кэт взгляд, моливший о прощении.

— Она точно не знает, какой веры придерживались эти немцы... Их фамилия была...

— Хемпельманн, — покорно прошептала Кэт.

Теперь она была обязана поддержать версию Иды, иначе это привело бы к ужасным последствиям для молодой женщины. Ида незаметно подмигнула ей и, воодушевившись, стала рассказывать дальше:

— Исповедовало ли семейство Хемпельманн старолютеранскую веру или же они поддерживали реформацию, неизвестно, однако фрау Хемпельманн молилась вместе с ней, а девушка читала ей Библию. Она никогда не... не принимала участия в языческих ритуалах дикарей. Она... она говорила мне, что отказывалась читать их молитвы.

В действительности же Кэт показала своей новой подруге куст *ронгоа* и объяснила, как делать из его листьев средство от кашля, когда та пожаловалась, что маленький Франц снова простудился. Кэт рассказала Иде о Те Ронге и о том, как та призывала духов.

Вот теперь она сжала кулаки. По словам Иды, она не уважала веру Те Ронги! Нельзя это так оставлять! Но, взглянув на лица пасторов и старейшин общины, девушка поняла, что Ида все говорит верно. Пасторы Волерс и Рименшнайдер буквально сияли. А отец Иды и господин Брандманн хоть и морщились, но тоже одобрительно кивали.

— Конечно же, Кэт... э... Катарине... еще потребуется руководство, — продолжала молодая женщина. — Наверняка будет лучше, если она окажется в семье, которая соответствующим образом наставит ее.

Ида посмотрела на отца. Предложение, которое она хотела сделать, далось ей нелегко, она ведь так радовалась тому, что Кэт будет жить в ее собственном доме, работать вместе с ней. Однако, увидев Элсбет, она решила: сестре помощь нужна больше, чем ей. Элсбет казалась ожесточившейся и несчастной, она сходила с ума от беспокойства за Франца, который все слабел и бледнел, и не могла справиться с требованиями отца. Кэт, которая показалась Иде весьма энергичной девушкой и к тому же разбиралась в местных растениях, наверняка сможет

помочь ей. Кроме того, в доме Ланге никто не будет ставить под сомнение ее добродетель. Оттфрид же...

Ида не признавалась в этом самой себе, но фривольные шутки, с которыми он то и дело обращался к Кэт во время путешествия, взгляды, которыми он ее пожирал, — все это не нравилось ни ей, ни ее подруге. Казалось, Кэт было ужасно неловко, и она все время пыталась отодвинуться от Оттфрида подальше. Поэтому ей лучше не переезжать сразу же к Брандманнам в их новый дом.

— Именно так! — Ида и Кэт вздрогнули, когда Оттфрид Брандманн внезапно перебил супругу. — Девушка должна с Божьей помощью вернуться на стезю добродетели, по которой шла когда-то, пока дикари не соблазнили ее. Это очень ответственная задача, требующая немалых жертв. Нам с супругой нелегко было решиться взять Катарину с собой, однако мы будем и дальше печься о ее душевном здравии. Тяжелый труд, молитвы под руководством моей добродетельной жены и, конечно же, мой строгий надзор вернут ее на истинный путь. Могу вас всех заверить, что я буду тщательно присматривать за ней. Завтра мы с Идой переезжаем в новый дом. В хлеву можно устроить каморку для служанки. С позволения старейшин мы разместим там Катарину.

— Но я думала...

Ида пыталась возражать, Элсбет тоже была удивлена: она уже обрадовалась тому, что получит помощь!

— Очень самоотверженное предложение, — подхватил пастор Волерс. — Вы поступаете по-христиански. Я хотел бы обратиться к старейшинам и попросить их принять девушку. Куда ей деваться, если мы изгоним ее? Мне даже представить себе страшно, какие опасности могут подстергать ее в глуши.

Что до Кэт, она отлично представляла себе, куда ей деваться, и ей нечего было бояться в «глуши». Впрочем, на пути из долины Маутера ей пришлось бы пересечь все земли *нгати тоа*, прежде чем она встретила бы племя *нгаи таху*. Тут действительно стоило быть осторожной. На протяжении нескольких дней лучше было не разводить костер и идти в основном ночью. Да, неприятное путешествие, не самое безопасное, но уж лучше это, чем жить под «присмотром» Оттфрида. Супруг Иды по-прежнему не нравился девушке, несмотря на его благочестивые слова.

Однако, бросив быстрый взгляд на Иду, она решила пока отказаться от побега. Ида казалась очень встревоженной, в то время как ее отец, Петер Брандманн и прочие важные персоны удалились на совещание. Судя по всему, Иде очень хотелось оставить Кэт у себя, хотя, когда Оттфрид

заговорил, она заметно вздрогнула. Разумеется, Ида была довольно наивной женщиной, но даже она не могла не заметить недвусмысленных попыток Оттфрида сблизиться с девушкой во время путешествия. И все же она с таким нетерпением ждала решения старейшин, словно речь шла о ее собственном месте в общине. Кэт не совсем понимала ее, однако не могла разочаровать новую подругу. Ладно, если старейшины не захотят, чтобы Кэт осталась, она уйдет. Но ничто не мешало ей на некоторое время найти пристанище среди старолютеран. Тяжелого труда Кэт не боялась, и тем более она не боялась Оттфрида. Парень он неприятный, но уж точно не боец. Кэт коснулась своего ножа. Она будет держать мужа Иды подальше от своего тела.

Решение далось Брандманну, Ланге и прочим старейшинам нелегко, как объявил Ланге, когда они наконец вернулись к своей мокнущей под дождем и продрогшей общине. Ланге не спешил отпускать их; сначала он произнес молитву, а затем пустился в пространные рассуждения, прежде чем наконец перейти к делу и объявить результаты совещания. Кэт достаточно было посмотреть на Оттфрида, чтобы понять, какое решение приняли старейшины. Муж Иды улыбался, как жирный кот, перед которым только что поставили миску сметаны. Мужчины наверняка выполнили его просьбу.

— Мы дадим девушке шанс! — с достоинством объявил Ланге. — Ведь член нашей общины Оттфрид Брандманн готов взять на себя ответственность за ее добродетель. Пусть же он держит девушку в строгости, а его супруга Ида станет для нее образцом смирения и набожности!

При этом он бросал на дочь такие взгляды, словно за ее показным смирением таилась возмутительная непокорность. И только когда Ида выдержала его взгляд, сумев скрыть свою радость по поводу этого решения, он отвернулся от нее и обратился к новому члену общины:

— Катарина... э... Хемпельманн! Мы приглашаем тебя разделить с нами труд и хлеб и служить Господу нашему.

Ида позволила себе улыбнуться, однако Кэт закусил губу. Она не Катарина Хемпельманн. Ее зовут Кэт. Не больше, но и не меньше! Девушка с тоской вспомнила о тех временах, когда она называлась Потти и чувствовала, что ее любят и воспринимают всерьез. Для Те Ронги был важен сам человек, а не его имя.

Кэт бросила на старейшину недобрый взгляд.

— Спасибо, — с неохотой произнесла она. — Но я — Кэт. Просто Кэт. Возможно, этим она заслужила бы первое порицание со стороны

строгого председателя общины, однако после заявления Ланге слова Кэт утонули во взволнованных криках толпы. Теперь казалось, что большинство жителей деревни рады принять Кэт. К ней подошли женщины и приветливо заговорили с ней. При этом их больше всего интересовали последние новости из Нельсона. Они расспрашивали о своих городских знакомых, о Бейтах и о том, как обстоят дела у Новозеландской компании. И только позднее, когда некоторые женщины отправились вместе с Идой и Кэт во временную хижину, где жили Ида и Оттфрид, чтобы помочь им с переездом в новый дом, они стали расспрашивать и о жизни среди маори. Кэт отвечала терпеливо, но очень осторожно. Она понимала, что нельзя давать людям пищу для пересудов, как случилось тогда, в Нельсоне.

Наконец женщины сложили всю домашнюю утварь Иды на две тележки и повезли к их новому дому. Имущества у молодой семьи было немного. Все многословно жаловались на то, как мало вещей они смогли взять с собой в Новую Зеландию.

— Какая красивая посуда, Ида, а пуховые одеяла... Я еще помню, как тонко ткала твоя мать. У тебя хотя бы остались скатерти и постельное белье. — Женщины с восхищением гладили вышитый лен, прежде чем погрузить сундук с приданным Иды на повозку.

Ида почти не принимала участия в разговоре, а Кэт интересовало одно: зачем нужно было тащить всю эту ненужную роскошь за три океана? Конечно, простыни и наволочки очень красивы, но ведь намного важнее инструменты, теплая одежда и посуда. Все это пришлось покупать, рассказывали женщины Кэт, то ли радуясь этому, то ли сожалея. Судя по всему, поездка Иды и Оттфрида в Нельсон помогла им разжиться самым необходимым. Однако в целом у жителей Санкт-Паулидорфа домашней утвари было не больше, чем у женщин *нгати тоа*.

— Мы ведь предполагали, что сможем изготовить все это сами, — с несчастным видом произнесла Ида, когда Кэт обронила какое-то замечание по этому поводу. — В Рабен-Штейнфельде мы ничего не покупали в городе, сами ткали и вязали, а железные изделия нам ковал кузнец. Но здесь все совсем не так. Уже хотя бы потому, что нет овец и шерсти... Кузницу мой отец тоже пока открыть не может, сначала ведь нужно построить дома. Кстати, как с этим справляются маори? У них ведь вообще нет скота.

Этот вопрос заставил насторожиться и других женщин.

Кэт пожалала плечами:

— Обычно маори готовят на открытом огне или пользуются земляными печами. Конечно же, если в районе, где они живут, есть

вулканическая активность. И они плетут одежду из листьев *харакеке*[48], — пояснила она женщинам. — Но для этого его сначала нужно вырастить. Вы уже что-нибудь выращиваете?

Кэт вместе с Идой и ее младшей сестрой толкала одну из тележек. Они как раз добрались до первых домов будущей деревни, которые были еще не достроены, но уже пригодны для жилья. Некоторые семьи успели справиться новоселье. Кэт с ужасом смотрела на фундаменты: судя по всему, во время прошлого наводнения вода поднялась как раз до этого уровня. Она не удивилась, когда женщины стали рассказывать о своих уничтоженных огородах.

— Все унесло половодьем, но мы не сдаемся! — заявила будущая соседка Иды Эльфрида Буше, молодая жена сапожника. — Мы сразу же разбили огороды заново.

— Уже во второй раз, — усталым голосом произнесла Элсбет. Если остальные женщины говорили о своей деревне с гордостью и даже восторгом, то сестра Иды казалась совершенно подавленной. — Но я сказала отцу: в третий раз я этого делать не стану. Если река снова выйдет из берегов, то...

— То что? — спросила Кэт.

Но ее голос утонул в общем возмущении, с которым женщины отреагировали на слова Элсбет: нет, больше наводнений не будет! А если и будет, то дренажные рвы на этот раз защитят дома и огороды, просто нужно вырыть их вокруг каждого поля. Мужчины теперь помогали своим женам, и рвы получились вдвое глубже.

— Господь защитит нас! — с уверенностью провозгласила Эльфрида Буше и перекрестилась.

— Нужно помолиться об этом! — добавила пожилая женщина, и все тут же послушно опустили головы под аккуратно накрахмаленными чепцами, которые, однако, уже не очень хорошо держали форму под морозящим дождем.

— А нельзя ли помолиться в доме? — заныла Элсбет, пока Кэт высматривала дренажные рвы вокруг надела.

То, что она обнаружила, показалось ей немногим глубже обычной борозды. Такими рвами окружала свои поля Те Ронга и другие женщины-маори. Их хватало для того, чтобы справиться с обычным дождем, но реку они не остановят. Если бы все было так просто, *нгати тоа* давным-давно заселили бы эту равнину.

— Да, входите! — Ида пригласила женщин в свой новый дом. — Тут мы сразу же сможем поблагодарить Господа за благополучный переезд и

попросить о счастье в новом доме!

Кэт показалось, что ее подруга скорее хочет согреться, нежели проявить набожность, и в этом она ее полностью поддерживала. Каждая женщина мечтала оказаться в тепле, но только Элсбет осмелилась сказать об этом.

— А может, сначала растопим печь? — жалобно спросила девушка.

Однако старшие женщины были не готовы идти на компромиссы. Едва они внесли сундуки с приданым Иды в дом, как началось импровизированное богослужение.

Кэт его терпеливо выдержала. В конце концов, у маори все было точно так же. Для Те Ронги церемонии тоже определяли ход повседневной жизни: она то задабривала духов, то просила их помочь людям справиться с насущными проблемами. Однако со стороны обряды маори казались более веселыми, обычно женщины пели и танцевали, а не только молились. Девушке показалось, что молитвы действуют Элсбет на нервы, Ида же витала в облаках. Возможно, она думала об оставшихся на другой тележке вещах, по-прежнему мокнущих под дождем.

Только после молитвы Ида показала подругам дом — хотя делала это в основном для Кэт, поскольку другие женщины вскоре будут жить в домах, более или менее похожих на этот. Возводя эти строения, мужчины ориентировались на планировку крестьянских изб своей прежней родины. В каждом из них за небольшим свободным пространством у входа начиналась обширная прихожая, из которой можно было попасть в комнаты поменьше. Женщины восхищались широкой прочной кроватью, которую сделал Оттфрид, да и прочей массивной и надежной мебелью. Все с удовольствием помогли расставить немногочисленные кастрюльки и другую посуду Иды по кухонным шкафчикам. Кэт отнесла в кладовую сушеное мясо и бобовые. За ней внимательно наблюдал Охотник — пес, который сразу же после возвращения Иды в деревню снова стал ходить за ней хвостом. Судя по всему, он надеялся получить местечко у камина, но Ида велела Кэт устроить для него подстилку в хлеву.

— Если ты тоже будешь спать там, то он не будет страдать от одиночества, — пояснила она, поглаживая лохматого дружелюбного пса.

Кэт и прежде намекала, что не претендует на право спать в доме. Ей вполне хватило бы загородки в хлеву, кроме того, она надеялась, что это уберезет ее от ночных визитов хозяина дома.

— Оттфрид не хочет, чтобы собака жила в доме, прежде я настаивала на этом из-за крыс. Но здесь, я надеюсь, их не будет.

«У наводнений есть свое преимущество: крысы не желают тонуть на

этой равнине вместе с людьми», — подумала Кэт, но вслух говорить не стала, чтобы женщины, чего доброго, не принялись снова молиться.

Наконец соседки Иды попрощались. Им пора было позаботиться о своих мужьях и детях. Последние приготовления перед завтрашним переездом Кэт и Ида могли закончить самостоятельно.

— Но прежде всего нужно завести под крышу корову и лошадей, — сказала Ида, глядя на небо.

Снова шел дождь, и молодая женщина уже с опаской поглядывала на Маутер. Тот пока оставался в своем русле, но Ида уже давно поняла, что наводнения непредсказуемы. Они зависели не от того, насколько сильный дождь шел в Шахтстале, а от осадков или таяния снегов в горах.

— Да, животным тоже наверняка хочется в тепло, — согласилась Кэт.

Она помогла Иде пригнать от миссионерской станции в долину очень упрямую корову, испуганно мычавшую всю дорогу. Деревенские жители, которые должны были заботиться о двух других коровах, уже забрали своих животных. Корова Иды сначала согласилась идти туда, куда ее повели, но потом отказалась приближаться к реке. Женщины с трудом загнали ее в хлев.

— Не может же она что-то чувствовать? — испуганно спросила Ида, поглядывая на воду.

Кэт пожала плечами:

— Понятия не имею. Это первая корова, с которой я имею дело. Впрочем, я с удовольствием побуду с ней и лошадьми в хлеву. — На эту ночь, до переезда Иды, ее приглашали дочери Брандманнов, однако в их домике и без того было очень тесно. — Если что-то случится, я их выпущу.

— Значит, ты считаешь это возможным, — нервно произнесла Ида, когда вскоре после этого они привели в хлев лошадей. Каурые лошади шли за ними охотно, они радовались возможности спрятаться от дождя. — Ну, насчет реки... Ты тоже думаешь, что может случиться еще одно наводнение?

Кэт пожала плечами:

— Ида, здесь наводнения происходят постоянно, сколько люди себя помнят. Почему вдруг это должно измениться?

— Так говорит мой отец. И Оттфрид тоже... Но... я считаю, что нам стоило поселиться выше, на холмах. Туда вода точно не доберется.

— Я бы на это не рассчитывала, — честно ответила Кэт. — Те Ронга говорила, что эта долина принадлежит духам реки и они могут захватить ее в любой момент. И до какого уровня поднимется вода, никто не знает, — по крайней мере, никто из *пакеха*.

— Это суеверие! — перебила ее Ида. — Ты не должна так говорить. Никаких духов реки не существует! — И она торопливо перекрестилась.

— А как насчет твоей слепой веры в отца и Оттфрида? — усмехнулась Кэт. — Разве это не суеверие — полагать, что им ведомо, чего хочет Господь?

— Мы должны слушать старейшин, — пробормотала Ида. — И наших отцов. И наших мужей. Так хочет Господь.

— Это бред! — вдруг заявила Кэт. — Ты посмотри, Ида, в вашем Рабен-Штейнфельде это еще могло иметь некий смысл. Твой отец знал, что там к чему, существовали некие... *тиканга*... обычаи, которые... Маори говорят, что знание прошлого обеспечивает будущее. Но здесь все не так, ты же сама говорила. И никто, за исключением *тохунга*, разбирающегося в реках, если такие бывают, или геолога, такого как мистер Таккетт, не может сказать, когда случится следующее наводнение. Сколько бы вы ни молились и что бы ни говорил твой отец.

— Ты хочешь сказать, что Бог нас не слышит? — В голосе Иды звучало возмущение, однако было в нем и что-то еще. Сомнение? Страх?

Кэт понимала, что нужно вести себя дипломатично. А потом вспомнила свои бессмысленные молитвы за миссис Хемплмен, то, с каким отчаянием она просила Бога защитить ее от Баркера, вспомнила и похотливые взгляды миссионера Мортонна, и очень полезный сироп от кашля, который она сама приготовила из цветов *ронгоа*, хотя не взывала к духам, прежде чем собрать их.

— Он когда-нибудь слушал тебя? — наконец спросила она. — Хоть раз дал что-то вроде ответа, когда ты задавала вопрос? Выполнил хоть одно твое желание?

Дверь закрылась за лошадьми, а Ида все молчала. Она принялась деловито раскладывать сушеную траву туссока, служившую здесь заменителем сена, по загородкам для коров и лошадей. При этом двигалась она неловко и неуверенно: насмешливые замечания Кэт поразили ее до глубины души. А та уже жалела, что завела этот разговор о Боге. Упомянув духов реки, она скорее хотела пошутить, однако забыла о том, что жители Санкт-Паулидорфа не понимают шуток, если от них отдает язычеством. Расставляя перед животными ведра с водой и насыпая овес в ясли, Кэт пыталась сообразить, как извиниться. Скоро делать здесь будет нечего, и если напряженная атмосфера сохранится до тех пор...

Внезапно Ида нарушила молчание.

— Я никогда прежде не лгала, — негромко произнесла она. — Ну, до недавнего времени... до сегодняшнего собрания.

После спора о богах и духах это удивило Кэт. Она не знала, чего от нее ждет Ида. Но выражение лица Иды, полное скорби, заставило Кэт посочувствовать ей.

— У тебя отлично получилось, — улыбнулась она. — Однако это было не обязательно. Я очень благодарна тебе и Оттфриду за то, что вы вывезли меня из Нельсона. Отсюда я бы уже как-нибудь сумела выбраться.

— И, скорее всего, лучше бы ты выбралась отсюда, — прошептала Ида. — Река... и Оттфрид...

Понижать голос до шепота не было причин, но Ида словно бы задыхалась под грузом своих слов.

Кэт лишь пожала плечами.

— Может быть, — ответила она. — Не беспокойся обо мне. Я умею плавать, — ободряюще улыбнулась она подруге. — И вообще... как-нибудь да справлюсь. — Она невольно коснулась охотничьего ножа.

Покончив с работой, Ида устало опустила на бревно, отделявшее закуток коровы от загородки для лошадей.

— Я сделала это вовсе не для тебя, — сказала она.

Кэт смотрела на молодую женщину, ожидая, что она пояснит свои слова, и видела, что та опустила плечи, лицо ее побледнело, а из-под аккуратного чепца выбились пряди темных волос. Даже кудри ее перестали блестеть. Всем своим видом она излучала подавленность и уныние.

— Я хотела, чтобы ты осталась, — наконец произнесла она.

— Я заметила, — улыбнулась Кэт. — Но почему? Ведь не беспокоись же ты и в самом деле о моей... Как вы это называете? Бессмертная душа? Я даже не знаю, что это.

— Наверное, я этого так никогда и не узнаю, — вздохнула Ида. — Только если это не предначертано мне. А вот... соответствую ли я требованиям? Нет, как бы там ни было, я забочусь не о твоём спасении. Хотя это, конечно же, долг всякого христианина. Я должна выполнять его, и... — Осекшись, Ида принялась теревить в пальцах травинку. Она едва заставила себя продолжать. — Я просто хотела, чтобы ты осталась, потому что с тобой можно поговорить, — наконец вырвалось у нее. Эти слова она произнесла так, словно признавалась в ужасном преступлении.

Кэт присела рядом с ней.

— Но, Ида, — тихо сказала она, — ты ведь можешь общаться здесь со всеми. Все говорят на твоём языке...

Ида покачала головой.

— То-то и оно, что нет, — прошептала она. — Я... мне кажется, что никто здесь меня не понимает. Безумие, правда? Мне и раньше так

казалось. В детстве, когда я ходила в школу, я была не такой, как все. Мы были другими... я и... Карл. Мы всегда относились ко всему иначе. Но я проявляю высокомерие, потому что... Наши оценки всегда были лучше, чем у других, и нам не следовало этим гордиться. Особенно мне, девочке. Учитель как-то говорил моему отцу, что я — странная прихоть природы. И я почему-то все еще горжусь этим. Не знаю, что со мной, сегодня я совершаю один грех за другим.

— Мое дурное влияние? — пошутила Кэт.

Ида не улыбнулась, только головой покачала.

— Просто... Если я вскоре не найду кого-нибудь, с кем можно поговорить... то... мне кажется, что я утону... Даже если не случится наводнение.

Кэт мягко обняла Иду за плечи, ощутив сквозь платье, какая она худая.

— Я с удовольствием буду разговаривать с тобой, — приветливо сказала она. — Хотя я не уверена, что действительно говорю на твоём языке. Например, про школу... Я никогда не ходила в школу. И я не знаю, смогу ли я спасти утопающего. В лучшем случае я могу научить тебя плавать. Но языка духов — ни духов этой реки, ни тех, которые мучают тебя, — я не знаю.

Глава 2

Кэт очень скоро поняла, что Ида страдает не только из-за богов и духов. Девушка быстро сделала верные выводы относительно того, почему её новая подруга выглядит такой ожесточенной и несчастной. С одной стороны, дело было в непомерно тяжелом труде, под гнетом которого женщины Санкт-Паулидорфа едва не падали с ног. Ида, как и другие женщины и девушки, вставала с восходом солнца, готовила завтрак для своей семьи, а затем сразу же отправлялась на поле или в огород. Мужчины были заняты строительством домов, а сельское хозяйство традиционно считалось женским занятием. Только двое из жителей Санкт-Паулидорфа владели на родине большими фермами. Другие кормили свои семьи ремеслом, и для работы в огороде времени у них не оставалось.

Впрочем, в Рабен-Штейнфельде земельные наделы были маленькими, огороды, поля и сады были возделаны уже давно, их плодами пользовались не первое поколение. Женщины легко справлялись с обработкой этих клочков земли, в крайнем случае нанимали поденщиков, которые распахивали землю или помогали с уборкой урожая. Здесь же каждый поселенец имел двадцать гектаров земли, и всем очень хотелось обработать их как можно быстрее. Поэтому женщинам приходилось даже корчевать участки, а уж посев и прополку они просто обязаны были взять на себя.

Лишь немногие мужчины снисходили до того, чтобы хотя бы выкопать дренажные рвы. Женщинам постарше, конечно же, удавалось привлечь к работе сыновей. Сильный тринадцати-или четырнадцатилетний парень уже мог оказать существенную помощь. А Ида была предоставлена самой себе, и еще больше ее сестра Элсбет, которая уже на следующий день после прибытия Кэт и переезда Иды с Оттфридом в новый дом появилась на пороге дома сестры со слезами на глазах.

— Антон ушел! — в отчаянии воскликнула она. — Он вчера поссорился с отцом. Кажется, Оттфрид налил парням... по одной... — Последние слова она произнесла с некоторым сомнением. Элсбет не привыкла к такому в Рабен-Штейнфельде, где алкогольные напитки крестьяне готовили сами и употребляли их в весьма незначительных количествах. — Отец учуял, когда Антон пришел домой. Ну, ты же знаешь отца! Он снова хотел заставить его молиться, просить у Господа прощения и все такое, но Антон восстал против него! — Это тоже звучало невероятно. — Он сказал, что больше не хочет вкалывать на полях, а тут еще эти наводнения... Он не понимает, зачем так надрываться. Кроме того, он не хочет жениться на Гертруде Брандманн.

Кэт вообще перестала понимать что бы то ни было, а Ида громко всхлипнула. Антона Ланге решили женить на старшей сестре Оттфрида еще на прежней родине, однако об их союзе еще не объявляли. Антон всегда говорил, что терпеть не может Гертруду — неприметную, зато очень набожную и послушную девушку. Поначалу никто не принимал его всерьез, и, если бы он продолжал настаивать на своем, отец наверняка не стал бы его заставлять. Однако, заговорив об этом во время спора на другую тему, Антон еще больше разозлил Якоба Ланге. Судя по всему, этот вопрос давно не давал юноше покоя.

— Отец побил его? — подавленно спросила Ида.

Якоб Ланге никогда не бил своих дочерей. Они могли разве что получить символическую пощечину. Но по отношению к мальчикам в семье царила строгая дисциплина. Ида всегда старалась защитить от отца маленького Франца.

Элсбет кивнула. Остальное Ида могла вообразить себе сама. Антон вытерпел порку и отправился в постель, чтобы тайком сбежать среди ночи.

— Он оставил нам записку, — рассказывала Элсбет. — Он будет строить дороги. Или станет землемером, как Карл. Конечно же, отец был вне себя. В том числе и потому, что он упомянул Карла, словно тот стал образцом для подражания. Лично я не думаю, что Антона примут в землемеры. Для этого нужно быть достаточно умным. А Антон... Ну, он

написал слово «землемер» с двумя «и».

Ида чуть не расхохоталась. Антон никогда не блистал умом, зато был сильным и усердным работником, и на строительстве дорог он наверняка покажет себя с наилучшей стороны. А накажет ли его Господь за то, что он восстал против отца? Возможно, его ждет лучшая жизнь, а также красивая и покладистая жена вместо набожной Гертруды Брандманн.

Ида не хотела признаваться себе в этом, однако прекрасно понимала брата. А вот для Элсбет его побег в город стал настоящей катастрофой. Прежде отец заставлял его помогать Элсбет в саду и в огороде, рубить дрова или носить воду, уже после того как он выполнял свою мужскую работу. Антон, ворча, делал то, что от него требовали: он понимал, что худощавой тринадцатилетней девочке такой труд не под силу. Теперь же, сказал отец, Францу придется больше помогать по дому.

— А ему ведь всего девять! — причитала Элсбет. — Кроме того, он снова болеет. Я сегодня послала его в школу, просто чтобы избавиться от него. Но, мне кажется, у него жар...

Кэт предложила помощь. Она пообещала осмотреть мальчика после школы и сразу же отправилась на поиски растений, которые должны были ослабить кашель и сбить жар. Элсбет просияла и пошла вместе с ней, что очень удивило Иду. Никогда раньше ее сестра не интересовалась целительством.

А Кэт сразу поняла, чем руководствовалась Элсбет.

— Поговори со мной по-английски! — потребовала девушка, едва они вышли за пределы поселка. — А то я скоро все забуду, хоть и стараюсь повторять слова перед сном и во время работы в огороде. Я хочу знать, как говорить правильно! Ах да, и, пожалуйста, называй меня Бетти!

Очень скоро Франц перестал кашлять, но это не сделало его полноценным работником. Элсбет продолжала в одиночку сражаться с огородом, и отец даже в некотором смысле проявлял терпение. Он ведь и сам понимал, что помощи от Франца немного. Зато Оттфрид подгонял Иду и ругался, если плоды ее труда не соответствовали его ожиданиям.

— У моей матери уже давно проклюнулся горох! И картофель посажен! Чем ты весь день занимаешься? Особенно теперь, когда у тебя еще и помощница есть?

Кэт не раз замечала, что, заслышав такие упреки, Ида замолкала, вместо того чтобы возразить. Точно так же она вела себя и во время путешествия из Нельсона в Шахтсталь. Казалось, слова застревали у женщины в горле, когда Оттфрид принимался упрекать ее. В этом Кэт увидела еще одну причину общей подавленности подруги: ее злого духа

звали Оттфридом, и в этом она вскоре убедилась окончательно. Ида боялась мужа, его насмешек днем, но еще больше — близости с ним ночью.

Кэт ничего не могла поделать: она прекрасно знала, что представляет собой супружеская жизнь Иды и Оттфрида. В наскоро сколоченном доме звуки легко проникали сквозь стены. У себя в хлеву она слышала все, что происходило в спальне Иды и Оттфрида. До нее доносились и стоны Оттфрида, и его самодовольные фразы, его храп и тихий плач Иды после того, как он наконец оставлял ее в покое. Кэт не желала ничего об этом знать, но Охотник вскакивал всякий раз, когда Оттфрид набрасывался на Иду. Сначала он громко лаял, а затем и скулил, и выл, — скорее всего, в прежнем доме ему строго-настроено запрещали лаять. Своим визгом он будил Кэт, а совесть не позволяла ей силой заставить его замолчать. В такие моменты она подзывала его к себе, принималась гладить и утешать, потому что не могла утешить Иду. Робкие попытки Кэт поговорить с молодой женщиной о ее ночных мучениях заканчивались тем, что та только краснела и отворачивалась.

Кроме того, Кэт нельзя было назвать знатоком в подобных делах. Хотя подружки маори рассказывали ей, что соитие мужчины и женщины должно нравиться им обоим, она прекрасно понимала нежелание и отвращение Иды. Как сделать отношения более гармоничными, она не знала. Впрочем, Кэт могла бы дать ей кое-что обезболивающее. Ведь это неправильно, что после ночи с Оттфридом Ида едва может ходить. Она почти не спала, и под глазами у нее залегли темные круги, которые росли с каждым днем.

Кроме того, Кэт тревожилась из-за того, что Оттфрид пил все больше, хотя Ида относилась к этому спокойнее. После того как хижины, стоявшие за миссионерской станцией, в большинстве своем опустели, Оттфрид объявил, что готов заняться их сносом. Для этого он по вечерам собирал молодых людей, и все они пили виски, который привозил Оттфрид из своих поездок в Нельсон. Причем меры не знали не только неопытные юноши, но и сам Оттфрид, который всякий раз приходил домой, шатаясь и едва ворочая языком. В такие дни он очень редко набрасывался на Иду и обычно засыпал сразу, едва упав на кровать. Ида, вздохнув с облегчением, забирала одеяло и приходила в хлев, где устраивалась поудобнее рядом с Кэт и Охотником.

Кэт от всей души радовалась тому, что подруга может спокойно спать по ночам, но, к сожалению, именно алкоголь придавал Оттфриду мужества, чтобы начать приставать к ней. Прежде чем ввалиться в дом, он заходил в хлев, пытался лапать спящую Кэт, пьяным голосом бормотал комплименты.

Однако он научился сохранять дистанцию сразу после того, как, попытавшись «разбудить Кэт поцелуем», обнаружил у своего горла нож. Острый как бритва клинок заставил его быстро протрезветь, а на следующее утро он якобы ничего не помнил. Но теперь Кэт достаточно было многозначительно поднести руку к горлу, едва он начинал непристойные разговоры, как он тут же замолкал.

Спокойнее всего женщины чувствовали себя, когда Оттфрид отправлялся в Нельсон с поручением от общины. Это случалось часто: по-прежнему приходилось покупать строительные материалы и вещи первой необходимости в городе. При этом сбережения переселенцев таяли с каждым днем, а самым бедным семьям уже сейчас приходилось довольствоваться жалкими пожертвованиями от компании и пытаться прокормить себя рыбной ловлей и охотой. Женщины с нетерпением ждали первого урожая, который некоторые уже должны были скоро собрать. В расположенных повыше дворах, как например у Брандманнов, последнее наводнение не принесло особого вреда, и теперь зимние овощи, такие как капуста и брюква, уже поспевали на грядках. Женщины всю обменивались рецептами.

А потом случилось очередное наводнение.

Как-то раз, прохладным и дождливым зимним утром, Кэт заметила, что шум реки усилился. Обычно она с первыми лучами солнца поднималась со своего соломенного ложа и принималась доить корову. Поначалу она боялась крупного упрямого животного, но вскоре выяснила, что костлявая черно-белая Берта очень добродушна. В тот день солнце словно не хотело вставать, и Кэт проснулась не от того, что стало светлее, а только когда Берта жалобно замычала. Моргая и пытаясь что-то разглядеть в темноте, она услышала не только шорох сильного дождя на крыше хлева, но и другой, весьма подозрительный шум. Выглянув за дверь хлева и бросив быстрый взгляд на реку, она все поняла: Маутер вот-вот превратится в бурный поток, который недолго удержится в своем русле. Кэт еще вглядывалась в плотную пелену дождя, а волны Маутера уже лизали берег.

Быстро набросив на плечи плащ поверх платья, в котором спала, Кэт выскочила из хлева. Нужно рассказать об этом Иде, Оттфриду и всем остальным жителям поселка, если они еще сами не заметили, что происходит. Когда Кэт вошла в дом, Ида как раз накрывала на стол, и лицо у нее было белым как мел. Наверное, она тоже услышала рев реки.

— Маутер, да? — бесцветным голосом спросила она, посмотрев на Кэт.

Та кивнула.

— Он выходит из берегов, — твердым голосом произнесла Кэт. — Нужно... нужно срочно идти к станции.

Только Ида собралась что-то ответить, как в комнату вошел Оттфрид, потирая лоб. Вряд ли он страдал от похмелья: Кэт до самого утра слушала, как он мучил Иду. Может быть, дело в недосыпе? Его жена выглядела так, словно ее всю ночь избивали.

— Этого не может быть, — заявил он. Судя по всему, он уловил слова Кэт. — Новые дренажные рвы... и...

Оттфрид замолчал. Наверное, он сам понял, что о надеждах Якоба Ланге на помощь Господа упоминать не стоит.

— Просто выйди на улицу и посмотри сам! — фыркнула Кэт. — Или выгляни в окно!

В окнах ничего, кроме дождя, нельзя было разглядеть, и Оттфрид с Идой вышли на улицу вслед за Кэт.

— Милостивый Боже!

Ида смотрела на массу воды, уже преодолевшей половину пути до их дома, с отчаянием, а Оттфрид — с недоумением. Рядом пролегал небольшой дренажный ров, который пока еще удерживал поток, но серьезного препятствия для Маутера он, конечно же, не представлял.

— Ну что, видите? — крикнула Кэт, пытаясь перекрыть рев реки. — Может, наконец отпустим животных и убежим? — Ее накидка и платье уже промокли, подъем к миссионерской станции будет тяжелым.

Оттфрид наконец ожил.

— Рвы! — рявкнул он. — Шевелись, Ида, бери лопаты и мешки с песком. Нужно защитить дом!

— Нет, нужно уходить отсюда! — возразила Кэт.

Но никто из Брандманнов ее не слушал, кроме того, девушка заметила движение на соседних участках. Жители Санкт-Паулидорфа никуда не убегут, они встретят наводнение с таким же упорством, как и раньше.

— Отведи животных в безопасное место! — крикнула ей Ида, увидев, что Кэт колеблется. — А потом помогай нам! Сад... огород... все труды... Мы не имеем права потерять все это снова!

Попытку спасти огороды и дома Кэт считала полнейшей глупостью, однако все же бросилась обратно к животным и стала уговаривать недовольную Берту выйти из уютного хлева под дождь. С лошадьми это получилось намного быстрее, им не терпелось оказаться подальше от ужасного рева реки. По дороге к станции Кэт казалось, что животные вот-вот разорвут ее на части. Лошади мчались вперед, а Берту приходилось

тащить за собой. К счастью, ей вскоре пришли на помощь. Жители деревни, дома которых стояли выше, уже увидели, что происходит, и бросились помогать своим соседям, тем самым защищая собственную землю. Один из мальчиков, который обычно после школы пас коров, принял у Кэт Берту.

— Лучше всего будет, если ты заберешь и остальных коров! — сказала ему Кэт, когда тот повел к станции отчаянно ревущее животное. — Ах да, и ее нужно подоить.

Кэт предпочла бы сделать это сама, ей совсем не хотелось возвращаться в деревню, но, как только она добралась с лошадьми до миссионерской станции и оставила их с подветренной стороны, две женщины потребовали ее помощи. Они должны были отвезти вниз тележку с мешками, в которые миссионеры сейчас торопливо насыпали камни и желтую землю. Песка здесь, на станции, не было. Девушка была уверена, что сильное течение просто вымоет такой наполнитель из наспех сшитых мешков. Однако женщин это не останавливало. Они поспешно складывали мешки в тележку, и, если бы Кэт высказала свои сомнения, скорее всего, ей не поздоровилось бы.

— А почему вы не запряжете лошадей? — все же осмелилась спросить Кэт, когда вместе с женщинами толкала тележку вниз, с трудом удерживая ее и не позволяя выскользнуть из рук или застрять на вязкой дороге.

— Повозка стоит в каретном сарае у Ланге, — тяжело дыша, пояснила одна из женщин. — Придется сначала отвести туда животных. Ты умеешь запрягать коней?

Этого Кэт не умела, поскольку прежде никогда не имела дела с лошадьми. Но ведь эти женщины росли рядом с ними! Почему лошадьми у них занимались только мужчины?

— Я боюсь лошадей! — призналась одна из женщин, вытирая с лица воду. — Нет, уж лучше так.

Конечно же, ничего хорошего в этом не было. Восемь или девять мешков, которые помещались в тележку, никак не помогут справиться с бушующей стихией. Однако Кэт больше не стала поднимать эту тему, хотя бы ради лошадей. По крайней мере они проведут день в безопасности, на холме, вместо того чтобы надрываться, занимаясь бессмысленной и тяжелой работой. К тому же ревущая река пугала их до смерти. Свезут они вниз десяток мешков или сотню — Маутер этим не остановит.

С этой задачей могли справиться дренажные рвы, которые все жители деревни лихорадочно пытались расширить. Им пока удавалось удерживать воду вдали от домов и огородов, и она не поднималась выше, чтобы смыть

землю вместе со стеблями и клубнями. Поэтому Кэт решила, что лучше взяться за лопату, чем подниматься вместе с обеими женщинами к миссии за новыми мешками. Под проливным дождем, по колена в грязи и воде она работала рядом с Идой и Оттфридом.

Около полудня госпожа Брандманн и другие пожилые женщины, которые при всем желании не могли больше копать рвы в холодной воде, принесли им кофе и хлеб. Поселенцы проглотили все между двумя взмахами лопатой. Ида всхлипнула, когда, несмотря на все усилия, чуть выше по течению реки один дом подмыло и он рухнул. Ее собственный дом возвышался над водой, словно островок, а вот в хлеву уже по щиколотку стояла грязная каша.

От усталости Кэт даже не заметила, когда после полудня дождь прекратился. Через некоторое время пришлось бросить еще один дом. Он находился в том месте, где река поворачивала, и рвы просто захлестнуло лавинами грязи и камней. Хозяева, семья с тремя детьми, в недоумении наблюдали за тем, как их дом наполняется землей и водой. Но он хотя бы не рухнул, как дом их соседей.

Около четырех часов Кэт показалось, что река отступает, а в какой-то момент, час или два спустя, Якоб Ланге подал сигнал отбоя тревоги. Они справились, Маутер возвращался в свое русло. Несмотря на то что вокруг домов на берегу еще стояла вода, в течение нескольких дней она высохнет.

— В целом все не так уж плохо! — ликовал Оттфрид, когда Брандманн и Кэт наконец опустили мотыги и лопаты и окинули взглядом местность, оценивая разрушения. — Немного воды в хлеву, ну и в доме тоже, но завтра вы запросто его отмоете. Так что можно благодарить Господа...

— Но огород опять пропал! — в отчаянии прошептала Ида.

Ее грядки все еще были залиты водой, женщины отлично представляли себе, что останется, когда она сойдет. И на этот раз поля и расположенные выше участки тоже отделались не так легко, поскольку вышел из берегов не только Маутер, но и питавшие его ручьи.

— Завтра разберешься с ним, — спокойно ответил ей Оттфрид. — Все равно там почти ничего не поспело. Моей матери повезло еще меньше.

Земля старших Брандманнов находилась намного выше, и посевы госпожи Брандманн почти не пострадали во время прошлого наводнения. Однако на этот раз ее уже почти созревшие овощи унесла река.

— Тут никогда ничего не поспеет! — устало бросила ему в лицо Ида. — Мы можем пытаться снова и снова...

— Это совершенно бессмысленно, — наконец высказала Кэт то, что

переполняло ее злостью на протяжении всего этого ужасного дня. — Все, что мы здесь делаем. Я не понимаю, почему вы не бросили поселок сразу после первого наводнения!

Оттфрид сверкнул на нее глазами.

— Как твой народ? Маори? — Он словно выплевывал эти слова. — Трусливый ленивый народ, который не смог оценить эту землю?

— Но, Оттфрид, ты ведь должен понимать...

Ида умолкла, увидев, что к ним приближаются Якоб Ланге и Петер Брандманн вместе с другими мужчинами постарше.

— С засеянными полями все в порядке! — доложил фермер Фрисманн. — Потерь почти нет. Но нужно более серьезно отнестись к вопросу дренажа, с завтрашнего дня начнем расширять систему рвов.

— Нет, не с завтрашнего! — перебил его Петер Брандманн своим звучным голосом. — С завтрашнего дня мы соберем все свои силы в кулак, приведем в порядок дом Буше и восстановим дом молодого семейства Шиб! Это ведь будет просто смешно, если через неделю у вас не появится крыша над головой, верно я говорю, а, Манфред? — Он потрепал по плечу молодого человека, семья которого видела, как их дом тонет в потоках воды.

Кэт не слышала, что ответил Манфред Шиб, но все прочие мужчины радостно согласились. Община Санкт-Паулидорфа и не думала сдаваться.

— Что мы будем теперь делать? — устало поинтересовалась Ида. — Убирать воду в доме прямо сейчас... я... я не смогу...

Судя по ее виду, она готова была рухнуть без чувств — от усталости и горя. И даже у Оттфрида не было никакого желания начинать уборку, поскольку уже надвигались сумерки.

— Мы переночуем в старой хижине, рядом с миссией, — предложил он. — Принесите из дома постельное белье и что-нибудь поесть, а потом устраивайтесь там.

— Устраивайтесь? — испугалась Кэт. — Может быть, мне лучше поискать другое место, а ты будешь ночевать там с Идой?

Ида вздрогнула, но Оттфрид покачал головой:

— У меня еще есть дела. Мне нужно кое-что обсудить с мужиками. Насчет того, что мы будем делать дальше. Переночую у кого-нибудь.

— Они будут праздновать окончание наводнения, — перевела Кэт, когда женщины пробрались сквозь грязь и стоявшую по щиколотку воду к дому Иды, чтобы взять там самое необходимое. — Как же повезло, что вашу старую хижину еще не снесли! Оттфрид ведь утверждает, что он со своими друзьями разбирает старый поселок.

— Это требует времени, если каждую доску обмывать стаканом виски, — злобно фыркнула Ида. — Пусть делают что хотят, главное, чтобы меня не трогали. Я так устала, Кэт... так устала. А завтра все начнется сначала. Глаза б мои не видели этот проклятый Санкт-Паулидорф!

Кэт не могла знать, что это было первое желание, которое высказала Ида Брандманн за всю свою жизнь.

Глава 3

Ида собрала постельное белье, а Кэт искала еду на кухне. Ей хотелось взять только то, что можно съесть сразу. Никому из женщин не хотелось готовить, поскольку в старой хижине еще нужно было разводить огонь. Наконец Кэт собрала в полотенце хлеб и остатки сушеного мяса.

— Больше я ничего не нашла, — извиняющимся тоном сказала она Иде. — Хотя лично я голодна как волк. И я замерзла — лучше бы нам поесть горячего супа.

Вообще-то в этот день было не холодно, за работой женщины даже вспотели, но теперь, когда они перестали махать лопатами, в мокрой одежде их пробирала дрожь. Кэт очень хотелось снять с себя платье и как-то высушить его. Ради этого она готова была даже воспользоваться гостеприимством какой-нибудь набожной деревенской семьи. Может быть, старших Брандманнов. А вдруг в их доме горит очаг? Или ей стоит пойти к Элсбет? Дом Ланге стоял довольно высоко на склоне, там сейчас, наверное, сухо. Ида должна согласиться на это.

Однако Ида в ужасе покачала головой, когда Кэт высказала свою мысль.

— Только не это! — замахала она руками. — Если пойдем к моему отцу, нам придется самим разжигать очаг. И готовить потом на всю семью. Или ты действительно думаешь, что Элсбет с этим справится?

Ида и Кэт сегодня неоднократно видели Элсбет и Франца: оба возили мешки. Скорее всего, дети до смерти устали. При мысли об этом Ида снова почувствовала себя виноватой.

— Может быть, мы действительно должны им помочь. Ей так тяжело, она...

— Пусть твой отец ей помогает! — строго заявила Кэт. — Ты не можешь взваливать на себя всю работу!

Девушка пришла в ужас при мысли о том, что придется носить дрова и, хуже того, слушать молитвы Ланге, причитания Элсбет и рев Франца. Вообще-то девочка ей нравилась, она понимала ее тревоги. Но сегодня она слишком устала.

— Сейчас они все равно в церкви, — наконец произнесла Ида. —

Благодарственная молитва, которую читает мой отец. Разве ты не слышишь, как они поют?

Кэт не поверила ей, но, прислушавшись, отгородившись от воя ветра и по-прежнему довольно сильного шума реки, она наконец различила негромкие звуки церковного пения: многоголосое звучание доносилось из почти готовой церкви Санкт-Паулидорфа.

— А почему мы не там? — поинтересовалась Кэт и, вздохнув, снова набросила на плечи мокрую шаль, готовясь выйти из дома.

Ей хотелось покончить с этим как можно скорее и избежать похода в церковь. О горячей еде, судя по всему, придется забыть. Но в хижине за миссионерской станцией хотя бы сухо.

— Оттфрид не понял, что нужно идти туда! — сказала Ида и лукаво улыбнулась синими от холода губами. — Или торопился к своему виски. Может быть, он придумает какую-нибудь отговорку. Его друзья тоже, наверное, увильнули. Скорее всего, скажут, что складывали мешки с землей.

Кэт удивленно покосилась на подругу. Для покорной Иды настолько резкие слова были равносильны открытому мятежу. Она улыбнулась.

— Значит, мы тоже увильваем? — решила она поддразнить подругу. — Ида Брандманн прогуливает молитвенное собрание? Разве это богоугодное дело?

Она ужасно удивилась, когда Ида вдруг сердито сверкнула глазами.

— Мне совершенно все равно, богоугодное ли это дело! — вырвалось у молодой женщины. — Господу мы безразличны, мы должны сами о себе заботиться! И я при всем желании не могу придумать, за что мне Его сегодня благодарить! Третье наводнение за полгода. Неужели может быть хуже?

Кэт вполне представляла себе, как ответить на это, но промолчала. Она набросила на плечи дрожащей от холода Иды одеяло, а когда молодая женщина разрыдалась, обняла ее за плечи, позволила немного поплакать, а затем осторожно подтолкнула подругу к двери:

— Пойдем. Нам нужно высохнуть, здесь оставаться нельзя.

Кэт на миг задумалась, не растопить ли печь в этом доме. На улице было влажно, поднялся туман, а она устала до смерти. А еще нужно идти добрых полмили до миссионерской станции — это казалось ей неразрешимой задачей. Взглянув на влажные поленья и стоящие по всему дому лужи, она решила ничего не делать. Одежда промокла, им ни за что не согреться. Кроме того, на душе тяжким грузом лежала тревога за животных. Об Охотнике можно было не беспокоиться, он так просто не

потеряется. Но что насчет лошадей? И Берты?

— Наверное, мы сможем подоить корову, — принялась рассуждать вслух Ида, когда женщины тащились по грязной дороге к миссионерской станции. Идти по ней было практически невозможно, кроме того, колеса тележек оставили в ней глубокие борозды, в которые девушки постоянно проваливались в темноте. — Тогда у нас будет хотя бы теплое молоко.

— Надеюсь, нам не придется кормить еще и корову, — проворчала Кэт.

Когда они наконец добрались до расположенных за станцией загонов, опасения ее оправдались. В миссионерском доме никого не было, пасторы наверняка ушли на молитвенное собрание в церковь. Но в окно они видели, что в камине весело потрескивает огонь. Духовники вернутся в тепло...

А Иду и Кэт встретило недовольное мычание обеих коров — Берту не покормили, не подоили, зато привели компанию. Ида узнала Эмму, корову, за которой ухаживали ее соседи. Судя по всему, Эльфрида Буше или ее муж отвели животное в безопасное место, а затем ринулись на битву со стихиями, пытаясь спасти свой дом.

— Их действительно не кормили. — Ида вздохнула, с недовольным видом схватила вилы и насыпала животным сена в загон, несмотря на всю свою усталость. Охотник снова радостно запрыгал вокруг нее, он ждал хозяйку рядом с лошадьми. — А ведь Оттфрид и другие мужчины приходили сюда. И миссионеры были весь день неподалеку.

— Одни пьют виски, а другие молятся, — разозлилась Кэт, которая кормила голодных лошадей. — Конечно же, это намного важнее! И где, интересно, третья корова?

Ида, которая уже вылила из одного из ведер воду и принялась доить Берту, пожалала плечами.

— Была у Шибов, — ответила она, а затем подняла на Кэт испуганный взгляд. — О господи, нет... рухнувший дом! Надеюсь, они выпустили несчастное животное, прежде чем бросили его!

Кэт резко выдохнула:

— Если да, то корова завтра где-нибудь найдется. А если нет...

— Тогда она утонула, — с горечью в голосе произнесла Ида. — Или погибла под обломками. Большое спасибо, милостивый Господи!

И она резким движением убрала с лица слипшиеся пряди волос. Глаза у Иды ввалились, она выглядела изможденной и обессиленной. Кэт была уверена, что сама выглядит не лучше. Им нужно было как можно скорее найти сухое и теплое место.

— Думаю, нам будет достаточно этого молока. — Кэт махнула рукой в сторону полного ведра. Ида только что взяла второе. — Пойдем, нам пора

идти!

Но Ида печально покачала головой.

— Если мы не выдоим коров досуха, у них начнется воспаление вымени, — вздохнув, ответила она. — А последнее, что нам сейчас нужно, это больной скот.

Когда женщины наконец добрались до хижины молодых Брандманнов и, вздохнув с облегчением, закрыли за собой дверь, было уже темно, хоть глаз выколи. Холодная, но хотя бы сухая комната показалась им просто раем. Особенно обрадовались они, когда нашли спички и свечу, в отблесках пламени которой увидели охапку дров рядом с камином.

— Мы же сможем легко разжечь его! — возликовала Ида. — И тогда мы согреемся. Ох, жду не дождусь, когда можно будет снять с себя мокрую одежду!

И действительно, потрескивающие в камине поленья быстро наполнили маленькую комнату теплом. Хижину продувал сквозняк, приходилось постоянно подкладывать дрова, чтобы удержать тепло, но сейчас Кэт и Иде было все равно. Они, смеясь, стаскивали с себя одежду, сидя у огня. Даже Ида позабыла о своей стыдливости. Обычно ей казалось неприличным раздеваться перед другими женщинами. Кэт ничего подобного не испытывала, она часто купалась вместе с другими девушками маори. Впрочем, немногие из них были так хорошо сложены, как Ида. Молодая женщина была немного худощава, но грудь у нее была полной и упругой, а бедра стройными. Длинные темные волосы обрамляли ее осунувшееся, но очень благородное лицо в форме сердечка... Мужчины должны с ума сходить по такой женщине. Ида могла найти себе мужа получше, чем грубый Оттфрид, то слишком набожный, то слишком коварный.

Заметив взгляд Кэт, Ида покраснела и быстро надела платье, которое взяла на смену: воскресное, в котором выходила замуж. Вообще-то в будний день оно должно было висеть в шкафу, но Ида решила все же надеть его. Она очень замерзла, а ее повседневное платье вряд ли высохнет за ночь, даже если его повесить у огня. Кэт, у которой не было сменного платья, завернулась в холст. Ида сказала ей, что в длинной развевающейся одежде она похожа на ангела.

— Но этот ангел умеет постоять за себя!

Кэт рассмеялась. Она нарезала ножом хлеб, разделила твердые, как доска, кусочки сушеного мяса так, чтобы их можно было положить в рот. Ида, которая все еще дрожала от холода, уже забралась под одеяла, с помощью которых устроила весьма уютное ложе на старой кровати,

которая, к счастью, еще стояла в доме.

— У ангелов обычно бывают огненные мечи, — заявила Ида, натягивая одеяло до подбородка, — таким ты могла бы зажарить это мясо. Тогда, возможно, оно стало бы вкусным. Принесешь мне его, ангел? Я не смогу подняться еще раз...

Кэт ничего не имела против ужина в постели. Все равно в хижине не было ни вилок, ни тарелок. Она просто положила кусочки мяса на хлеб и отнесла все это в постель. Затем она налила молоко в стакан, который нашла с помощью Иды. Тот, еще липкий от виски, был спрятан за расшатавшейся доской в стене хижины.

— Оттфрид, наверное, забыл о нем, не то взял бы его с собой, — сказала Кэт, промывая стакан. Она еще раньше принесла воды, чтобы кое-как прополоскать подолаы платьев. — Но почему он спрятал стакан? Он раньше пил тайком?

Ида кивнула:

— Раньше он больше боялся старейшин общины. Такого, как сейчас... чтобы все молодые люди под каким-то предлогом собирались по вечерам и пили виски, по будням и до поздней ночи, — такого в Рабен-Штейнфельде не было. Но здесь... все будет иначе, хотя мой отец и остальные старейшины не хотят этого понимать. А Оттфрид... Я не знаю, что с ним происходит. Раньше он не был столь... злобным. Я думала, он станет таким, как его отец: строгим, но справедливым. Богобоязненным. Теперь же он просто не слушает старейшин. Я уверена, что совет общины знает, чем ребята занимаются здесь, когда говорят, что сносят дома. Не может ведь быть такого, чтобы снос домов, которые собрали за неделю, занял несколько недель. Но старейшины молчат, чтобы они не убежали наниматься на строительство дорог.

— И им нужен Оттфрид, — добавила Кэт. — Он ведь единственный здесь, кто хоть немного говорит по-английски, верно? Поэтому они зависят от него, он делает все закупки и прочее. Они не хотят злить его.

Ида закусила губу.

— Я знаю, — прошептала она. — И ему это нравится. Оттфрид отсюда точно никогда не уйдет!

Она отвернулась, и Кэт увидела, что у нее вздрагивают плечи, что она снова плачет. Ида могла сомневаться в своей вере, но от своей общины она никуда не могла деться. Для Кэт же все обстояло иначе. Она подумывала о том, чтобы вскоре уйти из деревни. Ида нравилась ей, но еще одно наводнение переживать она не собиралась. Однако об этом можно будет поразмыслить завтра, сейчас же нужно было поспать. Прижавшись к Иде,

которая плакала, пока не уснула, Кэт закрыла глаза.

Глава 4

Проснулись Ида и Кэт от лая Охотника. Вечером, попив молока и съев кусочек сушеного мяса, собака вытянулась у камина. Теперь же пса встревожило движение у двери.

Ида застонала и зашевелилась, а Кэт, как обычно, встрепенулась при первых звуках лая. В хлеву Брандманнов она всегда оставалась настороже, ожидая, что хозяин дома попытается напасть на нее. Однако в эту ночь Охотник пробудил ее от крепкого сна. Ей потребовалось больше времени, чем обычно, чтобы открыть глаза и сообразить, что происходит. Как оказалось, слишком много времени.

Грязная брань и звук удара, за которым последовал визг собаки, разбудили ее окончательно. Девушка в ужасе посмотрела на фигуру, стоящую рядом с постелью, а затем на ухмыляющееся лицо Оттфрида, освещенное фонарем, с помощью которого он нашел путь в старую хижину. Ида попыталась сесть, растерянная, как и ее подруга.

— Смотри-ка, одна в свадебном платье, вторая — полуголая. Это мне нравится! — рассмеялся Оттфрид, обдав женщин перегаром.

Кэт не знала, что ей делать: то ли подтянуть край холста повыше, чтобы спрятать грудь, то ли братья за нож. И вдруг девушка замерла, осознав, что пояса нет на месте. Он лежал рядом с платьем у тлеющего очага, а нож остался на столе, где она резала хлеб...

— Не трудись! — Хитрая ухмылка Оттфрида говорила о том, что он уже все проверил. — Сегодня ночью твой черед. Вопрос лишь в том, с кого из вас начать. С невесты или с дикарки... Ах, кошечка, мне не терпится узнать, чему научили тебя воины маори... Была у меня одна шлюха в Байе, наполовину индианка...

— Ты ведь собирался ночевать в другом месте, — прошептала Ида, которая еще не совсем пришла в себя. — Ты... мне ведь это снится, правда?

— Надеюсь, милая моя, что я тебе снюсь. А не этот Карл Йенш... — Оттфрид злобно усмехнулся. — Но сегодня... Да, я решил. Я начну с маленькой маори. А ты смотри, Ида, смотри. Может, чему-то и научишься. С тобой уже давно не интересно, лежишь подо мной, словно... мертвая какая-то.

Кэт хотела скатиться с постели и бежать, но Оттфрид уже схватил ее за плечи. Он был пьян, но одного его веса было достаточно, чтобы придавить к кровати хрупкую Кэт. Она застонала от боли, но продолжала отбиваться, когда он сел ей на ноги и расстегнул штаны.

— Раздевать тебя, к счастью, не нужно! — Он рассмеялся и окинул ее

тело пьяным взглядом. Холст он сорвал с нее одним движением. — А ты красивая! Золотистый пушок... Похоже, ты моя первая натуральная блондинка!

Однако он не стал долго восхищаться своей добычей. Кэт закричала, когда он грубо вошел в нее, но еще громче она вскрикнула, когда увидела реакцию Иды. Молодая женщина сидела, оцепенев от ужаса. Она могла встать с постели, подбежать к столу и взять нож. Но Ида и не думала этого делать. Как бы ни был Оттфрид занят Кэт, тень от палки, которой она замахнулась, он заметил и отразил нападение слабым движением плеч. Ида стала царапать его, молотить его спину кулачками, но он только отмахивался от нее, словно от надоедливой мухи. Одним-единственным движением руки он отшвырнул молодую женщину в другой угол комнаты, как обычно поступал с собакой. Ида вскрикнула, ударившись об пол. Кэт не видела, где именно та лежит, но на протяжении всей этой кошмарной ночи она слышала, как поскуливает собака и плачет ее подруга.

Кэт не позволила себе плакать, когда Оттфрид входил в нее снова и снова. Он не хвастался попусту, когда говорил, что может пользоваться женщиной дольше, чем другие мужчины: он изнасиловал Кэт четыре раза подряд и не засыпал в промежутках, хотя от него сильно пахло виски, и Кэт от всей души надеялась, что оно его наконец одолеет. Впрочем, он удовольствовался одной только Кэт и не стал приниматься после нее за Иду, как угрожал вначале. Кэт тревожилась за подругу, но сделать ничего не могла. Оттфрид держал ее крепко, словно в тисках, она была полностью в его власти, а попытки пнуть его или укусить только сильнее его распалили. В конце концов она отчаялась и лежала неподвижно, когда он на рассвете вошел в нее последний раз.

Затем он поднялся, покачиваясь.

— Короткая... короткая ночь! — крикнул он. — Надо еще придумать, как объяснить свое отсутствие Ланге. Но, может быть... может быть, я сторожил реку... чертову реку. Надо спуститься... посмотреть, как там мой дом. А вы приходите потом.

Направляясь к двери, Оттфрид ступал неуверенно. Скорее всего, из-за выпитого алкоголя, вряд ли из-за драки с Кэт. Возможно, он тоже устал, полночи терзая Кэт. Или у него болели мышцы после тяжелой работы вчерашнего дня. У Кэт же болело все — но она все равно приготовилась вскочить вслед за Оттфридом и схватить нож, как только он выйдет из дома. Может быть, она успеет! Ее переполняла такая ярость и ненависть к нему, что она могла хладнокровно вонзить нож ему в спину.

Проходя мимо стола, Оттфрид остановился, поднял нож и с ухмылкой

обернулся к ней:

— Ах да! Не забудь свой нож, котенок...

И он резко метнул клинок в сторону Кэт. Она в ужасе пригнулась, хотя этот бросок не мог причинить ей вреда. Судя по всему, Оттфрид никогда не учился метать ножи. Девушка сама бросила бы лучше. Но, прежде чем она успела поднять оружие и метнуть его в обидчика, тот уже захлопнул за собой дверь. Она услышала, как шаги его стихли в отдалении.

С мстью Кэт придется подождать — если она, конечно, вообще будет мстить. Это безумие, но мужчины в общине ни за что не поверят, что это была самооборона, особенно если найдут Оттфрида с ножом в спине. Нет, она должна бежать. Сначала посмотреть, как там Ида, а потом...

— Кэт? — Из угла комнаты, где скорчилась Ида с испуганной собакой на руках, послышался сдавленный голос. — Кэт, с тобой все в порядке?

Кэт поднялась.

— Я бы так не сказала, — проворчала она. — Но я не ранена. А ты как? И Охотник?

Ида испуганно вскрикнула, когда Кэт закуталась в холст и тот пропитался кровью.

— Ничего страшного, — успокоила ее Кэт. — Просто я была... я была девственницей. Но теперь скажи, как вы?

— С собакой все в порядке, — ответила Ида. — Вот только рука у меня ужасно болит. Кажется, я ее сломала.

Она попыталась подняться, но едва сумела устоять на ногах. Наконец Кэт решительно перетащила ее в постель, чтобы внимательно осмотреть руку. Она была неестественно вывернута, сустав опух.

Кэт вздохнула:

— Да, придется наложить шину, и тебе будет больно. Кроме того, это ведь твоя правая рука. В ближайшее время ты толком работать не сможешь. — Она попыталась улыбнуться. — Так что тебе не придется в третий раз разбивать огород. — Кэт осторожно положила руку Иды на одеяло и мягко погладила подругу по волосам. — Слушай, Ида, сейчас я оденусь. Нет смысла сидеть здесь и ждать, чего доброго, явится твой отец или старый Брандманн в поисках Оттфрида. Потом я подою корову и, наверное, попрошу у миссионеров какой-нибудь еды и перевязочный материал. Мы как следует перевяжем твою руку, но сначала мне нужно найти кое-какие травы: обезболивающие и, может быть, еще для мази от отека. А ты пока придумай какую-нибудь историю о том, как это случилось. Кстати, глаз у тебя тоже заплыл. Лучше всего сказать, что ты упала, когда мы шли сюда.

Кэт взяла платье и вздохнула, обнаружив, что оно еще сырое. Видимо,

огонь потух вскоре после того, как они уснули.

Ида с несчастным видом кивнула. Выглядела она, по мнению Кэт, просто ужасно — лицо опухло от слез и удара Оттфрида, волосы растрепались, слиплись грязными прядями... Потом нужно будет расчесать их и как-то придать форму этому проклятому чепцу. Но для начала следует одеться. Поразмыслив немного, Кэт взяла одно из одеял, чтобы положить его на чурбан, на который они вчера садились, когда доили корову.

Ида поняла ее превратно. Судя по всему, она решила, что Кэт собирает вещи. В огромных синих глазах молодой женщины читался неопиcуемый ужас.

— Ты ведь не уйдешь? — негромко спросила она. — Ну... навсегда? Ты ведь не оставишь меня одну?

Кэт покачала головой. Как ни хотелось ей бросить весь этот кошмар, теперь, когда Ида была так беспомощна со своей сломанной рукой, убежать она не могла.

— Не бойся, — тихо сказала она. — Если мы и уйдем, Ида, то уйдем вместе.

Глава 5

В последующие недели Кэт даже думать не могла о том, чтобы уйти из Санкт-Паулидорфа. Мало того что у Иды оказалось сломано запястье, после борьбы с наводнением и кошмарной ночи она заболела. Женщина страдала от лихорадки, она тряслась в ознобе, но кашля не было. Те Ронга, наверное, сказала бы, что Ида заболела вследствие пережитого ужаса. Она провела бы какую-нибудь церемонию, чтобы успокоить терзавших молодую женщину духов, но с Оттфридом этот номер, скорее всего, не пройдет.

По крайней мере, первое время после совершенного злодеяния он старался держаться подальше от обеих женщин. Протрезвев, он стал бояться той ненависти, которая полыхала в глазах Кэт, когда она смотрела на него. Он догадывался, что больше без ножа он ее не застанет. Поэтому он решил пока оставить Иде и Кэт дом у реки, а сам ночевал в старой хижине — если не уезжал из поселка. Чтобы устранить повреждения, причиненные рекой, постоянно требовался строительный материал, мужчины работали от рассвета до заката, занимаясь домами семейств Буше и Шиб. Якоб Ланге подгонял их, да и с Шибями обошелся не слишком строго из-за потерянной коровы. Он считал, что пострадавшие семьи ни в коем случае не должны передумать, бросить свои дома и уехать из поселка. И действительно, Буше и Шибы остались в Санкт-Паулидорфе, но две другие молодые пары и трое подростков сбежали в Нельсон.

Ида каждый день опасалась, что Элсбет тоже убежит. После последнего наводнения девушка совсем упала духом, она отказывалась даже брать в руки мотыгу. Все попытки Элсбет вырастить в огороде какие-то овощи уничтожила вода. Якоб Ланге, конечно же, ругал ее, но пока что их ссора не накалялась. Промокнув насквозь во время наводнения, Франц снова заболел, и забота о нем полностью поглощала Элсбет. Настои от кашля, которые готовила Кэт, помогали неплохо, вообще-то он должен был уже поправиться, но мальчик все время хныкал и чувствовал постоянную усталость, как и многие другие жители Санкт-Паулидорфа. Настроение в поселке снова было ужасным.

Сейчас уже никто не верил, что Господь уберезет их деревню от подобных катастроф. В лучшем случае люди говорили о необходимости постройки разветвленной системы дренажных рвов или даже о том, чтобы возвести плотину, но уже начались разговоры о том, чтобы бросить поселение. Ланге, Брандманн и миссионеры пытались воодушевить общину совместными молитвами и пением, устроили праздник по случаю прихода весны, подбадривали соседей. Но достучаться им удалось только

до самых пожилых и многих молодых женщин, которые очень боялись, что придется бросить новые дома, привычную общину и снова остаться ни с чем среди говорящих на английском языке чужаков. Зато их мужья собирались вокруг Оттфрида и бутылок виски. Многие уже не таясь наведывались в старую хижину Оттфрида, где ежедневно сходились его собутыльники. Официально считалось, что они обсуждают дальнейшую совместную работу, как разбить поля и наладить дренаж огородов, на самом же деле они просто топили свои печали в алкоголе. Ланге и Брандманн скрипели зубами, но молчали.

Естественная растительность долины Маутера с началом весны быстро восстанавливалась после наводнений. Травы туссока наливались соком и становились ярко-зелеными, пейзаж казался привлекательным и манящим. Когда Ида впервые заставила себя прийти на молитвенное собрание на миссионерской станции — в церкви работы шли полным ходом, и здание закрывали, — ей показалось, что она вернулась на год назад. Приехав в Шахтсталь, она посмотрела вниз и представила себе красивые дома, желтую рожь, крупный рогатый скот на сочных зеленых лужайках и цветущие сады. Теперь она видела, как у реки пасутся коровы, как на полях завязываются первые колосья. Но все это утратило для Иды свою привлекательность. Слишком дорогой ценой это было оплачено, кроме того, эта красота постоянно находилась под угрозой.

— Мы не обязаны здесь оставаться, — сказала стоявшая у нее за спиной Кэт.

Казалось, девушка читала ее мысли. Она пришла вместе с Идой, чтобы присмотреть за ней, поскольку подруга выглядела еще слишком слабой. Кроме того, ей обязательно нужно было показаться на молитвенном собрании. В последнее время Кэт слишком часто пропускала их, люди снова начали говорить о ней. К этому моменту уже вся деревня знала, что обе женщины живут в доме Иды, в то время как Оттфрид поселился в хижине, и община находила это крайне подозрительным. Может быть, Кэт рассорила Брандманнов? Может быть, она строила глазки Оттфриду и теперь тот сбежал подальше от искушения? Пока Ида была серьезно больна, многие предполагали, что он не хочет мешать служанке ухаживать за женой или же не желает делить с ней дом, соблюдая приличия. Теперь, когда Ида чувствовала себя лучше, вопросы станут более настойчивыми.

Для Кэт это значило, что пора принимать решение. Она не могла больше жить с Оттфридом. Девушка собиралась уйти из деревни и считала, что Ида должна уйти вместе с ней!

— Куда же нам деваться? — уныло поинтересовалась Ида. — Ты

сможешь вернуться к своим маори. А я? Мне там что делать?

Конечно, Кэт часто задавала себе этот вопрос. Строго говоря, у племени *нгаи таху* не было причин принимать беспомощную женщину, которая даже по-английски не могла бегло говорить, не говоря уже о языке маори. Может быть, они проявят гостеприимство и приютят ее на пару недель. Но вряд ли надолго...

— Я не знаю, Ида, мы что-нибудь придумаем! — нетерпеливо отмахнулась она. — Нельзя тебе терпеть постоянные изнасилования и побои Оттфрида. Все что угодно лучше, чем это, я...

Девушка замолчала, когда поняла, что готова пообещать слишком много. Она не могла гарантировать Иде, что найдет работу, что маори и *пакеха* только и ждут женщину-переводчика. Кроме того, далеко не все было лучше, чем жизнь Иды. Жизнь шлюхи на китобойной станции была еще хуже.

Пока женщины с грустью смотрели на долину, к ним присоединилась госпожа Брандманн. Мать Оттфрида громко сопела, подъем к миссионерской станции дался ей нелегко. Кэт с тревогой отметила, что почти все в Санкт-Паулидорфе страдали из-за плохого питания и тяжелого труда. Причем госпоже Брандманн еще повезло. До сих пор никто из ее сыновей не сбежал в Нельсон, все ее дочери еще не были замужем. Таким образом, у нее было много помощников, а брат Оттфрида Эрих уже неплохо ловил рыбу. Кроме того, после того как Кэт один раз показала ему, как ставят силки и ловят птиц маори, он мигом научился этому.

— Как я рада снова видеть тебя, Ида! — приветствовала невестку госпожа Брандманн. — И тебя, Катарина. В последнее время ты была, наверное, слишком занята уходом за Идой, чтобы молиться вместе с нами. Хотя мне кажется, что Ида выглядит не слишком хорошо. — Она строго поглядела сначала на Иду, затем на Кэт. — По-прежнему такая же бледная, такая же худая... А ведь я присылала к вам Эриха с последней пойманной им куропаткой. — Куропаткой госпожа Брандманн называла птицу киви, упорно отказываясь заучивать названия местных растений и животных. — Ты могла бы сварить ей отличный суп. Ты вообще умеешь готовить? — Она недовольно посмотрела на Кэт, совершенно забыв о том, что это она научила ее сына ловить птиц.

— Кэт готовит очень хорошо, — встала на защиту подруги Ида. — Но я не очень люблю куриный суп, — она улыбнулась. — Или суп из киви, — поправилась она. — В последнее время... Не знаю, стоит мне почувствовать запах супа, как мне становится дурно.

Кэт тоже уже заметила это и начала всерьез тревожиться. В последнее

время Иду часто тошнило, и, если призадуматься, сама она чувствовала себя не лучше. Чаще всего ей становилось дурно по утрам. Дело наверняка было не только в киви! Она часто ела мясо этих птиц, когда жила среди маори, и переносила его очень хорошо. А в последний раз она готовила на ужин простой суп из бобов...

Пока девушка пыталась вспомнить, на какие блюда они с Идой реагировали таким образом, госпожа Брандманн буквально просияла.

— Так вот оно что! — радостно воскликнула она. — Конечно же, это все объясняет. В том числе и твое плохое самочувствие. Ты не переживай, Ида, часто бывает, что в первые месяцы женщина теряет вес, поскольку постоянно чувствует дурноту, и есть ей не хочется. Но, конечно же, нужно себя заставлять... да и потом тошнота пройдет.

Ида смотрела на свекровь в совершенном недоумении.

— Конечно, я обязательно скоро поправлюсь, — неуверенным голосом произнесла она.

Но госпожа Брандманн звонко расхохоталась.

— Сердце мое, ты ведь совсем не больна! — воскликнула она. — Хоть иногда и чувствуешь себя плохо. Поверь мне, ты здорова, как только может быть здорова послушная жена. Ты в положении, Ида! Ты наконец-то ждешь ребенка! Поберегись какое-то время. — И, сияя как медный грош, она пошла дальше к миссионерской станции.

— Это возможно? — испуганно спросила Ида, когда свекровь уже не могла ее слышать.

— Конечно возможно! — резко ответила Кэт.

Она заметила, что Ида стала бледнее мела. Если бы она не сидела на камне, то наверняка бы пошатнулась. Вот только Кэт было не до тревог подруги, она пыталась совладать со своим собственным ужасом. Беременность Иды всегда оставалась только вопросом времени. Но как насчет нее? Невозможно было отрицать, что ее симптомы совпадали с симптомами подруги, возможно, именно поэтому ей сразу не пришло в голову, с чем они могут быть связаны.

Кэт почувствовала, что ее захлестывает волна паники, и принялась ломать голову над сложившейся ситуацией. Когда у нее в последний раз шла кровь? Через несколько дней после изнасилования, в этом она была уверена. Но тогда она списала это на перенесенные страдания, не связала с ежемесячными кровотечениями. А потом? Кэт много работала и все время о чем-то волновалась, ей некогда было думать о чем бы то ни было. Теперь же она осознала, что ни у нее, ни у Иды давно не было кровотечений. А перед этим? Кэт казалось, что земля ушла у нее из-под ног. Месячные

всегда приходили вовремя, в последний раз — примерно за две недели до рокового наводнения.

Кэт рухнула на скалу рядом с Идой. Оставалось лишь надеяться, что пастор не станет торопиться открывать собрание для совместного чтения Библии. В таком встревоженном состоянии она не могла предстать перед другими женщинами.

— Я не хочу этой беременности, — прошептала Ида. — Только не от Оттфрида, только не здесь... Господи боже, что же теперь будет?

Кэт резко выдохнула.

— Раньше нужно было думать! — возмущенно заявила она подруге. — Тебя хотя бы спрашивали. Ты не обязана была выходить за него замуж. Но меня... Он обрюхатил нас обеих, Ида! Судя по всему, каждая из нас ждет от него ребенка!

Ида и Кэт кое-как пережили собрание, а первая — еще и приветливо-любопытные взгляды женщин во время чтения молитв, а затем их поздравления. Конечно же, госпожа Брандманн не утерпела и сразу же известила всю деревню о беременности своей невестки. Женщины истолковали румянец на щеках Иды, то и дело сменявшийся бледностью, как признак стыдливости, а над ее робким «Я еще не уверена...» они только посмеялись.

— Ты замужем уже больше года, Ида! — сказала Эльфрида Буше. — Должно же наконец получиться! И как Оттфрид внимателен! Он оставил тебя в покое в первые несколько недель, потому что ты чувствуешь себя так плохо! Мой Роберт так не делал... К счастью, это не вредит ребеночку. Скоро твой муж вернется к тебе, верно? Да и тебе уже полегче будет. Хуже всего только первые три месяца. Скажи, если понадобится помощь! В огороде или еще где...

Женщины Санкт-Паулидорфа с героическим стоицизмом принялись в очередной раз разбивать огороды. То, что Ида и Кэт не занимались этим, стало поводом для пересудов.

— Ах, это просто чудесно! — радовалась госпожа Брандманн, не переставая бормотать благодарственные молитвы. — Первый внук! Здесь, в новой деревне! Милая моя Ида, а Оттфрид уже знает?

— Он наверняка узнает сегодня же, — безрадостно произнесла Кэт, когда женщины наконец снова остались одни.

Почти всю дорогу их сопровождала Эльфрида Буше, болтая без умолку. Как это здорово, что у ее маленького сына теперь будет товарищ для игр, как хорошо здесь будет детям — и как должна радоваться Ида, что Господь наконец-то благословил ее чрево! К счастью, она не заметила, что

Ида и Кэт упорно молчали.

— Такие вещи быстро разносятся по деревне. И вообще-то ты должна была сказать ему сама. Он разозлится, если узнает от других.

— Мне все равно! — заявила Ида. — Я не намерена сейчас искать его, чтобы сообщить «радостную новость». О господи, Кэт, я грешна. Но я не хочу ребенка! Я не хочу оставаться здесь, я... — И она расплакалась.

Посадив ее на стул, Кэт села рядом с ней. Она с радостью утешила бы подругу, но трудности Иды ничего не значили по сравнению с тем, во что вляпалась она. Мягко уговаривать подругу времени не было.

— Хватит причитать, Ида, нам нужно поговорить! — решительно заявила она. — Ты не хочешь ребенка, а я и подавно, но вот только уже ничего не изменишь. Хотя есть возможность... убить ребенка во чреве матери...

Испуганная Ида подняла глаза, зрачки ее расширились от безграничного ужаса. Кэт примерно так и предполагала. Деревенская девушка из Рабен-Штейнфельда никогда не слышала про аборты. Причитания Иды казались глупыми и детскими. Пора уже взрослеть, и, судя по всему, без Кэт.

— Ты бы сделала это? — с белым как снег лицом спросила Ида.

Кэт покачала головой:

— Нет. Хотя да, возможно, я сделала бы это, но я не умею. Те Ронга учила меня, как помогать детям появиться на свет, а не как прервать или предотвратить беременность. У маори детям рады, даже если они внебрачные. Я и знаю об этом только от... — Она вспомнила о проститутках из залива Пераки. Присцилла была хорошо знакома с такими методами, Кэт еще прекрасно помнила, что и Нони, и Сюзанна как-то раз от этого чуть не умерли. — Ах, да это не важно, — махнула рукой она. — В любом случае мы от этих детей не избавимся. Хотя для тебя это не так уж плохо. Ты ведь слышала: все в деревне будут рады твоему ребенку.

— А во время следующего потопа он, чего доброго, утонет! — воскликнула Ида.

Кэт пожала плечами:

— Этот вопрос с наводнениями как-нибудь да решится. Вечно так продолжаться не может. Либо вы уйдете, либо постройте плотины. Но ты... Мне очень жаль, но тебе придется остаться с Оттфридом.

Ида всхлипнула. Прежде она не думала о том, что уйдет с Кэт, но сейчас мысль о том, что она будет привязана к Оттфриду до конца своих дней, пугала ее больше, чем когда-либо прежде.

— А ты? — прошептала она.

Кэт закусила губу.

— Я уйду.

Она приготовилась к тому, что Ида станет лить слезы, умолять Кэт не бросать ее, но молодая женщина удивила подругу. Она часто моргала, но не плакала. Ну да, она ведь не глупа. Во время молитвенного собрания, да и по пути домой она, скорее всего, думала о том же, что и Кэт: совершенно невыносимо, чтобы в Санкт-Паулидорфе рос внебрачный ребенок. И уж точно не вместе со своим сводным братом или сестрой в доме отца. Если Кэт не уйдет сама, ее вышвырнут — без жалости, не думая о ребенке. Никто не поверит в то, что ее изнасиловали. Скорее все будут жалеть «бедного Оттфрида», которого «соблазнили».

— Если ты не против, я останусь еще на месяц, пока не станет чуть теплее, — поделилась своими соображениями Кэт. — Тогда и лодки станут ходить чаще.

Зимой Маутер зачастую был слишком бурным, в дождь и холод никому особенно не хотелось отправляться вглубь еще практически неизведанной земли. Летом же приезжали миссионеры и землемеры, появятся и бродячие торговцы — Кэт как-нибудь сумеет добраться по реке до Нельсона. А оттуда отправится к *нгаи таху*, как и планировала изначально. Беременность будет мешать во время путешествия, но, если племя примет ее, ребенок не станет проблемой. В душе Кэт корила себя за то, что вообще согласилась на авантюру под названием Санкт-Паулидорф. Если бы она отправилась сразу к маори, ни изнасилования, ни нежеланного ребенка не было бы.

— Ты можешь оставаться, сколько захочешь, — тихо произнесла Ида. — Вопрос у меня только один: насчет твоего ребенка... Мы скажем Оттфриду?

Глава 6

В тот вечер у Иды и Кэт не нашлось времени, чтобы принять решение. Женщины бросились врассыпную, когда Охотник громко и тревожно залаял, услышав шаги Оттфрида у двери. Ида испуганно схватилась за горло, Кэт взяла в руки нож, но, к их огромному удивлению, Оттфрид был трезв. Он снял с себя воцелый плащ — еще когда Кэт и Ида возвращались после молитвенного собрания домой, пошел сильный дождь — и неловко вручил жене букет из веток *раты* и *ковайи*.

— Я услышал про ребенка, — обратился он к Иде, не удостоив Кэт ни единым взглядом. — Почему ты мне не сказала?

— Я сама не знала!

Ида оправдывалась сдавленным голосом. Сегодня вечером Оттфрид

был не слишком страшен, но женщина все равно опасалась, что он станет ругать ее за молчание или даже побьет. Кэт была готова прийти ей на помощь. Ее ярость вспыхнула снова, едва она увидела его в дверях, — хотя на этот раз он играл роль не пьяного забияки, а заботливого супруга.

— Кроме того, я не совсем уверена. Просто твоя мать считает...

Губы Оттфрида расплылись в улыбке.

— О, моя мать не ошибается! — заявил он. — Только не в таких вещах. Так вот почему ты болела!

В его голосе слышалось облегчение. Наверное, Оттфрида мучила совесть, по крайней мере из-за того, что касалось полученной Идой травмы.

— Значит, это малыш сломал ей запястье? — спросила Кэт. — Интересный взгляд на вещи.

— А ты помалкивай! — рявкнул Оттфрид. — Ты принесла раздор в мою семью. Моя мать тоже считает, что ты должна уйти. Ты — искушение.

Значит, госпожа Брандманн тоже заметила похотливые взгляды, которые Оттфрид часто бросал на Кэт.

— И ты плохо влияешь на Иду! — продолжал обвинять ее он. — Наверное, она была бы на ногах гораздо раньше, если бы ты не нашептывала ей разное. У других женщин тоже бывают дети, и они выполняют свои обязанности. Но все хорошо, Ида. — Его голос снова зазвучал мягче, когда он обернулся к жене. — Все будет в порядке — теперь, когда мы станем настоящей семьей. Я снова поселюсь здесь, ведь это безобразие — то, что я живу рядом со станцией, люди уже болтать начали. Если я должен сделать для тебя что-то еще, я сделаю это.

Ида потеряла виски.

— Оттфрид, я... я еще не могу с тобой... — Она схватилась за живот в попытке защитить растущую там крохотную жизнь. И вместе с тем саму себя от того, что он понимал под словом «любовь».

Оттфрид усмехнулся:

— Да, я понял. Я лезть не буду. Не хочу навредить малышу. Наш сын, Ида! Первый Брандманн, который появится на свет в Санкт-Паулидорфе! Ради этого я готов на все!

— А может быть, это будет девочка, — прошептала Ида, словно уже сейчас извиняясь за дочь.

Оттфрид отмахнулся:

— Чушь! Это будет наш наследник! Seriously, Ида, я... Ну, я исправлюсь. Слово чести. Отец меня ругал за посиделки. И я понимаю, что должен был... — он судорожно сглотнул, — устоять перед искусством

соблазнения этой Лилит.

Мужчина попытался улыбнуться, извиняясь, но в его голосе и во взгляде, который он бросил при этом на Кэт, было мало раскаяния, зато плескалось целое море злобы и похоти. Кэт пришлось призвать на помощь всю свою силу и рассудок, чтобы не обнажить нож.

— Тогда я пойду пока в хлев, — хриплым голосом произнесла она. — Позови, если буду нужна, Ида.

Она едва сумела заставить себя повернуться спиной к Оттфриду, когда выходила. Он не должен был вообразить, будто она боится его. Однако девушка держала нож в руке, готовая тут же ударить, если услышит шаги за спиной. В дверях она оглянулась:

— Я говорю совершенно серьезно, Ида. Оттфрид, если я услышу, что ты ее мучаешь... то я... я...

Она подбросила нож в руке, лицо ее исказила ненависть. И действительно, в глазах у Оттфрида мелькнул страх. Он зашел тогда слишком далеко, и он это знал.

В ту ночь Кэт почти не спала. Напряженная, она лежала на соломенном тюфяке, вслушиваясь в темноту, но из спальни Иды и Оттфрида не доносилось ни звука, молчал даже Охотник. Судя по всему, Оттфрид действительно оставил свою беременную жену в покое. Зато раздавались другие звуки, которые пугали Кэт почти так же сильно, как безумства Оттфрида. По крыше хлева упрямо барабанил дождь, и, кроме того, река с каждым часом шумела и бурлила все громче. Именно так все и начиналось во время последнего наводнения.

И на этот раз Маутер не дал Кэт возможности предупредить Иду и Оттфрида. Провалившись под утро в беспокойный сон, она проснулась от лая Охотника, испуганного мычания Берты и потока холодной воды, ворвавшегося в хлев. Наводнение уже подступило к самому дому.

Когда Кэт испуганно вскочила и распахнула дверь, на нее хлынула вода, тут же залив пол по самые щиколотки. Она уже почти полностью покрыла землю ниже дома. Кэт увидела деревья и кусты, которые мощный поток вырвал с корнем и унес прочь. Все было намного хуже, чем раньше.

Девушка решила спасти сначала животных. Лошади нетерпеливо били копытами в стойлах и сразу рванули на улицу, как только Кэт отвязала их. Берту же снова пришлось вытаскивать силой. Корова испуганно мычала. Она боялась залитого водой хлева, но выходить под дождь отнюдь не спешила. Когда же Кэт наконец выгнала ее на улицу, воды в хлеву было по колено, и она наверняка давно уже проникла в дом. Кэт дала ей дорогу, распахнув дверь на кухню.

— Ида! — закричала она, зовя подругу, и испугалась, когда вместо нее навстречу ей вышел Оттфрид в ночной рубашке.

— Что это такое?.. — Оттфрид в растерянности смотрел то на Кэт, то на воду, плескавшуюся у его босых ног. — Река, что ли?

Кэт сверкнула глазами.

— Нет, — с сарказмом ответила она. — Всего лишь ведро воды, которое на нас уронил Господь. Где Ида, Оттфрид? Пусть одевается, скорее! И хватает то, что хочет унести. Нужно уходить!

Оттфрид недовольно заворчал и побрел к окну.

— Опять ты начинаешь? Рвы...

Кэт промчалась мимо него и распахнула дверь в спальню Иды.

— Выгляни в окно, Оттфрид, нет больше никаких рвов. Все давно залило, на этот раз уже ничего не спасти. Только наши жизни. Если вода будет прибывать такими темпами...

Ида уже встала и пыталась надеть платье. Ее рука зажила, ей не требовалось помощи, но вчера она повесила платье на спинку стула, и оно частично намокло. Влажная ткань оказалась для Иды слишком тяжелой. Кэт вырвала поношенное платье у нее из рук.

— Это мокрое, возьми хорошее!

Вытащив из шкафа воскресное шерстяное платье, девушка помогла Иде натянуть его. Но долго сухим оно не оставалось. Когда Кэт и Ида вышли из спальни, вода в доме стояла выше колен. Даже Оттфрид понял, что спасать что бы то ни было уже бесполезно. Он быстро надел рубашку и штаны.

— Идите, я вас догоню! — крикнул он Кэт и Иде.

Женщины пытались подобрать юбки, бредя по грязи и стремительно поднимающейся воде к миссионерской станции. Остановить это наводнение было невозможно. Дождь лил как из ведра, дул сильный ветер. Ида шла вперед с опущенной головой, и растрепанные волосы хлестали молодую женщину по лицу. Она не могла вспомнить даже дня за последний год, когда собирала их как подобает. У Кэт волосы были заплетены в косу, за ночь они не растрепались. Оттфрид появился у них за спиной внезапно, еще прежде, чем они успели выбраться на главную дорогу. Он тащил за собой Эльфриду Буше. Та держала на руках ребенка и отчаянно звала мужа.

Роберт Буше шел за ними, но постоянно бросал безумные взгляды на оставшийся позади дом, который как раз рухнул в этот самый миг. Река играючи унесла балки и стены, словно легкие веточки.

— Этого... этого не может быть ... — Теперь замерла и Эльфрида,

бормоча под нос что-то невнятное и пытаюсь вырваться из рук Оттфрида. — Я должна пойти туда! Мне нужно вниз! Все мои вещи! Мое приданое! Мои чудесные вещи!

Однако Оттфрид держал ее крепко, пока Роберт не взял себя в руки и не обнял ее за плечи.

— Успокойся, Эльфрида, у нас есть ребенок, мы живы, у нас...

— Ничего нет. Ничего у нас больше нет! — сдавленно всхлипнула Эльфрида. — Все, все пропало.

Роберт мягко успокаивал ее, пытался утешить, но Оттфрид безжалостно гнал обоих вперед. Впрочем, он был весьма далек от того, чтобы полностью сдать. Он сказал что-то Роберту Буше требовательным тоном и заставил его оставить жену на попечение Иды и Кэт, а сам побежал вместе с соседом вперед. На участках повыше они будут сражаться за оставшиеся дома.

— А вы потом подходите! — велел женщинам Оттфрид. — Как только отведете Эльфриду и ребенка в безопасное место. Если мы хотим спасти хоть что-то, нам понадобится каждая пара рук! По крайней мере ты, Кэт, обязательно приходи помогать. Ида... ребенок... — Он тревожился за своего «наследника», но при этом горел желанием спасти поселок.

— Ни черта мы делать не будем! — фыркнула Кэт, когда они отошли достаточно далеко, чтобы он не услышал их. — Мы пойдем на миссионерскую станцию и попытаемся высохнуть. Давайте же, госпожа Буше! Вы что, не видите, что река продолжает подниматься?

Ида, которая уже совсем запыхалась, обернулась к подруге; лицо у нее было бледным и мокрым от дождя.

— Кэт, если мы будем помогать... если мы будем очень стараться... может быть, тогда мы потеряем детей!

— Т-с-с! — шикнула на нее Кэт, кивнув на Эльфриду Буше, пустым взглядом смотревшую на Иду.

Кэт не знала, насколько та была способна воспринимать происходящее, если она все же услышала ее слова и вспомнит о них позднее...

Ида закусила губу.

— Ты не можешь весь день копать и таскать мешки! — заявила Кэт, словно та всего лишь хотела помочь мужу и общине. — В конце концов, погибнет не только ребенок, но и ты вместе с ним. Оно того не стоит. А сегодня... Ида, я думаю, что сегодня дело не просто в том, что мы можем промокнуть и перетрудиться. Дело в том, что мы можем утонуть. Если Ланге, и Брандманн, и Оттфрид, и все остальные упрямы наконец поймут

это, они поднимутся — они ведь умеют плавать. А тебя мокрое платье утащит на дно. Забудь об этом, Ида. Мы... — она устало улыбнулась, вспомнив новую излюбленную фразу Иды, — мы увильнем!

Женщины наконец добрались до главной дороги, а река все продолжала разливаться с потрясающей скоростью. Долина буквально на глазах превращалась в серый ведьмовской котел, в котором смешивались струи дождя и вода из реки, снова омывавшая ноги женщин. На широкой дороге к станции они встретили других беженцев. Напуганные, порой полуголые женщины и дети, мужья которых еще сражались за свои дома, но уже понимали безнадежность всей затеи. Кэт ситуация казалась пугающей — эти обычно столь самоуверенные, прилично одетые женщины, никогда не выходившие из дома без накрахмаленного чепца, сейчас бежали по дороге с растрепанными мокрыми волосами, в криво застегнутых платьях. К ним присоединились и животные: собаки и кошки поселенцев, кроме того, большая стая крыс, пытавшихся спастись от наводнения вместе с привезенными для их уничтожения хищниками.

Люди молча шли по грязной дороге, некоторые молились или плакали. Особенно растерялись перед лицом окончательно уничтожившей Санкт-Паулидорф стихии пожилые женщины, семьи которых жили выше по холму. Когда госпожа Брандманн, которую вел Эрих, в окружении причитающих дочерей присоединилась к толпе, женщины слышали, что она всхлипывает. За Брандманнами шли Элсбет и маленький Франц. Ида обняла брата и сестру.

— Неужели все уплывет? — недоверчиво поинтересовался Франц.

— Нет же! — утешила его Гудрун Брандманн. — Завтра вода снова уйдет, так хочет Господь, и тогда мы просто все вычистим и...

Взгляд, который бросила на нее Элсбет Ланге, можно было назвать лишь смертоносным.

— Да, Франц! — сказала брату девушка. — Слава Господу, все наконец-то уплывет! Все, каждый домик! На этот раз уже окончательно, на этот раз мы не станем отстраивать эту деревню, будь она неладна!

— Она ведь не поднимется до самого нашего дома! — захныкала госпожа Брандманн. — Этого не может быть...

До сих пор дома, которые были расположены дальше от реки, вода не трогала, теперь же она добралась и до них.

А затем, когда женщины оказались на смотровой площадке, откуда Ида еще вчера смотрела на залитую солнцем долину, причитания госпожи Брандманн превратились в испуганный вопль. Осознав, что теперь находятся в относительной безопасности, все решили на миг остановиться

и обернуться — как раз вовремя, чтобы увидеть, как церковь погружается в пучину. Только башенка еще виднелась, пока течение не сорвало фундамент, после чего здание медленно сложилось под собственным весом.

— Апокалипсис! — бесцветным голосом произнесла госпожа Брандманн. — Господь карает нас! — И она принялась бормотать молитвы.

Вскоре после этого мужчины взобрались вверх по холму и догнали свои семьи.

— Не останавливайтесь! — Якоб Ланге, тяжело дыша, принялся подгонять женщин, которые заворуженно смотрели на потоки воды, только что поглотившие церковь. — Наверх, к станции. Здесь мы все можем утонуть!

Перед зданием миссионерской станции стояли три пастора и смотрели на разверзшийся ад — судя по всему, они сразу поняли, что мешки с землей это наводнение не остановят. Они держали лопаты в руках, но наполнять мешки не пытались. Когда переселенцы добрались до станции, пасторы тут же стали читать вместе с ними молитвы. Эльфрида Буше расплакалась и спрятала лицо на груди мужа.

Маленький Франц вцепился в отца.

— Господь все исправит? Господь ведь все исправит, правда?

Кэт и Ида не ждали ответа. Им не хотелось молиться. Кэт взяла подругу за руку и потащила ее дальше, вокруг дома миссионеров, а вскоре их догнала Элсбет.

— Интересно, еще хоть одна хижина осталась? — спросила она. — Мне нужно где-то обсохнуть, я совсем промокла. Франц тоже, мы только что чуть не утонули. Вода в доме поднялась с ужасающей скоростью. Она ведь еще никогда так высоко не поднималась. А отец не верил! Франц уже стоял в ней по грудь, а он все хотел идти расширять дренажные рвы. Как будто от этого мог быть какой-то прок! Я убежала вместе с Францем, мы едва успели. Повезло, что Брандманны тоже как раз уходили. Если бы Эрих Брандманн не взял на руки Франца...

Судя по всему, младший сын Брандманнов был очень смышленным парнем. Он тоже силой выгнать мать и сестер из дома, пока отец еще рассуждал о том, что нужно оценить обстановку.

Втроем они обошли миссионерскую станцию с подветренной стороны, где стихия не так бушевала. Ида устало оперлась на забор. В загоне за домом испуганно били копытами кони. Что ж, они хотя бы оказались в безопасности, и один из пасторов проявил смекалку и запер их, прежде чем они успели броситься бежать до самого Нельсона. С лошадьми, как и во время прошлого наводнения, был и Охотник. Коров нигде не было видно.

К сожалению, Оттфрид и его ребята не только говорили о том, что разберут старые хижины, используя это как предлог, чтобы собраться и выпить, постепенно они действительно снесли все домики, кроме старой хижины Оттфрида и Иды. И теперь женщины зашли внутрь, хотя Кэт и Иде было ужасно неприятно входить туда, где их так унизили.

— Может быть... пойдём в миссию? — негромко спросила Ида, когда они ещё стояли на пороге.

Кэт покачала головой.

— Мне тоже нелегко, — шепнула она подруге. — Но нужно посмотреть, что там и как. Пока не пришли другие. Нет ли там чего-нибудь полезного...

— Полезного? — бесцветным голосом переспросила Ида. Она снова побледнела. — Для чего полезного?

— Ида, вода продолжает прибывать, — тихо сказала Кэт, чтобы не тревожить Элсбет. Девушка со всех ног бросилась в хижину, думая, что она уже в безопасности. — Нет никакой причины считать, что здесь она нас не достанет.

— Но миссия... — прошептала Ида, все ещё не веря, что этот кошмар не закончился.

— А что миссия? — усмехнулась Кэт. — Думаешь, Господь не позволит воде тронуть её? Ради тех молитв, которые здесь опять читают? Ты права, похоже, дом миссионеров ещё ни разу не затапливало, однако это совершенно не означает, что ему повезет и на этот раз. В горах растаял снег, Ида. Забыла, как мы вчера радовались тёплой весенней погоде? А тут ещё и дождь... Возможно, никогда раньше такого не было.

— Или они постоянно отстраивали станцию! — вмешалась Элсбет. Слух у девушки был хороший. — Мы ведь знаем, как это делается... И что мы можем тут найти? — Она осматривала хижину, где все выглядело совсем иначе, чем шесть недель тому назад.

Это был самый дальний от станции деревянный домик. Мужчины действительно собирались здесь. Они притащили сюда столы и стулья. Миссионерам они наверняка говорили, что не сломали его якобы затем, чтобы в нём можно было отдыхать при плохой погоде. Обстановка в хижине, по мнению Кэт, очень напоминала паб Баркера в заливе Пераки: грубо сколоченные стулья были расставлены вокруг шатких столов, покрытых липкими пятнами от стаканов из-под виски и пива.

— Видите, они здесь собирались, — заметила Кэт. — Конечно, они не станут пить под дождем! Так что давайте посмотримся, может быть, они не только алкоголь тут запасали. Например, мы можем найти продукты или

одеяла.

— О да, есть я тоже хочу! — воскликнула Элсбет, принимаясь обшаривать кухонные шкафчики Иды. — Но для начала нужно развести огонь.

— Для начала нужно собрать все ценное, — велела Кэт, в то время как Ида устало рухнула на один из стульев. — Пока это не сделал кто-нибудь другой. Или пока Оттфрид не вручил все оставшееся вашему отцу, чтобы он раздал это «тем, кто больше всех нуждается». Вы только подумайте, а что, если ничего не осталось! Последние дома Санкт-Паулидорфа смыло водой, и теперь есть только то, что скопили миссионеры. А нам предстоит пеший поход в Нельсон. Со всеми женщинами, детьми и... Позвольте, я угадаю! Повозка для лошадей снова стояла в сарае у Ланге! Значит, всем нам придется идти пешком. Под дождем, без еды и палаток.

— Здесь есть виски! — радостно объявила Элсбет. Теперь, когда они оказались в тепле, приключение даже начало ей нравиться.

— Хорошо!

Кэт забрала у нее бутылку и, не обращая внимания на полный ужаса взгляд Иды, открыла ее и поднесла к губам. Сделав большой глоток, она отдала ее Иде.

— Пей! Сразу почувствуешь себя лучше. Если не слишком усердствовать...

— Я никогда еще не пила виски! — заявила Элсбет и жадно схватила бутылку, когда Ида отставила ее, отпив самую капельку. Девушка сделала сразу большой глоток, тут же закашлялась и принялась сплевывать.

— Какая гадость! — фыркнула она. — И мужчинам это нравится?

— Судя по всему, к этому можно привыкнуть, — заметила Кэт. — А теперь выпей еще немного, Ида, оно согревает изнутри, ты все еще слишком бледная от холода. Считаю это лекарством — Те Ронга настаивала на этом напитке травы, если удавалось припрятать бутылку. Обычно мы сразу же выпивали виски. Не смотри на меня так, Ида! Вы что, не варили самогон в Рабен-Штейнфельде? Речь шла о двух, максимум трех бутылках. Мы пускали их по кругу, и нам было весело, не более того.

— Я бы выпила вина, — мечтательно произнесла Элсбет. — Или шампанского.

Несмотря на ужас своего положения, женщины рассмеялись.

— Тебе нужно было родиться в семье помещика, — усмехнулась Ида. — Ты совсем не похожа на жителей Рабен-Штейнфельда.

Элсбет выпятила нижнюю губу.

— Ну, меня там уже и нет! — с довольным видом объявила она. — А

Санкт-Паулидорф как раз погибает. Ты же сама сказала, Кэт, завтра мы пойдем в Нельсон! И тогда все изменится!

Глава 7

В бывшей хижине Оттфрида женщины нашли еще две бутылки виски, но продуктов здесь не оказалось. Зато Кэт сумела отыскать столярные инструменты, с помощью которых разбирали домики, и два воощенных куска брезента.

— Это хорошо, из них можно сделать палатки! — обрадовалась она.

— Без распорок? — нахмурилась Элсбет. Она продавала палатки в магазине Партриджей.

— Нарубим веток топором, — пояснила Кэт. — Будет хоть какая-то защита от дождя. А теперь все-таки нужно растопить очаг. Община когда-нибудь да закончит молиться, а потом они, возможно, догадаются прийти сюда. Хотя бы дети должны обсохнуть...

Последняя ночь немецких переселенцев в Санкт-Паулидорфе превратилась в сущий кошмар. Река все же не поднялась до миссионерской станции, но в здании миссии и бывшей хижине Оттфрида, конечно же, не хватало места для семидесяти промокших и отчаявшихся людей. Некоторые семьи, павшие духом и перепуганные до смерти, в ту же ночь отправились в Нельсон. Все прочие, дрожа от холода и страха, забились в оставшиеся у них дома.

Вскоре Иде и Кэт пришлось поспешно выбежать на улицу. В хижине стало нечем дышать. Пар, поднимающийся от высыхающей одежды, смешивался с запахом пота, ароматами кофе и чая, предложенных миссионерами, а также густого супа, приготовленного женщинами из тех немногих припасов, которые имелись у Волерса и Рименшнайдера. На всех еды не хватало, но Кэт и Ида все равно отказались от нее: обеим было дурно. Наконец они кое-как соорудили себе палатку и спрятались под брезент. Они прижались друг к другу в поисках тепла; Охотник тоже помогал им согреться. Пес сидел в хижине у самого очага и полностью высох еще до прихода переселенцев, и теперь Иду и Кэт согревала его пушистая шерсть. Несмотря на это, ночь была ужасной. Река успокоилась, но дождь лил до утра, а брезент защищал от него плохо. Кроме того, здесь так и не воцарилась тишина. Жители деревни не могли уснуть — некоторые все еще обсуждали, действительно ли нужно бросить Санкт-Паулидорф, другие молились и плакали.

Когда Кэт на следующее утро выползла из палатки, ее тут же стошнило; она чувствовала себя так, словно ее повозка переехала. Кроме того, девушка обнаружила, что за кустами *рата*, до которых она едва

успела добежать, кое-кто прячется. Эльфрида Буше тоже решила использовать их как отхожее место. Женщина ничего не сказала, но ее любопытные взгляды были весьма красноречивы. Если она вспомнит о том, что вчера говорила Ида, и сложит два и два...

— Наверное, съела что-то не то, — извинилась Кэт, прекрасно понимая, что Эльфрида ей не поверила.

Однако, что бы ни думала, о чем бы ни догадывалась Эльфрида, все скандалы и деревенские сплетни были забыты, как только поселенцы увидели Санкт-Паулидорф на следующий день после катастрофы. Даже Элсбет, возненавидевшая долину Маутера с первого мгновения, подавленно молчала, глядя на разрушения со смотровой площадки близ миссионерской станции.

Еще не вся вода ушла из долины, однако состояние домов и полей, от которых она отступила, позволяло оценить причиненный ею ущерб. От дома Ланге остались лишь обломки, дом Брандманнов смыло полностью, на поле между ними лежали трупы двух утонувших коров. Церковь уже было не узнать, только башенка торчала из грязи, наполовину занесенная ею. Под слоем ила виднелись развалины других домов, но спасти их было уже невозможно. Наводнение принесло в долину огромные массы земли. Плодородной земли — однако теперь об этом не стал упоминать даже фермер Фрисманн. Река на этот раз поднялась выше, чем когда-либо. Дорогу от миссионерской станции до деревни полностью размыло, и она стала похожа на ущелье. И думать нельзя было о том, чтобы проехать по ней на груженой телеге, даже пешком там пришлось бы скорее карабкаться, нежели идти.

— Это конец, — прошептал Якоб Ланге и перекрестился. — Нужно возвращаться в Нельсон.

— Да. И задать этому Уэйкфилду! — пришел в ярость Петер Брандманн. — И Бейту. Они ведь знали о том, что здесь случаются наводнения. Они прекрасно представляли себе, что нас ожидает.

— Вы тоже знали это! — сказала Ида. Она была вполне готова к тому, что на нее обрушится всеобщее возмущение и негодование. — Карл Йенш говорил вам, но никто его и слушать не хотел...

— Нам должен был сказать Уэйкфилд! — Петер Брандманн двинулся прочь, всячески распаляя свою ярость, лишь бы не рухнуть в пучину отчаяния и безнадежности. — Он обязан дать нам другую землю!

— Он ведь не сделает этого, правда? — с тревогой спросила Элсбет у сестры.

Они с Францем уже были готовы уходить, в то время как многие

женщины еще продолжали плакать и причитать, а мужчины рассуждали, стоит ли поискать в руинах поселка ценные предметы, прежде чем покинуть его навсегда. Ида, дом которой пал жертвой наводнения одним из первых, понимала, что это бесполезно, а Элсбет было совершенно безразлично, что осталось от вышитых одеял ее матери и ее собственного приданого. Ей хотелось уйти как можно скорее.

Ида покачала головой.

— Не думаю, — ответила она сестре. — Конечно, Уэйкфилд не сказал нам правду, но ведь мы буквально умоляли его обмануть нас. Это отец и Брандманн хотели поселиться на Маутере. Так что он сумеет отвертеться. И вообще: он обещал нам землю, мы получили землю. Она ведь все еще принадлежит нам... вот только мы ничего не можем с ней сделать. Маори не должны были продавать ее Уэйкфилду.

Кэт поморщилась:

— Маори скажут Уэйкфилду то же самое, что он скажет вам. Они дали ему то, что он просил, он осмотрел землю и купил ее. Если бы он задал вопросы, они ответили бы правдиво. Те Раупараха не лжец, но он... как вы это называете? Пройдоха. А теперь идемте, нам пора. Дорога предстоит долгая, нужно идти, пока не пошел дождь.

Три дня спустя в Нельсон зашла вереница грустных, голодных и оборванных людей. Идти было недалеко, но поселенцы продвигались вперед очень медленно. При этом Кэт нашла, что дороги теперь находятся в лучшем состоянии, чем несколько месяцев назад, когда она ехала в деревню с Идой и Оттфридом. Судя по всему, Уэйкфилд нанял для ее укрепления бригаду дорожных рабочих. Однако женщины и дети, не привыкшие к долгим переходам, задерживали остальных. Погода лучше не становилась, временами шел такой сильный дождь, что переселенцы останавливались, чтобы спрятаться в лесу. Некоторых женщин, например совсем павшую духом госпожу Брандманн, приходилось буквально уговаривать сделать каждый шаг. Они знали, что не могут остаться в Санкт-Паулидорфе, но возвращаться в Нельсон тоже не хотели. Поэтому госпожа Брандманн судорожно цеплялась за мужа и Оттфрида, который теперь больше времени проводил со своей прежней семьей. Ему было неприятно сидеть у костра вместе с Кэт, которая бросала на своего мучителя все те же свирепые взгляды, что же до Иды... Оттфрид боялся ее упреков: а вдруг она снова скажет, что катастрофу можно было предвидеть? Боялся он и собственной вспыльчивости. Если Ида еще раз произнесет имя Карла Йенша, он ударит ее при всех.

Поэтому Оттфрид решил, что лучше терпеть жалобы матери и сестер,

которые предпочитали винить в своих злоключениях карающую длань Господа, нежели старейшин деревни, легко отмахнувшись от всех предупреждений. Он вел в поводу лошадей, позволяя покататься на них всем детям по очереди и тем самым поднимая настроение хотя бы самым маленьким членам общины. Разумеется, дети поселенцев жаловались на усталость и голод, однако их родители впали в апатию и не хотели искать съедобные растения или ловить рыбу. Исключением была только Кэт. Хотя по утрам она чувствовала дурноту, самое позднее к полудню она уже испытывала волчий голод. В лесах вокруг Нельсона светловолосая маори легко могла найти себе пропитание. Она выкапывала коренья, заставляла Иду и Элсбет собирать ягоды, даже без вентерей ловко ловила рыбу. Эрих Брандманн, брат Оттфрида, обычно присоединялся к ней, поэтому госпожа Брандманн и ее дочери тоже не голодали бы, если бы не рыдали и не причитали бóльшую часть времени, позабыв о еде.

Все это действовало Эриху на нервы.

— Не умрем мы с голоду, — спокойно говорил он, умело разводя костер, чтобы зажарить рыбу. Этому его тоже научила Кэт; во всем, что касалось выживания, он проявлял природный талант. — Для плотников в Нельсоне полно работы. Отцу достаточно выучить английский, хоть ему это и не нравится.

— Мы ведь останемся вместе? — поинтересовался испуганный Франц. — Отец сказал, что община не распадется, пусть нам и пришлось бросить Санкт-Паулидорф.

— Да, мой отец тоже так говорит, — сказал Эрих, но на лице его читалось недоверие. — Если это вообще возможно. Лично я думаю...

— Я думаю, Франц, что лучше тебе начинать учить английский, — произнесла Ида, погладила брата по волосам и протянула ему насаженную на веточку рыбину, чтобы он мог самостоятельно поджарить ее на костре. — Ты еще помнишь, как называли тебя Партриджи?

Франц улыбнулся.

— Фрэнсис! — ответил он. — Я буду очень рад увидеть Пола! Мы ведь снова будем жить у Партриджей, правда?

И действительно, жители Нельсона проявили такое же радушие и гостеприимство, как и год с лишним назад, когда немцы только прибыли в Новую Зеландию. Они слышали о новом наводнении от первых беженцев, — которые совершили настоящий марш-бросок, спасаясь от потопа и воспоминаний о разбитых мечтах, — и теперь выражали свои искренние соболезнования. Разумеется, они снова открыли двери своих домов потерявшим все немцам. Почти все поселились у тех же семей, у которых

жили до переезда в Шахтсталь. Ида с завистью наблюдала за тем, как Элсбет бросилась на шею миссис Партридж. Та обняла ее в ответ, но при этом наморщила нос.

— И опять от тебя попахивает, Бетти, — заметила она. — Тебе нужна ванна. И теперь у тебя будет новая соседка по комнате. Позволь представить тебе Аманду. Это моя малышка!

Поздоровавшись с Партриджами, Ида пришла в восторг от Аманды. Она знала, что для нее здесь не нашлось бы места, даже если бы у Партриджей не было пополнения. Ида была замужем, теперь она стала членом семьи Брандманн. А тем нелегко было найти приют. Семья Макдафф под каким-то предлогом отказалась принять их. Такой поворот событий Иду не удивил. Госпожа Брандманн и ее дочери никогда не пытались понравиться хозяевам дома.

— Мы найдем для вас что-нибудь другое! — утешил ее молодой секретарь магистрата, которому Уэйкфилд поручил принять переселенцев. — Сегодня ночью мы разместим вас в пансионе миссис Робинс, а потом что-нибудь придумаем.

Брандманны слушали его, ничего не понимая, пока Оттфрид не перевел сказанное. Ни один из них по-прежнему не выучил ни единого слова по-английски.

— А что насчет нас? — спросила мужа Ида. — Мы тоже пойдем в пансион? И что делать с Кэт? И с Охотником?

Она не хотела селиться в пансионе, зная, что не сможет заплатить за ночлег. Конечно, Оттфрид скоро найдет работу, но Ида выросла с мыслью о том, что нет ничего хуже, чем долги. Кроме того, строгая и крайне чистоплотная хозяйка пансиона наверняка не пустит в дом собаку.

Кэт тоже не хотелось отправляться в пансион миссис Робинс, но совсем по другим причинам. Пока что никто в Нельсоне не узнал ее — среди немецких переселенцев она была лишь одной светловолосой женщиной из многих. Однако миссис Робинс наверняка узнает ее, и, вполне возможно, сразу же начнется травля. А Кэт так хотелось остаться на пару дней в Нельсоне! Она должна была знать, как устроится Ида, прежде чем уйти на поиски *нгаи таху*. Кроме того, Кэт не горела желанием снова отправляться в путь, пока погода оставалась неустойчивой.

Женщины безрадостно переглянулись, пытаясь что-нибудь придумать. И вдруг Оттфриду пришла в голову спасительная идея.

— Я что-нибудь для нас найду, Ида, не переживай! — великодушно объявил он. — В конце концов, у меня здесь есть друзья. Я не чужой в Нельсоне. Частенько ночевал здесь, экономил на пансионе старухи Робинс.

Идемте со мной, я найду нам крышу над головой.

Оттфрид махнул рукой своей семье и кивнул сотруднику магистрата, тут же вздохнувшему с облегчением, а затем целеустремленно двинулся прочь. Ида и Кэт последовали за ним.

— Однако его друзья живут не в самых лучших кварталах, — пробормотала Кэт, когда они свернули в портовый район.

Ида пожала плечами. Она вполне представляла себе, куда они идут, и поэтому не удивилась. Оттфрид привел их в паб — портовый кабак, крайне ветхое на вид строение, хотя оно не могло быть таким уж старым. Все дома в Нельсоне были построены недавно. На покачивающуюся табличку над входной дверью Ида смотрела с тоской, а Кэт с тревогой. «Пристанище Пэдди». Паб, да еще и публичный дом?

Оттфрид толкнул дверь, и они вошли в самый обычный кабак, где их сразу же обдало сильным запахом пива. Тесаные столы и стулья из грубо обработанной дешевой древесины, пятна на полу, длинная барная стойка, которую как раз полировал полный краснолицый трактирщик. Все это пугало Иду, а Кэт думала, что вообще-то может чувствовать себя здесь как дома. Тут по крайней мере было чисто — в отличие от паба Баркера.

Оттфрид направился к стойке.

— Пэдди, старик... здоровать тебе! — произнес он на ломаном английском.

Хозяин приветливо ответил ему, но вопросительно поднял бровь, когда за Оттфридом в паб вошли Ида и Кэт. Тот снова заговорил:

— Я нуждаюсь помощь. У нас много вода в деревне. Мы уходить. Теперь нужно место, квартира для я и моя жена.

Пэдди усмехнулся.

— Это значит, что ваш Санкт-Паулидорф утонул? И до вас, святош, наконец-то дошло? Аллилуйя! — Он рассмеялся. — А теперь ты хочешь поселиться здесь с женой и собакой... — Он посмотрел на Охотника, который сразу обнаружил камин, впрочем, потухший, и улегся рядом с ним, затем перевел взгляд на Иду и Кэт. — С двумя бабами, — поправил себя хозяин. — Или у меня в глазах двоится?

Ида пристыженно опустила голову. Кэт пыталась сохранять спокойствие, а на улыбчивом лице трактирщика проступило глубокое удивление.

— Черт, Отти, я не верил, когда ты хвастался двумя своими бабами! Но теперь я вижу их воочию. Две, черт возьми! И одна прекраснее другой! А какая из них венчанная? Может быть, другой попользуется общественность, если я позволю вам жить здесь?

Пэдди облизнулся.

Оттфрид поморщился — то ли от гордости, то ли от смущения. Но прежде, чем он успел что-либо сказать, вперед вышла Ида.

— Мистер Пэдди, — медленно, но на хорошем английском языке произнесла она. — Меня зовут Ида Брандманн, а это наша служанка и моя подруга Катарина. Я не знаю, как у вас в Ирландии, или откуда вы родом, но в нашей стране у мужчины может быть только одна жена. Что касается Кэт...

— Девушка ищет работу! — пояснил Оттфрид, указав на Кэт.

Та бросила на него уничтожающий взгляд. Трактирщик смотрел на нее с откровенным восхищением.

— Я не ищу работу, которую вы можете предложить, Пэдди! — злобно фыркнула она.

Пэдди поднял руки, пытаясь успокоить ее:

— Ладно, ладно... я никого не хотел обидеть. Просто спросил. Ведь наш Отти такое рассказывал... А потом пришел с двумя красавицами... Что же тебе нужно, Отти? Комнату на троих? Или только для тебя с супругой?

Оттфрид замялся:

— На троих. Но я не знаю, как комнаты...

— Было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы предоставили нам комнаты на какое-то время, если, конечно, вы их сдаете, — снова заговорила Ида, спокойно и с достоинством.

Кэт невольно восхитилась подругой. В своих оборванных платьях обе они выглядели жалко. Волосы слиплись прядями и растрепались, хотя миссис Партридж дала Иде пару гребешков, которыми та кое-как заколола их. Но, несмотря на это, Ида производила впечатление благопристойной жены переселенца, обладающей безупречной репутацией.

— В настоящее время мы не располагаем средствами, как вы, возможно, уже поняли из слов моего мужа... — Глаза Иды насмешливо сверкнули: прежде Оттфрид всегда заявлял, что в совершенстве владеет английским языком. — Нам пришлось бросить все в Санкт-Паулидорфе. Поэтому нам придется...

— Мы с Пэдди договоримся насчет денег! — заявил Оттфрид. — Мы друзья, верно?

Трактирщик хмыкнул.

— У меня ж тут не пансион с комнатами, — пояснил он. — Только и есть, что сарай за пабом, — я пускаю туда на ночлег тех, кто сам домой не доберется. Хотя есть наверху и каморка. Я сдаю ее... как бы так сказать, чтобы не обидеть леди... — Он потер нос и действительно смутился. — Ну,

я сдаю ее в аренду... почасово, в общем. Если я отдам ее вам, вы заплатите мне по меньшей мере столько же, сколько и Люси. В сарае можете спать бесплатно. Только сами будете обставлять его, это, прошу прощения, просто грязная дыра. А взамен... Возможно, леди окажут мне некоторую помощь... Нет, нет, не переживайте, ничего неприличного. Просто нужно убирать здесь иногда. Люси, ну, шлюха, которая занималась этим раньше, она больше работает в той комнате наверху. Это у нее лучше получается.

Ида густо покраснела.

— Где же ты спал, когда ночевал здесь? — цинично поинтересовалась она у Оттфрида. — В сарае или у шлюхи?

Оттфрид закусил губу и зарделся, доказав, что в нем еще много осталось от жителя Рабен-Штейнфельда.

Кэт кивнула.

— И этим все сказано, — спокойно заявила она. — Большое спасибо, Пэдди. Мы с миссис Брандманн поселимся в сарае. Мы с удовольствием устроимся в вашем кабаке и займемся здесь уборкой. Вот только...

Она достала из-за пояса нож, нашла доску для дротиков и резко метнула в нее клинок. Пэдди испуганно охнул, когда она попала прямо в яблочко.

— Только никем из нас общественность не попользуется, — закончила Кэт. — Что до мистера Брандманна, то вы — и мисс Люси — наверняка договоритесь, как договаривались прежде. Конечно же, все это временно. Мистер Брандманн непременно захочет, чтобы у его семьи вскоре появился настоящий дом: моя подруга ждет ребенка. А я, как уже было сказано, ищу работу... Так где ваш сарай?

В руках духов

Нельсон, равнина Кентербери

1844—1845

Глава 1

Что касается сарайчика, то трактирщик Пэдди Рейли говорил правду. Он был крохотным, полным мусора, пыли и паутины. При виде всего этого Ида едва не расплакалась. В пабе она еще держалась, но теперь едва стояла на ногах. Ей срочно нужна была постель и какая-нибудь еда. По прибытии в город сочувствующие жители Нельсона угостили беженцев хлебом и горячим чаем, организовав что-то вроде полевой кухни, но от тревоги и усталости Ида почти ничего не смогла съесть. А тут еще эта дыра, которую

для начала придется как следует вычистить, прежде чем можно будет сесть хотя бы на пол. На заляпанные матрасы, которые держал здесь для своих пьяных постояльцев Пэдди, женщины смотрели с отвращением, и даже Охотник от них отвернулся, понюхав краешек.

— Точно, они с клопами, — заметила Кэт. — Нам нужны новые. Или хотя бы солома для них... Кстати, где разместили лошадей?

— В конюшне магистрата, — устало ответила Ида. — Потом еще начнутся споры, чьи они. Община ведь купила упряжку в складчину. А деньги теперь нужны всем.

Кэт вздохнула, взяла метлу и начала снимать по углам паутину и сметать грязь, затем принесла воды. Ида собрала пустые бутылки, коробки и прочий мусор, который Пэдди складывал в своем сарае. Оттфрида все не было, он не пошел с ними, когда Пэдди показывал женщинам сарай. Поскольку он все равно не собирался тут жить, то решил, что не обязан заниматься уборкой.

— Надеюсь, он вскоре найдет работу, — произнесла Ида, — и не станет ждать, когда нам снова выделят землю или еще чего-нибудь. Нам же нужно что-то есть.

Кэт уверенно кивнула.

— В первую очередь Оттфрид хочет пить, — заметила она. — А Пэдди не станет его угощать. И Люси вряд ли влюблена в него настолько, чтобы позволить спать с ней задаром.

Ида покраснела.

— Он обманывал меня, — констатировала она, словно только сейчас это поняла. — Я... Он... Нет, я знала, что раньше у него были шлюхи. Но в браке... Это грех!

Кэт пожала плечами:

— Если хочешь знать мое мнение, до брака это тоже грех. Женщин нельзя продавать, как скот. Но вашему Богу, кажется, все равно...

— Это только твое мнение! — воскликнула Ида. — Но наводнение...

Кэт схватилась за голову:

— Ида, я тебе уже десять раз говорила: наводнения случались всегда. И этот твой Карл тоже знал об этом. Кто он вообще такой? Каждый раз, когда о нем заходит речь, твой отец багровеет, Оттфрид вскипает от ярости, а ты... Я не знаю, ты вроде как... улыбаешься. Или начинаешь сиять. Расскажешь мне как-нибудь, что между вами было. Так или иначе, Карл предсказал вам потоп заранее, и тот случился бы, даже если бы Оттфрид не ходил налево. Бог здесь ни при чем, Ида! В крайнем случае тут могут быть замешаны духи реки, о которых говорила Те Ронга. Правда, им, скорее

всего, наплевать на людей, они просто заставляют реку разливаться и успокаиваться, когда им этого хочется.

— Так или иначе, мы все согрешили, — пробормотала Ида. — Но Оттфрид больше, чем я!

Кэт пожала плечами:

— Можешь так думать, если это тебя успокоит. В любом случае грехи Оттфрида стоят недешево, и теперь он не сможет брать деньги из общинной казны. Поэтому он будет работать, не переживай. А если завтра ты сбегашь к госпоже Брандманн и пожалуешься на то, что вынуждена жить в пабе, она ему быстренько вправит мозги и заставит найти квартиру получше!

В тот день Оттфрид больше не показывался, но через час после того, как женщины начали убирать сарай, пришла девушка с сальными светлыми волосами, в грязном синем платье с рюшами, и принесла две кружки пива, тарелку хлеба и немного жареного мяса.

— Вот, это Пэдди вам передал, — сквозь зубы прошипела она, даже не поздоровавшись. — А здесь миленько... — Она окинула взглядом преобразившуюся комнатку. — После того как вы съедете, он сразу же сможет взять еще одну шлюху.

Ида разглядывала девушку с ужасом и любопытством.

— Вы Люси? — сдавленным голосом поинтересовалась она.

Женщина кивнула и отвесила насмешливый поклон:

— К вашим услугам, мадам. Ты его жена, да? А это маори? — Она буквально раздевала Кэт взглядом. — Крутая, — вынесла она своей вердикт. — Могла бы зарабатывать кучу денег. Хотя... тут много не заработаешь. Слишком уж порядочные мужики в этой дыре. Большинство приходят, просто чтобы напиться. Так что ешьте. Пэдди сказал, что он запишет все на счет Отти.

Ида с недоумением смотрела ей вслед, когда девушка вышла из комнаты, покачивая бедрами.

— Как он может любить ее? — негромко спросила она.

Кэт рассмеялась:

— Ты ведь не ревнуешь, правда? Он не любит ее, Ида, он ее использует. Так же, как и меня, но... прости, так же, как и тебя. Ладно, теперь мы поедим, а потом я пойду в паб, пока там мало народу, и спрошу Пэдди, не выделит ли он нам хотя бы стол и два стула. И узнаю, где можно набить мешок соломой, чтобы на нем спать.

Когда Кэт, не убирая руки с ножа, зашла в паб ранним вечером, там уже было полно гуляк. Девушка вздохнула и приготовилась выдержать

внимание мужчин. Стараясь вести себя как можно естественнее, потупив глаза, как полагается приличной женщине, она пересекла помещение, не удостоив взглядом никого из присутствующих, и в первую очередь Оттфрида, сидевшего со стаканом виски в компании других мужчин. Разумеется, стоило ей появиться, как посыпались сальные замечания и недвусмысленные намеки.

— Мне очень жаль, — вздохнул Пэдди, когда она наконец пробилась к нему и изложила свою просьбу, — но ребята ничего плохого не имеют в виду. Таких хорошеньких женщин, как ты, здесь просто нет. Может, ты все же захочешь?.. Слушай, ты же светловолосая маори, верно? О которой говорили пару месяцев назад. Если верить слухам, у дикарей ты не была такой чопорной.

— В языке маори не существует слова для этого понятия, — только и сказала Кэт. — Как нет и слова «шлюха». Пожалуйста, оставьте меня в покое, Пэдди. Нам с подругой не помешала бы какая-нибудь мебель и мешок с соломой, чтобы на нем спать.

Наконец Пэдди велел двум еще трезвым юношам отнести в сарай стол и два стула, а затем набрать соломы в ближайшей конюшне. Оба отнеслись к своей задаче серьезно, не обидев Кэт. Более того, они вели себя с Идой весьма уважительно, а о Кэт уже шла определенная слава. Пэдди так проникся ее умением метать ножи, что наверняка рассказал эту историю всем, кто захотел слушать. Однако пошли и другие сплетни. Выходя из паба, Кэт услышала за спиной насмешливый и громкий голос Люси:

— Она не со всяким пойдет, парни! Это вроде как индейская потаскуха, мне Джейми рассказывал, он тогда еще слугой у Бейтов был. Если они хотят женщину, то сначала кладут скальп к ее ногам, а потом вместе с ней жрут человечину!

Кэт вздрогнула. Если эти слухи снова распространятся...

— Чушь! — перебил кто-то Люси, и Кэт узнала пьяный голос Оттфрида. — Она не будет делать это с вами, потому что будет делать только со мной. Мне принадлежит, понимаете? Женщина мой...

Кэт схватилась за голову и бросилась бежать. Судя по всему, эту историю Оттфрид рассказывал уже не первый раз. Однако, наверное, лучше прослыть любовницей Оттфрида, чем членом племени каннибалов.

Вечером Ида и Кэт спали как убитые в своем сарайчике рядом с пабом Пэдди, а вскоре стало очевидно, что они заключили очень удачную сделку. Оттфрид не задевал женщин, равно как и Люси, которая редко спускалась из своей комнаты на первый этаж до обеда. Судя по всему, Оттфрид ночевал у нее. Он действительно зарабатывал деньги, хотя не искал

постоянного места, а просто каждый день заново подряжался в порту, разгружал суда или выполнял подсобные работы. Многие мужчины из Санкт-Паулидорфа занимались тем же.

— Поденщики, — криво усмехнулась Ида. — В Рабен-Штейнфельде они смотрели на Карла свысока, а теперь все едва сводят концы с концами.

К этому моменту она уже рассказала Кэт о Карле, правда, не о своих особых отношениях с ним, не упомянула она и о том, что он делал ей предложение.

— Но не потому, что нуждаются, — кивнула Кэт.

Она заходила к Партриджам, купила кое-что самое необходимое, поговорила с Элсбет. Сестра Иды со слезами на глазах жаловалась на отца, который ежедневно ходил в магистрат и действовал на нервы всякому, кого встречал там, требуя, чтобы общине снова выделили землю. Судя по всему, многие переселенцы еще надеялись получить второй шанс, хотя Джон Николас Бейт, уговоривший их сюда переехать, давно покинул город, равно как и полковник Уэйкфилд. После них в магистрате работал землемер Таккетт, но его здесь тоже уже не было. Сейчас он занимался разведкой земли в Отаго для переселенцев из Шотландии. Немцам не на что было надеяться, но большинство из них все равно отказывались искать себе постоянное занятие, не желая осесть в Нельсоне среди соседей-англичан. Они предпочитали выполнять подсобные работы в порту и ждать чуда.

Подобное упрямство пугало Элсбет. Она могла сколько угодно убеждать себя в том, что отец никогда не выберется из Нельсона, но его решимость тревожила девушку. Если Ланге и Брандманн увидят хотя бы призрачный шанс на то, чтобы основать где-нибудь второй Рабен-Штейнфельд, они колебаться не станут.

— А ведь здесь так замечательно, — с удовольствием сообщила Элсбет. — Миссис Партридж занята Амандой и Полом, Стина Краузе больше не приходит, у нее родился второй ребенок, а муж хорошо зарабатывает.

Семья Краузе отлично прижилась в Нельсоне, им здесь нравилось. Они вернулись еще при Фредерике Таккетте, и бывший землемер, знавший их историю, великодушно поддержал их и помог получить участок земли вместе с домом на окраине города.

— Как бы там ни было, теперь я очень нужна Партриджам в магазине, — радовалась Элсбет. — Они даже платят мне небольшую зарплату! Только отцу я ничего не говорю, иначе придется отдавать деньги ему, потому что нам нужно копить на новую землю. А я не хочу, Кэт, я потрачу все на себя! Посмотри!

Кэт послушно похвалила красивую заколку для волос, которую купила себе Элсбет. Но и у нее самой вскоре тоже появились собственные деньги. Через несколько дней после того, как они поселились в пабе, Пэдди отвел ее в сторону и спросил, действительно ли она говорит на языке маори и разбирается в их обычаях. Как оказалось, когда он только прибыл в Нельсон, ему выделили небольшой участок, однако Спейн считал его права на эту землю достаточно спорными. Пока что он не собирался селиться там, поскольку неплохо зарабатывал в пабе, но хотел уладить этот вопрос и по-хорошему договориться с маори.

К сожалению, Кэт не могла переводить для него, поскольку общаться пришлось бы с представителями *нгати тоа*, однако она дала Пэдди дельный совет, как лучше уладить конфликт. В конце концов трактирщик, заметно нервничая, отправился в ближайшее поселение маори вместе с повозкой, доверху нагруженной полезными предметами. Кэт научила его словам приветствия на языке коренного населения, кроме того, показала, как нужно вежливо обращаться к маори. На следующий день он вернулся обратно, крайне довольный тем, как все прошло. Подарки его приняли с радостью, все недоразумения были улажены, к тому же маори кормили Пэдди не человечиною, как он опасался и как предсказывала Люси, а рыбой и сладким картофелем, при этом пуская по кругу бутылку виски.

— Очень добрые и порядочные люди! — говорил он.

Теперь Пэдди в корне пресекал разговоры о Кэт и ее роли в племени. Но самое главное, он щедро вознаградил ее за советы, и Кэт наконец смогла купить пару одеял, одежду и самые необходимые предметы быта для себя и Иды.

А потом и у Иды неожиданно появилась возможность сделать свой вклад в семейный бюджет. В сарайчике Пэдди, конечно же, не было кухни, поэтому Ида готовила для своей семьи на открытом огне во дворе. Оттфрид как ни в чем не бывало являлся на обед и ужин в комнату супруги, чтобы потом, не сказав ни слова, уйти на работу или в паб. А Пэдди всегда вел себя очень вежливо, когда заходил к ним, привлеченный чудесными запахами, витавшими над котелками и сковородками Иды. Молодая женщина готовила немецкие густые супы, но иногда и рыбу со сладким картофелем по рецептам маори, которыми поделилась с ней Кэт.

— Черт побери, миссис Брандманн! — изумился трактирщик, отведав супа из полной тарелки, которую женщины гостеприимно предложили ему, после того как он несколько раз прошелся вокруг костра. — Это куда вкуснее того, что варит парень у меня на кухне.

В «Пристанище Пэдди» вечером предлагали гостям простые блюда,

которые пользовались большой популярностью среди неженатых портовых рабочих и тех, кто был занят в дорожном строительстве. Впрочем, посетители часто жаловались на то, что мясо подают либо полусырым, либо пригоревшим, а супы просто невозможно есть.

— Не говоря уже о том, что приходит он только в том случае, если вдруг случайно оказывается трезв. Вы не хотите поработать у меня кухаркой? Все честь по чести, госпожа Ида, обещаю. Посетителей вы даже не увидите, вы же знаете, где у меня кухня.

В кухню можно было попасть со двора, ее дверь располагалась прямо напротив сарая. Иде не пришлось бы проходить через общий зал, чтобы оказаться на своем рабочем месте.

— Конечно же давай! — убеждала ее Кэт. — И не спрашивай Оттфрида. Он ведь не спрашивает тебя, когда нанимается на работу.

— Это не одно и то же, — немного нервничая, заметила Ида.

Как оказалось, Оттфрид ничего не имел против. Зарабатывал он немного и каждый раз злился, если Ида требовала у него денег на ведение хозяйства, не говоря уже о самых нужных вещах. Кэт предполагала, что ночлег у Люси обходился ему не дешевле, чем квартира, которую он мог бы снять для Иды, но молчала. Сложившаяся в данный момент ситуация, когда Оттфрид не приставал ни к одной из «своих женщин», ей очень даже нравилась. Если все так и будет продолжаться дальше, она с удовольствием тут останется, пока не наступит лето и погода не установится. Тогда Кэт попрощается с Идой и отправится в долгий путь на равнину Кентербери, где она надеялась найти дружественные племена маори. Если к тому моменту у Иды будет работа и какие-то накопления, тем лучше. Кэт по-прежнему не хотелось оставлять подругу наедине с Оттфридом.

Целых два дня Ида провела, отмывая кухню и плиту: прежние повара Пэдди, судя по всему, не убрали здесь вообще никогда, считая налет жира и грязи, покрывавший все вокруг, естественным и неизбежным. Жир, в котором жарилась рыба с картофелем, они, наверное, тоже никогда не меняли. Содрогнувшись от отвращения, Ида выбросила его вместе с кастрюлей, хотя последнюю ей было очень жаль, однако она не видела возможности ее отчистить. Наконец предварительные работы в кухне были завершены, на плите теперь бурлили густые супы, а над костром во дворе жарилась рыба, которая должна была стать традиционным блюдом этого заведения. Клиенты Пэдди были в восторге, Ида тоже быстро освоилась с новой работой.

— Из этого паба можно сделать настоящий трактир! — мечтательно говорила она. — Вполне пристойное заведение, где будут обслуживать

даже семьи. Например, новых переселенцев, которые оказываются в Нельсоне проездом. А портовым рабочим здесь подавали бы на обед простую дешевую еду. Люди приходили бы сюда каждый день.

— Но тогда Пэдди пришлось бы вышвырнуть Люси, — напомнила ей Кэт. — И, наверное, положить на столы какие-нибудь скатерти, да и проветривать иногда. Ты права, это место пользовалось бы спросом. Еще можно сдавать комнаты внаем, пожалуй, только мужчинам. Дорожные и портовые рабочие мыкаются в ужасных ночлежках. Я знаю об этом, потому что, приехав в город, они часто приходили к Бейту с вопросами, не подскажет ли он, где тут можно остановиться. Пансион миссис Робинс им не по карману, он для господ. Но комнату Люси могли бы делить трое или четверо поденщиков.

Ида улыбнулась.

— Тогда Оттфрид, к сожалению, сидел бы у нас на шее, — напомнила она Кэт.

Та закусила губу.

— Ида, в конечном итоге тебе все равно придется жить с ним, — серьезным тоном произнесла она. — Сейчас мы на третьем месяце, долго мою беременность скрывать не удастся. Мне придется уйти, и очень скоро. Тогда Оттфрид переедет к тебе — или вы устроитесь в Нельсоне надолго и подыщете себе дом. В конце концов, вы не можете растить ребенка в этом сарае. И мечты о новом Санкт-Паулидорфе Оттфрид и все прочие рано или поздно оставят. Если Оттфрид вообще еще верит в это. Ты будешь работать здесь, на кухне, а он куда-нибудь устроится... Кстати, он может открыть плотницкую мастерскую, здесь же постоянно что-то строят! И тогда у вас будет хороший доход.

Ида не ответила, но выражение ее лица было весьма красноречивым. Она знала, что Кэт рано или поздно оставит ее, но не хотела думать об этом.

Однако вскоре события стали развиваться стремительно. Началось все с того, что однажды вечером, когда Кэт разжигала костер, а Ида собиралась резать овощи и мясо для густого супа, во двор вбежала заплаканная Элсбет. Она никогда раньше не бывала в пабе, но, расспросив местных жителей, сумела найти дорогу. Торопливо рассказывая о случившемся, она едва сдерживала слезы.

— Нам снова придется уезжать! — в отчаянии крикнула она. — Отец вместе с Брандманнами и еще парой семей из Рабен-Штейнфельда хочет снова попытаться основать поселение.

Ида застонала.

— Быть того не может! — воскликнула она. — Ведь им четко и ясно сказали в магистрате, что они не смогут обменять свою землю на другую. И куда же они собираются? Опять в Вайрау?

Элсбет покачала головой:

— Все еще хуже, Ида! Намного хуже. Отец собирается в Австралию. Он написал этому Бейту, ну, ты помнишь, который устроил нам переезд в Новую Зеландию. И тот прислал ответ, мол, тут, в Новой Зеландии, он ничего уже сделать не сможет. Но в Австралии будто бы есть свободная земля, там он легко найдет что-нибудь для нас. И путешествие он сможет организовать — это просто, мы ведь теперь британские подданные. А суда ходят каждую неделю. До того города, куда собирается отец, «всего» две тысячи миль или еще больше. Я не хочу ехать туда, Ида! Кто знает, что нас там ждет! В долине Шахтсталь была только река, а в Австралии... Правда ли, что там водятся ядовитые змеи? И пауки? И опасные туземцы?

— В Австралии все ядовитое, — заметил проходивший мимо Пэдди. Он как раз шел в кухню, чтобы помыть стаканы. — Вы поможете мне, мисс Кэт?

Кэт, а вместе с ней и Элсбет, схватились за щетки и полотенца, а Пэдди продолжил рассказ:

— Серьезно, девонька, туда не просто так посылали каторжников. Обычные переселенцы сбежали бы оттуда с криками, едва завидев тех тварей!

— Я думала, там водятся кенгуру, — удивилась Ида, вспомнив книжку о Новой Зеландии и Австралии, которую дал ей на судне Карл. — Они довольно симпатичные на вид. Неужели они кусаются?

Пэдди рассмеялся:

— Нет, эти нет. Они только съедают подчистую все зерновые на полях. Но змеи, пауки, медузы, рыбы, комары, крокодилы...

— Крокодилы! — в ужасе вскричала Элсбет. — О господи, Ида, я не хочу туда ехать. Мы непременно должны отговорить их! Оттфрид уже сказал тебе что-нибудь?

Ида покачала головой и спросила:

— А госпожа Брандманн хочет в Австралию? Она ведь всего боится.

Элсбет шумно вздохнула:

— Больше всего на свете она боится соседей-англичан. Эрик говорит, что с новой принимающей семьей она тоже не ладит.

— Кто говорит? — переспросила Ида.

— Эрик. — Элсбет улыбнулась впервые с тех пор, как сообщила роковую весть. — Эрих Брандманн. Но это звучит слишком по-немецки,

поэтому он теперь называет себя Эриком. Так гораздо красивее, правда?

Ида нахмурилась. Это наверняка не понравится Петеру Брандманну.

— И вся община собирается ехать? — Кэт снова перевела разговор на Австралию. — Мне показалось, что она разбегается.

И это была правда. На протяжении последних недель многие из жителей Санкт-Паулидорфа покинули Нельсон. Некоторые решили попытать счастья на Северном острове, другие — на равнине Кентербери, еще кто-то отправился в Отаго, где под присмотром Фредерика Таккетта строился новый город Данидин. В нем поселятся глубоко верующие шотландцы, с которыми у старолютеран было много общего. Молодые семьи, такие как Краузе, неплохо устроились в Нельсоне. Найдется ли достаточно людей, чтобы основать новый Рабен-Штейнфельд в Австралии?

— Отец беседует со всеми, — сказала Элсбет. — Господин Брандманн согласен, и, конечно же, фермер Фрисманн. Он очень хочет получить новую землю, ему в Нельсоне совсем не нравится. Наверняка они скоро будут беседовать и с Оттфридом. Отговори его, Ида! Прошу тебя, отговори!

Глава 2

Ида не особенно надеялась на то, что сможет отговорить Оттфрида, если он уже вобьет себе это в голову. Однако ей не пришлось даже пытаться. Оттфрид Брандманн не собирался ехать в Австралию, впрочем, и в Нельсоне тоже не хотел оставаться. Вместо этого он нашел — конечно же, в пабе — иную возможность построить свое счастье. В тот же день, когда приходила Элсбет, он, волнуясь, рассказал Иде о своем плане, прекрасно зная, что Кэт в это время находится на рынке.

— Колонизация, Ида! Покупка и освоение земли для переселенцев. Тут никогда не возникает проблем, на этом всегда зарабатывают деньги, ты только посмотри на Бейтов и Уэйкфилдов...

— Бейт бежал в Австралию, а Уэйкфилд мертв, — напомнила мужу Ида.

— Только один Уэйкфилд, — поправил ее Оттфрид. — Второй же... я понятия не имею, где он, но он наверняка богат. И Бейт тоже. Вряд ли он обрабатывает поля в Австралии. А что получилось у него, то получится и у нас.

Ида подняла брови. Насколько она знала, Бейт, хоть и был пройдохой и крайне неприятным человеком, но получил хорошее образование, владел несколькими языками и ораторским искусством. Оттфрид же закончил только деревенскую школу, а по-английски он по-прежнему говорил с трудом.

— А где ты возьмешь землю, которую потом продашь переселенцам?

— поинтересовалась она.

Оттфрид с гордостью улыбнулся:

— У меня есть связи, Ида. Я ведь уже упоминал об этом... А вчера я общался с одним старым добрым приятелем...

Ида вспомнила, что он называл другом и Пэдди, когда они только пришли в Нельсон. Трактирщик же смотрел на этот вопрос иначе. Ведь Оттфрид знал английский ровно настолько, чтобы вести самый поверхностный разговор, но этого явно недостаточно для того, чтобы завязалась дружба.

— Джоуи Гибсон! — продолжал тем временем Оттфрид. — Он работал землемером у Таккетта, но потом ушел. Считает, что с Таккеттом тяжело, он скряга и вообще квакер. С такими трудно.

Ида нахмурилась:

— А я слышала, что квакеры — очень верующие люди, похожие на нас. И... — Она оборвала свою мысль на полуслове: «...Карл отлично сработался с Таккеттом».

— Гибсон говорит, что он мерзавец, — произнес Оттфрид и потупился, когда Ида посмотрела на него с укором. Раньше Брандманн подобных слов не произносил. В церковной общине брань не поощрялась. — Ну, как бы там ни было, — продолжал Оттфрид, — он здесь ориентируется. Я имею в виду Гибсона. Он действительно понимает, что к чему. И он считает, что на равнинах есть свободная земля — столько, что даже представить себе невозможно. И почти нет маори. Им вовсе не нужна эта земля. И живут они, едва сводя концы с концами. Они слишком ленивы для того, чтобы что-то выращивать, как говорит Гибсон. В общем, они готовы продать тебе участок за бутерброд. Пара одеял, да кастрюли, да бутылка виски — и вот у тебя уже есть ферма! А переселенец заплатит за нее три сотни фунтов. Ну, как тебе идея?

Иде это показалось похожим на обман, но злить Оттфрида ей не хотелось.

— А откуда возьмутся деньги на одеяла, кастрюли и виски? — спросила она. — У нас нет ни одного лишнего пенни, Оттфрид, и ты прекрасно об этом знаешь.

Оттфрид просиял, улыбка озарила его красное от волнения лицо.

— Да, но у нас есть другое. Это ведь сделка, тут нужно иногда мыслить шире. У Джоуи Гибсона деньжата водятся. Он может купить столько вещей, чтобы загрузить одну-две повозки. А у меня... у меня есть Кэт.

— Мы все отправимся в Пурау, это на равнине Кентербери. Где-то

рядом ловят китов. Там есть одна или две фермы и дом для нас, наверное, там раньше жил Джоуи Гибсон. Оттуда Оттфрид и его друг собираются идти к маори, чтобы торговать с ними. А ты будешь переводить.

Когда Ида рассказывала Кэт о планах Оттфрида, в ее голосе звучали то недоверие, то надежда. Она даже не стала дожидаться, пока подруга разложит свои покупки — целую гору свежих овощей. Наконец-то наступило лето, и фермеры доставили на рынок урожай. Однако приготовлением блюд для паба они успеют заняться потом.

Кэт удивленно подняла брови.

— И что следует понимать под словом «торговать»? — с сарказмом поинтересовалась она. — Они хотят выменивать обширные земли на пару одеял? Или как они себе это представляют?

Ида покраснела. Ей уже было стыдно за Оттфрида и его друга.

— Примерно так, — призналась она. — Мне это тоже не нравится. Но, Кэт, это наш шанс! Мне не придется ехать в Австралию с отцом и другими поселенцами, и ты сможешь остаться с нами!

Кэт покачала головой и принялась разбирать покупки.

— Ида, я не могу поехать с вами или хотя бы остаться здесь. Я с удовольствием отправилась бы в Пурау, если вы действительно будете этим заниматься. Там есть маори, почти все местные племена причисляют себя к *нгаи таху*. Но я не могу присоединиться к первому попавшемуся племени, если вы будете неподалеку. Ты забываешь о ребенке, Ида. Или ты все же решила рассказать о нем Оттфриду?

Ида закусил губу.

— Ты могла бы солгать, что он от кого-то другого, — пробормотала она.

Кэт сердито сверкнула на нее глазами.

— И чьей же шлюхой я была, а? — злобно спросила она.

Ида понурилась.

— Извини, — сказала она. — Но ведь было бы так чудесно... Мы окажемся далеко от общины. Никто в той местности нас не знает, никто не будет о нас говорить.

— Все быстро изменится, если Оттфрид приедет туда с двумя женщинами! — усмехнулась Кэт. — О таких вещах всегда болтают, даже в самых отдаленных селах.

— Мы представим тебя как служанку... — Ида отчаянно пыталась что-нибудь придумать.

— Тем хуже! — строго сказала Кэт. — Подумай, Ида! У вас даже своего дома нет, не говоря уже о хозяйстве, и вы уже наняли служанку? Вам

ведь никто не поверит! И ты не похожа на женщину, которой нужна горничная. Не говоря уже о том, что горничных и домработниц, забеременевших вне брака, добропорядочные христиане не балуют, а выгоняют прочь. По крайней мере, так было принято у Бейтов. Мистер Ханзен постоянно напоминал мне и Мэри об этом, когда у нас выдавался свободный вечер.

— Можно сказать, что ты моя сестра, — рассуждала Ида.

Кэт закрыла лицо ладонью.

— Мы не похожи, — возразила она. — А вот дети будут похожи. Хватит, Ида. Я не смогу остаться с вами, если Оттфрид не узнает о беременности.

— Но если ты пойдешь к маори, а он явится туда вместе с этим Гибсоном, то рано или поздно он все равно увидит ребенка, — напомнила ей Ида.

— Я уйду подальше, не обязательно ведь оставаться в первом же племени, — решительно ответила ей Кэт. — Я просто спрячу младенца, если он вдруг покажется на горизонте. Очнись, Ида, этому Гибсону нужен не Оттфрид, ему нужна я! Или, точнее, ему нужен кто-то, кто поможет ему обмануть маори на их собственном языке. Если я уйду, Оттфрид станет ему неинтересен.

Ида опустила голову.

— И тогда у него снова не будет работы, а я останусь с ним наедине в Пурау, — прошептала она.

Кэт потерла ладонью лоб.

— Насчет этого ты права, — с недовольным видом согласилась она. — Значит, я должна отправиться в путь раньше. Надеюсь, Оттфрид окажется достаточно умен, чтобы остаться здесь, в Нельсоне. Но в любом случае вряд ли он потащит тебя в Австралию. Он больше не хочет возвращаться под крыло своей общины, Ида! Он ее перерос. Оттфриду теперь нужна новая безумная идея, как разбогатеть, не работая...

Итак, Кэт стала собираться в путь, а Ида сокрушалась, понимая, что в скором времени останется наедине с прихотями Оттфрида и перепадами его настроения. Женщина беспокоилась о том, как он отреагирует на уход Кэт, теперь, когда все его планы зависели от ее лингвистических познаний.

Оттфрид Брандманн был твердо уверен в том, что, имея Кэт и заключив сделку с Гибсоном, он получит ключ к богатству. В тот же вечер он стал хвастаться этим перед своими собутыльниками в пабе. За столом с ним сидели бывшие соседи и друзья из Рабен-Штейнфельда и Санкт-Паулидорфа. Манфред Шиб, Роберт Буше и другие, которые до сих пор

жили в Нельсоне, перебиваясь случайными заработками, с тревогой обсуждали, стоит ли ехать вместе с Ланге и Брандманном в Аделаиду, что в Австралии. Оттфрид по мере сил пытался произвести на них впечатление, рассказывая о своих честолюбивых планах. Его громкий пронзительный голос слышала даже Ида, готовившая еду на кухне. Кэт в этот вечер с ней не было, поскольку после обеда она почувствовала себя дурно и решила прилечь.

— Чего вам не хватает, парни, так это решительности! — произнес Оттфрид чуть заплетающимся языком. — Вы думаете только о своей земле и общине. Но тем самым вы ничего не добьетесь! Это новая земля, друзья мои! Здесь можно построить свое счастье. Нужно только хватать его обеими руками...

Роберт Буше рассмеялся.

— Ты маленькую Кэт берешь за грудь или за бедра? — поинтересовался он. — Женщин ты заполучил, тут я ничего не скажу. Просто чудо, что Ида так спокойно к этому относится. Эльфрида, например, мне этого не спустила бы!

Оттфрид ударил себя кулаком в грудь.

— Н-да, возможно, тебе следовало бы проявить твердость. Спорим, твоя Фрида хочет ехать в Даун Андер[49] вместе со всеми ханжами? — Он с важным видом произнес пренебрежительное название Австралии, популярное среди английских колонистов. — И всякий раз задает тебе жару, когда ты говоришь, что не хочешь строить третий Рабен-Штейнфельд? А вот моя Ида понимает, что к чему! Хорошая баба, нужно только выбить этого Карла у нее из головы.

Ида густо покраснела и увидела, с каким отвращением поморщился стоявший за стойкой Пэдди. Она и не знала, что толстый трактирщик так хорошо понимает по-немецки.

Оттфрид продолжал рассуждать:

— А Кэт, конечно, дикарка. Ее укротить было сложнее. Но...

— Ну-ка заткнись, Отти!

Оттфрид действительно умолк, когда Пэдди вдруг перебил его. Трактирщик обернулся к Иде и ободряюще подмигнул ей, а затем с грохотом поставил на стойку бутылку виски, приковав к себе всеобщее внимание.

— Кэт тебе не принадлежать. И ты ее не укрощать. Она свободна, и если умна, то не ходить с тобой!

Оттфрид с изумлением уставился на трактирщика. Прежде тот никогда не говорил с ним по-немецки, и эта вспышка ярости по-настоящему

удивила его. Казалось, он даже дара речи лишился.

И тут заговорил Роберт Буше.

— Но, если она не принадлежит Оттфриду, — поинтересовался молодой человек, — от кого же тогда беременна эта стерва?

После слов Роберта разразилась настоящая буря. Ида не знала, оставаться ли ей в кухне или бежать во двор, чтобы предупредить Кэт. Однако Оттфриду не пришлось долго объяснять суть дела. Судя по всему, после слов Роберта он вдруг понял, почему обе «его» женщины так цепляются друг за друга, какая мрачная тайна придает им сил снова и снова восставать против него — и почему Кэт все еще здесь. Она ведь могла сбежать сразу после того, как поселенцы бросили Санкт-Паулидорф, и даже раньше. А с ребенком в животе ей некуда деваться, никто не возьмет ее на работу.

Буше подробно рассказывал о том, как его Эльфрида раскусила Кэт, но Оттфрид уже вышел из паба и направился в сарай, не преминув, впрочем, еще раз напомнить всем о своем праве собственности.

— Ну вот, слышишь, Пэдди! — погрозил он кулаком трактирщику. — У старины Отти не просто две бабы, он еще и обрюхатил обеих!

Кэт ужасно испугалась, когда в сарай ворвался Оттфрид, за спиной которого маячила перепуганная Ида.

— Это правда? — заорал Оттфрид. — У тебя будет от меня ребенок, и ты мне ничего не сказала? А ты, тварь, знала об этом? — Эти слова были адресованы уже Иде.

Кэт села.

— Да, я беременна, но ребенок принадлежит только мне, — с достоинством заявила она. — В конце концов, ты не можешь жениться на мне, чтобы все было по-честному. И не беспокойся насчет своей репутации, я очень скоро уйду. Я уверена, что какое-нибудь племя маори согласится приютить меня.

— Уйти? Племя? О чем ты болтаешь, глупая баба?

Оттфрид приближался к ней с угрожающим видом, но Кэт тут же вскочила, держа в руках нож, — намного быстрее, чем он ожидал.

— Не смей прикасаться ко мне! — зашипела она.

Оттфрид театральным жестом поднял руки:

— Последнее, чего я хотел бы, Кэт... Только не с моим ребенком в пузе, это может ему повредить. Кроме того, мне противно, если баба беременна. Но ты никуда не убежишь. Растить моего сына среди дикарей — еще чего не хватало!

— Это может быть девочка, — отозвалась Кэт. — И, как я уже сказала, это не твой ребенок.

— Еще как мой! Или у тебя были и другие мужики, а, Кэт? Когда я не видел? Порядочные отцы семейств из Санкт-Паулидорфа? Не верю, Кэт, никто не сумел бы укротить тебя. Для этого нужен Оттфрид Брандманн! — Он усмехнулся и ударил себя кулаком в грудь. — А моего ребенка ты родишь как полагается. Там, где я захочу.

Он принялся размахивать кулаками в воздухе, но особого впечатления на Кэт не произвел.

— И как это будет, Оттфрид? — подала голос Ида. Она смотрела то на одного, то на другую с надеждой и страхом. — Не можешь ведь ты притворяться, будто женат на обеих. Это грех. И это запрещено. У маори тоже, да, Кэт?

— В общем, не принято, — ответила девушка.

Она слышала, что в Полинезии маори практиковали многоженство, как и здесь в первые столетия после заселения Аотеароа. Но в ее племени никто не имел больше одной жены.

— У англичан это точно запрещено! — продолжала Ида.

Оттфрид расхохотался.

— Да мне плевать на это! — заявил он. — Кроме того, я боюсь... я боюсь, что наша маленькая Катарина не вышла бы за меня замуж, даже если бы я был свободен.

— Ни в коем случае! Даже если бы ты был последним мужчиной на земле! — фыркнула Кэт.

— В этом и нет нужды, — продолжал Оттфрид. — Серьезно, строго между нами, я от тебя ничего не хочу, Кэт. Ты слишком ловко обращаешься с ножом. Разок было очень даже мило, но вообще-то мне больше нравятся послушные женщины. Так что успокойся. Только ребенок — он мой, и ты у меня его не отнимешь. Ты не убежишь отсюда. Ты нужна мне. Разве Ида тебе не сказала?

— Что тебе нужен переводчик, чтобы обманывать маори? — Лицо Кэт исказила гримаса. — Почему же, сказала. Но я не хочу. Я не буду заниматься этим, Оттфрид. Мы с ребенком найдем себе другое место.

— Ты даже не знаешь, примет ли тебя племя! — наконец высказала свои опасения Ида. — Может быть... может быть...

— Что? — спросила Кэт. — Может быть, они убьют меня и съедят? Это смешно, Ида. В худшем случае они прогонят меня, и я отправлюсь попытать счастья в другом племени.

— Но ты сама говорила, что их не особенно много, — напомнила Ида. — Джоуи Гибсон тоже считает, что в Кентербери почти нет маори. И, если тебя никто не примет, ты останешься одна. И что потом?

Кэт закусила губу. Она не думала об этом, хотя, конечно, теоретически такое было возможно. Особенно если *нгаи таху* действительно живут, едва сводя концы с концами, как выразился Оттфрид. Она могла ему поверить, поскольку, кочуя вместе с *нгати тоа* по святым местам, она часто встречала племена, которые переходили с места на место только из экономических соображений. В своих *мараэ* они выращивали недостаточно, чтобы выжить, поэтому им приходилось подниматься на высокогорья, охотиться и рыбачить там. Захотят ли они возиться с белой женщиной и ее ребенком? Кроме того, Кэт понятия не имела, какой у них опыт общения с *пакеха*. Приходили ли к ним только относительно безобидные миссионеры или они уже сталкивались с торговцами землей, имевшими такие же гнусные намерения, как Оттфрид и Гибсон? Родственные связи с *нгати тоа* едва ли помогут Кэт. Каких-то пятнадцать лет назад Те Раупараха регулярно нападал на поселения *нгаи таху*. Кэт была вынуждена признаться себе, что не слишком хорошо продумала свой план.

— Что ты будешь делать тогда, Кэт? — не отставала Ида.

В глубине души она даже обрадовалась тому, что Оттфрид все узнал. Пока еще можно было хранить тайну, она не возражала, но теперь — как же ей хотелось, чтобы подруга осталась с ней!

— Тогда она отправится в ближайшее поселение белых и найдет там работу! — насмешливо заявил Оттфрид. — В тех чудесных заведениях, куда запросто возьмут бабу с ублюдком. Расспроси как-нибудь Люси, Кэт. У нее тоже есть озорник.

Ни Кэт, ни Ида не знали об этом, но, скорее всего, Люси отдала ребенка на попечение кому-то из знакомых. И эта мысль натолкнула Иду на спасительную идею.

— Имение в Пурау — насколько оно уединенное? — спросила она.

Оттфрид рассмеялся:

— Милая, в Пурау все уединенное. Поэтому безразлично, поедут со мной две, три или пять женщин. Об этом узнает разве что парочка китобоев, а они не станут болтать.

— Может быть, они даже восхищаются тобой будут, — злобно процедила Ида, но затем вернулась к своей идее: — Значит, может случиться так, что никто не узнает о беременности Кэт. Несколько месяцев она никому не будет показываться. А если даже и придется, то только в широком платье...

— Никто не увидит ее, если она не захочет, — заявил Оттфрид.

— Судя по всему, мой ребенок родится примерно в то же время, что и ребенок Кэт, — продолжала Ида. — Это могут быть двойняшки. — Она обернулась к подруге. — Ты понимаешь, Кэт? Обоих станут считать моими детьми, мы зарегистрируем их на Оттфрида. И твой ребенок не будет незаконнорожденным. А ты останешься с нами!

Кэт мысленно вернулась на китобойную станцию в заливе Пераки, к Сюзанне, Нони и Присцилле. Нет, ее ребенок ни в коем случае не должен расти так же, как она! Идея Иды оказалась не так уж плоха. Впрочем, Кэт не обязана соглашаться с ней сразу. Можно будет сначала осмотреться там, в Пурау, на равнинах. Прежде чем ее беременность станет заметна, она съездит с Оттфридом и Гибсоном к *нгаи таху* и прощупает почву, проверит, можно ли будет сбежать.

— Я поеду с вами, — неохотно согласилась она. — Не знаю, как все сложится, но... Хорошо, Ида. Я поеду с вами.

Оттфрид усмехнулся:

— Ну вот! Надо за это выпить. Двойняшки! Такое нужно отпраздновать.

Ида сняла передник. Она не собиралась возвращаться на кухню. Если кто-нибудь потребует еды, пусть Пэдди сам что-нибудь разогреет.

Кэт убрала нож. Ей по-прежнему было плохо и хотелось забраться обратно под одеяло. Может быть, она все же потеряет ребенка. Но на это Кэт всерьез не надеялась. Как ни крути, боги, похоже, на стороне Оттфрида.

— Он победил, — с горечью в голосе произнесла она.

Глава 3

После того как решение было принято, приготовления к отъезду в Пурау шли полным ходом. Джоуи Гибсон, невысокий сильный мужчина с суровым загорелым лицом, был китобоем и охотился на тюленей, когда потерял работу землемера. У него действительно водились какие-то деньги,

и он вложил их сразу в две крытые повозки, которые доверху загрузил в Нельсоне. Оттфрид хвастался, что Партриджи продали эти товары по очень низким ценам, но если они действительно сделали ему скидку, то только ради Иды.

— Наверняка будет лучше, если вы отправитесь на полуостров Бэнкс, нежели в Австралию, — сочувственно произнесла миссис Партридж, когда Ида зашла к ним проведать Элсбет. — Бедная Бетти уже все глаза выплакала, она не хочет в Австралию, и точка. И я могу понять ее, она кое-что рассказала мне о вашем поселке в долине Маутера. — Ида обратила внимание на то, что она не стала называть эту местность Шахтсталем. — Прямо волосы дыбом! Бедная девочка, она ведь не может одна вести все хозяйство! Да еще и растить брата. Лучше бы оба ребенка остались здесь.

Ида была с ней совершенно согласна, однако прекрасно понимала, что ее отец никогда не пойдет на это. Якоб Ланге тяжело воспринял уже то, что Оттфрид решил остаться в Новой Зеландии. Для Брандманнов это тоже стало ударом, они сделали Оттфриду строгий выговор, который Ида выслушала молча. Родители бранили только своего сына. Когда Ида со смирением произнесла, что последует за своим мужем, куда бы тот ни направился, ее слова встретили лишь одобрение. Однако и госпожа Брандманн, и господин Ланге упрекали сына и зятя в том, что тот лишает Иду веры. Кроме того, оставшись наедине, мужчины говорили и о Кэт. Роберт Буше, впрочем, приказал своей жене помалкивать. Как бы там ни было, слух о беременности Кэт еще не достиг ушей родителей Оттфрида. Буше заявили, что не будут сопровождать переселенцев в Австралию. К этому моменту прибыло еще одно судно с колонистами из Германии. Некий граф Рантцау-Брайтенбург оплатил их проезд и приобрел для них землю, а за это должен был получить долю выращиваемых ими продуктов. Переселенцы, которые тоже оказались старолютеранами, поселились в горах над долиной реки Маутер, и семейства Буше и Шиб решили присоединиться к ним.

— Почему бы вам не поехать хотя бы в Рантцау? — спрашивала сына опечаленная госпожа Брандманн. Новые переселенцы назвали деревню в честь своего покровителя.

— Почему вы сами не хотите поехать в Рантцау? — ответила вопросом на вопрос Ида.

Она считала, что это менее рискованное предприятие, нежели переезд в Австралию. Но мужчины только покачали головами. Затем они попытались объяснить свой выбор, однако их аргументы не показались Иде убедительными.

— Все дело в том, что им придется приспособливаться, — говорила она вечером, когда они с Кэт готовили ужин. — У жителей Рантцау есть свои старейшины, свои предстоятели, им не нужны ни отец, ни Брандманн. Не говоря уже об Оттфриде. Этот граф Рантцау все неплохо организовал, в деревне все наверняка говорят по-английски. Поэтому наши мужчины хотят пуститься в самостоятельное плавание, хотя это небезопасно.

В конце концов Ланге, Брандманны, Хаузеры и еще две семьи из Санкт-Паулидорфа приобрели билеты на судно, отправлявшееся в Аделаиду, что на юге Австралии, 15 января 1845 года. Этот город, насколько они знали, выгодно отличался от прочих австралийских поселений тем, что вырос не на месте колонии каторжников. Говорили, что там тоже есть старолютеране, которые бежали в Австралию еще во времена преследований со стороны короля Фридриха Вильгельма III. Может быть, они обрадуются братьям по вере.

Когда Ида прощалась со своей семьей, Франц горько плакал в объятиях сестры, но глаза Элсбет были сухими. Она смотрела прямо перед собой с безучастным лицом. Элсбет наверняка привлечет внимание сыновей переселенцев в Аделаиде, поскольку уже сейчас обещала стать писаной красавицей. Не такой мягкой и робкой, как Ида, скорее темпераментной и своенравной, с живой мимикой и резкими перепадами настроений.

— Такую красивую девушку, как Бетти, хорошо примут везде! — хотела подбодрить ее Кэт.

— Пожалуйста, Катарина, оставь свои грязные намеки! — сразу же осадил ее Якоб Ланге, когда Элсбет ответила Кэт робкой улыбкой. — Элсбет выйдет замуж за Фридриха Хаузера, как только подрастет. Все уже решено: он хороший, послушный мальчик, его вера и твердость выдержали все испытания Шахтстала.

— Да, потому что он слишком глуп и ленив, чтобы сделать правильные выводы! — прошипела Элсбет, правда, по-английски.

Ида вяло отругала сестру, за что отец одарил ее гневным взглядом, хотя не понял ни слова. Его взбесило уже то, что Элсбет столь бегло говорила по-английски.

— От этого ты тоже отвыкай! — строго сказал он. — Я не потерплю, чтобы вы вели беседы через мою голову. Ты ведь прекрасно знаешь, Элсбет, что я тебя не понимаю.

— Так выучи же наконец английский, отец! — крикнула ему в лицо Элсбет. — Итак, Ида, *good bye, farewell*[50]. Мне нужно собирать вещи. — С этими словами она отвернулась и стала подниматься по лестнице в

комнату, которую ей выделили Партриджи.

— Что ж, кажется, она смирилась, — вздохнула Ида, задумчиво поглаживая себя по животу.

Уже было видно, что она в положении, однако живот у нее был далеко не таким круглым, как обычно у женщин на пятом месяце. И у Кэт тоже. Если она надевала просторное платье — она специально выбрала его для себя из тех вещей, которые подарили беженцам жители Нельсона, — ее состояние нельзя было заметить. Девушка объясняла это лишениями, пережитыми в первые месяцы беременности, и трудным бегством из деревни, однако за ребенка не тревожилась. Ида страдала еще больше. У нее снова появилась одышка, когда она возвращалась вместе с Кэт в портовый квартал, чтобы открыть кухню паба. Они сделают это в последний раз. На следующее утро, когда судно, идущее в Австралию, снимется с якоря, молодое семейство Брандманн тоже собиралось отправиться в свой новый дом.

— Если получится, конечно, — произнесла Кэт.

Она надеялась, что Элбет не наделает глупостей. Жизнь в австралийском поселении, основанном по образу и подобию Санкт-Паулидорфа, вряд ли будет веселой, однако альтернативы у одинокой четырнадцатилетней девушки в Новой Зеландии не было.

Оттфрид и Джоуи Гибсон решили пробираться в Пурау по восточному побережью на юг. Это будет более долгий путь, чем напрямик через остров, но зато менее опасный. У воды они с большей вероятностью могли встретить поселение, чтобы отдохнуть в нем, да и дороги там были наверняка получше. Им предстояло преодолеть около двухсот миль, и путь обещал быть тяжелым, как для людей, так и для животных. Оттфрид и Гибсон купили для повозок сильных, выносливых, но довольно резвых лошадей. К вящей радости Кэт, они приобрели тех каурых кобылок, с которыми она делила хлев в Санкт-Паулидорфе, а две другие лошади были рыжей масти. И теперь каждой повозкой управлял мужчина, Кэт ехала вместе с Гибсоном, а Ида с Оттфридом. Довольный Охотник бежал следом, радуясь этой прогулке. В пабе Нельсона ему было ужасно скучно.

Когда они выехали из Нельсона на равнину Вайрау, Ида с грустью смотрела на эту прекрасную землю, которой они лишились из-за ссоры Уэйкфилда с маори. Равнина раскинулась возле бухты с красивыми пляжами, позади виднелись Альпы[51], и климат здесь был удивительно мягким, даже лучше, чем в Нельсоне. В этот день солнце сияло в безоблачном небе, воздух казался прозрачным, как стекло, а море — гладким, словно зеркало. Почти на всем протяжении равнину покрывал лес,

но кое-где росли только травы туссока — тут деревья когда-то вырубали маори. Те Ронга говорила Кэт, что в тех местах Южного острова, где лес выкорчевывали, деревья больше не росли, даже если маори ничего там не выращивали, бросив близлежащую деревню. Вместо этого в таких местах разрасталась жесткая трава.

— Эта трава должна понравиться овцам, — заметил Гибсон. — Редвуды, мои соседи в Пурау, уже привезли парочку с Северного острова. Но насколько это перспективное занятие?

Ида с удовольствием занялась бы овцеводством. В Рабен-Штейнфельде ее семья держала козу, которую она доила. Иногда из молока делали сыр. Ей нравилось этим заниматься, она прекрасно разбиралась в производстве сыра. Что касается Кэт, она никогда в жизни не видела ни овец, ни коз.

— Не важно, землю можно и перепахать, — с ухмылкой заявил Оттфрид. — Но с этим мы покончили! Мы будем не обрабатывать, а продавать! Пусть другие пропадают в поле, а мы будем собирать деньги.

Якоб Ланге строго спросил бы его, благословил ли это Господь, однако Ида промолчала. Молиться ей надоело еще в Санкт-Паулидорфе. И кто она такая, чтобы упрекать Оттфрида?

— Все сложилось бы совсем иначе, если бы мы поселились здесь, — с грустью сказала она Кэт.

Та пожала плечами. Она не стала рассказывать Иде, как близки они были к своей мечте. Те Раупараха согласился бы вести переговоры, если бы Уэйкфилд вел себя более дипломатично. Даже несмотря на его грубость, ситуацию еще можно было спасти, если бы Кэт и Фенрою позволили все решить между собой. И только проклятый выстрел, сделанный кем-то из белых, разрушил все. Не только мир Кэт: теперь девушка понимала, что и мир Иды тоже.

Наконец они оставили позади прелестный пейзаж с пальмами и пляжами и выехали на побережье. Они двигались на юг по дорогам, которые проложили китобои и миссионеры, но чаще по тропам маори, которые легко распознавала Кэт. К сожалению, они редко бывали достаточно широкими для того, чтобы по ним могли проехать крытые повозки, и приходилось расширять их или гнать повозку по корням и пенькам. Им стало полегче, когда они выбрались к самому морю, а затем, уже дальше к югу, их путь лежал вдоль крутых обрывов. Здесь за все злоключения их вознаграждал вид на море. Путешественники смотрели на обрамленные скалами бухты и пустынные пляжи, усыпанные галькой или песком, напоминавшие Иде Байю. Она еще отлично помнила, как шуршит

под ногами теплый песок, и всячески пыталась не думать о том, как сверкали глаза Карла... Карл полюбил Байю так же, как и она. Он приглашал ее остаться с ним в раю. Тогда она отнеслась к этому как к искушению, и следовало бы гордиться тем, что она устояла перед ним, но, даже если это был грех, она не могла забыть Байю, Карла и его поцелуй.

Вечерами они обычно отдыхали под сенью лесов. Оттфрид и Гибсон чувствовали себя там в относительной безопасности. Кэт только смеялась над ними. Если в окрестностях жили племена маори, они наверняка не спускали глаз с путешественников, а если они решат напасть, их атака застанет Оттфрида и Гибсона врасплох, как бы они ни клялись, что у них все под контролем. Мужчины с важным видом клали рядом свои мушкеты, когда садились к костру, который каждый вечер разводила Кэт и на котором готовила Ида. Ужинали они чаще всего молча, днем тоже почти не разговаривали.

Спутники решили, что лучше будет притвориться, будто они — две семейные пары, которые едут на юг в поисках подходящей земли. По крайней мере, именно это должна была сказать маори Кэт, если бы им встретилась деревня или патрули разведчиков. Если им повезет, коренные жители острова пропустят их, предполагая, что под брезентом лежит домашняя утварь и строительные материалы, а вовсе не ценные товары. Поэтому Кэт сидела весь день на козлах рядом с Гибсоном, который недоверчиво молчал и даже не пытался к ней притронуться. Судя по всему, Оттфрид рассказал ему, как ловко она умеет обращаться с ножом.

На второй крытой повозке в таком же молчании ехали Ида и Оттфрид. Атмосфера была напряженной, легче не становилось даже тогда, когда Ида, несмотря на весьма скудные запасы провианта, готовила поразительно вкусные блюда. Кэт и Гибсон добывали для них рыбу, ягоды и корнеплоды, а иногда в расставленные на ночь силки попадались даже птицы.

Гибсон был лучше подготовлен к жизни в глуши, нежели Оттфрид, и Кэт очень хотелось знать, где он всему этому научился, однако она решила ни о чем не спрашивать. Она пыталась как можно меньше общаться с мужчинами и всякий раз радовалась возможности забраться после ужина в палатку, которую они делили с Идой. Оттфрид и Гибсон ночевали в другой палатке. Если местные маори действительно наблюдали за ними, это могло показаться им странным, однако, судя по всему, ссориться с ними туземцы не хотели.

Чтобы не впасть в искушение, Оттфрид и Гибсон в дороге почти не прикасались к грузу. Товары были надежно спрятаны под брезентом, обе палатки и провиант они хранили под козлами повозок. И только через три

дня, когда прошел сильный дождь и женщинам срочно потребовалась сухая одежда, Кэт заглянула под брезент. Она испуганно отпрянула, увидев перед собой бледное лицо вместо дешевого тряпья, которое Гибсон собирался продавать маори. Элсбет Ланге щурилась от яркого дневного света.

— Бетти!

Кэт отбросила в сторону брезент и увидела второго пассажира — Эриха Брандманна.

— Пожалуйста, не ругайся! — прошептала Элсбет. — Лучше всего... просто не выдавай нас.

Но, разумеется, было уже поздно. Удивленный возглас Кэт услышал Гибсон, и, когда он, смеясь, полез под брезент, Оттфрид и Ида догадались, что происходит нечто незапланированное.

— Ох, ну ничего себе! Ромео и Джульетта! — Гибсон галантно подал руку Элсбет, чтобы помочь ей выбраться из повозки.

— Нет, Эрик и Бетти, сэр! — поправил его Эрих и удивился, когда тот развеселился еще больше.

— Эрих! — Потрясенный Оттфрид узнал своего брата. — Что ты здесь делаешь? Ты ведь должен быть с семьей на судне, а не здесь, с этой девушкой. Как тебе не стыдно — бесчестить свояченицу собственного брата!

Гибсон снова расхохотался:

— Да брось ты, Оттфрид, если он ее и обесчестил, то это было самое беззвучное лишение девственности в истории человечества. Они ведь сидели тихо, как мышки. Кстати, чем вы там занимались две ночи подряд?

Днем звуки мог заглушать стук колес, цокот копыт и фырканье лошадей, но ночью тишину нарушали разве что резкие голоса ночных птиц.

Элсбет тут же покраснела.

— Мы ничего не делали, — прошептала она. — Мы просто хотели...

— Вы просто хотели не слушать родителей и подчиняться лишь собственным прихотям! — бушевал Оттфрид. — Нужно отправить вас обратно!

— Мы не хотим ехать в Аделаиду, — пояснил Эрих.

— Ты собираешься возвращаться? — Голос Кэт прозвучал резко. — Прodelать весь путь обратно? По таким дорогам? Да ты спятил, Оттфрид!

— На мне лежит серьезная ответственность за моего брата и всю семью!

Гибсон возвел глаза к небу. Он вряд ли много понимал в разговоре, который велся на немецком языке, но его тональность позволяла

предположить, о чем идет речь.

— Хватит строить из себя святошу, — осадил он Оттфрида. — Только не ты, бабник ты эдакий.

— Кто эдакий? — спросил у Элсбет Эрих.

Кэт оставалось лишь надеяться, что девушка не поняла этого слова. К счастью, та в недоумении пожала плечами.

— Мы ни в коем случае не станем возвращать Ромео и Джульетту обратно. Кроме того, кому возвращать? Судно уже давно отплыло в Аделаиду. Или ты думаешь, что старый Ланге отправил своих поселенцев в Австралию, а сам остался искать пропавшую дочь? И я понятия не имею, когда будет следующий парусник. Собираешься ли ты до тех пор держать ее взаперти, Отти, да еще и рот ей заткнуть? А потом силой тащить ее на судно?

Ида покачала головой. Пока что она молча наблюдала за происходящим, но теперь сочла нужным вмешаться.

— Мой отец не примет Элсбет обратно, — спокойно сказала она. — Он едва не... Он меня... Я хочу сказать, что однажды он ужасно разозлился, когда увидел, что я разговариваю с чужаком. А моя сестра провела столько времени наедине с Эрихом...

— Но ведь мы ничего не делали! — повторила Элсбет.

— Это правда, — добавил Эрих, который покраснел так же густо, как и его подруга.

— А куда вы вообще направлялись? — поинтересовалась Кэт. — Должна же у вас быть какая-то цель.

Сама она прекрасно понимала обоих, и побег Бетти и Эрика до боли напомнил ей собственное бегство восемь лет назад. Тогда у нее не было никакого плана.

— В Веллингтон, — сразу же ответила Элсбет. — Ну, для начала с вами в Пурау. Но мы слышали, что это недалеко от Порт-Виктории, а оттуда отплывают суда.

— И мы вам не помешаем, сэр! — обратился к Гибсону Эрих, рассчитывая скорее на его поддержку, нежели на поддержку женщин. — Мы сядем на первый же корабль.

— Вообще-то Нельсон ближе к Веллингтону, чем Порт-Виктория, — заметила Кэт.

Эрих кивнул:

— Да. Но судна в тот момент не было. Его ждали только на следующей неделе, как нам сказали в порту. Мы не смогли бы так долго прятаться в Нельсоне. В Порт-Виктории это будет проще, там нас никто не знает.

— Я думал, у вас много английских друзей, — усмехнулся Оттфрид.
— Вас никто не захотел приютить?

— Не глупи, Оттфрид, — снова вмешалась Ида. — И Партриджи, и Макдаффы, и миссис Робинс — порядочные люди. Они не станут прятать детей от родителей. Миссис Партридж с удовольствием приняла бы Элсбет на работу, она мне говорила об этом. Но только с разрешения отца.

— И что вы собираетесь делать в Веллингтоне? — продолжала расспрашивать Кэт.

— Искать работу! — заявил Эрих. — Мистер Макдафф говорит, что это уже самый настоящий город. Думаю, кому-нибудь понадобится посыльный.

— Или служанка, — добавила Элсбет. — Мы бы прибавили себе пару лет.

— Значит, ты даже не собираешься жениться на ней? — вновь набросился на брата Оттфрид.

Эрих потупился и произнес, глядя сквозь опущенные ресницы:

— Мне ведь всего четырнадцать. И Бетти тоже. Может быть, позже...

Элсбет снова покраснела и украдкой покосилась на друга. Значит, прежде на эту тему они не говорили.

— Ладно, лично я за то, чтобы ехать дальше, — произнес Гибсон. — Иначе мы сегодня так и не тронемся с места. Потом решим, что делать с Ромео и Джульеттой. Но сейчас вы поедете с нами на козлах, детки, и будете помогать! Я прекрасно понимаю, что тебе не хочется в Австралию, мистер Монтекки. Но за то, что я тащил тебя три дня по подлеску, ты заплатишься!

— Почему вы называете его мистером Монтекки, сэр? — поинтересовалась Элсбет, когда они с Эрихом, повинаясь его приказу, сели на козлы повозки, которую он вел. Судя по всему, общество старших брата и сестры нравилось им меньше. — И Ро... Ромео? Его фамилия Брандманн. Эрик Брандманн. А я — Бетти, а никакая не Джульетта.

Гибсон рассмеялся:

— Это просто намек, малышка. На одну историю, которую знают все в Англии. Ромео и Джульетта — весьма знаменитая парочка. И они были такими же юными, как вы.

— И все закончилось хорошо? — спросила Бетти. — Ну, я имею в виду их историю.

Гибсон покачал головой:

— Нет. Закончилась она плохо. Но во времена мистера Шекспира Веллингтон еще не существовал.

Бетти и Эрик помогли скоротать время Кэт и Гибсону, в красках описывая свое бегство.

— Ночью мы забрались в повозки, еще до того, как вы выехали. А потом выбирались, когда вы останавливались. Нужно было ведь иногда... — Бетти покраснела, намекая на физические потребности.

— Хотя мы почти ничего не пили! — уточнил Эрик.

— Вы далеко отходили от повозок, когда вечерами усаживались у костра, никто не смотрел в ту сторону. Тогда мы вылезали наружу.

Ели эти двое тоже очень мало. Провиант, который они прихватили с собой, закончился еще на второй день, и теперь они жадно поглощали хлеб, сыр и сушеное мясо из запасов Кэт, время от времени восторгаясь восхитительными пейзажами, открывавшимися перед ними.

— Какой красивый пляж! Как в Байе.

— Но там было теплее.

— И музыка была хорошая. Ты еще вспоминаешь ту музыку?

— Конечно!

Эрик принялся выстукивать довольно четкий ритм, напевая себе под нос. Бетти тут же присоединилась к нему. Кэт, обернувшись, чтобы посмотреть, как там Ида, увидела, как на лице ее промелькнула тоска...

Вечером, когда путешественники собрались у костра, их случайные попутчики тоже разрядили атмосферу. Бетти и Эрик так же жадно хлебали уху, как и взрослые: последний отрезок проделанного в тот день пути оказался достаточно тяжелым, и оба безропотно выполнили свою часть работы, волоча повозку по топкой дороге. Однако они вовсе не собирались молча лежать и смотреть на звездное небо, а затем отправиться спать. Вместо этого они оживленно болтали, пока повисшее в воздухе напряжение не заставило их умолкнуть. Бетти переводила удивленный взгляд с одного взрослого на другого.

— А почему... почему бы вам не рассказать нам какую-нибудь историю? — робко попросила она Гибсона, решившись растопить лед молчания. — Ну, ту, о которой вы тогда говорили. Которую знают все в Англии.

Гибсон отмахнулся:

— Я не умею рассказывать истории.

— Ах, не может быть! — мило улыбнулась ему Бетти. — Наверняка умеете. Просто попробуйте!

Ида решила переступить через свою гордость. Будет лучше, если дети не заметят, как обстоят дела между нею, Кэт и Оттфридом. Они могут что-то заподозрить, если она сейчас уйдет в палатку вместе с Кэт, а не с мужем.

Кроме того, возможно, действительно пора уже растопить лед.

— Вы нас заинтриговали, мистер Гибсон, — произнесла она хрипловатым голосом и устало улыбнулась компаньону мужа. — Так что, пожалуйста, расскажите нам эту историю!

Гибсон откашлялся.

— Ну ладно, — начал он. — Жили-были две семьи...

Вскоре Бетти, Эрик, Ида и Кэт, как зачарованные, слушали его рассказ. Первые фразы получились не слишком удачными, но Джоуи быстро вошел во вкус, и в конце, когда он весьма трогательно описал, как Джульетта последовала за Ромео даже в смерти, Ида и ее сестра расплакались.

— Как красиво! — всхлипывала Бетти. — А других историй вы не знаете?

Джоуи рассмеялся:

— Нет. По крайней мере таких, которые мне хотелось бы рассказать сегодня вечером. Сейчас мне нужно выпить, чтобы промочить горло. Пусть теперь рассказывает кто-нибудь другой...

Он поднялся, принес из своей повозки бутылку виски и, сделав большой глоток, протянул ее Кэт, сидевшей ближе всех к нему. Та с удивлением приняла бутылку, отхлебнула из нее, а затем передала ее Эрику. Мальчик с гордостью взял бутылку, но пил очень осторожно. Было ясно, что он не впервые пробует алкогольный напиток, несмотря на всю строгость старого Брандманна.

— Ну, так что насчет еще одной истории? — спросила Бетти, которая тоже храбро отхлебнула из горлышка, кое-как совладав потом с приступом кашля.

— На сегодня хватит, — сказала ей Кэт. — Нам всем нужно поспать. Но завтра... завтра я тоже что-нибудь расскажу. Историю о том, как была открыта Аотеароа.

— География? — Эрику тут же стало скучно.

Пастор Рименшнайдер регулярно занимался с детьми поселенцев, но вдохновить их своими рассказами не сумел.

Кэт рассмеялась:

— Нет. Это история любви. С убийством и предательством, похищением женщин... У маори тоже есть свои Ромео и Джульетта. Хотя здесь их называют Папа и Ранги... Но, как я уже говорила, это будет завтра. Теперь же мы все идем спать. Бетти устроится с нами в палатке, а Эрик — под повозкой.

Ида и Оттфрид никогда прежде не слышали никаких историй, кроме библейских, за исключением тех немногих рассказов, которые Ида помнила

еще со школы. Однако жившая среди маори Кэт знала множество сказок, поэтому на следующий вечер уже она развлекала своих спутников легендой о Купе, похитившем Куру-маро-тини. Он бежал вместе с ней и обнаружил закрытый пеленой тумана остров, который Куру сначала приняла за облако.

— Они назвали его Аотеароа, землей большого белого облака, и он стал их новой родиной. Позднее Купе вернулся на Гавайки и привез других поселенцев. И это не выдуманная история! Все маори до сих пор помнят, как назывался каноэ, на котором прибыли в Аотеароа их предки.

Кэт рассказывала о приключениях полубога Мауи, который однажды отправился ловить рыбу, и его лодка перевернулась. Его каноэ стало Южным островом Новой Зеландии, а пойманная рыба — Северным. А поскольку этот хитрый парень всем понравился, Кэт поведала и о других его приключениях: о ловушке, которую он как-то поставил для солнца, о том, как он принес людям огонь.

Иде вспомнились греческие сказания в изложении учителя Бракеля, и, после нескольких глотков виски, она медленно, но на очень правильном английском языке начала рассказывать легенду о Прометее.

Эти вечерние посиделки быстро вошли в привычку, путешественники предвкушали их целый день. Так здорово было отвлечься от трудностей пути! Гибсон в ярких красках излагал английские драмы и приключения рыцарей. Кэт время от времени вспоминала какой-нибудь ориентир, например гору, огромное дерево *каури* или озеро, о которых рассказывала ей Те Ронга. Маори верили, что вся природа живая, что у каждой горы и у каждого дерева есть божество или дух, который может радоваться или грустить, влюбляться, испытывать ревность, зависть или злость, а зачастую даже беспощадно мстить своим врагам.

В рассказах Кэт Новая Зеландия словно бы оживала, в первую очередь для детей. Вскоре Бетти и Эрик принялись давать имена встречавшимся по пути деревьям и придумывать истории о том, что могло заставить их духов поселиться именно здесь. Кэт и Гибсон веселились от души, в то время как Иду это все еще смущало. Их отец отругал бы Кэт за такие рассказы, а Элсбет строго наказал бы за языческие фантазии. Господь, с которым он вырос, не обладал чувством юмора.

Глава 4

Последний отрезок пути до Пурау проходил через довольно ровную местность. Здесь, по словам Гибсона, начинались равнины Кентербери, которые предполагалось в дальнейшем осваивать для поселенцев. Бесконечные пространства туссока, заросшие травой, казалось, только и ждали, когда их распашут и начнут возделывать усердные колонисты. С

помощью живших в устье Ваймакарири рыбаков путешественники пересекли реку и повернули вглубь острова.

— Если вы собираетесь в Порт-Викторию, то здесь вам налево, — сказал Гибсон Бетти и Эрику, которые после этих слов нерешительно переглянулись.

Вообще-то им хотелось остаться со взрослыми — по крайней мере, Бетти чувствовала бы себя увереннее рядом с сестрой, нежели без нее в Веллингтоне. А если в Пурау Иду и Оттфрида действительно ждет уже построенная ферма... Может быть, они с Эриком тоже смогут принести какую-то пользу, пока не подрастут и не научатся бегло говорить по-английски?

— Мы сначала посмотрим, куда вы направляетесь! — решительно заявила Бетти. — Или оттуда слишком далеко до Порт-Виктории?

Гибсон покачал головой.

— Миль пятнадцать-двадцать, на лодке вообще рукой подать, — ответил он.

Бетти с Эриком перевели дух.

— Тогда мы пока что поедем с вами, — сказал брат Оттфрида.

И действительно, путешественники вскоре достигли полуострова Бэнкс — это была холмистая и поросшая лесом местность. Кэт знала, что поселения маори существуют здесь уже с давних времен.

— Считается, что Мауи, полубог, создал этот полуостров, — рассказывала она замершим в ожидании детям. — Однажды он остановился здесь в своем каноэ, и вдруг из моря вышел великан и пожелал сразиться с ним. Мауи бросил в него парочку скал, — она махнула рукой, указывая на холмы, между которыми вел повозку Гибсон, — а когда великан исчез под ними, Мауи решил, что победил его. Но позже он все же зашевелился, расколов камень, и только после этого Мауи сумел окончательно расправиться с ним. В итоге возникли две бухты, где отлично ловится рыба. В них стали жить люди, которые называли одно из поселений Пурау.

— Но теперь там нет дикарей, — заявил Гибсон, что, судя по всему, должно было успокоить остальных. Однако Кэт поглядела на него с укоризной.

Заметив взгляд девушки, тот возвел глаза к небу.

— Да не смотри ты так! — накинулся он на нее. — Я их не прогонял. Они сами друг другу в волосы вцепились. В общем, ушли они. Это не имеет никакого отношения к белым в Порт-Виктории.

— Некоторое все же имеет, — возразила Кэт. — Те Ронга говорила, что

многие умерли от болезней еще до того, как Те Раупараха напал на них. Болезни принесли *пакеха*.

Гибсон пожал плечами.

— Я их оспой не заражал, — заявил он. — Однако же и скучать по ним не буду. Без этих ребят все гораздо проще.

На это Кэт отвечать не стала. Перед ними возникла бухта Пурау, и девушка с увлечением рассматривала окружающий пейзаж. И правда, казалось, что кто-то разрубил здесь холмы топором. Море было лазурно-голубым. Казалось, оно отражало все оттенки зелени холмов. Иногда растительность обрывалась только у самой воды, во многих местах встречались белые песчаные пляжи. По обочинам торной дороги росли цветущие кусты гибискуса. Были здесь и южные буки, но встречались и пальмы, *рата* и папоротники. Бесчисленные цветы и листья, иголки и ветки сверкали всеми оттенками зеленого, золотого, красного и фиолетового.

— Как красиво! — мечтательно вздохнула Ида.

Молодая женщина обрадовалась еще больше, увидев на одном из холмов ферму. Постройка была деревянной, но не такой крепкой на вид, как дома в Санкт-Паулидорфе, зато двухэтажной, с верандой, — подобные здания Ида часто видела в Нельсоне. К дому примыкали конюшни и огороженные выгоны для домашнего скота. Имение выглядело ухоженным и приветливым, от него открывался восхитительный вид на узкий пляж и море. У причала покачивалась на волнах лодка.

— Это она? — с восхищением воскликнула Ида, достаточно громко, чтобы сидевший на другой повозке Джоуи услышал ее. — Мы будем жить здесь? О, мистер Гибсон, я никогда не думала, что здесь так красиво!

Джоуи Гибсон подъехал к ней поближе.

— Джоуи. Ида, называй меня Джоуи. Сколько раз повторять тебе, мы ведь не на балу! И нет, ты будешь жить не здесь, впрочем, совсем неподалеку. Это ферма Редвудов. Разве вы не видите овец? Они возлагают на этих животных большие надежды, привезли несколько голов с Северного острова. Конечно, это гораздо проще, чем распахать землю.

Ида могла бы сказать ему, что уход за овцами и их разведение — это тяжелый труд, кроме того, овец нужно доить и затем делать сыр из молока, их также нужно стричь, а потом перерабатывать шерсть, но она решила промолчать. Ида уже знала, что Гибсон на ферме никогда не работал. Он вырос в Лондоне, в семье купца, не богатого, но и не нуждающегося. Отцу хватило средств, чтобы отправить сына в хорошую школу, а затем и в университет. Однако Джоуи не захотел заниматься геологией

исключительно в теории, его манили приключения. Поэтому он выучил ровно столько, чтобы суметь обратить свои знания в деньги, и отправился за море. Новая Зеландия подвернулась ему скорее случайно, но, поскольку здесь он сразу же мог начать работать землемером, молодой человек решил остаться. Вместе с Таккеттом он объездил весь Северный остров, а когда сотрудничество не сложилось, он решил попытать счастья как китобой и охотник на тюленей — обычное занятие для искателей приключений в этой стране.

Это ремесло ему не понравилось, поскольку, по мнению Кэт, было чересчур кровавым и грязным для образованного человека. Ида же считала, что эта работа показалась ему слишком тяжелой. Уже через несколько дней совместного путешествия она поняла, что Гибсон работать не любит. Особенно это стало заметно после того, как к ним присоединились Бетти и Эрик: он все придумывал какие-то отговорки, чтобы заставить Эрика разводить костер, ловить рыбу и устанавливать палатки вместо него. Ему больше нравилось пить и разговаривать — возможно, это и стало причиной его разрыва с Таккеттом.

Тут Бетти наконец заметила овец, которые паслись в загоне рядом с домом, — и так разволновалась, словно никогда прежде не видела этих животных. Кэт, которая действительно видела овец впервые, с интересом разглядывала их короткую шерсть.

— А я думала, они пушистые! — крикнула она, обращаясь к сидевшей на другой повозке Иде. — Вроде Охотника. — Встревожившись, она свистнула собаке, которая, учуяв овец, помчалась к стаду. — Эти кажутся какими-то общипанными.

— Их постригли! — захихикала Бетти. — Шерсть можно прясть.

Джоуи направил повозку к дому, и Кэт увидела довольно молодого мужчину, рубившего дрова рядом с загонем для овец. Рядом с ним лежала черно-белая собака смешанной породы, которая громко залаяла при их приближении. Охотник забыл про овец и, радостно виляя хвостом, бросился к ней. Мужчина поднял голову.

— Здорово, Эдвард! — с улыбкой сказал Джоуи.

Судя по выражению его лица, мужчина не слишком обрадовался этой встрече.

— Здорово, Гибсон, — отозвался он. — Опять в наших краях? — Тут он увидел сидевшую в повозке Кэт и заставил себя улыбнуться. — И, как я вижу, не один. Неужели передо мной миссис Гибсон? И ты хочешь еще раз попытаться устроиться на ферме, Джоуи? Поработать честно? Что ж, некоторым требуется для этого настоящая женщина! Прошу прощения... —

Он обернулся к Кэт, вытер руки о штаны, снял шляпу и церемонно поклонился. — Меня зовут Эдвард Редвуд. — И он протянул Кэт руку.

— Нет, это не моя жена, — перебил его Гибсон. — Ты же меня знаешь, одной женщины мне не хватит.

Лицо Редвуда помрачнело.

— Да уж, вижу, — буркнул он, заметив наконец и Бетти. — Но...

— Это все Отти, — заявил Гибсон и вместо объяснений махнул рукой в сторону повозки Оттфрида, которая как раз остановилась рядом. — Отти Брандмэн, — представил он его. — Мой компаньон. И с ним его жена Ида.

Редвуд окинул вновь прибывших строгим взглядом, заставив себя вежливо произнести:

— Мистер Брандмэн... Миссис Брандмэн...

Он смог натянуто улыбнуться Иде, но то, что Оттфрида назвали компаньоном Гибсона, ему совсем не понравилось. Однако он относился к своему соседу Гибсону скорее не враждебно, а сдержанно.

— Что же вы сидите, спускайтесь, — наконец произнес он, решив все же проявить гостеприимство. — Джеймс и Джозеф уехали по делам, а Лора дома. Она с удовольствием угостит вас чем-нибудь освежающим.

Пока Кэт раздумывала, насколько искренним является это приглашение, Ида уже соскочила с козел: ей не терпелось познакомиться с соседкой. Вскоре открылась дверь и во двор вышла хрупкая женщина с каштановыми волосами, которая пришла в полный восторг от гостей.

— Привет, какой сюрприз! Господи, вы первые женщины, которых я видела за... боже мой, кажется, за целый год! Уже начала чувствовать себя, как Ева в раю: красивый пейзаж, но не с кем обменяться рецептами! — Она рассмеялась.

Кэт и Бетти ответили на ее улыбку, однако Иду ее слова в некоторой степени шокировали. Неужели она сравнивает себя с Евой из Эдемского сада? Разве можно так запросто шутить на библейские темы?

— Зато у тебя трое мужчин, а у Евы был всего один! — усмехнулся Эдвард Редвуд и представил гостям молодую женщину: — Это Лора, жена моего брата Джозефа. Она ведет все хозяйство и отлично держит нас в руках!

— Значит, вот кем ты меня считаешь — укротительницей? — пошутила Лора. — Я твои слова запомню, Эд! Теперь завтрак я буду подавать только после того, как каждый из вас прыгнет через обруч. Но спускайтесь же наконец! — позвала она Кэт, Джоуи и детей.

Оттфрид спрыгнул с повозки следом за Идой и привязал лошадей к ограде загона. В этот момент он как раз обменивался рукопожатием с

Эдвардом Редвудом.

— За доброе соседство! — произнес он по-немецки.

Непонимающий взгляд Редвуда его не смутил. Ида пробормотала: «*Nice to meet you*», словно не желая показывать, что знает английский язык лучше мужа.

Джоуи Гибсон тоже привязал своих лошадей. Кэт и Ида подошли к Лоре.

— Очень рада познакомиться с вами! — произнесла Ида, медленно, но совершенно верно употребляя английские слова. — Меня зовут Ида Брандманн. А это Кэт.

Лора Редвуд протянула руку обеим.

— Кэт как Кэтрин? — спросила она.

Кэт улыбнулась:

— Нет, Кэт — как кошка, миссис Редвуд. Просто Кэт, прошу вас. Или... или Потти...

Она и сама не знала, почему назвалась маорийским именем. Впрочем, все равно ведь придется рассказывать свою историю, если Оттфрид и Джоуи представят ее как переводчика. А это был только вопрос времени. Джоуи как раз излагал Эду свою новую коммерческую идею.

Лора кивнула.

— А меня, пожалуйста, называйте просто Лора! — попросила она. — Не будем тратить время на этикет. Но вы ведь мисс, верно? Если я правильно поняла, то вы — не миссис Гибсон?

Кэт отмахнулась:

— Нет, я была служанкой Брандманнов. Работала у них в хозяйстве. Но это долгая история.

Лора жестом пригласила всех в дом:

— Расскажите за чаем. Или лучше сварить кофе? Мы же из Йоркшира, больше любим чай. Вы ведь не англичанка, Ида?

Ида покачала головой и представила Бетти и Эрика, которые робко приблизились к беседующим женщинам. Гибсон все еще разговаривал с Редвудом, Оттфрид стоял рядом с ними. Он пытался делать вид, что понимает их, хотя все вокруг говорили по-английски очень быстро и многое наверняка оставалось для него неясным. Дети почувствовали себя лишними.

— Моя сестра Элс... Бетти! И мой юный деверь Эрик.

Лора радостно захлопала в ладоши:

— Как мило, целая семья! Места там, наверху, в форте, предостаточно. Если, конечно, вы не побоитесь жить в нем. Лично мне там немного не по

себе. Но вы, разумеется, будете решать сами!

И она повела женщин и Эрика в дом, типичную фермерскую постройку, в центре которой находилась кухня — царство Лоры. Здесь же стоял большой обеденный стол. Судя по всему, Редвуды жили очень просто. Лора поставила перед гостями толстые глиняные кружки для чая и несколько стаканов.

— Это если кому-то захочется лимонаду. Лимонов у нас, конечно, нет, только яблоня, я ее хожу и лелею, а осенью варю яблочный сок и разбавляю его водой. Говорю же, здесь как в раю! — Женщина захихикала, и ее испещренное морщинками загорелое лицо стало лукавым, как у сказочного коболяда.

Бетти и Эрик тем временем принялись, поглядывая на огромную железную плиту, источавшую чудесный аромат. Свежая выпечка... Ида невольно вспомнила, как они встречали Рождество в Рабен-Штейнфельде, но Лора достала из печи не ванильные рогалики и не пирожные с корицей в форме звездочек, а продолговатые светлые пирожки.

— Сконы, — объявила она, когда Бетти в недоумении посмотрела на выпечку. — И можете спокойно таскать их из-под носа у моих мужчин!

Она поставила на стол тарелки, масло, варенье и показала гостям, как едят традиционную английскую выпечку.

— Значит, вы немцы? — спросила она. — Или голландцы? Немцы у нас в округе уже бывали. Хемпельманны жили на другой стороне полуострова, в заливе Пераки. Я там, правда, еще никогда не была, не самый ближний свет.

Ида покосилась на Кэт и, поскольку та промолчала, произнесла:

— Мы жили в Нельсоне, в Санкт-Паулидорфе.

Об этом поселении Лора ничего не знала, но с интересом выслушала историю их неудачного старта.

— Здесь вам с землей повезло гораздо больше, — закончила Ида, глядя в окно кухни, в котором виднелось море. — У вас такой прекрасный участок! Кто вам его продал? Тоже Новозеландская компания?

Лора покачала головой, и из ее не слишком аккуратной прически выпало несколько кудрявых прядей. Чепец она не носила.

— Нет, мужчины все уладили сами. Мы переезжали несколько раз с места на место, пока не нашли землю здесь. Сначала пытались поселиться на Северном острове, и мне там очень нравилось. Но мужчины непостоянны. Каждые несколько лет они находят что-нибудь новое. Посмотрим, сколько мы продержимся здесь.

— Чудесная земля! — удивилась Ида. — Ваша земля! Разве вы

сможете бросить ее и поселиться в другом месте?

Лора пожала плечами:

— Овец мы возьмем с собой. А землю мы все равно только арендуем. Мы бы купили ее, но это не так-то просто. Местные маори...

— Вы взяли ее в аренду у маори? — перебила хозяйку дома удивленная Кэт. О таком она раньше никогда не слышала, обычно племена подобными вещами не интересовались.

— За сколько? — вырвалось у Иды, и она тут же закрыла рот ладонью. Как это невежливо — задавать вопросы о деньгах совершенно незнакомым людям!

Однако Лору, судя по всему, это не смутило.

— Да, — ответила она сначала на вопрос Кэт. — Были некоторые трудности, но мужчины знают несколько слов на маори, а здешние туземцы немного понимают по-английски. В Порт-Виктории давно уже сидят китобои, и они всегда вели торговлю с дикарями. Мы договорились отдавать за этот участок — примерно сотню гектаров земли — три одеяла и несколько локтей ситца в год. Это очень дешево. Но если все довольны... — Она пожала плечами.

— Это действительно дешево...

Ида смотрела на хозяйку дома широко раскрытыми глазами, а Кэт буквально читала ее мысли. Ида впервые поверила в планы Оттфрида и Гибсона. Судя по всему, прежде она считала обоих безумцами — кому могло прийти в голову продавать землю за одеяла и кастрюли? Но если это действительно так просто...

— Мой муж и мистер Гибсон собираются выменивать землю у местного населения и продавать ее переселенцам из Германии или Англии, — рассказала Ида. — Как думаете, это перспективно?

Лора пожала плечами:

— Если договориться с маори... Самая большая проблема — это взаимопонимание, и не только на словах. Они даже мыслят как-то иначе. По крайней мере, так считает Джозеф, мой муж. А потом еще нужно найти поселенцев. Сюда пока что забредали немногие. — В голосе Лоры звучало некоторое сомнение. — Но в любом случае я буду только рада, если здесь появятся колонисты. И я с удовольствием осталась бы тут надолго. Мне хотелось бы иметь каменный дом. — Женщина мечтательно улыбнулась.

Кэт бросила взгляд в окно. Оттфрид и Гибсон все еще разговаривали с Редвудами: к этому моменту к дому уже вернулись братья Эдварда. Они были такими же высокими и худощавыми, как их брат, с такими же вытянутыми угловатыми лицами, однако самый младший выделялся более

светлыми волосами. Оба держали коней в поводу, еще не расседлав их, на их лицах читалось нетерпение, так же как и у Эдварда. Наверное, они предпочли бы заняться своей работой или попить чаю со свежими сконами, чем разговаривать с Гибсоном. Кэт решила, что пора спасать от него братьев.

— Кажется, нам пора прощаться, — сказала она, обращаясь к Иде и Лоре одновременно. — У вас тут очень мило, Лора, кроме того, я в жизни не ела ничего вкуснее, чем ваши сконы. Но мы все же хотели бы добраться до места засветло.

К удивлению Кэт, Лора горячо поддержала ее:

— О да, да, конечно! После наступления темноты мне бы тоже не захотелось туда ехать! — воскликнула она и тут же попыталась сгладить собственные слова: — Я хотела сказать, что путешествовать в сумерках всегда очень тяжело. Но теперь мы сможем чаще встречаться и вместе пить чай. До форта отсюда рукой подать, каких-то миль десять.

— Десять миль? — испуганно переспросила Ида. Ей казалось, что соседи должны жить поближе.

Лора обняла молодую женщину за плечи, пытаясь ее ободрить:

— Не пугайтесь вы так! Десять миль — это ничто, на Северном острове от нас до ближайшего имения было миль тридцать. Это большая страна, а колонистов пока еще мало. Будем надеяться, что вашим мужчинам удастся изменить ситуацию!

И она проводила гостей на улицу, не преминув дать им с собой в дорогу бутылку яблочного сока, немного хлеба и сыра. Редвуды не сеяли много зерновых, но кроме овец держали еще быка и четырех молочных коров.

Когда Лора сердечно попрощалась с ними, Кэт принялась торопить мужчин. Им предстояло преодолеть еще целых десять миль, а времени до темноты оставалось мало. Она задавалась вопросом, как Гибсон и Оттфрид могли забыть об этом, но мужчины, судя по всему, наслаждались общением. Гибсон расписывал Редвудам поселения, которые он планировал основать. Однако на лицах хозяев читалось сомнение.

— Делай что хочешь, Гибсон, — наконец произнес Джозеф, старший из братьев. — Только не наживай себе врагов! Мы не хотим, чтобы однажды сюда явилась татуированная орда с копьями наизготовку, недовольная тем, что ты их одурачил. Ты же знаешь, для них все *пакеха* на одно лицо.

Гибсон и Оттфрид посмеялись над его словами как над хорошей шуткой, но Кэт встревожилась. Редвуды Гибсону не доверяли. А они знали

его намного лучше, чем Оттфрид...

Путь к обители Гибсона действительно затянулся, поскольку дороги здесь были довольно узкими, проложенными скорее для пешеходов, в крайнем случае для всадников, но не для повозок. По дороге Кэт думала о том, почему Лора назвала хозяйство Гибсона «фортом». Этого слова она никогда прежде не слышала, но не хотела спрашивать Джоуи, особенно после того, как на ее первый робкий вопрос он с раздражением ответил, что это просто старый форт.

— Форт кавалерии? — удивленно поинтересовался Эрик. Судя по всему, ему это слово было знакомо. — Американской армии?

— Чушь какая, тут такого не бывает! — захихикала Бетти. — Еще бы про индейцев спросил! Ты просто начитался дешевых книжек!

Кэт пыталась хоть что-то понять из этого разговора, но пришла к выводу, что это слово придумали авторы дешевых романов, вроде тех, которые залпом поглощала Мэри, служанка, работавшая у Бейтов. Мэри предпочитала слащавые любовные истории. Наверное, мальчикам нравится читать книжки, в которых рассказывается о приключениях пионеров на западе Америки.

Бетти и Эрик продолжали рассуждать о том, не англичане ли построили форт, но Гибсон не обращал внимания на их болтовню. Он пребывал в довольно скверном настроении: его отношения с Редвудами оставляли желать лучшего.

Тем временем повозка продвигалась между поросшими лесом холмами, вдалеке виднелась гора. Затем лес сменился лугами — значит, когда-то это место было обитаемым. В конце концов Гибсон направил своих лошадей вверх по плоскому холму, Оттфрид последовал за ним. В уходящем свете дня они миновали частично обрушившийся деревянный палисад, укрепленный колючими кустами. Резные ворота завалились от ветра. Здесь дорога стала шире, наверняка за ней когда-то ухаживали. Она привела путешественников к полуразрушенным длинным домам, украшенным резьбой, которые, судя по всему, когда-то были покрыты краской. Но та давно выцвела, фронтоны обвалились, а статуи божеств, охранявших входы, кто-то убрал.

— Ну вот мы и на месте! Добро пожаловать на мою ферму! — воскликнул Гибсон, тем самым подтверждая худшие опасения Кэт. — Я знаю, все здесь кажется несколько запущенным, но мы легко это исправим.

— Но это ведь *на!* — вырвалось у Кэт. — Здесь когда-то было *мараэ!*

Гибсон кивнул, а Оттфрид тем временем тоже остановил свою повозку. Ида с удивлением смотрела на царившее вокруг запустение, окрашенное

голубоватым сумеречным светом.

— Я же говорил: форт, крепость, — пожал плечами Гибсон. — Все правильно, маори называют это *па*.

С недавних пор он больше не называл маори дикарями. Кэт недвусмысленно дала ему понять, что это может отрицательно сказаться на сделках с местными племенами: кто-то из их членов вполне мог понимать по-английски.

— Маори ни за что не продали бы вам это место! — возмутилась Кэт. — Здесь нельзя жить, Гибсон! Это *тану*!

Джоуи Гибсон громко расхохотался:

— Неужели мы поймали нашу светловолосую маори на суеверии? Я думал, вы сделали из нее приличную христианку в своем Санкт-Паулидорфе, Отти! А она, оказывается, боится духов!

— Тут обитают духи? — нервно оглянулась Бетти.

Это казалось ей вполне вероятным. Развалившиеся дома, ветер, гуляющий в брошенных полях и шепчущий что-то на площади для собраний... Луна медленно восходила над горой, занимавшей значительную часть полуострова, в то время как сизые сумерки уступали место ясной звездной ночи. Бетти придвинулась ближе к Эрику.

— Что значит *тану*? — спросила Ида.

Она не ответила на вопрос Бетти, потому что ей самой было не по себе. В обычной ситуации она отругала бы сестру: верующая христианка не должна бояться духов!

— *Тану* означает «запрет», — пояснила Кэт. — Здесь никому нельзя жить!

Оттфрид фыркнул, намереваясь спуститься с повозки. Лучше всего сохранилось здание, которое раньше, скорее всего, служило домом для собраний; там обычно и ночевали маори. Так или иначе, здесь дверь еще висела в петлях, и Оттфрид в последнем свете дня заметил, что кто-то ее недавно ремонтировал — не совсем аккуратно, но вполне надежно. Наверное, постарался сам Гибсон. Похоже, это и было обещанное им пристанище.

— Откуда ты знаешь? — спросил он у Кэт, которая не собиралась слезать с повозки Гибсона. — Все выглядит очень мило. Кроме нас, здесь никого нет...

Оттфрид проверил дверь, которая распахнулась сразу же, как только он толкнул ее.

Кэт кивнула:

— То-то и оно. *Па* бросили. Причем я почти уверена, что это

случилось после того, как тут пролилась кровь. Там, где пролилась кровь, жить нельзя. Это место становится... ну, вроде как священным. Сюда приходят для того, чтобы почтить память умерших. Но жить — не живут!

Девушка с тоской подумала о том, что, скорее всего, *нгати тоа* оставили деревню, где она жила вместе с Те Ронгой, после боя с англичанами.

— Ты считаешь, что сюда вломились англичане, убили кого-то из маори, а остальные сбежали? — испуганно спросила Бетти. — И что здесь полно духов?

— Не англичане, — тихо произнесла Кэт. — Думаю... боюсь, что это был Те Раупараха. Вместе с воинами *нгати тоа*. Раньше он много воевал ради добычи. А местные маори... Лора сказала, что белые из Порт-Виктории торговали с ними. Значит, у них были вещи, которые понадобились Те Раупарахе. Возможно, это он разнес *па*.

— Или люди сами покинули эти дома, — заявил Гибсон. — Ты ведь говорила, что раньше племена маори были более многочисленными, чем теперь, и что они часто умирают от обычных болезней. Возможно, так и опустела деревня? Они просто ушли. А теперь идемте, эти дома ничьи.

— И вы так просто решили здесь поселиться? — поинтересовалась Ида, строго глядя на них. — Никого не спросив?

Гибсон возвел глаза к небу:

— А кого я должен был спрашивать? Редвуды поступили точно так же — взяли и поселились там, где им понравилось, а когда маори чего-то захотели, договорились с ними. Ко мне сюда, правда, еще никто не заходил и ничего не хотел.

— Никто и не придет, — едва разжимая губы, произнесла Кэт. — Если поблизости есть маори, они не станут с нами говорить и не будут торговать. Нет, они ничего нам не сделают. Нельзя жить в тех местах, которые стали *тану*. Их оставляют духам мести. Но мы для них — просто подонки. Мы сами оскверняем себя, живя здесь.

— Жуткая деревня! — сказала Бетти. — Я не хочу здесь оставаться!

Эрик едва заметно кивнул ей.

— Мы пойдем в Порт-Викторию, — прошептал он. — Найдем судно, которое отплывает в Веллингтон, завтра же!

Гибсон вздохнул, достал из-под козел своей повозки бутылку виски и сделал большой глоток. Затем бросил ее Оттфриду.

— Скажи свое слово! — заявил он. — Твои бабы спятили.

Оттфрид, который едва понял весь разговор, тоже выпил, затем, нахмурившись, посмотрел на Иду и Кэт.

— Вы что же, не хотите здесь спать, потому что тут когда-то подрались дикари? — спросил он по-немецки. — Ты тоже, Ида? Ты, христианка, которая верит в Господа, как в свою крепость? Дочь Якоба Ланге?

Ида покраснела, но Кэт возразила:

— Оттфрид, дело не в том, есть здесь духи или нет. Это вопрос уважения. Эта земля нам не принадлежит. Мы не имеем права жить здесь. Тем более зная, что владельцам это не понравится. Как поступили бы мы, Оттфрид, если бы вдруг пришли маори, поселились в церкви Санкт-Паулидорфа и принялись бы смеяться над нашей верой, разводить костры и отправлять свои языческие ритуалы? И... стали бы рожать там детей? — Сказав это, она густо покраснела.

Оттфрид взял с повозки фонарь, поспешно зажег его и осветил старый дом для собраний. Внутри не оказалось ничего зловещего. Гибсон обставил дом простой, грубо сколоченной мебелью: здесь были стол, стулья и лавка. О прежних жителях ничто не напоминало.

Оттфрид кивнул с довольным видом.

— Да, интересно, что мы сделали бы с дикарями, вломившимися в нашу церковь? — наконец произнес он. — Вышвырнули бы их, конечно, с песнями! И дикари могли поступить с Гибсоном точно так же, если бы эти руины имели для них какое-то значение, если бы эта святыня была для них так важна. Но, видимо, это не так, Ида. Им это место без надобности, или они не осмеливаются связываться с ним. Либо им безразлично, либо они трусят. Выбирайте, как вам больше нравится. А мне все равно, если хотите знать. Потому что в конечном итоге вся эта земля будет принадлежать нам. Дикари немного поважничают, мы тоже добрые и пришли с подарками, а не с мушкетами. Но если они начнут выступать, то...

— Ты собираешься в одиночку отбиваться от маори? — насмешливо поинтересовалась Кэт.

Оттфрид пожал плечами:

— Да мне это и не понадобится. Как видишь, они сами уходят. Они знают, где их место. А мы возьмем то, что полагается нам по праву! — Он решительно вошел в дом и бросил свою куртку на спинку одного из стульев.

Джо Гибсон последовал за ним с бутылкой в руках. Также он нес мешок с провиантом и другой, с постельным бельем, которое взяли с собой женщины.

— Дамы, вы можете сегодня ночевать здесь, а мы с Отти и Эриком устроимся где-нибудь еще, — произнес он. Казалось, он хотел успокоить их, словно слова Оттфрида шокировали даже его, хотя вряд ли он что-

нибудь понял из его речи. — Завтра договоримся, где будем жить постоянно.

Ида по-прежнему нерешительно стояла на пороге дома. *Па* ей не нравилось, но она очень устала и проголодалась.

— Может, мы поспим на улице? — прошептала она на ухо Кэт. — Мы могли бы поставить палатку.

Внезапно Кэт почувствовала, как усталость свинцом легла ей на плечи, и поняла, что вряд ли сможет сейчас возиться с палаткой. Кроме того, это ничего не изменит.

— Вся территория *па* — это *manu*, — сообщила она Иде. — Будем ли мы ночевать внутри или снаружи, теперь не важно. Все равно мы уже осквернили это место. Те Ронга сказала бы, что мы в руках духов. Остается надеяться, что они будут к нам благосклонны.

Глава 5

В ту ночь духи дали женщинам выспаться. После трудного путешествия Ида и Кэт очень устали, и для того, чтобы разбудить их, понадобились бы очень шумные привидения. Поэтому они обе проспали уход Бетти и Эрика.

Когда Кэт выбралась из-под одеяла, оказалось, что на столе уже лежит записка.

Мы ушли в Веллингтон. Редвуды наверняка не откажутся рассказать нам, как попасть в порт. Взяли немного хлеба и сыра на дорогу. Пожалуйста, не сердитесь!

Бетти

— Н-да, осталось только пожелать им удачи, — спокойно сказала Кэт, заметив тревогу Иды. — Не переживай ты, у них все получится. Не знаю, как насчет твоей сестры, но Эрик пылко влюблен в нее, и это видно невооруженным глазом. Так что он за ней присмотрит. Или ты хотела, чтобы они остались здесь?

Ида покачала головой:

— Нет! Бетти должна быть свободна. Пусть хотя бы у одной из нас будет возможность делать все, что заблагорассудится. Кроме того, я не хочу, чтобы она узнала о нас. О моем... о нашем позоре...

Кэт обняла подругу, пытаясь утешить, но ничего не сказала. Она уже устала убеждать Иду в том, что, хотя нежеланная беременность и тяготит ее, но она не считает ее позором. Ни она сама, ни ребенок ни в чем не виноваты. А уж тем более Ида! В конце концов, она всегда была послушной женой и не давала Оттфриду повода обманывать ее. Разумом Ида понимала подругу, но знала, что в общине к этой ситуации отнеслись

бы совсем иначе. Все непременно стали бы шептаться, гадая, не пренебрегала ли она своим долгом, тем самым вынудив Оттфрида изменить ей. Кроме того, никто не одобрил бы ее решение растить своего ребенка и «ублюдка» вместе. Ида и без того смущалась, думая о том, что Джоуи так или иначе обо всем узнает. Она не могла поделиться этой тайной еще и с сестрой.

— Все будет хорошо, я знаю, — беспомощно пробормотала Кэт. — Как-нибудь все уладится. А теперь давай выйдем и осмотримся здесь. Смотри, солнце сияет! Самая подходящая погода для путешествия Бетти и Эрика, да и *на* уже не кажется таким жутким, верно?

И действительно, при свете дня заброшенная крепость казалась совсем не страшной. Конечно, вид полуразвалившихся домов и заброшенных палисадов повергал в уныние, но, если немного постараться, здесь ничто уже не будет напоминать о войне и разрушениях. Оттфрид сразу принялся за работу. Женщины знали, что он умеет усердно трудиться, когда ему этого хочется. А Джоуи громко возмущался бегством Эрика, поскольку надеялся, что мальчик будет им помогать.

— Да ладно, мы и сами справимся! — с оптимизмом заявил Оттфрид, жуя бутерброд с сыром и запивая его литрами кофе, который сварила Ида. — Начнем с конюшни, переоборудуем под нее тот маленький домик.

— Там раньше была кухня, — сказала Кэт.

Оттфрид пожал плечами:

— Мне все равно, как использовали его дикари. Вчера я уже его осмотрел — для лошадей в самый раз. А рядом есть загородка, где ты будешь спать, Кэт. Мы там все обустроим, тебе будет уютно. Я даже сделаю настоящую кровать. Деревя здесь достаточно, надо только спилить парочку. А из палисада получится отличный забор. Джоуи будет жить в доме рядом с деревьями. Конечно, с ним еще нужно повозиться как следует, но зато он красивый. А вдруг он все же решит завести жену? Мы с Идой займем старый дом для собраний, там места побольше, в том числе и для детей. Ты не против, Джоуи?

Джоуи что-то проворчал в ответ, соглашаясь, но Ида недовольно поморщилась. Значит, мужчины действительно намерены обосноваться здесь надолго. Дом, который собирались отдать Джоуи, раньше был жилищем вождя, не очень большим, но зато украшенным резьбой. К сожалению, он был почти полностью разрушен. Женщины даже думать не хотели о том, что случилось с его владельцем, а возможно, с его женой и детьми. Особенно Ида никак не могла отделаться от мыслей о людоедстве, наслушавшись злобных сплетен еще в Нельсоне, сразу после стычки в

Вайрау, и подкрепив их своей живой фантазией. Вполне возможно, что она еще несколько месяцев будет видеть во сне, как варились куски человеческой плоти в выставленном на площади огромном котле.

Поэтому она с неохотой вышла на улицу вслед за Кэт, когда та после завтрака решила разведать, что здесь к чему, и, быть может, найти поля и огороды, заложенные маори. Оттфрид недвусмысленно потребовал, чтобы женщины занялись чем-то полезным. То, что обе они были в положении, его не волновало. В Рабен-Штейнфельде крестьянки всегда работали вплоть до дня родов.

— Посмотри, Ида, здесь потрудились добрые духи! — пошутила Кэт, обнаружив на обнесенном изгородью участке за домами что-то вроде поля, на котором росли низкорослые темно-зеленые растения. Земля здесь была довольно рыхлой, и, покопавшись немного, Кэт нашла именно то, на что надеялась. — Сладкий картофель. Маори называют его *кумара*, — объявила она. — Сегодня на обед будет густой суп с *кумара*.

Ида тем временем нашла другие растения, в том числе рожь и кукурузу.

— А я думала, маори не занимаются земледелием, — удивилась женщина.

Кэт пожала плечами:

— Вообще-то занимаются, женщины обрабатывают огороды и поля. Это древняя традиция. Но большинство растений, которые они привезли на первых каноэ с Гавайки, здесь просто не прижились. Там ведь было гораздо теплее. Прижился только *кумара*. А это... — она махнула рукой на овес и кукурузу, — это привезли англичане. Семена — отличный товар. И, как видишь, если у женщин маори они появляются, на ветер их не бросают!

— Мне кажется странным собирать это, — негромко произнесла Ида, в то время как Кэт сразу же начала проверять, насколько созрели растения, и выкапывать, обрезать и складывать все съедобное. — То есть я хочу сказать, что это не годится — пожинать плоды чужого труда.

Кэт пожала плечами.

— Здесь давно никто ничем не занимался, эти растения выросли сами по себе, — сказала она. — И кому какой прок от того, что эти овощи пропадут? Но если хочешь, мы можем вознести благодарственную молитву, мне все равно. Твоему Богу или богам Те Ронги. Племена всегда сеют и собирают урожай с *каракиа*. Посмотрим, не забыла ли я, как их поют.

Конечно же, она прекрасно помнила песни, которые посвящала сладкому картофелю Те Ронга и другие женщины. Ее нежный и звонкий голос успокоил Иду, и скоро молодая женщина тоже начала напевать,

выкапывая клубни вместе с подругой. Наконец Кэт смиренно сложила руки на груди, обращаясь в благодарственной молитве к Богу Иды, при этом с любовью вспоминая Те Ронгу. Постепенно она начинала проникаться верой приемной матери, которая всегда была открыта новым богам и духам. Те Ронга гордилась бы своей дочерью. Несмотря на осквернение *па*.

Духи маори по-прежнему не проявляли мстительности, и с каждым днем, который проводили Ида и Кэт в старом *па*, их дурные предчувствия развеивались. Впрочем, внешний вид поселения тоже резко изменился — Оттфрид спешил обновить все необходимое и тем самым завоевал благосклонность Иды. Кроме того, женщина с радостью отметила, что он перестал докучать Кэт.

Ее подруга смотрела на вещи более трезво, поскольку Оттфрид не собирался оставаться в Пурау вплоть до родов жены, как надеялась та. Они с Гибсоном торопились выехать на равнины, чтобы попытаться провернуть первые сделки с маори. Конечно же, без переводчицы они этого сделать не смогут, поэтому им надо было отправиться в путь до того момента, когда Кэт станет неповоротливой из-за беременности. Молодая женщина настаивала на том, что сможет путешествовать в крайнем случае до истечения седьмого месяца, и, к ее огромному удивлению, мужчины с ней согласились. Наверное, им не хотелось принимать преждевременные роды в глуши, без чьей-либо помощи. Сама Кэт при этом заботилась скорее об Иде. Она не испугалась бы, если бы ей пришлось рожать ребенка в деревне маори. Более того, оказавшись у туземцев, она могла рассчитывать на квалифицированную помощь, в то время как Ида до сих пор присутствовала только при рождении младшей сестры. К тому же те роды прошли неудачно, и, думая о рождении ребенка, Ида постоянно вспоминала умирающую мать, а затем и заботы о болезненном младенце. Поэтому собственных родов Ида ужасно боялась, и Кэт хотела быть рядом с ней в этот час. Иду ни в коем случае не следовало оставлять одну в *па*, чтобы ее ребенок появился на свет, окруженный лишь духами погибших!

Так что у мужчин имелись достаточно веские основания, чтобы как можно скорее привести в порядок старые дома, причем Оттфрид опережал в этом ленивого Джоуи. Кэт и Ида тоже помогали по мере сил, поэтому спустя всего три недели покосившиеся от ветра и брошенные деревенские здания превратились в симпатичную маленькую ферму с конюшней, двумя жилыми домами и огороженным выгоном для лошадей. Ида прополола заложенные маори поля, выдернула погибшие растения и, несмотря на протесты Оттфрида, посеяла часть драгоценных семян, которые должны были стать платой за землю. Они обновили ограду вокруг

полей, разобрали почти весь палисад, и, незадолго до отъезда на равнины, Ида и Кэт даже успели собрать урожай зерна. Таким образом они наполнили кладовую, кроме того, Джоуи съездил к Редвудам и закупил сыра и сушеного мяса.

— Как бы там ни было, с голоду ты не умрешь, — вяло пошутила Кэт, когда собирала провиант для мужчин вечером перед отъездом. — Хотя мне не хочется оставлять тебя здесь одну... Ты действительно не боишься?

Ида пожала плечами:

— Я... Конечно, я никогда еще не оставалась одна. Но ведь со мной Охотник.

Услышав свое имя, пятнистый пес прижался к своей хозяйке. Ему нравилось проводить время с Кэт, но, если у него был выбор, он по пятам следовал за Идой.

— Кроме того, мужчины правы. Мне будет тяжело в дороге.

Кэт убеждала Оттфрида и Гибсона взять Иду с собой. Для маори это вряд ли имело бы значение. Если они отправлялись в путешествие или ходили друг к другу в гости, то непременно всем племенем. С их точки зрения, чем больше гостей, тем лучше. Однако Оттфрид и Джоуи резко высказались против. Оттфрид хотел, чтобы его драгоценный наследник был в безопасности, а Джоуи опасался, что Ида помешает им быстро продвигаться вперед. Молодой женщине часто становилось дурно во время путешествия в Пурау, и, жалея ее, Кэт настаивала на том, чтобы они почаще останавливались и рано устраивались на ночлег.

— Я найду себе занятие, — храбро сказала Ида. — Я могу прясть шерсть, которую дала нам Лора Редвуд, варить варенье из ягод, которые ты собрала. Лора тоже наверняка будет заглядывать.

Лора неплохо ездила верхом и уже дважды приезжала в форт, в гости к Иде и Кэт. Впрочем, Кэт считала, что женщина слишком уж зачастила к ним. На последних месяцах беременности скрыть ее от соседки не получится. Однако эта энергичная особа вряд ли в дальнейшем станет докучать им своими визитами. В конце концов, ей нужно было готовить еду для троих мужчин, помогать делать сыр и перегонять овец.

— Больше всего я занята весной, когда овцы ягнятся! — радостно сообщила она, когда приезжала в последний раз. — Я уже через многое прошла, так что, Ида, у вас под боком всегда будет опытная акушерка! Не стесняйтесь, будет нужно — зовите!

Ида кивнула, вымученно улыбаясь. О том, чтобы позвать Лору на помощь, не могло быть и речи, ее пригласят лишь посмотреть на «двойняшек», когда все закончится.

— В принципе, ничего плохого не может случиться, — произнесла Кэт, но прозвучало это так, словно она хотела утешить скорее себя. — По крайней мере, если ты не будешь слишком усердствовать, чтобы не вызвать преждевременные роды. Так что смотри не перетрудись. Не вздумай рубить дрова и складывать поленницу.

Древесина старого палисада зачастую была слишком трухлявой, чтобы использовать ее для строительства, и Оттфрид принялся разделять ее на щепки для растопки. Все разобрать он не успел, но наколот достаточно щепок, чтобы Ида не пришлось их экономить во время его отсутствия.

Ида закусила губу.

— Не буду... — пообещала она, хотя рубить дрова она, конечно же, собиралась: это занятие помогало ей отвлечься от размышлений и забыть об одиночестве. — Может быть, мне даже хочется немного побыть одной, — сказала она. — Я раньше никогда одна не оставалась, ты же знаешь. Всегда рядом были родители, братья и сестры... в общине... Ну а потом Оттфрид...

— По нему ты, конечно же, будешь ужасно скучать! — пошутила Кэт.

Ида заставила себя улыбнуться.

— А вот Охотник точно не будет скучать по нему.

К счастью, в последнее время Оттфрид не трогал ее. Несмотря на то что он снова спал в одной комнате с Идой, к жене он не прикасался. Он также не докучал Кэт своими пошлыми замечаниями. Поэтому пес снова почувствовал себя уверенно и начал рычать на супруга Иды, когда ему казалось, что тот обижает хозяйку. Оттфрид вскоре выгнал его на улицу, хотя Ида протестовала, утверждая, что собака в доме нужна. Как оказалось, крысы завелись и здесь. Ида полагала, что они сами привезли их с собой в повозках. Или они появились у маори еще раньше, вместе с товарами белых, возможно, с семенами ржи, из которой Ида теперь пекла хлеб.

— В любом случае мы уезжаем ненадолго. — Кэт все пыталась утешить Иду. — По равнине мы будем продвигаться достаточно быстро. Я думаю, что за три-четыре недели управимся. И ты сумеешь продержаться это время!

Ида возвела глаза к небу.

— Да я и дольше продержусь! — заявила она. — Кроме того, мне нужно привыкать к этому. Когда появятся дети... Сейчас вы, в принципе, еще могли бы взять меня с собой, но с двумя маленькими озорниками... Все будет хорошо, Кэт.

Тем не менее, уезжая на рассвете следующего дня, Кэт не могла отделаться от тревоги. Ида храбро махала рукой им вслед и даже смеялась,

но было что-то в ее фигуре, в выражении ее лица... Кэт очень сожалела о том, что им пришлось оставить ее одну.

— Ну, вот они и уехали! — с наигранной радостью в голосе крикнула Ида Охотнику. — А нам нужно придумать, чем заняться сегодня. Как считаешь, стоит выкопать пару сладких картофелин?

Затем Ида устроилась на солнышке и принялась чистить картофель, убеждая себя в том, что наслаждается покоем. Она приготовила вкусный густой суп, произнесла длинную застольную молитву, прежде чем приступить к еде. Молитвы утешали ее, возможность поговорить с Богом успокаивала, пусть даже Он не отвечал ей.

Картофельную шелуху и другие отходы Ида отнесла на недавно сложенную кучу компоста. Затем она принялась стирать шерсть, которую позже собиралась прясть, поскольку день был просто чудесный. Кроме того, Кэт поделилась с ней рецептами красителей для ткани. Правда, они предназначались для новозеландского льна, но почему бы не опробовать их и на овечьей шерсти? Поэтому Ида отправилась в лес на поиски растений. Она очень гордилась тем, что не упала в обморок от страха, когда ей на плечо вдруг вскочила вета, задержалась там на миг, а затем снова скрылась в зарослях. Кэт уже рассказывала ей об этом типичном для новой родины виде саранчи. Подруга говорила, что они безобидны, хотя и уродливы. На языке маори их название означало «божество ужасных вещей».

Как будто ужасные вещи нуждались в божаестве! Ида задумалась на миг, не отдадут ли подобные мысли язычеством, и произнесла молитву, прося у Господа прощения за невольную обиду. Он не ответил. Но в лесу стояла такая тишина... Говорят же, что достаточно вслушаться в тишину, чтобы наконец-то услышать Его голос. Значит, если Ида прежде не слышала Его, то лишь потому, что вокруг постоянно царил шум. Однако теперь...

Тишина теперь казалась Иде жутковатой. С гулко бьющимся сердцем она собрала травы и вернулась в *па*, где Охотник с громким лаем гонял крыс. Вскоре наступил вечер. Ида молилась снова и снова, не получая ответа. Наконец тишину сменили звуки ночи. Молодая женщина слышала какие-то шорохи, крики... Впрочем, она прекрасно знала, что это птицы. Или же это все-таки боевой клич воинов? Может быть, маори только и ждали, чтобы мужчины уехали, чтобы отомстить ей за осквернение *па*? Но нет, Кэт ведь уверяла ее, что вокруг крепости маори не живут. Иначе они нашли бы их следы за минувшие недели.

Тогда Ида подумала о духах... Возможно, голоса живших в этом месте людей прежде прогоняли их. После того как Кэт, собирая первый урожай

кумара, исполнила *каракиа*, она стала напевать постоянно, словно это было нечто само собой разумеющееся. «Я вспоминаю приемную мать», — говорила девушка и, смеясь, добавляла, что это настроит духов на более миролюбивый лад. Иде нравилось слушать ее — хотя позже она просила у Господа прощения за то, что стала свидетелем языческих ритуалов. Но теперь Кэт уехала, и духи кричат в ночи. А Господь не отвечает...

Дрожа всем телом, Ида устроилась на полу между широкой кроватью и платяным шкафом, вцепившись в Охотника, который не понимал, почему так волнуется хозяйка, и в конце концов начал нервно повизгивать.

Она так одинока, а Господь не отвечает, и ребенок... и ребенок в ее животе не шевелится, разве ему не пора шевелиться? Жив ли он еще вообще, или... Может быть, Господь знает, что она по-настоящему не хочет его? А вдруг он станет добычей духов, а вместе с ним — и его мать?

Ида плакала, раскачиваясь взад-вперед, Охотник пытался успокоить хозяйку, облизывая ее лицо, радуясь и удивляясь тому, что она не прогоняет его.

И это была только первая ночь.

Глава 6

Равнина Кентербери, по мнению Кэт, носила свое имя по праву. Она действительно была просторной и широкой, поросшей травами туссока. Лишь изредка встречались небольшие рощицы или прозрачные, питаемые ручейками озера и одинокие скалы, словно упавшие с неба. Вдалеке возвышались покрытые снегом горы — Южные Альпы, которые можно было увидеть практически везде, где до сих пор довелось побывать Кэт. Однако здесь они как будто стали ближе, четче виднелись их очертания. Ни лес, ни высокие холмы не заслоняли обзор, воздух казался чище, небо — выше, а облака — прекраснее, чем где бы то ни было. Река Ваймакарири, вдоль которой ехали Оттфрид и Гибсон на своих повозках, была широкой и бурной. Кэт высматривала поселения маори на ее берегах, но в течение первых двух дней они не встретили ни одного *мараэнгаи таху*. Изредка попадались еще не достроенные фермы *пакеха*.

— Может быть, они живут в глубине острова... если река выходит из берегов, — произнес Оттфрид, смотревший на воду с недоверием.

Он с ужасом отклонил предложение Гибсона взять лодку у кого-нибудь из живущих в устье реки фермеров или рыбаков, чтобы погрузить на нее товары и отправиться на ней вверх по течению. Тогда они могли бы продвигаться вперед намного быстрее, но Оттфрид был категорически против.

— Я не слышал, чтобы тут случались наводнения, — спокойно сказал

Гибсон. — И фермы, мимо которых мы проезжали, расположены у самой реки. Так что весьма маловероятно, что мы здесь имеем дело со вторым Маутером. Понимаешь, Отти, ты просто еще не отошел после гибели Санкт-Паулидорфа. Пора забыть об этом!

Кэт подумала, что Оттфрид, скорее всего, не мог забыть и кое-что другое. Он отказывался плыть по реке вовсе не из-за пережитого в Санкт-Паулидорфе. Вероятно, поездка в деревню маори напомнила ему о событиях в Вайрау. Да и вообще, чем дальше они отъезжали от английских поселений, углубляясь в неисследованные территории маори, тем больше нервничал Оттфрид. Конечно же, он не признавался в этом, однако Кэт видела, что он боится столкновения с коренным населением острова.

— По-моему, лучше все же свернуть вглубь острова и двинуться по течению одного из ручьев, — вмешалась в дискуссию Кэт. — Вполне возможно, что племена не хотят селиться на открытой местности. Ведь тогда их деревни оказались бы уязвимы для врагов. В лесах или у озер они наверняка чувствуют себя в относительной безопасности.

— Но тогда им будет легче напасть на нас! — заявил Оттфрид.

Кэт вздохнула:

— Ты определись, собираешься ты встречаться с ними и торговать или нет? Даже если ты увидишь деревню за много миль, тебя это не спасет. Маори все равно смогут перерезать тебе горло ночью.

Девушка чуть не расхохоталась, увидев, как побледнел Оттфрид и потянулся к лежащему под сиденьем оружию. Кэт знала, что у Гибсона тоже есть винтовка. Однако это ее не тревожило. Джоуи не испытывал страха перед туземцами, и опасность того, что он начнет размахивать оружием в неподходящий момент, была невелика. А вот насчет Оттфрида Кэт не была так уверена...

Поэтому она решила поговорить на эту тему с Гибсоном, когда Оттфрид не мог их услышать. Она предпочитала сидеть на козлах рядом с Джоуи, хотя ему тоже не доверяла. Тем не менее этот мужчина казался ей более предсказуемым, нежели Оттфрид, и ее опасения подтвердились, когда в первый же вечер совместного путешествия Гибсон едва не поссорился с Оттфридом из-за нее. Кэт попросила мужчин поставить для нее палатку, пока она жарит рыбу. Оттфрид отреагировал на это скабрёзным замечанием.

— Ты в своем уме, Отти, зачем пристаешь к малышке? — набросился на него Гибсон. — Ты ведь знаешь, что ей от нас ничего не нужно! Сколько раз она должна сунуть нож тебе под нос, чтобы до тебя это дошло?

Оттфрид засопел и мерзко ухмыльнулся:

— Да брось ты, Джоуи... Разве она справится с двумя взрослыми мужчинами, даже и с ножом?

Гибсон схватился за голову:

— Ну, во-первых, у меня есть свое мнение на этот счет. Я видел, как она метает клинок, и не хочу стать тем, кому она всадит его промеж ребер. А во-вторых, Отти, малышка нужна нам! Без переводчика дикари нас вышвырнут. И не вздумай тащить ее к ним связанной и с кляпом во рту. Она ведь может и наговорить этим ребятам всякого. Или ты понимаешь их тарабарщину? Так вот: веди себя вежливо, как порядочный джентльмен, если уж не можешь быть им на самом деле. В мире полно баб, которым ты можешь вставить. Но она... Помнишь это слово, которое она постоянно употребляет? Она *manu*.

С тех пор Оттфрид оставил Кэт в покое, а Гибсон и раньше вел себя по отношению к ней с подчеркнутой вежливостью. Конечно, этот человек был негодяем и пройдохой, но знал, чего хочет, и, кроме того, был неглуп. И он, конечно же, тоже заметил, что Оттфрид с тревогой ждет встречи с маори.

— Разумеется, он может взять с собой ружье, воины маори сами придут на *повири* с копьями и боевыми дубинками, — говорила Кэт. — Но смотри, чтобы он не начал стрелять. Что у него вообще за оружие? Тоже винтовка?

Гибсон покачал головой:

— Мушкет. Армейский мушкет, понятия не имею, где он его взял. Не бойся, я за ним присмотрю. Я лично предпочел бы вообще не показывать оружие. Иначе оно сразу же станет предметом переговоров. Или маори оно не нравится?

Кэт с грустью улыбнулась:

— Мне кажется, всем мужчинам на свете хочется иметь такую штуку, которая грохочет и убивает. Я уже задумывалась над тем, почему у вас в повозках нет оружия. Одна или две кремниевые винтовки весьма облегчили бы заключение сделки.

Гибсон усмехнулся:

— Во-первых, в Нельсоне их не достать. А во-вторых, наш Оттфрид был категорически против. Наверное, боялся, что маори испробуют их прямо на нем. Какой-то он нервный, наш мальчик. Ничего похожего на героизм.

— Тогда позаботься о том, чтобы он не пытался геройствовать, — закончила разговор Кэт.

И действительно, несмотря на то что рука Оттфрида то и дело ныряла под сиденье, он не стал доставать оружие, когда на шестой день путешествия они наконец наткнулись на маори. Мужчины послушались совета Кэт: через два дня они отклонились от русла реки и двинулись на юго-запад вдоль ручья, который, как оказалось, впадал в реку, текущую почти параллельно Ваймакарири. Затем путешественники стали оглядываться в поисках лесных массивов и других защищенных мест и вдруг увидели двух мальчиков маори, ловивших рыбу в реке.

Обоим мальчишкам было лет по четырнадцать-пятнадцать, они отреагировали на появление *пакеха* скорее с любопытством, нежели с испугом или тем более враждебностью. Когда Кэт заговорила с ними, они отвечали наперебой, а когда Гибсон подарил им два перочинных ножика, они очень обрадовались.

— Они с удовольствием проведут нас в деревню, — перевела Кэт. — Прежде они никогда не видели *пакеха*, хотя, конечно же, слышали о нас много всякого. Кроме того, жители их деревни сталкивались с миссионерами, которые подарили одному из членов их племени одеяло. Его жена очень гордится этим.

Джоуи усмехнулся.

— Ну вот! — воскликнул он. — Судя по всему, они примут нас с распростертыми объятиями!

И он оказался прав. Договориться с *нгаи таху*, живущими здесь, у озера, было нетрудно. И приветствовали их иначе, не так, как опасался Оттфрид. Кэт заметила, что члены этого племени более доверчивы, нежели *нгати тоа*, — наверное потому, что еще не получили печального опыта в общении с белыми поселенцами. Так или иначе, встречали их не воины, а в основном женщины и дети, которые удивлялись всему, что видели у гостей: начиная с лошадей, которых мальчишкам непременно хотелось потрогать, и

заканчивая светло-русыми волосами Кэт — для женщин это было настоящее чудо. Позже Кэт распустила волосы и отдала за традиционный обруч кастрюлю. Смастерившая его женщина пришла в полный восторг. Все с любопытством косились на крытые повозки, но, конечно же, это племя знало, как следует вести дела, и поэтому они устроили в честь гостей настоящее *повири*.

— Ни в коем случае нельзя проявлять нетерпение, — строго говорила мужчинам Кэт. — Или тревогу. То, что воины демонстрируют оружие и корчат рожи, — часть ритуала. Говорят они очень много, я буду переводить не все. Лично я считаю, что вам совершенно безразлично, на каком каноэ приплыло это племя в Аотеароа и как они с тех пор бродили по острову. Так что позвольте мне отвечать им и сохраняйте спокойствие. Как называется судно, на котором ты приплыл в Новую Зеландию, Гибсон?

Гибсон и Оттфрид мужественно выдержали ритуал, хотя Оттфрид время от времени вздрагивал, когда мужчины исполняли *хака*. Затем они выслушали речи старейшин племени и ответ Кэт, хотя Оттфрид понял из ее рассказа только два слова: «Санкт-Паули». Собственная история Кэт — она честно поведала о том, что жила среди *нгати тоа*, — вызвала множество вопросов. Те Раупараху тут знали и боялись. Оттфрид и Гибсон встревожились, когда Кэт стала отвечать довольно резко, но в конце концов одна пожилая женщина произнесла что-то примирительным тоном и обменялась с Кэт *хонги*.

— *Хаэре маи*, Потти!

Жители деревни зашептались, когда Кэт улыбнулась сквозь слезы. Она так давно не слышала своего любимого имени! А затем все стали петь и выкрикивать приветственные фразы.

— *Хе тангата!* — торжественно произнес вождь, и таким образом была установлена связь между гостями, членами племени, местными богами и духами.

— Сейчас можете достать пару бутылок виски, — сказала Кэт Джоуи и Оттфриду, когда оживленные и разговорчивые женщины маори принесли еду.

Гибсон усмехнулся:

— Значит, праздновать будем, да? А когда начнем говорить о деле?

Кэт едва сдержала своих мужчин, но после долгих усилий ей все же удалось отложить переговоры о продаже земли на следующий день. Вождь разрешил гостям поставить палатки на деревенской площади. Оттфрид настоял на том, чтобы ночевать как можно ближе к повозкам: он намеревался охранять товар и даже взял с собой в палатку мушкет. Кэт

боялась, что он случайно застрелит какого-нибудь любопытного сорванца, и поэтому не могла сомкнуть глаз. Но только до тех пор, пока не увидела у палатки белых мужчин двух хихикающих девушек маори. К счастью, они подошли не таясь, так что даже Оттфрид не заподозрил их в намерении что-либо украсть, и сумели выразить свои желания без помощи речи.

Когда Оттфрид и Гибсон выбрались утром из палатки, они выглядели весьма довольными, хоть и не выспавшимися. Кэт уже помогала женщинам племени готовить завтрак, и ее помощь была принята весьма благосклонно. Они вместе шутили, смеялись, пекли лепешки, кормили детей ягодами, и Кэт уже чувствовала себя частью племени, когда к ним присоединились девушки и рассказали о том, как провели ночь с *накеха*. Наконец Оттфрид и Гибсон широким жестом сняли брезент с повозки, демонстрируя товары для обмена. Женщины, восхищаясь одеждой и кухонной утварью, тут же принялись обсуждать их, мужчины с интересом рассматривали стальные ножи. Подтвердилось то, о чем Кэт слышала прежде: по крайней мере это *иви нгаи таху* было значительно беднее, нежели племя Те Раупарахи. Кроме одеяла, о котором вчера говорил мальчик, они не имели никаких вещей, изготовленных белыми. Выживали они в основном за счет рыбной ловли и охоты на птиц, а сажали один только сладкий картофель. Строения в деревне тоже были много проще, чем в деревне *нгати тоа*, почти без резьбы и статуэток богов. Утром женщины рассказали Кэт, что племя часто кочует. Если год выдавался слишком дождливым и урожай сгнивал на корню, если зима затягивалась и не хватало запасов, они отправлялись на поиски богатых охотничьих угодий в самые предгорья Альп.

Когда Кэт рассказала о возможности обменять товары на землю, вождь пригласил гостей в дом для собраний и созвал старейшин племени. Все вели себя очень приветливо и с готовностью рассказывали о своей земле. Владения Те Кахунгуну и его племени были огромными — от берегов Ваймакарири и до предгорий Альп. Других племен маори в окрестностях не было.

— Так принадлежит им эта земля или нет? — с недовольным видом поинтересовался Оттфрид, когда Кэт дословно перевела ему сказанное. — Могут они продать ее и хотят ли?

— Они очень открыты и готовы торговать, — пояснила Кэт. — Но, поймите, у маори иное представление о землевладении. Кроме того, вождь толком не знает, что продавать.

— Это как? — нахмурился Гибсон.

— А вот парни из Вайрау прекрасно все знали! — заявил Оттфрид. — Они даже сумели обмануть нас.

Кэт попыталась объяснить им:

— Те Раупараха уже очень давно общается с *пакеха*, он знает, как они мыслят. Поэтому он уже не хочет менять свою землю на одеяла и кастрюли, он хочет денег. Кроме того, он человек воинственный. *Нгати тоа* заинтересованы в том, чтобы контролировать территорию. Те Кахунгуну же никогда не сражался за землю, он не знает, что такое деньги, — по крайней мере, представления у него на этот счет весьма смутные. Он считает, что земля принадлежит только тому, кто ею пользуется, однако ничего не имеет против того, чтобы сюда приходили белые поселенцы и обрабатывали ее. Он говорит, что будет рад им. И еще раз благодарит за щедрые подарки.

Оттфрид поморщился:

— Это не подарки, это...

— Он поймет, — перебил его Гибсон. — Спроси у него, Кэт, могу ли я измерить ту землю, которую он готов отдать белым. И, конечно же, он должен подписать договор.

И Оттфрид, и Гибсон вздохнули с облегчением, когда вождь кивнул в ответ на слова переводчицы.

После переговоров они в сопровождении толпы взволнованных и крайне любопытных членов племени отправились на прогулку по окрестностям, во время которой седовласая *тохунга* показала им, где могут поселиться *пакеха*, чтобы не оскорбить духов и не нарушить *тапу*. Кэт строго следила за тем, чтобы Гибсон действительно учитывал ее замечания при составлении карт, хотя тот иногда начинал ворчать, поскольку священные места порой находились прямо посреди подходящего участка.

— Но это же просто куча камней! — снова и снова возмущался он. — А вокруг — чудесная земля! Нельзя же пожертвовать двадцатью гектарами земли из-за каких-то камней!

— Нужно предоставить маори доступ к ним, — говорила Кэт. — Земля, расположенная вокруг, их не интересует. Но обязательно отметить эти места. Тот, кто купит эти наделы, должен знать, что несколько квадратных метров посреди участка ему не принадлежат!

В принципе, она предпочла бы и вовсе отказаться от таких участков, но этого от Джоуи и Оттфрида ждать было нельзя.

Неделю спустя Гибсон очертил на карте территорию, размер которой вдвое превышал площадь Санкт-Паулидорфа, измерил ее и нарисовал планы. Фактически это были все земли между деревней маори и рекой Ваймакарири. Свой чертеж он торжественно представил вождю и совету старейшин, которые не могли понять, как землю можно делить на бумаге. Взволнованная *тохунга* Харата указывала на места, которые были *тапу*.

Гибсон их старательно отметил на карте. Пусть поселенцы сами решают, как с ними поступить.

Гибсон попросил Те Кахунгуну, седую *тохунга* и еще двух старейшин поставить свои значки под договором, благодаря которым сделка становилась правомерной. Они выполнили его просьбу с очень торжественным и серьезным видом, а после состоялся праздничный ужин.

— Теперь вам нужно привести сюда белых поселенцев, — сказала Кэт, когда они тронулись в обратный путь. — Иначе племя не поймет. *Нгаи таху* считают, что договор вступит в силу лишь в том случае, если сюда придут люди. Впрочем, не знаю, удалось ли мне объяснить им, что такое договор.

— Он действителен в любом случае! — заявил Оттфрид. — Его уже не отменить.

Гибсон кивнул.

— Тут уже им не отвертеться! — рассмеялся он. — Но ты не беспокойся, Кэт, мы найдем переселенцев. Послушаем, что говорят в... Ну, для начала в Порт-Виктории!

Кэт нахмурилась.

— В Порт-Виктории? — переспросила она. — Но это же просто китобойная станция. Хорошо, там иногда причаливают суда. Но переселенцы? Семьи? Вы действительно считаете, что сумеете их там найти?

— Ну а где же еще? — спросил Оттфрид и открыл бутылку виски. Кэт уже казалось, что его запасы бесконечны. — Неплохо бы, конечно, и в Нельсоне попытать счастья... Тогда одному из нас придется отправиться туда.

— А разве не нужны связи в Англии? — спросила Кэт. — Или в Германии, или откуда еще приезжают переселенцы? Вас ведь завербовал Джон Николас Бейт. В Нельсоне говорили, что скоро придут шотландцы, чтобы поселиться в Отаго. Это организовала какая-то церковь.

— Мы будем рассчитывать на неорганизованных, — отмахнулся Гибсон. — О них ведь тоже должен кто-то заботиться. Кроме того, лучше пусть они будут приходить туда по одному. Тогда каждый сможет купить столько земли, сколько захочет.

— Неужели так много семей приезжает в Новую Зеландию просто наудачу?

Кэт мало знала о поселенцах, но те, с которыми она познакомилась в Нельсоне, показались ей очень несамостоятельными и малоинициативными. По крайней мере, по сравнению с китобоями из

залива Пераки. Конечно же, тут жили и такие люди, как Джордж Хемплмен или братья Редвуд, которые смело отправились на поиски приключений. Но они наверняка были в меньшинстве. Чаще переселенцы хотели еще до отъезда знать, где будут жить. Они не желали изучать языки и предпочитали вообще не встречаться с маори. Рассчитывая лишь на удачу, сюда приезжали одинокие молодые люди, которые потом промышляли охотой на тюленей и китов. Быть может, некоторые и мечтали приобрести землю, однако те двести фунтов, которые собирались запросить Оттфрид и Гибсон за свои участки, не сумел бы заработать даже Кристофер Фенрой. Хотя, будучи переводчиком у Таккетта, он получал намного больше, чем охотник на тюленей.

— Но людей приезжает все больше, милая моя, — заявил Гибсон. — Сбагрим мы эту землю. Рано или поздно...

Кэт закусила губу. Судя по всему, Гибсон и Оттфрид не поняли, как мыслят маори. И оставалось лишь надеяться, что ей удалось помочь Те Кахунгуну понять, как мыслят белые.

— Для начала нам нужен хотя бы один покупатель, — объявил Оттфрид. — Дальше дело уже пойдет само. Деньги-то кончились... А мы ведь хотели купить новые товары, поехать к другим племенам. Просто невероятно! Жаль, что я не могу рассказать об этом отцу. У меня есть земля! У Оттфрида Брандманна есть земля! Гораздо больше, чем в Санкт-Паулидорфе. Да, да, намного больше... гораздо больше, чем у помещика в Мекленбурге! — Он лучился от счастья. — В принципе, мы могли бы даже оставить ее себе и научить кое-кого из маори обрабатывать ее. Они с удовольствием будут возделывать ее вместо нас за гроши! А я построю себе большой дом и буду по воскресеньям развезжать верхом по своим полям.

Кэт схватилась за голову и посмотрела на Джоуи Гибсона. Тот понимающе усмехнулся, судя по всему, считая, что за Оттфрида сейчас говорит виски. Кэт же оставалось только надеяться на это. Если же он всерьез думает о том, чтобы претворить свою мечту в жизнь... Маори, жившие с Те Кахунгуну, были приветливы, и Оттфриду даже могло показаться, что они вели себя подобострастно, но его крепостными они не станут никогда.

Глава 7

— Ида!

Лора Редвуд ужасно встревожилась, когда и на третий ее окрик никто не отозвался. Старое *па*, теперь уже совсем не похожее на деревню маори, заливали лучи ласкового солнца, нигде не было следов взлома или нападения. Странно, однако, что Ида не отвечает. Обычно, когда Лора

приезжала сюда в гости, кто-нибудь отзывался сразу. Конечно, мужчины и Кэт уехали, но ведь собака должна была залаять.

— Куда же вы подевались, Ида? — позвала Лора уже громче. — Где ты, Охотник?

Решившись наконец распахнуть дверь дома Брандманнов, женщина услышала тихое повизгивание. Собака ответила ей, но не стала скакать вокруг Лоры, как делала обычно. Лора окинула спальню встревоженным взглядом. Охотник подбежал к ней с поджатым хвостом, и гостья наконец увидела Иду. Молодая женщина сидела в шкафу, закутавшись во всю одежду, которая у нее была. Если бы Охотник не привлек ее внимания, Лора ни за что не нашла бы ее.

— Боже мой, Ида, что вы там делаете?

Окинув новую подругу внимательным взглядом, Лора заметила, что она по крайней мере в сознании и не ранена. Лора смотрела в огромные, полные страха синие глаза Иды с покрасневшими белками и темными кругами под ними.

— Потихе, — прошептала Ида. — Только бы они нас не обнаружили. Охотник, нельзя лаять, нельзя...

Лора покачала головой:

— Слава господу, я нашла вас! Что случилось-то? К вам кто-то приходил? Кто-то вас обидел?

Однако сама она в это не верила. Дом, в котором побывали воры, выглядел бы совсем иначе. Кроме того, в Новой Зеландии не было разбойничьих шаек. По крайней мере, так ей рассказывали.

— Нет... Да... Духи... они воют. Они бродят вокруг дома, понимаете. Кто-то...

Ида вся дрожала, но теперь она хотя бы узнала Лору и не смотрела на нее с таким ужасом.

— Лора... — прошептала она. — Это вы, Лора! О, как хорошо, что вы пришли!

Лора Редвуд склонилась над молодой женщиной и обняла ее, когда та вцепилась в свою новую подругу в поисках поддержки.

— Боже мой, Ида, вы так напуганы! И словно окаменели. Сколько же вы просидели здесь? Давайте, поднимайтесь. Я сделаю вам чай, а потом вы расскажете, что случилось. В форте ведь никого нет! Ну, разве что киви сюда забрели...

И невысокая темноволосая женщина решительно заставила Иду встать, отвела на кухню и растопила печь. Ида дрожала от холода, хотя на улице было тепло. Она сидела в своем тайнике, испуганная, оцепеневшая, и

поэтому замерзла.

— Мне было так одиноко... — наконец пробормотала она, когда Лора вложила в ее ледяные руки кружку чая.

Ида пила мелкими глотками, ощущая, как к ней возвращается жизнь, а вместе с ней и способность трезво мыслить. Сразу же нахлынул стыд. Что подумает о ней Лора! Как можно быть настолько глупой, чтобы прятаться от духов?

— Сначала все было тихо. А потом я услышала крики, шум и...

— Это обычные ночные звуки, — успокоила ее Лора. — Дитя мое, вы ведь часто ночевали в палатке. Должны знать, как кричат птицы и стрекочут насекомые. С другой стороны, я прекрасно понимаю вас. Совсем одна в этом... этом... Боже мой, только бы не напугать вас еще больше. Но мне это место всегда казалось нечистым.

— Оно священо, — поправила ее Ида. — Кэт говорит, что для маори оно священо. *Tanu*.

— А я думала, что *tanu* в первую очередь обозначает запрет, — удивилась Лора. — Но не важно. В любом случае вам нельзя оставаться здесь одной. И вы не останетесь. Поезжайте со мной на ферму, поживите несколько дней у меня. А потом посмотрим.

— А что скажет ваша семья? И мой муж, он ведь вернется... Боже, какая я дура! — Ида потерла лоб. Она вполне представляла себе, что скажет Оттфрид, узнав о случившемся. — Кроме того, мне надо привыкать к одиночеству.

— Для начала вам нужно набраться сил! — решительно заявила Лора. — Когда вы в последний раз ели? Это очень вредно для ребенка, вы знаете об этом?

Ида кивнула.

— Охотник тоже голоден, — тихо сказала она. — Я... я ему велела ловить крыс, но он... он не хотел оставлять меня.

Лора поморщилась.

— А крысы тем временем весело прыгали вокруг и пугали вас еще больше! — заметила она. — Пес, конечно, очень симпатичный, но зря вы назвали его Охотником. Это ведь пастушья собака.

И тут, словно чтобы опровергнуть ее слова, прибежал Охотник и с гордым видом продемонстрировал убитую крысу. Однако есть он ее не стал, надеясь, что Ида даст ему за это что-нибудь вкусненькое. Та вздрогнула, но взяла себя в руки и похвалила животное.

— Я загляну в вашу кладовую, — сказала Лора.

Она на скорую руку приготовила обед из хранившегося там сладкого

картофеля, сыра и копченого мяса, а потом с удовольствием наблюдала за тем, как жадно Ида набросилась на еду, не забыв, разумеется, о собаке.

— Хорошо, а теперь пойдете со мной, и не спорьте. Ты тоже, Охотник, поиграешь с нашей Сьюзи. Но только поиграешь, не больше! Не хватало нам еще щенков от бродяги.

Лора собрала кое-какую одежду для Иды, набросила ей на плечи шаль и вытолкала из дома. Стоял чудесный безоблачный осенний день, Ида с удивлением смотрела на яркое солнце, горы на горизонте и лес, который теперь, при свете дня, совсем не вызывал страха. Как она могла поддаться панике? И все же она была уверена, что слышала плач духов. У Редвудов ей наверняка будет легче.

Наконец она, уже не возражая, двинулась вслед за Лорой. Пешком пришлось идти долго. Верхом Лора могла проделать этот путь за два часа, по крайней мере, так она говорила, и ей верили. Но Ида не умела ездить верхом, а Лора побоялась сажать ее на лошадь после всего, что она пережила. Просто чудо, что ребенок выжил после таких мучений!

— Как бы там ни было, у вас очень крепкий малыш! — сказала она молодой женщине. — Наверняка это будет чудесное дитя!

Ида неуверенно положила руку на живот. Ночью в *па* она очень переживала за ребенка, однако обычно не испытывала никаких чувств к растущему внутри существу. Беременность только мешала ей, лишала сил, навечно приковывала к Оттфриду и к той жизни, которую он ей навязывал. Конечно же, она и без беременности побоялась бы бросить его и отправиться искать счастья вместе с Кэт. Но в пабе Пэдди, в его кухне ей нравилось. Она сама зарабатывала себе на хлеб и чувствовала себя в безопасности под защитой владельца. Может быть, она сумела бы набраться мужества и восстать против Оттфрида, если бы они с Кэт не были беременны.

— Близнецы, — пробормотала она. — Я думаю, что у меня будут близнецы. У нас это часто случается в роду. Наверняка их будет двое.

На ферму Редвудов женщины добрались уже к вечеру, и их тут же засыпали вопросами. Джозеф, Джеймс и Эд тревожились за Лору, потому что ее не было слишком долго, и не особенно обрадовались гостье.

— Надеюсь, у нас не будет из-за этого неприятностей, — встревожился Эд. — Не поймите нас превратно, леди, конечно же, мы вам рады. Но понравится ли вашему супругу то, что мы вмешиваемся? Вы ведь должны охранять форт.

Лора раздраженно фыркнула.

— От кого охранять? — поинтересовалась она. — Только не вздумайте

ее пугать! И, если у ее мужа возникнут вопросы, пусть приходит ко мне. Я ему расскажу, что к чему! Бросить несчастную беременную женщину одну в жутком старом форте — да еще с глуповатой собакой! Неудивительно, что ей всюду духи мерещатся.

И она с тревогой посмотрела на Иду, которая уютно устроилась в кресле-качалке Лоры возле камина. Она уже заметно успокоилась, но ей не нравилось, что ее персоне уделяют столько внимания.

— Я здесь всего на несколько дней, правда. — Ида робко вмешалась в разговор. — Я и идти-то не хотела, могла остаться там. Конечно же, я буду вам помогать. Я умею шить, штопать, убирать... Лора говорит, вы сыр делаете. Мне всегда нравилось варить сыр.

Эдвард, Джеймс и Джозеф, конечно же, переживали за свои и без того хрупкие отношения с Гибсоном и Брандманном, но они были джентльменами до мозга костей. Ни один из братьев Редвуд не мог вести себя с Идой сурово, а уж тем более с Лорой.

— Ну да ладно, все равно они вернутся не скоро, — сказал наконец Джозеф. — Когда они уехали? Два, три дня назад? Тогда время еще есть, по крайней мере, я на это надеюсь. Не думаю, что они осчастливят своей замечательной идеей ближайšie племена.

В последующие дни Ида ходила по пятам за Лорой Редвуд, словно потерянный ребенок. С одной стороны, Ида хотела спросить у нее, как ей помочь по хозяйству, но, с другой стороны, она не могла ничего делать. Ида чувствовала себя истощенной, а стоило ей остаться одной, как ее охватывали страх и растерянность. Лора относилась к ней приветливо, с неистощимым терпением, в то время как мужчины проявляли сдержанную вежливость. Ида видела, что Лора работает практически наравне со своим мужем и его братьями, в отличие от мужчин и женщин Рабен-Штейнфельда или Санкт-Паулидорфа. Она занималась не только домом и огородом, но и овцами, крупным рогатым скотом и лошадьми, причем с большим удовольствием. Ида пришла в замешательство, когда обнаружила, что Лора даже носит брюки, которые сшила сама. Они были очень широкими и на первый взгляд напоминали юбку, но тем не менее это были брюки, и в них Лора, нисколько не смущаясь, ездилa верхом по-мужски, загоняя на пастбища овец или крупный рогатый скот.

— Я никогда особенно не любила стирать и готовить, — призналась она, заметив удивление Иды. — Поэтому мне так хотелось уехать из Йоркшира! Остальные женщины считали меня ненормальной и постоянно стыдили за это. Вот было шуму, когда отцу стало известно, что я уезжаю на край света с тремя мужчинами! Но я точно знала: если я выйду замуж за

обычного фермера, то в жизни мне из кухни не выбраться. Разве что иногда буду заходить в овечий хлев, может быть, ягнят из бутылочки выкармливать. Но верхом мне не покататься. А я так люблю лошадей!

И это было очевидно. Стоило Лоре взглянуть на резвого солового мерина, которого они привезли с собой с Северного острова, она начинала буквально светиться изнутри; даже на своего мужа она так не смотрела. Чтобы не возникало путаницы, она звала их обоих «милый». Джозеф был не против, а конь ржал, едва заслышав ее голос.

— В моей деревне сказали бы, что это не богоугодное дело, — робко произнесла Ида. — Ну, если женщина не остается на месте, предначертанном ей Господом.

Лора рассмеялась:

— И сразу же добавили бы, что именно поэтому мой брак еще не благословлен детьми. Знаю, мать мне постоянно об этом пишет! У обеих моих сестер уже по трое детей. Но я так счастлива! С детьми как-нибудь устроится. А если нет, то придется Эду и Джеймсу тоже искать себе жен и производить на свет наследников фермы, которой у нас, кстати, все еще нет. Я всегда говорю: парни, постройте мне каменный дом, а тогда поговорим о наследниках! В этом срубе, — она пренебрежительно махнула рукой в сторону своего дома, — я могу выращивать ягнят и жеребят, но уж никак не детей!

Ида же безумно завидовала Лоре, у которой был красивый деревянный дом с очень уютной террасой, большими окнами, занавешенными пестрыми гардинами, и простой удобной мебелировкой. Пусть Лора и не любила женскую работу, однако она, без сомнения, пряла овечью шерсть, а затем ткала из этих нитей. В ее доме были мягкие шерстяные одеяла, разноцветные подушки и вышитые скатерти. Ида с тоской вспомнила о своем приданом, погибшем в Санкт-Паулидорфе.

— А теперь мне нужно в сыроварню, — с заметным недовольством в голосе произнесла Лора. — Мы все ее не очень любим, и в какой-то момент парни решили, что это женское дело. Хотя лично я предпочитаю стричь овец, нежели доить их.

Ида тихо рассмеялась.

— Сыр у вас тоже не очень... хороший, — негромко сказала она. — Мне очень жаль, я не хочу показаться неблагодарной, мы были рады приобрести его у вас. Но я... Из этого молока можно приготовить кое-что лучше.

Лора удивленно подняла брови:

— Правда? — Она совсем не обиделась. — Тогда покажи. Как же

делают сыр у вас в Мекленбурге?

С вежливыми формами обращения она тоже покончила довольно быстро.

— Самый обычный? — уточнила Ида. — Из коровьего молока! Могу приготовить немного!

Они отправились в небольшую сыроварню, устроенную в хлеву. Ида объяснила Лоре, что сырную массу нужно резать иначе, аккуратно снимать верхний слой молока и непрерывно менять салфетки на уже залитом в формы сыре.

— Столько работы! — ворчала Лора.

Но Ида только смеялась.

— Оно того стоит, если в итоге получится по-настоящему твердый сыр! — заявила она. — Вы сможете продать его подороже. Вы ведь продаете сыр, верно?

Лора кивнула, заметив, впрочем, что рынок сбыта для молочных продуктов в этой местности пока что не очень велик.

— В устье реки Отакаро вскоре построят город, — сказала она. — Но когда именно, никто не знает. Пока что мы продаем сыр и мясо в Порт-Виктории, китобоям да нескольким поселенцам, иногда — провиантмейстерам судов, которые отправляются оттуда. Но им, конечно же, нужен не свежий, а твердый сыр, который хорошо хранится. А я кое-как умею делать только свежий.

— Этот будет храниться не менее пяти месяцев! — гордо объявила Ида и начала обваливать сыр в соли. — Ах да, у вас есть пиво для красной слизи? Или вино? Иначе придется варить специально. С ней сыр станет более пряным.

Лора усмехнулась:

— Ты шутишь? Тут живут трое мужчин — конечно же, мы варим пиво. И ты действительно собираешься купать в нем сыр? Звучит интересно. А для овечьего сыра у тебя найдется пара рецептов?

Ида пожала плечами:

— Я заливала козий сыр рассолом — тогда он хранится лучше. Еще можно добавить травы — крапиву например. Здесь есть крапива? Нужно спросить у Кэт, что можно взять вместо нее. Но сначала дай мне посмотреть на массу. Как, ты делаешь овечий сыр без сычужной закваски? Ладно, давай-ка сейчас поставим овечье молоко точно так же, как и коровье.

Ида давно не получала такого удовольствия от работы, с тех самых пор, как ей пришлось уехать из паба Пэдди. При этом варить сыр ей

нравилось больше, чем готовить. И в последующие дни молодая женщина буквально расцвела. Ида сушила и солила сыр, вдавливая его в формы и добавляла приправы. Мекленбургский сыр удался на славу благодаря пиву Лоры, сваренному по йоркширскому рецепту. А Охотник предпочитал ловить брошенные ему кусочки сыра, нежели крыс.

— Но скоро мне пора будет возвращаться, — грустно вздохнула Ида. Она провела на ферме Редвудов десять безмятежных дней.

Она не была так счастлива, так уверена в себе с тех пор, как покинула Рабен-Штейнфельд, да и там, строго говоря, она не чувствовала себя нужной и защищенной. А Лора без устали хвалила ее за то, как ловко она управляет с сыром, и братья Редвуд вежливо благодарили ее за каждое приготовленное блюдо. Ида восхищалась нежными отношениями Лоры и Джозефа. Эти супруги действительно любили друг друга, у них было много общего. Глядя на них, Ида часто вспоминала Карла. Интересно, они жили бы в таком же согласии, если бы она вышла замуж за него? Смогли бы они смеяться вместе даже спустя несколько лет брака? Но смеялись ли люди в Рабен-Штейнфельде и в Санкт-Паулидорфе?

— Тебе не будет страшно одной? — спросила Лора. — Да, конечно, теперь ты знаешь, что страхи были пустыми. Но ты ведь и раньше знала об этом.

Ида потупилась.

— Просто что-то нахлынуло, — пробормотала она. — Я в духов вообще не верю. И там нет никого, кто мог бы на меня напасть. Просто я вдруг почувствовала себя такой беспомощной!

Ида удивилась, когда Лора вдруг просияла.

— Конечно! Все ясно! — радостно воскликнула ее подруга. — И как я раньше не догадалась! — Лора подбежала к кухонному шкафчику и стала в нем что-то искать. — Ты чувствуешь себя беспомощной, отсюда и страх! Если бы ты могла хоть как-то себя защитить... Со мной такое тоже случалось, Ида. На Северном острове неподалеку от нашего дома была китобойная станция. Там жили очень грубые парни. Но Джозефу и его братьям иногда приходилось оставлять меня одну. И они купили мне вот это!

Она наконец достала из шкафчика небольшой ящик и открыла его. Ида с удивлением уставилась на маленький элегантный пистолет, лежащий на голубом бархате вместе со всеми принадлежностями.

— Что это такое? — спросила она.

— Револьвер! — гордо объявила Лора. — Кольт! Зарядить его непросто, но зато потом можно сделать пять выстрелов подряд. Это лучше,

чем обычное оружие. Заряди его и положи в шкаф на кухне или в карман юбки, если хочешь всюду чувствовать себя уверенно. И, если кто-то станет тебе докучать, — бум!

Лора вынула кольт из ящичка и в шутку прицелилась куда-то за окно кухни. Курок она не спустила, но Ида вздрогнула.

— Я ведь могу и в себя выстрелить...

Лора пожала плечами:

— Милая моя, кухонным ножом тоже можно пораниться. Или обжечься горячей водой. Нужно просто быть осторожной и понимать, как это работает. Пойдем, я покажу тебе, как заряжать эту штуку.

Лора усадила Иду на стул, стоящий рядом с кухонным столом, и подробно объяснила, как засыпать черный порох на полку, а затем с помощью шомпола вбить пули.

— Пули придется отливать самостоятельно, — пояснила она и показала на формы, которые содержались в наборе. — Все очень просто. Так, теперь еще капсуль, а потом надеваем барабан. Теперь из него можно стрелять, Ида. С его помощью ты разделаешься сразу с пятью злыми духами...

Ида смущенно рассмеялась.

— Пойдем, попробуем! — пригласила ее Лора. — Боже мой, парни перепугаются, если мы сейчас начнем палить на улице. Но ты должна хоть раз попробовать, прежде чем я отдам тебе оружие.

— Ты хочешь отдать мне его? — нервно переспросила Ида. — Я ведь не умею стрелять. И оно наверняка понадобится тебе самой.

Лора покачала головой:

— Деточка, оно мне не понадобится, так же, как и тебе. Там, наверху, в форте, на самом деле нечего бояться. Опасность существует только у тебя в голове. И в такой ситуации оружие — это просто спасение: держать пальцы на холодном металле, чувствовать, как он нагревается под ними... Чувствовать, что он на твоей стороне, Ида! Дело только в ощущениях. Речь идет о том, чтобы не оставаться беспомощной.

Взяв в руки револьвер, она вышла на улицу, а Ида робко последовала за ней. Она с тревогой наблюдала за тем, как Лора пристраивает полено на ограде загона, предварительно убедившись в том, что поблизости нет лошадей или других животных.

— Мы ведь не хотим никого убить, — сказала она, после чего встала рядом с Идой в паре шагов от цели — и выстрелила.

Ида перепугалась до смерти, а Охотник убежал, повизгивая и поджав хвост. Вслед за ним умчалась и колли Редвудов.

— Сьюзи боится пальбы, — объяснила Лора. — Она всегда прибегает с выгонов, когда парни охотятся на кроликов. Но мне это только на пользу. Если Сьюзи возвращается домой с таким видом, словно только что чудом спаслась от смерти, значит, я могу быть уверена: вечером будет жаркое из крольчатины.

У всех братьев Редвуд были винтовки. С тех пор как кто-то привез в Новую Зеландию кроликов, в отсутствие естественных врагов эти животные расплодились с невероятной скоростью, а братья хорошо умели стрелять.

Лора же едва могла прицелиться и попала в полено только с третьей попытки.

— А теперь ты! — с довольным видом предложила она.

Ида дрожащей рукой схватилась за оружие и навела револьвер на мишень.

— Ну, давай! — подбодрила ее Лора. — Ничего страшного, даже если ты промахнешься.

Ида не промахнулась. Несмотря на то что от выстрела она снова вздрогнула, а отдача, о существовании которой она не подозревала, заставила ее потерять равновесие, полено слетело с забора.

— Отлично! Прирожденный талант! — возликовала Лора. — Давай еще раз!

— Чем вы тут занимаетесь? — Муж Лоры, Джозеф, на полном скаку остановил своего коня рядом с ними. Должно быть, он очень спешил к ним. — Я до смерти перепугался, Лора! — тут же объяснил он свою поспешность. — Выстрелы возле дома! Я думал, кто-то напал на тебя! Вы не могли бы предупредить нас, прежде чем начать баловаться с этой игрушкой? — он указал на кольт.

— О, мы не балуемся! — возразила Лора. — Я решила научить Иду стрелять. Она возьмет кольт с собой и будет чувствовать себя в безопасности, уж точно не умрет от страха.

Джозеф нахмурился.

— А когда ее близкие вернутся, она случайно их застрелит, — проворчал он. — Если Ида за каждым деревом духи мерещатся...

— Она будет осторожной! — весело ответила Лора. — Кстати, она здорово стреляет, Джозеф. Просто невероятно, попала с первой попытки!

Муж Лоры рассмеялся.

— Новичкам везет, — отмахнулся он.

Лора покачала головой:

— Нет! У нее получается! Давай еще раз, Ида!

Смущенная Ида снова прицелилась. Она не торопилась, но ей очень хотелось доказать Джозефу, что она действительно умеет стрелять. Наконец она медленно спустила курок — и на этот раз отдача не застала ее врасплох. Она начала привыкать к стрельбе.

Полено с забора не слетело, но Ида попала в него с краю, и от него отвалился кусок, разлетевшись на мелкие щепки.

Джозеф вздрогнул.

— Новичкам везет! — не сдавался он. — Но, черт возьми!..

Глава 8

Лора оказалась права. Кольт действительно помог Иде почувствовать себя увереннее в пустом доме, хотя она спрятала его в самый дальний угол кухонного стола. Если бы на нее действительно напали, то она ни за что не сумела бы вовремя схватить оружие, однако уже сам факт его наличия успокаивал. Охотник терпеливо ходил за ней по пятам, пока она всячески старалась наполнить делами одинокие дни. Она работала в огороде, красила и пряла шерсть, даже рубила дрова, пока не начинала чувствовать усталость. Ночью она забиралась под одеяло и обнимала собаку, чтобы ничего не слышать и не видеть. Таким образом она пережила последние дни до возвращения своих мужчин и Кэт — и расплакалась, бросившись подруге на шею.

— Слава богу, вы вернулись! — всхлипывала она. — Слава богу! Мне было так одиноко, я все время представляла себе ужасные вещи, которые могли с вами случиться.

— Не глупи, Ида! — набросился на нее Оттфрид, видимо, разозлившись из-за того, что она обняла Кэт, а с ним даже не поздоровалась. — Нам ничто не угрожало. Пока ты тут бездельничала и наслаждалась жизнью, я сделал тебя богатой женщиной! Могла бы хоть спасибо сказать.

— Никаких благодарственных молитв, Отти! — перебил его Джоуи.

Было заметно, что ему действует на нервы нарочитая набожность мекленбуржцев, к которой время от времени возвращался Оттфрид. В пути Гибсон даже отучил его читать застольную молитву. «Лучше распряги коней или займись чем-нибудь полезным», — говорил он.

Но Ида не обращала внимания на мужчин, а продолжала с удивлением смотреть на Кэт.

— Правда? — негромко спросила она. — У вас действительно получилось?

Кэт пожала плечами:

— Ну, мы выторговали у маори бескрайние земли за несколько

безделушек, и, если действительно найдутся поселенцы, которые дадут Джоуи и Оттфриду кучу денег за них, то, возможно, все и получится. Однако, если хочешь знать мое мнение, — она перешла на английский, поскольку Оттфрид все еще крутился рядом, — многое еще может пойти не так. Но давай для начала выпьем чаю, Ида, а ты мне расскажешь, как здесь жила. Выглядишь ты не очень хорошо. Слишком бледная и худая. А как малыш? Уже шевелится? Я своего давно чувствую!

Вид у Кэт был цветущий. Время, проведенное среди *нгаи таху*, пошло ей на пользу, она теперь искренне радовалась ребенку. Слушая ее рассказ о поездке на равнины, Ида завидовала ей. Сама она рассказала Кэт, что гостила у Редвудов, но не упомянула о том, что послужило поводом для этого, и об оружии тоже не сказала ни слова. Она стыдилась собственных страхов. Но Кэт, разумеется, все равно поняла, что у подруги далеко не все в порядке.

— В любом случае в ближайшие несколько недель ты не останешься одна. Земли теперь у них с избытком, хорошей плодородной земли, хотя она расположена довольно далеко. Если хочешь знать мое мнение, найти для нее покупателей будет непросто. Но, как бы там ни было, они будут искать поселенцев без меня. С ними они могут говорить и на своем языке. А мы тем временем останемся тут и родим наших детей. — Она провела рукой по своему уже довольно заметному животу и пропела: — *Хаэре маи*, малыш!

Ида в смущении помешивала чай. Ее собственная беременность еще больше бросалась в глаза, хотя срок у них был примерно одинаковый. Однако Ида была худой и измученной, поэтому ее живот так сильно выпирал. Казалось, ребенок забирал все ее силы.

— Мой тоже все время пинается, — наконец сказала она.

Но она не собиралась петь ему колыбельную, более того, ей хотелось признаться, что она считает своего ребенка не подарком судьбы, а паразитом.

Следующие несколько недель действительно прошли для Иды и Кэт достаточно спокойно. Волноваться приходилось только тогда, когда в гости приезжала Лора Редвуд. В такие дни Кэт поспешно пряталась в каком-нибудь укрытии. Иде постоянно приходилось придумывать правдоподобные отговорки, чтобы объяснить, почему не показывается ее подруга. Однако, увидев, что Ида поправилась, Лора стала приходить реже. Ида наконец набрала несколько килограммов и постепенно вернула былую красоту. Лора, довольная этим, с гордостью вручила Иде один из первых кругов мекленбургского сыра.

— Первые мы даже продавать не будем, — сияя, говорила она. — Парни хотят съесть все сами! И овечий сыр теперь твердый и долго хранится, а с травами он стал очень вкусным! Продаваться будет отлично — и не без моего участия, я так парням и сказала! Я не позволю им пожинать мои лавры! И, когда они в следующий раз поедут в Порт-Викторию, я отправлюсь с ними!

Ида знала, что Редвуды обычно ездят туда на ярмарку, или к прибытию крупного судна, или в связи с другим подобным событием, и она надеялась, что оно совпадет с датой родов. Она даже думать не хотела о том, что случится, если Лора явится к ним в этот час и выяснит, что «близнецы» появились на свет не одновременно и, более того, у разных матерей.

— Судя по тому, что ты рассказывала, она даже не удивится, — говорила Кэт, но Ида настаивала на том, что лично она в этом случае провалится сквозь землю от стыда.

Оттфрида и Гибсона женщины почти не видели до самых родов. Они оба много путешествовали, поскольку, как и опасалась Кэт, покупателей для приобретенных ими земель найти было непросто. К счастью, финансовый кризис удалось предотвратить, когда капитан Редьярд Батлер купил сразу три участка: он сумел разбогатеть, занимаясь китобойным промыслом на западном побережье. При этом сам он китов не ловил, а командовал парусником, который отвозил в Англию продукты промысла. Теперь он женился на англичанке и намеревался где-нибудь осесть. А поскольку в районе Порт-Виктории планировали построить город, для которого, по слухам, англиканская церковь уже вербовала переселенцев, Батлер сделал выбор в пользу равнин: его молодая жена была прихожанкой этой церкви. Капитан взял надель у самой реки, чтобы в будущем быстрее добираться до города.

— Жена у него — настоящая леди! — рассказывал Гибсон. — Редкой красоты женщина, хоть и несколько худощава...

— И теперь этот Батлер хочет построить ей на равнинах настоящий дворец, — продолжал Оттфрид. — Уже нанимает рабочих, заказал материал... Огромная будет стройка. Надеюсь, это не напугает наших дикарей.

— *Нгаи таху* будут счастливы, — сказала Кэт. — По крайней мере, если для них на строительстве тоже найдется работа.

Гибсон пожал плечами:

— А отчего бы ей не найтись, капитан и на маори говорит неплохо. В общем, не боится он этих татуированных ребят. И мы уже имеем вдвое больше того, что вложили!

И действительно, каждый из мужчин получил по двести семьдесят фунтов прибыли — три сотни за вычетом стоимости товаров. Точно такую сумму отец Оттфрида заплатил в свое время за свой участок в Санкт-Паулидорфе; она была впятеро больше той, которую выплатили Те Кахунгуну.

— Следующие продажи принесут чистую прибыль, — радовался Оттфрид.

Однако дальше дело не шло. Вербовать колонистов в Пурау было невозможно. В Порт-Виктории встречались только ловцы удачи да моряки.

— Я мог бы попытаться счастья в Веллингтоне, — предложил наконец Гибсон.

Оттфрид же больше рассчитывал на Нельсон. Он слышал, что туда прибыла еще одна партия немецких колонистов. Если они будут так же разочарованы, как переселенцы с «Санкт-Паули», если их так же обманут с землей, то, возможно, они смогут забрать у Новозеландской компании часть вложенных средств и переселиться на равнины.

В конце концов мужчины решили вместе ехать на север. Оттфрид разведает обстановку в Нельсоне, а Гибсон сядет там на судно и отправится на Северный остров. Ида и Кэт, облегченно вздохнув, проводили их.

— Думаешь, у них получится? — с тревогой поинтересовалась Ида.

Кэт пожала плечами:

— Если нет, то вы возьмете один из участков себе и устроите там ферму. Деньги для старта у вас уже есть. Да, я понимаю, это не то, на что рассчитывал Оттфрид. Но в любом случае это выход.

Ида сжала губы. Сейчас уже ей совсем не хотелось иметь ферму в глухом уголке равнины Кентербери. Ее пробирала дрожь при мысли о том, что все придется начинать сначала, как в Санкт-Паулидорфе, только на этот раз в одиночестве, лишь с Оттфридом и детьми.

Женщина застонала, почувствовав, как зашевелился у нее в животе ребенок.

— Прекрати ты...

Однако она тут же осеклась. Нет, нельзя ругать малыша. Он ведь не виноват, что мать ненавидит его.

Однажды дождливым осенним днем — Оттфрид и Гибсон были еще на севере — у Иды начались схватки. Она только что соорудила примитивный ткацкий станок, чтобы прясть из своей красивой разноцветной шерсти полотно для одежды, как вдруг резкая боль пронзила все ее тело. Сначала Ида ужасно испугалась. В последнее время она чувствовала себя хорошо, но затем появилась эта боль, которая со временем

должна была только усиливаться. Она старалась не думать об этом раньше, но теперь перед глазами возник образ матери, умершей при родах. Ида вспомнила крохотного младенца, которого она так старалась сберечь, — только для того, чтобы он последовал за матерью всего через несколько месяцев. Она совсем не хотела рожать этого ребенка и предпочла бы, чтобы он остался там, где и был все это время.

Ида изо всех сил пыталась игнорировать боль. С трудом поднявшись, она вытерла лужу околоплодных вод, образовавшуюся у нее под ногами. С чем это было связано, она не знала — тогда о ее матери заботились другие женщины Рабен-Штейнфельда. Тринадцатилетняя Ида слышала только крики, время от времени ее посылали за водой и полотенцами, а затем пустили в комнату, чтобы она попрощалась с матерью. Воспоминание было кошмарным, и теперь оно обрушилось на Иду всей своей силой.

— Не хочу! — пробормотала она, когда в дом вошла Кэт и увидела ее бледное, залитое потом лицо.

Кэт сразу почуяла неладное, а потом заметила мокрое пятно на платье Иды. И тут ее подругу скрутила первая схватка.

— Ничего не поделаешь, — мягким тоном произнесла Кэт. — Ребенок собирается наружу, и лучше, если ты поможешь ему. Иначе дело затянется и будет еще больнее. Вставай, давай тебя переоденем, в ночной сорочке тебе будет удобнее. Или можешь совсем раздеться, так рожают женщины маори. — Впрочем, от этой мысли пришлось сразу отказаться, поскольку Ида вся залилась краской.

— Мне нужно лечь, — прошептала она. — Может быть, если я лягу, все пройдет.

Кэт покачала головой:

— Не пройдет. И ложиться не стоит. Слушай, Ида, ребенок хочет выбраться на свет через то же место, через которое он в тебя попал, ты понимаешь? Ну, внизу. Вам обоим будет легче, если ты будешь стоять во весь рост или на коленях, стараясь держаться прямо. И все произойдет быстрее, если ты будешь двигаться. Так что давай немного прогуляемся.

И в течение двух последующих часов Кэт водила подругу по дому и площадке, время от времени останавливаясь, когда Иду настигала схватка и она садилась на пол. Она хныкала, хваталась за живот и пыталась сдержать схватку. Ида боролась с ребенком, а Кэт боролась с отчаянием Иды. Если бы не это, роды были бы легкими. Малыш лежал правильно и хотел появиться на свет — Кэт поняла это, осмотрев подругу. Она массировала ей живот, как ее научила Те Ронга, заваривала чай, которой должен был успокоить Иду и ослабить боль, но та только всхлипывала, уткнувшись

носом в чашку, или вообще отталкивала ее.

— Я не хочу этого! Я не хочу! — причитала она.

В какой-то момент Кэт потеряла терпение и рявкнула:

— Твое поведение не угодно Богу!

Но даже это не помогло. Напротив, Ида, уже почти лишившаяся рассудка от боли и страха, сделала то, на что не осмелилась даже тогда, когда умерла ее мать: она прокляла Бога, а потом, обессиленная и терзаемая болью, прижалась к Кэт и разрыдалась.

— Господь покарает меня! — восклицала она. — Он меня накажет!

Когда спустя шесть бесконечных часов ребенок наконец родился, Кэт настолько устала, словно рожала сама. В итоге она заставила Иду встать на колени на кухонном полу, и только тогда та поняла, что должна помогать ребенку и тужиться. Новорожденная не слишком мягко приземлилась на утоптаный пол — и тут же громко запротестовала.

С тревогой осматривая малышку, Кэт не знала, плакать ей или смеяться. Но, похоже, с девочкой все было в порядке, и лишь вполне объяснимое возмущение читалось на маленьком сморщенном личике — по крайней мере, так казалось Кэт.

— Добро пожаловать в этот мир! — нежно прошептала Кэт, перерезала пуповину и вытерла малышку полотенцами. Она была не слишком крупной, но хорошо развитой и — на взгляд Кэт — совершенно обворожительной. — Ида, посмотри, у тебя дочь! Родилась прямо в объятия Папатуануку. Ида, если ребенка положить сразу на землю, это приносит удачу!

Ида неподвижно лежала на полу, свернувшись калачиком, — боль наконец-то отпустила ее.

— Ида! — встряхнула ее Кэт. — Ну, посмотри же на девочку. Она красавица! А крепкая какая! Ну, маленькая, хватит плакать, поздоровайся с мамой!

Когда Ида наконец медленно повернулась к ребенку, она сделала это скорее из чувства долга, нежели из любопытства, не говоря уже о любви. Конечно же, нужно было посмотреть на ребенка, взять его на руки. Но разве она не должна сначала лечь в постель, помывшись и переодевшись в чистую ночную сорочку? Она вспомнила, как проходили роды в Рабен-Штейнфельде. Даже ее мать расчесывали и умывали, когда она умирала. А сама она лежит здесь, грязная, окровавленная, на голой земле, и принимает из рук подруги это крохотное испачканное существо, которого она не хотела.

— Разве она не хорошенькая? — в отчаянии спросила Кэт.

Ида послушно кивнула.

— Очень, очень красивая, — пробормотала она. — Но нельзя ли мне... нельзя ли мне наконец лечь?

Кэт укутала малышку в простыню и уложила в корзину, которую сплела из тростника для новорожденной. Была еще колыбель, которую Оттфрид смастерил для «наследника», торжественно заявив, что теперь каждый Брандманн, рожденный на новой родине, будет спать именно в ней. Кэт она показалась слишком большой и неудобной для такого крохотного ребенка.

Затем она помогла Иде подняться, искупала ее и отвела в постель, где та снова начала корчиться от боли и наконец вытолкнула из себя послед.

— Неужели это никогда не прекратится? — в отчаянии спросила она. — Неужели никогда?

Кэт успокоила подругу, снова вытерла пот с ее лица, переодела в белоснежную чистую сорочку, при этом не спуская глаз с малышки, которая тихо спала в своей корзинке. Когда Ида наконец потребовала ребенка, Кэт вынула ее весьма неохотно.

— Не разбуди ее, — нежно произнесла она, прежде чем положить ее на руки молодой матери. — Посмотри, как она крепко спит! А какие крохотные у нее ручки! — Малышка спала, сжав кулачки. Кэт подумалось, что даже во сне она кажется очень решительной. — В любом случае она совершенно здорова, можешь не волноваться.

— Моя сестра тоже выглядела совершенно здоровой, — заявила Ида, явно сомневаясь в словах Кэт. — И она была такой же маленькой.

Она смотрела на ребенка так, словно ей было все равно, будет ли жить это крохотное существо или умрет. Выглядело это жутко. Ужасная мать!

— Когда она проснется, нужно сразу дать ей грудь! — заявила Кэт. — У тебя ведь есть молоко, верно?

Ида чувствовала напряжение в груди, но не могла даже думать о том, чтобы приложить ребенка к собственному обнаженному телу и покормить его. Разумеется, она все же заставила себя попытаться, но тут же оставила эту затею, поскольку у нее разболелись соски.

— Попробуем завтра еще раз, — утешила подругу Кэт и развела для малышки немного коровьего молока, которое, к счастью, оставалось в доме.

Лора Редвуд приходила в гости только вчера и сразу после этого уехала в Порт-Викторию вместе с мужем и его братьями.

— Мы уедем дня на три-четыре, — говорила она. — Ребенок до тех пор вряд ли родится.

Кэт уже начинала жалеть о том, что они не посвятили в тайну Лору Редвуд. Может быть, решительная супруга фермера помогла бы ей понять, почему Ида так себя ведет. Живя среди маори, она никогда не сталкивалась с подобными страхами и предрассудками. Любая женщина маори безумно обрадовалась бы такому хорошенькому и здоровому ребенку, а вместе с ней и все племя.

— Ты уже придумала для нее имя? — спросила Кэт, качая малышку, прилежно сосавшую кончик полотенца, пропитанного молоком. — Я знаю, что Оттфрид хотел назвать ребенка Петером, но это имя вряд ли подойдет.

— В честь отца, — проворчала Ида, не проявив никакого интереса к этому вопросу. — Мы должны были назвать младенца в честь его отца.

Кэт кивнула:

— Я знаю. Но так уж вышло, что родилась девочка, хотя Оттфриду это не понравится. А как зовут его мать?

Ида поморщилась.

— Оттилия, — сообщила она. — Но так...

— ...так мы называть ее не станем! — согласилась Кэт. — Это же невозможно выговорить. А дед? Как звали деда Оттфрида, Ида?

Та постаралась вспомнить.

— Карл, — наконец сказала она. — Кажется... Нет, я уверена, что его звали Карлом.

Кэт забрала у девочки полотенце и снова обмакнула его в молоко. Ребенок нетерпеливо захныкал. Кэт рассмеялась.

— Ну вот, это красивое имя, и звучит очень мило. И тебе нравится, верно, Ида? — В голосе подруги прозвучали заговорщические нотки.

Ида пожала плечами.

— Девочку нельзя назвать Карлом, — заявила она.

— Но можно назвать Карлой! — возразила Кэт. — Или Кэрол, если по-английски. Здорово же, правда?

Ида посмотрела на малышку, и перед ее внутренним взором возник образ Карла Йенша. Она еще очень хорошо помнила, как он произносил ее имя, когда начал учить английский язык. Новое имя для новой страны.

— Кэрол... — прошептала Ида и улыбнулась впервые с тех пор, как начались схватки.

Глава 9

Оттфрид Брандманн еще не увидел своего первого ребенка, а на свет уже появился второй. Кэт почувствовала схватки ночью и, разумеется, не стала будить Иду и просить у нее помощи. После рождения маленькой Кэрол она предоставила матери с ребенком большую кровать в спальне, а

сама устроилась на кухне, хотя Ида говорила ей, что в этом нет необходимости. Она хотела, чтобы подруга спала с ней, как обычно, когда дома не было Оттфрида и Джоуи. Кэрл можно было положить на ночь в корзину. Однако Кэт эта идея показалась странной. У маори никому и в голову не приходило разделять ночью мать и дитя, поэтому она все же настояла на том, чтобы переселиться на кухню. Впрочем, как выяснилось на следующее утро, желаемого результата она не достигла: Ида положила ребенка в корзинку, а сама делила большую кровать с Охотником.

— Я боюсь задавить ее, — сказала она.

Однако, несмотря на объяснение подруги, Кэт тревожилась. Отношения между Идой и ее дочерью явно не складывались. Оставалось только надеяться, что эта враждебность не перекинется и на ее собственного ребенка, когда Ида примет его в свою семью.

И вот теперь она размышляла, звать ли Иду на помощь. Собственные роды та пережила всего три дня назад... Можно ли предполагать, что она захочет снова принять в этом участие? Кэт знала, что вообще-то ей должно быть все равно. Помощь ей понадобится, ни одна женщина не должна в такой момент оставаться одна. С другой стороны, Иде следовало дать шанс полюбить хотя бы этого ребенка.

Поэтому Кэт решила пока ее не звать. С трудом поднявшись, она заварила себе чай, который, по словам Те Ронги, ускорял процесс родов, даже произнесла несколько молитв отвечающим за это духам — ей казалось, что таким образом она окажется ближе к Те Ронге.

Затем Кэт принялась ходить по комнате, пока схватки не стали слишком сильными. Тогда она разделась и встала на колени на утоптанном земляном полу, но потом подумала, что выложенное сушеной травой туссока ложе в хлеву больше подходит для того, чтобы рожать на нем ребенка. Кроме того, там не придется сдерживать стоны и крики, когда боль станет слишком сильной. Кэт схватилась одной рукой за столбик загородки, в которой стояли лошади, и прислонилась спиной к другому, как учила женщин прародительница Туракихау. И наконец, когда она едва не сошла с ума от боли, ей показалось, что она слышит голос Те Ронги: «*Ко те туку о Хинетеиваива...*» Это была *каракиа*, песня, помогающая при трудных родах. Кэт пыталась проговаривать слоги, а не выкрикивать их. Тужась в такт песне, она обращалась к своему ребенку — пока он наконец не выскользнул на солому.

Кэт рожала дольше, чем Ида, но страдала меньше, хотя после всего пережитого решила, что никогда больше не назовет роды *рауру нуи*, простыми. Рожать малыша, лежа на соломе, оказалось нелегко, но вот

теперь она смотрела на него, еще соединенного с ней пуповиной и неуверенно размахивающего ручками и ножками.

— Пора тебе закричать, — простонала Кэт, перерезая пуповину.

Выпрямившись, она ловко подняла младенца за ножки и принялась хлопать его по попке, пока он не завопил. Она рассмотрела его повнимательнее и засияла от счастья, увидев, что тоже родила дочь.

— Твоему отцу это не понравится, — пошутила она и нежно прижала девочку к груди, чтобы немного отдохнуть вместе с ней.

Затем она ополоснулась водой и оделась: осень в Пурау выдалась холодной. На кухне им будет уютнее, чем тут, в хлеву.

— Но я рада! Я хотела иметь дочь! — воскликнула Кэт.

Вскоре у нее снова начались схватки. Теперь ей действительно не помешала бы помощь, было бы неплохо, если бы кто-нибудь позаботился о ребенке. Ей приходилось следить за тем, чтобы не раздавить малышку, пока она, извиваясь между столбиками, выталкивала из себя детское место. Наконец, потная, дрожащая, она легла на солому и, натянув на себя и ребенка попону, провалилась в сон, прижимая свою девочку к груди.

Кэт проснулась под утро. Ребенок лежал у нее на руках, в тепле и безопасности. Девочка хотела было закричать, но Кэт сунула ей в рот сосок еще до того, как она успела набрать в легкие воздуха и завопить. Сначала малышка отнеслась к этому с недоверием, затем робко принялась сосать, но вскоре осмелела. От облегчения у Кэт закружилась голова. В кладовой уже почти не осталось коровьего молока, и ни она, ни Ида сейчас не сумели бы преодолеть десять миль до фермы Редвудов, чтобы попросить свежего. Она будет кормить обеих девочек, если Ида не сможет.

Обернув себя и ребенка одеялом, она встала и вернулась в дом. Все тело болело и протестовало против каждого движения, но в то же время с каждым шагом к ней возвращались силы. Кэт положила себе между ног тряпки, чтобы справиться с небольшим кровотечением после родов, поставила греть воду для чая и для первой ванны ребенка. Когда на улице взошло солнце, ее дочь снова лежала у нее на руках — чистая, сытая и завернутая в свежую пеленку. Кэт решила, что пора познакомить ее с Идой.

Она осторожно открыла дверь в спальню, где Ида еще спала в своей постели, а Кэрол — рядом с ней в корзинке. Кэрол заворочалась, и Кэт поспешно взяла ее на руки, прежде чем та успела расплакаться. Она аккуратно положила свою дочь на подушку рядом с Идой и стала кормить Кэрол грудью. Дочь Иды жадно вцепилась в нее. Питательное молозиво, похоже, больше понравилось малышке, чем разведенное водой коровье молоко. Во время кормления Кэт укачивала ее так же нежно, как и

собственного ребенка. Кэрол еще наверняка не наелась, но была довольна. Кэт завернула ее в свежую пеленку и положила рядом с Идой. Только после этого молодая женщина проснулась.

— Смотри, Ида! Наши двойняшки!

Ида с удивлением посмотрела сначала на Кэт, затем на девочек, лежавших слева и справа от ее подушки.

— Ты родила ребенка? Но как... как ты это сделала? И ничего не сказала! Неужели ты была совсем одна?

Кэт с улыбкой кивнула.

— Все прошло не так уж плохо, — ответила она и решила, что почти не лжет. Пока она любовалась своей идеальной малышкой, пережитые ночью ужасы стирались из ее памяти. — Кстати, это тоже девочка, — усмехнулась Кэт. — Но я еще не придумала для нее имени.

Ида знала, что Кэт с радостью назвала бы дочь в честь Те Ронги, но Оттфрид никогда не допустит подобного. С другой стороны, Кэт категорически откажется называть дочь в честь родственников Оттфрида.

Ида осторожно отогнула край пеленки, в которую была закутана малышка, и заглянула в ее нежное личико. Дочь Кэт выглядела не такой измученной, как Кэрол сразу после рождения. Недолгий сон на руках у матери разгладил ее морщинки, кроме того, она меньше плакала. Иде все это казалось чудом: восхитительный малыш, которого ей, судя по всему, принесли ангелы. Именно так она представляла себе материнство, прежде чем столкнулась с ужасной действительностью во время рождения сестры. Она в недоумении улыбнулась, а малышка поморщилась, словно пытаясь улыбнуться в ответ.

Мечта! Не ребенок — мечта! И в голове у Иды вдруг сложились слова — те, которые когда-то произнес Карл в стране, которая тоже была мечтой, казавшейся теперь невероятной, словно то было настоящее чудо.

— *Voce é linda*, — прошептала она. — Это значит «ты красивая».

Кэт смотрела на нее, хмурясь:

— Хм... Что это ты вспомнила? И на каком языке?

— Красивая... — примирительным тоном произнесла Ида и улыбнулась снова, как три дня тому назад, когда дала своему ребенку имя Карла. — Твой ребенок красивый.

Кэт задумчиво смотрела на Иду. О чем это она?

— Хочешь сказать, мы должны назвать ее Линдой? — Кэт пыталась понять свою подругу. — На языке маори это будет *paui*.

— Паи — тоже красиво звучит, — робко произнесла Ида. — Но Оттфрид... Если ты назовешь ее Паи, он разозлится. А вот Линдой можно.

Просто скажи, что это имя твоей матери.

Кэт удивленно подняла брови. Она ни за что не назвала бы дочь в честь своей родной матери Сюзанны! Но затем она вспомнила о Линде Хемплмен, и на глазах у нее появились слезы.

— В какой-то степени это правда, — тихо произнесла она.

Когда через несколько дней Оттфрид и Джоуи вернулись из путешествия на север, Ида встретила их, лежа в постели: чистая, нарядно одетая, посвежевшая и отдохнувшая. Она обнимала обеих девочек, при этом одна из них при виде отца испуганно наморщила лобик, а другая заморгала большими синими глазами. Ему представили обеих как Линду и Карлу.

— В честь матери Кэт и твоего дедушки! — напряженным тоном произнесла Ида.

Оттфрид поморщился, но промолчал, когда Кэт продолжила объяснения:

— А Карлу можно называть Кэрол, это английский вариант имени. Линда же на обоих языках звучит одинаково.

Кэт смотрела на него решительно, а Ида — скорее испуганно.

Однако, судя по всему, Оттфрида больше занимало нечто иное, нежели тот факт, что Ида назвала дочь в честь его старого соперника.

— Что, и правда две девчонки? — разочарованно спросил он.

— Мы не выбирали, — съязвила Кэт.

Оттфрид фыркнул, затем строго посмотрел на Иду и засопел.

— Смотри мне, чтоб в следующий раз... — только и сказал он.

Мрачное настроение Оттфрида, не улучшившееся и в последующие дни, было связано не только с тем, что его надежды на рождение наследника оказались напрасными. Как выяснили Кэт и Ида после долгих расспросов, все мероприятия по привлечению поселенцев оказались не слишком успешными, а обошлись они недешево. Оттфрид вообще не нашел в Нельсоне покупателей на свои земли, Джоуи удалось отыскать одного в Веллингтоне. Но даже и тот, бывший китобой и охотник на тюленей, сколотивший состояние на торговле различными товарами, не торопился сразу переезжать на свой участок. Ему потребуется не меньше двух месяцев на то, чтобы закончить дела на Северном острове. Кроме того, было не ясно, получится ли из него фермер. Землю его наверняка заставила приобрести жена.

— И что, никто в Нельсоне не захотел покупать у тебя участки? — недоверчиво спросила Ида. — Нам столько пришлось ждать...

Оттфрид пожал плечами:

— Да, нам не повезло. Но новые переселенцы из Мекленбурга довольны. Их Ранцтау расположен очень удачно. Кстати, он совсем рядом с Санкт-Паулидорфом, так что у наших пасторов, наверное, теперь есть новая община. Только их деревня стоит повыше, их уж точно не затопит. Земля там плодородная, покупка прошла как по маслу, и все счастливы. В том числе наши соотечественники, решившие перебраться в Ранцтау. Помещик, организовавший переезд, был невероятно щедр — по крайней мере, мне так кажется. Конечно же, в перспективе он хочет получать процент от прибыли колонистов. Но он дал всем землю, и они ему за это безгранично благодарны. Уезжать никто не желает — напротив, поговаривают даже о том, чтобы забрать туда наших из Австралии.

Ида кивнула. От отца и Брандманнов они получили всего одно письмо — почтмейстер в Порт-Виктории собирал почту для дальних хозяйств, — но не нашли там ничего обнадеживающего. В Австралии община окончательно развалилась; страна показалась немцам еще более чужой, экзотической, а значит, и более опасной, чем Новая Зеландия. Хотя, если верить госпоже Брандманн, опасность исходила скорее от англичан, похожих на бывших каторжников, чем от пауков, змей и крокодилов.

— Это просто трудный период! — поспешно заверил Иду Джоуи Гибсон, когда она осторожно поинтересовалась, каким образом Оттфрид собирается в будущем кормить семью, если из этой затеи ничего не выйдет. — В конце концов колонисты приедут, это как пить дать! Главное — не сдаваться!

Сдаваться мужчины действительно не собирались. Более того, они потратили полученные от Батлера деньги не только на свое путешествие, но еще и на товары, которыми загрузили две свои повозки.

— Что ж, на вашем деле хотя бы Партриджи наживаются, — сухо произнесла Кэт, осмотрев покупки. — Что вы собираетесь делать со всеми этими вещами? А зачем вы купили столько зерна? Его нужно сажать, оно не будет храниться вечно!

— Или ты решил все же сеять сам, Оттфрид? — спросила Ида, готовясь к неизбежному.

Она не хотела переезжать на ферму, но семью нужно было как-то кормить. Хотя они могли бы засеять поле прямо здесь, рядом с *па*.

Оттфрид решительно покачал головой.

— Ну уж нет, милая моя! — важно заявил он. — Хватит с меня сельского хозяйства, я буду торговать землей. А маори нужны в первую очередь семена. Или в прошлый раз мы их неправильно поняли?

Кэт нахмурилась:

— Вы собираетесь снова ехать к племенам? Снова скупать землю? Зачем? Вы еще от этой не избавились!

Гибсон возвел глаза к потолку, удивляясь женской непонятливости.

— Это временные трудности, — снова сказал он. — Переселенцев скоро будет очень много, поверь мне! И мы должны быть готовы к этому. Когда мы снова сможем отправиться в путь, Кэт? Может быть, через неделю?

Но Кэт решительно покачала головой. У мужчин вытянулись лица, когда она рассказала, что кормит обоих детей.

— Да ты вообще ни на что не годишься! — набросился Оттфрид на Иду, которая испуганно отпрянула и так крепко прижала к себе Кэрол, что малышка заплакала от возмущения. — Сначала девочку родила, потом оказывается, что ты даже кормить ее самостоятельно не можешь!

На глаза у Иды выступили слезы. Она и без того чувствовала себя не слишком хорошо и ходила весь день с опущенной головой, как прежде в Санкт-Паулидорфе. Прошлой ночью Оттфрид снова стал ее домогаться, и, поскольку после родов прошло не так много времени, она страдала от этого еще больше, чем раньше. Кроме того, она опасалась новой беременности. Те Ронга говорила Кэт, что женщина вряд ли забеременеет, пока кормит грудью, и Ида целыми днями пыталась возобновить лактацию, прикладывая к груди терпеливую Линду. Но было уже слишком поздно, и в какой-то момент малышка захныкала, требуя, чтобы ее накормили по-настоящему. Отдавая ребенка Кэт, Ида расплакалась.

— Что я могу поделать... — шептала она. — Господь... Я молилась, конечно, я...

— Господь не зря все это затеял, — резко перебила ее Кэт. — Он, похоже, считает, что Иду и девочек нельзя оставлять одних на несколько недель только ради того, чтобы приобрести землю, которую у вас никто не хочет покупать. Так что оставь ее в покое, Оттфрид, и смирись с этим: в ближайшие три месяца мы никуда не поедem. Может быть, за это время вы попытаетесь все-таки продать те участки, которые у вас уже есть. Например, найдите в Англии или Германии агента, который будет вербовать для вас переселенцев.

— А не поговорить ли об этом с пасторами? — робко предложила Ида, оставшись наедине с Кэт и детьми. Оттфриду она это предлагать не хотела, поскольку до такого он мог додуматься и сам. Он ведь только что был в Нельсоне. — Если по возвращении в Мекленбург они расскажут о здешней земле... Ну, не о Санкт-Паулидорфе, а о других общинах, например о Рантцау. Тогда они вернутся обратно с колонистами!

Кэт кивнула и, покормив Кэрол, отдала ей малышку. Ида сразу положила ее в корзинку и принялась ворковать с Линдой.

— Можно сделать проще, — размышляла вслух Кэт. — Пасторы ведь поддерживают связь с родиной. Возможно, им стоит только написать о том, что здесь есть свободная земля? Но на это уйдет время. Сколько времени прошло с того момента, как вы услышали о предложении Бейта в Германии, и до того, как вы высадились в Нельсоне?

Ида подсчитала, и получилось, что с того дня, когда ее отец впервые упомянул об эмиграции, и до прибытия в Новую Зеландию прошел почти год.

Кэт прикусила губу.

— Так я и думала, — произнесла она. — При этом Бейт был коммерсантом. Ваши пасторы наверняка будут действовать... более осторожно.

Ида тепло укутала Линду, намереваясь уложить ее спать. Однако расставание с ней далось ей намного труднее, чем с собственной дочерью.

— То есть Оттфрид и Джоуи нескоро получают какой-либо доход, — попытожила она. — И при этом от денег Батлера и этого бродячего торговца уже почти ничего не осталось. Особенно если мы купим у Редвудов корову.

Вчера снова приходила в гости Лора Редвуд. Ее прямо-таки распирало от гордости из-за того, что в Порт-Виктории все пришли в восторг от ее сыра. Она распродала все, что у нее было. Теперь женщина с восхищением смотрела на малюток, но вскоре встревожилась, догадавшись, что у ее подружки совсем нет молока. Кэт спрятала свои туго налитые груди под широкой накидкой, зато Лора заметила, что маленькая Кэрол не может высосать ни капли из материнской груди.

— Да ведь там почти ничего нет! — удивилась она. — Странно, что девочки, несмотря на это, выглядят здоровыми. Но вам нужно где-то брать молоко для них. Боже мой, парни убьют меня за эту сделку! Тем не менее, пятьдесят фунтов — и Дженнифер ваша.

Так звали их лучшую дойную корову, у которой скоро должен был появиться теленок. В стране, где домашний скот оставался редкостью, за нее можно было просить целое состояние.

Конечно же, Оттфрид пришел в ярость, но Кэт сумела убедить его в том, что корова им необходима. Благодаря Дженнифер они будут меньше зависеть от Редвудов, у которых они по-прежнему покупали сыр и молоко. Ради этого каждый раз приходилось преодолевать расстояние в десять миль, а затем возвращаться обратно.

— Можно сразу же купить и пару овец, — согласился Гибсон.

Однако, несмотря на эти слова, он, похоже, не собирался вкладывать свои деньги в приобретение животных. Когда Оттфрид напомнил ему об этом, тот пожал плечами и заявил, что ему принадлежат дома, в которых теперь живут Брандманны.

— Он так говорит, словно сам все это построил! — возмущалась Ида. — А ведь он даже не покупал эту землю, он ее просто присвоил...

Кэт задавалась вопросом, не явится ли сюда то племя маори, которому выплачивали аренду Редвуды, если они разведут скот, да еще и увеличат посевные площади. В глубине души она была исполнена решимости распахать большое поле для злаковых, даже если Оттфрид будет возмущаться. Возможно, им придется еще не один год жить в старом *па* и при этом чем-то питаться.

— Корову нужно купить в любом случае, — произнесла Кэт. — Но, возможно, Джоуи даже прав, когда говорит о временных трудностях. Приедут и другие *накеха*, в этом уверены все. Вот только если этот период слишком затянется, то одеяла и одежда истреплются, ножи затупятся, зерно будет съедено, прежде чем приедут колонисты и займут землю, — и тогда-то и возникнут проблемы с племенами...

Глава 10

Оттфрид и Гибсон с неохотой смирились с неизбежным и согласились подождать, пока Кэт не перестанет кормить детей, прежде чем организовывать следующую экспедицию вглубь острова. Иде приходилось нелегко, поскольку Оттфрид каждую ночь брал то, что ему причиталось. Кэрол и Линда не спасали ее от него. После того как однажды ночью девочки заплакали и Ида встала, чтобы позаботиться о них, Оттфрид недолго думая стал отправлять их в хлев к Кэт.

— Сначала псина, теперь спиногрызы! — ругался он. Охотника он тоже пинками прогнал из спальни. — Похоже, все так или иначе намерены испортить нам удовольствие! Так дело не пойдет, Ида. Нам необходимо личное пространство, иначе наш наследник так и не появится на свет.

Стиснув зубы, Ида промолчала. Казалось, Оттфрид действительно говорил всерьез. Неужели он и вправду верил в то, что она наслаждается его близостью?

— Шлюхи, к которым он ходит, наверняка притворяются, будто им хорошо, — ответила Кэт, когда Ида рассказала ей об этом. — Вспомни хотя бы Люси, она всегда делала вид, что он — прямо-таки герой. А девушки маори действительно получали с ним удовольствие, им все было мало.

Ида покраснела.

— Не нужно лишний раз упоминать о его изменах, — прошептала она. Кэт только пренебрежительно фыркнула:

— Ида, Оттфрид обманывал тебя с самого начала, я уверена в этом. Но я думала, что тебе это безразлично. Или тебе все-таки нужна его любовь?

Ее подруга покраснела еще больше.

— Он ведь поклялся, — пробормотала она. — В любви, верности и всем прочем. Он поклялся перед Богом...

— А Бог опять отвлекся, — усмехнулась Кэт. — Довольно, Ида, Господь не накажет его. По крайней мере, не в этом мире. Если ваши священники правы, то после смерти он попадет в ад. Для тебя так даже лучше, ты наконец избавишься от него, будешь сидеть на своем облаке и петь псалмы, или чем вы там на небе занимаетесь. Так что забудь о клятвах, они его не останавливают.

В те дни Кэт вообще отзывалась об Оттфриде очень дурно. Не только потому, что сочувствовала Иде, ей и самой снова приходилось от него отбиваться, когда он возвращался вечером домой и ставил лошадей в стойло. В такие моменты от него несло виски, и это было неудивительно. Мужчины проводили дни и ночи в Порт-Виктории. Этот городок с недавних пор стал называться Порт-Купер, его население выросло. Оттфрид и Джоуи утверждали, что занимаются в нем вербовкой колонистов, однако там по-прежнему жили только моряки, китобои и другие искатели приключений. Если им хотелось осесть где-нибудь, они не уходили дальше порта, где открылись два новых паба.

Оттфрид и Джоуи стали их постоянными клиентами, причем Оттфрид потратил там последние деньги, а Джоуи свои даже приумножил: в обоих пабах играли в карты, а Гибсон хорошо разбирался и в покере, и в блэкджеке. Оттфрид же был в этом деле неискушенным новичком. У старолютеран все азартные игры были запрещены, и теперь он на те гроши, что еще оставались у него после продажи земли Батлеру, пытался исправить это упущение, однако, конечно же, не преуспел. Впрочем, прежде Оттфрид купил корову и двух овец, поэтому у женщин было молоко, масло и сыр, в огороде росли кумара, рожь и капуста, в лесу они собирали травы и ягоды. Голодная смерть им не грозила.

— Может быть, в этом есть и что-то хорошее, — продолжала Кэт, а Ида испуганно уставилась на нее, услышав такое богохульство. Она небрежно качала колыбель, в которой вместе спали малышки. Кэт любила носить их с собой в сплетенной из тростника корзинке, как это делали маори. Они будут скучать по ней, когда она снова уедет на поиски земли для колонистов. — Ты только подумай, Ида: если Оттфрид не соблюдает

свои клятвы, ты тоже не обязана хранить ему верность!

Мужчины больше не продали ни одного участка, но все же вновь отправились в поездку к племенам. Малышкам к тому времени уже исполнилось четыре месяца: даже Оттфрид и Джоуи согласились с тем, что ехать куда-либо зимой не имеет смысла.

Но вот наступила весна, на равнинах зеленела трава, повсюду цвели *рата* и *ковайя*. По пути Кэт собирала растения, из которых можно было приготовить лекарства, а некоторые травы пригодятся Иде для сыра. Кэт переживала за Иду, особенно по ночам, когда птицы устраивали свои шумные концерты: в Новой Зеландии птицы скрежетали или в лучшем случае свистели, вместо того чтобы мило щебетать. Оставалось лишь надеяться, что Ида не впадет в панику, когда останется одна. Однако заботы о двух младенцах, а также уход за животными, работа в поле и сыроварне не оставят Иде свободного времени, ей некогда будет тосковать и бояться. Кроме того, прошло уже почти девять месяцев с тех пор, как они поселились в старом форте. Если духи не являлись к ним все это время, то вряд ли появятся теперь.

Эта поездка к маори во многом напоминала первую. Однако на этот раз Оттфрид скорее предвкушал то, как примут их маори, нежели боялся этого, и Кэт постоянно была настороже. Он наверняка будет приставать к ней, а теперь за ней пытался ухаживать и Джоуи.

— Кэт, послушай, почему бы нам тоже не стать парой? Я сплю один, ты спишь одна... Так долго продолжаться не может!

Кэт с раздражением покосилась на него:

— До сих пор, Джоуи, я спала не одна, а с беспокойной собакой и двумя младенцами, которые начинают вопить, когда Оттфрид лезет к Иде. Поверь мне, тебе не захочется быть рядом!

Джоуи усмехнулся:

— Но сейчас я не вижу ни пса, ни детей. Так почему бы не заняться этим сегодня ночью, милая Кэт?

Кэт достала нож и принялась его внимательно рассматривать.

— Потому что я проткну тебе глотку прежде, чем ты сделаешь это со мной, Джоуи, — заявила она. — Оттфрид, тебя я тоже предупреждаю: даже думать не смей о том, чтобы помогать ему. Иначе я расскажу первым встречным воинам маори о том, что ты нарушаешь *тану*, вызывая гнев духов. Зачем им отдавать тебе землю за твои товары, если можно просто забрать их себе, предварительно приготовив из тебя вкусную похлебку? Особенно если я скажу им, что буду молчать и никто об этом не узнает!

Конечно же, все это было ложью, но Кэт развеселилась, когда Оттфрид

побледнел, а Джоуи вспомнил о своих принципах.

— Да я просто пошутил, — поспешно пробормотал он. — Я знаю, милая, ты — *тану*.

Вскоре после этого они встретили племя — так же далеко от поселений белых, как и первое, и проблема снова решилась сама собой. И на этот раз в деревне нашлось несколько стоворчивых девушек, которые заглянули в палатку Оттфрида и Джоуи после того, как состоялась радушная церемония приветствия. Переговоры снова были легкими, и опять они стали владельцами огромной территории, отдав за нее тряпки и семена со своих повозок. По крайней мере, так гласил договор.

Ида тем временем пыталась привыкнуть к одиночеству, и у нее это получалось довольно успешно. Она ухаживала за скотом и заботилась о девочках, стригла овец и занималась переработкой шерсти. Кроме того, она обустроила небольшую сыроварню в одной из бывших кладовых и принялась экспериментировать с новыми рецептами. Быть может, если она наладит производство новых сортов, Лора Редвуд расплатится с ней деньгами. Пока она рассчитывалась лишь подарками, например опарой для теста. Прежде Ида и все остальные обитатели *па* довольствовались лепешками, которые Кэт жарила на огне по маорийской традиции, но теперь Ида могла замесить настоящее тесто и испечь почти такой же хлеб, какой они ели в Рабен-Штейнфельде и в Санкт-Паулидорфе.

На четвертый день после отъезда Кэт Ида провела все утро в хлеву, а потом долго сбивала свежее сладкое масло. Вернувшись в дом, она почувствовала голод и усталость. Ида предвкушала, как намажет кусок собственноручно испеченного хлеба этим маслом и съест его, а потом отдохнет, пока не проснутся дети. Малышки спали в корзине, которую она оставила перед домом под присмотром Охотника. Эта собака, скорее пастушья, нежели охотничья, умело сгоняла овец и к тому же оказалась прекрасной нянькой. Как только одна из девочек начинала ворочаться, пес тут же принимался повизгивать или даже лаять. Ида могла спокойно работать или пойти в дом, чтобы позавтракать и подогреть для детей сваренную рано утром кашу.

Ида открыла дверь на кухню и замерла. Утром она оставила краюху хлеба прямо на столе. Крысы, которые не давали им покоя, когда они только поселились в *па*, давным-давно перевелись. Лора Редвуд решительно расправилась с этими тварями, после того как нашла испуганную Иду в спальне и обнаружила, что крысы тем временем опустошили ее кладовую. Когда они пришли в дом Редвудов, она сразу же отвела Иду в сторону.

— Детка, твоя собака не справится с этой чумой. Тут тебе скорее понадобился бы десяток кошек. Но их у нас нет. Зато есть вот что... — Она открыла кухонный шкафчик, в котором, судя по всему, хранила все опасные предметы, и достала оттуда упаковку крысиного яда. — Пока ты живешь у нас со своей глупой псиной, мы разложим его у вас в домах, чтобы ты по ошибке не отравила собаку, чему крысы только порадуются. Я завтра утром съезжу в *па*, а ты пока присмотришь за хозяйством и сваришь мужчинам обед!

Так Лора и поступила, а затем повторила процедуру еще через пять дней. С тех пор в доме Иды грызунов больше никто не видел.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Посреди кухонного стола сидела огромная черная крыса с острой мордочкой, большими ушами и длинным лысым хвостом. Она грызла хлеб, нагло уставившись на Иду. Сначала Ида хотела закричать: дома, в Рабен-Штейнфельде, на ее испуганный крик в кухню или кладовую обязательно прибежал отец или Антон, который мог убить крысу из рогатки. Гибсон ловко расправлялся с ними при помощи палки, а стоит ей закричать сейчас, то прибежит хотя бы Охотник. Если, конечно, входная дверь открыта... Но Ида помнила, как захлопнула ее.

Оцепенев, она с отвращением смотрела на остроносое животное, которое, деловито принюхиваясь, без всякого страха пожирало ее хлеб. Она тут же вспомнила все, что знала о крысах: эта — наверняка не единственная, где одна, там и другие. Продукты, которые эти твари не съедали, они портили своим пометом. И в конце концов детская колыбель не станет для них препятствием. Ида в ужасе представила ее себе, полную черных вонючих блохастых тварей, и то, как они кусают Кэрол и Линду своими острыми зубами. Ей даже показалось, что она слышит детские крики, но сама она сумела издать один-единственный сдавленный стон. И ее снова охватил страх: она совсем одна, она беспомощна...

Нет, стоп, конечно же это не так! Ида стряхнула оцепенение. Пятясь, не спуская глаз с крысы, она проскользнула к шкафу, в котором хранила кольт, и дрожащими руками открыла его. Она никому не показывала пистолет и вообще о нем не вспоминала с тех пор, как вернулись мужчины и Кэт. И теперь она пыталась на ощупь найти ящичек, в который положила заряженный револьвер: нужно было лишь открыть его и вынуть оружие. Все оказалось удивительно просто. Пистолет как будто сам лег ей в руку, утешая и успокаивая.

Ида прицелилась в крысу. Она не забыла, как нужно держать оружие, как снять его с предохранителя. Ей стало дурно и она испугалась, когда

мерзкая тварь отреагировала на щелчок курка. Она неуверенно покосилась на Иду, затем бросилась к краю стола, ловко спустилась по ножке... Ида надеялась, что крыса спрячется в какую-нибудь нору прежде, чем она успеет прицелиться, — хотя тогда этой твари ничто не помешает вернуться, и страх перед ней будет преследовать Иду постоянно. Но тут животное замерло, намереваясь взобраться вверх по кухонному шкафчику. Ида глубоко вздохнула. Этого она допустить не могла. Каша для девочек стояла рядом с плитой... Женщина решительно спустила курок.

Грохот был оглушительным, отдача заставила ее попятиться. Она совсем забыла и об отдаче, и о том, каким громким бывает этот звук. Иде потребовалось несколько секунд, чтобы снова сориентироваться в собственной кухне. Оружие дымилось — а крыса исчезла. Возможно, она спряталась за шкаф — женщина не могла даже представить себе, что застрелила животное. Но затем она обнаружила дырку, которую оставила в шкафу пуля, — к ее огромному удивлению, совсем рядом с тем местом, где только что сидела крыса. Она промахнулась совсем чуть-чуть. В полено, стоявшее тогда на заборе у Редвудов, она попала. Может, Эд Редвуд был прав и это действительно было случайностью? Но разве ей могло повезти три или четыре раза подряд? Или у нее все же природный талант, о котором говорила Лора?

Ида посмотрела на оружие с новым интересом. Стрелять оказалось легко, она уже не понимала, почему так нервничала перед этим. Она осмотрела барабан, в котором осталось еще четыре патрона.

Но тут ее отвлекли: Охотник залаял, расплакалась одна из малышек. Скорее всего, пса взбудоражил выстрел и он разбудил девочек, кроме того, их уже пора было кормить. Все еще взволнованная, Ида подогрела кашу и убрала подальше хлеб, отрезав тот край, который грызла крыса. Масло она тоже надежно упаковала и спрятала в кухонный шкафчик. Есть ей уже совсем не хотелось.

За окном ярко светило солнце. Нужно было взять себя в руки и прогнать прочь мысли о крысах, а затем выйти из дома и покормить детей. На пороге ее ждал встревоженный Охотник: он боялся этого грохота, но не мог бросить детей, которых сам себе поручил охранять. Вздохнув с облегчением, пес улегся у ее ног, а она вынула из корзинки громко плачущую Кэрол и хнычущую Линду и принялась поочередно кормить их из ложечки каши. При этом Ида не могла не думать об оружии, даже когда пела детям колыбельные, чтобы они снова уснули.

— А вас я теперь отнесу в спальню, — произнесла она, решительно подняла корзинку с девочками и направилась с нею в дом.

Спальня была самой тихой комнатой в доме. Ида еще помнила, что туда почти не проникали крики ночных птиц, когда она пряталась тут во время прошлой отлучки ее домочадцев. Положив детей в колыбель, она задернула полог.

— А ты постарайся не лаять! — велела она Охотнику, который побежал за ней следом и радостно запрыгнул на кровать, намереваясь охранять стоящую рядом колыбель. — Сиди здесь. Я, кстати, выполняю твою работу!

Прихватив с собой револьвер, Ида вышла на улицу и разложила на бревнах забора, за которым обычно паслись лошади, камни разных размеров. Ей нужно тренироваться, стрелять снова и снова. Ида хотела научиться прицеливаться. И научиться попадать!

В последующие дни Охотник и малышки привыкли к ее упражнениям. Во второй половине дня Ида уже не стирала, не красила и не пряла шерсть, вместо этого она чистила оружие, заряжала его и отливала для него новые патроны. Все это она проделывала в тревожном ожидании. Огромная крыса больше не показывалась, но в любой день могла появиться опять. Ида снова и снова заглядывала в колыбельку девочек, даже стала забирать их на ночь с собой в постель, хотя боялась задушить тихую Линду, в то время как весьма энергичная Кэрол, пинаясь во сне, не давала матери спать. Днем Ида никуда не ходила без оружия в кармане юбки. Ощущение было приятным — она перестала чувствовать себя глупой из-за того, что боялась духов. Крыса представляла собой реальную угрозу, нужно было только суметь с ней справиться.

Однажды утром Ида, собираясь подоить Дженнифер, привычным жестом потянулась за ведром и табуретом, как вдруг увидела ту самую крысу или одну из ее товарок, пробегающую по полу мимо. Если корова что-нибудь жевала, то ее было проще подоить, поэтому Ида обычно угощала ее сеном. Судя по всему, крыса нацелилась на него. А затем это случилось. Ида спокойно вынула из кармана оружие, сняла его с предохранителя и выстрелила, уверенно и хладнокровно. Ида почувствовала отдачу, однако давно уже перестала закрывать глаза от испуга. Она увидела, как буквально взорвалась крыса, — и тут же выстрелила еще раз в окровавленные останки. В этом не было необходимости, крыса погибла сразу же, но каждый выстрел высвобождал что-то в душе Иды.

— Умри! — кричала она. — Умри, ты... ты, проклятая тварь... Умри, ты... ты...

Ида выпустила в растерзанную крысу третью, четвертую и пятую

пулю. Это наполнило ее восторгом удовлетворенной мести и безумной яростью. Она стреляла во всех своих демонов и духов, в свой страх. И чувствовала себя при этом такой свободной, такой легкой и счастливой, как никогда прежде, — если не считать того незабываемого момента, когда ее поцеловал Карл Йенш.

Наконец она опустила оружие, убрала останки крысы, после чего смогла снова воспринимать мир. Она была настолько одурманена своими эмоциями, что пережитое помнилось ей как в тумане; единственное, что она видела четко, — это свою цель, а ощущала только оружие в своей руке. Но теперь она услышала детский плач. Должно быть, девочки испугались: Ида поставила корзину у дверей хлева, а Охотник наверняка забился в какой-нибудь угол. Грохот револьвера по-прежнему внушал ему ужас.

Вытащив дрожащего пса из-за кучи соломы, Ида успокоила детей. Линда попросилась к ней на руки, а Кэрол смотрела на нее, сердито нахмутив лобик. Наверное, глаза у нее будут синими, но не такими, как у фарфоровой куклы, а со стальным отливом. И в этот день Ида впервые гордилась этим. Судя по всему, этот ребенок уже сейчас умел злиться.

— Я научу тебя стрелять, — пообещала она крохе. — Ты никогда не будешь молиться о смирении!

Сделки

Равнина Кентербери — Южный остров Веллингтон — Северный остров

1845—1846

Глава 1

Пока Крис Фенрой работал от рассвета до заката, его молодая жена сражалась с недовольством и скукой — почти так же, как в доме своего отца, сколько она себя помнила. Разумеется, нельзя было сказать, что на ферме нечем заняться. Напротив, Джейн постоянно ловила себя на том, что занята больше, чем прежде, и этим она была обязана своей так называемой прислуге. Нанятые ею девушки маори действительно приходили почти каждый день, но лишь тогда, когда им заблагорассудится. После того как Джейн однажды накричала на них, они какое-то время не показывались. Затем девушки вернулись, и Джейн в конце концов отказалась от попыток навязать им какой-либо график. Эти уверенные в себе особы, которые привыкли работать бок о бок с высокопоставленными членами племени, не довольствовались одними только указаниями Джейн: они хотели общаться. Поэтому Джейн учила девушек английскому языку; кроме того, ей самой пришлось стать ученицей. Омака настояла на том, чтобы Джейн тоже трудилась в огороде и повторяла слова подходящей *каракиа* для *кумара* и зерна.

— Ты петь с нами. Ты жить здесь с духами. Если не петь, духи злиться, тогда зерно не растет...

Все это действовало Джейн на нервы, но ей не хватало словарного запаса, чтобы объяснить женщинам разницу в отношениях между хозяевами и слугами. У маори, кажется, были только хозяева и рабы — побежденных в войне брали в рабство. Впрочем, *нгаи таху* давно уже ни с кем не воевали, а цвет кожи, судя по всему, для них был не символом статуса, а всего лишь неким интересным фактом. Кристоферу постоянно

приходилось отбиваться от женщин маори, желавших от него забеременеть.

Казалось, не существовало никакой возможности объяснить туземцам интеллектуальное превосходство белой расы. Более того, в глубине души Джейн понимала, что маори намного быстрее усваивают английский, нежели она язык маори. Имея лишь скверно переведенную Библию, Джейн продвигалась в своих занятиях слишком медленно. С ее аналитическим складом ума ей легче было бы изучать язык, запоминая правила грамматики и зазубривая слова. Однако никто еще не составил грамматику языка маори. Нужно было либо учить его интуитивно, что Джейн не нравилось, либо разбирать формы глаголов и предлоги, сравнивая библейские тексты на двух языках. Джейн выбрала последнее и постепенно впадала в отчаяние, поскольку муж ей ничем не мог помочь.

Крис не был неграмотным, но в настоящую школу никогда не ходил. Его мать, которая получила в Англии хорошее образование для девушек, научила его читать и писать, привила интерес к книгам. Крис читал все, что подворачивалось под руку, но английской грамматики в списке прочитанных им книг не оказалось. Поэтому он не представлял себе, что имеет в виду Джейн, говоря о спряжении или склонении. Он мог перевести на маори слова и фразы, но не умел составлять таблицы, параграфы и уроки, к которым его жена привыкла благодаря учебникам. К тому же выяснилось, что маори мыслят совершенно иначе. Для некоторых фраз было невозможно подобрать перевод, или же оказывалось, что дословный перевод будет истолкован превратно. Все, что они говорили и думали, было пронизано мифологией и размышлениями о сути вещей. Джейн то и дело чувствовала себя загнанной в тупик после разговоров с женщинами, даже если понимала их слова.

— Ты должна серьезнее к этому относиться! — только и мог сказать на этот счет Кристофер.

Ему вообще хотелось, чтобы Джейн серьезно отнеслась к своей новой жизни и попыталась приспособиться к миру, в который он ее привез. Он просто не понимал, что Джейн не хочет приспособливаться, у нее была лишь потребность переделывать все под себя. Поэтому, несмотря на всю свою занятость, она испытывала то же чувство, что и в доме родителей: она не продвигалась вперед и словно вязла в топком болоте, хотя ей хотелось бы плыть по чистой воде. Любое усилие, которое она прикладывала, казалось чрезмерным и вело не к тому, чего она хотела.

Подобное недовольство в Нельсоне она обычно вымещала на слугах, как приучила ее мать. Однако с маори этот номер не прошел, и поэтому от ее дурного настроения теперь страдал Кристофер. Джейн то ругала его за

то, что он забросил строительство дома, проводя весь день в поле, то принималась ворчать, что ферма никогда не принесет прибыли, если он, вместо того чтобы работать на полях, займется стройкой. Она придиралась к еде, которую подавала на стол кухарка маори, хотя та старалась изо всех сил. Арона любила готовить и искренне пыталась воспроизвести любимые блюда Джейн, такие как ростбиф и йоркширский пудинг, однако у нее толком ничего не получалось, поскольку Джейн знала только вкус блюд и ни одного рецепта. Экспериментировать ей не хотелось, поэтому кухарка обычно готовила самые проверенные блюда: почти каждый день на стол у Фенроев подавали жареную рыбу и сладкий картофель.

Кристофер не возражал. Он любил свежую рыбу, и ему было все равно, что есть, лишь бы не остаться голодным. Он предпочел бы главенствовать не на кухне, а в спальне, или хотя бы иметь право голоса относительно того, как все будет происходить. Однако с Джейн договориться было невозможно. Она и только она решала, когда Кристофер может исполнить супружеский долг; ей нравилось издеваться над ним. Поэтому она приглашала его в постель, а потом в последний миг прогоняла, возбуждала его — а после роняла одно-единственное колкое замечание, которое напрочь отбивало у него желание. Все это было Крису ужасно неприятно. Раньше у него никогда не случалось подобных затруднений, однако Джейн не казалась ему сексуально привлекательной, кроме того, она пугала его. Он предпочел бы вообще не спать с ней, но считал своим долгом удовлетворять супругу. К тому же он надеялся, что у них будет ребенок. Ведь с появлением ребенка женщина непременно должна стать мягче и спокойнее, даже если эта женщина — Джейн!

Поэтому Крис делал все от него зависящее, но они слишком редко проводили ночи вместе, чтобы можно было надеяться на скорую беременность. Когда он заговорил об этом, супруга недвусмысленно дала ему понять, что не хочет детей.

— Боже мой, Крис, я едва могу заставить слуг заправить постели и помыть посуду! Каким образом я смогу вышколить няньку?

Ей даже не приходило в голову, что она может заботиться о ребенке самостоятельно.

— Я не гожусь для материнства, — равнодушно заявила она в другой раз. — Дети нагоняют на меня тоску...

— Что, скажи на милость, не нагоняет на тебя тоску? — бросил ей в лицо взбешенный Крис.

— Есть кое-что, но этим тут не займешься, — злобно отозвалась она, пожимая плечами. — Я могла бы вести бухгалтерию для фермы, если бы

ты наконец начал что-нибудь производить. Но ведь до сих пор у тебя это не очень-то получалось.

В конце концов Кристофер сдался и перестал пытаться наладить контакт с Джейн. Ему оставалось лишь надеяться на то, что его первый урожай будет хорошим и ферма наконец начнет процветать. Тогда Джейн хотя бы сможет уважать его, если уж о любви и речи не идет.

Однако вскоре Джейн Фенрой нашла для себя сферу влияния там, где ничуть этого не ожидала.

Те Хайтара, вождь ближайшего племени маори, с которым Джейн познакомилась почти сразу по приезде во время *повири*, часто приходил в гости к Крису Фенрою. *Арики* интересовался всем, что происходило на ферме. Казалось, он хотел выяснить все подробности быта *пакеха*. Поэтому Крис рассказывал ему о том, как работают сельскохозяйственные машины, а вождь неловко и с глубочайшим почтением гладил шерсть лошадей, с восхищением наблюдал за тем, как мужчина из его племени доит корову Фенроев. Он недвусмысленно поощрял желание его соплеменников работать на Джейн и Крису, принимал оплату зерном и одеялами, не требуя денег. Крис благодарил за это Господа, поскольку, с одной стороны, денег у него не было, а с другой стороны, без согласия Те Хайтары ему вряд ли удалось бы уговорить тех девушек и женщин, которых обидела Джейн, снова служить ей. Те Хайтаре ферма Криси Фенроя казалась страной чудес и выставкой современных достижений, и, если члены его племени что-то могли показать ему и объяснить здесь, он щедро раздавал им похвалы. Вождь внимательно осматривал земляную печь, на которой Арона готовила блюда, и камин, который растапливала Река и который давал намного больше тепла, нежели открытые костры, у которых грелись маори. Но в первую очередь он стремился выучить английский язык и был единственным, кто пытался регулярно брать уроки у Кристофера, вместо того чтобы просто повторять за белыми слова и фразы, как другие маори. Джейн невольно рассмеялась, увидев, что ее муж использует в качестве учебного материала ее грамматику, составленную с таким трудом.

— Кажется, еще кому-то нелегко дается новый язык, — усмехнулась она. — Чего доброго, он научит тебя грамматике!

Как бы там ни было, с тех пор Джейн стало казаться, что у них с вождем есть определенное сходство. Он всегда обращался к ней почтительно, употребляя такие выражения, как «*How do you do, madam?*»[52]. В какой-то момент даже его племенные татуировки перестали казаться ей странными. В окружении маори к ним все привыкали быстро.

Тем не менее однажды она немного испугалась, увидев, что он неподвижно сидит на берегу реки Ваймакарири, будто бы полностью погрузившись в размышления. Джейн шагала вверх по течению реки, как почти каждый день с начала лета. Она не любила гулять, но зато обожала купаться. Она восхищалась современными ванными комнатами в домах Бейтов в Гамбурге и Нельсоне. Здесь же, на ферме, ничего подобного, разумеется, не было. Имелась, правда, бадья для купания, зато не было слуги, который мог бы ее наполнить. Кристофер лишь рассмеялся, когда Джейн предложила поручить это одному из его помощников-маори.

— Джейн, прошу тебя, я не хочу, чтобы туземцы подумали, будто мы спятили! Если хочешь купаться, купайся в реке.

В первое лето, проведенное на равнинах, а затем и зимой Джейн гордо отказывалась это делать и, ворча, обтиралась полотенцами, смоченными в теплой мыльной воде. Теперь же, на второе лето, она открыла для себя реку. Она с удовольствием в нее окуналась, а вскоре нашла укромные места, где листья папоротников висели над водой, словно занавески. Джейн могла со спокойной душой, не опасаясь любопытных взглядов, раздеться и поплескаться в этих тихих заводях, где совсем не было течения. Джейн зачаровывал зеленый полумрак ее любимой купальни, который царил там даже тогда, когда светило солнце, и вскоре она перестала бояться летавших над водой насекомых.

Джейн не была склонна к истерикам. Веты и мушиные личинки внушали ей отвращение, однако она не испытывала иррационального страха перед ними. В Новой Зеландии не было ядовитых и опасных животных, ей кто-то говорил об этом, и она поверила. В конце концов Джейн даже в какой-то степени полюбила прогулки по тропе, ведущей от фермы к ее любимой заводи. Гуляя, она пыталась распознать деревья, дарившие ей тень, например, тонкосемянник, который маори называли *манука*, — и даже находила некоторые растения красивыми, например, тот вид незабудки, который цвел вдоль берега реки. Эти цветы были намного красивее вездесущих *рата*! Джейн вдыхала их аромат, наслаждалась их пестрыми оттенками, но ей не приходило в голову сорвать их и поставить в вазу на ферме. Она не желала тратить свое время на такую ерунду.

И вдруг она увидела могучего воина маори, сидящего в траве, среди дикого льна и тростника. Джейн узнала вождя не сразу, и его наряд показался ей странным. На нем была традиционная одежда маори, у которых даже мужчины носили нечто вроде юбки и ходили с обнаженным торсом. На поясе у него висели дубинки, ножи и другое оружие, копье лежало рядом. Навещая Кристофера на ферме, он обычно надевал рубашку

и хлопчатобумажные брюки, как и другие члены племени, работавшие на Фенроев. Казалось, им нравились эти вещи, и они предпочитали их традиционной одежде. Те Хайтара сидел на корточках, держа спину ровно, длинные черные волосы были собраны в пучок на затылке, глаза его сузились, превратившись в щелочки. Он сидел, словно в трансе, глядя на реку, и Джейн растерялась, не зная, можно ли его побеспокоить. С другой стороны, было бы невежливо просто пройти мимо. К тому же она не хотела купаться, пока поблизости находится вождь. Пусть для Те Хайтары в этом ничего удивительного не было, поскольку женщины его племени расхаживали по деревне полуголыми, однако Джейн умерла бы от стыда, если бы он увидел ее обнаженной.

— *Kua ora, арики!* — почтительно поздоровалась она, надеясь, что не застала Те Хайтару врасплох.

Вождь медленно повернулся к ней — наверное, опытный воин давным-давно слышал ее шаги, еще до того, как она увидела его.

— Добрый день, мадам! — произнес Те Хайтара и поднялся.

— О, не нужно вставать ради меня! — воскликнула Джейн. — Я совсем не хотела мешать вам.

Арики улыбнулся.

— Нельзя стоять никто, если *арики* сидеть, — пояснил он. — Это *тану*. Не хотеть, чтобы ты говорить «прости» духам.

Джейн удивленно подняла брови.

— Я духов не боюсь, — спокойно сказала она.

Те Хайтара рассмеялся.

— Ты есть женщина с много *мана*. Быть может, духи боятся тебя. — Он вздохнул. — Быть может, духи боятся *пакеха*, — рассуждал он. — Сегодня не говорить со мной.

Джейн окинула взглядом тростник, лен и ближайшее дерево *манука*.

— Вы здесь для того, чтобы... поговорить с духами? — спросила она. — С теми, которые живут в растениях? — Работавшие на нее женщины занимались этим постоянно, но она почему-то думала, что вождь проявит больше благоразумия. — Тут обитают какие-то особенные духи? Ведь ближе к деревне тоже растут лен и тростник.

Те Хайтара серьезно покачал головой:

— С духами реки. Духи растений не могут знать. Все время на одном месте. Но река течет. В том числе к *пакеха*. Может, знать ответ.

— Какой ответ?

Джейн была уверена, что своим вопросом наверняка нарушила какое-нибудь *тану*, но все же подошла к одной из четырех скал, которые словно

бы росли из травы неподалеку от берега. Если вождю это не понравится, он просто скажет об этом. Он ведь не обязан с ней церемониться.

— На вопрос, — произнес Те Хайтара. — Здесь священное место, мадам. Река, камни, много духов. Лучше сидеть между камнями, не на камнях.

Джейн пожала плечами и опустилась в траву. Вождь тоже присел чуть поодаль.

— Если речь идет о *пакеха*, возможно, я смогу вам помочь, — предложила Джейн. — В таком деле на духов лучше не полагаться.

— Хм... — удивился вождь, а затем снова принялся размышлять: — *Арики* искать совет у духов, если племя несчастливое.

Джейн задумалась, не обидятся ли духи, если она прислонится к одному из камней. Было жарко, и ей хотелось устроиться поудобнее. Вождь сидел с прямой спиной, однако выглядел встревоженным.

— Ваше племя несчастливо... из-за вас? — поинтересовалась она.

На миг Джейн задумалась, что может ждать *арики* в подобном случае. Его сменят? Ему придется подавить восстание? Или его съедят, если у него ничего не получится? Последняя мысль напомнила ей о том, что она никогда не верила рассказам о каннибализме маори.

— Не из-за меня, — поправил ее Те Хайтара. — И «несчастливы» — неподходящее слово. Скорее... если мы чего-то хотим и не получаем, как сказать?

— Недовольны? — предположила Джейн.

Вождь кивнул, лицо его помрачнело.

— Да. Это нужное слово.

— А чего хочет ваше племя? — спросила Джейн.

Те Хайтара сорвал несколько листьев тростника и принялся вертеть их в пальцах. Возможно, *тохунга* его племени сделали бы это только после того, как прочли *каракиа*. Джейн прислонилась к камню.

— Деньги, — коротко ответил вождь. — Племя хотеть покупать вещи. Вещи иметь, как имеют *пакеха*.

Джейн кивнула:

— Да, я понимаю. Но не считаю это предосудительным. Конечно, сегодня довольно тепло, и в этом случае ваша... хм... юбка... возможно, удобнее, нежели мое платье. Однако зимой вы ведь в этом замерзнете. Кроме того, ваши льняные одеяла и блузки очень симпатичные, однако не годятся для местного климата. Не говоря уже о том, что никому не захочется питаться одним только сладким картофелем. Будь я членом вашего племени, мне хотелось бы иметь хорошие одеяла, зерно, скот и все

остальное.

— Это не... как говорить? Пре-дсуди-тельно? Трудное слово. Нельзя просто сказать «плохо»? Это легкое слово. И так, это не плохо, просто дорого. Не хватать денег. Я спрашивать духи. Как получить деньги?

Джейн невольно рассмеялась.

— Мой муж тоже постоянно задает этот вопрос, — ответила она. — Может быть, стоит прислать его к вам.

Вождь серьезно посмотрел на нее:

— Да. Я уже спрашивать Крис. Он тоже не знать. — *Арики* разорвал листья тростника.

Джейн закусила губу. Раньше мужчины ее никогда не слушали, если речь шла о деньгах, или по меньшей мере не принимали ее всерьез. Может быть, стоит попробовать еще раз?

— Слушайте, *арики*, — начала она, — с деньгами дело обстоит так: их обменивают. На предметы и на работу. Последнее вам не подходит: единственный, кто может дать вам здесь работу, это мой муж, а у него у самого нет денег. Кроме того, работая на кого-то, не разбогатеешь. Коммерсант получает намного больше.

— Что такое «коммерсант»? — спросил вождь, который внимательно ее слушал.

— Коммерсант — это тот, кто покупает и продает вещи. Другое название торговца.

— Торговец, как Ка-пин-та! — обрадовался Те Хайтара. — Том Капин-та. Приходить с повозка, хотеть продавать нам вещи. Одеяла, одежда, все, что есть у *накеха*. Но хочет иметь деньги.

— Конечно, — согласилась Джейн. — Даром ничто не дается. Смотрите, *арики*, этот Карпентер сам товары не производит. Он покупает их где-то, поскольку уверен, что сможет продать их в другом месте. Значит, для начала вам нужно поступить иначе: продайте Карпентеру нечто такое, что он хочет иметь. Он даст вам за это деньги, а вы купите на них все то, что хочет иметь ваше племя.

Вождь нахмурился.

— Почему тогда сразу не поменяться? — спросил он. — Но не важно, у нас нет вещей для продажи. Ничего из того, что хотят *накеха*.

Джейн выпятила губы.

— А я не стала бы утверждать это так уверенно, — произнесла она. — Дело в спросе и предложении, в желаниях и ценообразовании. И в рекламе. Вам стоило бы почитать Адама Смита[53]. Ах, забудьте... — Джейн рассмеялась, увидев, с каким недоумением смотрит на нее вождь. —

Скажем так: вам нужно просто привлечь на свою сторону нужных духов. Когда этот торговец приезжает, вам ведь обычно переводит Крис, верно?

Арики кивнул:

— Или мы сами. Не нужно много слов, чтобы делать торговля.

Джейн покачала головой.

— Неправильно! — заявила она. — Слушайте, завтра я зайду к вам в деревню. И мы посмотрим, что у вас есть на продажу. А потом нужно будет целенаправленно изготавливать этот товар, иначе появится спрос, но не будет предложения. А когда приедет торговец, переводить буду я!

Глава 2

Джейн и послушные ей, хотя и недоумевающие маори хорошо подготовились к тому моменту, когда два месяца спустя торговец Карпендер прибыл в *мараэнгаи таху* со своей повозкой. Он пришел сюда скорее для того, чтобы бесплатно поесть, переночевать в безопасном месте и заняться любовью со сговорчивой женщиной, нежели ради каких-то сделок. В этом племени он разве что мог обменять ножи и зерно на лекарственные травы и масло чайного дерева. А порой он ограничивался тем, что одаривал свою ночную подругу отрезом дешевой ткани. Однако на этот раз вышло иначе. Вместо приветливого Криса Фенроя, с которым Карпендер всегда был не прочь поболтать, наутро в деревню явилась статная молодая женщина *пакеха* в деловом темно-красном костюме. Ее тщательно уложенные густые каштановые волосы были убраны под простую шляпку. Маори взирали на нее с не меньшим почтением, нежели на Карпендера, когда она приветствовала торговца:

— Меня зовут Джейн Фенрой-Бейт, и по поручению *арики* Те Хайтара я буду говорить с вами о делах.

— Что? — изумился Карпендер.

Джейн высокомерно усмехнулась:

— Да, мистер Карпендер. Вождь Те Хайтара и его народ решили создать небольшую мануфактуру, чтобы улучшить экономическую ситуацию в племени. Они с удовольствием поручат вам сбыт продукции, для начала за комиссионные. Но я уверена, что наше предложение понравится вашим постоянным клиентам, особенно колонистам. Вы ведь знаете, что в поселениях все время жалуются на нехватку медикаментов. При этом у маори есть множество традиционных снадобий, которые не уступают лекарствам немецких или английских переселенцев. Однако колонисты зачастую относятся к ним с предубеждением, если их непосредственно предлагают представители коренного населения. Вот у нас, к примеру, есть «эссенция из желтых цветов», которая незаменима при

обработке ран и синяков. А вот «порошок вероники» — так называется куст, из листьев которого он добывается. Помогает от... диареи.

— Порошок от поноса? — уточнил Карпентер. — Неплохо, на это точно будет спрос.

— Я в этом не сомневаюсь, сэр! — заявила Джейн. — А вот сироп от простуды, помогает от кашля и боли в легких. Мы называем его «бабушкин сок от кашля».

Карпентер усмехнулся:

— Потому что вы не знаете, как перевести *ронгоа* на английский?

Джейн улыбнулась:

— Вы улавливаете суть, сэр! Клиенты должны верить в наши лекарственные препараты, и мы скорее добьемся желаемого, если их названия не будут звучать слишком экзотически.

Джейн пришлось написать матери три письма, чтобы убедить ее прислать пособие по ботанике, которое хранил в библиотеке отец. Растения Полинезии исследовали, зарисовывали и каталогизировали еще со времен путешествий капитана Кука и при этом крайне редко присваивали им данное туземцами название. Намного чаще ботаники именовали свое открытие так, как им было удобно. Например, Джейн выяснила, что под иллюстрациями с изображением *коромико* в учебниках стоит подпись «новозеландская вероника». А «эссенция из желтых цветов» получила свое название просто потому, что *ковайя* на языке маори означает «желтый».

— Как видите, мы разлили лекарства в сосуды из древесины твердых пород, срок годности у них будет немаленький. Так что я предложила бы вам взять у нас, скажем, по двадцать образцов каждого средства и...

— Я не стану покупать наудачу! — перебил ее Карпентер.

Джейн понимающе кивнула:

— Просто выслушайте меня до конца! Как я уже говорила, мы можем для начала договориться о комиссионном способе продажи. Хотя вам все равно придется заплатить небольшую сумму за каждую единицу товара.

— А что ты хочешь получить? — обратился Карпентер к Те Хайтаре, с которым, по его мнению, разговаривать было проще. — Если я дам тебе, скажем... тюк хлопка за все это... — он указал на медикаменты, аккуратно разложенные по ящичкам для удобства транспортировки.

Было непросто уговорить *тохунга* племени, привыкшую мастерить из твердой древесины музыкальные инструменты, чаши и ложки, сделать вместо этого ящички для мазей и настоек. Также женщины весьма неохотно кроили и шили мешочки для порошков из той ткани, которую Джейн нашла в своем сундуке с приданым: по их мнению, ее лучше было пустить на

рубашки для детей. Но в конечном итоге у них получилась очень симпатичная упаковка, а Джейн пожертвовала своей почтовой бумагой, чтобы украсить ее аккуратными этикетками.

Услышав предложение Карпентера, женщины племени возликовали. Как это обычно бывало во время столь знаменательных событий, они все собрались на площади. Женщинам казалось: достаточно протянуть руку, чтобы получить вознаграждение за свой труд. Вождь тоже колебался и неуверенно смотрел на Джейн, однако та решительно покачала головой:

— Нет, сэр, на бартер мы не согласны. Как уже было сказано, у нас здесь мануфактура, мы ориентируемся на получение прибыли, по крайней мере, стремимся к этому. Наша твердая цена за единицу товара составляет шесть пенсов, сколько вы прибавите к ней при продаже — это только ваше дело. И... мы прекрасно понимаем, что вы только осваиваете этот рынок, поэтому готовы удовлетвориться одним пенни в качестве предоплаты за каждую единицу товара. А расчет осуществим после, когда вы вернетесь.

Карпентер удивился. Вождь согласно кивнул, но женщины недовольно заворчали.

— Пять пенсов за каждую единицу! — начал торговаться Карпентер. — И полпенни предоплаты.

Джейн на миг задумалась.

— На пять пенсов мы согласны, но предоплата в размере одного пенни пусть остается. Ах да, вот еще что я хотела вам показать...

И, прежде чем Карпентер продолжил торг, она вынула из ящичка мешочек, а из него — вырезанные из нефрита *поунаму* подвески. Карпентер недоверчиво взглянул на искаженные гримасами лица идолов.

— И что это такое? — поинтересовался он.

— Это *хей-тики*, — пояснила Джейн, — их носят на шее. Назовем их амулетами. Они приносят удачу. Вот эти, к примеру, отлично подходят для китобойного промысла.

— Правда? — недоверчиво спросил Карпентер. Окинув взглядом стоящих рядом маори, он увидел, что у многих на шее висят подобные амулеты. — А разве в этой местности охотятся на китов?

— Они приносят удачу и на обычной рыбалке, — выкрутилась Джейн. — В любом случае вы могли бы предложить их клиентам. Может быть, не так открыто, как другие товары. Скорее вечером, в пабе, — как секрет знатока.

— Вот здесь тоже бог река! — вмешался Те Хайтара. Судя по всему, вождь понял принцип этой торговли. — Он приносит...

— Деньги! — просияла Джейн и подмигнула Те Хайтаре. —

Поскольку деньги, как известно, постоянно текут... как река. А... э... этот бог... однажды он запрудил реку.

— Ага, — усмехнулся Карпентер. — Дайте я угадаю: за каждую штуквину вы хотите получить шесть пенсов?

Джейн покачала головой:

— Нет, десять. И два пенса предоплаты. Так просто деньги не даются.

В конце концов Карпентер действительно отдал им сто пенсов, или восемь шиллингов и четыре пенса, в качестве предоплаты за шестьдесят упаковок медикаментов и двадцать *хей-тики*.

Арики с удивлением осознал, что за эти деньги он может купить тюк хлопка и три перочинных ножа.

— Видите, обмен был бы менее выгодным, — с довольным видом пояснила Джейн, прежде чем попрощаться. — Однако вам придется дать мне десять пенсов уже сейчас. Мне понадобятся клей и бумага, чтобы сделать новые этикетки.

— Новые? — переспросил Те Хайтара. — Ты думать, он покупать еще?

— Конечно! — ответила Джейн. — Дайте только срок. Но не ведите с ним переговоры без меня! Он не получит ни капли сиропа от кашля, не рассчитавшись за эти товары полностью.

— И тогда мы богат! — просиял Куту. У Криса он научился считать и теперь никак не мог поверить, что его племя вскоре получит такую огромную сумму.

— Не спешите, — остудила его пыл Джейн. — Сейчас Карпентер заглянет на ближайшие фермы, потом отправится в Порт-Купер, оттуда — в Нельсон. Пройдет не один месяц, прежде чем он снова вернется.

Однако этот прогноз не оправдался. Повозка торговца снова появилась на деревенской площади маори всего две недели спустя. Те Хайтара послал к Джейн самого быстрого гонца племени, худенького мальчика, приказав ему немедленно привести ее.

— Снова здесь Ка-пин-та! — произнес мальчик на ломаном английском. — Без *ронгоа*!

Ронгоа было общим названием всех лекарственных средств у маори.

Джейн сразу же тронулась в путь и обнаружила, что ретивый торговец уже всю торговается с Те Хайтарой.

— Он продать все. Но хочет дать меньше, — подытожил вождь его слова. — И все равно много.

Джейн с неодобрением посмотрела на Те Хайтару. Сегодня она была одета не столь официально — в простое домашнее платье без корсета.

Однако благодаря явному успеху предприятия она даже в таком виде излучала уверенность в себе.

— Что ж, мистер Карпентер, если вы продали весь товар, то, по моим расчетам, вам следует выплатить нам пятьсот пенсов, что составляет сорок один шиллинг и шесть пенсов. От них нужно отнять восемь шиллингов и четыре пенса, которые мы уже получили, значит, вы должны вождю ровно тридцать три шиллинга и два пенса. Если вы рассчитаетесь сразу же, мы все останемся друзьями. — Джейн попыталась обворожительно улыбнуться, однако и сама прекрасно понимала, что сейчас больше напоминает скалящуюся акулу. — А теперь расскажите мне, как шли продажи, мистер Карпентер, и почему вы вернулись к нам столь быстро. Неужели деньги племени так жгли вам руки, что вы захотели поскорее избавиться от них?

Глаза Те Хайтары расширились от удивления, когда Карпентер действительно выплатил ему всю сумму и послушно поведал о том, как продавал медикаменты. Он понимал, что Джейн не поверит ему, если он начнет прибедняться. И в какой-то момент он перестал себя сдерживать. Карпентер даже забыл о своем намерении самую малость нажать на «дикарях» и с восторгом рассказал о лучшей сделке в своей жизни:

— Люди вырывали товар друг у друга из рук. Я заехал на три фермы по дороге в Порт-Купер, и каждая из живущих там женщин купила у меня лекарство. Мне еще велели узнать, помогает ли порошок от тошноты, если... э... женщина в положении. Остальное забрали китобои и моряки. Я мог бы продать втрое больше! Кстати, есть спрос на средство от фурункулов и боли в конечностях. Все моряки страдают от подагры, ну, из-за влажности на борту. В общем, раскупили весь товар прямо в Порт-Купере. И эти хей-штуки тоже: все китобои хотели взять по одному, и моряки. Им я раздал тех демонов, которые нагло показывают язык. Я сказал им, что это самое убойное средство против бури. Гарантирует безопасное путешествие.

Карпентер усмехнулся, ожидая похвалы, а Джейн оставалось только надеяться, что вождь понял не все. Чтобы торговля шла и дальше, лучше не задевать его религиозные чувства.

— В общем, я подумал, что стоит заехать сюда еще раз, — продолжал Карпентер. — За новой партией товаров. Поэтому у меня такой вопрос: как скоро вы сможете изготовить столько же медикаментов и амулетов? Или даже больше? Я возьму все, что вы сумеете произвести, скажем, за две недели. А до тех пор я поживу здесь.

— Конечно! — просияла Джейн. — Тогда мы вычтем с вас пенни в

день за постой и еду и еще один за прокорм ваших лошадей: их мы устроим на ферме моего мужа у реки, там есть конюшня. Ах да, и я так полагаю, что за неделю мы сможем изготовить еще около сотни единиц товара. Может быть, не в такой дорогой упаковке... Зато я скоро закажу для них стеклянные флаконы. А что касается *хей-тики*, то... штук пятьдесят точно получите.

Те Хайтара пришел в полный восторг от дальнейших перспектив, но *тохунга* его племени была далеко не так счастлива.

— Быстро не выйдет! — заявила травница. — Один только сбор цветов *ронгоа* займет много времени. Я должна заниматься этим сама, не могу поручить никому другому, поскольку это *тапу*. А отвар из коры *ковайи*... Нужно ведь петь *каракиа*! В том числе во время сбора *коромико*.

Джейн возвела глаза к небу, когда Крис передал ей эти слова. Старуха обратилась к нему, так как считала его более умелым переводчиком, нежели ее собственный *арики*.

— *Ронгоа* может собирать только *тохунга*, — объяснял Крис. — А с *ковайи* нужно быть осторожным, некоторые части растения ядовиты.

— Значит, ей нужно взять еще нескольких учениц, а тех, которые у нее уже есть, посвятить в жрицы. Или как у них принято? Что же до всех этих песнопений, то скажи ей, что мы, белые, чтим в первую очередь богов реки, а они стоят выше богов растений. Когда смыло Санкт-Паулидорф, Маутер забрал все, насколько я поняла. Так что пусть поют свои *каракиа* побыстрее, а то духи реки рассердятся...

Глава 3

Карл Йенш получал почту в Веллингтоне. Впрочем, в городе он появлялся один раз в несколько месяцев, не чаще, и только чтобы забрать корреспонденцию. За последние два года он успел побывать во всех уголках Северного острова. Он измерял землю везде, начиная с залива Бей-оф-Айлендс на севере и заканчивая окрестностями Веллингтона на юге. Сначала он работал под началом Таккетта, а затем, когда тот стал преемником Уэйкфилда в Нельсоне, у него появились другие подрядчики. Чаще всего он работал на правительство, но порой его нанимали частные лица и даже племена маори, которые хотели избежать обмана при продаже земли. Во время этих деловых поездок Карл досконально изучил Северный остров Новой Зеландии. Он обследовал его леса, восхищаясь массивными деревьями *каури*, измерял земли для овцеводов на равнинах Вайкато и с замиранием сердца наблюдал за извержениями вулканов, которым маори давали странные имена, такие как Нгаурухое, Руапеху или Таранаки. И каждый из них имел свою историю. Маори считали, что в горах и деревьях

живут боги и духи. Карл часто жалел, что плохо знает их язык и не может послушать, как рассказывают эти мифы сами маори. Он плавал в чистых водах озера Таупо, научился у местных маори искусству ловить форель, бродил по огромным, залитым солнцем пляжам на востоке острова. Глядя на море, он всегда испытывал печаль, поскольку оно напоминало ему об Иде и о том, как она восторгалась Байей.

Все сложилось бы иначе, если бы она тогда сумела переступить через свой страх и бежать вместе с ним! Или позже, после того как колонисты приняли судьбоносное решение основать деревню на Маутере. На крайнем севере Новой Зеландии летом было жарко, как в субтропиках, а в густых лесах Вайпоу встречались одни только пальмы и папоротники, почти как на Карибских островах. Карл еще мечтал о том, чтобы купить дом для Иды в этой местности, где скорее воплотились бы ее мечты о жарком солнце, прозрачном воздухе и ярко-синем море, нежели на дождливом Южном острове.

Но Ида ушла, он потерял ее навеки, и Карлу следовало смириться с этим.

Он знал, что Австралия — это целый континент, огромный и необъятный. Даже если он бросит все в Новой Зеландии и отправится туда на поиски любимой, в этой большой стране он не сумеет отыскать даже следов Ланге и Брандманнов. Оставалось только надеяться, что брак с Оттфридом не принесет Иде много горя и что жители Рабен-Штейнфельда сумеют найти свою землю обетованную хотя бы со второй попытки. Может быть, местный климат больше подойдет Иде? Если уж она должна самоотверженно прожить свою жизнь в смирении, рядом с мужчиной, которого она не любит, то пусть у нее хотя бы будет дом с видом на море и усыпанный белым песком пляж. По возможности без крокодилов!

Карл кое-что слышал об Австралии, а еще больше читал — с тех пор как Таккетт рассказал ему об отъезде его соотечественников в эту страну. Он знал, что уехали не все, но выяснил, что Петер Брандманн и Якоб Ланге первыми отправились туда, чтобы основать новую общину. И, конечно же, Оттфрид и Ида наверняка присоединились к ним. Однако более точной информацией об их местонахождении Таккетт не располагал. Вроде бы речь шла об окрестностях Аделаиды — так он писал, — но оттуда колонисты, разумеется, могли перебраться в другое место.

Карл вздохнул и открыл почтовый ящик, как обычно, питая безумную надежду увидеть на одном из конвертов крупноватый, немного детский почерк Иды. Это было невозможно, она не знала его адреса, но она могла бы написать просто «Карлу Йеншу, Веллингтон»... Карл часто напоминал

почтмейстеру, что такое письмо может прийти, и тот его ни за что не выбросил бы и не отослал обратно. Впрочем, среди тех немногих писем, которые получил Карл, и на этот раз не было долгожданной весточки. Одно письмо от Таккетта, одно — от Кристофера Фенроя, который писал ему каждые несколько недель, и несколько деловых посланий. Последние могли подождать — у Карла не было желания браться за новое задание.

Может быть, дело было лишь в очередном разочаровании и вечной тоске по Иде, но в последнее время молодой человек утратил интерес к работе. Поначалу она ему очень нравилась, но постепенно ему надоели постоянные разъезды. Карл с удовольствием вернулся бы к оседлому образу жизни, он любил землю. Какое-то время он с энтузиазмом разведывал ее для других, но теперь ему хотелось иметь собственный надел, и он даже мог его себе позволить! В последние годы Карл хорошо зарабатывал и почти ничего не тратил. Приезжая в Веллингтон, он останавливался в лучшем отеле, регулярно питался и покупал добротную одежду, которая согревала его и не позволяла промокнуть во время путешествий. Однако чаще он ночевал в палатке и питался рыбой и лепешками. Если его вел проводник маори, что случалось нередко, он запоминал, какие коренья и плоды можно употреблять в пищу, а потом разнообразил свой обед, к примеру, вареными корнеплодами *раупо*. Если по пути ему встречалась ферма, то хозяева почти всегда проявляли гостеприимство, так же как и племена маори. Заработанные деньги он отправлял в банк Веллингтона, сумма на счету все росла, и он давно уже мог купить участок земли.

Однако Карл долго не мог решить, где именно ему хочется поселиться, кроме того, ему казалось, что нет смысла этого делать, оставаясь холостяком. Он даже подумывал о том, чтобы провести в Веллингтоне несколько месяцев и поискать себе жену. Должна же найтись девушка и для него, Ида ведь не единственная, кого он может любить! Однако до сих пор никто не пробудил в нем даже намека на страсть, хотя молодой человек честно пытался хоть что-то почувствовать к девушкам маори, которые то и дело заигрывали с ним, пока он гостил у племен. Каждый раз он приглашал одну из них к себе в палатку — в конце концов, он не был святым. Иногда ему удавалось найти девушку с темными волосами, с лицом в форме сердечка и кротким взглядом. Однако, хотя эти девушки были красивы, просыпаясь рядом с ними, Карл чувствовал себя особенно скверно. Глупо было пытаться найти вторую Иду, поэтому он решил поискать светловолосую невесту.

Положив письма в карман, Карл вышел из здания почты. Ему не

хотелось читать их прямо на месте: за окном светило весеннее солнце, он с бóльшим удовольствием устроился бы где-нибудь на улице. Он тут же заметил кофейню напротив, где столики и стулья были выставлены прямо на тротуаре. На ярких жалюзи над входом было написано «Пти Пари». Французские колонисты? Или кто-то притворяется космополитом? На вкус Карла, кафе выглядело довольно мило, поэтому он устроился на мягком сиденье одного из хрупких металлических стульев. Изогнутая спинка оказалась поразительно удобной. Столы тоже были коваными, а молодая девушка, которая вышла из заведения, чтобы принять его заказ, показалась ему весьма симпатичной. Она была светловолосой — может быть, стоило присмотреться к ней поближе? Карл улыбнулся сам себе, а затем посмотрел официантке в лицо и с изумлением обнаружил, что ее черты ему знакомы.

— Ты... Вы... Быть того не может! Извините, вы так похожи на одну девушку, которую я когда-то знал, она... — Карл запнулся, пытаясь объяснить свое недоумение.

Светловолосая девушка ответила ему насмешливой улыбкой:

— Неплохая попытка, но я свиданий не назначаю. И нет смысла приглашать меня на кофе: я могу пить его сколько душе угодно.

Девушка говорила по-английски бегло, но с немецким акцентом.

— Простите, — снова повторил Карл и вдруг понял, что не ошибся. — Ты... Вообще-то, это невозможно, но иначе и быть не может. Такое сходство! Хотя ты, конечно же, выросла. Ты Элсбет? Элсбет Ланге? Сестра Иды?

— Бетти, — поправила его девушка. — А откуда вы меня знаете?

Теперь Бетти тоже пристально взгляделась в лицо Карла, и вдруг в ее глазах промелькнуло узнавание.

— Вы — Карл Йенш! — с удивлением произнесла Бетти. — *Sorry*[54], что я вас не сразу узнала, я обычно в лицо клиентам не смотрю, чтобы не казаться наглой, так учит меня Селин. Но теперь... Откуда вы здесь? И где вы были все это время, пока все прочие эмигранты из Рабен-Штейнфельда только и знали, что тонуть да молиться?

Карл невольно рассмеялся. Элсбет всегда была более открытой и дерзкой, чем ее сестра. Может быть, иногда она молила Господа ниспослать ей мужество, но никогда не просила у него смирения. И, судя по всему, Господь услышал ее — мужества ей было не занимать, она была в этом кафе как дома. Она казалась цветущей и счастливой, одетая в аккуратное черное платье с кружевным передником и модный кружевной чепец, кокетливо сидевший на ее светло-русых волосах. Какой контраст с туго накрахмаленными чепцами, которые были частью повседневной женской

одежды в Рабен-Штейнфельде!

— Я их предупредил! — воскликнул Карл и театрально воздел руки к небу, чтобы подчеркнуть свою невиновность. — Но меня ведь никто и слушать не стал. Не приглашали меня и помолиться вместе, пока их деревня тонула. Кстати, выражаешься ты не слишком благочестиво.

Бетти захихикала.

— Да не было там Господа! — продолжала богохульствовать она. Карл подумал, что Ида непременно отругала бы ее за это. — Там руку приложили скорее духи реки. По крайней мере, так говорила Кэт. Или приемная мать Кэт. Она предупредила маори, чтобы они не продавали эту землю переселенцам, но они не послушали ее. Как бы там ни было, по Санкт-Паулидорфу я не пролью ни слезинки. Работали с утра до ночи, потом еще эти наводнения... И мне велели выйти замуж за Фридриха Хаузера. Ты представляешь? Э... или мне нужно называть тебя на «вы»?

Бетти перешла на немецкий и невольно обратилась к нему на «ты». В Рабен-Штейнфельде ей бы и в голову не пришло говорить Карлу Йеншу «вы». Но у этого хорошо одетого и уверенного в себе молодого человека, который устроился в кафе, словно делал это каждый день, и который наверняка мог заплатить за еду и кофе, не было ничего общего с тем оборванцем.

— Конечно, давай перейдем на «ты», в конце концов, мы вместе ходили в школу... Правда, как только ты стала ее посещать, мне пришлось ее бросить, — улыбнулся Карл. — Но что ты делаешь в Веллингтоне? Я думал, что ты со своей семьей в Австралии. Разве вы все не уехали, и Брандманны вместе с вами?

Бетти надулась.

— Это долгая история, — наконец сказала она. — А мне нужно работать. Селин, хозяйка кафе, уже косится из-за гардины. Хотя... она очень, очень милая. Думаю, что раньше она... Ах, я тебе потом расскажу! Моя смена закончится через час. Ты пока пей кофе, а потом мы сможем поговорить.

Карл кивнул:

— Отлично. Тогда принеси мне кофе и кусок пирога. Мне еще нужно прочесть письма.

И он снова вынул из кармана полученную корреспонденцию, а Бетти в это время сбегала на кухню и вернулась с чашкой ароматного кофе с молоком и слоеной выпечкой. Она поставила все это на стол и произнесла:

— До скорой встречи! — после чего скрылась в помещении кафе.

Сначала Карл открыл письмо Фредерика Таккетта. Его прежний

работодатель, как обычно, красочно описывал свои переговоры с маори по поводу покупки земли в Отаго. Он полагал, что эта территория идеально подходит для того, чтобы заложить на ней новый город, который давно хотела построить на Южном острове Церковь Шотландии. Таккетт недавно услышал о том, что у Новозеландской компании возникли затруднения с оплатой счетов, и в очередной раз выразил свое недовольство тем, что ему снова поручили обманывать маори.

Полагаю, я откажусь от этого и вернусь в Англию, — заканчивал он свое письмо, отправленное из Нельсона. — Или для начала съезжу в Австралию, где мне сделали очень интересное предложение. Может быть, Вы согласились бы поехать со мной и снова поработать на меня? Вы всегда интересовались судьбой колонистов, которые переехали в Австралию после катастрофы в Санкт-Паулидорфе. Если получится, Вы сможете восстановить свои связи.

Карл потерял виски. Какая неожиданная просьба! Прежде он всегда старался подавить свое желание последовать за Идой, не желая гнаться за иллюзией. Однако, если он отправится туда вместе с Таккеттом, это станет хорошей причиной, чтобы вопреки здравому смыслу ответить на зов сердца. Может быть, Элбет поддерживает связь с сестрой и хотя бы приблизительно подскажет ему, где находится Ида.

Несколько приятных минут Карл предавался грезам, мысленно представляя себе, как он шагает по воссозданному Рабен-Штейнфельду, а навстречу ему бежит Ида, лучась от счастья, и приветствует его, как своего спасителя. Но затем молодой человек взял себя в руки и решил рассуждать здраво. Ида замужем, ее жизнь вошла в свою колею. Карл не имеет права нарушать ее покой.

Решительно отложив в сторону письмо Таккетта, он открыл послание Криса Фенроя. Из конверта выпали три страницы, торопливо исписанные мелким почерком. Уже после первых фраз стало ясно, что Крис снова пытается излить ему душу.

Мы наконец собрали урожай, — писал Кристофер, лишь для приличия поинтересовавшись здоровьем Карла. Забегая вперед, он сообщил о том, что на ферме дела идут хорошо и у них с Джейн все в порядке. После этого он, наверное, решил, что хватит с него общих фраз, и принялся обрисовывать реальную ситуацию: — Зерна намолотили немало, но оказалось, что продать его не так-то просто. Мы с трудом доставили доверху груженные повозки по земле в Порт-Купер — а по прибытии обнаружили, что потребности поселка с лихвой покрывают фермы, расположенные намного ближе. Поэтому мое зерно пришлось морем

переправлять в Нельсон, где спрос пока что довольно велик. Некоторое время они испытывали серьезные трудности со снабжением...

Об этом Карлу было известно, поскольку Таккетт, став преемником Уэйкфилда, вынужден был решать эту проблему.

Разумеется, я не мог отправиться туда сам, чтобы уладить вопрос с продажей, мне пришлось положиться на торговцев и агентов. И все они хотели иметь свою долю от прибыли. Кроме того, перевозка морем тоже обошлась недешево. А еще пришлось платить за доставку зерна по реке из долины Ваймакарири в Порт-Купер. Если бы мы вновь попытались перевезти его на телегах, это заняло бы бог знает сколько времени. Поэтому чистая прибыль от урожая оказалась намного меньше, чем я ожидал, и можешь себе представить, что сказала на этот счет Джейн. Мы переехали в новый дом, и я обещал, что на вырученные деньги обставлю его подобающим образом, однако это оказалось невозможно: денег мне хватило только на то, чтобы докупить и отремонтировать необходимые сельскохозяйственные инструменты. Здесь нелегко вскапывать землю, травяной покров очень плотный. Строго говоря, мне не помешала бы упряжка волов, с лошадьми это настоящая мука. Мне придется распахать больше земли, если я хочу, чтобы ферма окупалась. При этом земля словно противится культивации. Вездесущие травы туссока растут сами по себе, прополоть поля просто невозможно. К тому же Джейн постоянно напоминает мне о том, что моя ферма совершенно нерентабельна. Она манипулирует какими-то экономическими теориями, в которых речь идет о рынках сбыта, инфраструктурах и о чем-то еще, не помню, о чем именно. Понимаю я только половину из того, что она говорит, да мне это и не интересно. Если послушать Джейн, моя ферма никогда не будет приносить доход, если ничто не изменится. Например, если построят город в устье Отакаро, это создаст новый рынок сбыта для сельскохозяйственной продукции, и его действительно планируют построить. Вот только... что мне делать до тех пор? Как мне пережить эти трудные времена и, самое главное, как мне выносить упреки Джейн? Проблема ведь не только в том, что она превращает мою жизнь в ад из-за неудач на ферме, с недавних пор она открыла собственное, весьма сомнительное дело. Сперва я даже радовался, когда она начала учить язык маори. Я думал, может быть, она подружится с местными женщинами, а вместо этого она перевернула жизнь племени с ног на голову. Почти каждую неделю ко мне приходят тохунга, чтобы пожаловаться на нее.

Карл на миг прервал чтение, чтобы представить себе отчаяние Криса.

Они говорят, что вождь и Джейн поклоняются богам денег. А я даже

не знал прежде, что у маори есть такие боги. Но, судя по всему, Джейн и Те Хайтара устроили что-то вроде мануфактуры, и теперь племя производит традиционные лекарства и нефритовые статуэтки божеств в огромных количествах. Обычно для этого необходимо отправлять сложные ритуалы, по крайней мере, так считают тохунга. А Джейн говорит, что кора ковайи— это кора ковайи и не важно, что за каракиа поют во время сбора. Вождь, кажется, поддерживают ее в этом. Как бы там ни было, теперь племя разбогатело, и, к стыду своему, я вынужден признать, что они зарабатывают больше, чем я! Кроме того, я начинаю опасаться, что вскоре останусь без помощников на полях и в конюшне. Кажется, они теперь приходят ко мне скорее по дружбе, а не ради тех грошей, которые я могу им платить. Сейчас сами маори обрабатывают больше земли, поскольку могут позволить себе покупать больше зерна. А с недавних пор у них появилась корова, и они подумывают о том, чтобы купить овец. Вчера Те Хайтара пришел ко мне и с важным видом заявил: «Фенрой, я слышать, у овец есть будущее здесь, в Те Вай Поунаму!»

Карл невольно рассмеялся. Как бы ни сочувствовал он другу, он не мог оставаться серьезным, представляя себе, как вождь маори анализирует экономическую ситуацию на Южном острове. Он вообразил, как Кристофер при этом изменился в лице. В целом же вождь не ошибался. Карл два года наблюдал за развитием Северного острова и тоже видел, что овцеводство приносит больший доход, нежели земледелие. Как и говорил Кристофер, широкие равнины острова, покрытые травой, были идеальными естественными пастбищами для жвачных животных. Все, что необходимо было сделать, — это построить загоны для них или просто выпустить их пастись. С хорошо обученными собаками фермер потом легко загнал бы овец обратно на ферму. Со временем он стал бы получать молоко, мясо и, самое главное, шерсть, которую перекупщики отправляли бы морем в Англию. Уже сейчас некоторые фермеры, выбравшие для себя такой путь развития, не только могли прокормить себя и свои семьи, но порой сколачивали целые состояния.

Карл задумался о Южном острове. Если верить рассказам, тамошний климат и ландшафт напоминали те, которые отличали важнейшие овцеводческие регионы Европы, такие как Ирландия и Уэльс. Значит, у местных овец будет более густая шерсть, нежели на Северном острове, где намного теплее, а в предгорьях Альп животные могут все лето пастись на высокогорных плато. Если Крис переключится с выращивания зерна на овцеводство, это спасет его ферму. Карл решил посоветовать ему это в ответном письме. Но тут к его столу подошла Бетти и улыбнулась ему. Она

сменила рабочую одежду на простое голубое платье из хлопка и с довольным видом помахала пакетом.

— Я сказала Селин, что ты мой соотечественник, и она дала мне с собой немного паштета. Она предложила нам пойти в порт, сесть на набережной и смотреть на суда, угощаясь им. Она беспокоилась лишь о том, чтобы ты не вздумал сделать мне непристойное предложение. — Бетти захихикала. — Я сказала ей, что ты не причинишь мне вреда, потому что всегда был влюблен лишь в мою сестру.

Карл почувствовал, как его лицо заливают краской. Бетти была несправедлива, и ее хозяйка, судя по всему, всерьез переживала за нее. Когда он спросил об этом, Бетти кивнула:

— О да, Селин наверняка взяла меня на работу только ради того, чтобы уберечь от «судьбы, которая хуже смерти». Конечно же, она так не выражалась, эти слова я прочла в книжке, которую купила недавно. Но мне думается, что, когда Селин приехала сюда, она... продавала себя. — Бетти смущенно понизила голос до шепота. — Она прибыла из Франции вместе с другими колонистами, которые пытались устроиться в Акароа на Южном острове, но, кажется, ее родители умерли во время путешествия, а потом она оказалась никому не нужна. Поэтому ей пришлось... заниматься самым ужасным делом, чтобы выжить. Теперь у нее, к счастью, есть кафе, и, когда я спросила ее насчет работы, она сразу же наняла меня. И спать я могу здесь, в комнатке за кухней. Это очень хорошо. У Эрика дела похуже, он...

— Эрик? — перебил ее Карл. — Давай ближе к делу, Элсбет... то есть, я хотел сказать, Бетти. Ты приехала сюда совсем одна? Якоб Ланге ведь не передумал и не остался на Северном острове?

Бетти покачала головой:

— Нет, отец с Францем в Австралии, и почти все Брандманны. Но я не хотела ехать с ними, и Эрик — я имею в виду Эриха Брандманна — тоже не хотел. Поэтому перед отплытием судна мы спрятались в повозке Иды, и они не нашли нас до самого...

— В повозке Иды?

Карл замер в изумлении. До этого момента он спокойно шагал рядом с Бетти по улице мимо ровных рядов пальм, направляясь к естественной гавани, которая, наверное, и послужила причиной того, что здесь обосновались англичане. Город был еще небольшим, но красивым и чистым. Он расположился между поросшей лесом горой Виктория и защищенной от ветров и бурь бухтой, в которой сегодня отражалось голубое небо. Но Карл уже не смотрел на корабли и портовую суету.

— Зачем Иде понадобилась повозка? — спросил он. — Разве она не

уехала в Австралию с остальными?

— Нет, — спокойно ответила Бетти и подошла к портовой стене. В бухте как раз причалило судно, и матросы собирались разгрузить его, подгоняя к нему грохочущую платформу. — Можем присесть здесь и поесть, — сказала она, — понаблюдать за разгрузкой. Не знаю, как ты, а я люблю смотреть, как работают другие. — И она задорно рассмеялась.

— Бетти! — взмолился Карл. — Что с Идой?

— Ида с Оттфридом в Пурау, — сообщила Бетти и грациозно опустилась на стену. Она явно наслаждалась восхищенными взглядами портовых рабочих. — Оттфрид не хочет быть крестьянином, и плотником тоже не хочет, у него теперь есть цель повыше. Он намерен покупать землю у маори, а потом продавать ее переселенцам. По крайней мере, я так поняла. У него есть компаньон, англичанин, а Кэт должна была помогать им общаться с маори. Видишь ли, Кэт жила среди туземцев.

Карл, с трудом сохраняя спокойствие, присел рядом с ней, однако ему хотелось бегать взад-вперед перед Бетти.

— Ладно, я знаю Кэт, по крайней мере, слышал о ней. Но как она вышла на Оттфрида? Хорошо, ты мне сейчас все расскажешь. Однако вернемся к Иде. С ней все в порядке? Она хотела ехать в Пурау? И почему именно в Пурау? Как они там живут? У них есть земля? Дом? Там вообще есть колонисты?

Бетти едва успевала отвечать на его вопросы, при этом не забывая угощаться паштетом. Карл не мог думать о еде, слишком уж он был взволнован.

— Мне лично не понравилось там, в этом жутком *па*, — наконец сказала Бетти. — А ей ведь придется оставаться там одной, с ребеночком...

Рассказав последние новости, Бетти попрощалась с Карлом. Она неохотно закрыла пакет с паштетом, половину которого успела умять, и сообщила, что собирается отнести его Эрику.

— Ему не так повезло, он устроился посыльным в торговую контору. А если им не хватает грузчиков, ему приходится работать в порту. Ночевать ему толком негде, перебивается кое-как. Но деньги он копит, и, когда ему исполнится шестнадцать, он сможет наняться на строительство дорог. Все лучше, чем пойти на корм крокодилам где-нибудь в Австралии. И он не хочет жить в дыре вроде Санкт-Паулидорфа, молиться днями напролет и говорить по-немецки. Видишь ли, нам обоим нравится город, и кто знает, что у нас может получиться!

Весело помахав рукой Карлу, Бетти побежала своей дорогой, а Карл остался сидеть на стене, размышляя об услышанном. Рассказ Бетти

перевернул его мир с ног на голову. Ида не в Австралии! Ее не придется искать по всему континенту! Конечно, он не мог так просто заявиться в Пурау, чтобы поболтать с ней по-соседски. Если он поедет в гости к Иде и Оттфриду, для того должны быть веские причины. Но пока что это не важно. Важно лишь то, что она здесь, на Южном острове, до него ведь рукой подать! Разумеется, это означает, что о планах, касающихся Австралии, следует забыть. Он не поедет с Таккеттом и будет вновь искать работу на Южном острове. Или даже заглянет к Кристоферу и спросит его, не нужна ли ему помощь на ферме.

Карл усмехнулся. Конечно, он может сделать вид, что планирует приобрести землю, и явиться к Оттфриду в качестве клиента! Вообще-то, затея безумная, поскольку Бетти упомянула о ребенке. Тем не менее Карлу казалось, что теперь, когда он знает о том, где живет Ида, для них откроются новые возможности. Он испытывал радость и тревогу — сердце сжималось при мысли о том, что скоро он снова увидит ее.

Внезапно судно, которое собирались разгрузить, привлекло его внимание. Уже поставили сходни, а на палубе громко блеяло стадо откормленных овец. Портовые рабочие и матросы готовились перегонять их, однако мужчина в синем костюме начальника порта пытался помешать им. Он уже успел поругаться со старшиной, когда подошел капитан, которого, видимо, позвали матросы.

— Еще как я их выгружу! — сразу закричал капитан, снимая шляпу и вытирая пот со лба. — Не могу же я забрать их обратно! Мне заплатили за перевозку из Сиднея в Веллингтон, и я выгружу животных именно здесь.

— Но владельца нет! — объяснял начальник порта.

Он пытался сохранять спокойствие, но заметно нервничал при мысли о том, что ему придется выпустить овец в порт, а затем, быть может, и в город, чтобы они бегали там без присмотра.

— Быть того не может, поищите его...

Старшина пробежал глазами документы:

— Владелец — некий мистер Пиджин, больше никаких данных у меня нет. Конечно, мы понимаем, что возникла проблема, но завтра утром мы будем получать новый груз, а до того еще нужно успеть вычистить нижнюю палубу. Вы хоть представляете себе эту вонь?! Так что животных необходимо выгрузить. Мне все равно, что вы будете делать с ними, это ваша проблема.

Начальник порта поднял руки, словно сдаваясь:

— Дайте мне хотя бы час или два, чтобы найти загон или хлев, где можно будет разместить животных на некоторое время. Сколько их тут?

— Сотня, — ответил старшина. — В документах указано, что здесь сотня беременных овцематок. Ах да, вот еще что написано: оплата при получении банковским переводом. Кстати, вы должны показать нам квитанцию.

Начальник порта просиял:

— Да! То-то и оно! Нет банковского перевода, нет оплаты, нет выгрузки. Вы заберете животных назад!

Капитан вынул из кармана часы:

— Один час, почтенный. Я подожду, но потом эти твари сойдут на землю. Мне все равно, получит продавец свои деньги или нет. Так что найдите этого мистера Пиджина или придумайте еще что-нибудь.

Карл подошел к ним поближе. Ему только что пришла в голову идея...

— Если нам придется разместить тут животных, у которых фактически нет хозяина, то что же будет дальше? За аренду хлева тоже должен кто-то платить! — Начальник порта посмотрел на овец так, словно хотел зажарить их на костре, причем немедленно.

Капитан пожал плечами:

— Я оставлю вам адрес заводчика из Австралии, мистера Холдера. Продайте овец от его имени и вычтите из этой суммы плату за аренду хлева.

— Продать! — Голос начальника порта едва не сорвался. — Капитан Петерс, я же не скотопромышленник!

Пока мужчины переругивались, Карл осмотрел овец. Ничего особенного он не увидел, но животные выглядели неплохо: они были ухоженными и откормленными. Совсем недавно их остригли, но их светлая шерсть уже начала равномерно отрастать.

— Извините, — обратился к спорящим мужчинам Карл, — я случайно услышал ваш разговор. Наверное, я могу вам помочь. Если покупатель этих животных так и не отыщется... то я готов их приобрести.

Глава 4

Найти для овец временное помещение оказалось вовсе не сложно. Из Веллингтона довольно часто перевозили скот на Южный остров, и один из живущих на окраине фермеров предоставил Карлу во временное пользование свои загоны — конечно же, не бесплатно. Начальник порта, довольный тем, что нашелся человек, готовый взять на себя заботу об овцах, при том, что загадочный мистер Пиджин так и не обнаружился, помог Карлу организовать перегон. Карл теперь понимал, что случайно заключил поистине выгодную сделку. Все овцы по-прежнему выглядели здоровыми, и если цена окажется приемлемой, то это приобретение его

только порадует. Хотя молодой человек еще толком не знал, что будет делать с отарой. Неужели он и вправду станет владельцем овцеводческой фермы на равнинах при посредничестве Оттфрида Брандманна? Или лучше отвезти животных к Крису и договориться насчет долевого участия в их разведении?

Как бы там ни было, эта покупка, которую он совершил неожиданно для себя, могла стать отличным стартом для той новой жизни, которую он давно хотел начать в другом месте. Убедившись в том, что овцы стоят в чистом загоне и с удовольствием жуют сено, он, преисполнившись оптимизмом, вернулся в отель. Карл собирался немедленно написать Крису и сообщить о том, как развиваются события. Также он пообещал начальнику порта передать вместе с капитаном Петерсом послание австралийскому заводчику, у которого были куплены овцы. Карл написал ему, что согласен взять животных на тех же условиях, которые были оговорены изначально, если цена его устроит. Он просил мистера Холдера указать сумму оплаты, заверяя заводчика, что перечислит ее в ближайшее же время. Начальник порта добавил, что овцы находятся под присмотром администрации Веллингтона и что с ними все в порядке. Они будут переданы мистеру Йеншу по предъявлении квитанции денежного перевода.

Однако дожидаться ответа заводчика даже не пришлось. Слух о нерадивом мистере Пиджине быстро распространился в порту, и на второй день после прибытия судна какой-то портовый рабочий нашел его в одном из пабов. Джон Пиджин, фермер из Фокстона, пребывал в печали, маялся похмельем и намеревался вскоре напиться вновь. Впрочем, ему не хватало денег на то, чтобы претворить свое намерение в жизнь.

— Он гол как сокол, — сообщил рабочий начальнику порта. — А ведь приехал сюда с кругленькой суммой, чтобы заплатить за овец. Этих животных он собирался забрать на свою ферму, его жена уже видела себя в роли овечьей баронессы. — Овечьими баронами в шутку называли фермеров, разбогатевших на разведении овец в Новой Зеландии. — Но потом мистер Пиджин зашел в паб, выпил пару стаканчиков и решил сыграть, а один пройдоха с китобойной станции разорил его в пух и прах. Короче говоря, денег на овец у него больше нет. Пиджин, кстати, все еще там, домой ехать боится. Я поставил ему две кружечки, чтобы он не ушел до вашего прихода и чтобы вы могли поговорить с ним насчет отары.

Тут же позвали Карла, он поблагодарил рабочего, возместил ему расходы на выпивку и попросил показать дорогу в паб. Там он быстро договорился с Джоном Пиджином. Только что этот невысокий мужчина едва не плакал из-за того, что потерял все свои сбережения, но теперь

радовался тому, что заводчик не станет требовать с него компенсацию за нарушение условий договора. Он уступил свои права Карлу, сообщил цену, за которую собирался купить овец, и снова вернулся к своим печалям. Карл, у которого был счет в веллингтонском банке, сразу же отправил денежный перевод и отдал квитанцию начальнику порта.

— Что ж, примите мои искренние поздравления! — с заметным облегчением рассмеялся тот. — И что вы будете делать с животными? У вас есть ферма или что-то вроде того? Вы ведь вчера говорили, что работаете землемером.

— Уже недолго осталось, — сказал Карл, который тоже был счастлив. — Вы же видите, я скоро стану овечьим бароном! Нужно только приобрести соответствующие моему положению землю и дворянский титул. Однако же шутки в сторону, мне нужно как-то перебраться на Южный остров вместе с овцами и моей лошадью. В Порт-Викторию... или в Порт-Купер, как он теперь, кажется, называется. Вы, случайно, не знаете, на каком судне мы можем отплыть туда?

Ближайшее судно в Порт-Купер отправлялось через неделю, а Карл за это время поближе познакомился с овцами и, самое главное, с маленькой черно-белой собачкой, которую ему продал фермер, принявший на постой овец. Его колли недавно родила щенков.

— Они не чистокровные, — честно признался фермер, пока Карл выбирал будущего питомца из куча-мала подвижных щенков с шелковистой шерсткой, чем-то напоминавших медвежат. — Винни, их мать, я привез из Ирландии, она — настоящая колли. Но малыши родились от кудлатого кобеля, что живет по соседству. Совсем другая порода, однако гуртовой инстинкт тоже присутствует, иначе я его и близко к ней не подпустил бы. Конечно же, насчет щенков гарантировать ничего не могу, но обычно это передается по наследству. А овчарка вам нужна обязательно, точно вам говорю.

Карл понимал это, ему теперь очень хотелось завести собаку. Он мечтал об этом еще в Рабен-Штейнфельде, однако его семья едва зарабатывала себе на хлеб, и речи не шло о том, чтобы кормить еще и дворового пса. Да и пользы он никакой не принес бы: у Йеншей не было имущества, которое стоило бы охранять.

Теперь же он, внимательно слушая фермера, выбрал самого крепкого кобелька из помета. Малыш был очень похож на мать и, несмотря на свой младенческий возраст, не сводил глаз с овец. Карлу пришлось удерживать его, чтобы он, пытаясь перегонять животных, не попал под копыта. Поскольку он сразу же начал ластиться к Карлу и уже на второй день

знакомства стал ходить за ним по пятам, Карл назвал его Приятелем.

Путешествие на Южный остров, как всегда, выдалось непростым из-за штормов. Карла морская болезнь не брала, как и давным-давно на «Санкт-Паули», но Приятеля трижды стошнило, и, когда они наконец прибыли в Порт-Купер, пес выглядел несчастным и жалобно повизгивал. Карл беспокоился за овец, но они перенесли морское путешествие вполне сносно. Их не очень-то сытно кормили на судне, но это их, похоже, тоже не тревожило. Зато они оказали решительное сопротивление Карлу, когда он стал выводить их на сушу. Травы туссока в Порт-Купере росли у самого причала, и овцы сразу же принялись их щипать. Карл и его измученный щенок ничего не могли с ними поделать. Он хотел было сесть верхом на коня и попытаться согнать их в стадо, но Бренди после путешествия не успел размяться, и молодой человек решил, что лучше не заставлять его мчаться галопом с очень короткими остановками. Пока Карл размышлял, со стороны поселка прибежали две серые собаки. Их шерсть была не такой гладкой и шелковистой, как у колли, но они повели себя с отарой столь же умело и решительно, как эти овчарки. Обе собаки в мгновение ока согнали овец в стадо, после чего с довольным видом уселись рядом, высунув языки. Приятель, радостно бегавший вместе с ними, занял свое место возле них. Он смотрел то на овец, которых нужно было охранять, то на больших собак. Теперь у него появились новые кумиры.

Карл тем временем высматривал хозяина собак. Чуть раньше он заметил, что те действовали не самостоятельно, что их направляли свистом, а затем наконец обнаружил своего спасителя. Ему навстречу, усмехаясь, вышел неуклюжий мужчина, из-под шляпы которого торчали рыжие волосы. Его потрепанный плащ говорил о том, что он много часов проводил, возясь с овцами под ветром и дождями.

— Уильям Динс, — представился он, приложив пальцы к шляпе. — Надеюсь, наша помощь была кстати!

Карл ответил утвердительно и поблагодарил мужчину.

— Вы просто спасли меня! — сказал он. — Мне нужно как-то добраться с ними вверх по Ваймакарири до станции Фенрой. По крайней мере, таков был мой план. Но, судя по всему, просто так они за мной не пойдут. А мой песик...

Динс усмехнулся:

— Он весьма многообещающий, но эта отара великовата для такого малыша. И вы занимаетесь этим недавно, верно?

Карл покачал головой:

— Вынужден признать, это так. Кроме того, мне еще нужно где-то

разместить это стадо сегодня ночью. У вас, случайно, нет своих овец?

Уильям Динс громко расхохотался:

— Есть ли у меня овцы? Парень, вы действительно новичок в этом деле. Моя фамилия Динс, как я уже говорил. Один из братьев Динс, мы из Риккартона. Что, до сих пор не припоминаете?

Карл пожал плечами:

— Извините. Я два года был на Северном острове, работал землемером. Кажется, я что-то пропустил.

Динс бросил быстрый взгляд на овец и свистнул одной из собак, когда две овцы отбились от стада. Пес тут же загнал их обратно.

— Мы с братом привезли на Южный остров первых овец, — пояснил он. — Из Австралии. У нас здесь неподалеку ферма. Сейчас у нас две сотни животных. И, если вы хотите продать своих, я дам вам хорошую цену. У вас отличные овцематки, как будто только от Холдера.

Карл подтвердил, что он не ошибся, восхитившись внимательностью собеседника, а пять минут спустя мужчины уже пришли к соглашению. Уильям Динс на время заберет овец Карла в Риккартон. Он знал Кристофера Фенроя и сказал, что его ферма находится как раз по пути.

— Я могу помочь вам перегнать овец или дам вам напрокат собаку. А за это вы подарите мне двух молодых барашков на свой выбор, когда ваши овцы начнут ягниться. Они нам очень пригодятся для разведения. Согласны?

Он протянул Карлу руку, и они скрепили договор рукопожатием. Итак, проблема с овцами была на данный момент разрешена ко всеобщему удовольствию. Динс сиял, радуясь такой удачной сделке и тому, что вскоре в его стадо вольется новая кровь. Но, когда Карл упомянул Оттфрида Брандманна, сказав, что собирается купить у него землю для фермы, фермер помрачнел.

— Зачем вам обращаться за этим к Джоуи и Отти? — поинтересовался коренастый шотландец. — Сделайте так, как мы с братом: присмотрите себе кусок земли — по возможности не слишком далеко, я бы не стал селиться дальше, чем в трех днях пути от ближайших белых соседей, — а потом спросите у местных маори, не продадут ли они его вам. Впрочем, лучше всего брать в аренду, на это они почти всегда соглашаются. Это не будет вам стоить почти ничего, они готовы брать пару одеял или тюков ткани, несколько горшков и ножей в год. Нам это обходится фунтов в шесть.

— Но я предпочел бы купить участок, — возразил Карл. — Я слышал, что мистер Брандманн их продает.

Динс пожал плечами:

— Верно. У него и договоры с маори есть, все чин чинном, по крайней мере, с точки зрения *пакеха*. Вот только понимают ли вожди, что они подписали? Ну, лично я не стал бы полагаться на кусок бумаги, оказавшись лицом к лицу с двадцатью вооруженными до зубов воинами. Нет, нет, я лучше буду сначала платить аренду, а потом уже возьму землю насовсем. В принципе, они миролюбивые, если их не злить, и временами проявляют деловую хватку. То племя, которое живет рядом с Фенроем, гребет деньги лопатой, торгуя талисманами и сиропом от кашля! Моя жена тоже покупает их лекарства, и они действительно помогают. Если хотите знать мое мнение, они зарабатывают больше, чем Фенрой на своих полях. Земледелие здесь идет туго. Будущее за лохматыми. — Он с усмешкой кивнул в сторону овец Карла, которые все еще чинно жевали росшую поблизости траву. — Так что вы подумайте над этим, — сказал Динс и свистнул собакам, зовя их в дорогу. Ему пора было трогаться в путь, если он хотел добраться в Риккартон до наступления темноты. — А если вы все же начнете вести переговоры с Джоуи и Отти, то будьте осторожны! Они оба мошенники, Джоуи так точно тот еще проныра. Не позволяйте им одурачить себя!

Карл тоже подозвал своего Приятеля свистом, но в конце концов был вынужден взять щенка на руки, чтобы он не бросился вслед за Динсом и овцами.

— Ты к ним вернешься, — утешил он повизгивающую собаку. — А когда ты вырастешь большим и сильным, они будут тебя слушаться.

Карл отправился на поиски ночлега для себя и лошади. Теперь, когда овцы оказались в надежных руках, нужно было подумать о том, что делать дальше. Ему показалось странным то, как Динс отзывался об Оттфриде. Оттфрид никогда ему не нравился, Карл считал его недалеким, может быть, чересчур набожным, но отнюдь не проходимцем. С другой стороны, Оттфрид всегда был ленив. Пока отец стоял над ним с кнутом, это не так бросалось в глаза, но и на полях, и на уроках Оттфрид всегда старался не перенапрягаться. Так что, в принципе, ему вполне могла прийти в голову идея торговать землей, вместо того чтобы обрабатывать ее. И, возможно, он не догадывается о том, что стал мошенником. Скорее всего, он до сих пор не овладел английским языком в совершенстве.

Задумавшись, Карл стал подниматься по холму. В Порт-Купере местность была довольно неровной. Пристань стояла на плоском пляже, но поселение располагалось на возвышенности. Карл насчитал примерно дюжину домов и магазинов. Переночевать тут было негде, зато вполне

процветали два паба. Карл направился в первый попавшийся. После бурного путешествия и успешных переговоров с Динсом у него пересохло в горле, и он был не прочь промочить его пивом. В сопровождении все еще недовольного Приятеля он вошел в кабак, где царил традиционный для подобных заведений полумрак. Сейчас, когда едва перевалило за полдень, людей тут было мало. У стойки беседовали двое мужчин. Еще один парень, очень хорошо одетый и, судя по всему, не местный, потягивал виски. За столиком в нише играли в блэк-джек.

Карл заказал себе пива, но, прежде чем он успел сесть за столик, дверь паба распахнулась и в комнату ввалился какой-то человек. Он был довольно низкорослым, но зато мускулистым и наверняка очень сильным. Глядя на его одежду — кожаную куртку, сапоги и хлопчатобумажные брюки, — Карл заключил, что перед ним фермер, однако его походка вразвалку и дубленая кожа свидетельствовали скорее в пользу того, что это моряк или китобой. Как бы там ни было, он не стал даже снимать свою широкополую зюйдвестку, а сразу же рявкнул, обращаясь к бармену:

— Я ищу Джоуи Гибсона, этого сукиного сына! И этого смешного немца Отти!

Бармен не растерялся.

— Спокойно, друг мой, — заявил он. — Если хочешь застрелить их, то сделай это на улице. То же самое касается драк, я не люблю кровь отмывать, понял?

— Не бойся, когда я покончу с ними, то лично возьмусь за щетку! — с сарказмом ответил мужчина. — Ну, так что? Здесь эти парни? В другом пабе мне сказали, что они сидят у вас.

Бармен кивнул в направлении стола, где играли в карты. Карл напрягся и обернулся — неужели он найдет Оттфрида прямо здесь? Но фермер, двинувшись в ту сторону, заслонил ему весь обзор.

— Гибсон, сволочь ты эдакая! Скажу сразу: верни мои деньги! И если по справедливости, то ты должен мне еще и компенсацию, и моей жене тоже! Она сначала до смерти перепугалась, а теперь не может успокоиться! Со мной так нельзя!

Мужчина угрожающе поднял руки, а картежники смотрели на него с недоумением.

— Кто это, Джоуи? — послышался удивленный голос, и Карл узнал Оттфрида.

Теперь он мог разглядеть мужа Иды. Оттфрид сидел, развалившись на стуле, и, похоже, не особенно волновался. Он располнел и обрюзг. Кроме того, он сбрил бороду и был похож уже не на правоговерного

старолютеранина, а скорее на пьяницу и заядлого игрока, каких полно во всех барах от Окленда и до Нельсона.

Прежде чем Гибсон успел ответить ему, мужчина засопел и прорычал:

— Звать меня Дэвид Поттер, если вы забыли. Конечно, у вас ведь тысячи довольных клиентов! Кто же вспомнит торговца мехами из Веллингтона?

— Мистер Поттер, разумеется!

Карл предположил, что этот спокойный голос принадлежит Джоуи Гибсону. Он говорил в точности таким же тоном, каким Якоб Ланге во время проповедей в очередной раз благодарил Господа за то, что скорее огорчало остальных.

— И что же приключилось-то? Чем мы так рассердили вас? Насколько я знаю, вы еще не вступили во владение своей землей.

— Зато заплатил за нее, негодяй ты эдакий! — разозлился Поттер. — И в прошлом месяце я сюда приехал. С женой и со всеми нашими пожитками. Сруб-то я быстро построю, думал я, а Сьюзен у меня храбрая, настоящий пионер. Подумаешь, проведем пару дней в палатке — это будет настоящее приключение.

— И что дальше? — с невинным видом поинтересовался Гибсон. — Что случилось? В палатку залетела вета? Ночные птицы не давали вам спать? Это бывает, мистер Поттер, здесь у нас еще не освоенные земли.

— Двое жирных татуированных маори явились к нашей палатке! — рявкнул Поттер. — Махали копьями, дубинками и корчили страшные рожи. Сьюзен едва не умерла от страха. Явились к нашему костру и устроили спектакль. Мы сначала вообще не поняли, что им нужно. Приехали-то мы вечером, было уже темно, и только и успели, что поставить палатку. А утром я увидел, что мы устроились прямо посреди их плантации *кумара*. Так что я даже понимаю, почему они разозлились. Вот только... откуда взялось поле *кумара* на нашей земле? Там рядом я еще заметил поле пшеницы и несколько хижин, где жили эти ребята со своими бабами. Я показал им свой документ на право собственности, но они ничего и слышать не хотели. Делали вид, что собираются зажарить нас на костре! Для начала они забрали все наши пожитки в качестве компенсации за истоптанное поле. К счастью, мимо проходил бродячий торговец, он немного понимает на маори, и он перевел нам их слова. Выяснилось, что эта земля нам вообще не принадлежит! Маори посмотрели на бумагу и сказали, мол, да, был такой разговор с вождем в прошлом году, а потом никто не приехал обрабатывать землю. Поэтому вождь отдал ее двум семьям, которые явились к ним откуда-то, родственники их какие-то, я там

знаю! И теперь я хочу получить свои деньги назад, Гибсон! Да поживей!

Гибсон еще размышлял, но Оттфрид нагло усмехнулся в лицо Поттеру:

— А где тут проблема? Переводчик правда говорить, порой, когда колонисты не приходят сразу, маори думать, что никогда не приходят. Глупость. Ты просто брать участок рядом! Мы менять бумага, ты селиться, все хорошо есть!

— Что-что? — сжал кулаки Поттер. — Мы должны опять отправиться туда, может быть, забрать то, что осталось от наших вещей и вежливо поинтересоваться, не будут ли дикари так любезны признать другую бумагу, после того как подтерлись первой? Кажется, я ослышался! Не знаю, что за сделку вы провернули с маори, но в любом случае она недействительна!

— Разумеется, она действительна, мистер Поттер! — заявил Гибсон таким же елейным голосом, как и прежде. — Все официально зарегистрировано и признано губернатором Окленда и его чиновниками. Если маори не признают ее, вы должны настаивать на своем. Должны жаловаться, быть может, попросить помощи у полиции или военных. Честно говоря, я сам толком не знаю, как нужно действовать в подобных случаях, но это наверняка не наша проблема. Мы оформили сделку как полагается, бумаги в порядке.

— Это не ваша проблема? — Поттер схватил его за шиворот и заставил встать. — Тогда я вам сейчас устрою проблемы, мистер Гибсон. Я вам этого так не спущу. Я не буду воевать за эту землю, я просто выбью из вас свои деньги и куплю себе другую!

— Сохраняйте спокойствие! — вмешался прилично одетый мужчина, который пил виски за стойкой. — Конечно же, вы получите свои деньги обратно, мистер Поттер. Не беспокойтесь. Позвольте представиться: Реджинальд Ньютон, адвокат. У меня есть контора в Веллингтоне, и сейчас я приехал сюда, поскольку ко мне обратился другой... э... клиент этих господ. Просто чудесно, что мы все здесь собрались. — Он улыбнулся. — Конечно, мир на Южном острове пока тесен, хотя земли тут много. Как бы там ни было, я представляю интересы Редьярда Батлера, видимо, вашего соседа, мистер Поттер. Капитан Батлер уже живет на земле, которую ему продали мистер Гибсон и мистер Брандманн. У него тоже возникли недоразумения с маори. Коренное население утверждает, что ему принадлежит не весь его участок, и, по их словам, они могут доказать свои притязания. В любом случае у них есть карты, на которых отмечены святыни.

Оттфрид застонал:

— Ах, *manu*... Ты не рассказал покупатель о *manu*, Джоуи? Хотя Кэт говорить, это важно?

— Да ладно тебе, Отти, хватит уже! — покачал головой Гибсон. — Ты же был там, когда мы договаривались с Батлером. Ты вспомнил о тех трех местах, где плясали *тохунга*?

Ньютон нахмурился.

— Как бы там ни было, мистер Батлер не хочет ссориться с маори, — продолжал он, — он намерен договориться с ними по-хорошему, поскольку их и так обманули при выкупе земли. Мистер Батлер поразился тому, насколько нечестной была эта сделка. Он собирается подавать жалобу. Так что можете присоединиться к нему, мистер Поттер, а я буду представлять его дело в суде.

Поттер снова фыркнул и весело взглянул на ухоженного господина.

— А ты что за хлыщ? — усмехнулся он. — Из Веллингтона, говоришь? А мне кажется, что прямо из Лондона! Не пойдешь с нашим делом к королеве, а? Я всегда решал свои проблемы самостоятельно, причем быстрее, чем Виктория успела бы сказать «Альберт». Гибсон!

Он резко обернулся к своему сопернику и в тот же миг ударил его кулаком в подбородок. Гибсон улетел в другой конец паба, рухнул у стены под мишенью для дротиков и осел на пол.

— А теперь твой черед, Отти! — Поттер хотел было поступить с ним так же, но Оттфрид поспешно поднял руки, защищаясь:

— Нет... нет бить! Я ничего не делать — мы ведь все есть друзья, правда?

— Я тебе покажу, кто здесь друг!

Гибсон вскочил, издал боевой клич и ринулся на Поттера. Тот ловко отразил его удар. Один из игроков, видимо приятель Гибсона, тоже ввязался в драку. Вскоре она превратилась в настоящее побоище.

— Но, господа хорошие!..

Адвокат из Веллингтона растерянно наблюдал за потасовкой, а затем взглянул на Карла, который теперь стоял у барной стойки, размышляя, на чью сторону встать и нужно ли вообще это делать.

— Просто невероятно! — заявил Ньютон.

Карл ничего ему не ответил и отошел подальше; адвокат последовал его примеру. Дэвид Поттер явно не нуждался в помощи. Он опрокинул друга Гибсона на пол так же легко, как и прежде самого Джоуи, после чего отвесил тумака Оттфриду. Джоуи вновь попытался атаковать, но в итоге Поттер расквасил ему нос, а губу разбил еще раньше.

— Ну что, довольно с вас? — поинтересовался слегка запыхавшийся

фермер, впрочем, готовый еще наподдать Джоуи и Оттфриду. — Вам все ясно?

Оттфрид испуганно кивнул.

— Ты деньги назад, — с трудом выдавил он, трогая шатающийся зуб.

Джоуи Гибсон заставил себя встать.

— Да... э... Мне... мне жаль, что все так вышло, мистер Поттер. Ну да ладно, мы сделаем для вас исключение и вместо обмена предложим вам деньги. Мы...

— Вы отдадите мне их немедленно, — оборвал его Поттер, — или я заставлю тебя заткнуться навсегда. Можешь мне тут не распинаться, словно гребаный проповедник. Еще раз я на это не поведусь, говорю тебе! — И он снова схватил Джоуи за шиворот.

— Немедленно не получится, — простонал Джоуи. — Прошу вас... поймите же, мы не носим с собой такие суммы. Вот, у меня... — он пошарил в кармане, — я дам вам пять фунтов, согласны? А потом отправлюсь на ближайшем судне в Нельсон, в банк. А ты, Отти?

Карл заметил, что он подмигнул компаньону, но Оттфрид его не понял.

— Я только два фунта, — прошепелявил Оттфрид. — И ничего в... в банке. Я вообще ничего больше. Извиняйте.

Гибсон застонал, потрясенный непроходимой тупостью компаньона или же осознанием того, что теперь ему одному придется возмещать все убытки Поттера.

— Ну что ж, — с притворным смирением кивнул он, — значит, все получите с моего счета. Но мне нужно в Нельсон, иначе никак.

Поттер задумался.

— Ты же понимаешь, что будет с твоим дружкой, если ты меня подставишь? — угрожающе произнес он.

Гибсон поднял руки:

— Что вы, что вы! Я вас не обману, вы ведь не единственный наш клиент. Произошло недоразумение... Если я не вернусь, Отти заберет себе всю выручку за остальные участки! Нет, нет, мистер Поттер, не переживайте. Наверное... Да, вообще-то верхом я доберусь до Нельсона даже быстрее.

Карл не стал ждать, чем все кончится. В суматохе драки Оттфрид его не заметил, и сейчас было не самое лучшее время, чтобы возобновлять свое знакомство с ним. Кроме того, он увидел, что у него есть шанс: если этот Поттер не совсем глуп — а он не производил такого впечатления, — в ближайшее время он глаз с Оттфрида не спустит. Сам Карл не спускал бы глаз ни с одного из них, он отправился бы с ними в Нельсон, в банк! Если

Поттер действительно позволит Гибсону уехать, то Оттфрид останется у него в заложниках и будет торчать в Порт-Купере вместе с ним.

Карл же мог тем временем съездить в Пурау и навестить Иду. Он просто обязан был знать, как ей живется рядом с этим новым Оттфридом!

Глава 5

— Смотри, еще один! — Охваченная охотничьим азартом Кэт показала на кролика, которого пес выгнал из кустов. — Осторожно, не попади в собаку!

Ида прицелилась. По тому, как лаял Охотник, она уже давно поняла, что он гонится за кроликом, и, конечно же, была уверена, что не перепутает его с добычей.

Выпущенная из кольца пуля размозжила зверьку голову. Он взлетел в воздух, а затем рухнул на землю уже мертвый. Охотник послушно принес его к ногам хозяйки.

— Ужином мы обеспечены, — только и сказала Ида.

От восторга Кэт была сама не своя. Ей даже не верилось в то, как ловко робкая Ида обращается с огнестрельным оружием. Она уже не раз доказала свое мастерство. Кролики, на которых она охотилась в лесу и на равнинах, внесли приятное разнообразие в их меню. Однако Ида занималась этим только тогда, когда дома не было Оттфрида и Джоуи. Она не могла сказать, почему скрывает от них то, что научилась стрелять, хотя, когда мужчины и Кэт снова вернулись в *па*, угостила их жарким из крольчатины. Может быть, именно то, как встретил Оттфрид этот кулинарный сюрприз, и заставило ее промолчать.

— Ты что, опять у Редвудов была? — набросился он на нее. — Или это один из них принес тебе зайца? Мне это не нравится, Ида, у них на ферме двое неженатых мужчин, а ты ходишь туда, как к себе домой. Кого же ты предпочитаешь, Ида? Джеймса или Эдварда?

Ида посмотрела на него с обидой и поджала губы. Ей действительно нравились вежливые братья Редвуд, они всегда обращались с ней как с леди. Мужчины в Рабен-Штейнфельде тоже уважали женщин, но Редвуды называли ее «мадам», открывали перед ней двери, забирали тяжелую ношу, благодарили за приготовленную пищу или оказанные ею небольшие услуги. Все это было Иде в новинку. Однако же мысль о том, что она может питать какие-то чувства к Эду или Джеймсу, была просто абсурдной. Она никогда не давала Оттфриду повода ревновать.

— Я дружу с Лорой, — заявила она, — и больше ни с кем. За жаркое можешь благодарить ее... по большому счету. Так что либо ешь его, либо оставь другим, мне все равно.

Конечно же, Оттфрид съел свое мясо, но почему именно Лору нужно было поблагодарить за жаркое, Ида рассказала только Кэт, когда мужчины ушли по делам.

Ее подруга с благоговением провела рукой по деревянной рукояти револьвера.

— Я никогда еще не стреляла из мушкета! — призналась она, хотя в деревне *нгати тоа* оружие, конечно же, имелось. — Даже не представляю себе, как можно из него попасть в кролика — он ведь такой маленький!

Ида улыбнулась:

— Это не мушкет, это револьвер. Намного меньше и удобнее. И я могу научить тебя стрелять, хотя Лора говорит, что не у всех это получается так же хорошо, как у меня. Мне кажется, что тут все просто.

Кэт удивленно подняла брови, и ее красивые глаза хитро блеснули.

— Наверное, тебя нужда заставляет, — решила она поддразнить подругу. — С таким мужем, как Оттфрид, чувствуешь себя намного лучше, если умеешь обращаться с оружием.

Потом Ида показала Кэт, как заряжать пистолет и как из него стрелять, но ее подруга так и не сумела попасть в цель, да и не нравилось ей это занятие. Даже после долгих тренировок она вздрагивала, завидев вырывающийся из дула огонь и чувствуя отдачу.

— Ничего не могу с этим поделать, — наконец сказала Кэт, прежде чем оставить эту затею. — Огнестрельное оружие пугает меня. Стоит мне увидеть или услышать нечто подобное, как я невольно вспоминаю Те Ронгу и дыру у нее в груди. Я пыталась забыть об этом, но ничего не выходит. Так что ходи на охоту одна, Ида, а я буду ставить силки и ловить рыбу.

Кэт обнаружила, что новые умения пошли Иде на пользу. Молодая женщина уже не дрожала от страха в доме, пока Кэт бродила по лесам в поисках трав или пыталась поймать птицу им на обед. Вместо этого она брала в руки оружие и шла вместе с ней. Ее отношение к Кэрол тоже изменилось. Если раньше она предпочитала Линду и носила ее на руках, теперь она машинально брала переноску и сажала в нее Кэрол. Ребенок сопровождал ее на охоту и быстрее, чем Кэт и собака, привык к грохоту оружия. Впрочем, пес уже был не против того, чтобы Ида стреляла в кроликов, которых он выгонял из кустов. Звук ему не нравился, но мертвых зверьков ловить было куда удобнее. Охотник по-прежнему не оправдывал своего имени, зато ему нравилось приносить хозяйке добычу.

Это был уже второй кролик, который сегодня отправился в кожаную охотничью сумку Кэт. Женщины как раз собрались возвращаться в *па*, когда Охотник снова залаял. На этот раз — на кусты, расположенные напротив

тех, из которых он выгнал кролика. Однако теперь он испугнул не животных. Подойдя ближе, Кэт и Ида услышали голоса.

— Маори, — удивилась Кэт и сразу же выкрикнула вежливое приветствие: — *Kia ora! Хаэре мау!* Не бойтесь, мы стреляли не в вас!

После этого показались маори, которых, казалось, слегка обидели ее слова.

— *Арики* Те Кахунгуну не трус! — уверенно заявил их предводитель. — Равно как и его воины!

Ида же с ужасом смотрела на этого мужчину, чье лицо было покрыто *моко*. Кэт объясняла ей, что так маори называют татуировки. Традиционное военное облачение, которое вождь дополнил тяжелой секирой, украшенной нефритом булавой и дорогим тканым плащом, произвело на нее устрашающее впечатление. Кэт же узнала вождя, гостеприимно принимавшего ее во время первой экспедиции, равно как и невысокую пожилую женщину с распущенными седыми волосами. Теперь она носила западную одежду, которая, по всей видимости, стала ее праздничным нарядом, но *хей-тики* у нее на шее, украшение из раковин и роскошный плащ выдавали в ней высокопоставленную особу. Именно эта *тохунга* показывала белым места, священные для ее племени. Их сопровождали четверо воинов, вооруженных копьями, боевыми дубинками — и охотничьими ружьями. Кэт почуяла неладное, но непосредственной опасности для себя не ощутила.

— Никто и не думал об этом! — с достоинством ответила она *арики*. — Те Кахунгуну не побоялся бы и целого племени врагов, равно как и его воины, и *тохунга* Харата, с которой пришли духи.

Кэт почтительно поклонилась им и вышла вперед, чтобы обменяться со старейшинами *хонги*. Теперь они наверняка заметили, что в корзине у нее за спиной сидит Линда. Возможно, их действительно встревожили выстрелы, но сейчас они должны были понимать, что две женщины с детьми не собирались ни с кем воевать.

Старейшина племени что-то сказала.

— Может быть, ты переведешь? — нервно спросила Ида.

Она все еще держала в руке оружие, с трудом подавляя желание направить его на маори, однако догадывалась, что этого делать не стоит. Да, эти люди выглядели опасными, однако нападать на них не пытались.

— Харата говорит, что они пришли, ибо духи в гневе, — перевела Кэт и снова обратилась к *тохунга*. — Это тревожит нас, — заверила она ее. — Однако что мы можем сделать, чтобы они снова проявили благосклонность? Вы считаете, что моя подруга напугала их своим

выстрелом? Мы не хотели никого беспокоить и никому угрожать. — Она подняла руки и нарочито медленным движением открыла охотничью сумку. — Вот, мы охотились на зверей, которых привезли в Аотеароа *пакеха* и которых теперь тут так же много, как звезд на небе.

— Это все из-за того, что мы поселились в *па*? — испуганно спросила Ида. — Они пришли, чтобы вышвырнуть нас оттуда?

Кэт покачала головой и велела ей молчать:

— Они пришли не из-за *па*. Это совсем другое племя, они живут в шести днях пути отсюда. И я их знаю. Поэтому и не говорю тебе «не бойся». У них наверняка были серьезные причины явиться сюда с оружием. Однако непосредственной опасности они для нас не представляют.

— Мы с удовольствием приглашаем вас разделить с нами трапезу, — снова обратилась Кэт к туземцам, напряженно застывшим напротив женщин. — Мы можем развести костер прямо здесь. Но разве вы не хотите обменяться с нами *хонги*?

Тохунга промолчала, а вождь что-то резко выкрикнул.

— Я пригласила их пообедать, однако вождь говорит, что он не хочет сидеть с нами у одного костра, — вздохнув, перевела Кэт. — Нет мира между ним и нашими мужчинами. Он пришел жаловаться. И хочет знать, где *Джоуи* и *Оттфрид*.

Она спокойным тоном произнесла несколько слов на языке маори, а вождь в свою очередь принялся ей что-то объяснять. Кэт перевела для Иды его речь:

— Возникли сложности с землей, которую продали *Оттфрид* и *Джоуи*. Сначала ее никто не хотел брать, потом приехал мистер Батлер. Они называют его мис-та Редья, полагаю, его зовут Редьярд, или Рюдигер, или как-то в этом духе. В общем, они с ним ладили, пока он не вскопал землю в одной из их святынь. А на другой начал выпасать овец. Хотя *Оттфрид* и *Джоуи* уверяли их, что колонисты будут уважать *тапу*. Они предъявили претензии мистеру Батлеру, и оказалось, что он ничего не знает. Теперь он собирается через посредника изложить свое дело губернатору, насколько я поняла. Но *Те Кахунгуну* этого мало. Он говорит, что ему давал слово не губернатор, а *Джоуи* с *Оттфридом*. И, конечно же, я, ведь я переводила. Хотя я уже трижды извинилась за это. Надеюсь, они поверят, что я говорю искренне. Кроме того, духи не могут ждать, пока губернатор примет решение. Их нужно успокоить, и ни в коем случае нельзя больше нарушать *тапу*. Поэтому они и пришли сюда. Они хотят призвать мужчин к ответу.

— Ты сказала им, что их здесь нет? — спросила Ида.

Кэт кивнула.

— Они хотят ждать или идти искать их. Кроме того, есть еще кое-что. Они выяснили, что их обманули. Один только Батлер заплатил в десять раз больше, чем получило племя. И теперь они хотят больше денег.

Маори угрожающе подняли копья, а Ида схватилась за голову.

— И что нам теперь делать? — растерянно спросила она. В корзинке для переноски завозилась Кэрол, и женщина надеялась, что она не расплчется.

Кэт пожала плечами:

— Для начала — вручить им подарки, я полагаю. Может быть, они все же разделят с нами пищу. Но для этого их пришлось бы пригласить в *па*, чего мне не хотелось бы делать. Они увидят еще одно нарушение *тапу*. А потом нам нужно будет определиться, отправлять их в Порт-Купер или нет.

Ее прервал мужской голос, твердый и решительный:

— Всем опустить оружие!

Кэт и Ида, да и маори тоже, вздрогнули от неожиданности. В ходе жаркой дискуссии никто не заметил всадника, подъехавшего к ним со стороны *па*. Он направил свою винтовку на Те Кахунгуну и его воинов. Впрочем, мужчина явно растерялся, увидев среди туземцев женщину. Похоже, он задался вопросом, правильно ли оценил ситуацию. Однако копья говорили на весьма недвусмысленном языке. По крайней мере, угрозы здесь прозвучали.

— Карл!

Взглянув на всадника, Ида тут же забыла и о маори, и о том, в каком неприятном положении оказались они с Кэт. Все это перестало иметь какое-либо значение. Перед ней на красивом коне рыжей масти, которого звали Бренди, сидел Карл Йенш!

— Карл! Откуда ты взялся? Как ты меня нашел?

Она все еще не оправилась от изумления, но глаза ее уже сияли.

Тохунга произнесла несколько слов, обращаясь к Кэт, которая тут же покачала головой.

— Нет. Это не ее супруг, — сообщила она. — Ее супруг — Отти. Но да, между ними есть связь. Они... э... наверное, давние друзья.

Один из воинов рассмеялся.

— Как были друзьями Купе и Куру-маро-тини, пока он не убил ее мужа и не забрал ее с собой на Аотеароа? — поинтересовался он.

Кэт с трудом сдержала улыбку:

— Нет, мне кажется, не так. Скорее как друзья, которые вместе играли в детстве.

Харата перевела взгляд с Карла на Иду и вновь на Карла. Глаза ее

вдруг стали поразительно светлыми.

— Теперь они уже не дети, — сказала она. — Чего хочет этот человек? У него в руках оружие, однако я не вижу в нем желания сражаться.

— Что здесь происходит? — спросил Карл.

Он пытался не отвлекаться на Иду, поглядывал на маори, в которых все еще целился, хотя они уже перестали относиться к этому серьезно. Например, старуха нашла время поболтать с красивой светловолосой молодой женщиной, в которой он узнал ту *тохунга*, которая вела переговоры в Вайрау. Потти. Или Кэт, как она стала себя называть позже. Кэт Кристофера Фенроя.

— Эти люди угрожают тебе, Ида?

Ида ничего не могла ответить и только смотрела на Карла. Он все еще был стройным, но выглядел более крепким, нежели в Рабен-Штейнфельде. Наверняка в последние годы ему не пришлось голодать. Светлые кудрявые волосы обрамляли его лицо. Они спускались до самых плеч из-под широкополой шляпы. Бороду можно было бы и подстричь. С короткой бородой он казался бы еще более мужественным. Его глаза в окружении чуть заметных морщинок остались такими же яркими, благодаря чему он выглядел моложе своих лет. И, наверное, он много времени проводил под открытым небом: его лицо было загорелым и обветренным.

— Нет, — ответила вместо нее Кэт. — Здесь никто никому не угрожает. Вы все неправильно поняли. Пожалуйста, мистер Йенш — вы ведь Карл Йенш, верно? — пожалуйста, уберите ружье. У этих людей есть вопросы к Оттфриду, но к Иде и детям они не имеют никаких претензий, и мне они ничего не сделают. Не превращайте их в своих врагов, это может повредить нам всем.

Карл кивнул и сразу же опустил оружие.

Когда вождь ударил копьем в землю, он спрятал винтовку подальше и поднял руки в примирительном жесте, пытаясь вспомнить, как нужно извиняться на маори.

— *Мо таку хе*. Мне очень жаль, — наконец произнес Карл. — *Киа ора*. Я просто хотел...

Тохунга Харата произнесла несколько слов, пытаясь успокоить Те Кахунгуну. Тот в ответ хмыкнул.

— Харата говорит, что вы просто хотели защитить Иду, — перевела Кэт. — Но вождь все равно возмущен.

Карл на миг задумался, затем взял свой дорогой вощенный плащ, который был приторочен к седлу, спешился и положил его на землю перед Те Кахунгуну — очень осторожно, стараясь не подходить слишком близко.

На Северном острове считалось, что *арики* неприкосновенны. Судя по всему, здесь к этому относились не так строго, но молодой человек больше не хотел совершать ошибок.

— Кэт, скажите ему, пожалуйста, что я прошу прощения, и если все же обидел кого-то, то смиренно приношу этот дар в качестве извинений.

Кэт улыбнулась: ей понравился его поступок.

— Вы все сделали правильно. Теперь они будут удовлетворены.

Она обратилась к маори, и Карл с Идой вздохнули с облегчением, когда Те Кахунгуну кивнул.

— Еще он хочет знать, знакомы ли вы с Оттфридом и Джоуи, — перевела слова вождя Кэт, — и не друг ли вы им.

Карл снова поднял руки, словно защищаясь.

— *Хоа нохеа*, — произнес он на ломаном маори, что означало «друг никогда». — Но я еще вчера видел их в Порт-Купере, — сказал он, обращаясь к Кэт. — И эти воины — не единственные, кто хочет поквитаться с ними. Есть, к примеру, фермер, который, приехав на равнины, обнаружил, что его землей пользуются другие, а также поселенец, который, видимо, по незнанию нарушил несколько разных *тапу* и теперь считает, что ему повезло, поскольку его не убили за это. Кроме того, лощеный адвокат из Веллингтона...

— У Оттфрида неприятности? — нервно поинтересовалась Ида.

— Джоуи и О-ти в Те Вака Раупо? — перебил его вождь. — Месте, которое *пакеха* теперь называют Порт-Купер?

Карл кивнул:

— В одном из местных пабов, полагаю. По крайней мере, Оттфрид там. Гибсон якобы уехал в Нельсон.

Те Кахунгуну что-то сказал своим людям, и они стали собираться в дорогу. Прежде чем уйти, Харата произнесла несколько слов, обращаясь к Кэт. Переводя ее речь для Карла и Иды, Кэт словно бы испытывала облегчение, но вместе с тем и подавленность:

— Вождь со своими воинами пойдет в Порт-Купер, чтобы поговорить с мужчинами. Они поняли, что вы, Карл, не имеете к этому никакого отношения. На меня они немного сердятся из-за того, что я помогала Оттфриду и Джоуи. Харата говорит, мол, я должна была догадаться, что это за люди, что, работая на них, я замарала себя, и вообще-то она права. Я пообещала ей очиститься, но она говорит, что духи уже успокоились, Ида, когда увидели твою улыбку. Ты порадовала их своим счастьем.

Глава 6

— Какими судьбами, Карл? Как ты нашел меня, то есть нас?

Карл спешился.

— Услышал, что ты в Пурау, Ида, — ответил он.

И что случилось с его голосом? Он казался бесцветным, неуверенным,

словно он вел этот разговор в мечтах, но тем не менее сейчас он стоял на солнечной поляне, среди южных буков, папоротников и кустов *рата* и ногоплодников, глядя на Иду — живую и еще более прекрасную, чем ему помнилось. Она изменилась, стала еще более женственной. Может быть, она теперь казалась мягче и доступнее, потому что перестала носить чепец, передник и темную одежду. Ее роскошные волосы не были собраны в пучок, она заплела их в длинную толстую косу. Вместо закрытого строгого платья, какие носили старолютеране в селах, она надела легкое светло-голубое из хлопчатобумажной ткани. Оно было поношенным и грязным, но цвет очень шел к ее глазам, подчеркивая также ее нежный загар. Это была уже не та женщина, которая всегда склоняла голову, летом — над огородной грядкой, зимой — над рукодельем. Карл с удивлением заметил оружие у нее в руке.

— Ида, это ты стреляла? Я был у вас во дворе — мне Редвуды дорогу показали, я приехал и услышал выстрел. Но я не думал... Ты стреляла в этих маори?

Кэт с улыбкой вынула из охотничьей сумки кролика и протянула ему:

— Нет, она стреляла в него, в противном случае мы были бы уже мертвы. Ида, конечно, ловко обращается с оружием, но четырех воинов маори за раз она бы не уложила.

Карл нахмурился и покосился на кольт.

— Четыре? — переспросил он. — Я думал, в нем помещается пять патронов. Это ведь барабанный револьвер, верно? Покажешь мне потом, я таких еще никогда не видел.

Ида покраснела. Она не могла произнести ни слова, и Карлу вся ситуация тоже вдруг показалась совершенно абсурдной. Он стоял перед Идой и обсуждал изобретение мистера Кольта! Карл наконец подошел к женщине, о которой мечтал всю свою жизнь.

— Ида, расскажи мне о себе! Как ты жила? Я думал, что ты в Австралии, но потом повстречал Элсбет, и она сказала мне, что вы здесь. Я сразу же приехал.

Он взял ее за руки, когда Ида отложила оружие. Карл сжал ее ладони. Они были холодными как лед. Кэрол завозилась в корзинке, а потом заплакала от испуга, увидев незнакомого мужчину. Потом залаял Охотник. Во время стычки с маори он благоразумно держался в сторонке — у этой собаки был отличный инстинкт самосохранения. Конечно, он был готов защищать свою хозяйку от одного мужчины, но не от целой армии.

Услышав его грозный лай, Приятель, который до того прятался за крупом Бренди, вышел вперед. При виде большой собаки щенок завилал

хвостом. Охотник зарычал и оцетинился, не сводя с него взгляда, но Кэт отругала его за это:

— Охотник, не важничай! Он же еще малыш!

Ида и Карл не замечали этой суеты. Когда их руки соприкоснулись, словно сомкнулся разорванный круг. Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, забыв об окружающем мире. А потом Ида очнулась.

— Зачем? — спросила она, медленно отнимая руки.

Карл нахмурился:

— Что зачем?

— Зачем ты приехал? То есть, я рада видеть тебя, но только из-за меня ты не стал бы утруждаться... ехать в такую даль... просто... просто ради меня...

Кэрол не унималась, и Ида вынула ее из корзинки, прежде чем она разрыдалась окончательно. Кроме того, занимаясь ею, она могла не смотреть на Карла.

— Хотел увидеть, как ты живешь, — ответил Карл. — Ты и... Оттфрид.

Ида понурилась. Оправившись от ужаса после встречи с маори, она словно вспомнила о том, как должна вести себя приличная женщина из Рабен-Штейнфельда.

— У меня все хорошо, — машинально ответила она. — У нас все хорошо. Мы... Видишь, у меня есть ре... У меня есть дети. Двойняшки.

Карл с любопытством рассматривал двух маленьких девочек. Сперва он решил, что ребенок в корзине Кэт — это ее дочь, но, присмотревшись внимательнее, заметил, что девочки действительно похожи. Обе светловолосые, они, судя по всему, были одного возраста.

— Мистер Йенш, — вмешалась Кэт, заметив неуверенность Иды и осознав, что снова не понимает подругу, — Ида наверняка расскажет вам обо всем, что произошло с тех пор, как вы расстались. Но сейчас нам нужно отнести девочек домой, их пора кормить. Кэрол вот-вот начнет кричать, а...

— Кэрол? — переспросил Карл и просиял. — Ее зовут Кэрол?

Материнская гордость Иды все же взяла верх над сдержанностью.

— Карла, — сказала она. — В честь... в честь дедушки Оттфрида.

Улыбка Карла погасла.

— А вторую зовут Линда, — поспешно добавила Ида, словно пытаясь оправдаться. Кэт тоже вынула дочь из корзины, чтобы Ида могла представить ее.

— *Voce é linda*, — прошептал Карл.

Он помнил. И он смотрел на Иду, не на ребенка.

— Нам действительно пора, — напомнила Кэт, но умолкла, когда Ида вновь взглянула на Карла.

Тохунга все правильно поняла: Иду и Карла Йенша сближало нечто большее, чем детские игры. Когда они смотрели друг на друга, между ними словно бы вырастал звездный мост.

— Кэт права! — произнесла Ида, прежде чем снова утонуть во взгляде Карла. — Нам пора домой. Пойдешь с нами?

— Не хочу вас утруждать, — вежливо ответил Карл.

Кэт возвела глаза к небу.

— Не собираетесь же вы разбивать тут палатку и закусывать черствым хлебом, вместо того чтобы пойти с нами в дом и отведать жаркого из крольчатины? — рассмеялась она. — Вы переплыли моря, перешли через горы, преодолели еще бог знает какие препятствия только ради того, чтобы повидать Иду. Кстати, где вы повстречали Бетти? Пойдемте, вы ведь знаете, где мы живем, это рядом.

Разумеется, Карл принял их приглашение. Для Бренди нашлось место в конюшне, а Охотник позволил Приятелю улечься рядом с ним у огня.

— Это пастушья собака, верно? — спросила Ида, глядя малыша. — У Редвудов есть похожая. Но у тебя ведь нет овец.

Карл рассмеялся.

— О, еще как есть! — заявил он и рассказал о своем новом приобретении.

Иду очень заинтересовали овцы. Она расспрашивала о них, пока Кэт возилась в кухне, при этом то и дело с тревогой поглядывая на подругу. Ида хотела помочь ей готовить ужин, однако Кэт настояла на том, чтобы она посидела и поболтала с Карлом. Но близости между ними не возникло. Ида всячески пыталась избегать скользких тем. Она предпочитала говорить об овцах, собаках, о работе землемера на Северном острове.

Карл не возражал против этого. Видимо, дом Иды и окружающая обстановка сами по себе стали ответами на его вопросы. Ида могла сколько угодно говорить о том, что у нее все хорошо, но она жила в полуразвалившемся *па*, в наспех отремонтированном доме для собраний маори. Кэт готовила на открытом огне, и все вокруг заволкло дымом, поскольку в камине была плохая тяга. Зимой тут, наверное, невозможно было по-настоящему согреться. Немногочисленную мебель, похоже, сколотили на скорую руку. Оттфрид, будучи столяром, мог бы и постараться, но ему, похоже, было безразлично, в какой обстановке живет его жена. *Па* представляло собой в лучшем случае временное пристанище,

а не уютное жилище, о котором обычно мечтают жены переселенцев. Единственным предметом мебели, созданным с любовью, была колыбель, в которую Ида и Кэт уложили детей. На ее тщательно выточенном изголовье красовалась фамилия Брандманнов, выведенная аккуратными буквами.

— В ней должны расти все дети, рожденные в этой стране, — пробормотала Ида, когда Карл похвалил эту работу. — Особенно, конечно же...

Она осеклась, однако Карл услышал достаточно. Конечно же, вырезая колыбель, Оттфрид думал в первую очередь о наследнике, а девочки-близнецы, скорее всего, стали для него разочарованием.

Им не хватало домашней утвари, так же как и одежды. Ида и Кэт носили настоящие лохмотья: судя по всему, спасти приданое Иды во время гибели Санкт-Паулидорфа не удалось. Только дети были одеты в красивые вязаные вещи. Карл предположил, что Редвуды подарили Иде овечью шерсть, но Оттфрида не интересовало, каким образом его жена будет ее перерабатывать. Прялка и примитивный ткацкий станок стояли в углу, и, скорее всего, их смастерила Кэт. При этом, конечно же, сам собой возникал вопрос: что делает Кэт у Брандманнов? По словам Бетти, Оттфрид нанял ее еще в Санкт-Паулидорфе, но здесь они явно не испытывали необходимости в ее услугах.

Карл решил расспросить об этом Кэт или Иду позднее, сейчас же ему не хотелось нагнетать и без того напряженную атмосферу. Ида робела, стыдясь своего бедного жилища, но и правду о своей жизни рассказывать не хотела. «Не выносить сор из избы...» Карл прекрасно помнил, как выражались в таких случаях в Рабен-Штейнфельде. Ида выросла с этим. Хотя уже после смерти матери у нее появилось достаточно причин, чтобы жаловаться на судьбу. Женщины тогда спрашивали ее отца, не нужна ли столь юной девушке помощь по хозяйству или в воспитании братьев и сестры. Однако Якоб Ланге только отмахивался. Ида молчала, да и сейчас она наверняка не станет плохо отзываться об Оттфриде.

Но это не имело значения. Кэт, которой от напряжения, возникшего между Карлом и Идой, было не по себе, наконец поставила на кухонный стол готовое жаркое из крольчатины и бутылку виски. Она прекрасно знала, где Оттфрид хранит свои запасы, и теперь щедро разливала напиток по рюмкам. Несмотря на то что Ида по-прежнему вела себя сдержанно, алкоголь развязал языки Карлу и Кэт. Молодой человек рассказал о своей работе на Северном острове, затем о Бетти, которую встретил в Веллингтоне, об Эрике, которого тоже не преминул навестить. Он принес хорошие новости о них. Несмотря на то что Эрику приходилось нелегко,

поскольку он не мог найти достойную работу, парень был смышленным и старательным. Будь он постарше, для него наверняка нашлась бы работа получше, но пока ему приходилось перебиваться с хлеба на воду, в том числе с помощью Бетти, которой очень повезло устроиться в кафе. С хозяйкой кафе, Селин, Карл тоже успел познакомиться перед отъездом и теперь описывал ее весьма красочно:

— Сегодня это весьма почтенная леди, но я не сомневаюсь, что деньги на открытие магазина у нее появились благодаря известному ремеслу. Было очень забавно наблюдать за тем, как Бетти намекала на это: я понимаю, что девушка из Рабен-Штейнфельда скорее язык себе откусит, нежели произнесет слово «шлюха», но тут и без того все очевидно. Селин все еще выглядит весьма эффектно, одевается более ярко и открыто, нежели мы привыкли. Может быть, для француженки это даже нормально. Как бы там ни было, теперь она — столп веллингтонского общества, и при этом она по-настоящему заботится о Бетти. Не смотри на меня так, Ида, одинокой женщине нелегко добыть себе здесь пропитание. Скорее всего, у Селин не было иного выбора, кроме как продавать себя, и она сумела многого добиться. Теперь она, словно львица, защищает невинность Бетти. Мне думается, что она видит в ней свою дочь. Твоя сестра весьма неплохо устроилась.

Ида поджала губы. Она даже представить себе не могла, что сказала бы ее мать, узнав, что Элсбет стала приемной дочерью бывшей проститутки. Не говоря уже об отце.

Однако Карл решил воспользоваться возможностью расспросить Кэт:

— Вы ведь раньше работали у Бейтов? Мне рассказывал о вас Крис Фенрой. Он всегда очень жалел о том, что не смог подыскать вам место получше.

Кэт, которая уже успела выпить несколько глотков виски, густо покраснела, услышав имя Криса Фенроя. Она никак не могла забыть этого умного и энергичного англичанина, у которого было намного больше общего с ней, чем с ворчливой и неуживчивой женщиной, ставшей его женой. Но затем она рассказала о том, как ей пришлось оставить дом Бейтов, как она познакомилась с Идой и как жила в Санкт-Паулидорфе. Ида молчала, пока Кэт описывала наводнение, погубившее поселок.

— Вообще-то я хотела добраться до равнины и снова присоединиться к какому-нибудь племени маори. Старолютеране меня уже весьма утомили, — откровенно заявила Кэт, — но Ида забеременела, чувствовала себя плохо, и я не хотела оставлять ее одну. А потом Оттфрид и Гибсон затеяли свою аферу, участием в которой я, честно говоря, не горжусь.

Она призналась в том, что служила им переводчицей, объяснила, как связан с этим визит недовольных маори. Карл же в свою очередь поведал о том, что встретил в Порт-Купере Оттфрида, Джоуи, Поттера и адвоката.

— Теперь у них прибавится неприятностей, — подытожил он. — Надеюсь, им хватит денег, чтобы возместить ущерб всем этим людям. Иначе все обернется скверно. Причем адвоката я не стал бы опасаться, пока это дело дойдет до суда, могут пройти годы. Но вот вождь... Мне показалось, что он настроен решительно.

Кэт кивнула.

— Впрочем, я не думаю, что он прибегнет к насилию в самом Порт-Купере, — заметила она, в том числе и для того, чтобы успокоить Иду, которая снова побледнела. — Кроме того, с ними *тохунга*, это тоже хороший знак. Гибсону и Оттфриду, скорее всего, придется подарить маори пару повозок с товарами, и те останутся довольны. Но вот станут ли они терпеть других поселенцев, которых приведут эти двое, это уже вопрос...

— У Оттфрида нет денег, — тихо произнесла Ида. Пока Карл рассказывал о происшествии в Порт-Купере, она осушила стакан виски. — Он все потратил и проиграл. И что он теперь будет делать? Что будет с нами?

Кэт пожала плечами.

— Что-нибудь да будет, — утешила она подругу. — Гибсон потратил не все, да и в покер он чаще выигрывал. Придется ему дать Оттфриду в долг. Если он вообще не сумеет выйти сухим из воды вместе с Оттфридом. Он тот еще проныра. Не сходи с ума, Ида, все будет в порядке! Карл, где вы собираетесь ночевать? Мы можем предложить вам удобное место в сарае.

Карл с удовольствием согласился, поскольку не взял с собой палатку, оставив ее в пабе Порт-Купера. Для ее перевозки ему понадобилось бы вьючное животное, однако приобретать его в порту Карл не стал, а теперь уютно устроился в закутке Кэт рядом с конюшней. Вскоре он уснул, убаюканный хрустом сена на зубах Бренди. В конюшне было вдоволь сушеного туссока, и теперь лошадь с аппетитом поглощала его рядом с двумя кобылками, двумя овцами и коровой.

Однако выспаться Карлу не удалось. Еще до рассвета его разбудил звук открывающейся двери, топот подков и удивленное ржание лошадей, почуявших другую лошадь. Это животное едва дышало от усталости, да и мужчина, который вел ее в поводу, тоже очень спешил. Казалось, он даже расседлывать ее не собирался, однако же сразу зажег фонарь. В свете коптилки Карл узнал Оттфрида, и Оттфрид его тоже заметил.

— Кэт? — крикнул он и подошел ближе. — Кэт, вставай, мы... Но...

кто... — Удивившись, он умолк, но вскоре узнал Карла Йенша. — Что ты здесь делаешь? — Только что в голосе Оттфрида звучала тревога, но теперь он пришел в ярость. — Еще чего не хватало! Прихожу домой среди ночи, и что я вижу? Мужика в постели своей жены! Да еще и старого знакомого. Откуда ты взялся, Карл Йенш?

Карл поднял левую руку, пытаясь успокоить Оттфрида, а правой тем временем нащупывал оружие. Оттфрид, возможно, был пьян, а значит опасен, однако, судя по голосу, сегодня он остался трезвым, хотя и всерьез разозлился.

— Во-первых, уже утро, а не ночь. Во-вторых, я сплю не в постели твоей жены, а в постели твоей служанки, если можно так выразиться. Лично мне кажется, что нельзя. Или ты регулярно платишь Кэт? Кроме того, я понимаю, что от этой коптилки толку мало, но даже с ее помощью можно разглядеть, что Кэт со мной нет, равно как и Иды. Так что, Оттфрид, доброе утро. Рад тебя видеть. Я вчера приехал к вам в гости и уже успел повидаться с твоей женой и вашими очаровательными близнецами. Поздравляю. Ну, и поскольку мы теперь можем общаться как взрослые люди, ты мог бы вежливо поинтересоваться, как у меня дела, чем я занимался последние несколько лет и что привело меня на Южный остров. Я с удовольствием расскажу тебе обо всем.

Оттфрид отмахнулся от него:

— Ах, отстань, мне-то какое дело до того, чем ты занимался в последнее время! У меня заботы поважнее. Проваливай, мне нужно будить Иду.

И, забыв о Карле и о своей задыхающейся и нерасседланной лошади, он бросился к дому. Карл отвел животное в одно из стойл, поставил перед ним ведро воды, забрав его у Бренди, а затем последовал за Оттфридом. Он не собирался уезжать, не узнав, что произошло. Хотя он вполне мог представить себе, что случилось. Судя по всему, дело обстояло намного хуже, чем опасалась Ида.

— Ида, Кэт, подъем! Ах, да брось ты свой нож, мне ничего от тебя не нужно, женщина! Для этого у нас нет времени, если мы хотим выбраться отсюда целыми и невредимыми. Собирайте вещи, нужно уходить!

— Уходить? Отсюда? Но почему?

Карл услышал голос Оттфрида еще на улице — муж Иды не потрудился даже дверь за собой прикрыть — и теперь заметил сонную Иду, выходящую из боковой комнаты. Молодая женщина успела только набросить шаль поверх ночной сорочки, и Карл впервые спустя много лет увидел ее с распущенными, струящимися по спине волосами. Она была

прекрасна, несмотря на тревогу на бледном лице, которое покрылось слабым румянцем, когда вслед за мужем на пороге появился Карл.

— Если это как-то связано с Карлом...

Ида беспомощно переводила взгляд с одного мужчины на другого, однако ее муж еще не осознавал, что его давний соперник видит его в этот момент.

— Конечно, это никак не связано с Карлом. — За спиной у Иды появилась Кэт, заправляя блузку в поспешно надетую юбку. Судя по всему, она предпочитала не показываться перед Оттфридом в ночной одежде. — Скорее всего, это как-то связано с Гибсоном. Что стряслось, Оттфрид? Его арестовали?

— Вот уж нет! — Оттфрид хватал домашнюю утварь и бросал ее в грубо сколоченный сундук. — Давайте уже, помогайте собираться! Нужно уезжать как можно скорее, пока этот Поттер не проспался. Гибсон сбежал! Он бросил меня одного со всеми неприятностями. Еще и лошадь забрал. Он все так хитро обставил! А ведь Поттер проводил его до самого судна. Только он потом как-то сошел на берег, забрал коня из арендованной конюшни и удрал — одному небу известно куда.

— Значит, у него не было денег в нельсонском банке, — заметил Карл и вошел в дом.

— Конечно же нет! — разозлился Оттфрид. — Это была уловка, и я об этом знал. Хотя я надеялся, что он что-нибудь придумает! Тебе-то откуда это известно? И что ты здесь до сих пор делаешь? Проваливай, Карл! Ты последний человек, который нам здесь нужен!

— Ты отпустил Гибсона, хотя знал, что у него в Нельсоне ничего нет? — переспросила Кэт. — Боже мой, Оттфрид, почему ты такой дурак? Ясно ведь было, что он не вернется! Ты должен был заставить его отдать деньги!

— Должен был, должен был... — сердито сверкнул глазами Оттфрид. — Я думал, что он... Он мне подмигивал, и я решил, что он как-нибудь вытащит нас из этой передраги. Но теперь это не важно. Собирайтесь вы наконец, Ида, Кэт, не стойте на месте. Через пару часов Поттер поймет, что я сбежал. А с ним шутки плохи. Если он придет сюда и потребует свои деньги...

— Но нам нечем заплатить ему, — прошептала Ида. — И маори тоже.

— Каким еще маори? — переспросил Оттфрид, продолжая не глядя швырять вещи в сундук. — Ничего не знаю ни о каких маори.

— Мне вообще кажется, что ты не слишком много знаешь, — вмешался Карл. — В первую очередь, куда ты собираешься ехать с женой и детьми?

Оттфрид пожал плечами:

— Для начала — прочь отсюда. Может быть, в Нельсон или на Северный остров. Может быть, в Австралию. Лучше туда, там наша семья.

— Вот только капитан не возьмет тебя на судно бесплатно, — заметил Карл, в то время как Ида, которая пришла в ужас при мысли о том, что снова придется переезжать, рухнула на стул.

Она тоже понимала, насколько бессмысленным будет это бегство. Одна из девочек заплакала, и Кэт пошла посмотреть, все ли с ней в порядке. Вскоре она вернулась, неся на руках ребенка.

— Возьми ее, Ида, и успокой. Я подогрею ей молока, у нас еще осталось немного. Лично мне сейчас не хочется доить корову. Так что, Оттфрид? Куда ты собираешься везти Иду с детьми?

У Кэт разрывалось сердце, однако она прекрасно понимала, что вскоре расстанется с Идой и девочками навсегда. Она могла еще какое-то время сопровождать семейство Брандманнов, но уж точно не собиралась жить с ними в каком-нибудь поселке, а тем более ехать в Австралию. В любой общине очень скоро начнут задаваться вопросом, зачем она нужна Брандманнам, а Оттфрид теперь не сможет выжить в одиночку. Значит, он снимет квартиру для Иды и детей и будет искать работу. Если он возьмется за ум и вернется к столярному ремеслу, то найдет ее без труда.

— У меня есть идея, — вдруг сказал Карл.

Голос его звучал неуверенно, однако Ида посмотрела на него как на спасителя, и даже на лице Оттфрида читалось не только неприятие, но и некоторый интерес. Впрочем, не бесхитростный: он уже сейчас подумывал о том, как одурачить бывшего соседа.

— Но для начала нам нужно присесть и поговорить об этом спокойно. Оттфрид, толку не будет, если ты сейчас бросишься бежать сломя голову. Куда бы ты ни отправился, в Нельсон или другое поселение, тот, кто захочет найти тебя, непременно найдет. И единственное убежище для тебя на этом острове — это уединенная ферма. Если ты спрячешься там на пару месяцев, может быть, об этом деле забудут. Или Поттер найдет Гибсона, а если нам повезет, он станет искать именно его. Этот человек хочет не кровопролития, а денег.

— Ты хочешь сказать, что мне нужно построить ферму? Где-нибудь на своей земле?

Восторга в голосе Оттфрида не было, однако появилась надежда. Видимо, прежде это ему в голову не приходило.

Карл покачал головой:

— Нет. Маори тоже охотятся на тебя. Они узнали, что вы с Гибсоном

их одурачили. Я бы на твоём месте был осторожнее. Конечно, им нужны деньги, но они не будут с тобой так церемониться, как Поттер.

Оттфрид в ужасе оцепенел:

— Но тогда мне некуда деваться! Они убьют нас всех! Я ещё подумал, что... Они всех нас убьют... как Уэйкфилда... — забормотал он.

Карл снова покачал головой:

— Нет. А все потому, что я возьму вас с собой. На станцию Фенрой, на равнину. Крис Фенрой примет твою семью, если я поручусь за вас. Я собираюсь выкупить у него часть фермы, а ты, Оттфрид, можешь работать на нас.

Кэт с тревогой поглядывала то на Оттфрида, то на Иду. Она сразу поняла, что это предложение стало бы для них лучшим выходом. По крайней мере, для Иды и девочек. Конечно, Джейн Фенрой — не та соседка, которую хотела бы для своей подруги Кэт, однако на станции Фенрой Кэрол и Линда будут в безопасности. Кэт видела, что Ида задумчиво крестится и бормочет под нос благодарственную молитву, но не знала, делает она это от чистого сердца или просто хочет показать Оттфриду, что она благодарна Господу, а не Карлу Йеншу. На лице Оттфрида отражалась борьба: с одной стороны, он был в отчаянии, с другой — страдала его гордость. Он тоже понимал, что у него нет иного выхода, кроме как принять предложение Карла. Но работать на кого-то? Стать даже не ремесленником, а слугой, причем слугой столь презираемого им Карла? Решение давалось ему нелегко.

И вдруг его осенило. На лице его промелькнула мрачноватая улыбка.

— Хорошо... э... я согласен, Карл. Я, мы... Мы можем поселиться там, у Ваймакарири, на земле твоего друга. Но я не буду ни слугой, ни наёмным работником! Немного денег у меня ещё осталось, ну, от того, что мы заработали. Да, да, Ида, я просто тебе не говорил... — Он с заговорщическим видом подмигнул Карлу. — Если отдавать все бабам... Да они растратят деньги, оглянуться не успеешь! Недавно мы продали ещё один участок.

— Прекрасно! — перебила его Кэт. — Значит, скоро у наших дверей появится очередной желающий получить обратно свои деньги!

— И потом я немного выиграл в покер, — продолжал Оттфрид. — В общем, хватит на пару овец. Я тоже выкуплю часть фермы. Побираться мне не придется, Карл! И ты не будешь женой поденщика, Ида Брандманн, пока я жив!

Глава 7

Ида полагала, что Оттфрид должен купить овец у Редвудов, а Карл

советовал братьев Динс, но Оттфрид не захотел никого слушать, он утверждал, что у него есть отличные связи на рынке скота в Нельсоне. В конце концов, именно там он приобрел коней, так хорошо зарекомендовавших себя, и коров для Санкт-Паулидорфа тоже доставили оттуда.

— Но тогда у них не было овец, — удивилась Ида.

— Тогда на всем Южном острове не было овец, — пояснил Карл. — А сейчас появилось несколько заводчиков. По крайней мере, мне так говорили. Эти животные уже пасутся в святынях маори — или я ослышался тогда в пабе, Оттфрид? Мне показалось или этот Батлер, которому вы продали землю, тоже намерен стать овечьим бароном? В общем, на рынке в Нельсоне вполне могут быть овцы. Но зачем ехать так далеко, Оттфрид? Редвуды — ваши соседи, а к Динсам нам все равно придется завернуть, чтобы забрать мою отару.

— Вот именно! — важно заявил Оттфрид. — Нам придется к ним завернуть, а потом они, чего доброго, расскажут Поттеру, что видели меня и что я купил овец. Тогда он поймет, что у меня еще есть деньги, и придет за мной. А на рынке в Нельсоне меня никто не знает.

— Ты же говорил, что у тебя там великолепные связи, — напомнила ему Кэт.

Оттфрид засопел:

— Да... Я просто имел в виду... Там никто не будет рассказывать о том, что знает меня. Те парни умеют молчать.

— За молчание обычно приходится платить дополнительно, — заметил Карл. — Только я позволю себе усомниться в том, что у тех торговцев хороший товар, да и цены тоже. Ну да ладно, Оттфрид, не хочу тебя отговаривать. Если ты считаешь, что для тебя безопаснее будет отправиться в Нельсон, морем или по суше, делай как знаешь. А я возьму Иду и детей — и Кэт тоже, если она захочет, — на станцию Фенрой. Их нельзя втягивать в ссору между тобой и Поттером.

Когда Оттфрид ничего не возразил на это, Карл удивился. Вообще-то он ожидал, что Оттфрид станет с ним пререкаться, ведь Карл несколько дней проведет с женщинами, и на этот раз его и Иду не будут разделять стены конюшни и дома. Разумеется, Карл не собирался пользоваться своим положением, и Ида была далека от мыслей об измене, однако Оттфрид никогда не питал доверия к жене.

Но теперь он, похоже, сам понял, что Ида и дети только помешают ему во время путешествия в Нельсон, кроме того, пришлось бы вести с собой корову и двух овец, если он не хотел продавать или бросать здесь

драгоценных животных. Возвращаясь на равнины, им придется гнать и принадлежащее Карлу стадо, что значительно затруднит передвижение. Карл на миг задумался, каким образом Оттфрид собирается потом доставить свою отару из Нельсона — это ведь работа не для одного человека. Однако он тут же забыл об этом, твердо намеренный отвезти Иду, детей и Кэт в безопасное место.

Кэт сказала, что проводит подругу до станции Фенрой, а затем присоединится к племени маори. Она заявила, что сыта *пакеха* по горло и хочет вернуться к той жизни, которую вела с Те Ронгой. Связано ли это решение с Крисом Фенроем и может ли оно измениться, если они с Кэт встретятся? Карл пока не осмеливался думать об этом. Кэт резко отвергла предложение Оттфрида поехать с ним в Нельсон, чтобы поискать там новую работу, и тот не настаивал.

Ида и Кэт за неполных два часа сложили все пожитки и припасы в повозку. Они запрягли в нее двух каурых кобылок, знакомых Иде еще по Санкт-Паулидорфу, — ими она легко могла управлять. Карл ехал рядом верхом на Бренди, а Оттфрид взял оставшуюся лошадь, чтобы отправиться в Нельсон. Карл вообще-то предполагал, что он заберет и вторую повозку, чтобы сбить ее в Нельсоне или по дороге, поскольку не до конца верил в то, что у Оттфрида есть тайные сбережения.

— Мы бы знали, если бы он продал еще какие-то участки. Оттфрид похвастался бы, — согласилась Кэт, когда Карл выразил свои сомнения.

Ида до сих пор старалась не говорить о муже ничего плохого. Она очень обрадовалась, услышав о том, что он потратил не все деньги, и приняла эту новость, ни о чем не спрашивая. Кэт смотрела на вещи более трезво. Презрение и отвращение, которые она испытывала к Оттфриду, были написаны у нее на лице, и она не стеснялась в выражениях:

— Вы же слышали, Карл, он все время хвастается. Вчера — своими прекрасными связями с торговцами скотом, до того — своими огромными землевладениями. А теперь вдруг оказывается, что он провернул сделки, о которых никто ничего не знает? Нет, я уж скорее поверю в то, что он выиграл в покер. Вполне возможно, что он наконец-то разобрался в игре или ему просто повезло. Или он знает, где Гибсон спрятал деньги, — хотя тот наверняка успеет добраться до них быстрее. Как бы там ни было, посмотрим, явится ли он на станцию Фенрой со стадом овец или сбежит, как его приятель.

По лицу Кэт было видно, что она надеется на последнее, и Карл поймал себя на мысли, что молится о том же.

Свой небольшой отряд Карл привел сначала в Порт-Купер, чтобы

забрать оставленные там вещи. Кроме того, он зашел в почтовое отделение. Как Карл и надеялся, там его ждал ответ на послание, которое он отправил Крису Фенрою из Веллингтона. Молодой человек открыл письмо, испытывая весьма двойственные чувства. Что он будет делать с женщинами, детьми и овцами, если Крис ответит отказом?

Однако на этот счет можно было не переживать. Письмо Криса буквально излучало радость. Он пришел в восторг от предложения заняться овцеводством, а еще больше от того, что сможет принять на станции Фенрой своего давнего друга и помощника в качестве компаньона.

Конечно, нам придется докупать землю, — писал он. — Но я уверен, что все будет хорошо. Маори пообещали, что обязательно дадут нам столько, сколько потребуется. Ты можешь поселиться в нашем старом доме, он пустует с тех пор, как мы переехали. И если ты вдруг найдешь себе жену, мы построим второй большой дом для тебя. Жду твоего приезда, Крис, и Джейн тоже его предвкушает.

Последние слова заставили Карла усмехнуться. Письма Криса Фенроя всегда были очень живыми и образными, и всякий раз, когда он использовал общие фразы вроде этой, Карл понимал, что его друг лжет.

Что ж, теперь Карл мог со спокойной душой продолжить путешествие на равнины. По крайней мере, ему будут рады — хотя неизвестно, что скажет Крис по поводу нового компаньона. Да еще такого, как Оттфрид, с которым наверняка будет непросто. Но Крис знал, как Карл относится к Иде, он наверняка не откажется принять ее. Кроме того, с ним будет Кэт, та самая женщина, к которой Крис питал чувства, сходные с теми, какие испытывал Карл по отношению к Иде. Жизнь на станции Фенрой станет если не проще, то уж наверняка интереснее.

Карл не застал Дэвида Поттера в Порт-Купере. В пабе ему сказали, что он уехал в Пурау на поиски Отти. Адвоката Реджинальда Ньютона тоже здесь не было. Он взял в аренду лошадь и отправился на ферму к Батлеру. Наверное, для того, чтобы изучить проблему на месте и точнее сформулировать претензию. Конечно же, все это обойдется фермеру в целое состояние и вряд ли даст какой-то результат, однако, судя по всему, деньги у Батлера водились. В общем, Иду Брандманн никто не побеспокоил, и Карл вскоре отвез женщин в Риккартон.

Радости Уильяма Динса не было предела.

— Тысяча чертей, молодой человек! Быстро вы обживаетесь! За несколько дней обзавелись сотней овец — кстати, их уже сто пятьдесят, матки принесли ягнят, — а потом еще и двумя женщинами!

Он с недоверием и завистью смотрел на Иду и Кэт. Затем он заметил

девочек и снова просиял:

— И дети уже есть! Надо мне разобраться, как это у вас так быстро получается, Йенш! И собака новая!

С этими словами он показал на Охотника, который сразу же подружился с овчарками Динсов и вместе с ними принялся бегать вокруг загона перед домом, в котором пятьдесят овцематок дожидались, пока их подоят. Приятель радостно бросился за ними.

— Кажется, у вашей псины даже гуртовой инстинкт есть. Возможно, в нем течет кровь бриаров, он такой же пушистый, или бородатых колли, как у моих. — Он показал на длинношерстных собак, с которыми у Охотника действительно было отдаленное сходство. — Побудьте пару дней у нас вместе с семьей, а я присмотрюсь. Может быть, вы и сами с этим полукровкой и своим маленьким колли перегоните овец на станцию Фенрой.

Позже Карл познакомился с Джоном, братом Уильяма, а Кэт и Иду радушно встретили жены обоих братьев. Ида рассказала им, что ее муж закончит кое-какие дела в Нельсоне, а затем приедет на станцию Фенрой. Изображая добропорядочную супругу, она снова стала носить передник и чепец. Однако Кэт не сомневалась, что ей никто не поверит, если заметит, как она смотрит на Карла Йенша. Впрочем, Ида больше не поднимала на него глаз, видимо, опасаясь, что снова сомкнется круг их любви, но провожала его взглядом, радовалась его появлению, звучанию его голоса. Ида не будет обманывать Оттфрида, в этом Кэт была уверена, однако ее утешала сама возможность находиться рядом со своей истинной любовью.

В конце концов Ида обменялась рецептами сыров с женами Динсов, но все свои тайны раскрывать не стала. Она собиралась устроить собственную сыроварню и надеялась получать хороший доход, хотя братья Динс полагали, что продажа шерсти принесет больше прибыли.

— Здесь есть место для тысяч и тысяч овец! — говорил Уильям, и перед его ясным взором уже возникли огромные стада, направляющиеся на высокогорья. — Но их надо держать в полудиком состоянии. Тут нужны выносливые породы, не молочные, которые живут в хлеву. Кроме того, кто же будет доить их и куда продавать молоко и сыр? Конечно, все говорят о Крайстчерче, городе, который вот-вот построят в устье Эйвона или Отакаро. Пока что в Порт-Купере пьют больше виски, чем молока. У нас уже сейчас достаточно молочных овец, чтобы обеспечить сыром целый город. А вы подумайте о дорогах! Мы, Динсы, живем недалеко от Порт-Купера, нам легко доставлять молочные продукты в магазины. А вот для Редвудов отвезти сыр в поселок — это уже рискованное предприятие, а

станция Фенрой еще дальше. Зато шерсть отлично хранится, ее можно перевозить, когда и как вам удобно. Сбыт гарантирован, английские мануфактуры и новые суконные фабрики требуют еще и еще. Скоро здесь тоже появятся толпы стригалей, которые будут бродить от фермы к ферме, как в Австралии. Так что нужно делать ставку на шерстяные породы — вы поступили совершенно правильно, Карл! У вас великолепные животные, только не скрещивайте их с породами похуже!

Карл кивнул, надеясь, что сделка с Оттфридом не скажется на потомстве овец станции Фенрой. Как бы там ни было, а до сих пор никто понятия не имел, каких овец продают на рынке в Нельсоне. Но вскоре Карл полностью сосредоточился на науке овцеводства, которую ему с радостью преподали братья Динс. У молодого человека все получалось: он всегда с удовольствием работал с животными, кроме того, он с наслаждением наблюдал за тем, как расцветает Ида в обществе жен Динсов. Овцы все еще ягнились, и женщины им помогали, если возникали какие-то трудности. Руки у них были меньше, и им было легче повернуть ягненка и помочь ему появиться на свет, если он застревал в родовом канале.

У Кэт это тоже получалось отлично, на помощь пришел опыт, полученный у маори: Те Ронга часто брала ее с собой, когда помогала родить соплеменнице. Но самое главное, ей вдруг понравилось работать с овцами. Еще в Санкт-Паулидорфе, как и в Пурау, она любила ухаживать за коровами, однако их размер заставлял ее держаться на почтительном расстоянии от них. Овцы были не так велики, а ягнята и вовсе выглядели очень мило. Также Кэт понравилось возиться и с овчарками, к которым она очень быстро привыкла. Ида тоже с большим энтузиазмом помогала овцам ягниться. Она храбро бралась за дело, ее не пугали ни кровь, ни другие жидкости. К огромному удивлению Кэт, вся ее чопорность проявлялась только в общении с людьми. Когда маленькие пушистые существа с блеянием пытались дотянуться до вымени своей матери, Ида смотрела на них с гордостью и светилась от счастья.

— Значит, ты была бы не против того, чтобы обосноваться на овечьей ферме? — осторожно поинтересовался Карл, когда она, сияя, показала ему своих питомцев. Последние три ягненка родились у его овец.

Ида робко улыбнулась.

— Кому же это может не нравиться? — спросила она, махнув рукой в сторону дома и выгонов Риккартона.

Пейзаж был действительно восхитительным, в Рабен-Штейнфельде даже в самые лучшие летние дни не бывало так красиво. В остальном же местность напоминала Мекленбург, если не обращать внимания на

величественные силуэты Южных Альп, то четко очерченные, то исчезающие в тумане. Из-за них пейзаж выглядел слегка нереальным. Иногда казалось, что овцы пасутся у самого неба. Вокруг Риккартона холмов было совсем мало. Сейчас, в начале лета, травы туссока наливались сочной зеленью, и овцы на выгонах напоминали белые капли краски. Дома Динсов были построены из простой древесины, но ярко раскрашены, что весьма поднимало настроение. За домами стояли хлева и сараи для стрижки овец. По ярко-голубому небу тянулись белоснежные, похожие на клочки ваты облака, словно там, наверху, тоже паслось стадо овец. Его синева и тени облаков отражались в лениво текущем неподалеку Эйвоне.

— Здесь просто чудесно, — сказала Ида.

Карл кивнул:

— Конечно. Но это именно то, чего ты всегда хотела? Ты можешь представить себе, что всю жизнь проведешь на подобной ферме? Ты была бы... счастлива?

По лицу Иды промелькнула тень.

— Сколько раз тебе повторять, что мне желать нечего? — сердито поинтересовалась она. — И счастье наверняка не на моей стороне. Если тебе обязательно нужно знать, то в данный момент я могу представить себе все что угодно, лишь бы это помогло построить для девочек надежный дом. Я хочу просыпаться утром и ничего не бояться. А вечером... — Она осеклась, вдруг с болью осознав, что никогда не ляжет в постель без страха, пока она замужем за Оттфридом. Однако Карлу об этом знать было не обязательно. — А вечером я хочу наслаждаться миром и благочестием, — закончила Ида.

Однако ее последние слова прозвучали не с гордостью, как она хотела, а скорее жалобно. У Карла заныло сердце.

Карл и его спутницы провели у Динсов две недели, а затем продолжили путь в долину Ваймакарири. В благодарность за помощь Карл оставил Уильяму овцематку с ягненком, великолепным маленьким барашком.

— Он станет одним из родоначальников новой породы, — обрадовался Уильям и предложил Карлу дальнейшее сотрудничество: — Всегда полезно меняться животными, в том числе и крупным рогатым скотом. Если у вашей коровы будет бычок... Мы очень в этом заинтересованы.

У Динсов было несколько бычков, однако все они принадлежали к одной породе и состояли в ближайшем родстве друг с другом.

Перегнать овец вверх по реке оказалось проще, чем думал Карл. Охотник проявил природный талант к гуртованию — Динсы немного

поработали с ним, и вскоре он уже знал самые важные команды. У Приятеля инстинкт и так был в крови, да и Бренди, мерину Карла, похоже, тоже нравилось загонять овец. Он часто заранее предугадывал, где Карлу может понадобиться помощь, и иногда сам, без понуканий, бросался преследовать отбившееся от стада животное. Поэтому овцы послушно шли за повозкой, которая, однако, вынуждена была приспособливаться к мерному шагу коровы, поэтому вся процессия продвигалась вперед очень медленно.

Вечерами Карл ставил палатку, а женщины и дети спали в повозке. Было тепло, но они все равно разводили костер, на котором жарили рыбу или кроликов. От Карла Ида не скрывала своих талантов. Он уже знал, что у нее есть револьвер, и теперь открыто восхищался ее меткостью:

— Я слышал о легендарных стрелках из Америки и знаю, что помещик тоже довольно ловко управлялся со своим охотничьим ружьем. Но попасть в крохотного кролика, да еще и мчащегося от тебя со всех ног... это просто невероятно!

— Легендарных стрелках? — переспросила Ида.

Кэт рассмеялась и пообещала вечером рассказать нечто интересное.

— Я могу поведать тебе кое-что о стрелках с Дикого Запада, — сказала она. — Однако не уверена, что это правда.

Она вспомнила те дешевые книжки, которые Мэри приносила в комнату горничных в доме Бейтов: с их помощью Кэт училась читать по-английски. А вечером она действительно возродила традицию рассказывать сказки у костра, как когда-то во время путешествия с Гибсоном, Элбет и Эрихом. Карлу нечем было их развлечь — в последние годы он читал много, но в основном учебники по геологии и землемерным методикам. О «Ромео и Джульетте» он впервые услышал от Кэт, которой пришлось вернуться к этой истории, когда Иде показалось, что легенды о героях Дикого Запада слишком уж кровавы.

— Что ж, крови в этой пьесе тоже льется достаточно, — наконец произнес Карл. — И финал очень грустный. Нельзя ли его изменить?

Кэт пожала плечами.

— Мне не хватает воображения, — ответила она. — Попробуй сам. Мне кажется, Ида любит истории со счастливым концом.

Под нежным взглядом Карла Ида покраснела. А затем он вдруг в ярких красках описал, как при виде мнимо умершей Джульетты Ромео застыл, вспоминая все прекрасные моменты их любви, а в тот самый миг, когда он хотел проглотить яд, появился Лоренцо. Пока тот все объяснял Ромео, Джульетта проснулась.

— Но потом пришли их родители, и все снова стали ссориться, — усмехнулась Ида. — Или отец Джульетты заколол Ромео, а Джульетта приняла яд, и...

— Нет, — мягко произнес Карл. — Ромео и Джульетта сбежали вместе и жили припеваючи в стране у моря, где всегда тепло и светит солнце.

Он пытался встретиться взглядом с Идой, и, на миг растерявшись, она посмотрела ему в глаза. Круг тут же сомкнулся, они оба словно опять оказались на краю древнего леса в Байе, ощутили жар солнца, услышали рокот барабанов и шелест волн на песке.

— Такой страны не существует! — заявила Кэт. — По крайней мере, мне так кажется. Должен ведь иногда идти дождь, иначе все засохнет. Кроме того, им обоим нужно как-то зарабатывать деньги. А Ромео, наверное, только и умеет, что махать мечом. Так что он мог разве что пойти в солдаты, и тогда...

— Это ведь просто история, — в один голос сказали Карл и Ида, а затем рассмеялись вместе, пока Ида не разрушила очарование.

— На самом деле... — пробормотала она и заставила себя посмотреть на догорающее пламя, отведя взгляд от лица Карла. — На самом же деле они не будут счастливы, но и не умрут. Джульетта выйдет замуж за Париса, Ромео отправится в Мантую. А потом встретит другую девушку.

Карл покачал головой.

— Другой девушки никогда не будет, — твердо сказал он.

Глава 8

Кристофер и Джейн Фенрой еще за несколько часов до прибытия Карла узнали о том, что к ним движется эта огромная процессия. Разведчики *ngai tahu* заметили всадника, повозку и стадо овец, как только те оказались на территории племени, и Те Хайтара отправил весточку на станцию Фенрой. Кристофер уже подготовил вождя к тому, что у него появится партнер. Вообще-то приобретение пастбища для овец не должно было вызвать затруднений, однако, прежде чем установить размер арендной платы, Те Хайтара посоветовался с Джейн, и ее предложение в итоге вылилось в бурную ссору между ней и Кристофером.

— Скажи, Джейн, ты вообще на чьей стороне? — с раздражением поинтересовался у жены Крис, когда вождь выдвинул свои требования. Он нечасто решался на открытые стычки с супругой, но тут он выплеснул весь долго копившийся гнев. — Прекрасно, что ты борешься за права племени, но это зашло уже слишком далеко!

Джейн посоветовала вождю назначить плату в три раза выше обычной. Теперь нельзя было взять у Те Хайтары в аренду полкоролевства за три

одеяла и тюк ткани. Об этом позаботилась Джейн.

— Все равно это выгоднее, чем все предложения, которые делала переселенцам Новозеландская компания, — спокойно ответила она Крису. — С белым ты рассчитался бы как полагается, а от маори хочешь откупиться несколькими предметами домашнего обихода?

— Боже мой, Джейн, я не стал бы платить белому, потому что мне просто нечем! — возмутился Кристофер. — И ты прекрасно об этом знаешь. Так к чему эта подлость?

Джейн пожала плечами и смахнула со лба прядь каштановых волос. О строгих прическах ей пришлось забыть — парикмахерское искусство никак не давалось горничным-маори.

— Дело в том, что тебе пора научиться считать, Крис, — ледяным тоном заявила она. — Иначе ты и с овцами ничего не добьешься. Хорошо подумай, можно ли заработать на этой ферме, и, если да, возьми заем в банке или попроси Те Хайтару отложить срок выплаты на один год. Если нет, то лучше вообще не вкладывай время и деньги в овец. — С этими словами она отвернулась и выплыла из комнаты. В их новом доме она могла удалиться намного эффективней, чем в том маленьком, в котором они жили поначалу. Кристофер уже пожалел, что построил его для Джейн.

К счастью, Те Хайтара оказался не настолько прожженным дельцом. После ссоры с Джейн Крис почтительно попросил его о новой встрече в том месте на берегу Ваймакарири, где, по словам возмущенной *тохунга*, он с недавних пор вызывал духа денег. Мужчины сидели на корточках, смотрели на воды реки, в которых, словно золотые стрелы, преломлялись солнечные лучи, и Крис снова заговорил об аренде. Он признался вождю, что у него просто нет такой суммы денег.

— А у твоего друга, который приведет овец, тоже нет? — сочувственно поинтересовался Те Хайтара.

Крис пожал плечами.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Мне известно лишь, что он человек небогатый. И если мы пообещаем вам столько денег за эти выгоны, то нам придется в первый же год постараться получить очень высокий доход.

Вождь кивнул со знанием дела:

— Да. Так и есть. — Он показал на реку. — Когда духи довольны, они посылают все больше и больше денег, подобно тому, как разливается река, когда в горах тает снег. Но потом и требуют больше. Ка-пин-та хочет, чтобы мы быстрее делали лекарства и *хей-тики*. Не всем в племени это нравится. Некоторые говорят, мол, это приводит к тому, что молодежь перестает

уважать *тану*. Девушки уже не поют *каракиа*, собирая растения, а юноши вырезают *хей-тики* из дерева, а не из нефрита, потому что это дешевле и проще.

Крис кивнул.

— Да, — с грустью произнес он. — Это правда. Если вы назначите высокую арендную плату за пастбище, мы не сможем уважать каждое *тану*, связанное с лесами и ручьями этих земель. Овцы будут пастись повсюду. Это твоим *тохунга* тоже не понравится.

Те Хайтара вздохнул, а затем поднялся.

— Крис, я задаюсь вопросом, что будет с нами дальше, — серьезно сказал он. — Мы отпраздновали с вами *повири*, когда вы приехали, поэтому мы с вами одно племя. А теперь мы говорим о деньгах и о праве, о нарушении обычаев. Я знаю, пришло новое время. Но к чему это все приведет? — Внезапно он показался Крису растерянным и беспомощным.

Крис тоже встал и обратился к вождю:

— Мы можем покончить с этим здесь и сейчас. И мы не обязаны говорить о деньгах. Можно говорить о подарках, как и прежде. — В качестве компенсации за пользование землей, на которой стояла ферма, Кристофер каждый год доставлял из Порт-Купера в *мараэ* некоторое количество предметов обихода. Несмотря на то что у него был документ о праве собственности, составленный лично Джоном Николасом Бейтом, молодой человек понимал, что маори вряд ли вникли в суть сделки с отцом Джейн, и не хотел с ними ссориться. — А еще о дружбе. Я привезу вам одеяла, ножи, кастрюли и все, что вам нужно, а за это мои овцы будут пастись на вашей земле. Конечно же, не на священной земле, я прекрасно понимаю, что *тану* необходимо чтить.

Вождь поджал губы.

— Но нам уже не нужны ни одеяла, ни ножи, ни кастрюли, — с гордостью заявил он. — Мы сами можем все купить. Однако мы с радостью примем в дар овцу. Джейн говорит, что от нее будет много пользы. Что она дает молоко, как коровы, а на ее теле растет нечто вроде... вроде льна, — неуверенно закончил он.

Крис рассмеялся:

— Шерсть, *арики*. Это называется шерсть. И это правда, овец можно стричь, шерсть прясть и ткать, а затем шить одеяла и одежду, в которой будет тепло. Договорились, *арики*! В качестве арендной платы за землю вы будете получать по одной овце каждый год. Я даже не против отдавать ту, что в тягости, тогда у вас скоро появится собственное стадо. Мы покажем вам, как стричь этих животных, — думаю, как только сами научимся. Я не

тохунга, и Карл, наверное, тоже. А что касается пряжи и ткани, — его губы растянулись в сардонической ухмылке, — это женская работа. Спросите Джейн.

Услышав об этом соглашении, Джейн обиделась — как на мужа, так и на *арики*. Ее опять не стали слушать, и это ее раздражало, хотя среди маори она давно уже считалась женщиной с большой *мана*. Те Хайтара наверняка отверг ее предложение не без причины, но он был слишком мягкосердечен. Как, вероятно, и другие старейшины его племени, для которых деньги всегда значили немного. Они по-прежнему игнорировали ее советы, например, когда она говорила, что не стоит сразу тратить полученную прибыль, лучше вложить ее в какое-нибудь дело или расширить мануфактуру. Джейн тоже думала о том, чтобы обзавестись стадом овец, — в принципе, она понимала, что у этой новой отрасли экономики большое будущее.

Ей казалось, что и Те Хайтара это прекрасно понимает, однако его племя прежде никогда не занималось животноводством. И вообще, его люди склонялись к тому, чтобы спокойно почивать на лаврах. В последнее время они все чаще высказывались о том, что пора прекратить предпринимательскую деятельность, поскольку все уже имели теплую одежду, одеяла и домашнюю утварь. Если эта партия одержит верх, жизнь Джейн снова станет скучной. Однако Те Хайтара был настоящим подарком небес. Он делал все, чего хотела Джейн, возможно, даже его сделку с Кристофером следовало рассматривать именно с этой точки зрения. Когда придут овцы, его племя может передумать. Кто знает, а вдруг овцеводство понравится им больше, чем работа на мануфактуре в условиях постоянной спешки, когда Карпендер то и дело подгонял их, ожидая новой порции медикаментов. С овцами торопиться некуда, и у маори будет достаточно времени для того, чтобы петь свои *каракиа*, пока они будут их пасти, и уважать *тапу*, как того хочет *тохунга*. А Джейн будет заботиться только о сбыте, хотя пока что она не представляла себе, как это устроить. И Крис, конечно же, тоже. Посмотрим, насколько разбирается в этом деле тот немец, его новый компаньон.

В какой-то степени Джейн действительно предвкушала встречу с Карлом Йеншем, с которым она едва успела познакомиться на своей свадьбе. Но его имя почему-то казалось ей знакомым. Наверное, она переписывалась с ним, когда составляла список пассажиров «Санкт-Паули». В любом случае он, скорее всего, человек предприимчивый — от набожного деревенщины из Мекленбурга до уважаемого землемера в Новой Зеландии путь неблизкий. Лишь немногим колонистам удавалось

выучить английский язык в достаточной степени для того, чтобы работать где-либо, кроме как на строительстве дорог. По всей видимости, Карл Йенш неплохо владел языком.

Джейн не знала, желает ли она, чтобы ферма с приходом Карла наконец начала процветать, или же ей хочется порадоваться очередной неудаче Криса. Как и прежде, она наслаждалась игрой в кошки-мышки с мужем. Она держала Кристофера в священном страхе перед своим острым язычком и капризами. Если теперь у него появится заступник в лице компаньона, это испортит ей все развлечение. Вполне возможно, что Карлом Йеншем так помыкать не удастся.

И вот теперь он приезжает — и, судя по всему, не один. Взволнованный мальчишка маори, которого прислал с известием вождь, что-то говорил о двух женщинах, светловолосой и темноволосой, и об очень маленьких детях. Джейн с удивлением воззрилась на Криса, который, услышав это, буквально обезумел от радости.

— Должно быть, это его Ида! Ида, ты понимаешь, Джейн, девушка, в которую он влюблен, сколько себя помнит, — она потом вышла замуж за другого. Если это она... Неужели Карл действительно сумел увести Иду у Оттфрида? Просто невероятно! Быть того не может!

— Надеюсь, что нет, — почти не разжимая губ, произнесла Джейн. — Если он явится сюда с чужой женой, меня это не обрадует. Конечно, в легендах маори это выглядит романтично, но в действительности обычно вскоре приходит разъяренный супруг с заряженным мушкетом.

Крис отмахнулся:

— Да брось ты! Все наверняка честь по чести. Может быть, старолютеране допускают разводы. Карл ничего противозаконного делать бы не стал. Судя по всему, ему везет во всем, за что он ни возьмется. Теперь дела у фермы пойдут в гору, Джейн! Вот увидишь, с овцами мы разбогатеем!

Джейн возвела глаза к небу.

— Ну что ж, тогда иди, встречай его, этого счастливчика, твоего спасителя, — усмехнулась она. — А я тем временем приведу себя в порядок, чтобы приветствовать леди как полагается. Или не одну леди... Мальчик ведь говорил о двоих? Должно быть, твой Карл чертовски удачлив, раз он сделал ребенка обеим. Сколько времени он провел на Южном острове? Или старолютеране допускают полигамию?

Из-за коровы и новорожденных ягнят путешественники добирались до станции Фенрой почти целую неделю. Карл, Ида, Кэт и дети прибыли в поместье к обеду. Перед ними лежали залитые солнечным светом дома и

конюшни, поля и обширные пастбища. Ваймакарири текла спокойно и тихо, как Эйвон близ усадьбы Динсов. Даже Ида, хоть и встревожилась поначалу, не заметила ни малейших признаков того, что тут случаются наводнения. Берега реки покрывали густые заросли *раупо*, неподалеку от фермы виднелся лесок, и все вокруг покрывали кусты *рата*. Кэт это напомнило особняк Хемплменов.

— Раньше ты видела *рата* только на деревьях, — объясняла она Иде, — но, если местность каменистая, они вырастают в целые кусты. Миссис Хемплмен называла их огненными цветами. — Она рассказала о том, как составляла букеты для больной подруги. — Ты только погляди, сколько здесь красных цветов! Вообще-то это сорняк, но мне нравится, что Крис Фенрой его не вырубил.

Ида вела себя сдержанно. Теперь, увидев станцию Фенрой, она вдруг почувствовала себя неуютно. Столько земли, такая большая ферма! А на холме над рекой стоял самый настоящий особняк. И теперь они должны выкупить часть этих владений? Неужели нескольких овец окажется достаточно? Как Оттфрид собирается делить все это с Карлом и Крисом Фенроем? Хотя главным будет, скорее всего, Крис. Зачем ему отдавать кому-то право распоряжаться своим царством? Кроме того, есть еще и Джейн, дочь Николаса Бейта. Ида помнила ее величественную осанку и высокомерное поведение. Как она отнесется к их приезду?

Ида размышляла об этом, пока возле одной из конюшен не показался Крис Фенрой, который шел навстречу Карлу и его спутникам. По крайней мере, молодая женщина решила, что это Фенрой, она уже толком не помнила, как он выглядит, поскольку видела его всего раз или два в магазине Партриджей. Зато Карл и Крис, судя по всему, были хорошими друзьями. Карл тут же спешился, и молодые люди сердечно обнялись.

— Карл, прекрасно выглядишь! — Отодвинувшись от друга на расстояние вытянутой руки, Крис Фенрой просиял. — Такой лихой, настоящий траппер[55]! Северный остров пошел тебе на пользу, да и путешествия тоже!

Карл тоже смотрел на Крису с улыбкой, однако ответить ему комплиментом не мог. Брак и жизнь на ферме не пошли ему на пользу. Он казался старше, чем прежде, в глазах поселилась печаль. Волосы и борода были подстрижены, на лице пролегли морщинки — не от смеха, а от тревог и размышлений.

— А ты повзрослел в браке, — заметил Карл. — С такой аккуратной стрижкой я тебя никогда раньше не видел. Неужели Джейн сама тебя стрижет?

Крис натянуто улыбнулся:

— Нет, она не прониклась духом пионеров настолько, чтобы стричь супругу волосы, штопать ему одежду и варить еду. Но горе мне, если я осмелюсь пропустить визит к цирюльнику в Порт-Купере! Джейн полагает, что даже в глуши нельзя себя запускать.

Карл притворно огорчился:

— Значит, я сразу же произведу на нее плохое впечатление. Честно говоря, в Порт-Купере я цирюльника даже не видал. Ну да ладно, придется миссис Джейн принять меня таким, какой я есть.

— Как, наверное, поступает твоя Ида! — с довольным видом произнес Крис и обернулся к повозке.

Ида и Кэт сидели на козлах под натянутым тентом, который защищал от солнца детей. Из-за него слезть с повозки было не так-то просто. Крис толком не мог разглядеть женщин, однако протянул руку, чтобы помочь спуститься первой из них.

— Вы, должно быть, Ида! Я очень рад встретиться с ва...

Крис оборвал себя на полуслове, заметив светловолосую женщину, спрыгнувшую с повозки. Вдруг оказалось, что он смотрит в лицо, которое в последнее время видел только во сне, но помнил так же четко, как и после первой встречи.

— Потн, — прошептал он. — Кэт... Что ты здесь делаешь? Ты ведь не...

Он перевел взгляд с Кэт на Карла; сердце его едва не остановилось. Но молодой человек тут же взял себя в руки. Карл написал бы ему, если бы они с Кэт стали парой. Должно быть, они встретились случайно, причем совсем недавно.

Кэт натянуто улыбнулась, однако в душе ее бушевала буря. Ей пришлось сдерживать себя, чтобы не броситься ему на шею.

— Здравствуй, Кристофер, — вежливо произнесла она. — Рада, что у тебя все в порядке.

— Но где... как?.. — Крис пытался подобрать слова. — Ида, спускайтесь же наконец.

— Ты не возьмешь детей, Кэт? — попросила Ида.

Она протянула подруге корзину, в которой спали обе девочки. К этому моменту им стало в ней тесновато, в ближайшее время придется и вовсе от нее отказаться. Дети уже научились ползать, а скоро начнут и ходить. Теперь же, когда путешествие подошло к концу, они снова будут спать в колыбельке, которую сделал Оттфрид и которую они забрали с собой из *па*.

— Твои дети? — бесцветным голосом поинтересовался Крис у Кэт.

Кэт покачала головой.

— Это дети Иды, — твердо произнесла она. — Кэрол и Линда, двойняшки.

Карл помог Иде спуститься с козел.

— Позволь представить тебе, Крис: это Ида Брандманн. Это Кристофер Фенрой, Ида. Не знаю, встречались ли вы прежде.

Крис смутно помнил девушку с темными волосами, прямым пробором и ангельски прекрасным серьезным лицом. Свои косы она всегда прятала под чепцом. Даже сейчас Ида выглядела как правоверная старолютеранка — в отличие от Кэт, одетой в яркое платье из хлопчатобумажной ткани, она носила простое синее платье с передником и чепец. Наверное, когда-то это был ее воскресный наряд.

— Разве можно забыть такую красивую женщину, — галантно произнес Крис и поклонился. — Но как получилось, что вы приехали вместе? Ты ничего не писал об этом, Карл. Конечно же, я рад вам, миссис Брандманн. Но что с вашим супругом?

— Мой муж приедет позже, — негромко произнесла Ида. — Ну, если вы не против, конечно. Карл вам объяснит, он... Мы...

— У тебя будет еще один компаньон, Крис, — спокойно сказал Карл. — Давай поговорим об этом сразу же. Я знаю, что это неожиданно, однако иначе не получится.

Крис пристально взгляделся в лицо друга и понял, что это не настолько веселое приключение, как он мог предположить, судя по внешности друга. Карл снова нашел Иду, однако еще не завоевал. И тем не менее по-прежнему был готов сделать ради этой женщины все, что в его силах.

— Давайте распряжем коней, — предложил Крис. — Моя жена ждет нас в доме, она... приготовила обед.

Карл удивленно поднял брови.

— Обед? — переспросил он. — Нам подадут изысканные блюда на мейсенском фарфоре, среди хрустальных бокалов и дамастовых салфеток?

Крис усмехнулся, и его глаза впервые сверкнули с прежним лукавством.

— Примерно так. Однако изысканные блюда можешь вычеркнуть. У Джейн есть кухарка, но она готовит только рыбу со сладким картофелем, причем на открытом огне. Джейн пытается отучить ее от этого с помощью поваренной книги своей матери. Поэтому иногда мы едим запеканку из сладкого картофеля или панированную рыбу с какими-нибудь травами. Арона заглядывает в шкафчик и порой случайным образом находит именно то, что нужно по рецепту. Джейн без конца зачитывает ей отрывки из

поваренной книги, однако толку от этого никакого. Тут показывать надо, вот только Джейн готовить не умеет. Даже рыбу и сладкий картофель на открытом огне. Поэтому Арона не воспринимает ее всерьез.

— А почему тогда эта женщина продолжает приходить к ней? — удивилась Кэт. — Арона, которая готовит рыбу и сладкий картофель, скорее всего маори, верно? Так почему же она терпит такое... грубое обращение?

Крис улыбнулся, и на этот раз почти видимый круг тепла и взаимопонимания соединил его с Кэт.

— Джейн пытается держать себя в руках, — ответил он. — Она воображает, будто воспитывает маори, однако на самом деле это скорее взаимный процесс. Если она начинает кричать и оскорблять девушек, на следующий день они просто не приходят. Сперва такое случалось часто, и потребовалось дипломатическое вмешательство — с моей стороны и со стороны вождя, — чтобы все успокоилось. И свою злость по этому поводу Джейн срывает на мне. Я уже подумываю о том, чтобы научиться готовить и стричь.

— Все равно ты ей не угодишь, — рассмеялась Кэт.

— Я хорошо умею готовить, — вдруг заявила Ида. — Может быть, я...

— Ида, об этом мы поговорим позже, — перебил ее Карл. Нельзя, чтобы эта наивная душа предложила свои услуги Джейн Фенрой в качестве кухарки! Оттфриду это не понравится, и все начнется с неприятностей. — Где Ида и Кэт могут... привести себя в порядок перед обедом? Так ведь это называется, верно? — спросил он у Криса, бросив на него умоляющий взгляд.

Крис понял намек. Карлу хотелось, точнее, ему было просто необходимо поговорить с ним наедине.

— В старом доме, — с готовностью предложил он. — Все равно он подготовлен для тебя — хотя теперь в нем, наверное, поселятся женщины. Обстановка там есть, но позже мы с удовольствием занесем туда и ту мебель, которую вы привезли с собой, госпожа Брандманн.

— Ида, — сказала та. — Думаю, будет проще, если вы станете называть меня просто Ида. Теперь, когда все мы будем жить вместе.

— Иначе никак не получалось, при всем желании, — извинился Карл, когда они с Крисом прошли в конюшню.

Бренди и обе каурые лошадки с удовольствием жевали сено рядом с тяжеловозами Криса и его лошадкой для верховой езды, небольшой сивой кобылкой. Мужчины передавали друг другу бутылку виски, которую Крис держал в конюшне на всякий случай.

— Поверь мне, я ничего подобного не планировал. А Оттфрид... Что

ж, мягко говоря, это не лучший компаньон. Но иначе я снова потерял бы Иду. И что бы тогда с ней случилось? Она очень терпелива, ты от нее и слова дурного о ее бесполезном муженьке не услышишь, но сейчас иного выхода просто нет. Гибсон сбежал, кроме того, он хитер, и теперь его не найти. Так что именно Оттфрида обвинят во всем, что натворили эти двое. Один из вкладчиков — парень жесткий, а второй нанял ловкого адвоката с Северного острова, у которого наверняка есть связи — и свои люди для грязной работы. От них не сбежишь с семьей, без денег и без цели!

Крис поднял брови:

— Что ж, вряд ли у него совсем нет денег, если он собирается покупать овец. Может быть, ему хватило бы и на билет до Австралии. — Молодой человек усмехнулся. — Вот только тебе это не понравилось бы.

Карл закусил губу:

— Нет. Мне это не понравилось бы. Можешь говорить прямо, что я дурак, в конце концов, Ида не станет моей, здесь или где-либо еще. Я честно пытался забыть о ней, но я люблю эту женщину и знаю, что ничего нового тебе не сообщил. Я-то думал, она давно в Австралии, и, если бы теперь, отыскав ее, я увидел, что она счастлива, я оставил бы ее в покое. Но она несчастна! Этот Оттфрид — негодяй, да и лентяй к тому же, он ни на что не годен. Поэтому мне очень жаль, что я...

Крис отмахнулся.

— Похоже, мы будем прекрасно проводить время, — вздохнул он, — с Идой и Оттфридом. И с Джейн и Кэт. — Он попытался улыбнуться. — Я ведь тебе тоже не скажу ничего нового. Я люблю Кэт. И ты тоже можешь со спокойной душой обозвать меня дураком. Я мог заполучить ее еще тогда, в Нельсоне. Мог хотя бы поухаживать за ней, а вместо этого решил забыть. Из-за Джейн... Ну, ты знаешь, что из этого вышло. Дай мне еще глоток, Карл, да пойдем. Джейн наверняка уже ждет нас. И мне остается только молиться, чтобы она не догадалась насчет меня и Кэт.

Глава 9

— У вас чудесный дом, — вежливо сказала Ида, протягивая Джейн Фенрой руку.

Она говорила совершенно искренне, дом Фенроев на холме у реки произвел на нее сильное впечатление. Он был двухэтажным, построенным из дерева, с башенками и эркерами, более нарядным, нежели практичные дома Редвудов и Динсов. А с грубыми крестьянскими избами Рабен-Штейнфельда у него и вовсе не было ничего общего.

— Я хотел, чтобы он был похож на те дома, к которым привыкла Джейн, — пояснил Кристофер и посмотрел на жену, наверное,

напрашиваясь на комплимент, но выглядело это так, словно он молил о снисхождении.

Джейн пока молчала. Своим гостьям она не сказала ни одного лишнего слова и смотрела на них с некоторым пренебрежением.

Ида Брандманн, одетая как крестьянка с «Санкт-Паули», казалась простоватой и робкой, тем не менее Джейн удивилась, когда та заговорила по-английски. А с ней приехала Кэт, бывшая горничная в доме Бейтов, которая теперь работала у Брандманнов, если Джейн все правильно поняла. Причем возникал весьма закономерный вопрос: зачем нужна горничная людям, у которых и дома-то нет? Кроме того, Джейн считала недопустимым то, что Ида привела прислугу на званый обед. Возможно, Кэт должна была заботиться о детях. У Иды было двое детей, и Кристофер, похоже, пришел от них в полный восторг. Джейн предположила, что вскоре он снова начнет донимать ее разговорами о потомстве.

— Я привыкла к каменным особнякам, примыкающим к другим таким же, — съязвила Джейн. — Деревянный дом в такой глуши... К этому тоже нужно привыкнуть. Но вам придется пока удовольствоваться старой хижинкой, так что мне грех жаловаться. Позволено ли мне узнать, мистер Йенш, с какой из этих двух леди вы собираетесь там поселиться? Вы ведь ни на одной из них не женаты, верно?

— Может быть, мы для начала поедим? — перебил ее Крис, которому ее слова были явно неприятны.

И он показал на стулья и обеденный стол. Мебель выглядела довольно просто, особенно в сравнении с тонкой скатертью и хрустальными бокалами для вина. Ида, покраснев, села на указанный ей стул. Однако Карл ответил на пренебрежительный взгляд Джейн безо всякой робости:

— Я не собираюсь переезжать туда с кем бы то ни было, миссис Джейн. Как вы совершенно справедливо заметили, я холост, и я ни в коем случае не позволю себе кого-либо скомпрометировать. Думаю, для меня найдется другое место для ночлега, для начала вполне достаточно будет загородки в хлеву. В вашем старом доме пока устроятся миссис Ида с мисс Кэт, а позже — и мистер Брандманн.

Он кивнул, передавая слово Кристоферу: Карл полагал, что будет лучше, если тот сам расскажет жене о втором компаньоне. Кристофер так и поступил, запинаясь и пропуская скользкие моменты. Представил он все так, что ферма быстрее начнет приносить доход, если их стадо будет побольше.

Джейн нахмурилась, но сразу нельзя было понять, чем вызвано ее недовольство: то ли историей с Брандманнами, то ли неловкими

движениями красивой девушки маори, подававшей закуску. Суп расплескался на дамастовую скатерть. Карл решил, что это к лучшему: рассказывая о талантах своей кухарки, Крис совсем не преувеличивал. Этот водянистый бульон не имел почти ничего общего с рыбным супом провинански, как его гордо назвала Джейн.

— Значит, ожидается очередное пополнение, — наконец сказала Джейн и поморщилась. — А кто-нибудь из вас слышал поговорку о том, что чем больше поваров, тем хуже каша?

Карл снова взглянул ей прямо в глаза.

— Что ж, в данном случае умелый повар явно не помешает, — заявил он, с отвращением помешивая суп.

— Крис, почему ты позволяешь Джейн так унижать тебя? — спросил друга Карл.

Сегодня ночью он решил устроить себе ложе в конюшне, и Крис отправился туда вместе с ним якобы для того, чтобы показать, где именно он сможет переночевать. На самом деле он пришел в конюшню за припрятанной там бутылкой виски, которую теперь разделил с другом.

— Она же буквально наслаждается тем, что выставляет тебя в неприглядном свете. И я не вижу никаких причин пасовать перед ней. Неправда, будто ты обязан ей тем, что у тебя есть ферма. Ты сам говорил, что ее отец приобрел ее не совсем честно. Ты платишь за нее аренду, и, если маори однажды поймут, как все устроено в новом мире, тебе придется снова покупать ее. Поэтому не позволяй Джейн так обращаться с собой!

Кристофер пожал плечами.

— Ах, да ладно, — пробормотал он. — Я ее уже и не слушаю. Но что ты скажешь насчет Кэт? Ты знал, что она задумала?

Конечно же, Джейн не смогла отказать себе в удовольствии перевести и без того напряженный разговор на Кэт. «Небольшой домик и без служанки можно поддерживать в чистоте, — заявила она, — особенно если там живет хорошая хозяйка из Мекленбурга».

— Неужели у вас дома вообще не было служанки, Ида? — сладким голосом интересовалась она. — Или горничной?

Ида нервно сжала в пальцах бокал вина, едва не раздавив его.

— Нет, — ответила она. — Но...

— Здесь у нее тоже ее не будет, — вмешалась Кэт. — Я путешествовала с мистером Йеншем и Идой, поскольку так проще и безопаснее добраться на равнины, однако оставаться здесь не намерена. Как вам известно, я выросла в одном из племен маори, и сейчас снова собираюсь к ним присоединиться. Полагаю, я очень скоро сумею найти

арики, который пожелает принять меня. С моими знаниями обычаев и языка *пакеха* я пригожусь любому *иви*.

— Ах, вот как? — Джейн хитро улыбнулась, а Крис и Ида не могли скрыть своего удивления. — Поделитесь же с нами своими познаниями, Кэт! В чем коренное отличие между *пакеха* и маори?

Кэт встретила с Джейн взглядом, и в ее ореховых глазах сверкнули золотые искорки.

— В первую очередь в искренности, миссис Джейн. Например, маори никогда не станет улыбаться, если собирается стукнуть вас дубинкой по голове.

Вспомнив этот ответ, Карл усмехнулся.

— Знал ли я об этом? О том, что она хочет ехать дальше? Крис, а чему ты удивляешься? Что ей здесь делать? Джейн уже сейчас язвит по поводу «горничной» Иды и Оттфрида. В конце концов она поймет, что именно ты держишь здесь Кэт. В этом Джейн участвовать не будет, для этого она слишком горда. Так что пусть Кэт уходит. Она еще свободна, может быть, она встретит мужчину, с которым будет счастлива.

Однако пока что Кэт решила остаться с Идой. Женщины с малышками устроились в старом доме Джейн и Криса. Они помогали Крису и Карлу строить загон для овец и сарай для стрижки. Ида отобрала несколько самых послушных овец, чтобы доить их, и снова начала варить сыр. Кэт часто собирала травы для ее рецептов, и ее встреча с женщинами *нгаи таху* была неизбежной. Она привлекла к себе внимание тем, что, выкапывая корни *раупо*, задумчиво пела *каракиа*, которой ее научила Те Ронга. Разумеется, это тут же растопило лед между нею и местными *тохунга*. Всего через несколько дней она уже обменивалась с ними целительским опытом. Также она пригласила нескольких молодых женщин зайти к ним и посмотреть, как доят овец. Карл заплатил свой первый взнос за аренду земли, отдав в племя хорошую овцематку и двух ягнят, но пока что ни одна из женщин маори не решалась всерьез заняться животными.

— Вообще-то они довольно смышленные, — доверительно сообщила Карлу Ида, поработав с девушками маори. — Неплохо обращаются с животными, очень приветливые. Я даже не думала, что это возможно, с этими *моко* они выглядят так устрашающе!

Карл развеселился и отметил про себя, что она сказала *моко*, а не «татуировки». Вслед за Кэт она стала употреблять слова из языка маори.

— Устрашить хотят только мужчины, — произнес он. — У женщин *моко* должны напоминать о том, что боги вдохнули в них дыхание жизни. Обрати внимание, татуировки у них нанесены в основном вокруг губ.

— Но ведь жизнь вдохнули в Адама! — испуганно воскликнула Ида.
— Еву сделали из его ребра.

Карл рассмеялся:

— Маори считают иначе — и пока что Господь не наказал их за это. Как дела у овец? Скоро у них будут ягнята? Можно будет тогда перегнать стада на выгоны получше, подальше от дома, а здесь оставить только твоих молочных овец.

Ида подробно ответила на его вопросы. Ей нравилось работать бок о бок с Карлом, поскольку он вел себя по-дружески, никогда не бранил ее и не кричал, как Оттфрид. Он часто звал ее на помощь, когда перегонял овец или занимался другим делом, для которого требовалась собака, поскольку Охотник по-прежнему слушался только Иду. Карл обратил внимание на то, какой счастливой стала молодая женщина за те несколько дней, которые она провела с ним на станции Фенрой. Она снова ходила на охоту и готовила для мужчин обед.

— Надеюсь, Джейн не против, — робко сказала она, когда на ее жаркое из крольчатины жадно набросились не только Карл и двое помощников-маори, но и Кристофер. — Она не готовит для вас, Крис?

Тот покачал головой:

— Только кухарка готовит что-нибудь вечером. На обед едим в лучшем случае то, что осталось от ужина, или бутерброды. Джейн сама на кухню не заглядывает.

— А чем она занимается целый день? — удивилась Ида.

Крис пожал плечами:

— Читает, пишет... Она много общается с маори, часто ходит к ним в гости и наблюдает за работой мануфактуры.

Кэт рассмеялась:

— И тем самым доводит *тохунга* до белого каления. Я уже слышана об этом. Но за нее горой стоит вождь, да и результаты впечатляют. Племя разбогатеет.

— Деньги — это еще не все, — проворчал Крис, беря добавку. — Завтра я пришлю к вам кухарку, Ида, от вас она примет советы. — Он встал и поднял руки, обращаясь к духам: — Настоящим произвожу вас в звание *тохунга*, Ида Брандманн. В том, что касается жаркого из крольчатины, вам на этом острове никто не указ. Ты не сможешь мне с загоном для овец, Кэт?

Кэт чувствовала себя рядом с Крисом так же уверенно и спокойно, как Ида с Карлом. Никто из них не говорил об этом, но дни до прибытия Оттфрида стали для всех поистине волшебными, они наслаждались ими, не

задавая себе никаких вопросов. Карл шутил с Идой, и она перестала опускать глаза, заговаривая с ним. Крис иногда словно ненароком касался руки Кэт, и та не отдергивала ее.

Джейн не пыталась сблизиться ни с одной из женщин. Она не ревновала, видя, как спорится у них работа рядом с мужчинами, не завидовала их необыкновенной красоте, которая опять расцвела, когда женщины отдохнули после нелегкой дороги и тяжелого труда, после родов и всех тревог. Кэт порхала по двору с развевающимися волосами, которые она заплетала в косу или носила распущенными, как девушки маори. Ида снова сняла свой строгий старолютеранский наряд и выглядела неотразимо, когда темные пряди волос выскользывали из ее небрежной прически. Джейн относилась к этому спокойно. Ей было безразлично, какие взгляды мужчины бросают на этих женщин.

Таким образом, Джейн не подружилась с ними вовсе не поэтому, а потому, что ей просто-напросто не о чем было поговорить с домовитой Идой и целеустремленной Кэт. Однако вылазки Кэт в деревню маори ее раздражали. Не хватало еще, чтобы эта девушка осмелилась занять ее место! Впрочем, вскоре Джейн заметила, что Кэт не сильна в арифметике и коммерция ее не интересует. Джейн сочла ее глупой и суеверной, когда услышала, как она что-то напевает себе под нос, собирая в огороде сладкий картофель. Тем не менее Джейн отправила кухарку к Иде — наверное, не зря Крис так восторгался ее кулинарным талантом. Что подумает о ней соседка, ей было все равно.

Оттфрид прибыл с овцами на станцию Фенрой спустя пять недель после отъезда в Нельсон. Карл уже начал надеяться, что он действительно сбежит с остатками своих сбережений на Северный остров или еще куда-нибудь, но тут разведчики маори возвестили о его появлении — и Оттфрид вдруг сумел произвести на всех хорошее впечатление. Вверх по течению Ваймакарири за Оттфридом следовало стадо из пятидесяти овцематок, подгоняемое двумя прекрасно обученными, хотя еще очень молодыми колли, старающимися правильно реагировать на неловкие команды хозяина.

— Ну что, доволен? — Он усмехнулся, когда Карл осмотрел животных и одобрительно покачал головой. — Они соответствуют твоим требованиям?

— Они великолепны! — воскликнул Карл. — Я и не думал, что в тех местах разводят таких чудесных овец! Наверное, их привезли в Нельсон из Австралии, там есть прямой морской путь. В любом случае они прекрасно подойдут к остальным. А собаки какие чудесные! Тоже на рынке взял?

— Получил в подарок, — пренебрежительно махнул рукой Оттфрид. — Говорил же, у меня там отличные связи! Теперь вы мне покажете ферму? И как насчет того, чтобы как следует промочить горло? Такую сделку нужно обязательно отметить!

Когда Карл представил мужчин друг другу, Крис с готовностью откупорил бутылку виски. Он не узнал Оттфрида, по Вайрау тот ему не запомнился.

— Потому что ты смотреть только на сладкая Кэт! — поддразнил Криса Оттфрид. — И теперь она здесь. Осторожно, а то жена увидет!

Он усмехнулся, а Крис едва не залился румянцем. Кэт была рядом с ним, когда приехал Оттфрид. Она приветствовала его более чем холодно, а затем сразу же ушла, когда он принялся хвастаться своими овцами. Но, похоже, он сразу же понял, что связывает Кэт и Фенроя. Крис попытался улыбнуться: Оттфрид уже начал вызывать у него отвращение. Может быть, эти овцы и принесут доход станции Фенрой, но как бы не пришлось потом расплачиваться за такого ненадежного компаньона. Тем не менее Крис налил ему виски, и Оттфрид, усмехаясь, поднял стакан.

Карл закусил губу.

— Пойдем! — наконец произнес он. — Если хочешь осмотреть ферму, пока еще трезв, то нам пора. Все равно сегодня нам все границы уже не объехать. Достаточно составить общее представление... — Он присел и нарисовал на песке прямоугольник. — Вот Ваймакарири, она ограничивает землю с юга. На востоке границу образует озеро, священное для маори, так что, прошу тебя, не вздумай там купаться или ловить рыбу, если окажешься в тех краях по делам. И овец лучше поить в другом месте, повсюду есть ручьи и пруды, это не проблема. На севере расположена деревня маори, у них тоже скоро будет много овец, однако они собираются пасти их чуть повыше. Тем не менее стада могут смешаться, поэтому нужно будет пометить своих животных и постараться не допустить путаницы, чтобы не присвоить чужую овцу.

Оттфрид поморщился:

— Зачем ты мне это рассказываешь? Лучше присмотри за этими татуированными ребятами!

Крис покачал головой. Он понял далеко не все из разговора, который велся на немецком языке, однако суть уловил.

— *Ngau taхu* — люди честные, — серьезно сказал он. — У нас хорошие добрососедские отношения, которые нельзя портить. Этого Карл и добивается. Поэтому, прошу вас, слушайте то, что он говорит.

— А на западе земля тянется почти до самых Альп! — закончил Карл.

— Теоретически она принадлежит *нгаи таху* Те Хайтары, но они ею не пользуются. А значит, мы можем пасти там овец сколько душе угодно и отправлять животных на все лето в горы, как поступают в Уэльсе, Йоркшире и в других областях Великобритании, где разводят овец.

— Правда, там иногда кочуют другие племена, — вмешался в разговор Крис. — С ними тоже нужно достичь взаимопонимания при встрече.

— А если не получится? — поинтересовался Оттфрид. — Тогда они угонят весь скот и потом скажут, что ничего не знают, как при продаже земли?

Карл перевел его слова.

— Они недостаточно хорошо разбираются в овцах, чтобы их красть, — успокоил его Крис. — В крайнем случае забьют одну на мясо. К этому нужно быть готовым. Но целые отары они угонять не будут. Кроме того, они не смогут приходить и уходить незамеченными. Как я уже говорил, эта земля принадлежит Те Хайтаре и его людям. Если появляются другие племена, они устраивают приветственную церемонию, беседуют друг с другом — здесь есть только *иви нгаи таху*, они не враждуют между собой. В таком случае я приду на эту церемонию и объясню им все насчет овец. Так что не беспокойтесь, Оттфрид, с овцами ничего не случится!

Оттфрид фыркнул.

— Это вы так думаете, — заявил он, — а я этим ребятам все равно не доверяю. Лично я свою отару на высокогорье не отправлю. Пусть остаются под присмотром.

Крис бросил на Карла взгляд, полный отчаяния. Они были готовы к трудностям, и вот уже возникли первые. Впрочем, все оказалось даже хуже, чем они предполагали. Карл и Крис в тот же день повели своего нового компаньона довольно далеко на запад, где возвышался холм, с которого можно было увидеть почти всю ферму. Крис, поднявшись на него, с гордостью продемонстрировал широкие поля, леса и скалы, торчавшие кое-где на равнине, словно замки или башни.

— А там, внизу, лежит станция Фенрой! — радостно объявил он. На горизонте можно было разглядеть строения фермы. — Разве здесь не чудесно? Все это принадлежит нам! Скоро повсюду будут пастись овцы! Ты был прав, Карл, за овцами будущее Южного острова, и в первую очередь будущее равнин!

Оттфрид подвел своего коня ближе, и его глаза тоже вспыхнули, когда он увидел равнины. Он выпрямился в седле, словно король, обзирающий свои владения.

— Это даже больше, чем Рабен-Штейнфельд! — с довольным видом

заявил он. — Тут больше земли, чем было у помещика.

Карл рассмеялся:

— Да тут весь Мекленбург поместится! Но мы все устроим иначе. Мы не будем возводить заборы и закладывать деревни. Скорее мы станем пастухами, которые перегоняют свои стада по всей стране, но не меняют ее ландшафт.

Оттфрид презрительно фыркнул:

— Это ты так видишь. Может быть, другие считают иначе. Кстати, как мы все оформим? *How we now make it?*[56]

— Что? — переспросил Крис, спускаясь с холма.

— Ну, землю и двор. Если мы все тут хозяева, то это уже не станция Фенрой. Нужно разделить территорию на участки. Мы должны знать, что кому принадлежит.

Карл глубоко вздохнул и только потом перевел его слова для Криса.

— Оттфрид, это ведь будет овцеводческая ферма, — попытался объяснить он. — Крупное предприятие. На Северном острове уже сейчас есть фермеры, у которых по несколько тысяч животных. Стада быстро растут. Их действительно сортируют: держат отдельно овцематок, молодняк, баранов, мясной и молочный скот, и мы тоже будем так делать, но мы не станем делить овец между собой! Кроме того, нам потребуются огромные пастбища, такое большое стадо нельзя запереть в загон. Если отара вытопчет траву, то разрушится дерн, и на этом месте больше ничего не вырастет. Я предлагаю заниматься овцами вместе, а затем делить прибыль на троих. У братьев Динс и Редвуд все прекрасно получается.

— У братьев все остается в семье, — напомнил ему Оттфрид. — Но вдруг у меня будет наследник, а у тебя — нет?

Крис покачал головой, когда Карл перевел ему эти слова:

— Брандманн, пока что мы не заработали на ферме ни единого пенни. Нельзя уже сейчас говорить о наследниках!

Оттфрид рассмеялся.

— Пока ничего не заработали, но уже кое-что вложили! — похвастался он. — Пятьдесят отличных овец! Я хочу, чтобы они паслись на моей собственной земле!

Крис натянуто улыбнулся.

— Ну ладно, Оттфрид, — спокойно произнес он, — у меня есть договор, подписанный Джоном Николасом Бейтом. В соответствии с ним мне тут кое-что принадлежит. Можете получить треть от этого. Но, прошу вас, пока только на бумаге. Что касается производства, то поступим так, как предложил Карл. Это эффективный метод, что на Северном острове

доказали Редвуды и Динсы.

— И будем любить друг друга, как братья, — заметил Карл на обратном пути. Он ехал верхом на Брендри рядом с Крисом. Оттфрид понесся вперед, окрыленный новыми перспективами. — Как там было у Каина с Авелем? Кто кого начал обманывать? Признай, твой договор не стоит и бумаги, на которой он написан!

Крис усмехнулся:

— По крайней мере, в глазах маори. Что же до *пакеха*, Оттфрид может пожаловаться губернатору. Хотя лично я сомневаюсь, что ему хватит сил вести подобную тяжбу. Я бы сформулировал все очень осторожно и не ссылаясь непосредственно на договор Бейта, переписывая землю, чтобы не попасть в ловушку, если Те Хайтара вдруг все же решит продать нам землю по-настоящему.

— Нам? — переспросил Карл.

Крис серьезно кивнул:

— Конечно! Если Оттфрид получит долю на станции Фенрой, то и ты, разумеется, тоже. Все должно быть по-честному.

Карл громко расхохотался:

— Ты так щедр, брат мой! Однако Оттфрид прав. Ферму больше нельзя называть станцией Фенрой. Как мы назовем ее теперь? Рай? Или сразу Эдемский Сад?

Каракиа токо

Равнина Кентербери, Порт-Купер

1846 год

Глава 1

Оттфрид опять овладел Идой, как до этого новой землей. Он еще немного выпил со своими деловыми партнерами, оставшимися не слишком довольными сотрудничеством, а затем отправился в «свой дом», который, однако, его несколько разочаровал.

— Мы построим себе дом в собственных владениях, Ида, — объявил он, осмотрев это незамысловатое сооружение. — Как в Санкт-Паулидорфе. Здесь у нас будет гораздо больше земли и гораздо меньше работы! Овцы, считай, сами за собой ухаживают. Этот Карл Йенш — не дурак. Но с работой Йеншам не везло, вот они и голодали.

Наконец он велел Иде идти в спальню, а когда Кэрол и Линда начали плакать, отнес колыбельку с детьми на кухню. Ида подумала, что малыши,

возможно, чувствуют ее напряжение и страх, так же как и Охотник. На протяжении всей ночи, как обычно, мучительной и бесконечной, она вслушивалась в их плач, испытывая чувство вины. Однако сейчас можно было не бояться хотя бы за Охотника, который сразу побежал вслед за Кэт, когда она ушла ночевать в конюшню. Теперь Ида с тревогой и надеждой думала о Карле. Он тоже спал в одном из сараев — вероятно, не слишком далеко. Если он услышит, как Оттфрид насилует ее, услышит крики, которые она порой не могла сдержать... Может быть, он придет и попытается спасти ее?

Ида знала, что это глупости, Кэрол и Линда шумели намного громче, чем когда-либо позволяла себе Ида, и их плач не был слышен в конюшне. Иначе Кэт пришла бы и попыталась успокоить детей. Однако ей приятно было представлять себе Карла в роли спасителя, который сбросит с нее Оттфрида и ляжет рядом вместо него. Ида устыдилась подобных мыслей, но в самые ужасные моменты она вспоминала Байю и поцелуй Карла.

Впрочем, Кэт отправилась спать не к лошадям, а в коровник, расположенный дальше: она не хотела встречаться с Карлом, чтобы тот не подумал, будто ей от него что-то нужно. Кроме того, ее терзали мрачные мысли. Вот теперь уж точно придется уходить со станции Фенрой. В конце концов, она не может всегда ночевать в конюшне, изображая служанку Брандманнов, которая им совершенно не нужна. Скоро Джейн станет задаваться вопросом, почему она до сих пор здесь, — и, возможно, ей хватит интуиции, чтобы угадать: причина кроется в Линде. А еще Кэт опасалась, что Оттфрид снова начнет приставать к ней или, напившись, хвастаться своими победами. Если он выпьет слишком много виски, то вполне может проболтаться, что спал с Кэт. И хотя ей было безразлично мнение Гибсона на этот счет, совсем другое дело, если об этом узнают Крис и Карл.

Когда молодая женщина расстелила свои одеяла рядом со стойлом Дженнифер, к ней прижался не только Охотник, но и колли Оттфрида, которые, видимо, чувствовали себя неуютно из-за того, что им приходилось ночевать в стойле, где охранять в данный момент было нечего. Кэт задумалась, не спали ли они прежде в доме? С другой стороны, Оттфрид ведь получил их от торговца, а они обычно своих животных не баловали. Еще одна загадка в придачу ко множеству вопросов, возникших в связи с поездкой Оттфрида в Нельсон.

Терзаемая этими размышлениями, Кэт ворочалась на своем соломенном ложе и вдруг осознала, что в эту ночь в хлеву не так спокойно, как обычно. Она привыкла к тому, что лошади время от времени фыркают,

жуют сено, укладываются на солому и снова встают, однако тревога, которую проявляла сегодня Дженнифер, была странной. Стоило корове улечься, как она тут же вставала, бесцельно бродила по своему стойлу и мычала.

«Она скоро отелится...» Кэт вдруг вспомнила, что утром Ида говорила об этом. Но потом о Дженнифер и теленке все забыли, потому что маори увидели Оттфрида и его овец. Мужчины были заняты другими делами, а Ида весь день бродила словно в трансе и с ужасом дожидалась ночи.

Встревоженная Кэт отодвинула собак, встала и пошла посмотреть, как чувствует себя корова, которая как раз снова прилегла. У нее уже явно начались схватки. Кэт подумала, не позвать ли Иду, но потом решила, что, возможно, справится одна. Отогнав прочь собак, она села на корточки рядом с коровой, стала гладить ее и петь *каракиа*, хотя собственные действия казались ей нелепыми. Она никогда не верила, что молитвы и заклинания и правда помогают, с другой стороны, пение успокоило даже Иду во время родов. На корову оно оказало такое же воздействие, но животное наверняка понимало, что происходит. Если верить Лоре Редвуд, это у нее уже третий теленок. Поэтому Кэт оставалось только ждать, пока новорожденный выберется на свет. Лежал он правильно, Кэт уже видела передние копытца и головку.

Молодая женщина с восторгом наблюдала за тем, как наружу показались плечики, а с последней сильной схваткой теленок выскользнул на солому. Дженнифер немного отдохнула, затем села, промычала что-то своему детенышу и начала вылизывать его. Кэт стала помогать ей — обтирать малыша соломой, продолжая петь. Теперь ее песни были радостными. Те Ронга всегда таким образом приветствовала появление на свет нового существа...

Крис Фенрой услышал голос Кэт, когда возвращался домой. Они с Оттфридом выпивали у него в кабинете, а когда тот ушел к Иде, они с Карлом решили продолжить в конюшне. Его и без того подавленное настроение не улучшали постоянные колкости Джейн. Крис все еще стеснялся пить виски в ее присутствии.

Вскоре мужчины закрыли бутылку. Им, разумеется, хотелось утопить свои тревоги по поводу совместной работы с Оттфридом в виски, а Карл еще отправил бы туда и мысли о том, что творит с Идой в эту ночь их новый компаньон, но утром их ждала работа, и никто из них не хотел проснуться с похмельем. Поэтому Крис был относительно трезв, когда возвращался к дому под ясным звездным небом. Он прошел мимо старой хижины, услышал детский плач и усмехнулся себе под нос. Оттфриду

сегодня не повезло, ведь Ида будет успокаивать двойняшек! Затем, проходя мимо коровника, он услышал чистый голос Кэт, которая пела *каракиа*. Крис даже решил, что ему это снится. Вероятно, ему просто показалось? Нет, не может быть, не так уж много он выпил!

Мужчина нерешительно открыл дверь хлева. Какое бы заклинание ни плела сейчас Кэт, ей наверняка не нужны лишние зрители. И вообще, почему она здесь? В доме Иды и Оттфрида есть детская, где она могла бы жить. А затем он увидел Кэт, стоящую на коленях рядом с коровой и ее теленком. Лицо ее сияло: она радовалась чуду рождения. Кэт была в своем рабочем платье, волосы мягкими волнами ниспадали ей на плечи. Казалось, она ласкала новорожденное животное своими волосами. При этом она нежно и тихо напевала, прося для теленка благословения богини-матери Папа. Той Папа, которая была также и богиней любящих.

— Кэт!

Крис окликнул молодую женщину негромко, чтобы не напугать ее, а затем подошел ближе. Кэт подняла к нему лицо. Она вся светилась, было видно, что она занята делом, которое ей нравится, и ее внутреннее сияние только усилилось, когда она посмотрела Крису в глаза.

— Бычок, — негромко сказала она. — Для Динсов. Хорошо, что он будет жить. Мне не хотелось бы помогать появиться на свет тому, кого скоро зарежут.

Кристофер подошел ближе.

— Здоровый и крепкий! — произнес он. — И ты тоже прекрасна, Кэт. Мне хотелось бы... мне хотелось бы... чтобы ты когда-нибудь спела *каракиа* для моего ребенка.

Кэт не отвела взгляда.

— Для твоего ребенка от Джейн? — уточнила она. Когда она говорила о Джейн, в ее голосе часто звучал сарказм, однако в эту ночь все было иначе.

Крис покачал головой:

— Нет. Для нашего с тобой ребенка, Кэт.

Он протянул к ней руки и испытал облегчение, когда Кэт поднялась и прижалась к нему.

— Я не хотела... — прошептала она, но он закрыл ее уста поцелуем, первым поцелуем в ее жизни, если не считать грубых прикосновений Оттфрида в ту ужасную ночь.

Кэт сначала было неловко, а затем в ней проснулось любопытство. Ей всегда было интересно, что в этом находят *пакеха*: маори не целовались, у них даже соответствующее слово появилось только после того, как на остров пришли англичане. И теперь она наслаждалась близостью Криси, тем, как он нежно прикоснулся языком к ее нёбу. Почувствовав возбуждение, Кэт прижалась к нему всем телом и вздрогнула, когда он погладил ее по спине.

— Крис, что же будет? — хрипло спросила она, когда он на миг прервал поцелуй. — Мы ведь не можем...

— Можем, — возразил Крис и снова поцеловал ее.

На этот раз Кэт ответила ему, а затем позволила ему больше. Он целовал уголки ее губ, лоб, подбородок, затем шею, спускаясь все ниже. Кэт не хотела потерять себя, полностью утонув в этой безнадежной любви, но теперь ее намерение таяло. И наконец она поддалась страсти, позволила себе не думать, а только чувствовать. Она не испытывала чувства вины, когда Крис уложил ее на солому. Смеясь, они растолкали собак в разные стороны, чтобы освободить себе место.

— Надеюсь, он не начнет выть, — пробормотала Кэт, глядя на Охотника.

Однако пес лишь с укором посмотрел на них, недовольный тем, что его сдвинули с теплой соломы; защищать Кэт от Криса он не стал.

Крис на миг замер, когда Кэт сняла платье, — он вдруг вспомнил то, как Джейн бесстрастно готовилась к первой брачной ночи. Однако, освободившись от одежды, Кэт не просто легла рядом на одеяло, но прижалась к нему и стала ласкать. Ей понравилось, что он сначала постарался возбудить ее и только потом осторожно вошел в ее тело. Крис не удивился тому, что она уже не девственница. Девушки маори довольно рано получали первый сексуальный опыт, и Крис полагал, что Кэт спала с мужчинами еще тогда, когда жила у *нгати тоа*. Тем не менее она вела себя так, словно для нее все было внове, и Крис наслаждался возможностью открыть ей мир свободной любви.

Сам он никогда прежде не был так счастлив с женщиной, не испытывал столь полного единения. Любовь Кэт помогла ему забыть об обидах Джейн. Кэт вела себя приветливо и открыто, в то время как Джейн была холодна. Кэт смеялась и подбадривала его в такие моменты, когда Джейн разрушала все очарование одним саркастическим замечанием. Крис впервые за несколько лет снова почувствовал себя мужчиной. С Джейн ему всегда было тяжело выполнять свой супружеский долг, с Кэт все оказалось просто и получалось словно само собой. Снова и снова они сливались в объятиях, целовались и обменивались ласками, с восхищением исследуя тела друг друга.

Для Кэт эта ночь с Крисом перечеркнула все, что отравляло ее мысли о физической любви: пошлые фразы мужчин с китобойной станции, стоны и хрипы клиентов в палатке матери и ужасный опыт с Оттфридом. То, что она переживала теперь, было настоящей любовью, чистой, окрыляющей и, вне всякого сомнения, благословенной всеми духами. Все остальное не

имело значения.

Потом они лежали рядом, мокрые от пота, и Крис осторожно укрыл Кэт, чтобы та не замерзла.

— Разве тебе не нужно идти домой? — сонно спросила она, прижимаясь к его плечу. — Джейн не удивится, что тебя нет?

Крис покачал головой.

— Мы с ней спим в разных комнатах, — ответил он. — И слово «удивление» не входит в ее лексикон.

— Но в твой-то входит, — пробормотала Кэт.

Крис поцеловал ее.

— До сегодняшнего дня не входило. Теперь ты добавила это слово в него.

Кэт сладко уснула в объятиях Криса, но они проснулись вовремя, чтобы ни Карл, ни Ида не застали их врасплох. В первую очередь Ида могла прийти сюда с утра, чтобы посмотреть, как чувствует себя корова, которая вот-вот должна была отелиться. Обычно в таких вопросах она проявляла похвальную дотошность. Но в это утро она не пришла. После ночи с Оттфридом у нее болело все тело, она испытывала чудовищную усталость. Кроме того, у нее ушло много времени на то, чтобы успокоить детей, которые с плачем уснули только под утро. Кэрол пробудилась очень рано и сразу захныкала.

— Этот червяк твой, верно? — злобно поинтересовался Оттфрид, когда увидел, что Ида качает Кэрол. — Вторая поспокойнее. Поразительно, с матерями все наоборот. Может быть, мне стоит зачать наследника со злоюкой?

— Может быть, мне тоже стоит спать с ножом под подушкой? — отозвалась Ида и испугалась собственного мужества. Она думала, что Оттфрид отругает ее, но он лишь рассмеялся.

— Да ты, душенька, не умеешь им пользоваться! — говорил он, не догадываясь, о чем при этом думает Ида...

Когда она наконец собралась с силами и отправилась в хлев подоить коров и посмотреть, как чувствует себя Дженнифер, возле стойла уже стояли Крис, Кэт и Карл, восхищаясь маленьким бычком.

— Как его зовут? Уже придумали имя? — просияв, спросила Ида и протянула теленку палец, а малыш тут же принялся его сосать.

Крис рассмеялся. Выглядел он счастливым, Ида сразу заметила особую ауру, окружавшую его и Кэт.

— Да, Кэт окрестила его! — заявил Крис, и его рука совершенно естественным образом коснулась спины Кэт. — Скажи, Кэт, посмотрим,

знает ли Ида, что означает это имя.

Только что та стояла неподвижно, но вдруг отодвинулась от него. Она сделала это небрежно, словно прикосновение Криса ничего для нее не значило, но Ида заметила тень, промелькнувшую у нее на лице.

— Ах, это все глупости, — сказала она. — Я назвала его Кихи — поцелуй. Потому что это белое пятнышко у него на лбу похоже на сомкнутые для поцелуя губы.

Чтобы разглядеть это, потребовалась бы недюжинная фантазия.

— Он хорошенький, — улыбнулась Ида, посчитав нужным что-нибудь сказать.

Она была уверена, что в эту ночь между ее подругой и Крисом что-то произошло, и не знала, может ли это одобрить. Может? Или имеет право? Ида поняла: ей безразлично, что подумали бы на этот счет члены общины Рабен-Штейнфельда. Молодая женщина решила радоваться за Кэт, если, конечно, есть чему радоваться. Однако счастье Кэт омрачилось снова. Когда Крис попытался накрыть ее руку ладонью, она отодвинулась и вместе с Идой направилась к овцам.

— Помочь тебе подоить их? — спросила Кэт.

Она видела, что после ночи с мужем ее подруга едва может ходить. А для того, чтобы подоить овец, потребуется недюжинное проворство.

Ида с подавленным видом кивнула:

— Да, было бы хорошо. Но давай возьмем с собой детей. Не хочу, чтобы они проснулись, когда никого из нас не будет рядом. Они очень устали и все время хнычут. Ночка сегодня выдалась беспокойная.

Оттфрид хвастался тем, как провел ночь с Идой, перед Крисом, не проявлявшим к его словам никакого интереса, а также Карлом, который от этого испытывал едва ли не физическую боль. А в это время Ида осторожно расспрашивала подругу о том, что произошло между ней и Крисом, и поражалась тому, как свободно отвечала ей Кэт.

— Это было чудесно, — негромко сказала она. — Божественно! Думаю, для нас обоих. Но, конечно же, это не должно повториться.

— Почему? — вырвалось у Иды, хотя она как добрая христианка должна была знать ответ на этот вопрос.

Однако Кэт — не добрая христианка. Да и сама она... Сегодня Ида поймала себя на том, что перестала молиться. И даже хуже: вместо того чтобы умолять Бога избавить ее от мучений хотя бы этой ночью, она все время думала о Карле — рыцаре-спасителе в сверкающих доспехах.

— Я хочу сказать, тебе ведь не стыдно. Ты не считаешь это грехом. И у маори это тоже позволено. Тогда почему ты не хочешь повторить это снова?

Кэт взяла ведро для молока и присела перед овцематкой.

— У маори я могу делать все что хочу, ведь я свободна. Но то, что делает Крис, у них тоже считается прелюбодеянием. Все может закончиться ужасно. Достаточно вспомнить историю о Купе, который убил мужа Куру-маро-тини. Конечно же, Джейн не убьет меня, скорее начнет оскорблять, как она это умеет, вот только... Что будет дальше? Я должна остаться здесь в роли любовницы Криса? Как его вторая или запасная жена? Открыто или тайно? Последнее вряд ли получится, он ведь от меня не отходит. И что, если я опять забеременею? Пусть тогда Джейн растит ребенка, как ты растишь Линду? Не думаю, что она согласится на это, и я ей своего ребенка не отдам. Это значит, что ребенок будет незаконнорожденным, как я. А я не хочу, чтобы мои дети так жили. Нет, Ида, я сегодня же пойду к *нгаи таху* и спрошу, примут ли они меня. Я люблю Криса, но именно поэтому должна уйти. Это невыносимо, с этим нужно покончить.

Те Хайтара и совет старейшин внимательно выслушали просьбу Кэт. Она обратилась к Макуту, одной из самых пожилых знахарок, и попросила провести переговоры в соответствии с традицией. Престарелая *тохунга*, невысокая морщинистая женщина, умевшая внушить любому глубочайшее уважение, пригласила ее в дом для собраний. И теперь Кэт сидела в неудобной позе перед мужчинами и женщинами маори, готовая отвечать на вопросы.

— Ты жила с *нгати тоа*, и Те Раупараха прогнал тебя, — подытожил вождь историю Кэт, рассказанную по всем правилам маори. Те Ронга научила ее формулировать *пепеха*, хотя, разумеется, в ней были пробелы: Кэт не знала своих предков и понятия не имела, как называлось судно, на котором прибыли в Аотеароа из Австралии Сюзанна, Нони, Присцилла и Баркер. Однако *нгаи таху*, похоже, остались довольны.

— Он прогнал тебя, потому что в решающий момент ты встала не на сторону своего племени, а на сторону *пакеха*, — продолжал Те Хайтара. — Как мы можем быть уверены, что ты не предашь и нас?

— Насколько мне известно, вы не в ссоре с *пакеха*, — отвечала Кэт. — Значит, здесь нет двух сторон. И ты знаешь Те Раупараху. Он ищет войны. Однако я была дочерью Те Ронги, а она ненавидела войну. Мною руководил ее дух. И я никому не причинила вреда, никто не пострадал от моих действий. Желать мира — не значит предать. — Кэт теребила в руках *хей-тики* Те Ронги, который все еще носила на шее.

Те Хайтара кивнул.

— Но потом ты долго жила среди *пакеха*, — сказал он. — Ты приехала

вместе с этими новыми *пакеха*. Говорят, что ты принадлежишь мужчине с редкими волосами, который ехал вчера по нашей земле и не поздоровался с Те Конутой.

Те Конута, юный племянник вождя, вчера случайно повстречал мужчин со станции Фенрой. Карл и Крис перекинулись с ним парой приветливых фраз, однако Оттфрид, умчавшийся вперед, не обратил на мальчика никакого внимания.

— Я никому не принадлежу! — твердо ответила Кэт. — И в последнюю очередь — Оттфриду Брандманну. Я путешествовала вместе с этими *пакеха*, это правда, я работала на них.

— А почему ты больше не хочешь работать на Кристофера Фенроя? — поинтересовался вождь. — Ты рассердила его? Может быть, тем, что показала нашим женщинам, как нужно доить овец? Сначала ты рассердила маори, взяв сторону белых, теперь рассердила белых, встав на нашу сторону? Может быть, ты бродяга, которая не знает, где ее дом?

Кэт вздохнула, но улыбку сдержала.

— Ты совершенно прав, *арики*, я бродяга, которая не знает, где ее дом. Но я не рассердила Криса. Тут вы неправы! Крис и Карл не имеют ничего против того, чтобы мы с Идой показывали вам, как обрабатывать шерсть и молоко. Крис — ваш друг. Только... он... — Она потупилась. — Я не хочу больше работать на него, потому что он смотрит на меня с вождедением.

Члены совета старейшин заволновались и стали перешептываться.

— Он изнасиловал тебя? — спросила Макуту.

Кэт покачала головой:

— Нет, нет, это не так. Он хороший человек. Только...

Те Хайтара нахмурился.

— Не знаю, как мне верить тебе, — сказал он. — У Криса Фенроя очень красивая жена. Женщина, у которой много *мана*, на зависть любому. Зачем ему смотреть на тебя с вождедением?

Кэт поняла, что Джейн Фенрой обзавелась поклонником в лице вождя, и всплеснула руками.

— На Гавайки тоже было много красивых женщин, — ответила она, — но Купе пожелал Куру-маро-тини. Вы знаете, чем все может закончиться, когда люди отдаются во власть желаний.

— Куру-маро-тини тоже хотела Купе, — заявила Макуту, пристально посмотрев на Кэт.

Та кивнула:

— Это может лишь усложнить ситуацию.

На морщинистом лице старой *тохунга* мелькнула понимающая

улыбка.

— Я голосую за то, чтобы Потти осталась, — сказала Макуту. — Она может принести нам пользу, поскольку говорит на нашем языке и на языке *пакеха*. Потти может представлять наше дело перед Ка-пин-та.

— Перед кем? — спросила Кэт, но вождь перебил ее, резко осадив старейшину:

— Джейн Фенрой представляет нас перед Ка-пин-та!

Кэт испугалась:

— Я ни в коем случае не желаю стоять на пути Джейн Фенрой. Это последнее, чего я хочу!

Некоторые женщины рассмеялись, пока Макуту не велела им замолчать.

— Наше дело должен представлять один из нас, — сказала она. — И скорее Потти можно назвать нашей, нежели Джейн. Я пела с ней *каракиа*, она знает много молитв, а не только молитву богу денег. И она может научить наших детей английскому. Тогда нам не понадобятся чужаки, которые будут говорить вместо нас.

Вождь на миг задумался, поджав губы.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Пусть остается. Но она не будет говорить от нашего имени с Ка-пин-та. Она будет учить детей английскому, а также чтению, письму и счету.

— Я не умею считать, — встревожилась Кэт. — То есть умею, но не очень хорошо.

Это была правда. Конечно, она еще в детстве научилась обращаться с деньгами, складывать и вычитать. Но ни в одной из книг, которые прочла Кэт с тех пор, как вернулась к *пакеха*, не было правил умножения и деления. Когда Ида подсчитывала прибыль в пабе вместе с Пэдди, Кэт не могла понять, что происходит.

— Тогда учись! — воскликнул вождь. — Джейн Фенрой говорит, что мы все должны уметь считать, это важнее всего на свете!

Пожилая *тохунга* печально покачала головой:

— Нет, *арики*. Самое важное...

— ...это люди! — закончила вместо нее Кэт.

Старуха посмотрела на нее и серьезно сказала:

— Мы поладим.

Расстилая циновку в общем доме *нгаи таху*, Кэт невольно вспомнила о Крисе. С одной стороны, она чувствовала себя как дома, слушая шутки и болтовню собравшихся тут членов своего нового племени, но, с другой стороны, она в жизни ничего так не желала, как повторения ночи,

проведенной вместе с Крисом. Она хотела любить его, а затем снова уснуть в его объятиях.

Чтобы отвлечься, она стала вслушиваться в разговоры, звучащие рядом. Кэт устроилась там, где ночевали незамужние молодые девушки. Они обсуждали ткани и яркие ожерелья, которые вскоре собирались купить. И при этом снова и снова звучало имя, еще раньше удивившее Кэт.

— Река, — наконец обратилась она к лежавшей рядом девушке, — кто такой Ка-пин-та?

Глава 2

Кэт не верилось, что бродячий торговец, с которым племя маори проворачивало сделки под руководством Джейн, действительно был тем Томом Карпентером, в чьей повозке она сбежала с китобойной станции. Однако, если призадуматься, это было не так уж невероятно. Пристроив Кэт, Карпентер только раз появился на севере острова, а раньше он предпочитал колесить по полуострову Бэнкс и на равнинах. Поездки в залив Тасман обходились дорого и отнимали много времени, поэтому нечего удивляться тому, что Карпентер отдал этот рынок другим торговцам, а сам сосредоточился на растущем населении территорий близ Порт-Купера и на племенах маори, разбогатевших на продаже земли.

У *нгаи таху*, к которым примкнула Кэт, он появился спустя две недели после ее ухода со станции Фенрой. В это время Кэт делала все, чтобы стать частью племени, а Крис приходил к ней почти каждый день и просил вернуться на ферму.

— Должен быть какой-то выход, Кэт! Мы ведь любим друг друга! То, что между нами было, то, что у нас есть, — это уникально! Прошу, не отталкивай меня!

Сердце Кэт обливалось кровью, когда он умолял ее об этом, но она оставалась непреклонной.

— Выход уже нашелся, Крис. Я живу здесь, ты живешь с женой на станции Фенрой. И не я, а ты отказался от того, что могло быть между нами. Я тебя не упрекаю. Тогда все произошло слишком быстро, мы оба еще не оправились от пережитого в Вайрау. Ты меня почти не знал, я тебя тоже, я была в трауре после смерти Те Ронги, а ты мечтал о собственной ферме. Мы почувствовали, что между нами что-то возникло, однако упустили свой шанс. И теперь нам обоим нужно с этим смириться. Прошу тебя, не усложняй все еще больше.

Но Крис не сдавался. Он искал все новые и новые причины, чтобы съездить в деревню маори и поговорить с Кэт или хотя бы увидеть ее. Его отчаянные взгляды преследовали ее, когда она приходила на станцию

Фенрой, чтобы навестить Иду.

— Наверное, скоро я перестану к тебе навещать, — пожаловалась Кэт подруге. — Чего доброго, Джейн заметит, что происходит. И Оттфрид тоже. Карл наверняка в курсе, но от Оттфрида я предпочла бы это скрыть. Лучше ему не знать того, чем он может воспользоваться!

Ида только кивала в ответ. Она с тревогой наблюдала за тем, как накаляются взаимоотношения Оттфрида, Криса и Карла. Оттфрид почти не принимал участия в возведении загонов и сараев для стрижки овец. Вместо этого он заявил, что построит все это сам, но для своих животных и на своей земле. Он собирался построить также и дом, не менее вычурный, нежели особняк Фенроев, но еще даже не заложил фундамент, в первую очередь потому, что материалов было недостаточно. Крис и Карл рубили древесину для сараев и хлева в лесу неподалеку, где росли южные буки, но они не хотели помогать Оттфриду отделяться.

— Мы управляем фермой вместе, таков был договор, — решительно заявил ему Крис. — Это значит, что все овцы ночуют в одном сарае и корм для всех хранится в одном амбаре. Чтобы закончить строительство до наступления зимы, нам понадобится каждый час светового дня, все рабочие руки. Так что не проси Куту и Харе помочь тебе, если только не собираешься платить им из своего кармана! Построить хлев гораздо важнее, чем дом. У всех есть крыша над головой, а твоя семья живет в относительном комфорте, тут уж скорее Карл должен жаловаться. Так что, ты будешь работать с нами или нет?

Особого рвения Оттфрид не проявлял, однако он, конечно же, не мог прямо отказаться от участия в общих проектах. Поэтому он каждый день ненадолго появлялся там, где рубили деревья или огораживали загон, но почти ничего не делал, лишь пытался командовать рабочими-маори. Те, однако же, были не согласны с таким обращением, поэтому вскоре произошло то же, что однажды случилось по вине Джейн: обидевшись, рабочие перестали приходить, и Крису пришлось идти на поклон к вождю, извиняться и дарить подарки, чтобы маори снова стали им помогать. А сейчас им пришлось поспешить. Если без слуг на станции Фенрой еще можно было обходиться, то со строительством Крис и Карл вдвоем не справлялись. В конце концов они сошлись на том, что не будут заставлять Оттфрида вносить свою лепту. Конечно же, умелый плотник им пригодился бы, но из-за своей лени муж Иды скорее мешал им, нежели помогал.

— Он предпочитает ездить в Порт-Купер за припасами, — рассказала Ида Кэт.

Они сбежали от мужчин в сыроварню. Кэт помогала подруге вынимать

готовый сыр из форм и обваливать его в травах или мариновать в разных жидкостях.

— Он хвастается тем, что делал закупки для общины в Санкт-Паулидорфе. Говорит, что в торговле он дока. Хотя он рискует нарваться на неприятности: адвокат или этот Поттер могут заглянуть в Порт-Купер, чтобы узнать, куда подевался Оттфрид. Кроме того, в этом нет никакого смысла. В Санкт-Паулидорфе все говорили по-английски хуже, чем Оттфрид, поэтому и посылали его в Нельсон, но здесь есть Карл и Крис, которые лучше справятся с этой задачей.

Кэт мрачно усмехнулась:

— Наверное, лучше всего это получилось бы у Джейн. Она опять приходила подгонять *нгаи таху*. На днях должен приехать торговец, который скупает у них медикаменты и амулеты, а это значит, что нужно поскорее закончить производство товара для него. И скажу я тебе: я знала, что она умеет действовать на нервы, но то, как она командует теперь... Люди терпят это только потому, что за ней стоит вождь, и, разумеется, потому, что всем хочется иметь одежду, одеяла, домашнюю утварь и наряды, которые продает Карпендер. *Арики* очень щедр. Всякий может получить то, что хочет. Но Джейн из-за этого только злится. Она предпочла бы вложить во что-нибудь деньги, вместо того чтобы раздавать их направо и налево. Возможно, она мечтает построить фабрику, однако Те Хайтара тоже неглуп, он знает, чего можно требовать от племени, а чего — нет, в противном случае его просто сместят. Некоторые старейшины всерьез размышляют над этим. Они обвиняют его в том, что он порвал с их *тиканга*, то есть с древнейшими обычаями. Впрочем, молодежь ориентируется на *пакеха*. Некоторые даже не делают своим детям татуировки. Это, в свою очередь, расстраивает мастеров *моко*...

— Но ведь для Криса лучше, если Джейн чем-то занята, — сказала Ида.

Кэт возвела глаза к небу:

— Конечно, раньше так и было. Однако теперь ее постоянное присутствие в деревне накаляет ситуацию. Крис часто приходит и смотрит на меня влюбленным глазами: рано или поздно Джейн это заметит! Надо было поселиться у другого племени, у того, которое живет подальше. Но мне не хотелось далеко уходить от Линды и Кэрл.

Девочки играли на улице перед сыроварней. Они болтали друг с другом на языке, понятном только им, играли со щепками и камешками.

Ида понимающе улыбнулась.

— И от Криса! — поддразнила она подругу. — Брось, Кэт, на самом

деле ты не хочешь терять его из вида. Ведь Джейн в любой момент может умереть... Господи, поверить не могу, что я это сказала! — Она закрыла рот ладонью.

Кэт пожала плечами:

— Смирись, ты уже не набожная девушка из Санкт-Паулидорфа. И здоровье у Джейн отменное, можешь не надеяться. Даже если мы все будем желать ей всяческих напастей, она проживет очень долго. Да и нет у меня к ней ненависти. Джейн так же несчастна в браке, как и Крис. Но у *пакеха* не бывает разводов.

— А у маори бывают? — поинтересовалась Ида.

Кэт кивнула:

— Да. Это не так уж трудно. Даже не обязательно, чтобы оба были согласны. Если один из партнеров хочет расстаться, все решается во время очень простой церемонии. Только твоя церковь это не примет, равно как и губернатор.

Ида вздохнула:

— Надеюсь, что мужчины в итоге поладят. Я не хочу и не могу уходить отсюда!

В голосе Иды звучало такое отчаяние, что Кэт решила не дразнить ее и не напоминать о Карле. Лучше всего не говорить правду. Кэт могла бы жить без Криса, но Ида без Карла погибнет.

Кэт узнала Тома Карпендера сразу же, как только подъехала его повозка. Торговец выпрямился на козлах в полный рост, чтобы приветствовать маори. Почти все они собрались на деревенской площади, поднялась деловая суета: женщины упаковывали бутылочки с эликсирами и мазями в ящики, мужчины закрывали их и складывали друг на друга. Макуту пыталась отдать хотя бы небольшую дань традиции, читая молитвы над готовыми к отправке ящиками, но никто не обращал на нее особого внимания. Кэт поддерживала старуху, хотя бы ради того, чтобы позлить Джейн, и подпевала ей своим красивым голосом. Однако она умолкла, когда Карпендер остановил повозку и, сияя, соскочил с козел.

— У меня очень хорошие новости, миссис Джейн, *арики!*

Он поклонился Джейн и вождю, который смотрел на него озадаченно. Те Хайтара знал, что среди *пакеха* принято сначала здороваться с женщинами, но отсутствие должного уважения к его персоне раздражало вождя. Кэт, которая совсем недавно в очередной раз объясняла ему правила этикета белых, была рада тому, что в Англии на троне сидит королева. Иначе она не сумела бы ответить на вопрос Те Хайтары: «А что, если они предстанут перед королем? Тоже сначала будут здороваться с *вахине?*»

— Продажи шли как по маслу, люди чуть не подрались за ваши товары. Особенно популярны сироп от кашля и эссенция от боли в конечностях. Всего этого в следующий раз сделайте побольше. Желательно втрое. И я думаю, что в этом случае вы назначите оптовую цену, миссис Джейн.

Карпендер обвел взглядом застывших в ожидании жителей деревни, которые напряженно вслушивались в непонятные слова, и решил перевести свою речь для остальных:

— Хороший *хокохоко*! Все *рава урухау*! *Рава мони*, *рава* вещей купили!

— Он продал все товары, которые мы изготовили, — перевела Кэт на правильный маори. — Все покупатели были очень довольны... — Она замолчала и потерла лоб, прежде чем дать весьма вольный перевод сказанного: — Кроме того, они благодарят всех *тохунга* и их помощников за лекарства, которые помогли выздороветь их детям и старикам. Они поминают вас в молитвах, обращаясь к своим богам. И, разумеется, Ка-пин-та привез вам много денег, и вы теперь сможете купить себе красивые вещи!

Те Хайтара благодарно кивнул Кэт. Джейн же совсем не понравилось ее вмешательство, но она не могла не заметить, что теперь удачной торговле радовалась не только молодежь, но и пожилая *тохунга* Макуту. Престарелая целительница была счастлива из-за того, что ее работу так высоко оценили. Однако вскоре Джейн снова недовольно поморщилась, когда Карпендер, забыв о ней и Те Хайтаре, вдруг уставился на стоявшую среди старейшин Кэт.

Она была одета в шерстяное платье: сейчас, осенью, вечера стали прохладными. Волосы ее по обычаю маори были распущены и подобраны обручем. Благодаря этой прическе она выглядела моложе, и Том Карпендер сразу узнал ее:

— Быть того не может! Глазам своим не верю! Сбежавший от Баркера котенок! Какая ты стала красивая — черт побери, ты всегда была прекрасна! Забыть не могу того стервятника, старого Мортон, который чуть своим языком не подавился, когда женщина маори купила тебя!

— А по-моему, вы не продали меня, — усмехнулась Кэт. — Разве вы не говорили тогда, мол, добрый христианин девушками не торгует, или что-то вроде того?

Карпендер усмехнулся:

— Нет, это Мортон сказал, чем развеселил всех. Но забудем о Мортоне. Как ты здесь оказалась? Я ведь оставил тебя у другого племени!

— Так что, мистер Карпендер, произведем расчет, или вы слишком

заняты возобновлением старого знакомства? — Джейн Фенрой беспардонно вмешалась в их разговор. — Мне, конечно, очень интересно, кому вы продали эту юную леди, однако об этом вы можете рассказать позже. А сейчас мы хотели бы получить квитанции и деньги, у меня времени не так уж много...

Карпентер возвел глаза к небу:

— Прости, Киттен, долг зовет. Но ты не убегай. Мне еще нужно кое-что с тобой обсудить. Теперь, когда ты наконец-то нашлась...

— Я больше не котенок, — резко перебила его она. — Я называю себя Потти или Кэт. А то, что вы хотите обсудить... Если речь пойдет о моей матери, мистер Карпентер, или о том, что я якобы что-то должна мистеру Баркеру... — Голос ее стал суровым.

Карпентер покачал головой:

— Да о чем ты говоришь! Конечно, Баркер тогда долго бушевал, однако он давно уехал из залива Пераки. Китобойной станции там больше нет, и он со своими шлюхами отправился куда-то в другое место. Понятия не имею куда. Нет, нет, я не об этом. Дело в том, что тебя ищет Джордж Хемплмен. Уже не первый год, и все не сдается, кажется, для него это очень важно.

Кэт нахмурилась:

— И чего же хочет от меня Джордж Хемплмен?

Она пыталась говорить спокойно, но, когда торговец произнес это имя, Кэт вспомнила его искаженное гримасой лицо во время их последней встречи. Он смотрел на нее с отвращением и даже с некоторой обидой. В ее ушах все еще звучала фраза, которую он бросил ярко покрашенной и вызывающе одетой девочке, стоявшей на импровизированном помосте: «Ах ты мерзкая шлюха!» Кэт потерла виски.

— Думаю, он хочет извиниться, — сказал торговец. — Кроме того... речь идет о наследстве.

Глава 3

Прошло много времени, прежде чем Кэт смогла узнать больше о намерениях Хемплмена, хотя у нее возникло множество вопросов и она с трудом сдерживала нетерпение. Однако сначала Карпентер должен был рассчитаться с племенем: в подобных делах Джейн Фенрой никому спуска не давала. Она не оставила Карпентера в покое, пока не проследила судьбу каждого флакона с мазью и не занесла в свои книги эти данные. В конце концов вождь громко объявил сумму, причитающуюся племени, что было встречено всеобщим ликованием. Все жители деревни смогут завтра исполнить свои желания, когда Карпентер предложит им товары. Пока

Джейн торговалась с Карпендером насчет следующей партии медикаментов, женщины племени готовили праздничный ужин. Они могли не торопиться, поскольку эти переговоры затянулись на несколько часов. Макуту, которая принимала в них участие от лица старейшин племени, задерживала процесс, то и дело обращаясь к Кэт, чтобы та прояснила ей непонятные моменты.

— Торговец хочет, чтобы мы отдали больше лекарств за меньшую сумму. А Джейн и вождь хотят, чтобы мы отдали их меньше, а денег получили больше. Я не понимаю! Разве лекарств не должно быть столько же, сколько и больных? Неужели белым не дают лекарства, если они не могут заплатить? Это недопустимо. И вообще, разве можно требовать деньги за лекарства?

Кэт по мере сил пыталась ввести ее в курс дела, а заодно и успокоить. Она разделяла мнение старой целительницы, но оно не имело никакого значения для Джейн и Те Хайтары. Кроме того, *пакеха* будут ценить лекарства маори только в том случае, если им придется за них платить.

Было непросто объяснить это Макуту; кроме того, Кэт вновь вызвала гнев Джейн Фенрой. Та вышла из дома собраний с недовольной гримасой на лице. Из-за Макуту переговоры тянулись очень медленно и завершились не так, как хотелось Джейн: их прибыль теперь будет меньше. Джейн обвиняла во всем Кэт.

Кэт выдержала ее взгляд, но перевела дух только тогда, когда вождь приветливо кивнул ей. Те Хайтара так же дорожил согласием членов совета, как и прибылью, а сегодня Макуту наконец была довольна тем, как прошли переговоры. Это отразилось и в ее речи, произнесенной после того, как все наконец-то пришли к соглашению. Макуту призвала богов и духов, чтобы благословить новый договор, и истолковала знамение положительно. Снова пели *каракиа*, и танцевали *хака*, и, конечно же, устроили пир горой. Когда Карпендер наконец нашел время для Кэт, уже давно стемнело и Джейн Фенрой ушла домой.

Кэт ждала у костра возле повозки Карпендера и, дрожа, куталась в теплое одеяло. Он подошел к ней и сел рядом. Ночь была ясной, звезды освещали праздничную деревню, от других костров доносились звуки музыки и пения.

— Надеюсь, у вас есть с собой шерстяная ткань, — сказала торговцу Кэт. — Холодает.

Карпендер кивнул:

— Все есть. Ткань, одежда, даже несколько плащей, — подтвердил он. — И бобовые, будете варить из них суп. И виски! — Одну бутылку он сразу

же вынул из кармана, открыл ее и протянул Кэт. — Вот, глотни, это согревает даже лучше, чем шерсть. Запасайтесь товарами надолго, потому что я не приеду до следующей весны. Я продам все, что у меня есть, а потом перезимую в Акароа — красивом местечке на полуострове Бэнкс. Живут там одни французы. Я ни слова не понимаю из того, что они говорят, и не похоже на то, чтобы они в ближайшие сто лет выучат английский, но готовят они хорошо! И я там на одну женщину глаз положил... — Он заговорщически подмигнул Кэт.

Кэт нахмурилась:

— Надеюсь, она будет знать разницу между *yes* и *no*, когда вы поведете ее к алтарю. И как вы будете беседовать с ней долгими зимними вечерами?

Карпентер усмехнулся и хотел что-то ответить, но Кэт махнула рукой: на самом деле ее не интересовали его отношения с француженкой.

— Так что насчет Хемплмена? — спросила она, возвращая бутылку виски. — Кто оставил наследство и кому?

— Жена Хемплмена — маленькой Киттен, если я правильно понял, — ответил торговец. — Она упомянула тебя в завещании. Однако Джордж ничего тебе не дал. Он пришел в ярость, когда увидел, что Баркер выставил тебя напоказ в пабе. Пьяные похотливые мужики, и ты среди них... а тело его жены еще остыть не успело...

Кэт кивнула и снова приняла у него бутылку. На этот раз она сделала глоток побольше. «Ты не заслуживаешь...» — вспомнила она последние слова Хемплмена. Китобой считал, что она недостойна наследства.

— Так вот, а потом ты сбежала, — продолжал Карпентер. — Тогда он, наверное, призадумался. Спросил у меня о тебе, когда я вернулся в Пераки, и я рассказал ему то, что знал сам: ты сбежала от Баркера, потому что не хотела быть шлюхой. Рассказал я и о преподобном Мортоне, и он пришел в ужас. Он понятия не имел о том, что преподобный был похотливым старым козлом.

— Линда Хемплмен очень уважала его, — пробормотала Кэт. — Но, конечно, она тоже ничего не понимала, поскольку была весьма набожной женщиной. Что ж, многие набожные люди порой бывают... хм... наивны...

Карпентер рассмеялся:

— О, это ни для кого не секрет! Ну да ладно, упокой Господь ее душу. Кроме того, если этот тип немного утешил ее в последние дни своими молитвами, значит, он сделал в этой жизни хоть что-то хорошее. Но она не могла быть такой уж наивной. Она ведь хотела что-то оставить тебе, наверняка для того, чтобы помочь. Джордж, например, так и подумал и устыдился собственного поведения. Он расспрашивал меня снова и снова,

желая удостовериться, что ты в безопасности, а потом велел мне обязательно прислать тебя к нему, если увижу снова. Вот только с тех пор я в Вайрау не бывал. Сначала не было смысла, а потом начались конфликты. В общем, до сегодняшнего дня я понятия не имел, где ты.

— Поэтому можно обо всем забыть, — произнесла Кэт и поворошила палкой костер.

Карпендер покачал головой:

— Нет, по крайней мере, Джордж так не думает. Он все время спрашивает о тебе, когда мы видимся с ним. Все надеется, что ты найдешься. Кстати, он живет сейчас под Акароа, со своей второй женой. Пять лет назад или около того он снова женился. Так что, если тебе нечем заняться, я с удовольствием отвезу тебя туда, и ты сама сможешь поговорить с ним.

Акароа, маленькая бухта, где французские колонисты основали деревню, лежала примерно в тридцати милях от Пурау. От станции Фенрой туда придется добираться не меньше недели, а потом еще столько же возвращаться обратно. Кэт прикинула, что до Порт-Купера она наверняка сможет дойти пешком. Там она остановится у Динсов и подождет, пока Карл или Крис не приедут и не заберут ее в долину Ваймакарири.

— Если ты вообще захочешь вернуться, — возразил ей Карпендер. — Может быть, наследство сделает тебя богатой и ты устроишься получше, чем тут, где Джейн Фенрой то и дело пронзает тебя злобным взглядом.

Кэт рассмеялась.

— У меня есть кое-какие обязательства, — сказала она, но не стала уточнять. — Однако вы правы, я подумаю над этим. Сколько вы пробудете у нас? До послезавтра, правда? К этому моменту я буду знать, поеду ли я с вами.

Когда Кэт рассказала Иде о наследстве и о том, что собирается ехать в Акароа с Карпендером, та расплакалась. Кэт приняла решение сразу же, на следующий день, когда в деревне снова появился Крис и затем не отходил от нее ни на шаг. Она перекинулась с ним лишь парой слов, но, после того как он уехал, Том Карпендер усмехнулся и сказал:

— Видимо, у милашки Джейн есть повод метать в тебя молнии.

Кэт закусила губу. Если уж торговец с первого взгляда понял, какие у них с Крисом отношения, то это наверняка не ускользнет от внимания Джейн и Оттфрида.

Так она и сказала Иде:

— Лучше нам с Крисом какое-то время не видеться. Ему понадобится время, чтобы смириться с ситуацией.

Однако Иду это не утешило, более того, подогрело ее худшие опасения.

— Кто знает, вернешься ли ты вообще! — всхлипнула она. — И тогда я останусь здесь совсем одна.

Кэт хотела напомнить, что рядом с ней всегда будут Карл и Крис, но в тот день Ида была в дурном настроении. Под глазом у нее красовался синяк, у самых корней волос виднелась ссадина, полускрытая чепцом. Кэт догадывалась, откуда все это взялось, но, если Ида пожалуется Крису или Карлу, дело может закончиться плохо.

— Ида, я уеду на месяц, не больше! — заверила она подругу. — И если наследство действительно поможет мне разбогатеть, во что я не верю, ведь Линде Хемплмен было нечего мне завещать... Однако если я и вправду получу много денег, то мы сможем уехать отсюда. Заберем детей и сбежим — на Северный остров, в Австралию, да хоть в Байю.

Она вздохнула с облегчением, когда увидела, что Ида улыбается сквозь слезы.

— Мы придумаем себе другие имена и скажем, что ты вдова. А твоему Карлу и моему Крису пришлем письмо... Через годик или чуть позже: к тому моменту они уже наверняка вышвырнут отсюда Оттфрида. И посмотрим тогда, бросят ли они своих овец и Джейн ради нас.

— Карл приедет, — негромко сказала Ида. — Карл за мной поедет куда угодно.

«Даже в ад», — подумала она, когда Кэт обняла ее и попрощалась с детьми. И вдруг ад показался ей не таким уж страшным местом. Если она будет проклята из-за этих греховных мыслей, а быть может, и поступков, то они окажутся вместе хотя бы там.

Путешествовать на козлах повозки Тома Карпендера было куда удобнее, нежели сзади под брезентом. Торговец рассмеялся, когда Кэт сказала ему об этом. Стояла ясная, но холодная осенняя погода, Кэт любовалась пейзажами равнин и поросших лесами холмов полуострова. Том Карпендер неожиданно оказался приятным попутчиком. Торговец был умен и много повидал. Он мог рассказать кое-что о каждой ферме, мимо которой они проезжали, и развлекал Кэт историями о первых годах колонизации Новой Зеландии, когда на острове жили только китобои и охотники на тюленей, которые частенько сталкивались с местными маори. Временами эти столкновения заканчивались кровопролитиями, но чаще люди лишь удивлялись обычаям друг друга. Споры из-за земли тогда возникали еще редко, охотники на нее не претендовали.

— Джордж Хемплмен хотел всерьез заняться продажей земли, когда

закрыл свою китобойную станцию. Договорился о чем-то с Хоне Тухавайки из *нгаи таху*. Он должен был получить почти весь полуостров Бэнкс, разумеется, отдав всего ничего: старый корабль, немного табака и стопку одеял. Если бы он перепродал эти наделы колонистам, то сколотил бы целое состояние. Но, когда он приехал туда, оказалось, что там уже живут французы. Как выяснилось, старый пройдоха Тухавайки продал землю дважды. Теперь Хемплмен жалуется правительству. Вот только будет ли от этого прок? Вряд ли французы станут сносить свои дома.

Кэт пожала плечами. Кто-то еще не разбогатеет на продаже земли. Хотя, проведя в этой стране почти целое десятилетие, Джордж мог бы уже и понять, как мыслят маори. Однако вряд ли его неудачи утешат Оттфрида и Гибсона. Когда Кэт рассказала об их приключениях, Карпендер смеялся от души.

— Ну, хоть один получил барыш, — сказал он, имея в виду Джоуи Гибсона. — Если не дал себя поймать. Да и второй, видимо, тоже, иначе не смог бы купить овец. Кстати, это хорошее капиталовложение. Овцы на Южном острове становятся все популярнее. Слыхал я, что их будто бы уже и крадут. Братья Редвуд вне себя от ярости: у них увели целое стадо. Что ж, овцы — хороший бизнес. Особенно если разводить их ради шерсти. Но это не удивительно, в такой-то холод. Лично я сейчас не отказался бы развести костер и выпить виски. Вот здесь, у ручья, хорошее место для стоянки. Давай так: я разведу костер, а ты поймаешь нам пару рыбешек.

Вечером и ночью во время путешествия с Карпендером не возникало никаких проблем. Торговец привык обслуживать себя сам, а Кэт было очень приятно, что он делит с ней вечерние обязанности в лагере. Она одолжила у Карла палатку, и Карпендер каждый вечер устанавливал ее для своей попутчицы. Он не приставал к ней и на протяжении всего путешествия не обронил ни одной пошлой реплики. Спустя два дня Кэт совсем расслабилась. Сидя вечером у костра вместе с Карпендером, она уже не держала наготове нож, слушала его рассказы и пила с ним виски. Охотник, которого навязала ей Ида, тоже спокойно лежал рядом с Карпендером и позволял чесать себя за ухом.

Конечно, Охотник не мог помешать изнасиловать ее, Ида скорее думала о том, как защитить его, нежели подругу, когда посадила его на поводок и заставила уехать с Кэт. Оттфрид почти каждую ночь заставлял Иду заниматься тем, что он называл любовью, и Охотник все время лаял. Ида опасалась, что в какой-то момент Оттфрид заставит его замолчать навсегда. Тот аргумент, что собака нужна для защиты от крыс, уже не имел значения. Колли, которых привел Оттфрид, справлялись с вредителями

намного успешнее.

Проведя в дороге неделю, Кэт и Карпентер прибыли в Акароа, и это поселение сразу же понравилось Кэт. Деревня раскинулась над Французским заливом, почти из каждого дома открывался головокружительно прекрасный вид на бухту, обрамленную зелеными холмами. Все выглядело чистеньким и ухоженным, разноцветные дома были украшены верандами и эркерами, а также резьбой. Рядом с почти каждым домом был разбит аккуратный сад. Возлюбленная Карпентера, Надин, предпочитала цветы овощам. Она жила на краю деревни в коттедже, напоминавшем кукольный домик. Он был выкрашен светло-желтой краской, двери и окна были небесно-голубого цвета, повсюду виднелись горшки с пряностями или цветами. На террасе стояли крохотные стульчики и такой же изящный металлический столик. Кэт понимала Карпентера — в этом месте хотелось остаться надолго.

А затем открылась дверь, послышались возгласы на французском языке, и на улицу выбежала молодая женщина, которая радостно бросилась обнимать Карпентера. Невысокий приземистый торговец, казалось, едва ли не тонул в ней — Надин была выше его на голову и намного крупнее. Она вся состояла из мягких округлостей, ее смеющееся лицо с полными красными щечками обрамляли пышные черные волосы, выбившиеся из-под съехавшего набок аккуратного кружевного чепчика. Надин носила темно-красное платье, передник обтягивал пышную грудь, она источала сладкий аромат ванили и свежей выпечки.

— Я как раз печь! — заявила она на ломаном английском и звонко расхохоталась. Ее черные глаза озорно сверкнули. — Мне говорить духи, что Том приехать! Вот, они мне говорить! — Она с улыбкой указала на весьма знакомый Кэт *хей-тики*, который висел у нее на шее: видимо, подарок Карпентера. — Но входить же! О, ты привозить гость? Хорошо, как ты звать? И собачка... Иди сюда, маленький собачка... — Она поманила Охотника, который сразу же прижался к ее ногам. Видимо, ее аромат действовал на пса магическим образом.

Но тут идиллию разрушил раздраженный мужской голос:

— Надин! — Тощий темноволосый мужчина обрушил на хозяйку дома поток французской речи: — *Vos foutues brebis sont encore dans mon potager! Quand est-ce que ca arretera? Enfermez-les enfin! Mes belles laitues!*[57]

— О... — На приветливом лице Надин отразился испуг. — О, *pardon*, месье Жюль, *pardon*[58], Том, мне надо... мне надо ловить овцы. Ужасные овцы, все время убегать... Все время в овощи месье Жюль...

Надин бросилась вслед за своим рассерженным соседом на задний

двор дома. Там стояли овчарня и загон, в котором, судя по всему, должно было находиться стадо. Однако деревянный забор оказался сломан в нескольких местах, и его обитатели рассредоточились по окрестным холмам, поросшим травой, и соседским грядкам. Месье Жюль, по всей видимости, выращивал овощи не только для собственных нужд, но и на продажу. Кустики салата и капустные головки росли аккуратными рядами — по крайней мере до того, как туда пришли овцы Надин. Они сравняли с землей хрупкий дощатый заборчик соседского огорода столь же уверенно, как и ограду собственного загона. И теперь десять, а то и двадцать овец догрызали последние листья салата и ботву зимних овощей. Надин и ее сосед тщетно пытались прогнать их с огорода. Ни угрозы Жюля, взявшего в руки палку, ни крики Надин, размахивающей передником, не произвели на животных никакого впечатления.

Кэт свистом подозвала Охотника и вновь насладились уже привычным зрелищем: собака умело согнала овец в стадо. У Охотника это получалось не так ловко, как у колли Лоры Редвуд и Уильяма Динса, тем не менее он произвел неизгладимое впечатление на Надин, Карпентера и рассерженного месье Жюля. Очень скоро пятнистый пес собрал всех животных и вопросительно посмотрел на Кэт, которая открыла дверь загона перед ним и его подопечными. Овцы послушно вернулись обратно.

— Но они снова выберутся наружу, если вы не залатаете забор, Надин, — обратилась Кэт к француженке, которая пришла в полный восторг и бросилась к ним, похоже, намереваясь потискать Охотника с той же страстью, как прежде Тома.

— Какой хороший собачка! Как мне надо такой собачка! — Она обернулась к Карпентеру, словно надеясь, что тот сможет достать собаку прямо из воздуха.

— Тебе нужен покупатель для этих овец, — проворчал Карпентер. — Пойдемте, месье Жюль, у вас наверняка есть инструменты. Приведем в порядок этот забор.

— О, у меня тоже инструменты! У доброго месье Пьерро, конечно, хороший инструмент. Только... — Надин огляделась по сторонам.

— Пока она найдет их, мы успеем закончить, — усмехнулся Карпентер.

Жюль, по всей видимости, считал так же. Он направился к своему сараю, и вскоре мужчины уже чинили забор с помощью проволоки и щипцов. Охотник тем временем дежурил в загоне.

Надин рассказала о своей проблеме с овцами, которых приобрел ее покойный муж и с которыми она никак не могла расстаться.

— Том считать, я должна продавать овцы. Но я не мочь легко... Так говорить, верно? — Надин с тоской улыбнулась, а затем взглянула на Кэт. — Потому что мой добрый бедный Пьерро очень любить овцы. Всегда говорить: овцы — это *future*[59], Надин, они делать нас богатые. Но потом, когда овцы как раз приехать и Пьерро так счастлив, он умирать. Я не понимать как. Последний взгляд на овцы, потом просто падать... падать... проверить... мертвый. Старый добрый Пьерро любить овцы! Не мочь ведь я продавать овцы старого доброго Пьерро людям, которых я вообще не знать... Хотя они меня еще не сделать богатая.

Том Карпендер, который уже закончил работу и вернулся к женщинам, возвел глаза к небу.

— Надин, пока что овцы тебя только разоряют, судя по всему! — строго сказал он подруге. — Тебе придется возместить месье Жюлю стоимость салата и капусты, ты ведь это понимаешь, правда? Где тот мальчик, который должен был следить за животными?

Надин пожала плечами:

— Сегодня закончить пораньше.

Кэт бросила взгляд на пустые кормушки и поилки, стоящие в загоне.

— Видимо, животные еще не наелись, когда он их туда загнал, — сказала она. — У вас есть сено, Надин? И вода тоже нужна.

Надин с несчастным видом вздохнула:

— Есть у меня корм на зима. Но сейчас еще трава. Сейчас еще есть пастбище. Иначе дорого.

— Вот именно! — воскликнул Карпендер. — Они скоро сожрут тебя с потрохами. Мальчишкой я завтра займусь, я ему покажу, как сбегать, даже не напоив животных. Долго так продолжаться не может, Надин. Зачем тебе держать овец? Они тебе вообще не нужны. У тебя есть профессия. И, ты уж прости меня, милая, мне кажется, пастушки из тебя не выйдут.

Надин задорно подмигнула ему:

— О, я очень сладкий *bergere*[60] для тебя, когда мы играть... Я ложиться на лужайка, цветы в волосы... А ты приходите, как Пан!

— А овцы тем временем сбегут в соседний огород! — схватился за голову Карпендер. — Надин, это не смешно. Нужно отдать животных. Как бы сильно ни любил их твой покойный муж.

— О, *non!*[61] Я не продавать овцы старого доброго Пьерро чужим людям, которые, возможно, не будут их любить! — возмущалась Надин.

Месье Жюль сказал что-то, чего Кэт не поняла, но, видимо, сосед уже не раз слышал историю о бедном Пьерро, и она ему изрядно поднадоела. Очевидно, он тоже требовал, чтобы соседка продала животных.

— Мы сейчас идти в дом, есть *mes biscuits*[62]. Я специально печь для Том. *Et vous*[63], месье Жюль...

Видимо, Надин устала спорить насчет овец, но была настроена уладить дело с месье Жюлем миром. Мужчина сказал что-то еще, но затем прошел в дом вслед за гостями, чтобы вскоре уйти, унося в руках миску ароматного ванильного печенья и слоеной выпечки.

— Теперь он снова счастливый! — улыбнулась Надин. — Это магия, *mes biscuits*. Делать людей счастливый.

Улыбаясь, женщина пригласила Кэт и Карпентера в гостиную, расположенную рядом с просторной кухней. Она была обставлена простой красивой мебелью, повсюду лежали разноцветные подушки и тканые коврики. Кэт заметила целых три вазы с цветами, аромат от которых смешивался с запахом печенья. В кухне стояла большая миска с дрожжевым тестом, которое дожидалось своего часа.

— Нужно немного сделать на завтра, я обещаю месье Реве *brioche*s[64], — пояснила Надин. — А теперь садиться, кушать *biscuits*, а я варить *café* [65]. Сейчас мы будем пить *café*. — Она умчалась в кухню, где поставила кофейник и начала мять тесто и лепить шарики.

Кэт неловко потянулась к миске с печеньем, откусила кусочек — и подумала, что в жизни не ела ничего вкуснее.

— Это восхитительно! — изумилась она. — Как это готовят?

Может быть, она раздобудет рецепт для Иды.

— Нужно положить много сахара, *chérie*[66]! — крикнула из кухни Надин. — И много любви!

Карпентер усмехнулся. Настроение его улучшилось, видимо, они с Надин решили пока не думать об овцах. С глаз долой — из сердца вон.

— Надин у нас кондитер, — пояснил он Кэт. — Она занималась этим еще в Париже, пока не вышла замуж за Пьерро. А теперь, когда он умер, она продает свою выпечку в универсальном магазине. Это дает неплохой доход, только он весь уходит на прокорм овец, которые не приносят ей ровным счетом ничего.

— Пьерро говорить, разбогатеть! — возмутилась Надин.

Она как раз вошла в комнату, неся свежую выпечку и кофе, источающий соблазнительный аромат. Одно печенье она сразу же бросила Охотнику. В чашках были сливки, сахар и, наверное, немного кофе — такого Кэт, которая уже успела устроиться в маленьком кресле, никогда прежде не пробовала.

— Кондитерская помогла бы тебе разбогатеть, — подбросил идею Карпентер. — Продашь овец — сможешь открыть свой магазин. Вот прямо

на рыночной площади. Все бы туда ходили!

Надин шумно вздохнула:

— *Oui*[67], собственная *pâtisserie*[68]— это моя мечта. Но я не мочь продавать овцы старого доброго Пьерро!

Она поставила в духовку *brioche*s — сладкие сдобные булочки — и устроилась рядом с Карпендером на маленьком диванчике, который, однако, с трудом выдерживал вес даже одного мужчины. Тем не менее Охотник попытался тоже устроиться там. Надин дала ему еще печенья.

— Ты хороший собачка! Если ты мне оставяшь собачка, все с овцами хорошо. И он меня любить!

Охотник смотрел на нее с обожанием.

— Пока вы его кормите, — отозвалась Кэт. — Послушайте, мистер Карпендер...

В гостиной у Надин царил уют, а выпечка была просто бесподобной, но она чувствовала себя здесь лишней. Пусть Надин проявляла щедрость и гостеприимство, но наверняка то время, пока пеклись *brioche*s, она хотела бы провести, обнимаясь со своим Томом, а не беседа с Кэт.

— Мне пора прощаться.

— Оставайтесь, пожалуйста. Друг Тома — мой друг тоже. Так говорить? — радостно воскликнула Надин.

Судя по всему, чувство ревности было ей чуждо, она даже не спросила, что привело сюда Кэт, да еще и вместе с ее возлюбленным.

Кэт покачала головой:

— Нет, мне... мне нужно...

— Она та самая девушка, которую ищет Джордж Хемплмен, — пояснил Надин Карпендер.

Услышав такую новость, женщина разразилась целой тирадой по-французски, начинавшейся с *mon Dieu*[69]и, по всей видимости, выражавшей ее радость от того, что Кэт наконец-то нашлась.

— Он все время спрашивать о вас. Очень переживать, говорить Том. Я хорошо понимать, вы наверняка вроде... вроде потерянная дочь!

— Ну, не совсем, — пробормотала Кэт. — Но мне действительно пора, иначе будет уже слишком поздно наносить ему визит. Не хочу показаться невежливой. Хемплмены живут здесь же, в поселке?

Карпендер покачал головой:

— Нет, не совсем. Джордж живет в Немецком заливе. Это немецкое поселение у воды, как уже понятно из названия. Одна или две немецкие семьи прибыли вместе с французами и построили себе дома. Хемплмен присоединился к ним, когда приехал сюда. Самый красивый дом в поселке

— сразу узнаешь его, не промахнешься. Он еще тогда, в заливе Пераки, построил роскошный для Линды, а теперь, для Элизабет, — еще лучше.

— Так зовут его новую жену? — неуверенно спросила Кэт. Она не могла представить себе Джорджа Хемплмена ни с кем, кроме Линды. — Она... намного моложе его?

Сама собой напрашивалась мысль о том, что, возможно, ей придется встретиться со своей ровесницей, ибо успешный бизнесмен наверняка решил скрасить свою старость женитьбой на молодой девушке.

К счастью, Карпентер успокоил ее.

— Нет, нет, он мужик разумный, Джордж-то, — заявил торговец. — Она, наверное, даже постарше будет, чем он, тоже вдова. Очень милая женщина, немного похожа на Линду, только более опытная и очень привязана к Джорджу. Иди, познакомься с ней. До Немецкого залива отсюда мили две, маори называют его Такаматуа. Акароа — очень маленький полуостров, всего-то пара холмов между двумя бухтами. Французы живут на одной стороне, а немцы на другой: Французский залив и Немецкий. Так что иди на север, а потом прямо на ту сторону.

— Есть дороги, — вмешалась в разговор Надин. — Мы не враги с немцами.

Глава 4

Кэт нашла поселение немцев, и ей даже не пришлось никого расспрашивать. Нужно было лишь пересечь местечко Акароа, чтобы выйти на широкую наезженную дорогу, выющуюся между холмами. Судя по всему, жители часто пользовались ею, и Кэт с первого взгляда на Немецкий залив поняла, почему это так: немецкая деревня состояла всего из трех-четырёх домов. Здесь не было ни магазинов, ни трактира, за всеми покупками им приходилось ездить в Акароа. Кэт удивилась, почему немцы не поселились прямо там. Как уже говорила Надин, у них с французами не было недоразумений, они даже приехали на одном судне. Однако, присмотревшись повнимательнее, она заметила разницу между двумя деревнями. Дома немцев тоже были ухоженными, однако не такими изящными и яркими, как у французов. Кроме того, они располагались на значительном расстоянии друг от друга: здесь поселенцы обрабатывали больше земли. Дворы у них были просторными, рассчитанными на большие семьи, кроме того, имелись там и помещения для скота. Внешне деревня даже напомнила Кэт Санкт-Паулидорф, однако строительство тут больше не велось. Вокруг дворов паслись овцы и крупный рогатый скот, с полей уже собрали урожай, землю подготовили к посеву озимых.

Дом, стоявший на холме над бухтой, был не похож на другие,

выделяясь и размерами, и архитектурой. Именно здесь, скорее всего, и жил Джордж Хемплмен, Карпентер оказался прав — ошибиться было трудно. Кэт направилась к нему, с тоской вспоминая дом Линды Хемплмен в заливе Пераки. У старшей подруги из окна тоже открывался прекрасный вид на море — но здесь было еще красивее, кроме того, не воняло ворванью и смертью. Дом, который построил Джордж Хемплмен для своей второй жены Элизабет, стоял среди старых деревьев и новых садовых клумб. В воздухе витал аромат поздних роз.

Кэт подозвала к себе Охотника, открыла калитку и прошла по аккуратной дорожке к дому. С горечью она узнала латунный дверной молоток, висевший и на двери дома Линды. Тогда она не пользовалась им, ей всегда были рады. Теперь же...

Кэт снова посмотрела вниз. Помня обвинения, которые бросил ей в лицо Джордж Хемплмен во время их последней встречи, сегодня она выбрала особенно строгий наряд: новое темно-зеленое шерстяное платье с белым воротничком и манжетами, которое она купила у Карпентера, и черная пелерина. Волосы она уложила в аккуратную прическу.

Наряд был подобран удачно, как сразу же поняла Кэт, когда наконец осмелилась воспользоваться молоточком: ей открыла женщина лет шестидесяти. Элизабет Хемплмен напомнила ей портреты королевы Виктории, которые Кэт видела в Нельсоне. Она держалась с большим достоинством, была уже не стройной, но и не полной — просто статная женщина. Вторая жена Джорджа Хемплмена носила простое синее платье, чем-то похожее на наряды старолютеран, но сшитое из дорогой ткани, а передник, повязанный поверх него, был украшен кружевами. Уложенные в высокую прическу каштановые волосы Элизабет были прикрыты чем-то вроде вуали, а не обычным чепцом — такое Кэт прежде видела только на портретах королевы. Однако эта женщина не казалась такой же непреклонной, как королева. У нее было круглое лицо, почти без морщин, на котором выделялись умные голубые глаза, и она приветливо улыбалась Кэт.

— Что я могу для вас сделать? — спросила она.

— Меня зовут Потти... э... то есть Кэт. И я была раньше... — Кэт не знала, с чего ей начать.

Элизабет Хемплмен на миг нахмурилась, но затем ее, похоже, осенило, и она просияла.

— Киттен! — воскликнула она. — Раньше вас называли Киттен, конечно же, вы ведь давно повзрослели! Мне все было интересно, как вас звали на самом деле, но Джордж этого не знал, и его первая жена, по всей

видимости, всегда называла вас Котенком.

Кэт кивнула, радуясь такому радушному приему. Судя по всему, Элизабет Хемплмен была уверена в себе и могла спокойно говорить о предшественнице. Окинув взглядом холл, Кэт увидела, что она чтит память Линды. Молодая женщина узнала тяжелую немецкую мебель, стоявшую еще в доме Линды, заметила ее портрет.

— У меня нет другого имени, — наконец сказала она. — Просто Кэт. И прошу простить меня за то, что явилась без приглашения.

— Без приглашения? — Элизабет Хемплмен рассмеялась, отступила на шаг и пригласила Кэт войти. — Милое дитя, вы даже не представляете, как я рада вашему приходу! А как муж обрадуется! Он с самой смерти Линды переживает, что был неправ по отношению к вам. Он всегда говорил, что если вы оказались на улице, то это его вина. — Она внимательно осмотрела Кэт, и то, что она увидела, похоже, ей понравилось. — Кажется, он переживал совершенно напрасно! — констатировала она и улыбнулась. — Вы выглядите очень хорошо. Кстати, меня зовут Элизабет, я его вторая жена. Проходите, мой муж в саду, я сейчас позову его. Раздевайтесь! К сожалению, у нас нет служанки, вам придется отдать накидку мне. В гостиной тепло, камин растоплен, и я как раз заварила чай. Прошу, Кэт...

И снова ее встречали с удивительным радушием! Элизабет Хемплмен пригласила Кэт присесть в кресло у камина и налила ей чаю. В вазочке для выпечки, которую она поставила перед ней, были scones. Охотник попытался выпросить что-то и у этой хозяйки, однако Элизабет Хемплмен была не такой, как Надин.

— Место! — решительно произнесла она и указала на коврик у камина.

Охотник покосился на нее, но одного взгляда ему оказалось достаточно, чтобы понять: эта женщина настроена весьма серьезно. Вдохнув, он улегся у ног Кэт.

— Я позову мужа! — сказала Элизабет и удалилась легкой походкой.

Кэт обвела взглядом обстановку комнаты. Эта мебель была ей незнакома, возможно, ее привезли из старого дома Элизабет, и Джордж был вынужден жить с воспоминаниями о ее первом супруге. Кэт спросила себя, как он справляется с этим, но тут услышала шаги. Видимо, Джордж Хемплмен уже направлялся домой, когда Элизабет отправилась ему навстречу. Он вошел в комнату, а за ним шагала его жена, лицо которой сияло так, словно случилось рождественское чудо.

— Вот она! — радостно воскликнула Элизабет. — Узнаешь?

Джордж Хемплмен взгляделся в лицо Кэт. За эти годы он почти не изменился, по крайней мере почти не постарел. Напротив, он выглядел лучше, чем тогда, на китобойной станции. Теперь он не проводил весь день на ветру, наверное, пил меньше виски, и ему не приходилось заботиться об умирающей жене. Здоровье у Элизабет, судя по всему, было отменным.

— Это действительно ты, — с недоверием в голосе произнес он. — А я уже и надеяться перестал. Я искал тебя, знаешь? Даже на западном побережье, в борделях, и на Северном острове. Но ты словно сквозь землю провалилась.

— Я была там, где оставил меня Карпентер, — ответила Кэт. — У *нгати тоа*. Вы же знакомы с Те Раупарахой.

Хемплмен мрачно усмехнулся:

— Со старым воякой? О да, и как раз поэтому не верил, что ты сможешь вырасти у них.

В первые годы после основания китобойной станции Хемплмен и вождь часто ссорились, пока Те Раупараха не перенес свои военные действия сначала в район Пурау, а затем дальше на север.

— Ну да, как бы там ни было, у тебя получилось. Несмотря на то что я надежд не оправдал. Я не позаботился о тебе тогда, Киттен.

— Кэт, — поправила его девушка.

Он с сожалением улыбнулся:

— Я даже не попытался узнать у кого-нибудь твое настоящее имя. А ведь ты выросла практически у меня на глазах. В ужасных условиях, как я теперь понимаю. Я должен был раньше понять это и постараться помочь. Линда наверняка удочерила бы тебя. Но подробностей она тоже не знала, верно?

Кэт покачала головой. Она размышляла над тем, какие подробности о ее детстве стали известны Джорджу Хемплмену. Наверняка Присцилла и Нони многое рассказали ему.

— Я не хотела беспокоить миссис Хемплмен, — сказала она. — Вы ведь сами говорили, чтобы я ни в коем случае не заставляла ее волноваться. Поэтому я и в конце ничего ей не сказала. Ну, про аукцион, который задумал Баркер.

— Однако Линда, видимо, догадывалась, — произнес Хемплмен. — Как бы там ни было, она хотела помочь тебе. За несколько дней до смерти она написала завещание, и ты унаследовала все, что у нее было. Например, одежду — мы могли продать ее для тебя — и, самое главное, украшения.

— Вот эти! — вмешалась в разговор Элизабет Хемплмен. Пока Джордж беседовал с Кэт, она ненадолго вышла из комнаты и вернулась со

шкатулкой в руке. — И вот это, чтобы не забыть. — Она сняла с шеи простую, но наверняка очень дорогую нитку жемчуга и положила ее в шкатулку. — Посмотрите, Кэт!

Кэт с недоумением разглядывала золотые цепочки и браслеты, сверкающие кольца, серьги, жемчужины и драгоценные камни в золотой оправе, лежащие на темно-синем бархате.

— Теперь это принадлежит вам! — сказала Элизабет Хемплмен.

— Но... — Кэт потрогала жемчуг, который еще хранил тепло тела Элизабет. — Разве вы не носили эти украшения прежде? Неужели вы собираетесь просто так отдать их мне?

Элизабет Хемплмен с тоской улыбнулась.

— Дело не в том, чего я хочу, — сказала она. — Да, это так, я носила украшения. Джордж хотел подарить мне другие, но здесь ничего не купишь. Отчасти это приданое Линды. Роскошные драгоценности, которые мне очень нравились. Но я всегда знала, что они мне не принадлежат.

Кэт закусила губу.

— Я не могу их носить, — тихо сказала она. — Я живу среди равнин, а это украшения для бального зала! Кроме того, мне кажется, что я проявлю неблагодарность по отношению к Линде.

Джордж Хемплмен покачал головой:

— Нет-нет, Кэт! Линда знала, что вы превратите украшения в деньги, она хотела помочь вам выбраться из залива Пераки. Так что не грустите. Хотя... у меня есть идея! Прошу, не поймите меня превратно, Кэт. Украшения ваши, вы можете делать с ними все, что вам заблагорассудится, в том числе и продать их кому угодно. Но я подумал, что Элизабет пожелает оставить кое-что себе, а вам наверняка приятно будет знать, что все эти вещи окажутся в руках у человека, который обращается с ними бережно. Так продайте их мне! В Акароа есть часовщик, он наверняка сможет оценить их. Или узнаем цену на золото в Англии. На Северном острове есть банки, да и в Нельсоне уже, наверное, тоже. Я ни в коем случае не хотел бы, чтобы вы продешевили.

Кэт переводила удивленный взгляд с украшений на Хемплменов. Джордж выглядел растерянным и неуверенным, он опасался, что обидел ее своим предложением, но Элизабет радовалась, как дитя.

— Какая прекрасная идея, Джордж! — похвалила она его. — Вам так не кажется, Кэт? Лично меня вы этим просто ошастливили бы! Конечно же, все я не взяла бы. Ни в коем случае, вам ведь нужно что-то иметь на память о Линде. Выберите то, что вы хотите оставить себе, а за все прочее Джордж даст вам хорошую цену. Как думаете, Кэт? Вас это устроит? Тогда

украшения Линды, так сказать, не уйдут из семьи.

Кэт заглянула в шкатулку и узнала медальон, который часто видела на шее Линды Хемплмен. В нем была крохотная картинка: миниатюра, нарисованная ее сестрой и изображавшая Линду в детстве. Кэт подумала о своей маленькой Линде и вынула украшение из шкатулки.

— Вот это мне хотелось бы оставить, — с нежностью в голосе произнесла она, открывая медальон. Светловолосая девочка улыбнулась ей с портрета.

— Но к нему вам понадобится золотая цепочка, — сказала Элизабет Хемплмен и принялась перебирать лежавшие в шкатулке вещи. — Там была одна, я... я никогда не носила медальон. Вот! — Сияя, она выудила тяжелую золотую цепочку и продела ее в колечко медальона. — Можете сразу надеть. Вам очень идет!

Кэт улыбнулась и представила себе украшение на шее собственной дочери, когда та станет немного постарше.

— А можно мне взять еще? — робко спросила она.

— Конечно же, что угодно, Кэт. — Хемплмен снова принялся извиняться и объяснять.

Элизабет протянула Кэт шкатулку.

— Выбирайте спокойно! — подбодрила она Кэт.

А та уже нашла второе украшение: серебряный крестик с аквамаринами, который тоже очень любила Линда. Кэт достала его из шкатулки. Его она подарит Иде — и однажды та сможет отдать его маленькой Кэрол. Растроганная, она рассматривала оставшиеся украшения. Многие из них она помнила, другие же Линда в ее присутствии никогда не носила, но все было пронизано ее любовью — Кэт с нежностью и благодарностью вспоминала старшую подругу. Снова проведя рукой по бархату, она закрыла шкатулку.

— Наденьте свой жемчуг, миссис Хемплмен, — сказала она, протягивая его Элизабет. — Он так подходит к вашему платью!

Через несколько дней, когда часовщик, работавший когда-то ювелиром в Париже, тщательно осмотрел все драгоценности, оценил и перевел полученную сумму из французских франков в английские фунты, Кэт стала обладательницей небольшого состояния. Все эти дни она провела в гостевой комнате Хемплменов и сейчас сидела на постели, смотрела на свои деньги и думала, что теперь с ними делать.

— Этого хватит, чтобы, к примеру, открыть где-нибудь магазин, — посоветовала ей Элизабет Хемплмен. — Скоро появятся большие города. Можете начать свое дело в новом поселке в устье Эйвона — Крайстчерче.

Или, быть может, на Северном острове, здесь женщине одной еще тяжело. Как вам такая идея, Кэт?

Кэт долго размышляла и пришла к выводу, что не представляет себя в магазине. Она ведь даже считать не умеет. Нет, ее хватило на то, чтобы подсчитать эти деньги, и при закупках она себя одурачить не позволит, но деловой хватки, в отличие от Джейн Фенрой, она не имела. Ей не нравилось торговаться и продавать.

— А трактир? — спросила Элизабет. — Чайная или кафе?

— Это скорее идея для Иды, — пробормотала Кэт.

Она подумала о ресторане, в который Ида могла бы превратить паб Пэдди. Может, предложить это подруге? Рискнет ли она поехать с ней на Северный остров, сбежать от Оттфрида и попытаться открыть свое дело? Но Оттфрид найдет ее там, если будет всерьез заниматься поисками жены. Трактиром не получится управлять втайне. И, даже если Оттфрид откажется от Иды, — ее найдет Карл, что приведет к новым сложностям. Если Ида вообще согласится уйти от Карла... Кроме того, Кэт не представляла себя в роли хозяйки подобного заведения. Она не любила готовить и обслуживать: для этого нужно настоящее призвание, как у Надин.

«*Oui*, собственная *pâtisserie* — это моя мечта. — В ушах Кэт еще звучали слова талантливой кондитерши. — Но я не мочь продавать овцы старого доброго Пьерро людям, которых совсем не знаю!»

И вдруг Кэт улыбнулась.

Глава 5

Овцы со станции Фенрой обычно паслись на окрестных холмах, но овцематок, которых Ида каждый день доила, чтобы делать сыр, она держала возле дома и только на пару часов выпускала на пастбище у реки под охраной двух колли, которых привел Оттфрид. Она как раз загоняла их на вечернюю дойку, когда увидела плывущую по Ваймакарири лодку.

Ида помахала рукой лодочнику — вопреки обыкновению, не оборачиваясь и не проверяя, нет ли поблизости Оттфрида, который мог отреагировать на подобное проявление дружелюбия вспышкой ревности. В последнее время он вел себя все хуже. Видимо, ему не нравилась изоляция на уединенной ферме, и теперь он скверно относился ко всем окружающим. Если он вдруг обнаруживал, что Крис или Карл перегоняют «его» овец на новые выгоны или сводят их с другими стадами, он впадал в ярость. Часто жертвой ее становилась Ида, которую он постоянно осыпал самыми абсурдными упреками, если она вела себя приветливо с кем-то из живущих на ферме мужчин. Он подозревал ее в шашнях с Крисом и

Карлом, рабочих маори он постоянно обвинял в том, что они бросают на его жену похотливые взгляды. Это их настолько сердило, что они не выходили на работу по нескольку дней. В конце концов Крис и Карл сдались и решили отправить Оттфрида в Порт-Купер с последней партией сыров его жены. Ему поручили также договориться о дополнительных поставках продуктов, корма для животных и строительных материалов. Им было уже безразлично, сколько они на этом потеряют и не пропьет ли он часть выручки, — лишь бы отдохнуть от него пару дней. Он отсутствовал уже неделю, и Ида неплохо себя чувствовала, чего не случалось уже давно. Жаль только, что Кэт еще не вернулась.

Лодочник приближался к берегу, к причалу, построенному Крисом. Может быть, этот человек принес новости от Кэт?

— Здравствуйте, миссис Ида! — радостно приветствовал он ее.

Он был знаком с обитателями станции Фенрой, поскольку часто проезжал мимо фермы. Выше по течению Ваймакарири располагалось еще несколько поселений, и жители доставляли продукты по реке. Крис редко следовал их примеру, однако предприимчивая Джейн все чаще задумывалась о том, чтобы воспользоваться этим путем сообщения для распространения изделий маори. Она рассчитывала таким образом связаться с другими торговцами, которые будут платить больше, чем Карпентер. Однако до сих пор маори ее не слушали: им нравилось одновременно продавать и покупать, к тому же они радовались визитам Карпентера.

— Привет вам от мисс Кэт. Я должен передать вам, что она с собакой и стадом овец остановилась у Динсов. Она просит, чтобы ее кто-нибудь забрал.

Мужчина улыбнулся Иде и действительно посмотрел на нее с некоторым вождением. Сейчас она была красива — лицо зарумянилось от ветра, темные волосы собраны в хвост и завязаны лентой.

— Стадом овец? — спросила Ида. — Но пойдете же, Пит! Карл и Крис в хлеву, они тоже наверняка захотят услышать новости.

Но лодочник покачал головой:

— Нет времени, у меня еще сообщение для Батлера. Его адвокат с Северного острова дорого ему обходится, все мотается туда-сюда по поводу продажи земли или еще чего-то. В общем, дело будто бы срочное. Может быть, на обратном пути загляну.

И он хотел уже отвязать лодку, которую пришвартовал к причалу, на скорую руку затянув узел, чтобы снова выйти на середину реки.

— Подождите! Расскажите мне еще о Кэт! Откуда у нее овцы? И что

значит «стадо»?

Лодочник пожал плечами:

— Я прикинул, там их дюжин шесть-семь. В основном овцематки и ягнята. Если это не те, которых украли у Редвудов, — он рассмеялся, довольный своей шуткой, — то она этих животных где-то купила. Не знаю, миссис Ида, Динсы просто прислали ко мне гонца, а тот говорил с моей женой. Словом, отправьте кого-нибудь забрать Кэт из Риккартона. — С этими словами он в прощальном жесте поднял руку и отчалил, сильными гребками выводя лодку на середину реки.

Крис кормил лошадей в конюшне, когда Ида наконец загнала своих молочных овец в сарай. Приятель, лежавший рядом, тут же вскочил, чтобы помочь колли. Пока животные поедали овес, который им давали, чтобы увеличить надои, Ида рассказала Крису о Кэт. Как она и предполагала, тот просиял:

— Она купила овец? На полученные в наследство деньги? О, Ида, это хороший знак! Может быть, она тоже захочет стать компаньоном, может быть, она позволит мне построить для нее дом! Я завтра же поеду в Риккартон и заберу ее. Это чудесно, Ида! В конце концов, она должна образумиться, нельзя же ей так и жить с маори, а я...

Ида села доить овец, не отвечая на восторженные слова Криса. Она не разделяла его эйфории. Ей не казалось, что перед отъездом в Акароа Кэт передумала насчет Криса. Про себя Ида благодарила Господа за то, что она вообще вернулась. Но дом на станции Фенрой, рядом с домом Джейн? Стать четвертым компаньоном на относительно небольшой ферме? Оттфрид непременно встанет на дыбы, а Карл согласится, наверное, только ради того, чтобы порадовать друга. Нет, Ида не верила, что Кэт собирается пасти своих овец на станции Фенрой. Однако думать об этом ей пока не хотелось. Ее занимали другие мысли. Ида провела на станции Фенрой уже несколько месяцев, ни разу не выезжая за пределы фермы, и постепенно ей становилось тесно в четырех стенах. Ей очень хотелось встретиться с женщиной, которая не носила бы татуировок и не была бы настолько неприступной и ворчливой, как Джейн. С женами братьев Динс она отлично поладила. И ей хотелось съездить к ним в гости.

— Крис... — робко обратилась она к Фенрою, подоив третью овцу. — А ты можешь взять меня с собой в Риккартон? Я понимаю, что буду задерживать тебя, придется брать повозку, а верхом ты едешь быстрее. Но мы могли бы взять свежий сыр и обменять его на шерсть, тогда мне будет что прясть зимой, и...

Крис улыбнулся и поднял руку, останавливая ее:

— Хорошо, Ида, не нужно передо мной оправдываться. Конечно, я понимаю, что тебе хочется куда-нибудь съездить, никаких проблем. Бери девочек, и свой сыр, и что еще ты хочешь взять, и завтра на рассвете отправляемся. Вот Кэт обрадуется! А Охотник тем более!

Довольная Ида вернулась к дойке, пока Крис размышлял о ее просьбе. Ида собирается поехать куда-то — по своей воле, не спросив Оттфрида! Это тоже хороший знак! По крайней мере, Карл отнесется к этому именно так. Он радовался каждому решению, которое Ида принимала самостоятельно.

И можно было устроить еще лучше...

— Что ж, лично я не против, можешь ехать вместо меня.

Крису Фенрою нелегко далось это решение, но он все же предложил другу встретить Кэт вместе с Идой. Увидев, как просиял Карл, он понял, что поступил правильно.

— Ты точно уверен? — все же переспросил Карл. — Я же вижу, как тебе не терпится поскорее снова увидеть Кэт и узнать, что она там задумала с овцами. И ты решил послать меня?

Крис кивнул.

— Увижу я Кэт на пару дней раньше или позже, уже не так важно. — Он рассмеялся. — Может быть, даже лучше, если я не встречу ее с распростертыми объятиями. Как думаешь, не подразнить ли ее, притворившись, что мы не уверены, стоит ли принимать ее в компанию? А вы с Идой... Послушай, Карл, вы же будете вместе какое-то время! Ты будешь сидеть на козлах рядом с ней, а вечером вы разведете костер, что-то расскажете друг другу... Просто невыносимо смотреть, как вы пожираете друг друга глазами уже не первый месяц и молчите!

— А Оттфрид? — спросил Карл.

Крис вздохнул:

— Что до него, то ты лучше оставь Иду в Риккартоне и сделай вылазку в Порт-Купер. Конечно, для Иды будет хуже, если ты сразу привезешь его, однако мы не можем допустить, чтобы он спустил всю выручку с сыроварни на игры и шлюх. А именно этим он, судя по всему, и занимается, иначе давно уже вернулся бы. Так что поезжай и вытащи его из паба, если понадобится, то за волосы.

Ида удивилась и немного растерялась, когда вышла утром из дома с корзинкой, полной продуктов, и увидела на козлах повозки Карла. Кэрол и Линда семенили за ней.

— Ты? — негромко спросила она, не ответив на радостное приветствие Карла. Он тоже чувствовал себя неловко. — Я думала, мы

поедем с Крисом.

— У Криса... Ему нужно к маори... — Крис и Карл придумали отличную историю, которая объясняла, почему у этой повозки столь внезапно поменялся кучер, но Карл вдруг понял, что не хочет лгать. — Крис решил, что поеду я, — признался он, — чтобы у нас было время поговорить. Время для нас.

Ида закусила губу:

— Не знаю, зачем нам нужно время, мы...

Карл наклонился, чтобы подхватить сначала Кэрол, а затем Линду и помочь Иде устроиться на козлах. Когда их руки соприкоснулись, мир снова словно бы замер вокруг них.

— Ты прекрасно знаешь ответ, Ида, — спокойно произнес он. — Но нам не обязательно... говорить сейчас об этом. Мы можем просто побыть вместе. Как друзья. Как прежде, в Рабен-Штейнфельде.

Ида робко улыбнулась:

— И сравнить решения задачки?

Карл пожал плечами:

— Или обсудить путешествия капитана Кука. Я так и не видел ни одного кенгуру, хотя уже точно знаю, что они существуют.

— Я очень рада, что мне не пришлось их увидеть, — заявила Ида и посадила Кэрол между собой и Карлом, а Линду взяла на колени.

Карл задумался, не нарочно ли она устроила Кэрол так, чтобы не оказаться слишком близко от него, но, конечно же, это было глупостью. Она не могла посадить ребенка на внешний край, слишком велика была опасность того, что девочка упадет. Кэрол схватила поводья.

— Хоп-хоп-хоп! — залопотала она, повизгивая от удовольствия.

Карл рассмеялся.

— Кажется, у тебя растет юная первооткрывательница, — сказал он. — Когда ты вырастешь, тебе и муж не понадобится, Кэрри.

— Только Оттфриду не говори, но именно этого я и добиваюсь, — сухо заявила Ида, и оба расхохотались.

Если бы Ида знала, что поедет с Карлом, она всю ночь ломала бы себе голову, пытаясь придумать темы для непринужденного разговора. Однако все случилось так неожиданно, что она даже не успела разволноваться. Ида и Карл говорили о Новой Зеландии, о разнице между Северным и Южным островами, о спорах по поводу земли. Карл рассказывал о своих путешествиях, а потом и о книгах, которые прочел. Ида же могла лишь пересказывать истории, услышанные от Гибсона.

— А я ведь всегда любила читать, — с сожалением в голосе

произнесла она. — Но в Санкт-Паулидорфе не было книг.

И вдруг она стала рассказывать ему о поселке. Не об Оттфриде и собственных мучениях в его постели, не о его хвастовстве и эскападах, а о строительстве общины, о миссионерах, о возведении домов и постоянных наводнениях.

— Я представляю, как реагировал на это Ланге, — мрачно заметил Карл. — «Возблагодарим же Господа за то, что вода унесла только половину...» — И он поднял руки в молитвенном жесте, подражая тому, как читал проповеди Якоб Ланге.

Ида захихикала.

— Хуже того, — сказала она, — первый раз принесло ил, который покрыл весь мой огород. И я должна была благодарить Господа за хороший чернозем!

Карл тоже рассмеялся:

— А в следующий раз — за то, что во время потопа сдохли крысы.

— И за то, что в ближайшие месяцы нам не грозит засуха... — хохотала Ида.

И вот они уже наперебой придумывали, за что еще можно было благодарить Господа после наводнений в Санкт-Паулидорфе. Ида испытывала при этом некоторое чувство вины, но она уже много лет — а может, и вообще никогда в жизни — не смеялась от души.

— Лично я от всего сердца благодарен Господу за то, что он увел тебя из Санкт-Паулидорфа, Ида! — наконец сказал Карл и тут же посерьезнел. — Я знаю, что это грех, я не должен был желать, чтобы поселение потерпело крах, но ведь я вас предупреждал, а больше ничего сделать не мог. Я уже думаю, что Господь не осудит меня и за то, что я хотел другой жизни. Когда... когда он, кстати, стал таким?

Ида наморщила лоб:

— Кто? Господь?

Карл натянуто улыбнулся:

— Конечно же нет. Извини, я непоследователен. Разумеется, я имею в виду Оттфрида. Когда он так изменился? Я никогда не любил его, Ида, и никогда не хотел, чтобы ты была с ним, но я считал его человеком праведным. Я думал, что он будет таким, как твой отец... или его отец.

— Они тоже непростые люди, — негромко сказала Ида.

Карл обнял Кэрол, игравшую поводьями, сжал крохотную ладошку в своей руке и при этом слегка коснулся Иды.

— Тебе не кажется, что ты приукрашиваешь ситуацию, называя Оттфрида просто сложным человеком? Ида, он пьет. Он не работает. Он

проиграл все свои деньги.

— У него еще осталось на овец, — процедила сквозь зубы Ида и так крепко прижала к себе Линду, что малышка возмущенно вскрикнула.

Как было здорово шутить с Карлом! Зачем ему понадобилось все разрушать? Она терпеть не могла защищать Оттфрида, но что поделаешь — он ее муж.

— Это меня по-прежнему удивляет, — отозвался Карл. — И он дурно обращается с тобой. Нет, мне никто ничего не рассказывал, в том числе Кэт, хотя она приходит в ярость, когда встречает тебя с заплаканным лицом, и это очевидно. Я слышу, как лает собака и плачут дети. И я... я чувствую твою грусть, Ида, и твой страх. Иногда это просто невыносимо.

Говоря это, он смотрел прямо вперед, теперь же он обернулся к своей спутнице. В его пристальном взгляде читалась тревога, но Карл все же надеялся, что она наконец откроется ему.

— Если я могу выносить это, то и ты сможешь, — негромко ответила Ида. — Или ты все еще думаешь о побеге? Хочешь сесть на ближайшее судно, отправляющееся в Байю?

Карл переложил поводья в правую руку, а левой обнял Иду, привлекая ее и обеих девочек к себе.

— Скажи только слово, Ида. Если хочешь, если можешь, если договоришься с Господом или собственной совестью, или что там еще держит тебя рядом с Оттфридом, то мы сядем на ближайшее судно и поедem отсюда хоть на край света.

Ида доверчиво позволила Карлу обнять себя, изо всех сил пытаясь не думать о последствиях. Она не хотела думать и о том, что, возможно, скоро он попытается позволить себе нечто большее, если сейчас она не воспротивится. Она лишь наслаждалась теплом его тела, слушала, как он шутит и болтает с детьми, а вечером спокойно сидела рядом с ним у костра. Она укачивала детей, пока он ловил рыбу и жарил ее, а также выкапывал корешки почти так же ловко, как Кэт.

— На Северном острове заворачивают еду в листья и тушат в специальных ямах под горячими камнями. Потом выкапывают, когда она уже готова, — рассказывал он, и Иде уже снова хотелось шутить и смеяться.

— Тут любят выкапывать еду из земли, — заметила она. — Вспомни киви. Брат Оттфрида, Эрих, или Эрик, как он теперь себя называет, обладает каким-то шестым чувством насчет того, где они могут прятаться.

Карл закопал корешок в угли костра, чтобы испечь его.

— Эрик — хороший парень, — сказал он.

Ида потерла рукой лоб.

— Он не похож на Оттфрида. И мне кажется, что так было всегда.

Теперь настал черед Карла удивляться:

— Кто? Эрик? Может быть, у него и были хорошие задатки, но проявились они только благодаря новой стране. В Рабен-Штейнфельде...

— Нет, я имею в виду Оттфрида, — прошептала Ида, неотрывно глядя в огонь. — Он ведь еще в школе был таким. Вспыльчивым, несговорчивым и ленивым. Ты с ним дрался иногда, помнишь? Когда мы были еще совсем детьми. Учитель Бракель потом запретил вам это. А Оттфрид в какой-то момент выяснил, что в Рабен-Штейнфельде на драках далеко не уедешь. Лучше молиться и приспособливаться. Думаю, Оттфриду важнее всего, что

о нем думают другие. Больше всего ему нравится, когда им восхищаются. Ему нужно... Нет, друзья — не то слово... — Она умолкла.

— Ему нужны приятели, — отозвался Карл. — Люди, с которыми можно тайно сговариваться, которые будут с ним беседовать, пить и играть.

Ида кивнула.

— Сговариваться мой отец тоже любит, — призналась она. — И отец Оттфрида. В Рабен-Штейнфельде Оттфрид был бы столпом общины. Упрямый, твердый в вере, он скоро стал бы пономарем и предстоятелем, потом вошел бы в совет старейшин.

— А его брат Эрих был бы паршивой овцой, поскольку делал бы все по-своему, — добавил Карл. — Но теперь... — Он мрачно усмехнулся. — Мы на другом краю земного шара. Юг тут на севере, и наоборот. Где один добивается удачи, второй терпит поражение.

Ида покачала головой:

— Оттфрид не потерпит неудачу. Он все время каким-то образом пробивается. Ему везет, и у него есть... я... И вы, ты и Крис. Я прекрасно знаю, как много вы для меня делаете, Карл, и как вам тяжело с ним справляться. Но я не могу бросить его, Карл. Я не смогу, это смертный грех. Моя мать в гробу перевернулась бы. «Что Господь соединил, то человек да не разлучит».

— Неужели же нет предела твоему терпению? — в отчаянии спросил Карл. — Что бы он ни сделал? Ида, мы в Новой Зеландии, но иногда ты ведешь себя так, словно ты по-прежнему в Рабен-Штейнфельде!

— Может быть, так оно и есть, — негромко ответила она.

Глава 6

Хотя вскоре пошли дожди, Ида и Карл расстроились, когда на третий день к обеду впереди показались первые загоны Риккартона. На холмах вокруг фермы овцы дожевывали последнюю траву. Было заметно, что они стараются держаться поближе к дому: похоже, бóльшую часть времени они уже проводили в хлевах, где получали сено. Однако сейчас овчарни заполонили чужие овцы. Овцематки и ягнята, числом около сотни, толпились в загоне перед домом.

— Это наверняка отара Кэт! — взволнованно воскликнул Карл. — Хорошие животные! Вполне могут оказаться мериносами! Глазам своим не верю!

— Неплохо, неплохо! — рассмеялся Уильям Динс.

Он увидел приближающуюся повозку и вышел из одного из сараев для стрижки овец навстречу гостям, набросив плащ и нахлобучив зюйдвестку.

— Вам там везет, на станции Фенрой, к вам идут лучшие овцы! Это

рамбулье, их еще называют французскими меринсами. Отличные производители шерсти. И не настолько нежные, как их испанские предки. По крайней мере, эти очень устойчивы к переменам погоды. В отличие от вас, как я погляжу. Пойдемте, Карл, Ида... Боже мой, как дети-то выросли! Идемте же скорее, вам нужно обсохнуть.

Однако Карл не мог так быстро расстаться с новым приобретением Кэт. Он с восхищением разглядывал густую шерсть и развесистые изогнутые рога баранов.

— Откуда у Кэт французские овцы? — поинтересовался он.

— Оттуда же, откуда у Девы ребенок! — пошутил Динс. — Но пусть она сама вам расскажет. Пойдемте наконец в дом.

Охотник бросился к Иде, как только Уильям Динс открыл дверь в дом. Он не знал, на кого прыгать и кого облизывать первым — Иду или детей.

— Фу, фу! — закричала Кэрол, насмешив Иду и Динсов своей решительностью.

— Когда подрастет, присылайте ее к нам, работать с собаками. Так она скоро сама вашей фермой командовать будет! — пошутил Уильям.

А Линда тем временем обнимала собаку, после чего обе девочки бросились к Кэт и одновременно залезли ей на руки. Кэт целовала и щекотала их, смеясь, а затем обняла Иду, радуясь встрече.

— Видишь, я вернулась! — сказала она, когда подруги наконец разжали объятия. — И у меня для тебя даже есть подарок.

Ида нахмурилась.

— Ты ведь не собираешься подарить мне сотню овец? — спросила она.

Кэт рассмеялась и покачала головой:

— Нет. Я их никому не подарю, оставлю себе. Миссис Хемплмен говорила, что я должна открыть свое дело на полученные в наследство деньги. И я подумала, что овечья ферма ничем не хуже любого другого занятия.

Ида побледнела:

— Ты хочешь иметь собственную ферму? Хочешь уехать? Не останешься на станции Фенрой?

Кэт опустила руку в карман, вынула оттуда покрытый драгоценными камнями крест и вручила его Иде:

— Вот, это мой подарок. Твой личный христианский *хей-тики*. Пусть твой Бог защищает тебя от тревог. Конечно же, никуда я не уйду. Но поздоровайся для начала с Эммой и Элисон. И иди греться, ты же совсем промокла.

Ида не заставила себя упрашивать. Она обняла жен Динсов, восхищавшихся ее девочками, и села пить чай с пирогами. Вскоре к женщинам присоединился и Карл. Прежде чем братья Динс уведут его в кабинет, единственную комнату в доме, где жены разрешали им сколько угодно пить и курить, он хотел выслушать историю Кэт, хотя бы в общих чертах.

И Кэт подробно рассказала о Карпентере, Надин и овцах «старого доброго Пьерро».

— Я сумела убедить ее в том, что животные окажутся в надежных руках, что я буду любить их, холить и лелеять, причем каждую звать по имени. Правда-правда, она дала им имена, всем девяноста восьми овцам! Она вручила мне список. К сожалению, ни одна из них на имя не откликается. Ну, как бы там ни было, Надин получила за них хорошую цену, и теперь они принадлежат мне. Изначально из Франции прибыло пятьдесят животных, однако некоторые были беременны и принесли ягнят. Среди них бегают и барашек, который уже снова покрыл овцематок, — закончила свой рассказ Кэт. О своих дальнейших планах по поводу животных она ничего не сказала.

— И мы за это выпьем! — заявил Уильям Динс и подмигнул Карлу. — Пойдем, пусть женщины побеседуют о детях, кухне и церкви.

Эмма, его жена, женщина очень решительная и смелая, бросила в него клубок. Когда он ушел, Ида, Кэт и жены Динсов стали говорить об овцах, производстве шерсти и сыроварнях, причем Динсы свою собирались закрывать.

— С тех пор как этим стала заниматься ты, Ида, нам уже нет смысла варить сыр, — сказала Эмма, и в голосе ее не было упрека. — Работы море, а прибыли немного. Теперь Риккартон полностью перейдет на производство шерсти. В самом широком смысле: будем летом выгонять животных в горы и выпасать их там. Мы даже подумываем о том, чтобы переехать поближе к высокогорьям. Редвуды твердо намерены сделать то же самое, уже ищут покупателя для своей фермы. Тогда ты сможешь обеспечивать сыром весь Порт-Купер, Ида. И будущее поселение — Крайстчерч. Ну, если ты, конечно, будешь продолжать заниматься молочным хозяйством.

Ида вопросительно посмотрела на Кэт, однако та лишь пожалала плечами.

— Мои рамбулье славятся в первую очередь шерстью, — заявила она. — Я думаю, что поговорю по этому поводу с Те Хайтарой и женщинами маори. Если они захотят делать сыр...

Перспективы казались не слишком радужными. Племя Те Хайтары и без того было занято производством медикаментов и *хей-тики* для Джейн, так что вряд ли маори захотят открыть еще одно предприятие, ведь уже сейчас у них было больше денег, чем нужно.

— Ты хочешь остаться у маори? — удивленно спросила Ида. — И стать конкурентом Криса и Карла?

Кэт подняла руки, возражая:

— Ах, Ида, кто же говорит о конкуренции? Насколько я знаю, лондонские фабриканты скупают всю шерсть, которую им привозят. В накладе не останется никто. Я скорее думала о том, чтобы сотрудничать со станцией Фенрой. Например, что касается стрижки овец, то скоро понадобятся профессиональные стригали, которые обучат наших людей. Их очень мало, все заводчики на Южном острове охотятся за людьми, которые по-настоящему разбираются в стрижке овец. Сам собой напрашивается вывод: нам нужно нанять их всем вместе — Редвудам, Динсам, станции Фенрой, *нгаи таху* и мне.

Прежде чем Ида успела ей ответить, раздался звонкий голосок Линды:

— Мама, пи-пи!

Ида тут же вскочила. Она как раз начала отучать детей от подгузников, и иногда они сами сообщали, что хотят в туалет. Впрочем, обычно бывало уже поздно.

— Я сейчас вернусь, — извинилась Ида. — Пойдем, Линда. И ты тоже, Кэрл.

Ида бросилась бежать к туалету, неся на руках детей. Ее путь лежал мимо полуоткрытой двери, ведущей в кабинет — довольно мрачную задымленную комнату, где братья Динс сидели на потрепанных кожаных диванах у камина и попивали виски. В ногах у них лежали колли. Карл, который составил им компанию, приветливо махнул рукой Иде, когда она мчалась мимо вместе с детьми. Мужчины были заняты разговором, но Ида слишком спешила, чтобы их слушать. Через несколько минут она уже возвращалась назад, причем девочки обогнали ее, чтобы рассказать Кэт об успешно выполненном задании. Ида вновь услышала голоса Карла и Уильяма и замерла в коридоре.

— И что теперь будет с Кэт и ее овцами? — поинтересовался Джон Динс.

— Не знаю, — ответил Карл. — Она ничего не сказала. Крис, конечно, полагает, что она соединит свое стадо с нашим.

— Еще один компаньон? — скептически поинтересовался Уильям. — А не будет ли это слишком, если каждый захочет иметь право голоса? Если

дело так пойдет и дальше, вам скоро придется устраивать заседание парламента, прежде чем решить, стоит ли покрывать овцу.

И братья громко расхохотались.

— Раз уж мы заговорили об этом... — произнес Джон и сразу же посерьезнел. — Есть еще кое-что, о чем мне хотелось поговорить. Нас, конечно, это не касается, но Ида... Она такая милая женщина. И дети очаровательные... Просто не годится...

Ида была уверена, что Карл после этих слов выпрямился в кресле.

— Что с Идой? — спросил он.

Она услышала бульканье: видимо, кто-то из Динсов долил виски в бокалы.

— Ее муж Отти уже не первый день сидит в пабе Джефферсона в Порт-Купере. Проигрывает и пропивает доходы. Уже это само по себе нехорошо. Но самое главное... он ведет очень скверные разговоры, Карл. Хвастается всякими приключениями. Двумя... двумя женщинами, с которыми приехал на равнины. — Уильям умолк, видимо, чтобы хлебнуть виски.

— Пойми нас правильно, Карл, — заговорил Джон. — Мы не верим в его болтовню, а ребятам в Порт-Купере, китобоям, шкиперам и охотникам на тюленей, абсолютно все равно, скольких женщин обрюхатил ваш Отти. Однако поселение растет, и эти новые люди, которые строят город в устье Эйвона, довольно религиозны. Он ведь даже будет называться Крайстчерч[70], а это говорит о многом. Англиканцы, если не ошибаюсь. В общем, они сейчас строят церкви, где скоро будут крестить Линди и Кэрри, чтобы они затем стали уважаемыми членами общины. Если эти слухи разойдутся... Такое не отмывается...

Ида уже не слышала, что ответил Карл. Она отпрянула от двери, словно ее ударили, и впервые поняла, что люди имеют в виду, когда говорят, что в глазах у них все потемнело от гнева. Чувство, поднявшееся из глубины ее души, было бурным и разрушительным. Пожалуй, его можно было сравнить с тем ощущением, которое она испытала, когда убила крысу, но теперь оно было еще более жгучим и всепоглощающим. Ида дрожала от ярости сильнее, чем когда бы то ни было в своей жизни. Наверное, сейчас она вообще впервые испытывала ярость. То, что она прежде принимала за ярость, было глухим раздражением, разочарованием и возмущением. Теперь же ей не терпелось что-то сделать с ней, в душе не осталось ничего, кроме желания накричать на Оттфрида, побить его, исцарапать и искусать. Как он мог выдать ее тайну, как мог, напившись, хвастаться своей плодовитостью? Он разрушил жизнь своей жены, а в некотором смысле и

Кэт. Как он может разрушать еще и будущее девочек, своих собственных дочерей?

Ида решила не возвращаться к женщинам. В столь взволнованном состоянии, как теперь, она могла выдать себя, а пока еще существовала вероятность того, что Динсы скрыли эту историю от Эммы и Элисон. В конце концов, они только что уверяли Карла, что не поверили ни единому слову Отти. Ида прошла к задней двери дома, ведущей к туалету. Здесь висел вощеный плащ — она только что надевала его, чтобы не промокнуть по пути к туалету, и теперь снова взяла, намереваясь отправиться в Порт-Купер. Ее подгонял гнев: сейчас она решит вопрос с Оттфридом раз и навсегда. Перед всеми!

Ида не очень хорошо умела ездить верхом, но у нее не было желания идти пешком все семь миль до Порт-Купера или тратить время на то, чтобы запрягать повозку. Она не хотела терять ни минуты. Ида не терпелось швырнуть Оттфриду в лицо всю свою ярость. Немедленно!

Молодая женщина направилась к конюшне. Бренди, рыжевато-каурый мерин, был вполне послушной лошадкой, Ида уже каталась на нем, сгоняя овец. Седло висело за крытой повозкой. Карл тоже собирался позднее ехать в Порт-Купер и догрузить верховую сбрую, прежде чем запрягать Бренди с другими лошадьми. Задумавшись на миг, Ида достала из-под козел свой револьвер. К тому моменту как она доберется до Порт-Купера, будет уже темно, а портовый город ночью — не самое безопасное место для женщины.

Карл и Динсы еще не заметили исчезновения Иды, когда та вывела лошадь из конюшни и села в седло. К счастью, дождь прекратился, Ида даже показалось, что тучи расходятся, когда она осторожно прищпорила коня и Бренди спокойной рысью побежал в сторону Порт-Купера. Он хорошо знал дорогу и был надежным товарищем. С Бренди бояться нечего.

— Куда же запропастилась Ида?

Кэт долго болтала с женами Динсов. Когда они наконец поднялись, собираясь готовить ужин, то заметили, что Иды с ними нет.

— Может быть, пошла к мужчинам? — отозвалась Эмма. — Наверное, осталась с ними после того, как отвела детей в туалет.

Кэт в это не поверила. Конечно же, Ида не боялась Джона и Уильяма Динсов, однако она вряд ли смогла бы запросто присоединиться к мужчинам, которые курят и пьют виски. И, конечно же, когда она заглянула к ним, в кабинете Иды не оказалось.

— Ида? Нет, она к нам не заходила, — сказал Уильям.

Карл испуганно поднял голову.

— Она проходила мимо вместе с детьми, — сказал он, — но, кажется, потом не возвращалась.

— Может быть, ты просто не обратил внимания? — спросил Джон.

Но Карл уже был на ногах.

— Наверное, она что-то услышала! — сказал он. — Сразу после того, как она проходила здесь с детьми, мы говорили об Оттфриде. Боже мой, Кэт, если она... если она это услышала... Она придет в ярость!

Кэт пожала плечами:

— Ах, вряд ли вы рассказали ей что-то новенькое. Мы давно уже перестали обращать внимание на эскапады Оттфрида. О чем шла речь? Он пропивает деньги за сыр? Или у него новая шляха? Это мы тоже проходили. В Нельсоне...

Карл отметил это «мы».

— Кэт... Это может быть правдой? — осторожно спросил он, переходя на немецкий язык. Лучше, чтобы братья Динс поняли не все.

— Что? — Кэт всерьез забеспокоилась. Исчезновение Иды, настойчивость в голосе Карла... — О чем речь-то?

— Оттфрид хвастается в Порт-Купере своими любовными похождениями. И он... Мне даже повторять не хочется, но он утверждает, что ты была его любовницей. Что он спал и с тобой, и с Идой. — На лице Карла читалось презрение. — И что он сделал детей вам обеим.

Кэт побледнела. Этого она не ожидала! На миг она задумалась, не солгать ли, но Карл прочел ответ на ее лице.

— Все было не так, как он, вероятно, рассказывает, — сказала она подчеркнуто спокойным тоном: Динсы не должны были ничего понять по ее голосу. — Он избил Иду, а меня изнасиловал на ее глазах. — Она хотела сказать что-то еще, но Карл взглядом заставил ее замолчать.

— Где она может быть? — бесцветным голосом спросил он. — О боже, Кэт, ей, должно быть, ужасно стыдно! Если теперь все узнают... Это же такой позор! В Рабен-Штейнфельде... Если она что-то с собой сделает...

Кэт покачала головой:

— Она уже не та запуганная девчонка из Рабен-Штейнфельда. Хотя иногда, может быть, она выглядит так или чувствует себя по-прежнему. Ее позор или мой позор... с этим она уже давно справилась. Теперь она будет бороться только за доброе имя девочек. И, может быть, она разозлилась достаточно сильно, чтобы выстрелить Оттфриду в брюхо! Если хочешь знать мое мнение, она мчится в Порт-Купер.

Вскоре у Иды ужасно болело все тело, но она не сдавалась и заставила

Бренди перейти в галоп. Она знала, что так ей будет легче держаться в седле, однако прежде пробовала это лишь один раз. Ида удивилась тому, что мерин послушно сменил шаг, когда она хлопнула его по крупу. Теперь он передвигался длинными ровными скачками, причем намного быстрее.

Однако к тому моменту, когда она добралась до первых домов Порт-Купера, солнце уже село. Тем лучше, значит, Оттфрид наверняка в пабе — Ида не знала, где еще она могла бы его найти. Впрочем, не исключено, что он все еще занимался закупкой скобяных изделий или продовольствия.

— Где мне найти паб Джефферсона? — спросила она у проходившего мимо мужчины.

Он с любопытством посмотрел на молодую женщину, сидевшую верхом на лошади. Ида ответила на его взгляд, ничуть не смутившись. Подол ее юбки был высоко поднят, поскольку она сидела в седле по-мужски, но воощеный плащ, скроенный как плащ для верховой езды с разрезом сзади, полностью прикрывал ее ноги, виднелись только носки ее шнурованных сапог в стремях.

— И что тебе там нужно? — ответил мужчина вопросом на вопрос. — Если ищешь работу, то бордель у Бейли.

— Я ищу паб Джефферсона! — отрезала Ида. — А что мне там нужно, вас не касается.

Ее глаза метали молнии, поэтому мужчина извинился и примирительно поднял руки:

— Ладно, ладно, девушка. Вот прямо здесь, вниз по улице, а потом направо, в сторону порта.

Ида даже не поблагодарила его, снова пришпорив Бренди. Она дрожала всем телом, но холода этой ясной ночи не ощущала. Как и прежде, Ида не чувствовала ничего, кроме бушующей ярости.

Поспешно привязав Бренди перед пабом, она направилась к двери. Из заведения доносились громкие мужские голоса и смех. Посетители уже успели выпить, хотя было еще не так поздно. Наверное, в пабе шла игра. Ида услышала голос Оттфрида:

— Дай посмотреть, твоя карта, Бен! А потом ты спускать штаны. Ты мне должен...

— Я ничего тебе не должен, Отти! — услышала Ида спокойный голос, казавшийся довольно трезвым по сравнению с голосом Оттфрида. — Даже если ты и выиграл, то только сравнял счет. Но для начала покажи, что там у тебя, если уж ты этим так гордишься.

— Я мочь гордиться! Вот: двойка треф, семь пик — и дама! Вместе девятнадцать. Блэк-джек! — едва ворочая языком, заявил Оттфрид.

— Да уж, неплохо. — Судя по всему, эти карты не произвели на его собеседника должного впечатления. — А теперь смотри сюда...

Ида не знала, какие карты он молча положил на стол, однако возгласы остальных были достаточно красноречивы. Видимо, они побили то, что имел на руках Оттфрид.

— Король и туз... Но... но, черт, это... — Оттфрид вмиг протрезвел.

Бен расхохотался:

— Да уж, кому-то везет в картах, а кому-то в любви, Отти. Расскажи-ка нам еще о двух шлюхах, с которыми ты спал одновременно! Я сейчас опять поставлю выпивку. А Джорджи тем временем снова сдаст карты. Или ты хочешь выйти?

За спиной у Иды возникли еще несколько мужчин, желавших зайти в паб. Ида отступила в сторону, пропуская их, а затем зашла в пивную вслед за ними. Мужчины не обратили на нее никакого внимания. В полутьме они, скорее всего, даже не поняли, что перед ними женщина, поскольку длинный вощенный плащ скрывал ее фигуру, а на голову она набросила капюшон.

— Да уж, в постели-то старина Отти не промах... — Другой игрок тоже решил раскрутить Оттфрида на откровения. — Как ты говорил? Они были сестрами?

— Не-е-е! — Оттфрид поднес стакан к губам, сделал глоток и усмехнулся. — Одна была... моя жена... послушная. Как у вас говорят... порядочная? Все время молилась, прежде чем прийти в моя постель. Но славный старина Отти показал ей, как нужно! В конце — как огонь, кричит: еще, еще! А вторая... ну... шлюха из маори. Но волосы белые, англичанка на самом деле, понял? Просто была в племени... ну... училась...

Он сделал жест, который окончательно вывел Иду из себя. Она сняла с головы капюшон, чем привлекла внимание некоторых мужчин. Однако эти пьянчуги ничего не сказали, лишь молча смотрели на нее.

А Оттфрид тем временем продолжал разглагольствовать.

— Дикая малышка, совсем дикая, — хихикал он. — Кэт как пантера, но, когда Отти закончить, ласковая, как кошечка... и течет, как кошечка. А потом роды у обеих почти одновременно! Это Отти, парни! А теперь давай карты. Беру сразу три. Новая игра, новая удача. — Он схватил карты, которые раздал ему банкومت, но тут возле его стола появилась Ида.

— Немедленно прекрати тратить мои деньги! — закричала она. — И позорить мою подругу. Не говоря уже обо мне... и о твоих дочерях! — Она подняла руку и отвесила Оттфриду звонкую пощечину.

— Мадам... — Бармен Джефферсон заметил, что назревает скандал, и

направился к ним. — Мадам, мне очень жаль, но мы не обслуживаем леди. Так что, прошу вас...

— А я и не хочу, чтобы меня обслуживали! — Ида бросила на него высокомерный взгляд. Она не испытывала ни страха, ни стыда от того, что находилась в этом пабе, перед всеми этими мужчинами. Хватит с нее молчания. — Меня зовут Ида Брандманн, — заявила она. — Именно я в своей сыроварне заработала деньги, которые проигрывает мой супруг. Причем ему, видимо, не везет. Или ты просто не умеешь играть, Оттфрид? — Она злобно взглянула на Оттфрида, который в ужасе держался за щеку. — Ты не знаешь, как нужно... играть в карты? — Она уверенно обратилась к Джефферсону и другим мужчинам: — Видите ли, мой муж многого не умеет. Как вы заметили, он плохо говорит по-английски. Очень мало слов знает. Например, никогда не слышал слова «еще!» — такого ему ни одна женщина не говорила. А что касается меня... Что ж, в постели славного старины Отти молилась бы любая — о том, чтобы все это поскорее закончилось.

Ида все-таки покраснела, когда ей ответили громким хохотом. Но, когда она заговорила снова, мужчины умолкли. Все внимание было приковано к ней.

— Вполне возможно, что он собирался переключиться на нашу домашнюю кошку, — продолжала Ида, — однако за нее я не переживаю. Она умеет царапаться и кусаться. И ее котята не очень похожи на моего мужа. — В пабе снова захохотали. — Наверное, он что-то перепутал, — закончила Ида и еще раз обернулась к мужу, в недоумении таращившемуся на нее. — Думай впредь, что говоришь, Оттфрид. И научись хотя бы играть в блэк-джек, пока с тебя не сняли последние штаны. Езжай-ка ты домой, чтобы молиться и быть достойным отцом своих детей. наших детей! Может быть, тебя хотя бы Господь простит!

С этими словами она хотела развернуться и уйти, но Оттфрид наконец пришел в себя и схватил ее за руку:

— Ты от меня так просто не уйдешь, потаскуха! Я покажу тебе, как умею, перед... перед всем светом...

Он оттолкнул Иду к стене, сорвал с нее плащ, задрал платье и расстегнул штаны.

— Оставь меня! — Оттфрид ударил одного из мужчин, который попытался вмешаться. — Ты не слышать? Это моя баба. Могу делать с ней все, что...

— Ах ты негодяй! — Карл Йенш несколькими шагами пересек комнату и отшвырнул его прочь от Иды. Оттфрид споткнулся и упал. —

Как ты смеешь? Здесь, в пабе... Надень штаны! Ида...

Карл обернулся к Иде, а двое других мужчин держали Оттфрида под руки, не позволяя ему броситься на Карла.

— Ты бы протрезвел для начала, Отти! — вмешался трактирщик. — Твоя жена, может быть... хм... вела себя несколько несдержанно, но это не оправдывает твоего намерения устроить тут...

— Ида...

Карл забыл об Оттфриде в тот же миг, как отправил его на пол. Забыл о мужчинах вокруг, чьи мнения разделились: половина из них встала на сторону Оттфрида, половина — на сторону Иды, они возмущались или смеялись от души. Карл смотрел только на бледную молодую женщину, стоявшую у стены.

— С тобой ничего не случилось?

Ида покачала головой.

— Нет, — ответила она.

На ней было теплое шерстяное платье из толстой ткани, одним движением его никто не смог бы разорвать. Только от плаща Эммы Динс оторвалось несколько пуговиц.

— Пожалуйста, уведи меня отсюда, Карл.

Он кивнул. Толпа посетителей паба охотно расступилась перед ними, когда он вывел ее на улицу. Оттфрид что-то кричал им вслед, но Ида не обратила на него внимания, а Карл краем глаза заметил, что мужчины по-прежнему крепко держат его.

На улице их встретил чистый и очень холодный воздух.

— Откуда ты взялся? — спросила Ида.

— Я поехал за тобой, — негромко ответил Карл. — Я ведь всегда иду за тобой. И все время пытаюсь помочь тебе, только обычно ты мне не разрешаешь.

— Я должна была сделать это, — прошептала Ида.

Карл улыбнулся:

— О да, это было великолепно! Я не все видел и слышал, пришел позже...

— Это было отвратительно, — поправила его Ида. Она дрожала всем телом. — Это было... это было ужасно, я скомпрометировала себя навеки.

Карл покачал головой:

— Скорее ты скомпрометировала навеки Оттфрида. В этом пабе еще долго будут над ним смеяться. А теперь пойдем, я отвезу тебя обратно к Динсам. В любом случае нам нужно уезжать отсюда. Лично я не хочу больше встречаться с Оттфридом, по крайней мере сегодня.

Ида подняла голову и посмотрела на него. Взгляд ее был спокойным и твердым.

— Я не хочу к Динсам, — сказала она. — Отведи меня... отведи меня на пляж.

— На пляж? — нахмурился Карл. — Но, Ида, сейчас очень холодно. Ты и так дрожишь. Если мы пойдем к морю...

— Мне тепло, — возразила Ида. — На пляж. Пожалуйста. Здесь ведь есть пляжи, правда?

— Конечно. Пойдем, я помогу тебе сесть на лошадь.

Он подержал для нее стремяна Бренди. Рядом с рыжим меринком стояла кауряя кобылка без седла. Карл вскочил на нее верхом и помчался в Порт-Купер, когда Кэт высказала свое предположение о том, где сейчас может находиться Ида.

Ида покачала головой:

— Нет, ты... садись ты первым. Я хочу поехать с тобой.

— На одной лошади? — улыбнулся Карл. — Как в сказке, где принц сажает принцессу на коня?

— Да, — спокойно ответила Ида. — Я хочу, чтобы ты обнял меня.

Карл не понимал, что происходит, но он совсем перестал думать, когда посадил Иду в седло перед собой и прижал к себе, чтобы согреть и защитить. Бренди спокойно шел рядом — до пляжа, куда направился Карл, было недалеко. Ночью естественная гавань Порт-Купера пустовала, здесь было много потайных местечек, которые ниоткуда не просматривались. Наконец Карл остановил коня в песчаной бухте, окруженной скалами и зелеными холмами.

— Здесь? — спросил он.

— Здесь хорошо, — отозвалась Ида. — Было бы лучше, если бы пляж был подлиннее, но зато тут уютно. И звезды сияют, как полагается.

Тучи, ходившие по небу днем, совсем рассеялись. Приближалось полнолуние, и звездное небо отражалось в море, на котором царил почти полный штиль, только мелкие волны бились о берег.

Ида спешила. Карл последовал за ней, наблюдая, как она впитывает в себя окружающий пейзаж: песок и море, луну и звезды.

— Ты не хочешь поцеловать меня? — вдруг спросила она.

Карл недоверчиво посмотрел на нее, обнимая.

— Я всегда хочу этого, — прошептал он.

— Тогда поцелуй! — велела Ида и тут же утонула в объятиях Карла.

Его губы нашли ее уста, и это было так же прекрасно, волнительно и нежно, как тогда, в Байе. На этот раз Ида не сопротивлялась.

Карл целовал ее снова и снова, она наслаждалась его прикосновениями. От него пахло потом, конской упряжью и конской шерстью, а еще любовью. С этой ночи любовь навсегда приобрела для Иды этот запах. Карл гладил ее, нежно касался ладонями ее лица, спины, волос, словно не веря, что она действительно рядом с ним.

— Можешь распустить мои волосы, — прошептала она, когда ее чепец упал на землю. — Я всегда представляла себе, как ты распускаешь мне волосы. Раньше...

Когда она начала расстегивать пуговицы на платье, у Карла захватило дух. Он страстно желал ее, но с другой стороны — это было просто безумие. Стояла холодная осенняя ночь.

— Ида, может быть, нам стоит... Так холодно. Я не хочу, чтобы ты...

Ида уронила платье на песок.

— Не холодно, — возразила она. — Разве ты не понимаешь? Холодно только в Рабен-Штейнфельде. Но я уже ушла оттуда. И мы на пляже, мы в Байе. Сейчас ты услышишь звуки барабанов, музыку...

— Подожди, — прошептал Карл.

Он вернулся к Бренди, быстро снял с него седло и развернул войлок, который подкладывал под низ. Одеяло было колючим и пахло конским потом, но, сделанное из плотной шерсти, оно наверняка не позволит Иде и Карлу замерзнуть.

Ида расстелила на песке плащи Эммы и Карла.

— Мне хотелось бы чувствовать песок, — с грустью в голосе произнесла она. — Но, к сожалению, он еще мокрый. Ты прав, было бы слишком холодно. Здесь... наверное, здесь все же не Байя.

Карл поцеловал ее и нежно уложил на плащи.

— Нет! — прошептал он. — Нет. Песок высохнет на горячей коже. Ты же знаешь, ты ходила босиком по воде. А я согрею тебя. Там, где я, там и будет для тебя Байя...

Они любили друг друга в ритме барабанов, который слышали оба, хотя те звучали на совсем другом пляже, под ярким южным солнцем. Ида не думала о том, что ей может быть больно, как всегда, — этой ночью осуществилась ее мечта, а в ней никогда не было ни боли, ни страха. Карл взял ее нежно и осторожно, медленно, как девственницу. Он гладил ее, шептал на ухо нежности, покрывал ее тело поцелуями, и в конце концов она стала двигаться вместе с ним в такт прибою. Они слились в единое целое вместе с бухтой, звездным небом и морем. Ида чувствовала, как в ней нарастает тепло, растворилась в облаке блаженства и словно бы воспарила к небесам.

— Неужели именно за это отправляют в ад? — спросила она позже, когда они лежали, обнявшись, под теплым войлоком. — Мне показалось, что мы коснулись небес!

Карл улыбнулся:

— Наверное, так и было. Может быть, нашими телами владели боги. Ты была Папа, земля, а я — Ранги, небо, и теперь они всегда будут благодарны нам за то, что мы снова позволили им соединиться. Какая ты красивая, Ида! — Он снова поцеловал ее.

— Ты тоже. — Она видела лишь очертания его тела, и то, что она могла разглядеть, нравилось ей. Карл был жилистым и стройным, сильным и все же не настолько тяжелым, чтобы ей не нравилось ощущать его вес. — *Voce é linda.*

— Думаю, о мужчине нужно говорить *lindo*, — отозвался Карл. — Но ты не забыла! Я снова произнес эти слова, когда познакомился с твоими дочерьми. Это Линда, верно? Твоя дочь — Линда?

Ида покачала головой:

— Они обе мои дочери. И обе дочери Кэт, иначе нельзя. Иначе Линда считалась бы внебрачным ребенком.

Карл удивленно поднял брови:

— Линда — родная дочь Кэт? А я думал, твоя.

— Нет. — Ида улыбнулась. — Моя — это Кэрол. Когда она родилась... Было тяжело, я боялась, мне было больно, и я так радовалась, когда все закончилось. Я думала, что никогда не смогу полюбить ее.

— И поэтому назвала «любимой»? — удивился Карл. — Я спросил у Криса, что означает «Кэрол», и он сказал, мол, «возлюбленная» или «радостная песня».

— Нет... — Ида снова начала ласкать его, продолжая говорить: — Ее назвала Кэт. Кэрол или Карла. И, я думаю, она точно знала, что делает. Потому что... как же я могла не полюбить ребенка, который носит твое имя?

Глава 7

Ида ушла из Рабен-Штейнфельда и добралась до Байи. Но это совершенно не означало, что она приехала в Новую Зеландию. Карлу пришлось с болью осознать это, когда после восхитительной ночи они вернулись сначала к Динсам, а потом и на станцию Фенрой. Ни Кэт, ни Динсы не задавали вопросов, хотя в улыбке Кэт отражалось счастье Иды и Карла. Но уже по пути на ферму Криса влюбленных настигла действительность. Оттфрид присоединился к ним в своей повозке в первый же день пути.

Увидев его, Ида испугалась. Ее ярость схлынула, уступив место страху. Как бы ни было ей приятно выставить Оттфрида дураком перед приятелями, она все равно оставалась его женой и теперь ожидала его мести. Особенно после того как он узнает, что она действительно изменила ему с Карлом.

Однако на первых порах он вел себя тихо. Стоило ему к ним присоединиться, как Кэт сразу же набросилась на него:

— Ну, осталось у тебя хоть что-нибудь от выручки за сыр? Или те товары, которые лежат на повозке, ты покупал в долг?

Оттфрид поморщился и притворился обиженным.

— Мне было поручено продать сыр и потратить деньги на корм и гвозди, — с достоинством заявил он. — Так я и сделал.

В повозке действительно лежали заказанные Крисом товары, однако Кэт предполагала, что Оттфрид брал и корм, и скобяные изделия в кредит.

— И вообще... — Муж Иды закусил губу, видимо, понимая: ему только и остается, что изображать раскаяние и хотя бы на словах признать свою вину. — Мне жаль, Ида. Я, кажется, немного перепил.

— Немного? — взъерилась Кэт. — Ты выдал всех нас! Слава богам, что ты еще плохо говоришь по-английски! Можно списать все на недоразумение. Но Карл теперь, конечно, в курсе. Криса тоже придется посвятить в эту историю, и Динсы по меньшей мере догадываются, что в твоей болтовне что-то есть. Впредь держи себя в руках! Лучше всего сиди на ферме, а за покупками могут с тем же успехом ездить Крис или Карл. Они не проиграют ни пенни и обернутся в три раза быстрее!

Ида молчала. Она успешно избегала Оттфрида во время путешествия, ночуя в палатке с Кэт и детьми. Карл ставил свою палатку, однако Оттфрид отказался делить ее с ним и предпочитал спать под брезентом в повозке. Видимо, собственное поведение смущало его. Карл и Оттфрид не говорили о происшествии в пабе. Карл решил пока не трогать мужа Иды. Как бы Карл ни презирал его, он тоже вырос в Рабен-Штейнфельде и испытывал чувство вины, обманывая Оттфрида.

— Здесь я сверну, — заявила Кэт, когда на третий день они приблизились к станции Фенрой.

Главная дорога на северо-запад шла параллельно Ваймакарири, и у станции Фенрой образовалась небольшая развилка: налево — к ферме, а направо — к деревне маори.

— Спасибо, что встретили меня и помогли перегнать овец. Карл, передавай привет Крису. Пусть приходит, посмотрит на мою отару! Ида, можно мне оставить Охотника еще на один день? Без него я вряд ли сумею

доставить овец в деревню.

— А ты не хочешь пойти с нами и поздороваться с Крисом? — спросил Карл. Он знал, что его друг очень огорчится, если они не привезут с собой Кэт.

Однако молодая женщина решительно покачала головой:

— Нет. Чего доброго, он попытается уговорить меня остаться и стать вашим компаньоном. Вот вам и новый повод для ссоры с Оттфридом.

Оттфрид недоверчиво осмотрел овец Кэт и тут же начал протестовать против того, чтобы она тоже вошла с ними в долю. Он заявил, что в любом случае будет голосовать против этого, потому что она женщина и даже не замужем. Как же она будет выполнять свою часть работы на ферме?

Карл промолчал, хотя на языке у него так и вертелись слова: «Вряд ли она сумеет работать меньше, чем ты!»

Но Кэт все равно недвусмысленно дала понять, что хочет отвести овец в деревню маори. У *нгаи таху* уже имелось небольшое стадо, а с рамбулье Кэт деревня станет производителем шерсти, с которым придется считаться.

— Но Крис захочет тебя увидеть, — не сдавался Карл.

Та снова покачала головой:

— Я ведь уже сказала — пусть приходит. А мне делать крюк в две мили со всем стадом нет никакого смысла! Передавайте ему привет от меня!

И молодая женщина свистом подозвала Охотника, что вызвало некоторую неразбериху, поскольку оба колли Оттфрида тут же бросились к ней. На призывы хозяина они не реагировали, и Оттфрид снова возмутился, заявив, что Кэт украла у него собак.

— Она вернет их тебе, — успокоил компаньона Карл. — Да и вообще... Мог бы и потренироваться с ними лишний раз. А то ведь собаки не знают, чьи они, и слушаются того, кто с ними больше всех занимается.

Как и ожидалось, Крис расстроился из-за решения, принятого Кэт, хотя Карл изложил ему все причины и передал приглашение. Однако Джейн первая увидела овец Кэт в деревне маори. Она отправилась туда на следующий же день и обнаружила, что Кэт увлечена беседой с Те Хайтарой.

— *Киа ора, арики!* — поздоровалась Джейн. — Неужели вы тоже решили вступить в ряды овцеводов?

— Вступить? — переспросил Те Хайтара. Он уже неплохо говорил по-английски, только некоторые слова ему не давались. — Вступить, как в лужу?

Джейн поморщилась, когда Кэт улыбнулась и перевела ее слова на

маори.

Вождь радостно отозвался по-английски:

— Да! Ты посмотришь, какие хорошие овцы, да? Сделаем, как ты говоришь. Но овцы от Кэт, не от «инвестиции»! Так лучше, можем продавать шерсть и покупать больше вещей для племени у Ка-пин-та! — Мужчина просиял.

— *Арики*, у ваших людей давно есть все, что им нужно, — вздохнула Джейн, но этот спор они вели слишком часто, и она понимала, что все бесполезно. — А как насчет дополнительной работы? Найдутся добровольцы?

— Добровольцы?..

Сегодня Джейн выбирала такие слова, которые не входили в лексикон вождя.

— Хотят ли наши люди работать с овцами? — переиначила ее вопрос Кэт, на этот раз по-английски, чтобы не исключать из разговора Джейн.

Те Хайтара радостно кивнул:

— О да! Им это нравится больше, чем медицина! Для овец не нужно много *каракиа*. *Тохунга*, конечно, все равно петь, сегодня уже просили благословения богов для *хипи*!

И он жестом указал на овец, которые не слишком изменились после благословения, но выглядели сытыми и довольными. Даже сейчас, в начале зимы, вокруг деревни маори еще росла трава.

— Хорошо, — сказала Джейн. — Значит, нужно подумать о логистике. Где мы возьмем корм для этих животных?

Вождь снова заулыбался во весь рот:

— О, Кэт тоже позаботиться! Полная повозка сена и овса, пока у Криса, но скоро прибыть! — Он выжидающе посмотрел на Джейн, а потом на Кэт, и во взгляде его мелькнуло неприкрытое восхищение.

Еще на ферме Динсов Кэт доверху загрузила крытую повозку Иды кормом для овец и заказала еще сена. Она знала, что с запасами Криса нельзя будет прокормить еще сотню животных в течение целой зимы, хотя он, конечно же, с удовольствием поможет ей. С финансовой точки зрения это было не обременительно. От продажи украшений осталось достаточно, чтобы содержать овец до тех пор, пока не появятся первые доходы.

— Что ж, значит, я вам больше не нужна, — с недовольным видом заявила Джейн и отвернулась. — Но я наведу справки насчет стрижки. Придется обучить мужчин, я читала об этом. Стричь овец должны специалисты, чтобы можно было получить самую высокую цену за руно.

Пока Крис горевал по поводу того, что Кэт старательно избегает его, а

Карл пытался сохранять спокойствие с Оттфридом и искал любой возможности уединиться с Идой, Джейн начала обстоятельную переписку с одним из крупнейших овцеводов Северного острова. Лодочник Пит останавливался на станции Фенрой во время каждой поездки на запад, привозил письма для Джейн и рассказывал новости. Землемеры завершили свою работу в устье Эйвона, где должен был возникнуть город Крайстчерч. Редвуды всерьез планировали переехать. Они уже нашли человека, которого заинтересовала их ферма. Дело о краже овец все еще не было раскрыто.

— Должны же они где-то быть, — говорил Пит. — На Южном острове не так много овечьих ферм.

— Может быть, их просто забили на мясо? — без особого интереса предположила Джейн. — Какое-нибудь нецивилизованное племя маори.

Свое она по-прежнему пыталась сделать «цивилизованным» — в некотором смысле и с помощью Кэт. Та всерьез отнеслась к своим обязанностям, о которых шла речь в тот день, когда ее приняли в племя: она учила детей английскому языку, писать и читать. Вот только с арифметикой у нее не складывалось. Джейн не знала, как относиться к педагогическому таланту Кэт. С одной стороны, она приветствовала всякую попытку получить образование, с другой стороны, ей не нравилось, что Кэт становилась все более влиятельным человеком в племени. Стоило ей увидеть, как они с вождем ведут доверительную беседу, и она приходила в ярость. Прежде Те Хайтара смотрел с таким восхищением только на нее, когда она разьясняла ему обычаи *накеха*. Поскольку Кэт говорила на маори бегло, для нее это было намного проще. Джейн впервые в жизни испытывала ревность.

Карл и Ида всю зиму умело скрывали свою наконец-то расцветшую любовь от Оттфрида. Это было нелегко, Крис и Кэт полагали, что взгляды, которые те бросали друг другу вслед, и их осторожные прикосновения не заметить невозможно. В холодное и дождливое время года было не так-то просто устраивать редкие встречи на выгонах, на равнине возле фермы или в лесочке у реки. Долго они не выдерживали, и приходилось искать место под крышей. Зачастую они виделись в конюшне, в хлеву или в новом сарае для стрижки овец. К тому же Ида уже не могла оставить детей в корзине рядом с собой. Кэрол и Линда научились ходить и были очень подвижны. Они хотели, чтобы их развлекали, им ни в коем случае нельзя было позволить увидеть любовные игры. Поэтому тайные встречи Карла и Иды требовали сложной подготовки. Сначала детей нужно было отвести к Кэт в деревню маори или оставить там под присмотром одной из женщин, что

тоже было довольно-таки опасно. Оттфрид мог спросить, где Ида, если бы узнал, что девочки остались в деревне с маори, однако влюбленные все равно шли на этот риск, и не только по настоянию Карла.

В этой ситуации скорее Ида никак не могла поверить в чудо и поэтому то и дело хотела удостовериться в его любви. Она каждый раз все более страстно обнимала Карла — постепенно она становилась настоящей женщиной, какой могла бы вырасти вне Рабен-Штейнфельда. Она перестала покоряться судьбе, не проверяла каждую мысль на предмет того, понравится ли та Богу. Ее распирало от идей и шалостей, она смешила и удивляла Карла. Когда они любили друг друга, он прикасался к ней по-прежнему осторожно, но чем чаще они бывали вместе, тем больше она доверяла ему.

После скандала в пабе Оттфрид на некоторое время оставил Иду в покое. Видимо, ее слова действительно задели его гордость, но он не осмеливался мстить, зная, что Карл и Крис наблюдают за ним. Мужчины приглядывали за Идой, и Оттфрид понимал, что нельзя злоупотреблять их терпением. Делая закупки в Порт-Купере, они выяснили, что станция Фенрой задолжала торговцам кормом и скобяными изделиями немалые суммы, результатом чего стала бурная ссора. Крис Фенрой не стал ходить вокруг да около и пригрозил, что лишит Оттфрида доли в деле. Конечно же, ради Иды и Карла он никогда бы так не поступил, но Оттфрид не мог этого знать, и ему не хотелось оказаться на улице посреди зимы с семьей и стадом, в котором было уже до сотни овец. Ведь Брандманны все еще жили в старом доме, и, хотя Оттфрид хвастался, что построит новый дом на своей земле, дальше планов дело не пошло.

Однако, несмотря на то что муж Иды перестал мучить ее ночи напролет, через некоторое время после истории в Порт-Купере он вернулся в ее постель. Обычно он брал ее быстро, угрюмо и неосторожно, обращаясь с ней, как невоспитанный ребенок с игрушкой. Ида снова чувствовала себя запачканной и приходила к Карлу в смущении и страхе. Однажды, когда она легла на ложе из соломы, устроенное в хлеву, Карл обнаружил, что она вся изранена. Он не хотел с ней спать, чтобы не сделать еще больнее, а Ида просила его:

— Возьми меня ненадолго в Байю, Карл. Иначе я сойду с ума под этими холодными дождями.

Карл постоянно ломал голову над тем, как помочь Иде избавиться от ненавистного брака, но, кроме бегства и жизни под вымышленными именами, ничего придумать не мог. Он рискнул бы, но Ида была к этому еще не готова, — а весной оказалось, что она снова беременна.

— Нам нужно уходить, как раз теперь! — умолял ее Карл. — Это ведь мой ребенок, Ида! Это должен быть мой ребенок!

Ида с грустью поглядела на него.

— Это известно только Господу, — ответила она. — Он с тем же успехом может быть и ребенком Оттфрида. И я боюсь, Карл! Я не хочу рожать его в дороге. Мы же не знаем, куда нас занесет. А роды... мне нужна Кэт!

Карл обнял ее.

— Тебе нечего бояться, если я рядом с тобой. А повитухи есть повсюду, — утешил он любимую.

Однако Ида решительно покачала головой.

— Я не хочу какую-то повитуху, — упрямилась она. — Я хочу Кэт!

— Ты просто не хочешь уходить, — произнес Карл.

Он не упрекал ее, прекрасно понимая Иду. Он тоже не хотел уходить. Карлу было хорошо на станции Фенрой, он с нетерпением ждал первой стрижки и наслаждался возней с овцами и ягнятами. Его овцы и овцы маори должны были провести лето на высокогорных пастбищах. Он собирался поехать туда с Крисом и перегнать отару в горы — затея обещала быть интересной и увлекательной. Он мечтал о том, чтобы взять Иду с собой, лежать с ней в палатке и слушать крики птиц или заниматься с ней любовью под открытым небом, под светом мириад звезд. Она все еще слишком часто вспоминала Байю и недостаточно хорошо знала Новую Зеландию, чтобы полюбить эту страну. Карл понимал это. Аотеароа, как называла ее Кэт, прежде была не слишком благосклонна к Иде, но все могло измениться. Карл считал, что эта новая Ида, решительная и любопытная, прекрасно приспособлена к жизни в этой части света. Он сомневался в том, что Байя смогла бы дать ей и детям столько возможностей, — не говоря уже о перспективах для него самого. Карлу нравилось работать землемером, но он предпочитал заниматься фермерской деятельностью. А снова подряжаться поденщиком за пару пенсов в час он совсем не хотел.

Оттфриду же жизнь на ферме совсем не нравилась, и стоило ему хорошенько призадуматься, как он понял, что никогда не хотел стать фермером. Но все малоземельные ремесленники в Рабен-Штейнфельде были так одержимы землевладением, что Оттфриду даже не пришло в голову представить себе что-то другое. И только в Санкт-Паулидорфе, когда стало ясно, какой это каторжный труд — обрабатывать землю, он понял, что не создан для такой деятельности. Вот только профессия столяра, которой он обучился, тоже не приносила ему радости. Впрочем, у хорошего

ремесленника в городе или деревне возможностей было больше. Он мог бы, например, ходить вечерами в трактир, хорошо одеваться и одевать свою семью, чтобы похвастаться нарядами в воскресенье в церкви, иметь красивую упряжку и разъезжать в ней — всяко лучше, чем сидеть на своем клочке земли и вкалывать с утра до ночи.

А еще лучше было бы, конечно, иметь магазин! Он с удовольствием вспоминал то время, когда сотрудничал с Гибсоном. Жаль, что все пошло не так, как он себе представлял, может быть, они занялись этим слишком рано. Уже сейчас на равнины приезжало намного больше поселенцев. А когда в устье Эйвона наконец возникнет город, их станет еще больше. Что ж, теперь есть хотя бы другой вариант, а именно — сделаться овечьим бароном! С овцами не нужно столько возиться, как с полями; Оттфрид обычно предоставлял своих животных самим себе или поручал заботу о них Иде. Маори уже несколько раз жаловались Крису, что его овцы приходят на их пастбища и смешиваются с овцами Кэт, но на этот счет Оттфрид особенно не переживал. В конце концов, травы на равнинах достаточно и она ничего не стоит. А вот за шерсть дают хорошие деньги.

В целом Оттфрид нашел бы перспективы радужными, если бы не приходилось делить ферму с Фенроем и Йеншем. Этот мерзкий поденщик Карл, который вдруг решил, что может им командовать! К тому же он был свидетелем его позора в Порт-Купере. При одной мысли об этом Оттфрид сжимал кулаки. Однажды он заставит Иду заплатить за это!

Последствия скандала в пабе Джефферсона все еще не давали Оттфриду покоя, хотя с тех пор прошло уже несколько месяцев. А ведь он так надеялся, что все забудется, если он не будет приезжать туда некоторое время! Он сделал хорошую мину при плохой игре, когда Карл и Крис буквально заставили его безвылазно сидеть на равнинах. К сожалению, они не слишком щедро делились с ним виски, а запасы он сделать не успел, слишком поспешно пришлось уехать из Порт-Купера. И вот он торчал на станции Фенрой, трезвый, как в первое время в Санкт-Паулидорфе. И Ида перестала по-настоящему стараться в своей сыроварне! Разумеется, она утверждала, что все дело во времени года, что овцы дают меньше молока, а перед тем, как они начнут ягниться, их нельзя доить. Но Оттфрид считал, что это просто глупые отговорки. Он воспользовался шансом съездить в Порт-Купер, когда наконец-то появилось достаточное количество сыра для продажи. На этот раз он не стал спрашивать разрешения у Криса и Карла, и уж тем более у Иды. К черту общий доход от фермы, который еще и нужно во что-то вкладывать! Этот сыр принадлежит ему, поскольку сделан его женой из молока его овец! И он будет продавать его исключительно для

себя!

Ида и Карл вздохнули с облегчением, когда однажды утром он, никому ни слова не сказав, загрузил повозку и направился в Порт-Купер. Что ж, от выручки за сыр придется отказаться, но зато они проведут несколько дней без Оттфрида.

Когда Ида зашла на ферму поговорить о предстоящей стрижке овец, она с тревогой спросила Карла:

— А если он опять начнет хвастаться?

— Ты все еще боишься, Ида?

Она пожалала плечами, однако Карл считал, что в данном случае опасаться нечего.

— Славному Оттфриду предстоит пережить немало неприятных минут, — заявил он. — Порт-Купер — городок маленький, там событий немного. О происшествии в пабе Джефферсона будут помнить еще лет десять! Оттфрид туда больше не сунется, помяни мое слово!

Конечно же, он оказался прав. В пабе не забыли ни выступления Иды, ни раздражения Криса по поводу того, что Оттфрид наделал долгов за его спиной. Так что Оттфрид мог продать свой сыр, но как официального представителя станции Фенрой его больше не признавали. Разочаровали его даже бывшие приятели по игре и выпивке. У него оставались долги, которые он покорно оплатил вырученными за сыр деньгами, но никто не предоставил ему нового кредита — ни владелец паба, ни игроки.

— Что с вами? Я сотня овец, я богат! Вы можете брать, если я не платить! — Оттфрид не поверил своим ушам, когда все мужчины отказали ему.

— Может быть, у тебя и есть овцы, но спорим, что сначала нам придется пройти мимо твоей жены, а потом мимо Йенша и Фенроя, если мы решим их забрать? — усмехнулся Джорджи. — Нет уж, уволь. У меня еще голова болит с прошлого раза, когда я решил прийти тебе на помощь, в том деле с Поттером. Не-е-е, Отти, шиллинг в руке лучше, чем овца в небе. Так что деньги на стол, или мы играем без тебя!

Настроение у Оттфрида было еще хуже, чем до отъезда, когда два дня спустя он выехал из Порт-Купера и направился обратно на равнины. Нет, долго он так жить не намерен! Может быть, уже после стрижки ему хватит денег на то, чтобы построить собственную ферму, — и уж точно их хватит, если найдется покупатель на землю, которую переписал на него Крис. Где-нибудь в другом месте, может быть, в Отаго. И, как только все это останется позади, он покажет Иде, как должна вести себя послушная женушка!

Карл Йенш умел стричь овец и мог научить этому Криса Фенроя и обоих помощников-маори. Поэтому мужчины планировали справиться с первой стрижкой самостоятельно, однако, узнав об этом, Джейн лишь покачала головой.

— Мальчики маори сбегут от вас и будут стричь овец Кэт, как только разберутся, как это делается, — усмехнулась она. — И сколько у вас сейчас овец? Триста? Как вы думаете, как долго вы будете их стричь, если на одну овцу у вас уходит час? Неужели скупщики-англичане будут столько ждать? Так не пойдет, Крис. Но... — она помахала письмом, — к счастью, не все здесь не умеют думать! Я найму стригалей из Австралии. Они помогут нам и обучат наших людей. Боже мой, Крис, однажды у вас будет две тысячи, четыре, быть может, даже десять тысяч овец! К этому нужно готовиться!

— Вот только нам нечем заплатить этим людям, — пристыженно напомнил ей Крис. — Одно только путешествие из Австралии обойдется в целое состояние.

Он по-прежнему вздрагивал, когда Джейн начинала отчитывать его, и на этот раз, следовало признать, она даже не была неправа. Стрижка овец — непростая задача, с которой одному не справиться.

— Нужно просто договориться с остальными, — сказала Джейн. — Завтра я схожу к Те Хайтаре. Его возьмем в долю первым.

Однако на этот раз планам Джейн не суждено было осуществиться. Когда она пришла поговорить с ним, Те Хайтары в деревне не оказалось.

— Вождь путешествовать. На запад, к *махинга хипи* Мис-та Бат-ла, — доложила маленькая девочка на уже довольно сносном английском.

— Он отправился на овечью ферму Батлера? — удивленно переспросила Джейн. — Что он там делает?

— Он с Кэт, — объяснила девочка. — Кэт говорить, нужно убрать шерсть с *хипи*. Но не мочь одни, слишком много *хипи*. Нужны люди, которые показать мужчинам, как это делать. И делать вместе с Мис-та Бат-ла.

Джейн вздрогнула, словно малышка ударила ее, но выдержка у нее была просто железная.

— Кэт хочет организовать стрижку вместе с фермой Батлера? — бесцветным голосом поинтересовалась она. — И вождь поехал с ней? Они... вдвоем?

Девочка покачала головой:

— Не вдвоем. С четыре воины. Не мочь ходить один *арики*. *Арики* великий человек! И он встретит других *арики*, от которых земля у Мис-та Бат-ла. Но ты не бояться, миссис Джейн! — Видимо, девочка неправильно

истолковала выражение лица побледневшей Джейн. — Не война. Другое племя тоже *нгаи таху*. Друзья, родственники.

Джейн пришлось взять себя в руки и поблагодарить девочку, прежде чем развернуться и уйти. Значит, вот и все. Кэт уехала с вождем. Одна. Эскорт из воинов можно не брать в расчет, они не станут мешать *арики* возлечь с женщиной. Джейн с удивлением спросила себя, что ее в этом так потрясло. Кэт свободна, может делать все, что ей заблагорассудится. И уж тем более вождь. А то, что Кэт опередила Джейн с идеей насчет стрижки... Она не обязана была советоваться с Джейн или мужчинами со станции Фенрой. Это ее собственные овцы. Может быть... стоило просто рассказать ей о переписке с австралийцами.

Джейн потеряла лоб. Она снова чувствовала себя обделенной и ненужной, как в доме отца. Но на этот раз все было иначе. Сердце болело, словно Кэт и Те Хайтара предали ее. Джейн вернулась на ферму, понурившись. Только что она была полна сил и жажды деятельности, теперь же чувствовала только усталость.

Задолго до того, как стемнело, она забралась в постель и, сама не понимая почему, горько расплакалась.

Глава 8

Кэт вернулась из поездки к верхнему течению Ваймакарири в наилучшем расположении духа и сразу же доложила обо всем Крису и Карлу. Оттфрид сидел рядом с ними и дулся, поскольку Кэт, разумеется, рассказывала о результатах своего путешествия на английском языке и не стала переводить свой отчет для него на немецкий, к тому же к ним присоединилась Джейн. С таким же недовольным видом, как и Оттфрид, она слушала соперницу и внимательно разглядывала ее. Впервые в жизни она заметила, как красива эта молодая женщина со светлыми волосами и сверкающими ореховыми глазами. Неудивительно, что Те Хайтаре она кажется привлекательной. В конце концов, мужчины всегда обращают внимание только на внешность, хотя Джейн не могла отрицать, что Кэт была успешна и в коммерческих делах.

— Капитану Батлеру понравилась идея пригласить стригалей из Австралии, и у него там есть соответствующие связи, — рассказывала Кэт. — Но он сказал, что у нас они тоже есть. Миссис Джейн, почему вы не сообщили нам, что переписываетесь с овцеводами Морганом и Холдером?

Джейн поморщилась, но не ответила, хотя Кэт обратилась непосредственно к ней.

— Мистер Батлер начал опасаться, что все дело в каком-то соперничестве или некой гонке — кто быстрее острижет своих овец. Мол,

кто первый выйдет на рынок с шерстью, тот и выиграл. Но, конечно же, это полная чушь. Гораздо лучше нам всем скооперироваться. Мистер Морган из Аделаиды с удовольствием пришлет нам опытных стригалей. Если все будут участвовать, они приедут в Порт-Купер и начнут с Редвудов, затем перейдут к Динсам и в последнюю очередь отправятся к мистеру Батлеру. Доставку руна тоже лучше организовывать сообща. Так выйдет дешевле, и скупщикам не придется объезжать все фермы по отдельности. Мы привезем все руно в Порт-Купер. Вы можете написать в Австралию, что мы поступим таким образом, миссис Джейн?

Джейн резко выдохнула.

— Вы собираетесь мной командовать, Кэт? — грубо спросила она.

Кэт наморщила лоб, удивившись и немного обидевшись:

— Я просто подумала...

— Я напишу, — перебил ее Крис. Если речь шла о том, чтобы защитить Кэт, он был готов дать Джейн отпор. — Всем известно, что моя жена не слишком дипломатична, Кэт. Совместные предприятия вызывают у нее подозрения — чего доброго, от этого получит выгоду кто-то другой, а не она.

Джейн сверкнула глазами.

— Я вполне могла бы удовольствоваться принципом *primus inter pares*[71], — фыркнула она, — но не вижу никого, с кем могла бы говорить на равных.

— Какой принцип? — с удивлением переспросила Кэт. — Повторите по-английски, миссис Джейн, иначе я не смогу перевести для Те Хайтары. Это он хотел попросить вас написать мистеру Моргану. От имени *ngai ta*. Он с удовольствием подпишет это письмо — так положено, если он приглашает людей на свою землю. В конце концов, он ведь вождь.

Крис рассмеялся.

— Вот тебе и «первый среди равных», — заметил он. — Те Хайтаре не показалось бы смешным, если бы он узнал, что ты считаешь его умственно отсталым, Джейн.

Он удивился, когда Джейн покраснела, а потом вдруг начала оправдываться:

— Я совершенно не считаю его... Ну конечно, Те Хайтара — это другое... — Джейн не договорила, однако быстро взяла себя в руки. — Разумеется, я с удовольствием напишу для него письмо.

Кэт переглянулась с мужчинами, озадаченными поведением Джейн.

— Как же хорошо, что хотя бы вождь соответствует традиционно высоким требованиям Джейн, — подколот жену Крис. — Ну ладно, так и

сделаем. Но что с Динсами и Редвудами? Будут они участвовать, ты не знаешь?

Кэт покачала головой.

— Я думала, кто-то из вас съездит к ним, — сказала она. — Вам ведь все равно иногда приходится навещать Порт-Купер.

Она рассчитывала, что вызовется Оттфрид, но, к ее изумлению, тот промолчал. Вместо него кивнул Крис.

— Я сделаю это, — заверил он Кэт. — И я уверен, что проблем не возникнет. Динсы еще с прошлого года стонут, что стрижка — это катастрофа. А Редвуды, думаю, уже оправились после потери овец. Хотя наверняка это было нелегко. Кто бы ни украл животных, он забрал самых лучших из их стада.

Кэт кивнула.

— Редвуды этого так не оставят, — заявила она. — Они уже спрашивали у Батлера, не предлагали ли ему купить овец и не слышал ли он чего-то подобного. У них и собак забрали.

Джейн в тот же день написала письмо в Австралию и воспользовалась этим как поводом для того, чтобы сходить в деревню маори и попросить Те Хайтару подписать его. Она сама научила вождя красиво выводить свое имя на договорах или письмах, и эта задача все еще приводила его в восторг и наполняла чувством собственной важности. Однако Макуту настаивала на том, чтобы при этом произносили или пели соответствующие *каракиа*, намереваясь привлечь к делу духов. Поскольку духов письма не существовало, она прибегала к молитвам, которые принято было читать при запуске воздушного змея для связи с богами.

— Это очень похоже, — серьезно заявила она. — *Ману* заставляют листья *раупо* шелестеть, и ты отправляешь слова далеко на бумаге.

Джейн давно перестала удивляться подобным вещам, а уж тем более волноваться из-за них. Наоборот, она выучила *каракиа* наизусть и уже даже сама напевала ее, прежде чем отправить письмо. В какой-то момент она заметила, что с тех пор ни одно из писем не пропало.

Однако в тот теплый весенний день она не встретила вождя. В деревне остались только старики, остальные работали на полях. Кэт сидела в окружении двадцати учеников и терпеливо слушала, как одна девочка пересказывает таблицу умножения:

— Одиножды семь будет семь, дважды семь будет четырнадцать, трижды семь будет двадцать два, четырежды семь...

— Двадцать один! — поправила Джейн. Хотя она все еще говорила на ломаном маори, но числа знала хорошо. — Трижды семь — двадцать один!

Вы что, спите, Кэт? Вы пропустили ее ответ и не поправили!

Кэт пожалала плечами.

— Да, я пропустила, — призналась она. — Пойдем, Кири, найдем еще три раза по семь камней и подсчитаем, кто прав.

— Что значит «кто прав»? — возмутилась Джейн. — Это же основы арифметики!

Кэт, извиняясь, подняла руки:

— Считать — это не мое, миссис Джейн, я никогда не ходила в школу. Однако я знаю, что детям легче дается умножение, когда они считают камешки. Если благодаря этому у них получается лучше, то мы будем использовать камешки в качестве подручного средства. Но раз вы знаете, как лучше, — что ж, мне школа не особенно нужна. Если хотите, можете взять на себя хотя бы уроки счета.

Джейн бросила на нее сердитый взгляд. Меньше всего на свете ей хотелось стать учительницей — как ни странно, в ее мире это была единственная альтернатива браку.

— Я ищу *арики*, — вместо ответа заявила она.

Джейн пристально посмотрела на Кэт. Выдаст ли она себя, упомянув Те Хайтару? Говорят же, что по людям видно, когда они влюблены. А если предстоит свадьба, не начнет ли Кэт вскоре хвастаться этим? Джейн убеждала себя, что боится этого только потому, что может лишиться своего влияния на вождя и дела племени. Но... обычно коммерция не вызывала у нее сердцебиения.

Однако Кэт даже не подняла взгляда от камней, которые ученики выложили перед ней рядами.

— Вождь у реки, — спокойно сообщила она. — Беседует с духами. Думаю, ему нужно о многом поразмыслить. Ферма Батлера произвела на него очень сильное впечатление, но я думаю, что перспектива того, что наше небольшое стадо овец может так разрастись, пугает его.

— Пугает? — переспросила Джейн. — Почему же, это ведь...

Кэт отмахнулась.

— Наверное, вы знаете, где найти его, — закончила она разговор. — Действительно, Кири, двадцать один. И кто бы мог подумать? А сколько будет четырежды семь?

Джейн направилась прямо к реке, к тому месту, где обычно молился Те Хайтара, размышляя по дороге о Кэт и вожде. Казалось, девушке было безразлично, будет ли она вскоре стоять во главе процветающего предприятия или просто учительствовать в деревне. Или ей нужен только Те Хайтара? Но зачем тогда она послала Джейн к нему? Разве она не

должна ревновать? Джейн вдруг захотелось лучше разбираться в человеческих чувствах. Наверное, стоило все же прочесть несколько дурацких любовных романов, на которые тратили время ее сестры.

Те Хайтара сидел на корточках в зарослях *раупо*, как тогда, когда Джейн повстречала его впервые. И снова он поднялся сразу же, едва она приблизилась.

— *Kia ora*, Джейн, — улыбнулся он. — Стоило мне подумать о тебе, как боги тебя ко мне прислали.

Вождь говорил на маори медленно, чтобы Джейн понимала. Когда они были одни, он поступал так почти всегда. Он знал, что она гордится собой, если разговор удастся, и терпеть не может переспрашивать, когда чего-то не понимает.

— Меня посылать Кэт, — ответила Джейн. — Я тебя искать в деревня.

— Боги выбирают себе инструменты, — произнес Те Хайтара.

Он прошел вперед, к камням, напротив которых они тогда сидели в траве, и жестом пригласил Джейн сесть первой.

Джейн не совсем поняла сказанное:

— Кэт... инструмент для тебя? Я думала... женщина.

Татуировки Те Хайтары сморщились, когда он нахмурил лоб.

— Конечно, Потти — женщина, — произнес он. — А кто же еще? Я просто имел в виду, что боги действовали через нее, послав тебя сюда. Это не важно.

— Но Кэт важна для тебя! — возразила Джейн. — Она тебе помогать с *пакеха*.

Те Хайтара кивнул:

— Да, она бегло говорит на моем языке. И на языке *пакеха*. Это очень выручает. — Его голос звучал совершенно спокойно.

— Она тебе тоже помогать с делами, — добавила Джейн.

Во взгляде Те Хайтары мелькнула неуверенность.

— Но это ведь ты помогаешь мне с делами! — поправил он. — Или ты больше не хочешь этого? Потому что племя не... — он пытался подыскать эквивалент слову, существовавшему только в английском языке, — не хочет инвестировать?

Джейн улыбнулась:

— Нет, нет, я вам охотно помогать. Просто думать, что ты больше хочешь делать это с Кэт. — Она вдруг умолкла. — Кэт, — наконец пробормотала она, — очень красивая женщина.

Те Хайтара посмотрел на Джейн так, словно та была не в своем уме.

— Потти? Красивая? — Казалось, он задумался. — А, да, у нее

красивый цвет волос. Она тебе поэтому нравится? Я знаю, *пакеха* любят золото. А мы предпочитаем нефрит.

— Она мне вообще не нравится, — призналась его собеседница. — И не должна нравиться. Я ведь тоже женщина.

— Но почему ты тогда спрашиваешь? — удивился Те Хайтара и снова задумался. — Ты переживаешь, потому что она... нравится твоему мужу? — Он едва заставил себя произнести эти слова.

Джейн в недоумении расхохоталась.

— Моему мужу? — Она перешла на английский язык. — Вождь, мне совершенно безразлично, нравится ли она моему мужу!

Те Хайтара обдумал услышанное.

— Твой муж безразличен тебе? — спросил он.

Джейн пожалала плечами. Она надеялась, что за такие слова вождь не станет презирать ее. Она понятия не имела, как относятся маори к священному таинству брака. Однако вождь был... ее другом? Женщина снова удивилась всколыхнувшимся в душе чувствам. Лгать в лицо Те Хайтаре она просто-напросто не могла.

— Вождь, нас поженили другие люди, — произнесла она по-английски. — Речь шла об имени и земле. Не о любви. Мне безразличен он, я безразлична ему. Это так.

— Но ведь ты — женщина с большой *мана*! — удивился вождь.

Джейн снова рассмеялась.

— Вот именно, — произнесла она. — И уже поэтому мне нечего делать с Крисом, а ему — со мной. Много *мана* у него нет.

— Ты предпочла бы мужчину с большой *мана*? — поинтересовался Те Хайтара.

И он словно невзначай поднял регалии, знак своей власти. Отправляясь побеседовать с богами, он надел украшенный перьями плащ.

— Это зависит от мужчины, — произнесла Джейн и вдруг почувствовала странное напряжение. — Он должен нравиться мне и другому. И я ему тоже.

Теперь каждый говорил на своем языке, и, казалось, они понимали друг друга, как никогда прежде.

— Кому же ты можешь не нравиться? — спросил Те Хайтара. — У тебя глаза словно нефрит, волосы коричневые, как початки *раупо*... Я назвал бы тебя Раупо! Дар богов. Ты знаешь, что оно для нас означает.

Из похожего на тростник растения маори делали циновки, крыши для домов и паруса для каноэ. Они ели корни и перерабатывали твердые листья, чтобы изготовить одежду для танцев и *поу-поу*, маленькие мячики

для игры. Кроме того, они знали, что в зарослях *раупо* по берегам рек и озер гнездятся водные птицы.

— Ты красивая женщина... самая красивая... для меня.

Джейн покраснела.

— А ты... — она пыталась подобрать слова на его языке, — сильный мужчина, великий мужчина...

— Я нравлюсь тебе? — спросил Те Хайтара.

Джейн кивнула. Она не представляла, что теперь будет, знала, что маори не целуются, но без страха и сомнения смотрела, как поднялся вождь, хотя она все еще сидела, подошел к ней и прижал ее к себе. Их лица соприкоснулись. Она уже однажды делала с ним *хонги*, однако тогда это было лишь неприятной обязанностью. Теперь же она ощущала теплую кожу Те Хайтара, впитывала в себя его запах, чувствовала его дыхание.

— Боги дают мне то, о чем я молился, — произнес он, поднимая Джейн и укладывая на брачное ложе из тростника.

Джейн не молилась, но в душе она пела, смеялась и танцевала, когда Те Хайтара овладел ее телом. Он был сильным, быстрым, не таким осторожным и нежным, как Крис. Мужчина с *мана*.

— Теперь мы должны петь *каракиа*? — спросила Джейн, отдышавшись. — Мне... кажется, это было бы уместно.

Те Хайтара рассмеялся и убрал волосы с ее лица. Она лежала на нем, и густые каштановые пряди ниспадали ему на грудь.

— Не сейчас. Сейчас не время для *каракиа*. Но я бы с радостью спел для тебя *вайата ароха*, песнь любви. Я сочинил бы ее для тебя. Для женщины, созданной для меня из *раупо*. Я спел бы ее, если бы ты стала моей.

— Но ведь я и так твоя, — удивилась Джейн. — Больше... больше ничего сделать нельзя. Я замужем...

Те Хайтара пожал плечами.

— Нужно будет всего лишь прочесть *каракиа*, — только и сказал он.

Глава 9

Крис Фенрой как раз собирался стричь овцу, когда во двор вошел Те Хайтара. Маори надел традиционный наряд и плащ вождя, на поясе у него висело оружие. Крис чувствовал себя неловко, потный, в грязной рабочей одежде, но Те Хайтара должен был предупредить его, если собирался обсудить что-то важное. Крису оставалось лишь надеяться, что этот неожиданный визит не принесет никаких неприятностей. Может быть, Оттфрид снова что-то натворил?

— Вы все же решили справляться со стрижкой самостоятельно? —

поинтересовался вождь, глядя на овцу, которую отпустил Крис. Та, довольная, умчалась прочь. — Я думал, люди из Австралии придут и к вам.

Крис кивнул, испытывая облегчение от того, что маори начал с вежливой беседы. Если бы он был зол, то вел бы себя иначе.

— Нет, конечно же, они придут и к нам, — ответил Крис. — Но я не хотел бы показаться им полным невеждой. Карл показал мне, как стричь, и теперь я тренируюсь. Хотя, конечно, до уровня австралийцев мне далеко.

И он умолк, давая Те Хайтаре время сообщить о своем деле. Однако вождь медлил. Крис удивился. Робость обычно была не свойственна маори.

— Что я могу сделать для тебя, *арики*, друг мой? — наконец спросил он. — Что заставило тебя надеть одежды воина? Ты ведь здесь не для того, чтобы петь воинские песни, правда? — Он неуверенно покосился на оружие собеседника.

— Нет, — ответил Те Хайтара. — Между нами мир, мы — одно племя. И мое самое большое желание — чтобы так и было впредь. Поэтому я хочу сделать тебе предложение.

Крис удивленно поднял брови.

— Даже не представляю, что могло бы разрушить мир между нами, — ответил он. — Но говори же! О чем бы ни шла речь, мы наверняка сумеем прийти к соглашению.

Вождь глубоко вздохнул, и Крису вдруг показалось, что перед ним — смущенный молодой человек, который хочет просить руки любимой девушки.

— Я собираюсь предложить обмен. От имени *нгаи таху* я дарю тебе землю, на которой стоит твоя ферма и на которой пасутся твои овцы...

Крис в изумлении уставился на Те Хайтара. Этого он действительно не ожидал.

— ...а ты отдашь мне Джейн Фенрой, свою жену.

Крис судорожно сглотнул:

— *Арики*, это... это невозможно.

— Возможно. — Вождь снова обрел уверенность и достоинство, наконец-то изложив дело, с которым пришел. — Твоя жена мне понравилась, и я хочу сделать ее своей. Взамен ты получишь землю.

Крис не знал, что ответить. Он нервно потер виски.

— *Арики*, мне не верится, что мы ведем этот разговор! Я ведь не могу продать или обменять Джейн! Она же не рабыня!

— Конечно, — с обидой заявил вождь. — *Арикингаи таху* не выбирают жен среди пленниц. Рабыня недостойна меня. Я хочу иметь красивую женщину с большой *мана*. Хочу Джейн.

Крис покачал головой:

— Это действительно невозможно. Даже если бы я согласился... на подобный обмен. Ты пойми, Те Хайтара: Джейн доверена мне перед Богом и людьми. Таков *тиканга у пакеха*. Брак нерасторжим.

Те Хайтара пожал плечами.

— Но она тоже хочет этого, — сказал он. — Речь идет не о похищении, понимаешь? Не о войне.

Крис нахмурился.

— Она тоже хочет этого? — удивленно переспросил он. — Ты говорил с ней?

Вождь слегка улыбнулся.

— Больше чем говорил, — отозвался он, сделав недвусмысленный жест. — Конечно, это было неправильно. Я знаю, что ты можешь потребовать компенсацию за это. Однако Джейн сказала, что между вами нет любви. Только... что-то вроде *таумоу*.

Таумоу маори называли брак по договоренности, когда партнеры, обычно дети влиятельных людей, были обещаны друг другу еще в детстве. Конечно, у Криси и Джейн все происходило не совсем так, но Крис понял, к чему клонит Те Хайтара.

— Между вами существует... влечение? — недоверчиво переспросил

он. — Между тобой и Джейн?

Те Хайтара торжественно кивнул.

— Для меня она — свет и день, — ответил он. — Она прогоняет тьму из моей души. Старейшины тоже не против. Я говорил с ними, они согласны передать тебе землю за нее. Джейн ведь высокого ранга. Разве ее отец не что-то вроде *арики* среди белых?

Джон Николас Бейт — вождь? Крис чуть не расхохотался и решил не отвечать на этот вопрос. Те Хайтара тем временем продолжал:

— Мы бы обменяли ее и на Потти, если она согласится. Когда Потти пришла к нам, она сказала, что ей не нравится, как ты на нее смотришь. Однако Макуту говорит, что ее глаза свидетельствуют об ином. Может быть, ты просто прийдешь ей *миромиро*... — И вождь улыбнулся.

Миомиро... В мифологии маори эта птица пела любовные песни женщинам, к которым сватались мужчины. Крис почувствовал, как краска заливает его лицо. Он не думал, что Кэт выразилась настолько ясно, когда переехала в деревню маори. Однако не исключено, что Макуту умеет читать мысли: от этой старухи всего можно было ожидать. На миг его охватила радость при мысли о том, что он мог бы открыто посвататься к Кэт, а Джейн в это время была бы счастлива с вождем маори. Будь он свободен, Кэт уступила бы ему. Она ведь любит его так же сильно, как и он ее. Однако это невозможно.

— Те Хайтара, ничего не выйдет, — с сожалением произнес он. — Браки *пакеха* может расторгнуть только смерть, разводов не бывает. По крайней мере, я не знаю, как это устроить.

Вождь удивленно нахмурился, и его татуировки снова заплясали. Те Хайтара был необычайно высоким и крепким мужчиной. Крис задумался, почему до сегодняшнего дня ему не приходило в голову, как хорошо он подходит Джейн даже физически.

— Я могу сказать тебе, как устраивают разводы, — спокойно произнес вождь. — Это несложно. Тебе достаточно лишь попросить *тохунга* спеть *каракиа токо*. Это разлучает мужчину и женщину — так были оторваны друг от друга Папа и Ранги. И после этого оба могут связать себя новыми узами.

Крис нервно рассмеялся. Это было слишком заманчиво — буквально его ожившая мечта! Избавиться от Джейн, никогда больше не слышать ее нытья и насмешек... И получить Кэт, ее нежный голос, ее смех... Этот обмен наконец-то сделал бы его счастливым.

— И тем не менее я не могу согласиться, — произнес он, несмотря на то что сердце его обливалось кровью. — Это противоречит нашим

традициям. Это не в обычае, это что-то вроде *тану*. Ты должен понимать.

Те Хайтара покачал головой.

— У нас это не *тану*, — ответил он. — И для Джейн это тоже не *тану*. — Он выпрямился, стал вдруг еще выше и внушительнее. — Теперь ты должен понять, — громко произнес он, — я здесь не для того, чтобы просить твоего согласия. Я хочу предложить тебе *уту*, чтобы между нами не пролилась кровь.

Крис знал, что под *уту* маори подразумевают что-то вроде платежа, которым пытаются загладить несправедливость. Совет старейшин выносил решение об *уту*, если кто-то обижал другого человека или совершал кражу. Иногда это слово обозначало плату за кровь, которая могла предотвратить войны между двумя племенами.

— Но что до развода, — спокойно продолжал вождь, — это дело решенное. Джейн уже попросила *тохунга* Макуту об этом. Церемония состоится на закате, на тростниковом берегу реки, у скал перед леском. Ты можешь прийти или нет, взять нашу землю или продолжать платить аренду. По сути, ничего не изменится. Сегодня Джейн станет свободна.

Разумеется, Крис пришел на церемонию развода, присоединился к нему и Карл. Ида тоже была бы не против туда сходить. Она была потрясена, но также и пришла в восторг, узнав о возможности покончить с неудачным браком. Ее уже давно перестало интересовать, насколько ее поступки или поступки других угодны Богу. Она пришла к выводу, что, если Господь не слишком равнодушен или не настроен враждебно по отношению к своим созданиям, Он скорее одобрил бы ее союз с Карлом, нежели с Оттфридом.

Однако сегодня ей пришлось остаться на ферме. Некоторые овцы должны были принести ягнят, и Оттфрид требовал присутствия Иды на случай, если вдруг что-то пойдет не так. Молодая женщина пыталась возразить, что она ведь будет недалеко, у реки, вернется в течение часа, но он не хотел и слушать. Кроме того, он вдруг словно вернулся в Рабен-Штейнфельд и принялся поносить безбожную церемонию, в которой Ида ни в коем случае не должна участвовать.

— Он хочет, чтобы сегодня ночью я была с ним, — доверительно сообщила Ида Карлу, прежде чем тот ушел, и потупилась.

Карл испытывал едва ли не физическую боль, видя, как страдает любимая. Однако он уже не ревновал, в конце концов осознав, что Оттфрид может овладеть лишь телом Иды, а душа ее давно принадлежит ему. И только мысль о боли и постоянных унижениях, которые она все так же терпеливо сносила, терзала его. Он каждый вечер беспокойно расхаживал

между конюшнями и домом Иды.

Но теперь его отвлекла церемония развода. Все племя *нгаи таху* уже собралось, когда Крис и Карл пришли на берег реки. *Тохунга* Макуту стояла между камнями, а рядом с ней Джейн и Те Хайтара. *Арики* снова был в праздничном наряде воина, в руках он держал символы своей власти. Крис думал, что Джейн тоже будет в традиционной одежде маори, но в тот вечер было прохладно, и она предпочла ей шерстяное платье *пакеха*, темно-зеленое, широкого покроя, которое было ей очень к лицу. Вождь набросил ей на плечи свой плащ с перьями, и церемония прошла с большой помпой. Но именно благодаря выражению лица Джейн Фенрой-Бейт казалась сегодня почти красивой. Зеленые глаза Джейн сверкали от счастья. Она смотрела на Те Хайтару чуть ли не с благоговением, а на невысокую старую знахарку, сильным голосом призывавшую в свидетели церемонии богов и духов, — с уважением и доверием.

— Ты готова? — спросила она Джейн. — Если ты действительно хочешь этого, я произнесу *каракиа токо*.

Джейн поглядела на Те Хайтару в поисках поддержки, а затем увидела на краю поляны Криса. Казалось, она растерялась, не зная, стоит ли ей пристыженно опустить глаза или же ответить на его насмешливый взгляд. Джейн выбрала последнее, после чего Крис взял себя в руки и решил немного облегчить ей задачу. Он махнул ей рукой, словно отпуская или открывая дорогу. Те Хайтара заметил это, обрадовался и кивнул Крису, а затем ободряюще улыбнулся Джейн.

Она выпрямилась.

— Хочу, — громко произнесла она.

Тохунга подняла руки, застыла на миг, чтобы связать свой дух с небом и восходящими звездами, а затем затянула *каракиа* — так быстро, что Крис едва понимал ее торопливую речь. Кроме того, в этом случае песнь оказалась очень короткой.

— *Ка токона ату неи кора. Ту ке Ранги, тау ке Папа.*

— Вас отрывают друг от друга, словно Ранги и Папа, — перевел Крис для Карла. — Ты же знаешь историю. Тане, бог леса, и другие дети земли и неба разделили пару, чтобы создать свет и воздух для творения. Так сказать, первый развод...

— Но не по согласию супругов, — заметил Карл.

Крис пожал плечами:

— Зато на благо мира. Н-да, глядя на Джейн, могу сказать, что тут все происходит по ее согласию!

— И по твоemu, видимо, тоже, — улыбнулся Карл и помахал рукой

Кэт, стоявшей среди женщин. — Ты уже говорил с Кэт? Как она относится к этой церемонии?

— Когда бы я успел говорить с ней? — отозвался Крис. — Сегодня между полуднем и вечером? Я сам еще толком не понял, что со мной происходит.

Кэт лишь мельком улыбнулась мужчинам, а затем вместе с остальными молодыми женщинами образовала круг возле Джейн, чтобы снова принять ее в общество незамужних девушек. Макуту прочла еще несколько *каракиа*, затем все стали петь. И в конце концов вождь объявил, что в деревне для всех есть еда и виски, после чего собравшиеся поспешно разошлись.

— Быстро они справились, — удивился Карл, когда они с другом последовали за ними.

Крис пожал плечами.

— Венчание тоже происходит быстро, — отозвался он. — Три слова, и вот ты уже женат. Только венчание признается всеми, а это в глазах остального мира абсолютно ничего не значит.

— В мире *пакеха* это ничего не значит, — поправил друга Карл. — Но для племен маори все законно. По их правилам Джейн выйдет замуж за вождя, а ты получишь Кэт.

И он улыбнулся Джейн, которая стояла рядом с Те Хайтарой, лучась от счастья и, видимо, принимая поздравления от других членов племени. Она выглядела такой довольной и спокойной, как никогда прежде.

— Боже мой, Крис, в Окленде никому не будет до этого дела! Нет жалобы — нет суда. Да и кто может возразить? Старые Бейты в Австралии? Что Джейн решит рассказать им на этот счет, знает только она сама. В конце концов, это она хотела развода, а не ты. Маори, наши ближайшие соседи, церемонию в любом случае признают. А те немногие *пакеха*, с которыми мы знакомы, Редвуды и Динсы, да и остальные овцеводы, — они ведь не ханжи! Они скорее порадуются за тебя, если ты будешь счастлив с Кэт, а Джейн пусть наслаждается своим сожителем с Те Хайтарой. Так что просто прими это как данность и считай, что вмешалось само провидение!

Крис закусил губу. Возможно, Карл прав. В этой новой стране действуют совсем другие законы. Однако в конце концов все будет зависеть от того, как отнесется к произошедшему Кэт.

Станция Рата

Равнина Кентербери

1846 год

Глава 1

В последующие недели у Криса не было времени на то, чтобы спокойно поговорить с Кэт, и уж тем более на то, чтобы как следует за ней поухаживать. Овцы ягнились одна за другой; Кэт и Ида, Крис, Карл и иногда даже Оттфрид были заняты ими круглые сутки. Они беспокоились о здоровье овцематок и их ягнят, неуклюжих блеющих комочков. Время от времени появлялись сироты или ягнята, которых матери отвергли. Ида собирала их всех в загородке в кухне, а Кэт и женщины маори возились с ними, как с родными детьми, — грели под куртками и плащами. Кэрол и Линда за всей этой суетой быстро отвыкли от бутылочек с молоком, с которыми до сих пор засыпали, и хихикали, когда Ида наполняла бутылочки теперь уже для ягнят. Линда кормила малышкой с помощью Иды или Кэт. Она была очень заботливой и терпеливой девочкой, в то время как Кэрол больше интересовалась щенками — родила одна из колли Оттфрида.

— Все мои! — решительно заявляла Кэрол и хлопала по ящику, где копошился помет. — Все со мной, пасти овец!

Неожиданно прибыли стригали из Австралии. Их было пятеро, они, по всей видимости, сели на первое же судно после того, как заводчик, у которого они работали, получил письмо Джейн. Как и было запланировано, они начали стричь овец на полуострове Бэнкс и потратили десять дней на то, чтобы обработать всех животных Редвудов и Динсов. Вскоре эти отчаянные на вид мужчины прибыли на станцию Фенрой, наполнив ферму смехом, грубыми шутками, а сараи для стрижки — запахом ланолина. Своими звонко щелкающими ножницами они избавляли овец от руна быстрее, чем Крис, Карл и помощники-маори успевали уследить за их движениями. В конце концов стригалей попросили вечером дать несколько уроков Крису, Карлу и маори из племени Те Хайтары.

— Да ясное дело, не можем же мы каждый год специально приезжать из Даун Андера, — добродушно согласился главный стригаль Нильс, пожилой швед. — Хотя... стоит мне задуматься о кулинарном искусстве миссис Брандманн, как я начинаю сомневаться. Так что, если вы предложите мне постоянное место...

Конечно же, он шутил. Ни один наемный рабочий не получал столько денег, как высококвалифицированные стригали, кроме того, эти мужчины считали себя свободными искателями приключений и ни за что не стали бы подчиняться одному хозяину. Однако кухня Иды в первый же день

получила у них наивысшую оценку, равно как и ее искусство пивоварения. Стригали поглощали пиво и виски в невероятных количествах, за короткое время уничтожив все запасы Криса и Карла и даже резервы маори, которые с готовностью предоставил Те Хайтара.

На зов Криса вождь явился со своими воинами, доставив множество бутылок и бочонков для прощального праздника в честь стригалей, который собирались устроить на станции Фенрой. Он принес также составленный аккуратным почерком Джейн документ, подписанный им и двумя другими старейшинами деревни.

— Вот! — с важным видом произнес он и протянул бумагу Крису. — Видишь, я держу свое обещание. И Джейн благодарна тебе за проявленное понимание. Просила передать тебе, что очень счастлива.

Крис принял документ на право собственности и даже немного растрогался, а затем улыбнулся.

— Значит, в конце концов все вышло так, как и должно быть в хорошем браке, — прошептал он Карлу, выпив с вождем за удачную сделку. — Я получил ферму и сделал Джейн счастливой!

— А вот Оттфрида — нет, — произнес Карл, покосившись на мужа Иды, который, как и каждый вечер, выпивал со стригалями. Он наверняка видел, как Те Хайтара торжественно передавал Крису документ, и мрачное выражение его лица говорило о многом. — Нужно было осторожнее вести себя, когда ты договаривался о передаче земли, — продолжал Карл. — Теперь он понял, что ты обманул его насчет раздела фермы...

Крис хотел ответить, однако один из воинов Те Хайтары увел его в сторону, да и позднее никто не заговаривал о претензии Оттфрида на землю. Крис и вождь праздновали, стригали тоже, и Карл решил оставить эту тему.

Когда стемнело, на ферму явилось несколько женщин маори. Разожгли костры, на которых готовили закуску к выпивке; праздник превращался в разнузданное пиршество. Сдержанной оставалась лишь Ида. Она выпила дома лишь немного виски вместе с Кэт. Принимать участие в празднике она ни в коем случае не собиралась.

— Стоит мне там показаться, как Оттфрид тут же обвинит меня в том, что у меня роман с одним из стригалей, — с тревогой сказала она. — В таком уж он настроении. Что-то задумал, весь вечер выглядит очень забавно. Надеюсь, он мне ничего не сделает. На помощь Карла и Криса сегодня можно не рассчитывать. Они оба тоже уже довольно много выпили.

— Да, им есть что отметить, по крайней мере Крису, — снисходительно ответила подруге Кэт. — Теперь у него наконец-то есть

своя ферма.

— А ты? — спросила Ида. — Ты выйдешь за него замуж, теперь, когда он свободен?

Кэт пожала плечами:

— Пусть для начала спросит меня. И это возможно только по обычаям маори: в глазах *пакеха* наши дети все равно будут незаконнорожденными. Кроме того, остается вопрос, что будет с овцеводством. Племя только-только разобралось с этим, *нгаи таху* отлично обращаются с животными. И теперь я должна отнять у них стадо и, так сказать, принести его Крису как приданое? Нет, поспешных решений я принимать не буду. Но... — молодая женщина улыбнулась, — в целом, если выразаться осторожно, ситуация улучшилась. А жениться сразу не обязательно.

— Что вы скажете насчет наших овец? — поинтересовался на следующий день Крис у старшего стригая.

Мужчины закончили работу на станции Фенрой и собирались заняться стадом маори, а затем отправиться к Батлеру. Они решили пропустить последний стаканчик виски с Крисом и Карлом, присутствовал при разговоре и Оттфрид. Не только потому, что он приходил всегда, когда разливали алкогольные напитки: он хотел проконтролировать выплату гонорара рабочим. После истории с документом на землю он все время давал Крису понять, что не доверяет ему. Было видно, что он расстроен, но пока что Оттфрид не осмеливался начать разговор на эту тему, за что Карл благодарил Небеса. Он прекрасно знал, что Крис на уступки не пойдет. Несмотря на хорошее отношение к Карлу и Иде, сотрудничество с Оттфридом оставалось для Фенроя тяжелым испытанием.

— Если он захочет уйти, пусть Ида примет решение, — заявил Крис в ответ на очередной вопрос Карла. — Все равно этим дело закончится. Или вы собираетесь всю жизнь тайно встречаться в конюшне и целоваться в лесу?

— Она боится уйти со мной, особенно теперь, когда беременна, — напомнил ему Карл. — Девочек ведь придется забрать с собой. И я на самом деле тоже не хочу уходить, мы...

Крис пожал плечами и усмехнулся.

— Ответ, как ты сам недавно говорил, — это *каракиа токо*. Макуту наверняка будет готова в любой момент расторгнуть брак Иды, ее достаточно лишь попросить об этом. В конце концов пошлем Оттфрида к дьяволу и будем все жить во грехе. Может быть, потом когда-нибудь встретимся со славным стариной Отти в аду. Но до тех пор насладимся мирным существованием. Мою землю он уж точно не получит. И не

вздумай отдать ему свою!

Долевое участие Карла в предприятии было уже зарегистрировано. Он мог настоять на том, чтобы Крис переписал на него половину своей земли, однако был далек от этой мысли. Существующее положение вещей его устраивало, и теперь он с интересом слушал, что же скажут стригали о животных станции Фенрой.

— Считаете ли вы качество нашей шерсти достаточно высоким, чтобы мы могли остаться в этом деле надолго? — услышал он вопрос Криса.

Старший стригаль ненадолго задумался, а затем кивнул:

— Конечно. У вас отличные животные. Однако успех зависит от того, как вы будете комбинировать две или три породы овец, которые станут основой вашего стада производителей. Овцы, которых привезли вам из Австралии, Карл, это помесь мериносов. С ними экспериментирует Френсис Холдер из Аделаиды. У него они и куплены, верно?

Карл кивнул, поражаясь компетентности стригалья. Действительно, заводчиком овец, которых он купил в Веллингтоне, был Френсис Холдер.

— Отличная шерсть, но эти животные довольно прихотливы. Так что соблюдайте осторожность, когда будете перегонять их летом на высокогорья. Затем ваши ромни, Отти. Тоже очень хорошие — весьма напоминают мне производство Редвудов. Откуда они у вас, вы говорили? — Он пристально посмотрел на Оттфрида.

Тот вскинулся.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутился он.

Старший стригаль поднял руки, пытаясь успокоить его:

— Ничего, ничего, совсем ничего! Просто обратил внимание на сходство. Да еще эта история с похищенным стадом... Возможно ли, чтобы вам продали краденый товар?

— Какое бесстыдство! — Широкое лицо Оттфрида покраснело, и он принялся возмущаться: — Вы меня обвинять...

Карл покачал головой:

— А теперь заткнись, Оттфрид, никто тебя ни в чем не обвиняет! Он купил животных на рынке в Нельсоне, — сообщил старшему мастеру Карл. — Насколько я знаю, он купил их раньше, чем были украдены овцы у Редвудов, в любом случае прежде, чем они могли оказаться на рынке. Не мог же вор похитить их, а потом сразу же продать, кто может быть настолько наглым? Однако мы не хотим допускать и тени подозрения, так что, как только я снова увижу Джеймса, Джозефа или Эдварда, я сразу же приглашу их осмотреть наших животных.

— И как они их узнают? — усмехнулся Оттфрид. — Они откликаться

на имя, как овцы Кэт? Все овцы похожи друг на друга.

— Видимо, нет! — раздраженно перебил его Карл. — Ты же только что слышал, как Нильс угадал, кто заводчик наших овец. А Редвуды...

— Это их собственная порода, и Джозеф Редвуд говорит, что животные были помечены, — пояснил старший стригаль. — Как именно, он мне не рассказывал, но обычно маркировку наносят на уши. Почти у всех овец здесь, на станции Фенрой, есть клеймо — я определил производство Холдера в том числе и по нему. Для собственных ягнят вам нужно придумать свою маркировку.

Крис кивнул и снова наполнил бокалы.

— Обязательно, спасибо за совет, — произнес он. — Что же до Редвудов, то мы всегда им рады. Нам здесь нечего, совершенно нечего скрывать.

Карл отпил немного виски, наблюдая за тем, как Оттфрид залпом опустошает стакан. Он поразительно быстро успокоился. Карл пристально посмотрел на него:

— Нам ведь нечего скрывать, верно, Оттфрид?

— Теперь я знаю, что делать!

В голосе Оттфрида звучало ликование, когда он вернулся в дом к Иде. Впервые с тех пор, как Те Хайтара переписал землю на Крису, он не выглядел угрюмым и терзаемым яростью, настроение у него было отличное.

— У нас будет земля, Ида. Собственная земля, которая наверняка будет принадлежать нам. Я больше не позволю одурачить себя, как тогда Уэйкфилду, потом дикарям, а теперь этому хлыщу англичанину! На этот раз вождь лично подпишет бумагу, которую составит его шлюха Джейн. Такую же, как для Фенроя. И потом я заверю ее у губернатора. На этот раз...

— Подожди, подожди, — удивленно перебила его Ида. — О какой земле ты говоришь? И чем ты собираешься платить за нее? Те Хайтара не отдаст ее тебе за пару одеял и кастрюль, как те племена на западе. Джейн проследит за этим.

— Я говорю о земле, которую мы арендуем у этих ребят, — заявил Оттфрид.

Когда он вернулся на ферму с овцами, Крис договорился с вождем об аренде дополнительных пастбищ для них. Оттфрид тоже должен был платить за пользование несколькими гектарами, отдавая племени одну покрытую овцу в год. В отличие от Карла и Криси, он настоял на том, чтобы границы были строго определены, и Карл, пожал плечами, оказал

ему услугу и отмерил его участок. Это была отличная земля к северу от станции Фенрой, частично поросшая лесом.

— Я куплю ее.

— Если племя отдаст ее тебе, — напомнила ему Ида. — И если ты сможешь заплатить.

— Ты хотела сказать, если *мы* сможем за нее заплатить, — с угрозой в голосе произнес Оттфрид. — Мы с тобой! — Он терпеть не мог, когда Ида называла себя, Криса, Карла и Кэт «мы», исключая его.

Ида вздрогнула.

— Мы с тобой, — согласилась она. — Но ведь у нас нет денег! Конечно, теперь, после стрижки, кое-что есть, Крис и Карл очень довольны, что ферма наконец-то начала приносить доход. Однако Карл считает, что деньги нужно еще какое-то время вкладывать, прежде чем можно будет позволить себе какую-то роскошь. Например, купить еще овец...

— Карл, Карл — только и слышно! — Оттфрид встал и принялся беспокойно расхаживать по комнате. — Хватит с меня уже! Кто он такой, этот Карл? Поденщик, голодранец, ничего больше! У него ничего никогда не было и не будет, и ему безразлично это! Но я приехал в Новую Зеландию, чтобы купить землю! Собственную землю! Не ради того, чтобы платить дань горстке дикарей! Черт побери, Ида, это же как в Мекленбурге, у проклятого помещика! — Он ударил кулаком по стене.

Ида вздрогнула. Что он несет? Сравнить Те Хайтару с помещиком из Мекленбурга было глупо.

— Как бы там ни было, у нас по-прежнему нет денег, — храбро заявила она. — И захочет ли Те Хайтара продать нам землю, неизвестно. Теперь, когда у маори тоже есть овцы...

Оттфрид усмехнулся.

— Вот именно, — с довольным видом заявил он. — Именно на это я и собираюсь сделать ставку!

— Чего он хочет? — Карл потер лоб, услышав о планах Оттфрида. Они с Идой снова встретились в лесу у реки, где прежде тайком купалась Джейн, но вместо того, чтобы, как обычно, радостно броситься Карлу на шею, опечаленная женщина рассказала о намерении своего мужа. — Он хочет продать ваших овец?

— Не всех, — сказала Ида и села на ствол поваленного дерева. Тут росли не южные буки, а кусты *рата*, чьи алые цветы совершенно вытеснили прежнюю растительность. — Только пятьдесят самых первых. Оттфрид считает, что теперь, когда появился молодняк, вы будете только

мешать друг другу.

— А как же! — воскликнул Карл. Теперь он расхаживал по берегу реки, такой же встревоженный и взволнованный, каким был Оттфрид вчера на кухне Иды. — Боже мой, Ида, даже мое терпение имеет пределы. Я готов ради тебя на все, но Оттфрид... Как можно быть таким неблагодарным? Мы приняли его, когда он едва не пропал, а теперь он даже не сообщил нам о своем намерении продать животных!

— Он говорит, что Крис ему тоже не все рассказал. Про землю. Что тут скажешь, он действительно... одурачил Оттфрида, когда переписал на него треть фермы, хотя она ему вовсе не принадлежала. — Ида по-прежнему чувствовала себя неуютно, оправдывая Оттфрида, но, может быть, Крис действительно зашел слишком далеко.

— И все же у меня нехорошее предчувствие, — настаивал Карл. — Поскольку это как раз те овцы, которых он якобы купил на рынке в Нельсоне. В то время как почти одновременно с этим похожие овцы пропали у Редвудов. Это выглядит так, будто он пытается избавиться от них.

Он сел на траву и обнял Иду.

— Ида, мне это все не нравится. И если Оттфрид захочет уйти — ты не можешь уйти с ним, Ида! Ты должна выбрать! Меня!

Ида резко покачала головой:

— Нет, нет, Карл, это не так! Ну да, Оттфрид — нехороший человек, как мне кажется... Но он не вор! Он собирается продать овец недалеко, они останутся здесь. Только не у нас. Он хочет отдать их Те Хайтаре. В обмен на арендуемую землю.

Карл снова встал. На ходу ему думалось лучше, а возможные последствия этой сделки все не давали ему покоя.

— Значит, Оттфрид хочет остаться здесь... — размышлял он.

Ида кивнула.

— Это хорошо, правда? — негромко спросила она. — Тогда мне не придется...

Карл вздохнул.

— И хорошо, и плохо, — пробормотал он. — Конечно, я рад, что он не собирается увозить тебя в Австралию, но это лишь оттягивает окончательное решение, а ведь тебе будет тяжело расстаться с ним, после того как Оттфрид обзаведется здесь собственностью. Мы не можем обманывать его всю жизнь, Ида, равно как и жить с ним бок о бок! У нас ведь не так, как у Криса с Джейн. Оттфрид не захочет тебя отпускать. Он не признает развод по обычаю маори.

— Его вообще никто не признает, — пробормотала Ида. — Перед Богом нельзя освободиться от брачных уз.

Карл решил не обсуждать роль Господа в любовных делах.

— Ты могла бы остаться здесь, если бы Оттфрид ушел, или Оттфрид мог бы остаться, а ты ушла бы со мной, — продолжал он. — Но довольно! Я предлагал тебе это достаточно часто! — В голосе Карла вдруг зазвучала злость, его терпение постепенно начинало истощаться. — Тебе просто не хватает мужества. Когда-нибудь все это плохо кончится, и ты об этом знаешь!

Ида закусила губу. Ночью после веселого праздника со стригалиями Оттфрид снова избил ее. Карлу и Крису она потом сказала, что синяки у нее на щеке появились оттого, что ее ударила овцематка, которую она доила. Но по крайней мере Карл догадывался, как все обстояло на самом деле.

— Не ругай меня, — тихо сказала она. — Лучше люби меня. Такой чудесный день. Теплая земля... Мы можем представить, что здесь пляж.

Берег реки в этом месте действительно был песчаным, под ропалостилисами легко было представить себе, будто они находятся на Карибах.

Карл заставил себя успокоиться и обнял Иду.

— Да я не хочу ругаться, — прошептал он. — Но тебе пора наконец выбираться из Байи! Пока Оттфрид не отправил тебя обратно в Рабен-Штейнфельд!

Крис выслушал рассказ о том, что Оттфрид задумал продать овец, со смешанными чувствами. Вчера он говорил с Кэт — и не только говорил! Теперь, когда ситуация между ним и Джейн прояснилась, она снова подставила ему губы для поцелуя, словно это было самой естественной вещью на свете. Пока стригали работали в деревне маори, она отправилась с ним в сторону станции Фенрой. Они беседовали, а затем любили друг друга между кустами *рата*. Ложе из травы и цветов... Кэт и Кристофер купались в аромате и тепле, любуясь друг другом в лучах солнца. Никто из них не стал бы отрицать, что они созданы друг для друга. Но Кэт отказывалась узаконить их отношения. Выходить замуж она не хотела, даже по ритуалу коренного населения, и не желала стать совладельцем фермы Криса. Для этого ей пришлось бы отобрать овец у маори, а это казалось ей несправедливым.

Однако, если Те Хайтара возьмет животных у Оттфрида, Кэт больше не придется волноваться на этот счет. У маори будут свои овцы, и Те Хайтара знает, что Крис любит Кэт. Он не станет настаивать на том, чтобы

она осталась в деревне вместе со своим стадом. А Кэт наверняка согласится переехать к Крису, если ей не придется каждый день сталкиваться лицом к лицу с Оттфридом.

— Конечно, мне не нравится то, что Оттфрид останется нашим соседом, но тут уж ничего не поделаешь, — наконец ответил Карлу Крис. — Откровенно говоря, я рад, что он не будет путаться под ногами хотя бы на нашей ферме. Пусть занимается своими делами сам, пусть растит молодняк своих овец — как бы глупо это ни было. У него слишком мало животных, чтобы разводить их самостоятельно, кроме того, все они в близком родстве. Но это его дело. Мы обойдемся без него, можем купить еще овец на деньги, которые получим, продав шерсть. Если бы Кэт переехала ко мне и привела своих животных, я даже сам справился бы. Я выплачу твою долю из выручки за проданную шерсть, Карл, если ты решишь уйти вместе с Идой.

Карл пожал плечами:

— Спасибо за предложение, но Ида еще не готова. — Он опять потер лоб, словно страдая от сильной головной боли. — И, возможно, никогда не будет готова. Поэтому, если ты не против, я хотел бы остаться. Я знаю, что это глупо, что мне следовало бы бросить ее, взять в жены другую женщину, попытаться счастья в другом месте. Кэт была совершенно права, когда оставила тебя, поскольку ты был связан с Джейн. Вот только... я не так силен, как Кэт. И Ида не так сильна, как ты. Думаю, рано или поздно мы оба сломаемся.

Глава 2

Те Хайтара принял предложение Оттфрида. Джейн составила еще один документ, который вождь аккуратно подписал. Те Хайтара прислал к нему двух мужчин, и с их помощью Оттфрид отобрал пятьдесят овец, из которых изначально состояло его стадо. Это оказалось совсем не просто, но теперь, когда они стали обращать на это внимание, то действительно заметили клеймо на ушах животных, рожденных не на станции Фенрой. Заводчики делали надрезы на ушах у ягнят, желая показать, что животное принадлежит именно им. Крис и Карл не помогали им в работе, однако следили за тем, чтобы Оттфрид и маори не ошиблись в выборе. Они заметили, что у всех овец Оттфрида одинаковая маркировка.

— Это доказывает только то, что все они от одного заводчика, — произнес Крис, пытаясь успокоить друга. — В отличие, к примеру, от овец Кэт, которых, скорее всего, покупали у разных французских заводчиков. Это вовсе не значит, что его овцы были украдены у Редвудов.

Карл пожал плечами:

— Будем надеяться. Иначе возникнут трудности. Оттфрида можно заставить отдать животных — если товар краденый, закон выражается на этот счет совершенно однозначно. Но маори приобрели их безо всякого злого умысла. Не думаю, что Те Хайтара отдаст их, что бы ни говорило по этому поводу законодательство *пакеха*. Вот если бы вспомнить, когда Оттфрид купил свое стадо: до кражи у Редвудов или после? Он как раз в это время отправился в Нельсон, это ясно. В принципе, вполне возможно, что воры уже успели перевезти животных на рынок в Нельсоне. Но ведь для того, чтобы перегнать их туда, нужно время...

Крис закусил губу. Ему так же, как и его другу, хотелось верить в невиновность Оттфрида. Однако Кэт вчера высказала намного более отвратительное подозрение. Очень уж внезапно Оттфрид начал тогда хвастаться своими мнимыми сбережениями. Вообще-то у него не должно было остаться никаких денег. А вдруг он взял овец вовсе не на рынке в Нельсоне? Не мог он просто угнать их с выгонов Редвудов?

Через несколько дней после того, как овец Оттфрида перегнали к маори, стригали еще раз заглянули на станцию Фенрой. К этому моменту они уже закончили работу у Батлера и возвращались в Порт-Купер.

— Капитан Батлер просил кое-что передать вам, — заявил старший стригаль Нильс. — Мы сообщили ему, что вы хотите купить еще животных, и он сказал, что у него есть десятка три молодых овец, которых он не прочь продать. Они прекрасно подошли бы к вашему стаду. Так что, если вам это интересно, поезжайте к нему. Пора вам уже познакомиться с ним лично, поскольку вы почти соседи!

— Ну что, нам действительно стоит съездить к Батлеру? — спросил Кристофер Карла, когда стригали наконец уехали. — Очень заманчивое предложение насчет покупки животных.

— Ты прав, весьма удачное стечение обстоятельств! — согласился Карл. — Нельзя упускать такую возможность, и ни в коем случае нельзя рассказывать об этом Джейн и *арики*! Иначе они опередят нас: кажется, они почувствовали вкус к этому занятию. А ведь я и не думал, что Джейн может заинтересовать овцеводство.

Несколько дней назад Джейн заходила на ферму и подробно обсудила с Крисом, Карлом и Кэт общие планы насчет разведения овец. При этом она проявила глубокие познания в том, что касалось определения качества шерсти и критериев отбора животных. Возможно, она заказала и изучила какие-то книги.

— Джейн восхищает все, на чем можно делать деньги, — мрачно заявил Крис. — При этом она предпочитает товары, которые не блеют и не

оставляют помета. Но разведение овец нравится маори больше, чем производство медикаментов. Кажется, под конец *тохунга* готовы были устроить забастовку. Их обычаи оказались под угрозой, а работы вдруг стало слишком много. На овцеводство же, по всей видимости, не распространяются никакие *тану*, кроме запрета на выпас овец в определенных местах, а работы хотя и прибавилось, но лишь сезонной. Пока что все члены племени с удовольствием участвуют в этой затее. Джейн не устраивает только, что они теперь зависят от нас. Она предпочла бы хозяйствовать отдельно, как Оттфрид. Но она умнее его и знает, что одна с пятьюдесятью животными много не заработает, а если появится возможность докупить, она за нее ухватится. Так что нужно как можно скорее съездить к Батлеру и договориться насчет овец.

Карл кивнул.

— Правда, мне не хочется оставлять Оттфрида одного, — напомнил он другу. — Вместе с Идой и Кэт.

Крис сунул в рот соломинку. Мужчины немного проводили стригалей вдоль реки и теперь отдыхали на любимом месте Те Хайтары.

— Кэт сама справится, — отозвался он. — Мой дом запирается, да и прежде ей удавалось вполне успешно отбиваться от Оттфрида. Если он вообще осмелится подойти к ней. В принципе, опасность от него исходит только тогда, когда он пьян, а такого количества виски стригали нам не оставили. Что же до Иды — ей мы все равно ничем помочь не можем. Ты все время думаешь, что твое присутствие от чего-то его удерживает, но если ты присмотришься... Она постоянно в синяках и ссадинах. Ее отговоркам я не верю ни на грош! Так что за женщин я переживаю не больше обычного. Скорее меня тревожат овцы. Наших тоже могут украсть.

Карл закусил губу.

— Ты ведь сейчас имеешь в виду не Джейн и Те Хайтару? — негромко уточнил он.

Крис только головой покачал.

— Я имею в виду Оттфрида, — строго произнес он. — Я ему не доверяю!

— Я тоже ему не доверяю, — заявила Кэт, когда чуть позже мужчины рассказали о своем намерении съездить к Батлеру. — Но здесь он овец точно воровать не станет! Это ведь будет заметно. Да и куда ему их потом девать? В Порт-Купере он, чего доброго, снова наткнется на стригалей, а то и на Динсов или Редвудов. Значит, ему придется двигаться в сторону Нельсона. Туда путь неблизкий. Ида будет задавать вопросы. Кроме прочего, ему придется оставить своих овец, а он ведь их бережет как

зеницу ока.

Оттфрид действительно старался не спускать глаз со своих овец. Обычай англичан и ирландцев держать их в полудиком состоянии пришелся ему не по душе, и он был намерен разводить своих овец так, как прежде поступал мекленбургский помещик. У того животные стояли либо в стойлах, либо на огороженных выгонах, в крайнем случае их гоняли по окрестным лугам под присмотром пастухов.

— Тем не менее к Батлеру не обязательно ехать нам обоим, — неуверенно сказал Карл. — Я могу остаться здесь, Крис, а ты отправишься к нему вместе с Кэт.

Но Кэт лишь покачала головой:

— Некоторые наши овцематки скоро принесут ягнят. У маори процесс еще и не начинался. Я обещала помочь, — рассмеялась она. — Или вы можете представить себе Джейн в овечьем стойле? Нет, нельзя сказать, что она не старается. У нее есть отличные книги по ветеринарному родовспоможению. Стоит мне показаться в деревне, как тут же приходится переводить их для женщин маори. Те смотрят на меня с недоумением и спрашивают, неужели таковы *каракиа* белых и не придется ли им учить весь этот английский текст наизусть. Они просто не понимают, что за родовспоможением стоит некая теория. Но чтобы Джейн сама сунула руку в овцу? Это невозможно. Так что мне ни в коем случае нельзя уезжать. И, как я уже говорила, я не предвижу никаких проблем в случае вашего отъезда. Особенно если учесть, что через месяц вам все равно придется покинуть ферму. Или овец на высокогорья тоже будет выгонять кто-то один?

Мужчины планировали в ноябре перегнать овцематок со станции Фенрой в предгорья Альп и оставить их там пастись на все лето. Оттфрид, как и прежде, был твердо намерен оставить своих овец при себе. Так что в любом случае они останутся с Идой вдвоем на неделю, а то и на две, — здесь, на станции Фенрой, или на станции Рабен, как он собирался назвать собственную ферму.

Крис кивнул:

— Она права, Карл! Выезжаем завтра же утром, чем раньше отправимся в путь, тем раньше возвратимся. А ты, Кэт, присмотри за Оттфридом и попроси маори приглядывать за ним тоже — пока мы не вернемся, заключив сделку. Хоть бы Джейн ничего не придумала. А то, чего доброго, научится ездить верхом...

Джеймс и Джозеф Редвуды приехали на станцию Фенрой буквально сразу же после того, как Крис и Карл уехали. Ида, которая сначала

встретила их одна, поскольку Оттфрид занимался овцами, испытывала по поводу их визита смешанные чувства. Она понимала, что они проделали столь долгий путь не просто потому, что вдруг пожелали повидаться со старыми друзьями. Несмотря на то что ей хотелось верить Оттфриду, утверждавшему, что он приобрел овец честным путем, молодая женщина чувствовала себя достаточно неуверенно. Но потом радость встречи с братьями Редвуд вытеснила все ее тревоги, к тому же она была довольна тем, что не останется наедине с Оттфридом.

Ночами ей приходилось туго, а днем она даже не могла поплакаться Кэт: ее подруга была у *нгаи таху*, помогала ягниться их овцам. Вероятнее всего, маори и сами справились бы с этой задачей, но Джейн настаивала на том, чтобы Кэт присматривала за овцами, хотя у Макуту и других женщин маори было больше опыта в акушерстве, нежели у Кэт. Та лишь прослушала краткий курс по овцеводству у Динсов, а также получила некоторые познания тогда, когда была повитухой у *нгати тоа* вместе с Те Ронгой. Теперь она штудировала книги Джейн, пока Макуту пела традиционные *каракиа* и просто полагалась на ловкость собственных рук, помогая ягнтям появиться на свет. Тем самым она спасла почти столько же слабых животных, сколько и Кэт, но Джейн чувствовала себя спокойнее, когда за работой присматривала *пакеха*, и Кэт не хотела с ней спорить. Она могла только радоваться тому, какие прочные отношения сложились между деревней маори и станцией Фенрой.

Ида приветствовала братьев Редвуд, стараясь не слишком проявлять свои чувства, чтобы не давать Оттфриду повода для ревности. Она не поднимала на них взгляда, хотя давно уже знала, что можно открыто смотреть в глаза мужчинам, не компрометируя себя. Затем она с неподдельным интересом принялась расспрашивать о Лоре и ее сыроварне.

— Лора будет завидовать, если мы расскажем ей, как подросли ваши чудесные дети! — вежливо сказал Джеймс, улыбаясь Кэрол и Линде, которые сидели на полу в кухне и играли льняными мячиками, сплетенными для них Кэт. Ида угостила мужчин хлебом с сыром, и оба с удовольствием набросились на еду. — У Лоры все хорошо, но сыр у нее по-прежнему не такой вкусный, как у вас, миссис Ида. Кстати, скоро вы снова будете видеться чаще. Мы собираемся купить землю у маори, милях в пятидесяти выше по течению реки, между вами и Батлером. Уже точно купим, а не возьмем в аренду! Так что это будет последний переезд, и у Лоры наконец-то появится каменный дом. Она уже предвкушает! А как она будет рада видеть вас, Ида! Кстати, где ваш супруг? И Крис Фенрой? Мы наслышаны о его громком «разводе». Мэгги и Карен Родес — это жены

братьев, которые будут жить на нашей ферме, — до сих пор ему удивляются, а Лора от души веселится. Теперь Джозефу приходится по три раза в день выслушивать от нее, что она попросит маори спеть *каракиа токо*, если он будет вести себя плохо!

Джозеф Редвуд улыбнулся, а Ида покраснела.

— Н-да, мы и сами еще не знаем, как относиться к этому. Так захотела Джейн. А маори...

— Что с маори? — накинулся на жену Оттфрид, едва переступив порог дома. Он увидел за своим столом Редвудов и услышал только последние слова. — Что ты там плетешь?

Ида вздрогнула.

— Ничего, — прошептала она. — Просто рассказываю про Джейн. Джеймс и Джозеф спрашивали, как так вышло... с разводом.

Оттфрид презрительно фыркнул, но было видно, что он с облегчением перевел дух.

— Вот шлюха, бегать от одного мужика к другому, думать, что бог дикарей благословит ее за это. Боги дикарей! Позор это есть! Если бы моя жена так делать, я бы ее за волосы и притащить обратно в постель! И отодрать как хотеть!

Ида закусила губу и пристыженно умолкла. Слова ее мужа были явно неприятны и братьям Редвуд.

— Мне все же кажется, что миссис Ида выше всяческих подозрений, — наконец произнес Джеймс и отвесил ей легкий поклон.

Оттфрид поморщился:

— Еще чего не хватало! Ида послушный жена! Иначе... — В его голосе зазвучала угроза, и он перевел недовольный взгляд с Джеймса на Джозефа, а затем снова на Иду.

— Может быть, ты хотя бы поздороваешься с гостями, Оттфрид, — произнесла Ида, пытаясь успокоить мужа. — Джеймс и Джозеф проделали такой долгий путь! У тебя наверняка найдется для них виски. Пиво, к сожалению, закончилось, нужно будет сварить новое после урожая.

— Вечно у тебя какие-то отговорки! — возмутился Оттфрид. — Но, конечно же, да, Джеймс, Джозеф, добро пожаловать на станцию Фенрой — и станцию Рабен. Так называться новая ферма. Моя ферма! — Его голос торжественно зазвенел.

Редвуды удивились.

— Вы будете делить ферму? — с изумлением спросил Джозеф. — Я бы на вашем месте этого не делал. Здесь нет будущего у мелких предприятий. Сельское хозяйство не рентабельно. По крайней мере, пока

не построят город. А для овец нужны большие площади.

— Можно еще увеличить, — без особого интереса отозвался Оттфрид. — У меня большой планы. Но что хотите здесь? Зачем приехать?

Джеймс Редвуд нахмурился. Эти фразы прозвучали не слишком гостеприимно.

— Мой муж хотел уточнить, что привело вас сюда и чем мы можем вам помочь, — произнесла Ида на хорошем английском. — Крис и Карл уехали, я как раз собиралась вам сказать. Они отправились к Батлерам посмотреть овец, думают купить еще.

Джозеф кивнул.

— Нас привела похожая причина, — мрачно заявил он и поглядел на Оттфрида. — Мы хотели осмотреть овец, хотя покупать их не собираемся. До нас дошли слухи... Не обижайтесь, миссис Ида и Отти... Говорят, что к вам попали овцы, как две капли воды похожие на наших. Как вам, должно быть, известно, нас недавно обокрали.

— Вы подозревать нас кража! — демонстративно возмутился Оттфрид. — Мы красть ваши овцы?

Джеймс отмахнулся:

— Мы никого ни в чем не обвиняем. Но не могли же наши овцы раствориться в воздухе. Где-то они должны быть. Может быть, кто-то из вас купил их, ни о чем не подозревая. В любом случае мы не успокоимся, пока не найдем их, и проверяем все зацепки. Я уверен, что Крис ничего не будет иметь против, если вы покажете нам его овец. Хотя его сейчас и нет дома. Так что, прошу вас, давайте не будем ссориться. Просто покажите нам ферму, мы посмотрим стада, а потом выпьем виски. Согласны? — Джозеф, пытаясь вежливо улыбаться, потянулся к седельной сумке, которую принес с собой в дом. — Мы даже бутылку с собой привезли, — добавил он, вынимая ее и ставя на стол. — Считайте это дружеским визитом, Отти. Вам ведь нечего скрывать.

— Конечно нет! — нервно произнесла Ида. — Оттфрид, пожалуйста... Вы хотите пойти сразу или...

— Сразу! — рявкнул Оттфрид. — Если уж смотреть, то сразу. Проверять, мистеры Редвуды, и мы посмотрим. Но хорошо, вы хотите быть друзьями, значит, друзья.

И, развернувшись на каблуках, он твердым шагом вышел за порог, не дожидаясь Редвудов, которые поднялись из-за стола и принялись надевать плащи и куртки.

— С Фенроем и Йеншем было бы легче.

Услышав, как Джеймс прошептал это на ухо брату, Ида густо

покраснела. Оттфрид вел себя невыносимо. Если прежде Редвуды не подозревали его, то теперь уж точно станут!

После того как мужчины ушли, Ида провела несколько часов на кухне за приготовлением густого супа. Жаркое из зайчатины наверняка понравилось бы мужчинам больше, но свежего мяса в доме не было. Оттфрид по-прежнему не подозревал, что у нее есть оружие и как ловко она с ним управляется. Всякий раз, подавая на стол жаркое из крольчатины или утятин, она говорила, что дичь подстрелил кто-то из мужчин или что та попала в расставленные Кэт силки.

Однако времени на то, чтобы испечь две буханки хлеба, ей хватило, — а потом вернулся Оттфрид вместе с Редвудами. К огромному облегчению Иды, все пребывали в отличнейшем настроении.

— Все в порядке? — с тревогой спросила она и с облегчением вздохнула, когда Джеймс и Джозеф с улыбкой кивнули.

— Ложная тревога, миссис Ида, как мы и думали. Ни у одной из ваших овец нет нашего клейма. Однако же примите искренние поздравления: у вашего мужа отличные животные! Действительно, очень похожи на наших, почти чистые ромни. Надо будет в дальнейшем подумать о совместной программе разведения. А метисы-мериносы Йенша и Фенроя, да еще эти роскошные рамбулье... Неужели они действительно принадлежат мисс Кэт? Иногда я очень плохо понимаю Отти. Обязательно расскажите мне об этом подробнее, миссис Ида!

Оттфрид за обедом улыбался и даже не рассердился из-за того, что Редвуды больше разговаривали с Идой. Он все еще не выучил английский настолько хорошо, чтобы вести долгую беседу. Однако в тот вечер он по-прежнему вел себя с Редвудами довольно сдержанно. Казалось, он обижался на них из-за того, что они подозревали его в краже, и только после четвертого или пятого стакана виски снизошел до того, чтобы простить их. Тем не менее Редвуды ушли спать почти трезвыми: Ида подготовила им гостевую комнату в доме Криса. Мужчины опустошили привезенную братьями бутылку, но, когда Оттфрид предложил открыть еще одну, Джеймс и Джозеф отказались. Они собирались уезжать на следующий день и не хотели проснуться с похмельем.

И все же Оттфрид открыл бутылку и осушил еще один стакан. Он выглядел более чем довольным и был настроен необычайно мирно. Ида, которая еще занималась уборкой в кухне, осмелилась задать ему вопрос:

— А ты показывал им овец в деревне у маори?

Оттфрид поморщился:

— Нет конечно. Зачем это? Какое им дело до животных дикарей? —

усмехнулся он. — Они хотели осмотреть наших овец, и они их осмотрели. Получили то, чего хотели, и, надеюсь, остались довольны.

Ида потеряла лоб, не зная, стоит ли говорить об этом дальше. Но, когда через несколько недель Редвуды переберутся сюда, Оттфрид будет неприятно удивлен, а потом могут возникнуть проблемы, если она промолчит сейчас.

— Все равно рано или поздно они увидят животных, которых ты отдал маори, — сказала она. — Ты вот не знаешь, а они скоро станут нашими соседями. Они покупают почти всю землю между станцией Фенрой... э-э... станцией Рабен и фермой Батлеров.

— Что? — взвился Оттфрид. — Эти... эти негодные маори продают им землю? Землю, которая граничит с нашей? Но... но это же значит, что мы никогда не сможем докупить еще! Мы так и будем сидеть на паре гектаров, которые выторговали у них за овец!

Ида задрожала в страхе перед его гневом, но в глубине души испытала облегчение. Похоже, Оттфрид переживал вовсе не из-за овец Те Хайтары.

— Так они сказали, — негромко произнесла она. — Мне очень жаль, наверное, тебе стоило сказать Те Хайтаре, что ты тоже заинтересован в этом. — И вдруг ее осенило: — Но ведь все еще можно исправить! Они пока не подписали договор. Просто поговори с Джейн и *арики*. Наверняка что-то можно будет придумать!

Оттфрид засопел.

— Еще как можно! — проворчал он. — Только не поползу я к ним, словно побитая собака! С меня довольно... Я... Ничего, подожди. Они у меня... У них еще искры из глаз посыплются!

Ида с тревогой смотрела вслед Оттфриду и братьям Редвуд, когда на следующее утро они вышли из дома после завтрака.

— Я еще что-то хотеть вам показывать! — заявил Оттфрид, когда мужчины уже собирались уезжать. — Я кое-что вспоминать. Про овцы. Вы идти со мной. Ах да, Ида... — Он перешел на немецкий: — Возможно, мне придется съездить с Редвудами в Порт-Купер. Нужно кое-что уладить. Ну, ты знаешь, мы вчера на этот счет с тобой говорили.

Ида нахмурилась, но предпочла промолчать. Она понятия не имела, какое отношение может иметь угроза Оттфрида к поездке в Порт-Купер, но злить мужа не хотела. Его миролюбивое настроение очень скоро сменилось ненавистью ко всему миру и даже к Богу, и теперь у нее болело все тело. «Надо было раньше рассказать мне о том, что Редвуды собираются переезжать, — упрекал он ее. — Тогда я все устроил бы иначе». Что он имел в виду, Ида совершенно не представляла, но, если он собирается ехать

с братьями в Порт-Купер, тем лучше!

Вскоре после того, как Оттфрид уехал, из деревни маори вернулась Кэт и с интересом выслушала рассказанную Идой историю о визите братьев Редвуд.

— Он показал им всех овец, кроме тех, которые сейчас у Те Хайтары, — с тревогой рассказывала молодая женщина. — Думаешь, это что-нибудь значит? Я не верю, что он имеет какое-то отношение к той краже. Он не так воспитан, он христианин, он из Рабен-Штейнфельда, а мы всегда были порядочными людьми. Однако, мне кажется, он опасается, что торговец в Нельсоне продал ему краденых овец. Теперь ему придется вернуть их, и мы снова станем бедны, и...

Кэт возвела глаза к небу.

— Не ломай себе голову, Ида, — мягко произнесла она. — И забудь о Рабен-Штейнфельде! Если хочешь знать мое мнение, твой Оттфрид — тот еще негодяй, я думаю, что он вполне способен на кражу. Что же до овец Те Хайтары... Если он сумел устроить так, чтобы Редвуды их не видели, то это вышло по чистой случайности. Обычно они пасутся вокруг деревни, бегают вместе с моими овцами и овцами Карла. И только теперь, когда они ягнятся, мы держим их в загоне. Это даже не обязательно, достаточно было оставить в загоне только тех, кому еще предстоит родить, но Макуту считает иначе. Она говорит, что стадо должно оставаться вместе, их душам повредит, если мы разделим семьи.

— Душам овец? — удивленно переспросила Ида, нахмурившись.

Кэт рассмеялась:

— О да, *нгаи таху* считают, что у каждой овцы есть душа, так же, как у каждого дерева и каждого куста *рата*. Да не смотри ты на меня, словно девушка из Рабен-Штейнфельда, которая во всем видит богохульство. *Тохунга* могут оказаться правы. Еще ни одна овца не отвергла ягненка. Детеньша той овцематки, которая умерла при родах, приняла другая, а песни Кунари любят слушать все. Ты ведь сама говорила, что ее сыр даже вкуснее, чем твой.

Кунари, девушка из племени, немного отставала в развитии. Она была милой и общительной, но работала очень медленно, кроме того, порой не могла запомнить, как нужно делать те или иные вещи. Говорила Кунари мало, но постоянно пела — что-то невнятное или, как говорила Макуту, на своем собственном языке. Однако с тех пор, как племя стало разводить овец, Кунари уверенно шла к получению звания *тохунга*. Ида научила ее доить овец, и девушка заботилась о молочных овцах, проявляя в этом недюжинную смекалку. Для своей сыроварни Ида держала десять

овцематок, но теперь ей пришлось отдать их, поскольку они входили в число приобретенных Оттфридом овец. Это решение далось ей нелегко, но, как бы там ни было, она знала, что у Кунари животные будут в надежных руках. Девушка доила их утром и вечером, варила сыр и временами выпасала на лугах, чтобы они могли щипать более сочную траву. При этом она всегда пела им и рассказывала длинные истории. Овчарка была ей не нужна: овцы послушно ходили за ней следом. Однажды Макуту с уважением сказала, что Кунари говорит на языке *xipi*. Маори давно размышляли о том, каким даром наделили ее боги и каким еще наделят, но наконец-то все встало на свои места!

— Кстати, Кунари вчера весь день бродила где-то со своими овцами, — вдруг вспомнила Кэт. — И позавчера тоже. Оттфрид и Редвуды вполне могли столкнуться с ней. Так что не переживай ты так. Хотя бы за *нгаи таху*, их овец и Оттфрида! Я скорее волновалась бы за Редвудов, с ними только он и никого из посторонних, а он на них, по всей видимости, злится. Надеюсь, они догадаются, что к нему нельзя поворачиваться спиной!

Оттфрид не вернулся и в следующие несколько дней, и облегчение, которое испытывала Ида по этому поводу, сменилось всевозрастающей тревогой. Конечно, вполне возможно, что Кэт права и Оттфрид снова застрял в одном из пабов, чтобы проиграть или пропить те гроши, которые заработал на продаже шерсти.

— Он ведь хотел строить дом на станции Рабен и был настроен решительно, — говорила Ида.

Кэт поморщилась:

— Ида, он пьет и играет. Видимо, это не тот процесс, которым мужчины умеют управлять. Стоит Оттфриду сесть за карты — и все, конец, он не остановится, пока у него не закончатся деньги. То же самое и с выпивкой. Пока есть виски, он бутылку не отпустит. Остается лишь надеяться, что он не наделает новых долгов. Правда, жители Порт-Купера его уже знают, возможно, они не станут занимать ему деньги.

Глава 3

— Я спрашиваю вас еще раз: вы уверены в том, что говорите?

Молодой офицер полиции остановился в лесочке у реки неподалеку от станции Фенрой и деревни *нгаи таху*, чтобы позволить своим подчиненным передохнуть. Он испытывал какое-то неприятное ощущение с тех самых пор, как братья Редвуд пришли в его офис в Порт-Купере, чтобы написать заявление. Ситуация показалась ему слишком сложной: он занимал должность деревенского шерифа и, как со смехом говорили поселенцы, принял ее только потому, что никто больше не соглашался.

Разумеется, деньги ему тоже были нужны, и, в отличие от большинства жителей Порт-Купера, он легко справлялся с ведением обширной отчетности. В Ирландии он был деревенским учителем. Но это щекотливое дело... Шон О'Мэлли хотел еще раз все проверить, прежде чем всерьез заняться этим вопросом.

— Вы не могли ошибиться?

— Нет. — В голосе Джозефа Редвуда слышалось раздражение. — Я вам уже три раза повторил, офицер: мой брат и мистер Брандманн свидетели. Наши овцы у этих людей. Сомнений быть не может, у животных наша маркировка, мы можем доказать это в любой момент, если это так необходимо.

— А почему их тогда не спрятали получше? — О'Мэлли одернул свою форму и в десятый раз убедился в том, что вся амуниция на месте. — Вы же сами говорили, что овцы паслись совершенно открыто и пастушка вела себя так, словно не чувствовала за собой никакой вины.

— Офицер! — Джозеф Редвуд едва держал себя в руках. — Девушка, которая пасет наших овец, по всей видимости, слабоумная. Поэтому она не может отличить правду от лжи. И поэтому она спокойно подвела к нам животных, чтобы мы могли рассмотреть их вблизи. Мы уверены, так что пойдемте наконец в деревню, заставим маори признаться и конфискуем овец. По словам мистера Брандманна, за кражей может стоять вождь — кажется, он довольно ушлый тип, племя весьма зажиточное. Не исключено, что он замешан еще в каких-то махинациях. Так что лучше всего будет арестовать этого парня, для этого вы, наверное, и собрали свой отряд.

— Конечно.

О'Мэлли закусил губу. Лично он предпочел бы передать это дело в вышестоящую инстанцию, в Окленд, но Редвуды настояли на том, чтобы он занялся этим немедленно. Найти добровольцев для экспедиции оказалось несложно. Редвудов все любили, за краткий срок они сумели мобилизовать своих друзей и знакомых в Порт-Купере, к тому же в поселке как раз появились новые переселенцы, которые еще не получили землю. Им было нечем заняться, кроме того, они были заинтересованы в том, чтобы обеспечить безопасность в регионе, в котором собирались жить. С маори они никогда прежде дела не имели, но все слышали жуткие истории американских поселенцев о жестокости индейцев.

— Что ж, хорошо. — Офицер полиции взял себя в руки. — Значит, пойдемте. Сохраняйте спокойствие, но будьте начеку. Нужно быть готовыми к тому, что у воинов есть огнестрельное оружие. Вы ведь так говорили, мистер Брандманн?

Оттфрид ударил себя кулаком в грудь. Сердце его гулко билось, сейчас он проворачивал самую рискованную из своих затей. И если все получится, если удастся, то он выберется из этой истории целым и невредимым, да и в игре с землевладением карты придется сдавать заново.

— Ребята вооружать до зубов, офицер! — заявил он. — Так что внимание! Но мы сильнее!

Новые колонисты, крестьяне, а отнюдь не воины, неуверенно сжимали в руках мушкеты и ружья.

— Переговоры буду вести я! — заявил О'Мэлли, становясь во главе отряда. — Надеюсь, они говорят по-английски.

Разумеется, жители деревни Те Хайтары заметили, что к ним приближается вооруженный отряд, верхом и на повозках. Когда Джейн описали форму О'Мэлли, она заключила, что это полицейские, однако все равно ничего не понимала.

— Может быть, они пришли к Крису, — размышляла Джейн. — Хотя... не могу представить, чтобы он совершил нечто противозаконное. Или они ищут сбежавшего преступника. Тогда они, наверное, хотят расспросить нас. В любом случае нам нечего бояться.

— Значит, мне не приказывать воинам готовиться по тревоге? — спросил Те Хайтара.

Его воины уже собрались, держа в руках копья и боевые дубинки. Мушкетов или револьверов у большинства из них не было: Карпентер не торговал оружием. Странствующий торговец привозил своим клиентам почти все, что они просили, но в этом вопросе обозначил границы весьма четко. «Временами я обманываю людей и за это уж точно не попаду на Небеса, — говорил он, — но на моих руках нет крови, так оно впредь и останется. Если хотите убивать друг друга, покупайте оружие у кого-нибудь другого!» В деревне было только два ружья: их купил для Те Хайтары в Порт-Купере Крис Фенрой. Большого им и не требовалось. *Нгаи таху* — племя мирное, на Южном острове у них практически не было врагов, с тех пор как *нгати тоа* прекратили свои набеги.

— Мы подготовим *повири*, — спокойно произнесла Макуту, прежде чем Джейн успела ответить вождю. — Если эти люди действительно придут в деревню, их нужно приветствовать как следует, и, конечно же, наши воины продемонстрируют при этом свою силу.

Это решение заставило жителей деревни засуетиться. Мужчины и женщины меняли свои яркие платья из хлопчатобумажной ткани на традиционные юбки из льняных полосок и плетеные кофточки в цветах племени. Вождь вооружился своими регалиями, грозные воины по обычаю

выстроились за его спиной, босые и полуобнаженные. Все радостно заплодировали, когда Джейн тоже надела наряд маори. Стоял теплый весенний день, она полагала, что не замерзнет, кроме того, ей хотелось создать прецедент.

Когда гости наконец приблизились, некоторые женщины запели, а два молодых родственника Те Хайтары вышли им навстречу. Украшения и роскошные плащи свидетельствовали об их высоком ранге.

Все это пугающим образом напомнило Оттфриду инцидент в Вайрау, но он подавил всколыхнувшуюся в душе панику. Тогда у него получилось, получится и теперь. Это племя меньше, чем племя Те Раупарахи, и не такое воинственное. Оттфрид прекрасно знал, что большинство собравшихся вокруг Те Хайтары людей не вооружены.

— *Kia ora!* — Молодые люди, встречавшие гостей, поклонились *пакеха*, лица их были приветливы и серьезны.

Тем не менее татуировки на лицах встречающих произвели должное впечатление на О'Мэлли, не говоря уже о новых колонистах. Оттфрид еще хорошо помнил, как чувствовал себя в Вайрау.

— *Хаэре маи.* Мы приветствуем вас в *мараэ* нашего *иви*. Вождь Те Хайтара ожидает вас. Очень радовать видеть!

— И вам тоже... хм... добрый день, — пробормотал О'Мэлли. — Однако нас привело сюда скорее безрадостное событие. Меня зовут Шон О'Мэлли, я офицер полиции из Порт-Купера, я...

Один из молодых маори решил подойти к нему поближе.

— Очень радовать! — повторил он. — Я Те Конута. Племянник *арики*. *Хонги?*

И он попытался приблизить свое лицо к лицу офицера, чтобы обменяться традиционным для маори приветствием. О'Мэлли отпрянул, но вспомнил о хороших манерах и все же протянул руку Те Конуте. Молодой человек просиял, он пришел в полный восторг. Видимо, он считал честью возможность обменяться с *пакеха* привычным для тех рукопожатием. Узкая ладонь О'Мэлли утонула в его огромной лапище.

— Очень радовать! — на вполне сносном английском произнес молодой маори.

О'Мэлли поморщился:

— Послушайте, все это очень... хм... очень мило, однако, как я уже говорил, дело, которое нас сюда привело, в целом скорее... неприятное.

— А теперь, офицер, довольно уже ходить вокруг да около! — не выдержал Джеймс Редвуд. — Это не визит вежливости. Меня зовут Джеймс Редвуд, а это — мой брат Джозеф. Не так давно у нас украли стадо овец, и

мы нашли некоторых животных здесь. Мы требуем вернуть их и хотим, чтобы виновные предстали перед судом.

Те Конута наморщил свой татуированный лоб.

— Ходить... вокруг? — удивленно переспросил он. — Овца есть? Мы поесть, когда закончить здороваться.

Джозеф Редвуд возвел глаза к небу:

— Господь милосердный! Есть здесь кто-нибудь, кто как следует говорит по-английски?

Другой молодой человек кивнул:

— Конечно. Говорить с Джейн. Простить, еще учить английский, не очень хорошо. Когда медленно говорить, мы лучше понимать. А теперь идти. И давать руку или *хонги*. Друзья!

Редвуд вздохнул и пожал руку молодому воину, хотя по лицу его было видно, что он предпочел бы ударить маори.

— Что ж, хорошо, поговорим с миссис Фенрой. Но скажу вам сразу, ей придется кое-что объяснить!

— Когда ты наконец собираешься рассказать Оттфриду? — спросила Кэт, забирая у Охотника мертвую утку, которую пес принес ей с довольным видом. За сегодняшний день это была уже третья подстреленная Идой утка. И ровно три выстрела она сделала.

— О чем? — переспросила Ида. — О стрельбе или о беременности?

— Сейчас я имела в виду именно стрельбу, — отозвалась Кэт. — То, что у тебя будет ребенок, нельзя скрывать вечно. Кстати, тебе давно уже следовало сказать ему об этом, поскольку ты прекрасно знаешь, что тогда он перестанет мучить тебя по ночам, как и в прошлый раз. Но ты, видимо, все же хочешь оставить себе возможность бежать с Карлом.

Ида вздохнула. Кэт была права, как всегда. Если она уступит Карлу, лучше будет, если Оттфрид так и не узнает о ее беременности. Может быть, он смирится с потерей жены, — хотя в это Ида не верила, — но уж точно не с потерей вероятного наследника мужского пола. Кроме того, скрывать беременность у нее получалось легко. Она чувствовала себя намного лучше, чем в прошлый раз, даже утренняя тошнота ее редко беспокоила.

— Думаю, если мы действительно переедем, мне придется наконец сказать ему. — Ида вновь перевела разговор на свое умение стрелять. — По крайней мере, если я буду продолжать охотиться. Оттфрид не захочет отказываться от мяса, и, честно говоря, уж лучше я буду стрелять кроликов, чем забивать ягнят.

Она окинула пастбище пристальным взглядом. День для охоты выдался чудесный — ясный и солнечный. Ида и Кэт оставили детей в

деревне маори и пообещали за это принести женщинам утку или кролика, а затем ушли. Кролики весной были особенно неосторожны. Они сейчас спаривались, и в других местах их пощадили бы, однако в Новой Зеландии, где у этих животных не было естественных врагов и они бесконтрольно размножались, радовались каждому убитому кролику.

— Тем не менее существует опасность того, что он отберет у тебя револьвер, — напомнила подруге Кэт.

Ида пожала плечами.

— Значит, жаркого из крольчатины у него не будет, — только и сказала она.

Увидев два длинных уха за одним из валунов, росших из земли повсюду, как будто их разбросали вездесущие боги маори, Ида молниеносно вскинула оружие и выстрелила в тот самый миг, когда кролик выскочил из-за камня. Животное тут же упало на землю.

— Еще один патрон, — сказала Ида, когда Охотник бросился за добычей. — Нужно будет отлить немного, по возможности пока Оттфрид не вернулся.

Охотник принес кролика, пока Ида высматривала очередную добычу.

— Подожди! Кто-то идет, — вдруг с тревогой сказала она. — Из деревни. Это, случайно, не Кунари? Ого, как она торопится!

Иде и Кэт, насколько они помнили, никогда не доводилось видеть, чтобы эта девушка бежала, однако теперь она неслась прямо к ним, спотыкаясь и едва не падая. На ее широком лице с татуировкой вокруг рта отражалась настоящая паника.

— Я... я... Ты... ты... Р-р-ружье! Ты... ты... стрелять плохие люди... хотят забрать овцы. Я... я слышала, они в-в-в... у реки. Я... я... я... мне страшно! — лепетала Кунари.

Кэт нахмурилась, но не поняла, о чем идет речь. С другой стороны, Кунари выражалась гораздо яснее, чем обычно. Она еще никогда не говорила так много и так быстро на «человеческом» языке.

— Что она хочет сказать? — переспросила Ида.

Кэт пожала плечами:

— Если я правильно поняла, она просит тебя пойти в деревню и пристрелить каких-то людей, которые хотят забрать овец Кунари. Они совещались об этом внизу, у реки, и она, видимо, подслушала разговор.

Ида потерла виски.

— Маори или *пакеха*, Кунари? — поинтересовалась она.

— Кунари не понимает по-английски, — отозвалась Кэт, однако девушка уже энергично трясла головой:

— Нет, понимать, *хипи* понимать, *хипи* значит овца! *Пакеха*, злой мужчина, хотеть мои овцы!

— Пойдем! — Ида уже двинулась в сторону деревни. — Скорее! Нам нужно в деревню. Кто знает, что там стряслось!

— Но она, наверное, что-то не так поняла. Она...

Кэт шла за Идой. Кунари бежала рядом со взволнованным Охотником.

— *Камакама!* — то и дело повторяла она. — Быстро!

— Может быть, она не поняла слов, но смысл уловила точно, — тяжело дыша, говорила Ида. — Как бы там ни было, она ужасно напугана. Должно быть, она оставила овец одних — наверняка ведь гуляла с животными, когда заметила мужчин. Она никогда бы так не поступила, если бы не была в такой панике. В деревне что-то происходит. А там дети!

Крис и Карл уже почти добрались до станции Фенрой, когда услышали выстрелы. С помощью Приятеля они гнали стадо довольно проворных молодых овцематок в сторону фермы. Старший стригаль не преувеличивал: овцы Батлера вполне подходили к их собственным животным, и цена, которую запросил капитан, была справедливой. Они отлично ладили с Батлером, а его красавица жена не хотела отпускать их, поскольку гости бывали у них нечасто. В конце концов мужчины провели у Батлеров больше времени, чем намеревались изначально. Карл уже начал переживать за Иду. В тот момент, когда раздались выстрелы, овцы испуганно бросились врассыпную.

— Что это такое? — занервничал Крис.

Карл свистом подозвал Приятеля и, сидя верхом на Бренди, бросился догонять двух отбившихся от стада животных.

— Ида охотится, — со знанием дела произнес он. — Это не ружье, а револьвер. Наверное, у Брандманнов сегодня будет жаркое из крольчатины. Может быть, если мы как следует попросим, нас тоже угостят.

Крис покачал головой.

— Если Ида охотится, это значит, что Оттфрида нет дома, — заметил он. — Куда он опять запропастился? И откуда прозвучали выстрелы?

Крис окинул взглядом равнину, но не заметил на берегу ни Иды, ни Кэт. Зато увидел лодку, плывущую к ним по Ваймакарири.

— Вот это точно Пит! — улыбнулся он и помахал рукой лодочнику.

— Фенрой, Йенш! — ответил на приветствие Пит и направил лодку к берегу. — Хорошо, что вы вернулись! Не то пришлось бы ехать за вами к Батлеру. Я услышал про Редвудов и сразу же...

— Что вы услышали? — перебил мужчину встревоженный Крис и спешил. Он поймал веревку, которую бросил ему Пит, и подтащил лодку

к берегу. — Мы только что вернулись.

— Вы искали нас? — Взгляд у Карла был испуганный, хотя с Идой, по идее, ничего не могло случиться. Кто, кроме нее, может охотиться здесь с револьвером? — Что произошло?

— Ну, хм, пока что, наверное, ничего, — отозвался Пит, выбираясь из лодки. — Но может произойти. Сюда направляются Редвуды с офицером полиции. С этим бледнолицым, ну, знаете, О'Мэлли. Будто бы они нашли здесь украденных овец — в племени маори. И теперь собираются потребовать их обратно. И арестовать вождя.

Карл и Крис переглянулись, каждый из них прекрасно понимал, о чем подумал другой: Вайрау. Карл попытался взять себя в руки.

— Мы все выясним, — сказал Крис и снова сел в седло. — Маори купили животных, ни о чем не подозревая. У Оттфрида...

— Отти? — усмехнулся Пит. — Он-то и подкинул Редвудам эту идею. И теперь ведет сюда поисковый отряд, или как это еще можно назвать.

— Поисковый отряд? — с удивлением переспросил Карл. — Я думал, там только Редвуды да О'Мэлли...

Пит покачал головой:

— Если бы. Редвуды на полпути не останавливаются. А офицер... он же в штаны наложит, стоит ему увидеть маори. Без кавалерии вождя арестовать не получится.

Крис застонал.

— Сколько? — спросил он.

Пит пожал плечами:

— Человек двадцать.

Услышав два выстрела подряд, О'Мэлли испугался, как и весь его отряд.

— Ловушка? — воскликнул О'Мэлли. — Кто-то из туземцев зашел к нам со спины?

Те Конута и другой молодой воин шагали впереди, явно ничего не опасаясь. Сейчас они проходили под аркой ворот простого плетеного забора из листьев *раупо*, окружавшего деревню. Маори собрались между домами, никто на выстрелы не реагировал. Однако *пакеха* снова схватились за оружие. Некоторые нервно поигрывали штыками, словно им не терпелось пустить их в дело.

Оттфрид тоже вздрогнул. Выстрелы на равнинах стали для него неожиданностью. Неужели вернулись Крис и Карл? Это может нарушить все его планы. Впрочем, стрельба началась весьма кстати. Мужчины из Порт-Купера и офицер полиции встревожились еще больше.

Братья Редвуды могли бы пролить свет на эту загадку, поскольку наверняка догадались, что стреляют из револьвера Лоры, однако они не сводили глаз с маори и не замечали, как нервничают их спутники.

Оттфрид же почти физически ощущал их тревогу. Оказавшись посреди целой толпы могучих воинов, одетых в традиционные одежды, вооруженных копьями и боевыми дубинками, поселенцы перепугались до смерти, а офицер полиции дрожал еще больше, чем его помощники. Если Оттфриду хоть немного повезет, то ему даже ничего не придется делать. Вполне возможно, что терпение лопнет у кого-то другого.

Но тут от группы высокопоставленных маори отделились Те Хайтара и Джейн Фенрой. За вождем шли несколько воинов. Те Хайтара выглядел весьма угрожающе, он был высоким и плотным. Вождь буквально излучал власть. Однако Джейн Фенрой помогла разрядить обстановку. Белая женщина в яркой юбке и короткой кофточке выглядела очень привлекательно. О'Мэлли и его мужчины как замороженные смотрели на *хей-тики* у нее на шее, на ее распущенные, поддерживаемые широким обручем волосы. Им никогда не приходилось видеть англичанку в подобном облачении. Настороженность мужчин сменилась удивлением. А когда Джейн заговорила, они слушали ее с интересом.

— Меня зовут Джейн, и я имею честь приветствовать вас в этой деревне от имени *нгаи таху*. Народ *нгаи таху* очень гостеприимен, старейшины деревни и вождь с радостью приглашают вас на церемонию...

— Мадам, не хотелось бы вас перебивать... — Джозеф Редвуд почтительно снял шляпу, Оттфрид заметил, что другие мужчины вокруг него тоже немного расслабились, — но мы пришли по очень важному делу.

Пока Редвуд излагал суть этого дела, Оттфрид лихорадочно размышлял. С женщиной все вели себя намного вежливее, чем с Те Канутой. О'Мэлли даже поклонился и попросил узнать у вождя, каково его мнение о выдвинутых обвинениях. Переселенцы забыли о своих мушкетах. Ситуация сама по себе накаляться не желала. Если Оттфрид хотел спастись, ему следовало действовать самому, причем немедленно. Как только Джейн укажет на него, все к нему повернутся...

Оттфрид взял в руки мушкет и тщательно прицелился. Теперь это важнее, чем тогда, в Вайрау. Там не имело особого значения, попадет он или нет, лишь бы прозвучал первый выстрел! Здесь же весь успех операции во многом зависел от того, не промахнется ли он. Оттфрид успокаивал себя мыслью о том, что наверняка сможет выстрелить не один раз. Люди Те Хайтары не сумеют дать им отпор: у двух воинов были охотничьи ружья, но это ничто по сравнению с огневой мощью *пакеха*.

Ида и Кэт бежали к деревне, за ними мчались Кунари и Охотник. Оказавшись за воротами, они увидели, что жители деревни и гости выстроились друг напротив друга. Ида вздохнула с облегчением. Все выглядело довольно мирно. Маори, видимо, собирались устраивать *повири*, и Джейн произносила первые слова приветствия. Что бы ни случилось, бывшая миссис Фенрой наверняка сможет все уладить. Женщины не слышали, что она сказала, но заметили гневное выражение ее лица, когда заговорили Джеймс Редвуд и офицер О'Мэлли:

— ...мы требуем для начала показать нам животных, о которых идет речь, а затем, если подозрения Редвудов подтвердятся, вернуть их!

Офицер полиции О'Мэлли повысил голос, а Ида и Кэт подошли к собравшимся достаточно близко, чтобы уловить каждое слово их напряженной беседы. На лице Джейн появилось сначала недоумение, а затем и ярость. Теперь она собиралась ответить на обвинения.

Кэт, в отличие от Иды, сразу поняла, что на деревенской площади сложилась достаточно тревожная ситуация, кроме того, у нее были свои причины для страха. Слишком уж все это напоминало происшествие в Вайрау: те жуткие образы навечно запечатлелись в ее памяти. Снова два разных народа стояли друг напротив друга, и среди них — не уверенные в себе мужчины с оружием. Кэт обводила пристальным взглядом ряды *пакеха* и вдруг заметила, как на солнце сверкнуло дуло ружья.

— Джейн! Ложись, Джейн!

Кэт закричала, пытаясь предупредить Джейн, но выстрел заглушил ее крик.

Крис и Карл галопом неслись к деревне и услышали выстрел в тот самый миг, когда их лошади оставили позади ворота. Их тоже потрясло открывшееся перед ними зрелище. Вайрау... История повторялась, и, возможно, они опоздали.

Джейн испуганно попятилась. Застыв от ужаса, Кэт смотрела на красное пятно, расплывавшееся у нее на груди, как тогда — на груди Те Ронги, но Джейн удержалась на ногах. Кэт показалось, что эти мгновения растянулись на несколько часов. Она оглянулась в поисках того, кто стрелял, и увидела Оттфрида Брандманна. Он схватился за сердце и упал. А потом Кэт услышала голос Иды.

— Я застрелила его, Кэт, я его застрелила, — безучастно произнесла она. Ее револьвер еще дымился.

Крис и Карл решительно двинулись вперед между англичанами и маори, когда увидели лежащего на земле Оттфрида. Казалось, О'Мэлли растерялся. Он в ужасе смотрел на маори и на свой отряд, члены которого

готовы были запаниковать. Мужчины хватались за оружие, кто-то крикнул: «К бою!» Другие голоса требовали сохранять спокойствие, а большинство просто растерялось, оглядываясь в недоумении и страхе.

Воины Те Хайтары собрались вокруг своего вождя, который, в свою очередь, пытался заслонить Джейн от посторонних глаз. Молодая женщина смертельно побледнела; правой рукой она прижимала к себе кровоточащую левую руку. Видимо, Оттфрид задел ее, но рана оказалась несерьезной. Скорее всего, Оттфрид выстрелил в тот самый миг, когда его сразила последняя пуля Иды.

— Я застрелила его, Господь накажет меня, я застрелила его, я застрелила своего мужа, я... — шептала Ида. Потом ее слова превратились в бессвязный лепет, и наконец она расплакалась. — Господь накажет меня, о Господи, о Господи, я... я застрелила его...

— Иначе он застрелил бы Джейн!

Кэт хотелось встряхнуть Иду, однако потом она поняла, что сейчас есть более важные задачи, а вывести подругу из транса она еще успеет. Крис и Карл говорили с *накеха*. Маори тоже были вооружены. Нельзя было допустить, чтобы снова прозвучали выстрелы. То, что случилось в Вайрау, не должно было повториться. Вайрау? В голове у Кэт мелькнула мрачная догадка.

— Не стрелять! — кричал Карл, а Крис повторял его слова на маори. Их лошади образовали своего рода барьер между двумя враждующими сторонами. — Ни в коем случае не стреляйте! Опустите оружие. Произошла ошибка, выстрел был случайным...

Именно так объясняли потом трагедию на равнине Вайрау, но теперь Кэт воспринимала все намного четче, и осознание произошедшего обрушилось на нее тяжким грузом.

— Нет! — крикнула она, чем привлекла к себе внимание Криса, Карла и англичан. — Это была не случайность, как и тогда! Он стрелял нарочно! Это Брандманн сделал. Я видела: он целился в Джейн, жену вождя. И... это было не в первый раз!

Кэт посмотрела на безжизненное тело Оттфрида и почувствовала, как в душе ее нарастает уверенность. Она перевела взгляд на Криса Фенроя.

— Это был он, Крис! — сказала она. — Это он убил Те Ронгу!

— Кто стрелял?

На деревенской площади постепенно воцарялось спокойствие, и теперь, когда опасность миновала, офицер О'Мэлли наконец сумел взять себя в руки.

— Кто стрелял первым? — уточнил Джозеф Редвуд, выпрямляясь и с

угрозой глядя на маори. Оттфриду Брандманну уже ничем нельзя было помочь.

Крис поглядел на Кэт, а затем на Иду, которая безудержно рыдала, сидя на земле и все еще сжимая в руке револьвер.

— Судя по всему, Ида, — ответил он на вопрос Джозефа как можно спокойнее. — На долю секунды раньше, чем Оттфрид. Иначе Джейн была бы уже мертва. Но зачем все это...

— Кто такая Ида? — спросил О'Мэлли, в недоумении глядя на хрупкую молодую женщину с оружием.

Пока Крис пытался подыскать другие слова, Карл спешил, забрал у Иды револьвер и обнял, пытаясь утешить.

— Это Ида Брандманн, — представил он ее. — Она...

— Я его жена, — всхлипнула Ида. — Я убила его, я...

О'Мэлли почесал лоб:

— Кто-нибудь может мне объяснить, что произошло? О чем здесь вообще речь? О краже овец или об убийстве супруга?

Кэт постаралась сосредоточиться: сейчас нельзя было допустить ошибку. При этом она испытывала такие же отчаяние и грусть, как и Ида. С убийством мужа подруге придется справляться самостоятельно, равно как и самой Кэт с осознанием того, что ее приемная мать была убита не случайно, а намеренно.

— Речь идет о попытке скрыть кражу овец, — пояснила она. — Любым способом. *Нгаи таху* не угоняли ваших овец, Джозеф и Джеймс. Это сделал Оттфрид Брандманн. И когда он стал опасаться, что вы раскроете его махинации, он продал животных маори.

— А потом обвинил в краже вождя, — догадался Джеймс Редвуд.

— Сначала он просто хотел избавиться от животных, поэтому продал их маори, но когда услышал, что вы переезжаете сюда, то понял, что его план провалился. Рано или поздно вы все равно обнаружили бы своих овец, — продолжала Кэт, — поэтому ему понадобился козел отпущения.

— Но ведь и это рано или поздно открылось бы! — удивился Джозеф.

— Конечно! — отозвалась Кэт. — Джейн Фенрой как раз собиралась вам все объяснить.

— А этот негодяй попытался убить ее! — воскликнул Крис. — Боже мой, Кэт! Теперь я понял, что ты имела в виду, когда говорила о Вайрау. Он тоже был там и...

О'Мэлли не видел никаких параллелей между этой перестрелкой и другими стычками. Он мечтал хотя бы понять, что происходит здесь и сейчас.

— Но ведь и другие люди были в курсе, — заявил он. — Недостаточно было устранить только миссис Джейн...

Джеймс Редвуд возвел глаза к небу.

Скорее всего, он тоже ничего не знал о трагедии в Вайрау, но представлял себе, как отреагировал бы вождь на убийство жены.

— Конечно же, Брандманн рассчитывал на то, что маори начнут стрелять в ответ, — пояснил он наивному офицеру полиции. — Боже мой, это же всем известно: стоит прозвучать одному выстрелу, и людей уже не остановишь. Брандманн хотел спровоцировать перестрелку.

Те Хайтара, который переводил взгляд с Криса на Кэт, что-то сказал.

— Никакой перестрелки, — поправил его Крис. — Была бы резня! У *нгаи таху* нет огнестрельного оружия. В ярости они бросились бы на *пахеха* с копьями и дубинками, конечно же, без единого шанса на победу. Ваши люди уничтожили бы это племя, О'Мэлли! Именно этого и добивался Оттфрид.

Офицер полиции побледнел:

— А как его жене пришло в голову...

Он перевел беспомощный взгляд на плачущую Иду. Теперь рядом с ней сидела Макуту. Она что-то сказала ей на языке маори, а потом подала Карлу знак, что будет лучше увести ее с площади. Старуха проводила ее в одно из стоящих поблизости зданий.

— Мы с Идой подошли как раз в тот самый миг, когда он прицелился в Джейн, — рассказывала Кэт. — Мы увидели, как сверкнуло его ружье, — по крайней мере, я точно это видела. Я закричала, но меня никто не услышал. Только Ида... Это была единственная возможность остановить его, офицер, не что иное, как самозащита. Единственный шанс предотвратить кровопролитие.

— Хм... — О’Мэлли кивнул, затем наклонился, намереваясь осмотреть тело Оттфрида.

— Угол совпадает, — произнес он. — И, хотя мне все еще не верится, судя по всему, вы правы. Женщина стреляет из револьвера — невероятно! А чтобы она еще и попала — просто роковая случайность! Словно божественная длань...

Джеймс Редвуд мрачно усмехнулся.

— Миссис Ида и без Божьей помощи справилась, — отозвался он. — Эта маленькая леди стреляла, как сам черт. С самого начала...

Глава 4

Хотя это было серьезным нарушением традиции, но даже Макуту не стала протестовать, когда вождь в качестве исключения решил пропустить *повири*. Джейн Фенрой, которая довольно быстро пришла в себя после того, как женщины обработали ее рану, приказала принять Редвудов, О’Мэлли и его отряд в круг друзей племени без формальной церемонии, после чего подали угощение. Вынесли пиво и виски, женщины разогрели заранее заготовленную еду на поспешно разведенных кострах. Тело Оттфрида Брандманна положили в доме вождя, чтобы подготовить к погребению, а офицер полиции подробно записал показания свидетелей в блокнот. Он дотошно опрашивал всех участников событий, начиная с Те Хайтары и заканчивая братьями Редвуд, фиксируя все сказанное.

— Тем не менее его расчет в любом случае был неверным, — наконец заявил он. — Были ведь люди, знавшие о продаже овец. И, если бы произошла серьезная стычка с маори, губернатор потребовал бы расследования.

— О продаже было известно только нам, — отозвался Крис. — Карлу, Кэт и мне. Кто знает, что еще планировал Оттфрид. В любом случае до начала официального расследования прошел бы не один месяц, он успел бы позаботиться об этом.

— Расчет и тогда не сработал... — негромко произнесла Кэт.

Она как раз присоединилась к ним и заставила Карла выйти из хижины, в которую Макуту отвела Иду. Молодая женщина плакала и причитала, пока не провалилась в беспокойный и, как опасалась Кэт, лихорадочный сон. Теперь Макуту присматривала за ней, а Кунари пела бесконечные песни на своем непонятном языке. Кэт поняла, что ни она, ни Карл сейчас ничем помочь ей не смогут, а ей срочно нужно было выпить. И вот теперь молодая женщина сделала большой глоток виски и продолжила:

— В Вайрау.

— Тогда была убита дочь вождя, — вспомнил вдруг О’Мэлли,

тщательно изучивший новейшую историю своей второй родины. — Но какое это имеет отношение к случившемуся?

Крис и Кэт кратко описали ему тогдашнюю ситуацию в Нельсоне, положение немецких колонистов и экспедицию Уэйкфилда к *нгати тоа*. Капитан намеревался заставить их отдать землю на равнине Вайрау.

— Все началось, когда из рядов *пакеха* прозвучал выстрел, — рассказывала Кэт. — Мы думали, что это произошло случайно. Погибла моя приемная мать Те Ронга. Но это был не несчастный случай, и сегодня я поняла это. Уже тогда за этим стоял план! Оттфрид хотел, чтобы поднялась стрельба, ему нужна была стычка между маори и *пакеха*. Если бы Артур Уэйкфилд уничтожил *нгати тоа*, путь на равнину Вайрау был бы свободен!

Крис кивнул:

— И у него почти получилось! Все висело на волоске. Полковник Уэйкфилд уже собирался посылать солдат. Если бы не Таккетт и не губернатор Северного острова, который оказался рассудительным человеком...

— Тем не менее этот план разработал не Оттфрид Брандманн, — вмешался в разговор Карл, понимая, что к нему отнесутся с недоверием, если он начнет защищать убийцу. — Я знаю Оттфрида с детства. И, видит бог, я всегда терпеть его не мог! Но такая утонченная и сложная интрига была ему не по плечу. Особенно тогда. Да, вы знаете его как мошенника, игрока и негодяя. Но в те годы, до возникновения деревни Санкт-Паулидорф, он был еще наивным набожным парнем из Рабен-Штейнфельда. Хвастливым, хитрым, но далеко не хладнокровным убийцей. Нет, если за событиями в Вайрау стоял чей-то план, то его придумал кто-то другой.

— Брандманн и Ланге, — предположила Кэт. Она сделала еще один глоток виски, а затем передала бутылку Крису. — Его отец и отец Иды. Им непременно хотелось воплотить в жизнь мечту о новом Рабен-Штейнфельде — любой ценой. Они послали Оттфрида в Вайрау с мушкетом. Ида рассказывала мне, что они специально купили ему оружие. И точные инструкции тоже наверняка выдали.

— Не обязательно такие уж точные, — добавил Карл, вспомнив о том, как неловко он тогда обращался с оружием. Выстрелить прицельно он не мог, да и Оттфрид вряд ли сумел бы научиться за те несколько дней, которые провел в Нельсоне перед экспедицией.

— Возможно, он не собирался убивать Те Ронгу. Скорее всего, ему просто поручили нажать на курок в нужный момент. Достаточно было

выстрелить в воздух, чтобы поднять переполох.

— Так было бы даже лучше, — вставил Крис. — Тогда Те Раупараха не убил бы капитана Артура Уэйкфилда и его людей. После небольшой перестрелки маори прогнали бы англичан и немецких переселенцев на судно и посмеялись бы над ними. Уэйкфилд рассердился бы, вернулся бы со всеми солдатами, которых сумел бы найти, и сравнял бы деревню с землей, ни слова не сказав губернатору Окленда.

— Так умерла Те Ронга... — негромко произнес Карл и потер глаза. — А также Уэйкфилд и его люди. Боже мой, как же чувствовал себя Оттфрид! Все это время... Мы с Идой как-то рассуждали о том, что могло его так сильно изменить, почему он так плохо обращался с ней, почему пил. Это все объясняет. Видимо, совесть мучила его... Боже мой, даже у меня до сих пор стоит перед глазами та картина: Те Ронга и склонившийся над ней Те Рангихаэата, затянувший погребальную песнь. Каково же было Оттфриду? Неудивительно, что он постоянно пил виски, чтобы прогнать эти воспоминания.

Кэт снова потянулась к бутылке. Прежде она никогда не напивалась, но вполне допускала, что сегодня это случится впервые.

— И каждый раз, глядя на свою жену, он видел перед собой дочь человека, который был за это в ответе, — негромко добавила она. — У Иды не было ни единого шанса. Он не мог любить ее. Не мог даже уважать. А каждый раз, глядя на меня...

Она с трудом сдерживала слезы. Крис понял, что она хотела сказать: всякий раз, глядя на Кэт, он видел дочь женщины, которую убил.

Крис нежно обнял ее.

— Не плачь, любимая, — с нежностью произнес он. — Теперь все позади. Для тебя уже давно все в прошлом, а теперь и для Иды тоже.

Кэт покачала головой.

— Для Иды это никогда не останется в прошлом, — прошептала она. — Так же, как не осталось для Оттфрида.

— Ей нехорошо, — сказала Макуту.

Напряженная атмосфера за стенами дома, воцарившаяся после первого столкновения, постепенно рассеялась во время торжественного обеда с *пакеха*, а затем и вовсе сменилась веселым празднеством. Люди О'Мэлли флиртовали с девушками маори, а те проверяли, насколько хорошо обучила их Кэт английскому языку. Редвуды беседовали с Джейн и Те Хайтарой об овцеводстве. По всей видимости, о возвращении украденных Оттфридом овец уже речи не шло. Может быть, братья собирались позднее договориться с Крисом и вернуть хотя бы часть молодняка.

Офицер полиции пил виски и с наслаждением слушал музыку. Маори принесли свои традиционные инструменты, и молодой ирландец с удовольствием вникал в то, чем отличается путорино от вистла[72]. Будучи человеком порядочным, он решил хотя бы формально прекратить расследование.

— Конечно, мне еще придется поговорить с миссис Брандманн, когда ее состояние позволит это, — сообщил он. — Но, судя по всему, я буду вынужден доложить правительству, что убийство произошло в рамках необходимой самообороны или же это были действия, необходимые для предотвращения преступления. В адрес миссис Брандманн не будет выдвинуто никаких обвинений. Как она, кстати?

Именно это Кэт и Карл хотели узнать, когда снова вошли в хижину, где Макуту и Кунари присматривали за Идой. Карл надеялся, что сон прогонит худшие воспоминания и Ида проснется обновленной. На деле оказалось, что Кэт была права в своих опасениях. У Иды поднялась температура, ее мучили кошмары. Она беспокойно металась по циновке, на которую ее уложила Макуту, и бормотала под нос что-то невразумительное.

— Она беременна, — с тревогой сказал Карл.

Макуту кивнула:

— Знаю. Кэт уже сообщила мне...

— Она потеряет ребенка? — забеспокоился Карл.

Старуха маори покачала головой:

— Не думаю. Дух ребенка силен, он хочет остаться здесь. И тело женщины тоже сильное, оно удержит ребенка.

Карл склонился над Идой, тело которой вовсе не казалось ему сильным. Наоборот, освещенная масляной лампой, которую Макуту наверняка получила благодаря торговым связям с Карпендером, молодая женщина напоминала ему фарфоровую статуэтку, готовую разбиться от неосторожного прикосновения. Под бледной кожей ее лица с ввалившимися щеками отчетливо проступали кости черепа. Темные волосы растрепались, намокли от пота и завивались у самого лба. Карл поцеловал линию волос в форме сердца, которой восхищался еще в детстве. Эта женщина напоминала ему эльфийку или бабочку — такой хрупкой и нежной казалась ему любимая. Карл взял ее за руку: просто невероятно, что эти тонкие пальцы сжимали холодный металл и недавно лишили человека жизни.

— Она ведь проснется, правда? — спросил Карл.

Макуту поморщилась, и *моко* вокруг ее губ словно бы ожили.

— У нее жар, — отозвалась она. — Ее тело горит, ибо дух ее в

растерянности. Ее дух не может сказать, на каком каноэ когда-то приплыл в Аотеароа.

Карл удивленно уставился на Кэт, которая перевела ему слова знахарки.

— Ну конечно Ида это знает! — заявил он. — Она приехала на «Санкт-Паули», как и все мы.

Макуту набрала в грудь побольше воздуха, положила в центре домика немного хвороста и высекла искру, чтобы сжечь в пламени пучок трав. От поднявшегося дыма Карл закашлялся, Ида же никак не реагировала. *Тохунга* что-то пробормотала себе под нос.

— На самом деле ее... дух не приехал, — перевела удивленная Кэт. — Маори считают, что человек состоит из *тинана*, *маури* и *ваируа*, тела, души и духа. *Ваируа* может путешествовать... когда мы спим. Дух Иды был в плену, его заставили находиться здесь. И теперь, когда она свободна...

— Теперь, когда она свободна, она хочет уйти? — недоверчиво переспросил Карл. — Уйти от меня? Этого... этого не может быть. Я ведь люблю ее.

— Мамочка... — Услышав мужской голос, Линда, спавшая рядом с Идой, зашевелилась.

Как и все остальные деревенские дети, девочки находились в безопасности. Джейн позаботилась о том, чтобы во время встречи с белыми младшие члены племени оставались в доме для собраний, где за ними присматривали две женщины. Она считала, что детям нечего делать там, где беседуют взрослые. Маори это показалось странным, они разрешали детям участвовать в любых событиях, но в данном случае это оказалось правильным решением. Малыши не видели убийства. После стычки с *пакеха* Кэт привела детей к Иде в надежде на то, что они сумеют успокоить мать. Кэрол прижалась к Охотнику в поисках утешения и защиты и тут же уснула. Линда обнимала Иду, беспомощно гладила ее залитое слезами лицо, пока пение Кунари не убаюкало и ее.

— Просыпайся, мамочка! Папочка идет... — В голосе Линды слышался страх.

Карл осторожно убрал со лба ее светло-русые волосы.

— Нет, Линда, папочка больше не придет. Можешь спать спокойно.

— Папочка? — Теперь испугалась и Кэрол. В отличие от Линды, она моментально проснулась и тоже решила, что в дом вошел муж Иды. Охотник громко залаял.

Карл надеялся, что Ида откроет глаза, но та лишь застонала и вновь заметалась на циновке. Кэт взяла Линду на руки и снова укачала.

— Тебе нужно поймать ее дух, приманить его, — посоветовала Макуту. — И очистить от страха.

Карл на миг задумался.

— Я сейчас принесу кое-что, — произнес он и встал, еще раз погладив Иду по голове. — Не знаю, очистит ли это ее от страха, но я помню, что когда-то соединило наши души.

Маленькая книжка, потрепанная, вся в пятнах, поскольку ее постоянно перечитывали, уже много лет кочевала из одной седельной сумки в другую, вот и теперь Карл сразу нашел ее на привычном месте. Он часто брал ее в руки просто для того, чтобы коснуться ее, чтобы оказаться рядом с Идой, несмотря на расстояние. «Путешествие капитана Кука». Карл принес свой талисман в хижину Макуту, словно это было настоящее сокровище.

— Я... Если вы не против, оставьте нас наедине... — обратился мужчина к Кэт и Макуту, которые с недоверием смотрели на тоненькую книжку, совсем не похожую на инструмент для вызова духов.

— А дети?.. — нерешительно спросила Кэт.

— Дети пусть остаются, — отозвался Карл. — Они меня не боятся. Кроме того, когда Ида проснется, она захочет увидеть их.

Женщины вышли из дома, но Кунари за ними не последовала. Она энергично покачала головой, когда Карл попросил ее оставить их с Идой наедине.

— Я петь и отгонять кеуа, — заявила она, — мужчины, который забирать овец.

— Она говорит, что отгоняет от нее дух Оттфрида, — перевела Кэт, остановившись на пороге. — И уходить не собирается.

— Надо было обратиться к ней раньше, — криво усмехнулся Карл, а потом искренне улыбнулся девушке: — Хорошо, спасибо, Кунари. Я буду звать *ваируа* Иды, а ты — расчищать ему путь.

А затем Карл начал читать — о путешествиях капитана Кука, о его приключениях, экзотических животных, которых ему довелось увидеть и которых он описал, о его встречах с туземцами. Этот рассказ возрождал то очарование, которое когда-то определяло отношение Карла и Иды к миру. Он напоминал ей о том, как они мечтали о Королевском обществе — содружестве ученых, финансировавших путешествия Кука. Ученых интересовали в первую очередь астрономические данные, но Ида об этом никогда не упоминала. Они беседовали о звездах, о незнакомых созвездиях...

— Ты представляешь, — наконец произнес Карл, — много позже появилась другая компания, снаряжавшая суда в те страны, которые открыл

капитан Кук. Однако ею руководила не жажда знаний, а скорее жажда наживы. Представители Новозеландской компании обещали много, а давали мало, но они предоставили нам корабль. Ты не забыла о звездах, Ида? О звездах над Байей? И о звездах над нашим пляжем в Порт-Купере? Ты была тогда здесь, Ида. Здесь, на Южном острове Аотеароа. И душой, и телом. Со мной. Сейчас я не могу сводить тебя на пляж, Ида, но вот звезды...

Карл взял молодую женщину на руки и испугался. Какая она легкая, почти невесомая! Он вынес ее на улицу, под звездное небо, и стал рассказывать дальше. О дальнейшем путешествии на «Санкт-Паули», о том, как Ида после Байи стала прятаться от него в своей каюте. Он рассказывал о величии и великолепии океана, о земле Ван-Димена на горизонте, уже рядом с Австралией, о том, как впервые показалась Новая Зеландия. Этот момент Ида, как и большинство переселенцев, проспала, а Карл — нет, он стоял на палубе и смотрел на новую землю, вырисовывавшуюся темной тенью на фоне ночного неба.

— Она действительно чем-то напоминала каноэ, — с нежностью в голосе произнес он. — Поэтому маори называют Южный остров Те Вака а Мауи, каноэ Мауи. Представляешь, Ида? Может быть, мы сможем совершить это путешествие еще раз? Ты чувствуешь, как нас качает море, ты видишь звезды, указывающие нам путь? Луну, которая светит нам с небес?

Ида не проснулась, но, казалось, она уже не просто безучастно лежала на руках у Карла. Она прижалась к нему, когда он сел вместе с ней у погасшего костра перед домом Макуту. Карл качал ее на руках, а Кунари просила у дома защиты от злых духов. У другого костра девушки пели любовную песню, а вдалеке кто-то наигрывал на путорино странную вариацию мелодии *The Maids of Mourne Shore*[73].

Карл чувствовал под собой по-летнему мягкую траву, землю, еще отдававшую тепло солнечного дня. Он пытался слиться с землей и небом, стать, как маори, частью Аотеароа. Впитывал в себя силуэт Альп на горизонте, вызывал в памяти пейзажи равнины Кентербери: весело стремившую свой бег Ваймакарири, все еще непривычные и странные для Карла ропалостилисы, лесок из южных буков и кусты *pata*, которые так любила Кэт.

— Я хотел бы жить здесь, — негромко произнес он. — Здесь, среди кустов *pata*, на станции Фенрой. Я прикипел к ферме сердцем и душой. Но если ты захочешь переехать, Ида, я отправлюсь с тобой туда, где будут твой дух и твоя душа. Я ищу их. Я зову их...

В какой-то момент, когда рассвет рассеял тени ночи, Карл уснул, крепко обнимая Иду. Кэт, ночевавшая вместе с Макуту в общинном доме, где спали и другие члены племени, которые не уснули прямо у костров, вышла, чтобы посмотреть, как чувствует себя ее подруга и дети. Увидев Карла, она возмутилась и хотела разбудить его.

— Быть того не может! У нее жар, а он вытащил ее на улицу? Да еще и уснул! Кто же позаботится о детях? И об Иде...

Макуту коснулась лба Иды и улыбнулась.

— У нее больше нет жара, — произнесла она, заглянула в дом и вернулась, неся в руках одеяло. — А дети еще спят. Кунари тоже. Кажется, она победила всех духов.

Осторожно, чтобы не разбудить спящих, *тохунга* накрыла Карла и Иду одеялом.

— Разве ты не видишь, Потти? — прошептала она. — Когда мы спим и видим сны, дух путешествует. А эти двое... Их тела и души уже вместе. Его дух сегодня же приведет ее дух домой, в Аотеароа.

Глава 5

Проснувшись через несколько часов в объятиях Карла, Ида не избавилась от ужаса и вины, но чувствовала себя уже лучше и, самое главное, в безопасности, чего не было с тех самых пор, как она взошла на борт «Санкт-Паули». Она не могла сказать, откуда взялось это чувство, а просто испытывала облегчение — казалось, с плеч ее сняли тяжкий груз. Затем Кэт рассказала ей о своих предположениях по поводу событий в Вайрау. Ида снова заплакала, вспоминая Те Ронгу и мужчин, расставшихся тогда с жизнью. Жалела она и Кэт, потерявшую свою мать и племя, и даже Оттфрида и собственного отца. Она помнила его строгость, знала, что он никогда особенно не церемонился при выборе средств, если считал свою цель правильной и справедливой. Но уничтожить целую деревню, разрушить жизни десятков людей только ради того, чтобы воссоздать Рабен-Штейнфельд...

— Я уверена, что он просил у Господа помощи, — шептала Ида, и на лице ее отражался ужас. — Видимо, он был совершенно ослеплен своими устремлениями. А теперь он... О господи, если все действительно было так, то... все они прокляты!

— Думаю, Господь не слушал его, — утешила подругу Кэт. — Как обычно. — Она улыбнулась. — Господь слушал разве что Карла, ведь его молитвы, похоже, сегодня исполнились.

С тех пор как Ида проснулась, Карл буквально лучился от счастья. Он не мог отвести от нее взгляда, ворошил угли костра, у которого она все еще

зьябла, хотя утром уже потеплело, принес ей чай и лепешку, отогнал от нее офицера полиции, который хотел поговорить с ней.

— Я никогда не решалась молиться об этом, — прошептала Ида. — Ну, о том, чтобы Господь свел меня с Карлом. Я всегда хотела этого, но...

Кэт лукаво улыбнулась:

— Думаю, Макуту сказала бы: «Боги, читая твои мысли, слышат молитвы за молитвами». А Те Ронга не обращала особого внимания на богов. Конечно, они — часть мира, как и страна, в которой мы живем, животные, на которых мы охотимся, растения, которые мы собираем. Но самое важное в мире — это люди. *Хе тангата*. Так что забудь о своем Боге и всех злых стариках, которые создали Его по собственному образу и подобию. Радуйся Карлу, детям и себе самой!

Она посерьезнела, когда к привычным звукам и запахам утренней деревни, где все занимались своими повседневными делами, добавилось молитвенное пение и аромат сжигаемых трав.

— Это Макуту и ее ученицы, — сказала она. — Слушай, Ида, ты не против, если они похоронят Оттфрида сегодня же? Макуту говорит, что они подготовят его, а *пакеха* потом проведут свой обряд. Я знаю, что *пакеха* обычно ждут два-три дня, а маори предпочитают хоронить своих умерших сразу. Чтобы их душа, *маури*, могла отправиться в путешествие на Гавайки. В случае с Оттфридом они, кажется, всерьез опасаются, что его дух будет бродить в окрестностях деревни. Кунари пела всю ночь, отгоняя его. Она говорит, что он подкарауливал тебя. Макуту все утро плетет защитные чары. Так что, если ты не против...

Ида покачала головой.

— Я хочу лишь, чтобы он упокоился с миром, — негромко произнесла она.

В конце концов офицер полиции О'Мэлли совершил поминальную службу. Бывший деревенский учитель, очень набожный человек, хорошо знавший Библию, он провел ее очень серьезно и торжественно, искренне попросив Господа простить Оттфриду все его грехи. Ида слушала, как он читает Библию и молится, но не проронила ни слезинки. Карл вдруг задумался, замечает ли она вообще, что ее истово верующего супруга, который при жизни был старолютеранином, хоронят по обряду Римско-католической церкви Ирландии, и невольно усмехнулся. Сначала заклинания маори, потом молитвы паписта... Даже если Небеса откроются Оттфриду, вряд ли он попадет именно туда, куда собирался.

Однако вряд ли это имело какое-то значение. Кэт права, важны только люди. Живые.

— Что вы теперь будете делать? — спросил Крис, когда поминальный обряд закончился.

Шон О'Мэлли, Редвуды и остальные мужчины отправились в обратный путь, в Порт-Купер, после того как Ида сумела в какой-то степени взять себя в руки и ответить на вопросы офицера полиции. Нет, сообщила она для протокола, она ничего не знает о возможной подоплеке инцидента в Вайрау, понятия не имеет, где находятся сейчас ее отец и Петер Брандманн. Все равно они оба будут отрицать свою причастность к трагедии, а доказать, конечно же, уже ничего нельзя, поскольку единственный их соучастник, Оттфрид, мертв. Ида добавила, что не слышала окрика Кэт и, прежде чем выстрелить, не задумывалась о возможных намерениях Оттфрида.

— Я просто увидела, что он целится из мушкета в маори. Потом все произошло словно само собой. Я ни о чем не думала. Стрелять и думать одновременно, офицер, просто невозможно.

О'Мэлли еще раз выразил свои соболезнования, густо покраснев при этом, поскольку понимал абсурдность ситуации, а затем завершил расследование.

— В любом случае я женюсь на Иде! — радостно сказал Карл. — Конечно же, когда минет подходящий срок траура, но по возможности до рождения ребенка. Не важно, кто его зачал, я или Оттфрид. Он больше не будет Брандманном. И, если ты не против, Крис, мы останемся на станции Фенрой. Мы построим собственный дом, на земле Оттфрида или лучше поближе к тебе, хотя бы ради детей. Конечно, мы можем остаться и в старом доме, только... Наверное, Ида не захочет жить там.

Крис сочувственно кивнул.

— Мы с Кэт уже думали об этом, — произнес он. — Пока что мы отдадим вам свой.

— То есть дом Джейн, — поправила его Кэт.

Кристофер улыбнулся:

— Возможно, вы просто заберете его себе, а мы построим новый? Так или иначе, живите там, пока не придумаем, что делать дальше.

Карл покачал головой:

— Очень мило с вашей стороны, спасибо. Но в ближайшие недели, пока еще позволяет беременность, мы с Идой хотим немного попутешествовать. Отправиться в странствия, как сказала Макуту. Это хорошо для души. Я думаю, мы возьмем повозку и двух лошадей, но результат в конечном счете будет один: я покажу Иде Новую Зеландию. Пляжи Северного острова — пальмы, папоротники, горы... Пусть увидит,

как здесь красиво. Чтобы она могла приехать сюда по-настоящему. Не оглядываться назад. Окончательно покинуть Рабен-Штейнфельд.

Крис улыбнулся.

— Думаю, она уже сделала это, — произнес он. — Она наконец-то с тобой.

— А что насчет нас? — спросил позднее Крис в своем доме на станции Фенрой.

Кэт как раз убрала остатки приготовленного на скорую руку ужина и, к своей огромной радости, обнаружила почти полную бутылку виски. День закончился. Она надеялась, что душа Оттфрида обрела покой. Карл и Ида ушли в одну из гостевых комнат Джейн. Пока они собирались жить в этом доме вчетвером — еще предстояло обсудить будущее Кэрол и Линды. Пока Карл и Ида будут путешествовать, они останутся с Кэт, но стоит ли растить их и дальше как «двойняшек» или лучше отдать одну из девочек родной матери, они еще не решили.

— Сейчас мы будем пить твой виски, — с довольным видом заявила Кэт. — Или у тебя еще осталось вино? Оно было очень вкусным. Боюсь только, Джейн все забрала.

Джейн Фенрой всегда держала в доме запасы вина, а недавно Крис нашел забытую ею бутылку и опустошил ее вместе с Кэт.

— Я серьезно, Кэт! — возмутился Крис. — Ты ведь прекрасно понимаешь, что я имею в виду не вино или виски. Речь идет о нас. Карл и Ида поженятся. А мы?

— Мы не можем пожениться, — с улыбкой отозвалась Кэт. — Или ты думаешь, что власти Окленда признают твой развод после *каракиа токо*? Или, может быть, священники? Я хотела бы присутствовать при том, как ты будешь объясняться с преподобным отцом Англиканской церкви!

Крис театрально застонал:

— Кажется, Ида выстрелила слишком поспешно. Надо было позволить Оттфриду как следует прицелиться.

Кэт с укором покачала головой.

— Ты ведь шутишь! — строго сказала она. — Ты просто злишься, потому что Джейн — серьезный конкурент в овцеводстве. Что она обсуждала весь вечер с Редвудами? Нужно быть начеку, не то она уведет у нас из-под носа овец, которых мы могли бы купить.

Крис покачал головой.

— Кэт, мы сейчас говорим не об овцах! — строго произнес он. — Мы говорим о тебе и обо мне. Что ты собираешься делать, раз уж не хочешь за меня замуж? Ты по крайней мере собираешься жить со мной дальше? Ты

ведь не намерена уйти, правда? — Последние слова он произнес хриплым голосом. Нельзя, ни в коем случае нельзя потерять ее.

Кэт отставила в сторону бутылку виски, обняла Криса, прижалась к его плечу.

— Нет, — с нежностью произнесла она. — Но я не могу переехать к тебе, в этот дом. Это дом Джейн, и для меня так будет всегда. Не говоря уже о том, что я в нем теряюсь. Он слишком велик, Крис! Я не хочу спальню на втором этаже, не хочу гостиную с паркетом. Для этого во мне слишком много от маори. Я хочу чувствовать землю под ногами...

— Тогда давай переедем в старый дом, — предложил Крис.

Кэт отстранилась и пристально посмотрела на него.

— Я перееду в старый дом, — сказала она. — Сначала на время путешествия Иды и Карла, с обеими девочками, а потом будет видно. Ты можешь оставить дом Джейн себе. Или отдать его Карлу и Иде, а себе построить новый. Если тебе не нужны гостевые комнаты, салоны, или курительные, или кабинеты, или что там еще, без чего не могла жить Джейн, то ты справишься довольно быстро.

— Мне вообще ничего не нужно, — заверил ее Крис. — Кроме тебя. И я думал, что тоже нужен тебе. Неужели ты действительно хочешь жить одна? Совсем одна, ну... только с Линдой?

Кэт улыбнулась и нежно провела рукой по его щеке.

— Я думаю, что Линда и Кэрол останутся вместе и будут жить с Идой. Дом Джейн огромен, кроме того, мне кажется, что разлучать их — просто жестоко. И я... — она поцеловала его, — я буду очень часто приглашать в гости соседа.

— А что с овцами? — спросил Крис. — Ты ведь не мечтаешь иметь отдельную ферму, как Оттфрид? С собственным стадом, собственной землей?

— Ах, что ты! — воскликнула Кэт. — Хотя от земли, которую он прибрал к рукам, я бы не отказалась. По крайней мере, от ее половины, нужно будет поговорить на этот счет с Идой. Мне причитается *уту* за Те Ронгу. И мне хотелось бы иметь небольшой участок.

Крис схватился за голову.

— Если ты выйдешь за меня замуж, то получишь всю станцию Фенрой! — заявил он.

Кэт рассмеялась:

— Нет. Помни о *каракиа токо*! Станция Фенрой навсегда останется твоей фермой, Крис. Но, конечно же, сейчас я не делаю различий между вашими овцами и своими. Так что просто считайте меня компаньоном. Тем

не менее хотелось бы иметь кое-что для себя. То, что никто у меня не отнимет, даже если... если... однажды мы перестанем любить друг друга. Крис, мне всю жизнь говорили, что женщина может быть либо женой, либо шлюхой. А я не хочу ни того ни другого!

— Но у тебя появилось бы имя, — пробормотал Крис, — если бы ты вышла за меня замуж. Я дал бы тебе свою фамилию. Хватит тебе быть «просто Кэт».

Молодая женщина отмахнулась:

— Ты не можешь так поступить, и мы об этом уже говорили. Да я и не хочу. Я всегда сама давала себе имя, Крис. Сделала из Киттен Кэт, из Кэт — Потти, а теперь я сделаю из Потти Рата. Я настаиваю на этом! Наша общая ферма будет называться станция Рата. И скоро обо мне заговорят, Крис. О Кэтрин Рата — совладелице станции Рата! — В ее глазах блеснула гордость, которая была сильнее любви.

Крис потер лоб ладонью:

— А нужен ли я тебе вообще?

Кэт едва не рассмеялась, но, увидев его огорчение, обняла его, пытаясь утешить. Она не хотела обидеть его, не хотела прогнать. Просто она желала доказать, что можно одновременно любить и быть свободной.

— А как бы ты меня называл? — нежно спросила она.

Кэт взяла Крису за подбородок и заставила посмотреть ей прямо в глаза, и в этот миг он наконец-то произнес имя, которым давно втайне назвал ее — и которое она только что выбрала себе сама. Знак того, что их души живут в гармонии. Им суждено быть вместе, и они будут вместе, вне зависимости от того, станут ли жить в одном доме или нет. Несмотря на все ее свободолюбие.

— Огненный Цветок, — нежно произнес он. — Я назвал бы тебя Огненным Цветком.

Послесловие

Как это обычно бывает в моих романах о Новой Зеландии, вымышленные события происходят на достоверном историческом фоне, и я очень старалась проработать его как можно тщательнее. В данном случае это история деревни Санкт-Паулидорф, конфликт в Вайрау и развитие овцеводства на Южном острове Новой Зеландии. События в Вайрау реконструировать было довольно просто, все они тщательно задокументированы, хотя осталось неизвестным, кто именно убил Те Ронгу — жену одного вождя и дочь другого. До наших дней дошли даже слова песни, которую пел Те Рангихазата над телом покойной супруги. Впрочем, ни среди маори, ни на стороне англичан не было таких умелых

переводчиков, как Кэт и Кристофер Фенрой, — это вымышленные персонажи. В действительности все переговоры между двумя конфликтующими сторонами, скорее всего, вел племянник вождя Те Пуаха. Сохранилось в хрониках несколько слов и о Те Рангихазате. Агент Новозеландской компании капитан Уэйкфилд и офицер полиции Томпсон, похоже, не пользовались всеобщей популярностью, поскольку не знали языка маори.

Казнь Уэйкфилда и других пленников, вероятно, происходила примерно так, как я описала. Однако выживших свидетелей со стороны англичан не было. Известие о смерти Уэйкфилда принес в Нельсон один из миссионеров.

Мое описание дальнейших событий в целом соответствует историческим фактам: расследование инцидента действительно проводили землемеры Спейн и Таккетт, и впоследствии губернатор и правда извинился перед маори. На сегодняшний день это происшествие официально называется «беспорядки в Вайрау» — прежнее название «резня в Вайрау» уже считается политически некорректным, — поскольку причиной его стала одна случайно выпущенная пуля. Однако оружейники заявляют, что, учитывая строение мушкетов, которые тогда использовались, это было практически невозможно (употребляемое в источниках слово *musket* следовало бы перевести как «кремниевое ружье», однако я не стала этого делать, чтобы не породить путаницу в головах у тех, кто захочет почитать об этой истории подробнее). Узнав об этом, я решила истолковать обстоятельства смерти Те Ронги именно так, как указано в книге.

Проследить за путешествием «Санкт-Паули» и приключениями его пассажиров в долине реки Маутер было намного сложнее, чем исследовать конфликт в Вайрау. Конечно, об этом сохранилось множество сведений, однако источники противоречат друг другу в деталях. Ясно лишь то, что Джон Николас Бейт завербовал колонистов в Мекленбурге на перечисленных в книге условиях. Вместе со своей семьей он тоже прибыл в Нельсон на борту «Санкт-Паули» — первым классом, что, без сомнения, вызвало недовольство пассажиров, ютившихся на средней палубе. Однако моя Джейн Бейт — личность выдуманная. К сожалению, я не нашла никаких данных о том, сколько детей было у Джона Николаса Бейта и его жены Сары и как их звали. Если одна из девочек действительно носила имя Джейн, это случайное совпадение.

Что касается переселенцев, то списки пассажиров «Санкт-Паули» сохранились до наших дней. Из них можно узнать, что в основном это были ремесленники со своими семьями, то есть малоземельные крестьяне.

Переселенцы очень хотели остаться вместе и на новой родине, так что можно предположить, что пассажиры «Санкт-Паули» были членами одной или двух деревенских общин, которые решили попытаться счастья за морем. Причины этого, указанные мной в книге, тоже соответствуют истине. В те времена многие малоземельные крестьяне, недовольные религиозным и феодальным гнетом, а самое главное, невозможностью приобрести землю в неограниченном количестве, расставались со своими крохотными наделами. Деревня Рабен-Штейнфельд стала родиной первых немецких колонистов в Новой Зеландии по моему произвольному выбору. Все члены общины — выдуманные персонажи, хотя некоторые получили свои имена из списка пассажиров «Санкт-Паули».

Путешествие барка «Санкт-Паули» реконструировать было довольно легко. Дерзкое и деспотичное поведение Джона Николаса Бейта по отношению к пассажирам неоднократно отмечалось в документах, как и протесты против этого. Например, одиннадцать мужчин в Байе действительно подписали упомянутую в романе петицию, и там же два пассажира бежали с корабля, видимо, не выдержав тягот строгого режима, установленного Бейтом. В подробностях отчеты расходятся, например в вопросе о том, была ли остановка в Бразилии запланирована первоначально или произошла из-за эпидемии оспы на корабле. Впрочем, восхитительная атмосфера, царившая во временном поселке колонистов в Байе, подтверждается современниками. Многие пассажиры до конца своей жизни помнили музыку, доносившуюся из города, тропические фрукты и пляж.

Противоречивые свидетельства имеются и о размещении немцев в Нельсоне, после того как оказалось, что распределения земли им придется подождать. Точно известно, что община Нельсона приняла их и всячески поддерживала, однако жили они в семьях или в построенных на скорую руку хижинах, остается неясным — в разных источниках информация подается по-разному. Столь же противоречива и информация о том, как давно существовала миссионерская станция близ Нельсона: была она основана до прибытия «Санкт-Паули» или же после него, миссионерами Волерсом и Рименшнайдером. Кому они собирались нести свою миссию, мы не знаем. В той долине маори не жили, это совершенно точно, да и вообще нет никаких свидетельств о контактах миссионеров с туземцами. Если верить одному из источников, маори в округе Нельсона уже были обращены в христианскую веру, когда приехали Волерс и Рименшнайдер. Однако я считаю это маловероятным, лично мне больше нравится та интерпретация, которую я привела в тексте: миссионерская станция была

основана пасторами, бежавшими от церковной политики Фридриха Вильгельма III, и старолютеране спокойно проживали там, в то время как Маутер в долине выходил из берегов.

Впрочем, точно известно, что об опасности наводнений в долине Маутера знали многие — капитан Артур Уэйкфилд допустил, чтобы ему продали землю, не пригодную для поселения, а причиной тому, скорее всего, стали его плохие отношения с Те Раупарахой. Вероятно, немецким колонистам дело представили в несколько более выгодном свете, но в целом они должны были знать, какому риску подвергаются, закладывая деревню на реке Маутер. История с появлением Карла на собрании общины выдумана мной, но точно известно, что землемер Фредерик Таккетт всячески отговаривал колонистов от заселения этой области и, когда немцам все же выделили там участки, он отреагировал на это довольно резко. Поэтому можно только догадываться, что заставило переселенцев отбросить все предостережения.

Возможно, ситуация была похожа на описанную мной: переселенцы опасались утратить национальную идентичность и действовали слишком поспешно, чтобы предотвратить ассимиляцию с английской общиной Нельсона. Сюда же можно отнести веру в праведность собственных поступков, хотя лютеране были далеко не так строги и фанатичны, как, например, представители Церкви Шотландии или южноафриканские буры. Их службы проходили более непринужденно, чем службы реформаторов, например, они больше пели. Тем не менее атмосфера в Санкт-Паулидорфе в значительной степени определялась набожностью и строгостью предстоятелей общины. В конце концов, нужно обладать изрядным упрямством и слепой верой в Бога, чтобы пренебречь предостережением по поводу стихийных бедствий.

Жизнь в Санкт-Паулидорфе описана во множестве хроник, но, к сожалению, они часто противоречат друг другу в том, что касается дат, расстояний и важных событий. Поэтому я набралась смелости и упомянула в своей истории только те факты, которые лучше всего в нее вписывались, хотя, конечно же, основные данные совпадают: деревня Санкт-Паулидорф была основана в августе 1843 года и примерно год спустя ее бросили после самого опустошительного из трех или четырех (в зависимости от источников) сильных наводнений. Помимо этого, я смогла свести воедино некоторые подробности, которые, как я надеюсь, придали моему описанию деревни Санкт-Паулидорф большую достоверность. Охотник, пес, купленный для ловли крыс, но не слишком преуспевший в этом деле, к примеру, является «исторической личностью». Я лишь придумала ему

дальнейшую карьеру в качестве пастушьей овчарки.

Община развалилась после того, как переселенцы оставили деревню, как я и описываю в романе. В то время как многие семьи приспособились к новым условиям жизни в чужой стране, другие действительно отправились в Австралию — позднее некоторые вернулись, чтобы присоединиться к процветающим немецким общинам Рантцау и Зарау.

Первых овец доставили на Южный остров Новой Зеландии в 1843—44 годах. Привезли их либо братья Гринвуд (в этой книге они стали Редвудами, поскольку Джордж Гринвуд является персонажем другого моего романа), либо братья Динс. Вероятнее всего, Гринвудам и Динсам почти одновременно пришла в голову идея развивать на равнине Кентербери новую отрасль промышленности — овцеводство. Поначалу они хотели заняться производством сыра и мяса, однако позднее взлетели цены на шерсть — из-за бума текстильной промышленности в Англии. Равнина Кентербери с ее бескрайними пастбищами очень скоро стала центром овцеводства Новой Зеландии, многие фермеры сколотили крупные состояния.

Прообразом станции Фенрой как овцеводческой фермы стало предприятие братьев Динс, которые — по крайней мере поначалу — тоже работали вместе с другими семьями. Маори действительно получали арендную плату за предоставленную фермерам территорию. Колонизация этих земель и расширение пастбищ после того, как животных привозили из Австралии, с Северного острова или из Европы, скорее всего, осуществлялись именно так, как описано в романе, или же сходным образом.

Угон скота на равнине, который совершает Оттфрид, тоже основан на исторических примерах: в 1844 году Гринвуды в Пурау стали первыми жертвами разбойного нападения в Новой Зеландии. Виновниками позднее оказались члены криминальной группировки, возглавляемой человеком по кличке Синяя Кепка.

Зато мой предприимчивый вождь маори Те Хайтара и его успехи в фармацевтике — целиком и полностью моя выдумка. Племена маори по меньшей мере до 50-х годов XIX века не продвигались в этом направлении и не торговали своими лекарствами. Что касается их семейного права, тут маори действительно были очень современны. Церемония *каракиа токо* описана в книге именно так, как она происходила в жизни, равно как и условия развода. Мужчина или женщина могли развестись даже без согласия партнера, им стоило лишь произнести пару слов.

А вот Крис ошибался: со времен Генриха VIII брак в Англии больше

не являлся нерасторжимым! Поэтому теоретически развод Джейн был возможен. Однако на практике в середине XIX века его почти никто не мог себе позволить. Чтобы инициировать необходимый акт парламента, потребовалось бы около 5000 фунтов стерлингов.

1

Реформатство — религиозное течение, возникшее после Реформации XVI в. и оформленное проповедником Жаном Кальвином (1509—1564). (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.) note_1

2

Старолютеране — ортодоксальные лютеране, которые отказались принять навязанную прусскими властями унию с кальвинистами в рамках государственной Церкви. note_2

3

Морген — старинная единица измерения площади земли в Западной Европе, равная приблизительно 0,56 га. note_3

4

Ботанический залив (Ботани Бэй) — залив Тасманова моря у восточного берега Австралии, в 8 км к югу от центра Сиднея, открытый Джеймсом Куком 29 апреля 1770 года. note_4

5

Туссок — степи умеренной зоны в Новой Зеландии, похожие на прерии Северной Америки, а также собирательное название для трав, произрастающих в этих степях. note_5

6

Спасибо (нем.). (Примеч. пер.) note_6

7

Рата — маорийское название метросидероса зонтичного (лат. *Metrosideros umbellata*). note_7

8

Риму — маорийское название дакридиума кипарисового (лат. *Dacrydium cupressinum*). note_8

9

Ковайя — маорийское название нескольких видов софоры. note_9

10

Те Раупараха (ок. 1768—1849) — вождь маорийского племени *нгати тоа* в Новой Зеландии, один из самых влиятельных маорийских вождей первой половины XIX века. note_10

11

Железное дерево — метросидерос войлочный (лат. *Metrosideros excelsa*). note_11

12

Каури — маорийское название агатиса южного (лат. *Agathis australis*). note_12

13

Вентерь — рыболовная снасть-ловушка, представляющая собой сетку, закрепленную на обручах. note_13

14

Иду удивили различия в написании немецких и английских слов: нем. *Kompanie* и англ. *company*, нем. *Neuseeland* и англ. *New Zealand*. note_14

15

Добрый вечер, Ида! Рад тебя видеть! (*искаж. англ.*) (*Примеч. пер.*) note_15

16

Доброе утро, леди! (*искаж. англ.*) (*Примеч. пер.*) note_16

17

Чудесный день, не правда ли? (*искаж. англ.*) (*Примеч. пер.*) note_17

18

Работа (*англ.*). note_18

19

Удачи тебе, парень. Когда закончишь обучение, тебе будут рады в любом порту. Надеюсь, они не забудут научить тебя слову «французская болезнь» (*англ.*). (*Примеч. пер.*) note_19

20

Доброе утро, Ида! Я так рад тебя видеть! Как дела у тебя и у твоей семьи? (*англ.*) (*Примеч. пер.*) note_20

21

Да, Ида. Я изучаю английский язык (*англ.*). (*Примеч. пер.*) note_21

22

Доброе утро, Ида! Добрый день, Элсбет! Доброй ночи, Франц! (*англ.*) (*Примеч. пер.*) note_22

23

От Карла Иде. Первое, что нужно выучить... (*англ.*) (*Примеч. пер.*) note_23

24

Меня зовут Ида. Я живу в Нельсоне, в Новой Зеландии. Тебя зовут Карл. Ты живешь в Нельсоне, в Новой Зеландии. У Иды есть брат. Его зовут Франц. Он живет в Нельсоне, в Новой Зеландии. У Иды есть сестра.

Ее зовут Элсбет. Она живет в Нельсоне, в Новой Зеландии. Карл, Ида и ее семья живут в Нельсоне, в Новой Зеландии (англ.). (Примеч. пер.) note_24

25

Для еды. Манго, банан, апельсин (англ.). (Примеч. пер.) note_25

26

Я рада прибыть в Байю. Я видела лес и песок (искаж. англ.). (Примеч. пер.) note_26

27

Бейт сказал, мы будем жить в доме в Байе. Ида увидит Карла, когда будет жить в доме (искаж. англ.). (Примеч. пер.) note_27

28

Добрый вечер, Ида! Можно я помогу тебе? (англ.) (Примеч. пер.) note_28

29

Спасибо (англ.). (Примеч. пер.) note_29

30

Дамы и господа (англ.). (Примеч. пер.) note_30

31

Не за что. Хорошего дня! (англ.) (Примеч. пер.) note_31

32

Или ты предпочла бы Элси или же Бетти? Ты такая хорошенькая девочка, но тебе нужно принять ванну! (англ.) (Примеч. пер.) note_32

33

Спасибо, Якоб! Но тебе придется учить английский язык. Может быть, Господь и понимает тебя, но вот все остальные... (англ.) (Примеч. пер.) note_33

34

Кофе (англ.). note_34

35

Здесь: футбольный мяч (англ.). note_35

36

А на ферме у него была корова... му... му... (англ.) (Примеч. пер.) note_36

37

Ронгоа — общее название для лекарственных растений, применяемых в народной медицине маори. note_37

38

Атаковать (англ.). (Примеч. пер.) note_38

39

- Свободный иммигрант (англ.). (Примеч. пер.) note_39
40
Королевский закон (англ.). (Примеч. пер.) note_40
41
Коромико — маорийское название растений *Hebe salicifolia* и *Hebe stricta*. note_41
42
Кахикатеа — маорийское название ногоплодника дакридиевидного (лат. *Dacrycarpus dacrydioides*). note_42
43
Квакеры (от англ. *co-workers* — «сотрудники»), официальное самоназвание Религиозное общество Друзей — протестантское христианское движение, возникшее в середине XVII века в Англии и Уэльсе. note_43
44
Епископальная церковь — та, которая входит в Англиканское сообщество, союз независимых Церквей, обычно в колониях Британской империи. note_44
45
Река, хорошая земля (англ.). (Примеч. пер.) note_45
46
Зюйдвестка — здесь: мягкая шляпа из непромокаемой материи с широкими полями, откидывающимися спереди. note_46
47
Типи — хижина индейцев Северной Америки, вигвам. note_47
48
Новозеландский лен, или формиум прочный (лат. *Phormium tenax*) — травянистое многолетнее растение из семейства Ксанторреевые, растущее в Новой Зеландии и на острове Норфолк. note_48
49
От Down Under — Вниз-и-Под (англ.). note_49
50
До свидания, прощай (англ.). (Примеч. пер.) note_50
51
Южные Альпы — общее название горной цепи, протянувшейся вдоль западного побережья Южного острова в Новой Зеландии. note_51
52
Здравствуйтесь, мадам (англ.). (Примеч. пер.) note_52
53

Адам Смит (1723—1790) — шотландский экономист, философ-этик; один из основоположников современной экономической теории. note_53

54

Извините (*англ.*). note_54

55

Траппер — охотник на пушных зверей в Северной Америке. note_55

56

Как мы это сделаем? (*англ.*) (*Примеч. пер.*) note_56

57

Чертовы овцы! Когда они перестанут лазить в мой огород? Заприте их наконец! Мой чудесный салат! (*фр.*) (*Примеч. пер.*) note_57

58

Извините (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_58

59

Будущее (*англ.*). (*Примеч. пер.*) note_59

60

Пастушка (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_60

61

Нет (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_61

62

Мое печенье (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_62

63

И для вас (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_63

64

Бриошь (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_64

65

Кофе (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_65

66

Милочка (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_66

67

Да (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_67

68

Кондитерская (*фр.*). (*Примеч. пер.*) note_68

69

Мой Бог (*фр.*). note_69

70

От Christchurch — Церковь Христова (*англ.*). note_70

71

Первый среди равных (*лат.*). note_71

72

Путорино — традиционный маорийский музыкальный инструмент, похожий на губную флейту. Вистл — народный ирландский музыкальный инструмент, продольная флейта с шестью отверстиями. note_72

73

Народная ирландская песня. note_73

FB2 document info

Document creation date: 22 February 2016

Created using: indd2fb2 software **Document authors :**

Андрей Веревкин

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.3.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.3.0 написанного Lord KiRon.

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>